

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ И СТАЛИНГРАД

ХІ

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)62
В 27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива
А. И. Подберезкин

Редакционный совет
А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная группа
Т. Г. Занина, Е. Е. Кириллова, В. И. Мизин, Л. А. Рогова, А. К. Сорокин, Т. Ф. Тищенко,
И. В. Фетисов, А. В. Юрасов

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 11: Сражения за Москву и Сталинград — 2015. — 496 с. ISBN 978-5-9228-1311-2

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9228-1311-2 (т. 11)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2013

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

Книга тридцать третья

ИХ ОСТАНОВИЛИ ПОД МОСКВОЙ

Современный мир: история не остается безучастной

Накануне 70-летней годовщины битвы за Москву и годовщины Сталинградской битвы — величайших сражений Великой Отечественной войны, ход и результаты которых, как и итоги Второй мировой войны в целом, нередко подвергаются ревизии и антироссийским переоценкам политическими кругами ряда западных стран и их исторической наукой, к председателю Государственной Думы Российской Федерации С. Е. Нарышкину* с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с политизацией на Западе истории Второй мировой войны, обратилась редакция журнала «Вестник МГИМО–Университета». Беседу вел А. В. Серегин**.

А. С.: Сергей Евгеньевич, когда появилась Ваша статья «Честная история — ключ к формированию доверительных отношений между народами», она стала событием для научной и политической общественности России. В ней Вы пишете о том, что «история не должна являться предметом манипулирования». Всякое манипулирование преследует определенные цели. В связи с этим, кому выгодно сегодня переписывание истории и для чего это делается?

С. Н.: Положение о недопустимости политического манипулирования историей действительно принципиально для развития сотрудничества и взаимодействия на межгосударственном уровне. Именно принцип недопустимости политического манипулирования историей, если он провозглашен на высшем политическом и государственном уровне, определяет зрелость демократии и степень развития гражданского общества в любой стране. Манипулирование же историей свидетельствует о несвободе и сервильности исторической науки. Манипулирование историей, насажден-

ное с позиции силы в каком-либо государстве, превращает такое государство в безмолвного исполнителя чужой воли.

Когда же политическая элита той или иной страны, пытаясь ублажить зарубежного хозяина, специально настраивает государственный механизм на политическое манипулирование историей, то сразу виден заказчик, ведущий подсчеты экономических и политических дивидендов. Задачи же могут меняться в зависимости от прихотей хозяина.

Возьмем, к примеру, раскручиваемую в настоящее время на Западе кампанию некоей исторической «вины» России перед рядом государств за свою политику в годы Второй мировой войны. Понятно, что такое утверждение абсурдно. Но с каким рвением к этой кампании стали присоединяться страны Балтии, Польша, Грузия, Румыния, Украина при Ющенко, то есть те, у которых политическое манипулирование историей возведено в ранг государственной политики! С каким рвением они реализуют более широкий замысел — переписать историю

---

* Сергей Евгеньевич Нарышкин — председатель Государственной Думы Российской Федерации.

** Александр Васильевич Серегин — к. культур. н., директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО(У) МИД России.

Второй мировой войны, где России отводится второстепенная роль! Будто и не мы в итоге сломали хребет нацистскому чудовищу, ценой невосполнимых потерь добившись победы. Или поставлена задача усомниться в легитимности послевоенного мироустройства... И, пожалуй-ста, — усомнились. Вот он механизм политического манипулирования историей в действии.

Кому выгодно сегодня переписывать историю и для чего? Да тем, кого не устраивает устойчивое развитие России и ее успешное продвижение по демократическому пути, кому выгодно видеть Россию как государство, не вполне самостоятельное, неспособное влиять на мировые процессы, реализовывать стратегические национальные приоритеты, обеспечивающие развитие личности, общества и государства.

Что же до «переписчиков» истории, то их участь незавидна. В народной памяти их ложь и мотивированная хозяином фальсификация истории будут долго омрачать отношения и с другими народами, и с другими государствами. Но это не все. Фальсификация истории России обедняет весь цивилизационный исторический процесс, подрывает объективность исторической науки, осложняет политический климат международного сотрудничества. И за это тоже придется расплачиваться.

Путь исторической правды — сложный и драматичный, но только он ведет к установлению доверия и взаимопонимания как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Хорошим примером служат наметившиеся изменения в наших отношениях с Польшей, которые прошли суровое испытание правдой и сегодня выстраиваются с позиции понимания и большего доверия друг к другу. Ложь, которая нагромождалась вокруг событий под Катынью, была разом развенчана открытым размещением архивных документов тех лет в сети «Интернет». Абсолютно необходимое решение. Правда помогла пережить чудовищную трагедию с президентским самолетом под Смоленском, которую недруги нормализующихся российско-польских отношений планировали использовать для их обострения.

По-новому стали оцениваться и наши исторические связи с Украиной, которая, освободившись от антироссийского влияния на историческую науку ушедшей в политическое небытие элиты, уже не формулирует выводы исторических исследований с высоты государственного руководства.

Все эти процессы убеждают, что в итоге здравомыслие и ответственность за судьбу своего народа и страны, за состояние международного климата заставят известные политические элиты пересмотреть свою роль в антироссийской кампании политического манипулирования историей.

А. С.: Еще двадцать лет тому назад школьники и студенты учились по одним учебникам по истории. Сегодня отсутствует не только единый учебник истории, но и общий взгляд на нее. Означает ли это, что мы лишились не только общих учебников, но и то, что мы теряем свою историю?

С. Н.: Вопросы, касающиеся исторического образования и патриотического воспитания, положения дел с учебниками по истории для школ и вузов, находятся под постоянным общественным контролем, горячо и заинтересованно обсуждаются на всех уровнях. И не только потому, что положение дел с изданием учебников по истории в нашей стране подвергается в обществе серьезной критике, но и потому, что с решением этого вопроса связано нравственное, духовное и научное становление молодежи, которая, пожалуй, наиболее не защищена от негативного влияния фальсифицированной и недобросовестной истории. Отталкиваясь от известного высказывания, что история — это политика, опрокинутая в прошлое, справедливо было бы назвать образование политикой формирования будущего. И это уже исключительно государственная забота и функция.

Поэтому работа с молодежью — одна из главных составляющих системы отпора сознательному искажению нашей истории. От правильного решения этого вопроса во многом зависит наша будущая политическая устойчивость и духовная стабильность. Таким решением проверяется способность государства уберечь молодое поколение от разрушающей его самосознание и национальную гордость фальсифицированной истории, суть которой уязвить и принизить национальное и нравственное достоинство России, а значит, и нашей молодежи.

Учебник по истории для начальной, средней и высшей школ — важнейшее средство для выполнения государством своей образовательной функции. Да, в отношении и качества, и количества учебников по истории сегодня высказывается много нареканий. Закамуфлированно они звучат даже в вашем вопросе. Но будем реали-

стами. В России произошла революция. История еще не выработала срок, который объективно необходим для того, чтобы, подчеркиваю, обновить систему научного, идеологического и исторического сопровождения общественной жизни страны, в которую, конечно же, входят и учебники. Накал страстей в ходе общественной дискуссии на эту тему свидетельствует о том, насколько серьезны затронутые вопросы. Болезненно и остро мы проходим путь своей идентификации на сегодняшнем витке общественно-исторического развития. И винить в этом учебник нельзя. Учебник — это слепок переживаемого страной исторического момента. Он не способен быть лучше или хуже этого момента. Тем более наивно полагать, что «высокое начальство» способно «назначить» хорошие учебники по истории.

Надо сказать, что работа по совершенствованию учебников по истории ведется. Создан и утвержден новый порядок проведения их экспертизы, в соответствии с которым к работе привлекаются прежде всего Российская академия наук и Российская академия образования. Нам удалось значительно снизить количество учебников, направляемых на экспертизу. Если только в 2005–2008 годах на экспертизу поступило 144 учебника, то в 2009 году уже на порядок меньше. Всего же в действующий на 2011–2012 учебный год перечень «рекомендованных к использованию в образовательных учреждениях» включено 130 учебников, включая базовые учебники и учебники для специализированных школ. Полагаю, и это — чрезмерно. Однако, в весьма недалеком прошлом, как известно, их число измерялось сотнями.

За время школьной учебы через руки каждого школьника проходит 12–14 (в зависимости от конкретных программ) учебников по разным периодам российской и всеобщей истории. Поэтому, представляется, что 2–4 линейки учебников, наиболее оптимальны для полного и объективного изучения истории в школе. Это позволит научить детей логическому мышлению, обогатит их духовный мир и расширит кругозор. Написание новых учебников по истории — кропотливая и ответственная работа, которую нельзя делать наспех. Глубоко убежден, — она будет доведена до успешного завершения. Россия никогда не потеряет свою историю.

Стоит также отметить полезную инициативу Министерства образования и науки Российской Федерации, которое создало интернет-сайт по

истории. Его ежедневное посещение молодежью носит массовый характер. Однако материалы, опровергающие факты фальсификации отечественной истории, размещаются на сайте не регулярно. Этот пробел, полагаю, будет ликвидирован. В настоящее время Министерством культуры Российской Федерации и Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разрабатывается концепция исторического сайта, который по замыслу должен стать не только массмедийным средством, но и социальной сетью, в которой история станет темой обсуждения в режиме обратной связи с посетителями сайта, в том числе и с ведущими российскими историками. Взаимодействие в интернет-пространстве с академическими историческими институтами, профессиональными историками, архивистами будет, несомненно, полезно для всех, кто интересуется вопросами истории.

За последнее время научные центры страны подготовили и издали более 50 книг по острым вопросам современной истории, подвергающимся пересмотру и антироссийским переоценкам. Значительная часть этих книг на основе новых архивных документов появилась к 65-летию Великой Победы. Их выход был настолько неожиданным для наших противников, а аргументация настолько убедительной, научно обоснованной и документально подкрепленной, что многие из оппонентов поумерили свой пропагандистский пыл. Эти книги удостоились высокой научной и общественной оценки. В частности, восьмитомное (продолжающееся) издание «Великая Победа» получило высшие награды на всех отечественных книжных конкурсах и ряде международных.

Однако тираж всех этих изданий невелик. Они в основном разошлись по вузовским библиотекам, да и для них книг не хватило. Полагаю, что Министерство культуры Российской Федерации могло бы включить их в список книг, предназначенных для пополнения российских библиотек. Для читателей, интересующихся современным прочтением истории это будет хороший и интересный подарок.

А. С.: Политики то и дело используют откровенно взятые исторические факты и их пристрастное толкование для обоснования своих популистских амбиций. Это происходит повсеместно. На Ваш взгляд, означает ли это, что история сегодня становится политическим ресурсом?

С. Н.: До известного времени в нашей стране история считалась наукой политической — с вытекающими отсюда последствиями. Новый подход в России к истории ставит во главу угла понимание того, что историческая наука должна быть освобождена от политического давления, ее развитие должно осуществляться в режиме свободных дискуссий наравне со свободой слова. Это одно из условий гражданского общества, к построению которого мы стремимся. Но полностью вырвать из истории как науки политическое содержание объективно невозможно.

Результаты любой научно-исследовательской деятельности, идет ли речь о химии, биологии, медицине или другой науке, всегда имели политический эффект, который политики как внутри страны, так и за рубежом старались использовать в своих интересах. История не может быть исключением. Более того, историческое познание мира имеет целью научить не только ныне живущих, но и грядущие поколения не повторять ошибок прошлого. Действительно, история учила, учит и будет учить. Это — объективный процесс. Наивно полагать, что политики перестанут прибегать к историческим аналогиям при отстаивании своей точки зрения. Особенно сейчас, когда мир столкнулся с явным недостатком новых идей для своей более устойчивой и справедливой социальной организации. Уже на высшем политическом уровне западных демократий звучат призывы к новому миру и новым идеям.

На крутых поворотах развития общества, как отмечал замечательный историк Василий Осипович Ключевский, всегда обостряется интерес к былому, к истории. И, конечно же, историческая наука не должна стоять в стороне от острых проблем цивилизационных процессов. Высшее назначение любой науки — помогать общественному развитию, помочь человеку обрести себя в сложном и меняющемся мире. Другое дело, с какой целью политики прибегают к историческим примерам. Если лишь для реализации своих политических амбиций или отрабатывая политический заказ, то это безнравственно.

А. С.: *Сегодня мы столкнулись с неожиданно агрессивными выпадами со стороны некоторых зарубежных и отечественных историков и журналистов по поводу вклада нашего народа в разгром фашизма. Все чаще звучат утверждения о якобы участии России в развязывании войны в качестве агрессора. Можем ли мы в таком слу-*

чае говорить о существовании в современной исторической публицистике тенденции пересмотра итогов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны?

С. Н.: Российское руководство охарактеризовало такие выпады еще и как злобные. И признаться, трудно не разделить такую эмоциональную, но справедливую оценку. С точки зрения историчности и научной аргументации, превращать Россию из победителя во Второй мировой войне в агрессора могут только люди, которые явно находятся не в ладах со своей совестью или имеющие корыстные интересы. Я уже подробно об этом говорил, нет нужды повторять. Реальность такова, что сегодня мы действительно столкнулись с сознательным искажением истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и их результатов, которые впоследствии стали определять судьбу послевоенного мироустройства. Как странопобедительница, Россия играла ведущую роль в становлении действующего ныне миропорядка. И понятно, в созданной послевоенной системе международных отношений ее роль осталась одной из ведущих.

Существующая сегодня многополярная система мироустройства столкнулась с претензиями некоторых государств на мировое господство, которые подкреплены в том числе и «историческими исследованиями» антироссийской направленности. Далеко не вчера и не за один день сложилась эта антироссийская историческая мифология, ставшая основой ревизионистских попыток пересмотра причин начала войны, ее хода и результатов. Можно сказать, еще не остыли дула пушек стран антигитлеровской коалиции от залпов по общему врагу, как по решению военного руководства США в 1945 году большая часть захваченных союзными войсками высших офицеров и генералов вермахта были собраны на территории Западной Германии.

Их обязали писать свою историю Второй мировой войны. В течение трех лет эти, с позволения сказать, историки сводили счеты на бумаге со своим фюрером, с Красной Армией, с Советским Союзом и его генералами, с советскими солдатами. В придуманной такими авторами истории легко просматривались две составляющие: желание угодить своим новым хозяевам и оправдать свою полководческую несостоятельность. Однако эти вымыслы пригодились тогда для развязывания против СССР «холодной войны», а сегодня стали источником

для антироссийской мифологизации многих событий тех лет.

В истории немало примеров, когда реваншистские настроения далекого прошлого использовались в борьбе с правдой и объективностью в рамках сформулированных в соответствии с потребностями текущего момента политических задач. Собственно, основу антироссийской фальсификации истории во многом составляют упомянутые источники. Но не только они. Нашлись последователи фашистских генералов-«историков», занимающие высшие государственные посты в ряде стран, «подвижники», которые придали старым мифам политическую актуальность и местный колорит с помощью некоторых послушных им историков и переложили их на язык средств массовой коммуникации. Должен признать, что и в нашей стране ряд авторов в своих трактовках событий предвоенных и военных лет используют заморские наработки. Добросовестным историкам, занимающимся этим периодом, они хорошо известны.

Полагаю, что самым надежным способом противодействия фальсификации отечественной истории будет создание новых площадок для дискуссий, в которых примут участие авторитетнейшие ученые и представители ведущих научных центров страны. Сегодня историческая наука не поддается регулированию сверху. Сама система демократических ценностей определяет ее дальнейшее развитие. Как и любая другая наука, история саморегулируема и самодостаточна. Историческая наука должна сама освободиться от плевел политизации и оплаченной недобросовестности. Истина должна рождаться в ходе честных дискуссий и без политического давления.

А. С.: *В ряде стран Восточной Европы созданы так называемые институты памяти. В них экспонируются бывшие партийные архивы и архивы спецслужб для формирования национальной исторической идеологии. Допускаете ли Вы создание подобного института в России и как Вы относитесь к самой идее подобных учреждений?*

С. Н.: Разве можно осуждать стремление любого народа помнить свою историю и создавать соответствующие институты памяти? В России такие институты памяти уже давно существуют. Это и сотни военно-исторических музеев и тематических, постоянно обновляющихся экспозиций, посвященных событиям тех лет. Практически в каждом российском городе и поселке есть мемориалы павшим воинам, которые стали культурными и историческими центрами. В работе институтов памяти принимают участие и местные органы власти, и федеральная власть, и, конечно же, общественность. Но самое главное, деятельность институтов памяти направлена на пропаганду исторической правды, а не на сведение исторических счетов с другими странами и народами, принимавшими участие во Второй мировой войне.

Русский народ и другие народы России бережно хранят память о тяготах и трагедиях военных лет. Эта память священна. Время примирило врагов, но не стерло великую боль. Но тем мы и сильны, что в нас нет места озлоблению, нет стремления поквитаться со своими бывшими противниками и недругами, подвергнуть их общественному и нравственному осуждению, высветить неприглядные факты проводимой ими политики.

Могу с уверенностью сказать, что и наша историческая наука идет по такому же пути. Она готова бескомпромиссно сражаться за историческую правду, за объективную оценку Второй мировой и Великой Отечественной войн, основываясь на строго документальном подтверждении своих выводов. Российские историки готовы бескорыстно делиться своими знаниями и новыми фактами, проливающими свет на драматические события прошлого. Отечественная историческая наука осознает свою ответственность не только за формирование исторического мышления в нашей стране, но и за укрепление доверия и нравственности в международных отношениях, в чем, как показывает практика, роль истории и историков далеко не последняя.

Провал операции «Тайфун» и «Плана Барбаросса»

А. А. Ахтамзян*

В истории не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом оборона Москвы и начавшееся с нее контрнаступление Советской армии против германского вермахта занимает особое место. Значение обороны Москвы заключается не только в том, что советский народ отстоял свой главный город после многочисленных кровопролитных сражений и больших потерь, но и в том, что нацистская Германия потерпела первое с начала мировой войны масштабное, можно сказать, сокрушительное поражение. Стратегический план агрессии, известный под названием «План Барбаросса», оказался несостоятельным. План быстрой, молниеносной войны, составленный в германском Генеральном штабе, не был реализован, потому что Советский Союз, сосредоточив свои силы, противопоставил агрессору несокрушимую волю к сопротивлению агрессору.

Отечественная и зарубежная историография знает сотни и тысячи публикаций, в которых подвергнуты анализу разные аспекты этого события. В Советском Союзе, а теперь и в России, история Великой Отечественной войны, включая начальный этап и сражения за Москву, исследована весьма основательно и получила отражение в многотомных исследованиях¹. Особо следует отметить исследования отечественных военных историков, которые тщательно изучили не только отечественные документы, карты и мемуары, но и германские трофейные документы и публикации².

В итоге изучения архивных источников, не только отечественных, но и германских свиде-

тельств и документов, историк М. Ю. Мягков опубликовал в 2005 г. обобщающее исследование под названием «Вермахт у ворот Москвы»³. Монография представляет собой наиболее полный на данный момент анализ исторического события. Автору удалось уточнить и конкретизировать многие факты военной истории, а главное — выявить политические причины поражения германского вермахта. Может показаться, что тема изучена и исчерпана. Однако и спустя десятилетия после события тема остается актуальной в силу того, что не прекращаются попытки разных политических сил в разных странах исказить картину хода и исхода Второй мировой войны, а главное — извратить причины победы Советской армии.

Основными отечественными источниками по истории сражений за Москву, естественно, служат документы и воспоминания советских полководцев, прежде всего Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других⁴. Серьезным источником информации по истории событий на советско-германском фронте остаются дневники и документы германских военачальников, прежде всего Франца Гальдера, Фёдора фон Бока, Карла Рудольфа фон Рундштедт и других⁵.

Автор данной статьи считает актуальной задачей исследователей показать, как в историографии с течением времени предпринимаются попытки смещением акцентов изменить реальную картину битвы за Москву, подменить действительные причины поражения вермахта под Москвой субъективными суждениями о погодных условиях таких, как непроходимая осенняя слякоть, а затем «преждевременная»

---

* Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян — доктор исторических наук, профессор.

зима, «генерал Мороз» аж в 36 градусов. После войны и смерти Гитлера и военные, и историки всю вину за подготовку и развязывание войны попытались переложить на фюрера, особенно вину за... поражение в войне. Особенно усердно клеймили фюрера генералы, которые в свое время не присоединились к заговору против него и остались живы. Германские генералы потерпели поражение в мировой войне, однако, как отметил не без иронии Уинстон Черчилль, они взяли реванш в мемуарах.

Теперь и в перестроившейся России они нашли издателей и читателей. Их сочинения в переводе на русский язык выходили в России большими тиражами. Общее количество мемуаров и сочинений нацистских деятелей, увидевших свет в России спустя более полувека, достигает 200 наименований. Полагаю важной задачей историков старшего поколения сохранить и передать новому поколению соотечественников верное представление о Великой Отечественной войне, чтобы избежать повторения трагедии.

Научная проблематика исследования истории обороны Москвы имеет ряд аспектов: от изучения хода и исхода военных действий до международных политических последствий первого крупного поражения германского вермахта. Разумеется, предметом изучения исторического события и его последствий являются и социально-экономические факторы, определившие ход и исход не только сражения за Москву, но и всей Второй мировой войны.

Для систематизации знания фактов и их взаимосвязи для историков имеет значение условная периодизация исторических событий. Для определения места и значения сражения за Москву на первом этапе Великой Отечественной войны важно определить временные рамки сражения за Москву. Одни исследователи считают, что битва за Москву началась с момента нападения германского вермахта на нашу страну, поскольку стратегические планы Германии предусматривали захват Москвы, Ленинграда, Киева и продвижение до линии Архангельск — Астрахань. Другие склонны считать началом сражения за Москву введение в действие германского плана «Тайфун». Имеются разночтения в определении завершения этапа сражения за Москву: ржевско-вяземская операция (2–31 марта 1942 г.) или 20 апреля 1942 года. Полагаю, что наиболее точно определил рамки Московского сражения маршал Г. К. Жуков, один из главных руководителей обороны Москвы. Это две даты:

30 сентября 1941 г. и 20 апреля 1942 г. Первая дата — это начало германского наступления с целью захвата Москвы, Вторая дата — завершение ржевско-вяземская операция (8 января — 20 апреля 1942 г.).

Наступление с целью захвата Москвы германское командование начало готовить сразу после первых успешных действий в приграничных районах СССР, не останавливаясь, несмотря на существенные потери в живой силе. Генштаб констатировал спокойно, что за первую неделю войны на восточном фронте, с 22 июня по 30 июня 1941 года, потери вермахта составили 41 087 человек, в том числе 524 офицера и 8362 унтер-офицера. Генштабисты хладнокровно отметили, что это относительно немного, если иметь в виду контингент в 2,5 миллиона человек на восточном фронте. Однако это было больше, чем потери на западном фронте за то же время. Конечно, расчет строился на плане быстрой, молниеносной войны, не долговременной войны⁶.

«Отход противника перед фронтом группы армий „Юг“ происходит наверняка не по инициативе русского командования, а в результате того, что в ходе продолжительных упорных боев силы противника оказались перемолотыми и большая часть его соединений разбита», — написал Ф. Гальдер. Он полагал, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии на фронте Западной Двины и Днепра выполнена. Ссылаясь на показания одного пленного командира корпуса, начальник Генштаба полагал, что за Днепром смогут сопротивляться лишь разрозненные группы русских. Общий вывод генерала был таков: «Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Начальник генштаба явно мыслил масштабами войны против Польши, Франции и Дании.

«План Барбаросса», точнее директива № 21 верховного командования, предусматривала быстрое продвижение трех группировок войск на направлениях «Юг», «Центр», «Север». Стратегическая цель была обозначена четко: достижение за несколько недель линии Архангельск — Астрахань. Директива ставила перед группировкой армий «Центр» как важнейшую задачу — быстрое продвижение к Москве: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»⁷. Нацист-

ское командование рассчитывало за несколько недель дойти до Москвы, разгромив основные силы Красной Армии на театре военных действий на территории до Днепра и Западной Двины. Начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля, пехотные соединения смогут занять Москву только в августе»⁸. Однако на деле в августе удалось лишь начать переброску войск на центральное направление с целью захватить Смоленск и до зимних холодов захватить столицу Советского Союза.

По сведениям военных исследователей, к октябрю 1941 года соотношение сил на советско-германском фронте сложилось в пользу агрессора: общая численность сухопутных сил вермахта на восточном фронте достигала 4 млн 300 тыс. человек против 3 млн 245 тыс. человек в действующей Советской армии. У вермахта на фронте было 2270 танков против 2715 (в том числе средних и тяжелых танков было всего 726), артиллерийских орудий более 43 тысяч против 20, 6 тыс., более 3000 самолетов против 1460 с советской стороны⁹. Следует иметь в виду, что значительное количество техники Советская армия потеряла в ходе вынужденного отступления.

Дневники Франца Гальдера, несмотря на определенную субъективность суждений, представляют собой достоверный источник информации о соотношении сил и о событиях на фронте¹⁰. Как историк полагаю, что, вопреки предвзятому мнению в зарубежной и отечественной историографии, следует признать, что Советская армия оказала упорное сопротивление агрессору и нанесла ему уже в первые месяцы войны существенный урон. Об этом свидетельствуют данные германской стороны. За 5 месяцев (до середины ноября) войны на советско-германском фронте вермахт потерял уже 16 920 офицеров ранеными и 6360 убитыми, Общие потери унтер-офицеров и рядовых достигло 685 792¹¹. Таким образом, к решающему сражению под Москвой германская армия пришла существенно ослабленной. Правда, и Красная Армия понесла огромные потери, особенно ощутима была потеря кадрового состава вооруженных сил. Однако советское командование за время оборонительных боев и вынужденного отступления непрерывно пополняло действующую армию людскими резервами. Здесь уместно отметить, что партия и правительство страны выполнили гигантскую работу по мобилиза-

ции резервов и ресурсов под лозунгом: «Всё для фронта!» В литературе некоторые авторы применяют понятие «перманентная мобилизация».

Без планомерной работы по подготовке к оборонительной войне было бы немыслимо от мобилизовать миллионные массы воинов, которых надо было одеть, обуть, регулярно кормить и обеспечить оружием, не говоря уж о технике и вооружениях. Публицистам, которые с легкостью необыкновенной рассуждают о стратегии, следовало бы помнить о таких обыденных факторах, как снабжение сражающейся против агрессора армии. Самоотверженный труд соотечественников в тылу был, несомненно, одним из важных факторов обороны страны.

На Германию в это время работала индустрия десятка союзных с ней и оккупированных стран Европы. У России имелся в этот момент (кроме союзных республик) один надежный союзник — Монгольская республика, которая поставляла не только мясо, но и овчинные полушубки, лошадей для кавалерии и артиллерии. Участник Великой Отечественной войны, академик С. Л. Тихвинский, выступая на конференции круглого стола в Дипломатической академии в связи с 65-летием Московской битвы, вспоминал о пребывании монгольской правительственной делегации в нашей стране и даже на линии фронта в дни московского сражения. Делегация была принята Г. К. Жуковым в Перхушково, где находился штаб Западного фронта¹².

Серьезным фактором обороны Москвы с первых недель войны стало партизанское движение на оккупированных территориях, прежде всего в Белоруссии и Украине. Как историк я уверен в том, что действия партизан Белоруссии на коммуникациях, особенно на железных дорогах, служили важным фактором обороны Москвы. Масштабы партизанского движения в Подмоскovie не были велики: более 40 отрядов общей численностью до 2000 человек¹³. Однако к этому времени эффективно действовали отряды в Смоленской области, в Витебской области Белоруссии, на линиях коммуникаций в оккупированных западных районах страны.

В дневнике начальника Генштаба 5 сентября записано в связи с совещанием у фюрера: «Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет «второстепенным театром военных действий». Кавычки в тексте, видимо, означают, что это выражение принадлежит самому фюреру. Далее следует стратегическое соображение: «Исключительно важно значение Шлиссельбурга.

Для полного окружения Ленинграда по внешнему кольцу (до Невы) потребуется 6–7 дивизий. Сильные пехотные части сосредоточить по возможности за Невой. Окружение с востока, соединение с финнами». Таким образом, если на северном направлении цель достигнута, то центр тяжести может быть перемещен на центральное направление. Следующий пункт стратегического плана — «Наступление на войска Тимошенко». Задача: «окружить и уничтожить». На следующий день Генштаб определяет соотношение сил ВВС, своих и (по разведанным) советских: на центральном направлении соотношение: 457 единиц против 549, при явном преимуществе германских сил в бомбардировщиках, советских в истребителях.

Еще 6 сентября германское командование издало директиву о наступлении на Москву через Брянск и Смоленск. Командование группы армий «Центр» подготовило к 16 сентября директиву о проведении наступательной операции под претенциозным названием «Тайфун», которая должна начаться не позже первых чисел октября. План предусматривал прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль — Москва. Предусмотрен был возможный поворот наступления на Вязьму, а также на Ржев. Задачи армий и соединений в приказе расписаны весьма обстоятельно¹⁴.

В конце сентября вермахт захватил Киев. Фельдмаршал Ф. фон Бок вместе с фельдмаршалами В. фон Брухичем и А. Кессельрингом убедили Гитлера развернуть наступление на Москву, чтобы взять ее еще до зимних холодов. Утром 30 сентября Ф. фон Бок отдал приказ начать наступление на двух направлениях: на Брянск и на Вязьму. Ставка делалась на быстрое продвижение танковых армий и окружение крупных группировок советских войск. Западные историки склонны считать операции по окружению под руководством Ф. фон Бока самыми хорошо продуманными операциями «за всю военную историю»¹⁵. Перед развертыванием наступления на Москву германское командование перебросило 10 дивизий с других направлений, а также из резерва. Ударные силы (три полевые армии плюс три танковые группы) имели более 14 тысяч орудий, 1700 танков, поддержку примерно 1400 самолетов¹⁶. В целом ударные силы группировки «Центр» составляли 75 дивизий численностью до 1 млн 800 тысяч человек. Советское командование подтягивало силы для обороны Москвы с других фронтов, не оголяя, однако, фланги. Но

основная ставка делалась на переброску свежих сил, формируемых в тылу с задачей ведения боевых действий в зимних условиях.

2 октября, за два дня до намеченного общего наступления, 3-я танковая группа под командованием генерала Гота наносит удар по 18 и 30 армиям на стыке Западного и Брянского фронтов и прорывает фронт. Войска Гудериана пошли на г. Орел и 3 октября вошли в город. «Брянский фронт оказался рассеченным», — отметил Г. К. Жуков. 6 октября 17-я танковая дивизия вошла в г. Брянск. На следующий день силы 4-й танковой армии захватили Вязьму. По данным верховного командования вермахта, имеющимся в Центральном архиве Министерства обороны России и введенным в научный оборот молодым исследователем Н. Пархитко, за три недели в октябре 1941 года на московском направлении попали в плен более 660 тысяч солдат и офицеров Красной Армии, а общие потери достигли миллиона человек. Агрессор захватил у окруженных в районе Брянска и Вязьмы советских войск почти 1250 танков, более 5 тысяч орудий¹⁷.

Почти одновременно 4-я танковая группа под командованием генерала Гепнера наносит удар в полосе обороны 43-й армии, а затем по войскам 33-й армии Резервного фронта¹⁸. Тем временем, 2-я танковая армия вклинилась на 120 километров в полосу обороны Брянского фронта. Бои шли и к северо-востоку от Орла. Генерал Гудериан вспоминал о действиях русских: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших (немецких) танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»¹⁹. В сложившейся ситуации Гудериан не смог взять Тулу.

К этому следует добавить, что еще в середине июля впервые получили эффективное боевое применение ракетные установки, получившие в войсках название «Катюша». Маршал Тимошенко сообщил об этом историческом эпизоде — огневом ударе батареи капитана И. А. Флерова лично И. В. Сталину: «20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5-й пехотной дивизии, наступавшей на Рудню и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5-й пехотной дивизии

оказала батарея РС, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудне противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день»²⁰. Правда, до массированного применения этого эффективного вооружения потребовалось еще довольно много времени. Очевидно, были введены в действие экспериментальные образцы.

В октябре агрессор по плану под кодовым названием «Тайфун» создал непосредственную угрозу Москве. Германское командование сосредоточило на направлении «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока войска численностью 1,8 млн человек. В общей сложности они составляли 57 дивизий. Командование сухопутных сил группы армий дает 12 октября указание о «порядке захвата Москвы и обращении с ее населением». Документ начинался словами: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником». Достаточным «моральным обоснованием» германские генералы считали объявленную решимость советских людей сражаться с врагом до последней капли крови. Фюрер опасался, что коварные большевики заминируют город, что возможна эпидемия. Поэтому в отношении Москвы гитлеровский план предусматривал окружение и блокаду города, затопление города и уничтожение жителей. Для этого «следует как можно скорее отрывать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром»²¹.

«Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием «Тайфун» началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка — Шостка», — записал маршал Г. К. Жуков. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин реагировал немедленно на изменение стратегической ситуации. По указанию Ставки создан 1-й гвардейский корпус под командованием Д. Д. Лелюшенко с целью задержать наступление немцев и обеспечить отвод войск Брянского фронта. Однако 3 октября немецкие танки вошли в г. Орел, глубоко вклинившись в территорию нашей страны. По свидетельству лиц из ближайшего окружения верховного главнокомандующего, этот факт сильно взволновал И. В. Сталина. По телефону он гневно отчитал И. С. Коневу. Он приказывает докладывать об обстановке каждые два часа, а если надо, то чаще... В одном из телефонных

разговоров прозвучала фраза: «Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!»²²

Всё внимание Кремля — Западному фронту. 5 октября И. В. Сталин по прямому проводу вызывает командующего Ленинградским фронтом Г. К. Жукова в Москву, «чтобы посоветоваться». Из-за некоторых обстоятельств в районе Петергофа Г. К. Жуков не мог вылететь в Москву на следующий день и с разрешения И. В. Сталина отложил вылет в Москву на один день. Вечером 6 октября И. В. Сталин вновь позвонил Г. К. Жукову, чтобы спросить: «Что нового в действиях противника?» Ответ Г. К. Жукова точно отразил изменение обстановки: «Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление»²³. По прибытии в Москву Г. К. Жуков был тотчас принят И. В. Сталиным на его квартире. «И. В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо», — отметил генерал армии. Указав на топографической карте на район Вязьмы, он сказал: «Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка». Верховный главнокомандующий поручил Г. К. Жукову отправиться в штаб Западного фронта, чтобы разобраться в обстановке и позвонить оттуда «в любое время». После короткого разговора с начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым генерал на автомобиле отправился на фронт. Поздно ночью он прибыл на место назначения, где застал штаб фронта за работой в полном составе: И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и другие.

10 октября пополудни И. В. Сталин по телефону сообщил Г. К. Жукову, что решил освободить И. С. Коневу от командования Западным фронтом, отдав под суд за катастрофу. За И. Коневу вступился Г. Жуков. Тотчас был отдан приказ о назначении Г. К. Жукова командующим Западным фронтом, а И. С. Коневу его заместителем. Одновременно Резервный фронт был объединен с Западным фронтом, штаб которого переместился в Алабино, а военный совет фронта в Можайск. На Можайскую линию обороны стали перемещать войска из резерва и с других фронтов. К середине октября были подтянуты 14 стрелковых дивизий, 16 танковых

бригад, до 40 артиллерийских полков, общей численностью личного состава около 90 тысяч человек. Но этого было не достаточно для создания сплошной линии обороны²⁴.

На подступах к Москве германскому вторжению противостояли армии Западного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева, Брянского фронта во главе с генерал-полковником А. И. Еременко, войска резервной оперативной группы А. Н. Ермакова, а также Резервного фронта во главе с маршалом С. М. Буденным. Общая протяженность трех фронтов составляла примерно 800 километров, а общая численность войск — 1 млн 250 тысяч человек. Преимущество в соотношении сил в тот момент было на стороне противника примерно в полтора–два раза.

В октябре 1941 года Москва оказалась в критическом положении. Германские войска продвинулись к западу и северу от Москвы до деревни Крюково (41 километр Ленинградского шоссе), до г. Калинина (Твери) и до Дмитрова, до канала к р. Москве, на юго-востоке до Подольска, на юго-западе до Наро-Фоминска. Ближе всего к городу оказались отдельные подразделения вермахта в районе Фили. Немецкие офицеры бахвалились тем, что они в бинокль видели Красную площадь. Нацисты планировали парад своих войск у стен Кремля.

Однако из-за осенней распутицы дальнейшее германское наступление оказалось проблематичным. Германское командование, а вслед за ним и западные историки ссылаются на то, что немецкая техника сначала увязла в грязи, а потом отказала из-за мороза. Подвоз боеприпасов и продовольствия, очевидно, был затруднен из-за нарушений и разрушений на транспортных коммуникациях: на дорогах застряли до 2000 транспортных средств. Западные авторы приводят примеры, когда 16 лошадей не могли вытащить из трясины гаубицу или когда артиллерия не имела смазки для подвижных частей орудий. Ощутимой стала нехватка горючего для самолетов и т. п. Сэмюел Митчем в книге, выпущенной на английском языке в 1990 году, написал:

«Бок, находившийся тогда примерно в 70 милях от Москвы, был вынужден 30 октября приостановить наступление и дожидаться морозов, пока почва не промерзнет настолько, чтобы можно было подвезти продовольствие и боеприпасы»²⁵. И. В. Сталин, взвешивая факторы войны и делая ставку на сибирские дивизии,

учитывал и климатический фактор скорее как позитивный для обороны. Так в беседе с польским генералом Андерсом, явно желая склонить его к союзническому взаимодействию в трудный момент, как бы вскользь упомянул привычную для восточных славян зимнюю погоду.

В тот момент нацистские стратеги обратились к своему фюреру с предложением приостановить продвижение вглубь территории Советского Союза: «Лееб и Рундштедт настаивали на том, чтобы отменить наступление, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, не разделяя планов Бока. Последний, при поддержке Браухича и Гальдера, настаивал на том, чтобы возобновить наступление. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября»²⁶.

Критическим днем для москвичей было 16 октября, когда эвакуация мирных жителей не только по железной дороге, но и по шоссе стала очевидной. Из Москвы в Куйбышев (Самару) выехали правительственные учреждения. Изустная легенда повествует, что на Казанский вокзал выехал и лично И. В. Сталин. Он якобы долго ходил по перрону, выкуривая одну за другой папиросы. Все ожидали команды к отправлению эшелона, пока вождь не ушел с платформы и вернулся в Кремль, чтобы оставаться там до полной победы над врагом. Документальных подтверждений этого мне не доводилось видеть, Однако в каждой легенде есть доля правды. А она состоит в том, что И. В. Сталин в течение всей войны оставался в Москве или в пригороде «на даче» в Филях.

В ноябре 1941 года на Западном фронте нарастала напряженность. В этой тревожной обстановке большое политическое значение имело проведение вечером 6 ноября торжественного заседания с участием И. В. Сталина на станции метрополитена «Маяковская». Уезжая после собрания, И. Сталин пригласил некоторых участников заседания прийти утром рано на Красную площадь, чтобы приветствовать участников военного парада. Проведение парада уходящих на фронт войск на Красной площади в Москве имело огромное значение для укрепления морального духа фронтовиков.

Газета «Правда», вышедшая на следующий день с фотографиями и текстом речи И. В. Сталина, стала действительно историческим документом. Попытки отбросить противника или хотя бы прорваться из окружения не приводили к решающему успеху. Более того, противнику

удалось закрепиться на флангах к востоку и западу от столицы, заняв Клин и подойдя к каналу у Яхромы. 1 декабря немецкие войска неожиданно прорвались в центре фронта и направились к Кубинке, а танковые части противника пошли на Голицыно. В итоге этой операции противник оставил на поле боя 10 тысяч трупов и 50 подбитых танков. «Это была последняя попытка немецких войск прорваться к столице. В первых числах декабря по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что противник выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств»²⁷. Потери немецких войск за 20 дней в конце ноября превысили 150 тысяч человек и около 800 танков.

Еще в начале ноября главнокомандующий дал указание Г. К. Жукову начать подготовку контрудара по германским войскам, обложившим город полукругом от г. Калинина до подступов к г. Тула. 10 ноября И. Сталин вызвал Г. К. Жукова вместе с командиром корпуса генералом И. А. Беловым в Кремль, где встретил их в подземном помещении. Выслушав доклад генерала армии, И. Сталин выразил свое одобрение и обещал подкрепление кавалерийским корпусом и танковой дивизией.

Тем временем германское командование готовилось к решающему сражению с целью захвата Москвы до наступления настоящей зимы. В середине ноября в штаб группы армий «Центр» в г. Орша прибыл начальник генерального штаба Ф. Гальдер. Туда же были вызваны начальники штабов группировок «Север» и «Юг», которые довольно сдержанно доложили, что без пополнения сил на их направлениях дальнейшее продвижение невозможно. Генерал Ф. Гальдер, имевший в папке одобренную в Берлине директиву, предоставил слово начальнику штаба группы армий «Центр» генералу Грейфенбергу, который бодро заявил: «Фельдмаршал Бок считает, что в военном и психологическом отношениях необходимо взять Москву. Опасность, что мы этого не сможем сделать, должна быть принята во внимание, но будет еще хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в пятидесяти километрах от манящей цели»²⁸. В итоге этого совещания германским генералам стало ясно, что поставлена цель — взять Москву, что стратегическая цель — продвижение до линии Вологда — Горький — Саратов — Сталинград — Майкоп, если не отменяется, то отодвигается. После совещания Ф. Гальдер ознакомил

командующего группой армий «Центр» Ф. Бока с приказом фюрера, согласно которому танковая армия Гудериана захватывает г. Тулу и наносит удар на юго-востоке от Москвы в направлении на Коломну с целью двигаться на г. Горький (Нижний Новгород). Одновременно армия Штрауса и группа Рейнхардта разворачивают наступление на северо-западе: от Торжка и Калинина в восточном направлении с целью перерезать канал Москва — Волга и нанести удар по Москве с северо-востока. В центре Западного фронта фронтальное наступление должна была развернуть 4-я армия под командованием Клюге и танковая армия под командованием Гепнера. Дату перехода в наступление должен был определить сам Ф. Бок. Таким образом, германский план захвата Москвы имел вполне определенные очертания.

Однако план Г. К. Жукова был не менее конкретен, но более реалистичен. Он строился на верной оценке сил противника (противник «выдохся») и на расчете Ставки подтянуть к обороне Москвы «сибирские» дивизии. Риск от переброски дальневосточных дивизий на запад был, конечно, велик, но смертельная опасность, нависшая не только над столицей, но и над страной, была неизмеримо большей. Определенное значение имело для принятия решения и сообщение из Токио легендарного разведчика Рихарда Зорге относительно стратегических намерений японского правительства. В критический для Советского государства момент Япония предпочла воздержаться от нападения на Россию и таким образом от поддержки своего идеологического союзника в Европе. Очевидно, японские стратеги лучше знали, что такое русская зима.

В отечественной публицистике в последние годы еще встречается утверждение, что контрнаступление советских войск произошло чуть ли не спонтанно без тщательной подготовки. Такое утверждение не имеет никаких оснований. В серьезных научных исследованиях показано на основе изучения всей совокупности документов того времени, что контрнаступление под Москвой было подготовлено как концентрацией стратегических резервов, людской силы и техники, так и разработкой реального плана боевых действий. Задача была поставлена Ставкой перед командованием Западного фронта — переход от обороны к контрнаступлению еще в начале ноября. Г. К. Жуков, естественно, ставил вопрос о дополнительных подкреплениях. Так, 29 ноября он попросил передать в состав Западного фронта 1-ю ударную армию, подчиненную

непосредственно Ставке, а также 10-ю армию, расположенную под Рязанью. И. Сталин ответил, что должен посоветоваться с Генштабом. Уже вечером того дня Г. К. Жуков был вызван к телефону. Генштаб сообщил, что в распоряжение командующего Западным фронтом передаются запрошенные соединения и, кроме того, соединения Московской зоны обороны, объединенные в 20-ю армию. Начальник генштаба Б. Шапошников сказал в заключение разговора: «Верховный просил вас прислать план операции по разгрому немецких войск под Москвой».

На другой день так называемая план-карта с пояснительной запиской поступила в Генеральный штаб. И. В. Сталин написал в верхнем правом углу документа: Согласен. Там же поставлена дата: 1 декабря. План Г. Жукова наметил следующие действия:

- Удар в направлении г. Клин и Солнечногорск и в истринском направлении с целью разгрома основной группировки противника на правом фланге.
- Удар по пунктам Узловая и Богородник во фланг и тыл группы Гудериана с целью разгрома противника на левом крыле.
- В центре фронта намечено наступление армий, однако с ограниченными задачами²⁹.

Первый удар был нанесен противнику 5 декабря на Калининском фронте, которым командовал И. С. Конев. На следующий день после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия войска Западного фронта, затем начала наступление ударная армия Юго-Западного фронта.

Ценным источником информации о том, как оценивало обстановку германское командование, является «Дневник» Ф. Бока, командующего группой армий «Центр». Еще 2 декабря он записал: «2-я армия (Гудериан) перешла в наступление и на первом этапе добивается внушительных успехов. Наступающие войска довольно слабы, ради наступления пришлось довольствоваться слабыми силами как восточного, так и северного флангов. Одна из дивизий 20-го корпуса 4-й армии (Клюге) сумела глубоко вклиниться в оборону врага южнее автостреды, однако не сможет там удержаться — во время своего наступления тыловые части упомянутой дивизии были окружены неприятелем и вызволить их удастся не раньше завтрашнего утра»³⁰. На следующий день Клюге ставит в известность командующего, что отдал приказ отвести наступающие части у Троицкого. В тот же день в дневнике появляется ла-

коничная запись: «У южного крыла 3-й танковой группы (Рейнгардт) под Дмитровом и Яхромой неприятель, подтянув подкрепление, переходит в наступление». Командующий 4-й танковой группы Гепнер настойчиво просит поддержки. В записях Фёдора фон Бока появляется мотив: войска не могут наступать. А после 6 декабря появляется понятие «кризис». 7 декабря Ф. Бок доложил командующему германскими войсками Браухичу, что русские развернули наступление на нескольких участках фронта: против танковой группы Гудериана под Тулой, против группы Рейнхарда у Клина и против армии Штрауса в районе Калинина. Самое главное в донесении Бока, что он не в состоянии сдержать крупное наступление советских войск. Бок просит разрешения Берлина перейти к обороне. Однако Гитлер отдает распоряжения непосредственно командующим группами армий: держаться на занятых рубежах.

Начальник генерального штаба, находясь в Берлине, конечно, хорошо представлял себе масштабы предстоявшей катастрофы. 7 декабря он написал в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза, Осташков»³¹.

Однако по настоянию Браухича и Гальдера 8 декабря Гитлер разрешил издать директиву под номером 39 о переходе к обороне на всем восточном фронте. «Директива ОКВ № 39» в первом абзаце введения сообщает командующим группами армий на восточном фронте версию перехода к обороне: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне»³².

В этом документе впервые появилась ссылка на «преждевременное наступление холодной зимы» как на причину прекращения наступления и перехода к обороне. Здесь берет начало миф о «генерале Мороз», используемый до сих пор фальсификаторами истории. Что касается «холодной зимы» на восточном фронте в на-

чале декабря, то, очевидно, версия возникла в штабе фельдмаршала Ф. Бока, а затем в Берлине. Запись Ф. Бока от 4 декабря завершается лапидарно кратко фразой: «Жестокий мороз». Находясь в Берлине, генерал Гальдер записал в своем дневнике 5 декабря: «Мороз 36 градусов ниже нуля. Намеченное наступление 3-й и 4-й танковых групп должно бы быть отменено. Противник прорвал наш фронт восточнее Калинина». В Дневнике Ф. Бока запись 6 декабря имеет явно оправдательный смысл: «Поскольку из-за исключительно низкой температуры — минус 38 градусов — танковые двигатели повсеместно отказывают, приходится оставлять часть машин и орудий». Правда, днем позже немецкий генерал признает, что русские танки при такой же температуре заводятся. Чуть позже германские генералы, увидев в бою советские танки Т-34, вынуждены будут признать превосходство этой модели. Однако в битве под Москвой таких новых танков было мало.

Ни одна метеостанция Москвы и Подмосковья не зафиксировала такого мороза в те дни и позже. Максимум, отмеченный станцией под Наро-Фоминском (полюсом холода в Подмосковье), в ночное время не превышал 28 градусов. Кроме того, следует учитывать, что мороз действует на всю живую силу и на технику не выборочно, а одинаково. Ветераны войны — участники обороны Москвы, да и ополченцы вспоминают, что они находились в окопах и землянках, сменяя друг друга, круглые сутки в течение нескольких недель. Правда, спасали овчинные полушубки и шапки-ушанки, да валенки. А это уже вопрос, относящийся к сфере предусмотрительности командования. Главным фактором разгрома германской армии под Москвой была, конечно, боеспособность Советской армии и эффективные действия командования. Об этом свидетельствуют документы и германской стороны, в том числе такие краткие, как запись Ф. Гальдера, сделанная 5 декабря: «Гудериан решил на отвод войск от Тулы». Очевидна причина такой решимости танкового барона: нет сил удержать позиции под напором русских. В «Дневнике» Ф. Гальдера сделаны и такие записи:

5 декабря: «Фон Бок сообщает: Силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать»

6 декабря: «По шоссе Дмитров — Москва — сильное движение. Продолжается эвакуация из Москвы».

7 декабря: «Группа армий «Центр». Отвод 10-й моторизованной армии у Михайлова (армия Гудериана), по всей вероятности, будет иметь очень неприятные последствия».

Все верно. Однако еще не видно осознания того, что это начало конца быстротечной, молниеносной войны. Начальник штаба спокойно фиксирует факт: «Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник также на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения нам удалось локализовать»³³.

Все идет по плану Жукова, хотя и не так быстро, как хотелось бы советскому командованию. Первым из германских генералов задумался над причинами «кризиса», естественно, командующий группой армий «Центр» Фёдор фон Бок. Фельдмаршал в своем Дневнике под 7 декабря выделил текст под названием: «Причины тяжелого кризиса».

В своем дневнике он записал 7 декабря: «Тяжелый день. Правый фланг 3-й танковой группы ночью начал отвод своих сил. Весьма досаждают прорывы противника на северном фланге танковой группы. На правом фланге 9-й армии враг сумел существенно расширить зону прорыва»³⁴. Что касается причин кризиса, то фельдмаршал видел их прежде всего в «осенней распутице», а также в «хаосе на железных дорогах». Лишь на третье место ставил силу сопротивления советских войск: «Недооценка боеспособности неприятеля и его материальных и людских резервов». Эта причина относилась, естественно, к компетенции верховного командования, которое не дало вовремя подкрепления.

Германский стратег ссылаясь не только на эффективность действий русских по разрушению коммуникаций и построек на оставляемых территориях (протяженность коммуникаций превышает 1500 километров), но и на умелое маневрирование советского командования на этом огромном пространстве: «За поразительно короткий срок русские сумели поставить на ноги свои разгромленные дивизии, перебросить на угрожаемые участки фронта новые из Сибири, Ирана и Кавказа и воссоздать утраченные во время отступления артиллерийские орудия и реактивные установки. Сегодня перед фронтом группы армий насчитывается уже на 24 дивизии больше, чем 15 ноября». Силы германских войск в результате ожесточенного сопротивления русских и «жестоких зимних холодов», по оценке германской стороны, сократились вдвое.

«Потери командного состава в среднем и нижнем звене чудовищно высоки, и на сегодняшний день компенсировать их куда сложнее, чем потери среди рядового состава»³⁵.

Началом наступательной операции под Москвой принято считать 5 и 6 декабря 1941 года. В немецких источниках отмечены «попытки» советских войск перейти в контрнаступление, датированные 4 декабря. Это не означает, что на фронтах до того было полное затишье. Серьезные бои происходили на разных участках фронта. На Южном направлении 28 ноября войскам под командованием Тимошенко был отдан приказ освободить г. Ростов. Задание было выполнено в кратчайший срок. Армия генерала Клейста отступила, что вызвало у Гитлера приступ ярости.

Особенно опасными были атаки германских танковых групп под Москвой. В историю обороны Москвы вписаны эпизоды самоотверженной борьбы советских воинов против танков не только Гудериана, но и Гепнера. Бессмертный подвиг совершили воины дивизии генерала Панфилова в районе разъезда Дубосеково 16 ноября. Именно здесь родилась крылатая фраза, ставшая боевым лозунгом. Обращаясь к воинам, политрук роты В. Клочков сказал: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!»³⁶. Попытка некоторых публицистов нынче принизить значение подвига панфиловцев выглядят кощунственно. Разумеется, отдельные бои и эпизоды не предопределяли исход грандиозного сражения. В сражении участвовали миллионы солдат и офицеров. Массовый героизм и стойкость воинов и умелое руководство гигантской армией были главным фактором победы в битве за Москву.

Изустная легенда, зафиксированная в военных воспоминаниях, повествует о том, что Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в те дни особенно часто, по крайней мере дважды в день, лично звонил по телефону генералу армии, командующему Западным фронтом Г. К. Жукову, чтобы убедиться в том, что войска твердо стоят на позициях. Предполагают, что И. В. Сталин не выпускал из рук записную книжечку, в которой фиксировал прибытие свежих дивизий к полуокруженной Москве. Накануне контрнаступления он спросил Г. К. Жукова, имеется ли возможность отбросить противника на несколько километров, скажем, километров на пять–восемь. Ответ Г. К. Жукова был по военному кратким. Он воспринял вопрос как указание действовать.

Контрнаступление советских войск началось на Калининском участке фронта 6 декабря. Было бы наивным представлять дело так, что с возгласом «Ура!» солдаты пошли в атаку и гнали врага до его логова. Бои под Москвой в декабре–январе были упорными и долгими. На участке фронта в районе Дмитрова советские войска пошли в наступление 11–13 декабря. В результате ожесточенных боев советским войскам удалось освободить 13 декабря г. Клин, а 16 декабря г. Калинин. Лишь 30 декабря удалось освободить Калугу. В течение января удалось преодолеть выступ германского фронта между Калинином и Клином и отбросить противника от Волги. К 30 января 1942 года был выровнен в известном смысле фронт от Верхней Волги до реки Москва. Еще два месяца, до самой весенней распутицы, продолжались бои в сложных условиях зимы на подступах к Москве.

Какое влияние на ход военных действий под Москвой оказали события на западе? Собственно серьезных событий на Западе Европы со времени вероломного нападения Германии на Советский Союз не произошло, да и материальной помощи не поступило. Правда, германская разведка отметила несколько британских танков в советских танковых частях. Вероятно, это были танки, переброшенные из Ирана, где находились советские и британские вооруженные силы.

Как только в Лондон пришла весть о начале наступления советских войск под Москвой, в британских правящих кругах появилось желание узнать об этом побольше на месте событий. В Москву по поручению премьер-министра Уинстона Черчилля прибыл министр иностранных дел, глава разведывательной службы Британии Антони Иден. Его сокровенным желанием было увидеть своими глазами хотя бы одного убитого немца. И. В. Сталин распорядился, чтобы визитера сопровождал в поездке к линии фронта не дипломат, а один из высших офицеров. Выбор пал на генерал-лейтенанта П. А. Ермолина. Позже генерал П. А. Ермолин рассказал, как И. В. Сталин напутствовал своего подчиненного: «Надо показать англичанам результаты разгрома немцев под Москвой. Будете сопровождать Идена в поездке до Волоколамска. Но помните: он не только министр иностранных дел, но и руководитель английской секретной службы. В беседах с ним будьте крайне осторожны. Больше смотрите на выражение его лица»³⁷. Замысел И. В. Сталина был прост: выполнить психологический эксперимент, чтобы склонить

англичан к серьезным переговорам о союзном договоре.

По просьбе гостя его повезли под охраной на нескольких машинах к линии Калининского фронта по Волоколамскому шоссе. Близ г. Клин вдоль дороги ему предстала невиданная в Европе картина разбитой германской техники и застывшие трупы немцев. Ничего подобного в Западной Европе видеть не приходилось. Тем не менее, на предложение заключить наконец союзный договор, откликнуться на призыв И. В. Сталина от 18 июля 1941 года открыть второй фронт в Европе министр реагировал сдержанно. Великобритания не хотела признать довоенные границы Советского Союза из-за присоединения к нему прибалтийских республик. Британский премьер У. Черчилль собирался с силами, чтобы вести войну с Германией вплоть до... последнего русского солдата. В США в тот момент еще преобладала точка зрения, которую тогдашний сенатор Г. Трумен выразил цинично: пусть русские и немцы как можно больше убивают друг друга.

Во время поездки А. Иден задал генералу вопрос: каковы потери немцев? Генерал, что называется, не моргнув глазом, отвечал: «около пятисот тысяч». Если генерал имел в виду потери германских войск непосредственно под Москвой, то это была завышенная цифра. А если он имел в виду общие потери с начала войны, то это была заниженная цифра. Впрочем, общие потери германской армии к этому моменту он мог и не знать, точнее: не мог знать. Генерал сделал тонкое наблюдение о реакции англичанина: «Рот его приоткрылся, подбородок опустился вниз». Иначе говоря: англичанин разинул рот. После доклада П. А. Ермолина И. В. Сталин «с удовлетворением в голосе» сказал: «Теперь англичане на переговорах с нами будут более сговорчивыми». Однако на деле, хотя до сговорчивости англичан было еще далеко, поворот не только на фронте, но и в сознании европейцев должен был произойти: «непобедимый» нацистский вермахт потерпел первое серьезное поражение.

Иначе складывалась обстановка на Дальнем Востоке, на Тихом океане. В США внимательно следили за действиями Японии в этом регионе, возлагая надежду на то, что она развернет свои военные силы на континенте против Китая и Советского Союза. Заместитель госсекретаря США С. Уэллес, естественно, хорошо зная положение Москвы в этот момент, заявил 1 декабря 1941 года публично: «Япония может напасть на Советский Союз в случае отвлечения им значи-

тельного числа своих войск с Дальнего Востока на Восточный (точнее: на Западный) фронт»³⁸. Советское командование перебросило к этому времени примерно половину дислоцированных на востоке страны дивизий, т. е. по калькуляции западных стратегов ситуация складывалась благоприятно для расчетов японских милитаристов. При решении о переброске дивизий с востока на запад советское правительство учитывало не только информацию разведчика Р. Зорге, но и донесение военного атташе и военного советника в Пекине, в котором четко отмечено: что все разговоры о подготовке Квантунской армии к наступлению ни на чем не основаны»³⁹.

Нападение Японии на флот США на о. Пирл Харбор 7 декабря 1941 года не оставило администрации США никакого выбора. Война на Тихом океане стала фактом. Еще осенью американская дипломатия из Москвы уведомила администрацию США лаконичным слогом: «Здесь преобладает безграничная воля к победе». В ноябре того же года правительство США приняло решение — распространить действие закона о ленд-лизе, т. е. о поставках военных материалов взаймы и в аренду, странам, ведущим войну против нацистской Германии. В тот момент это была декларация о намерении. Реальная помощь военными материалами и вооружениями до сражения за Москву в СССР не поступала.

Ну а как была воспринята в самой Германии весть о начавшемся контрнаступлении Красной Армии под Москвой и о переходе германских войск к обороне? Нельзя сказать, что события на восточном фронте тотчас повергли немцев в шоковое состояние. После некоторого замешательства главный шеф пропаганды пресловутый Й. Геббельс решил ввергнуть обывателя в состояние шока, используя версию неожиданной суровой русской зимы, развернув кампанию по сбору теплых вещей для армии под лозунгом: «Сдавайте теплую одежду!» Признавая, что тыловая служба вермахта не обеспечила солдат зимней одеждой, Й. Геббельс 21 декабря, за день-два до рождества, призвал немцев создать «фронт» по спасению немецких солдат: «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы. Если у вас дома есть какие-то теплые вещи, отправьте их на фронт»⁴⁰. Перечень вещей, которые помогут избежать катастрофы, вызвал в западной прессе, особенно в британской, можно сказать сардонический отклик. В списке вещей были названы не только шерстяные носки и свитеры,

теплое белье и шапки, рукавицы, но и наушники и наколенники. Не были названы, но оказались в массе сданных вещей, а их общее число достигло 67 миллионов единиц, даже дамские шубы и дамское белье. Цель яркого нациста — повергнуть в шок немцев, чтобы избежать катастрофы (именно это выражение было пущено в ход), была достигнута.

Разумеется, серьезнее поняли причины и следствия перехода к обороне германские военачальники. Германское командование понимало, что молниеносная война не состоялась, что предстоит долговременная «кампания» с неопределенным окончанием. Однако высшее политическое руководство не считало утраченной стратегическую инициативу, полагая, что перестановки в командном звене и перегруппировка еще имеющихся сил позволят сокрушить Советский Союз и договориться с западными державами о разделе жизненного пространства. Рейхсканцлер Адольф Гитлер легко возложил ответственность за провал «Плана Барбаросса» и операции «Тайфун» на неумелых исполнителей, прежде всего на фельдмаршала Фёдора фон Бока, начальника генштаба генерала Франца Гальдера, на командующего сухопутными силами Браухича, чтобы взять в свои руки безраздельно командование вермахтом.

Именно в результате поражения под Москвой в правящих кругах Германии появились признаки «прозрения» не только в военной среде, но и в высших сферах государства, особенно после объявления А. Гитлером войны Соединенным Штатам из-за нарушения ими статуса нейтралитета. Одним из первых мысль о целесообразности вступить в переговоры о мире высказал Гальдеру генерал Фромм.

Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, отстраненный после нападения Германии на Советский Союз от восточной политики, пытался уговорить А. Гитлера дипломатическими методами умиротворить европейские страны, в том числе и оккупированные. Он поддержал версию А. Гитлера о «преждевременной зиме» как причине катастрофы под Москвой, но он же одним из первых в правящих кругах сделал вывод о необходимости искать пути к миру. В своих записках, опубликованных после его казни по приговору Нюрнбергского трибунала, мы находим такие строки: «После вызванной погодными условиями катастрофы зимой 1941–1942 г., в результате которой наша армия, как известно, застряла перед Москвой и весь Восточный

фронт зашатался, я по случаю новогоднего поздравления на рубеже 1941–1942 гг. впервые заговорил с фюрером о возможности заключения мира с Россией. На это Гитлер ответил мне всего лишь, что такой мир он не считает возможным, на Востоке речь может идти только о несомненном решении хода войны в нашу пользу»⁴¹.

Позже, осенью 1944 года, «разведенная» жена И. Риббентропа написала письмо фюреру с предложением поручить ей вступить в контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме, «для серьезного разговора с Россией о мире». А. Гитлер категорически отверг эту инициативу. Тем не менее, И. Риббентроп в январе 1945 года предложил Гитлеру поручить ему особую миссию: он готов вместе с семьей (в качестве заложника) полететь в Москву, чтобы убедить И. Сталина в «честности наших намерений». В ответ А. Гитлер твердо заявил, чтобы министр не уподоблялся Рудольфу Гессу, который, как известно, пытался выполнить миссию в Великобритании.

Иоахим фон Риббентроп, очевидно, считал себя умелым дипломатом, хотя на самом деле играл роль пособника сумасбродного диктатора. В ночь объявления войны, когда нацистские дивизии уже вторглись на территорию СССР, И. Риббентроп провожал советских представителей до выхода, повторяя невнятно: «Передайте в Москве, что я был против...». Он явно считал себя способным договориться в Москве о мире даже в момент, когда Советская армия численностью более 10 миллионов развернула уже наступление на Берлин. Записки нацистского дипломата, тем не менее, представляют интерес для историков, желающих понять, как рождаются иллюзии дипломатов. Одно свидетельство такого рода представляет интерес, хотя может быть истолковано двояко.

После Сталинградской катастрофы А. Гитлер завел разговор с министром о роли И. Сталина как личности, как лидера нации. «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным, — рассуждал А. Гитлер. — Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уваже-

ние и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, историческая личность совершенно огромного масштаба»⁴². Обмен оценками не состоялся. Однако сталинская оценка личности фюрера могла быть доведена до него еще в годы войны. Имея в виду склонность А. Гитлера ставить себя в один ряд с Наполеоном, И. В. Сталин однажды сказал: Гитлер так же похож на Наполеона, как котенок на льва.

Из всех оценок личности А. Гитлера следует признать самой точной записанную Вальтером Шеленбергом: «Одной из характерных черт Гитлера была мания расового неравенства. Составной частью теории превосходства германской расы была ненависть Гитлера к евреям»⁴³. Начальник секретной службы нацистов свидетельствовал (он знал официальные заключения врачей — психиатров) о психической ненормальности фюрера. В архиве Гимmlера сохранились документы, свидетельствующие о патологических извращениях, в частности в отношении женщин: «Его вполне удовлетворяли экстазы власти в любых формах. Произнося свои речи, он впадал в такой экстаз и так дико корчился, что получал от этого полное удовлетворение». Ближайшее окружение фюрера, особенно врачи, знали об извращениях его и продолжали выполнять его приказы. Разумеется, немецкие генералы, в руках которых были судьбы сотен тысяч и миллионов своих сограждан не могли не понимать, что выполняют преступные приказы.

Агрессивный «План Барбаросса» и целый пакет приказов и распоряжений в развитие этого плана агрессии и уничтожения «неполноценных» народов составляли «нормальные» генералы, которые позже пытались возложить ответственность за неудачи и поражение в войне, но не за развязывание преступной войны, на фюрера. Возможно, первые сомнения в дееспособности и вменяемости фюрера появились после провала плана молниеносной войны. Однако гитлеровские генералы и высшие офицеры продолжали преступную «кампанию», стоившую миллионов жизней народам, включая и немецкий народ.

Если говорить серьезно и объективно о причинах поражения германского вермахта под Москвой и вместе с тем крушения плана молниеносной войны против СССР, то, конечно, на первый план следует поставить мощное орга-

низованное сопротивление Советской армии, всего народа вероломному вторжению агрессоров — нацистской Германии и ее союзников: Италии, Румынии, Венгрии, Испании и Финляндии. Такие факторы, как климатические обстоятельства («преждевременная» зима) или даже субъективные просчеты германских генералов в оценке военного и экономического потенциала Советского Союза, включая сумасбродные установки фюрера, следует отодвинуть на второй и даже третий план.

К сожалению, в то время Советский Союз не получил практически реальной военной и материальной поддержки от потенциальных союзников, от Великобритании и США. Реальные переговоры о союзном договоре СССР с Великобританией и о соглашении СССР с США стали возможны лишь после завершения битвы за Москву: в мае–июне 1942г. Для полного разгрома агрессоров потребовалось еще три гола. Нацистская Германия потерпела первое поражение. Однако еще не утратила стратегической инициативы и способности сосредоточить силы для летнего наступления на Южном направлении с целью прорыва к Волге и даже к Кавказу. Во многих странах мира, особенно в Великобритании и США, не говоря об оккупированных странах, поражение германской армии под Москвой было воспринято тогда же как провал германского плана молниеносной войны, как знак надежды на полный разгром агрессора. Пресловутый мэр Москвы Г. Х. Попов, выступая в роли историка-ревизиониста (читай: фальсификатора), выпустил в Москве в 2005 году книгу «Три войны Сталина», в которой попытался развенчать стратегию советских полководцев с позиций обывателя-злопыхателя в стиле перебежчика Резуна. Тщетные потуги. Грубой фальсификацией истории выглядит в этой связи утверждение так называемого «историка» (на деле изменника родины) В. Резуна, который в книге «Тень победы», вышедшей на русском языке под псевдонимом В. Суворов, представил исход сражения за Москву как поражение, более того, как «позорный разгром» Красной Армии. Автор исследований полководческого искусства маршала Советского Союза Г. К. Жукова генерал армии М. А. Гареев показал в фундаментальном труде «Полководцы Победы и их военное наследие» абсолютную несостоятельность такого рода толкований, фактически искажений, фальсификации истории Второй мировой войны⁴⁴.

В последние годы стало модным обсуждать масштабы безвозвратных потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. При этом ответственность за гибель миллионов граждан страны часто возлагается не на агрессора, а на «неумелое» руководство страны, игнорируется тот факт что значительная часть населения погибла на оккупированных территориях от голода (блокада Ленинграда), массовых расстрелов (Бабий Яр под Киевом), голода и холода (по признанию фельдмаршала Ф. Паулюса в сталинградском котле) В числе безвозвратных потерь оказались попавшие в плен советские солдаты и офицеры. Из 5 миллионов военнопленных, по германским данным, два с половиной миллиона погибли от голода, болезней и истязаний в германской неволе.

Больших жертв стоила и оборона Москвы. Миллион участников обороны Москвы был отмечен медалью «За оборону Москвы». Однако значительными были безвозвратные потери вооруженных сил. Значительными были и потери техники и вооружений: 4171 танк, 21 478 орудий и минометов, 983 самолета⁴⁵. На московском направлении вермахт потерял 615 000 солдат и офицеров.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Такой вывод сделал один поэт еще в средние века. В XX веке, веке техники и массовой информации, эта сентенция стала расхожим обобщением, которым пользуются публицисты, чаще всего игнорируя реальные исторические условия. В изображении событий Второй мировой войны этим грешат западные публицисты, которые высоко ставят германских стратегов, принижая стратегическое мышление советских военачальников. Между тем, в конце войны никто иной, как Й. Геббельс вынужден был признать, что русские генералы и маршалы превосходят германских, имея преимущество не только в возрасте (они были моложе германских лет на 10–15), но и в военном образовании (советские учились в академиях, в чем не были замечены немцы). Даже рабоче-крестьянское социальное происхождение было признано достоинством русских в отличие от аристократического, дворянского происхождения, питавшего национальное чванство. Нацистская идеология с ее доктриной расового превосходства дала отнюдь не позитивные плоды германской нации в целом. Очевидно, что доктрина расового превосходства предопределяла и концепцию военного превосходства Германии над другими странами.

Начиная с поражения под Москвой генералы на фронте начали сомневаться в правильности оценки военного потенциала Советского Союза в Генеральном штабе Германии. Перед нападением на СССР Гитлер игнорировал мнение посла В. Шуленбурга и военного атташе в Москве Э. Кёстринга и положился на впечатления, которые получил полковник Кребс, побывав на параде Красной Армии в Москве 1 мая 1941 года. Военная разведка имела достаточно много агентов, особенно в западных районах СССР. Однако правильно оценить военный и экономический потенциал страны накануне Второй мировой войны германский Генштаб не сумел. Это относится и к первому этапу войны на восточном фронте в части, касающейся мобилизационной способности РККА. Недооценка боеспособности Красной Армии была одной из причин просчетов германского командования.

Фактор внезапности вторжения потерял свое значение в первые месяцы войны, встретив упорное сопротивление советских войск, которые продолжали сражаться, хотя масштабы потерь были огромными. Способность Советского государства мобилизовать армию и наладить производство вооружений оказались иными, нежели те представления, которые сложились в германских официальных органах. Западные историки объясняют победу Красной Армии тем, что И. В. Сталину удалось в короткий срок создать на московском направлении численное превосходство над противником. На самом деле к декабрю 1941 г. превосходство сил было еще на стороне противника: группе армий «Центр» численностью 1,8 млн противостояли советские войска численностью 1 млн 100 тыс. Противник подтянул технику: 13,5 тыс. орудий, 1170 танков, 600 самолетов. Советские войска имели на фронте 7650 орудий, 770 танков. Правда, на советской стороне имелось еще 415 установок реактивной артиллерии и до 1000 самолетов на подмосковных аэродромах. Иной вопрос: германский тыл находился в более, чем 1000 километрах и не обеспечивал достаточно горючим и боеприпасами. Советские войска имели прочный тыл, хотя в условиях окружения не всюду можно было свободно подвозить необходимое для войск.

Германские стратеги ссылались не только на климатический, но и на геополитический фактор, на беспредельные российские просторы, которые поглотили военную силу рейха. Это получило отражение даже в подзаголовках

книг некоторых германских военных, например, в титуле книги К. Рейнхардта: «Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42». В публичных дискуссиях, в том числе в немецких аудиториях, иногда приходится слышать и такой обывательский «аргумент»: коварный Сталин сознательно заманил вглубь России германские армии, чтобы в неблагоприятных для немцев условиях устроить «русскую баню». Фальсификаторы истории до сих пор используют ссылки и на несостоятельную стратегию А. Гитлера, и на русский мороз, и на необъятные просторы России, чтобы игнорировать решающий фактор поражения вермахта под Москвой: хорошо организованное сопротивление агрессору, самоотверженность солдат и офицеров Красной Армии (действительно рабоче-крестьянской армии), наконец, опыт ведения оборонительной войны, полученный военачальниками в первые месяцы войны.

Разгром десятков дивизий вермахта под Москвой имел резонанс во всем мире. Президент США Ф. Д. Рузвельт в послании И. В. Сталину 16 декабря 1941 г. сообщил, что в Америке наблюдается «всеобщий подлинный энтузиазм» по поводу успехов великой нации в войне против нацизма.

После войны некоторые германские генералы признали, что поворот в войне наметился именно под Москвой зимой 1941–1942 года. Например, генерал Г. Блюментрит отметил в своих воспоминаниях: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар как в политическом, так и в военном отношениях»⁴⁶.

Из итогов зимней кампании 1941–1942 гг. враждующие стороны сделали свои различные выводы, которые имели значение для дальнейшего хода войны. После битвы за Москву война вступила в качественно иной этап: в этап затяжной, долговременной борьбы, исход которой определялся такими стратегическими факторами, как материальные и людские ресурсы сторон, а также морально-политическим состоянием страны, народа. Разумеется, имели значение военное мастерство командования противоборствующих сторон и адекватность оценок ими стратегической ситуации, соотношения сил. Правящие круги Германии, преданные фюреру, старались преуменьшить масштабы поражения вермахта под Москвой, полагая, что смена фельдмаршалов, командующих направлениями наступления на начальном

этапе войны, обеспечит успех в последующих крупных операциях. Они исходили из убеждения, что стратегическая инициатива отнюдь не потеряна, что германская сторона обладает достаточными силами для сокрушения большевизма, завоевания России.

Используя промышленный и людской потенциал не только Германии и Австрии, но и союзных государств, а также оккупированных стран, беспощадно эксплуатируя труд миллионов военнопленных на тяжелых работах на предприятиях и в шахтах, нацистские бонзы рассчитывали на быстрое восполнение потерь вермахта, увеличение производства вооружений для армии. Германское командование имело в своем распоряжении более чем четырехмиллионную армию, в составе которой еще имелись войска, участвовавшие в покорении западных стран и обеспечившие триумф фюрера в Западной Европе. Новые стратегические планы Германии, новые наступательные операции на восточном фронте имели целью захват территорий на южном фланге, прорыв к Волге и Кавказу. Замысел заключался в том, чтобы перерезать коммуникации противника и захватить нефтяные промыслы Кавказа, грозненскую и бакинскую нефть. Это означало бы лишение советских вооруженных сил поставок горючего для танков и самолетов. Правда, германский Генштаб и на этом направлении рассчитывал на успех, исходя из сведений, полученных на бумаге, на топографических картах и на рельефных ящиках. На южном направлении фактор пространства был не менее значительным, а главное — стойкость и сопротивление советских войск здесь было не менее упорным, чем в битве под Москвой.

Первое крупное контрнаступление Красной Армии имело не только военное, но и морально-политическое значение. Победа вдохновила и фронтовиков и тружеников тыла на продолжение самоотверженной борьбы за освобождение страны от оккупантов. Однако не только рядовые граждане, но и верховное командование не могло знать в полном объеме замыслы и планы противника. Многие в окружении И. В. Сталина были уверены, что германское командование может вновь начать наступление с целью захвата Москвы. Говорят, что И. В. Сталин не исключал такую возможность и не спешил перебрасывать армии на другие направления. К лету 1942 г. еще не удалось восполнить потери в живой силе и технике, понесенные на начальном этапе

войны. Безвозвратные потери были огромными. Потери техники можно было восполнить усилиями тружеников тыла, но для этого требовалось время. Знатоки говорят, что в период войны на каждого фронтовика в тылу должны работать по крайней мере семь человек.

Производство вооружений в городах за Волгой и за Уралом на предприятиях, которые успели вывезти, не могло быть налажено мгновенно, по мановению волшебной палочки. Для налаживания производства необходимы помещения и технологически подготовленные кадры. Спасением для страны стали созданные до войны промышленные центры: Свердловск (Екатеринбург) и Магнитогорск, Караганда и Кузнецкий бассейн, другие менее крупные города и села. Гитлеровцы рассчитывали, что они с оккупированных территорий смогут направить бомбардировщики для уничтожения промышленных объектов за Уралом. Однако это оказалось нереально. В истории войны такие факты (бомбардировки глубокого тыла России) не зафиксированы.

Стратегические расчеты советского командования весной и летом 1942 года еще не были точными, хотя наступление на Сталинград, очевидно, не было полной неожиданностью. Одним из важных последствий победы Красной Армии под Москвой было оформление союзных отношений Советского Союза с Великобританией

и достижение соглашения с США, соглашения о принципах, применимых в совместной борьбе против Германии. Произошло это в итоге полета В. М. Молотова над Балтикой в Англию и в США в мае–июне 1942 г. В результате миссии Молотова появилась надежда на открытие второго фронта в Западной Европе. Однако западные союзники не торопились с высадкой большого десанта на континенте. Для подготовки такой операции им потребовалось два года. Мотив затягивания высадки был весьма неубедительным: сами разговоры о втором фронте уже полезны для Советского Союза. Однако гитлеровское командование строило свои стратегические планы без всякой оглядки на эту эвентуальность. Летом 1942 года германская армия начала наступление на Сталинград.

Главным фактором стратегической ситуации летом 1942 года было соотношение материальных технических средств на фронте. Вермахту удалось восполнить потери в технике. Советскому Союзу требовалось время для производства необходимого количества танков и самолетов, а главное — артиллерийских орудий. Для коренного перелома в мировой войне требовалось не только время, но и вступление в силу факторов долговременной войны — борьбы «не на жизнь, а на смерть». Нашему народу предстояли сражения «не ради славы, ради жизни на земле».

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1960–1965. История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12 томах. М., 1973–1982.

² Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971. Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». М., 2001. Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. В четырех томах. М., 2005. Колл. авторов. Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход (сост. А. Ахтамзян). М., 2010.

³ Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора О. А. Ржешевского. М., 2005.

⁴ Маршал Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. (12-е издание), Т. 2, М., 1995.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006. Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. М., 2005. Манштейн Э. Утерянные победы. Ростов., 1999. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42. М., 1980.

⁶ Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. С. 298.

⁷ Дашичев В. И. Цит. соч. Т. 3, С. 88.

⁸ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 445.

⁹ Вторая мировая война. М., 1985. С. 139.

¹⁰ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Смоленск, 2001.

¹¹ Там же. С. 454.

¹² Незабываемый 41-й. М., 2007. С. 10–16.

¹³ Елисеев Н. С. Партизанское движение в битве под Москвой. М., С. 17–23.

- ¹⁴ Дашичев В. И. Цит. соч. С. 327–329.
- ¹⁵ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 212.
- ¹⁶ Вторая мировая война. М., 1984. С. 140.
- ¹⁷ Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. М., 2010. С. 308.
- ¹⁸ Там же. С. 305.
- ¹⁹ Жуков Г. К. Цит. соч. Т. 2. С. 217.
- ²⁰ Анфилов В. А. Цит. соч. С. 455–456.
- ²¹ Дашичев В. И. Цит. соч. Т. 3. С. 337.
- ²² Емельянов Ю. Сталин — Генералиссимус Великой Победы. М., 2008. С. 292
- ²³ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. В трех томах. Т. 2, (12-е издание). М., 1995. С. 212–213.
- ²⁴ Там же. С. 226.
- ²⁵ Митчем С. Цит. соч. С. 215.
- ²⁶ Там же. С. 215.
- ²⁷ Маршал Жуков. Воспоминания. Т. 2. С. 240–249.
- ²⁸ Анфилов В. А. Цит. соч. М., 1982. С. 284–285.
- ²⁹ Анфилов В. А. Цит. соч. С. 328–329.
- ³⁰ Фон Бок. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006. С. 385–386.
- ³¹ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: военный дневник, М., 2001. С. 507.
- ³² Дашичев В. И. Цит. соч. С. 340.
- ³³ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда. Военный дневник. М., 2001. С. 500–506.
- ³⁴ Фёдор фон Бок. Дневники. 1939–1945. М., 2006. С. 391–392.
- ³⁵ Бок Ф. Цит. соч. С. 394–395.
- ³⁶ Анфилов В. А. Незабываемый 41-й. С. 322–323. С. 334–335.
- ³⁷ Жухрай В. М. Роковой просчет Гитлера. М., 2000. С. 281.
- ³⁸ Цит. по: Соколов В. В. Российская дипломатия в 1941 г. в период битвы под Москвой. В брошюре Незабываемый 41-й. М., 2007. С. 28.
- ³⁹ Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1981. С. 217. Цит. по: Соколов В. В. Цит. соч. С. 28.
- ⁴⁰ Рисс К. Адвокат дьявола Геббельс. М., 2000. С. 296.
- ⁴¹ Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. М., 1998. С. 262–263.
- ⁴² Шеленберг В. Секретная служба Гитлера. Киев, 1991. С. 60.
- ⁴³ Шеленберг В. Цит. соч. С. 60.
- ⁴⁴ Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004. С. 132–134.
- ⁴⁵ Военно-промышленный курьер ВПК № 46 (412), 23–29 ноября 2011.
- ⁴⁶ Цит. по Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 185. Роковые решения. М., 1958. С. 108.

Заседание «круглого стола»: Итоги 1941 года, планы на 1942 год

Это заседание «круглого стола» было посвящено итогам 1941 г. и планам Советского военного командования на 1942 год. Его участниками стали генерал армии Махмут Ахметович ГАРЕЕВ, доктор военных и исторических наук, профессор, президент Академии военных наук; Георгий Александрович КУМАНЕВ, доктор исторических наук, профессор (Центр военной истории России, Институт российской истории РАН); Михаил Юрьевич МЯГКОВ, доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН); Юрий Александрович НИКИФОРОВ, кандидат исторических наук (Московский открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова); Александр Семенович ОРЛОВ, доктор исторических наук (Институт военной истории Минобороны России); гвардии генерал-лейтенант в отставке Степан Ефимович ПОПОВ (в 1945 г. — командир 3-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва РКК); Олег Александрович РЖЕШЕВСКИЙ, доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН), президент Ассоциации историков Второй мировой войны; полковник Владимир Анатольевич СЕМИДЕТКО, заместитель начальника Военно-мемориального центра Вооруженных Сил РФ; Владимир Васильевич СОКОЛОВ, кандидат исторических наук (Историко-документальный департамент МИД РФ); Петр Владимирович СТЕГНИЙ, доктор исторических наук. Заседание «круглого стола» вел писатель Александр Юльевич БОНДАРЕНКО.

М. Гареев: По-моему, сейчас в военно-исторической науке сложилось крайне неблагоприятное положение дел и по существу история войны начинает опустошаться. Попробуйте, например, сказать, что у Сталина были ошибки — хотя он сам это признавал, на вас немедленно обрушатся газеты ортодоксального толка: как, самого Сталина критиковать! Когда же я раскритиковал концепцию писателя Астафьева, на меня обрушились с «правого фланга»: самого Астафьева критиковал! Но ведь из истории нельзя никаких выводов извлечь, если не анализировать ее критически.

Притом, если одни хотя бы прикрываются патриотическими соображениями, вторые просто кричат, что вообще победы не было, а врага мы завалили трупам... Наука всегда отталкивалась от крайностей и приходила к золотой середине. К сожалению, сейчас между двумя этими крыльями нет золотой середины, здра-

вого смысла. Наша задача — показать читателю, что такие подходы не годятся, не имеют ничего общего с наукой.

А. Бондаренко: *Согласен. Цель, которую мы преследуем, проводя этот «круглый стол» по проблематике Великой Отечественной войны, как можно ближе подойти к истине. Вопросов много: почему немцы оказались под Москвой осенью 1941 г, можно ли было не допустить их до Сталинграда летом 1942 года?*

М. Гареев: Крупнейшая ошибка не только отдельных журналистов и публицистов, но и некоторых историков, когда они битву под Москвой или события 1942 года начинают рассматривать в отрыве от того, что было в начале войны...

В. Соколов: ...и даже — еще до ее начала. Например, перед войной советское руководство уделяло большое внимание нашим дальневосточным рубежам, где с 1931 года, когда

Маньчжурия, северо-восточные провинции Китая были захвачены Японией, беспрерывно происходили вооруженные столкновения. Кстати, на погранзаставе в Гродеково отбивал нападения японцев будущий посол в Китае Панюшкин...

А. Бондаренко: *Думаю, имя Александра Семеновича Панюшкина прозвучит сегодня не раз, а потому уточню, что он служил в Погранвойсках, затем — в разведке. Был послом в Китае и в США, совмещая — что случалось крайне редко — эту работу с работой резидента. В 1953–1955 годах генерал-майор Панюшкин руководил внешней разведкой.*

В. Соколов: Так вот, буквально за два месяца до начала войны советской дипломатии удалось заключить с Японией договор о нейтралитете. Причем министр иностранных дел Мацуока, который приехал в Москву из Берлина, где вел переговоры с гитлеровским руководством, узнал о планах по нападению на СССР и все-таки пошел на заключение договора о нейтралитете. Более того, 12 апреля он сказал Сталину, что возможен конфликт Германии с Советским Союзом, которые в ту пору находились вроде бы в дружбе. В этом случае, сказал министр, вы не должны опасаться каких-либо действий со стороны Японии... Между прочим, впервые за всю свою практику Сталин лично провожал министра на Северном вокзале!

А. Бондаренко: *То есть устоявшаяся точка зрения — Зорге сообщил, что Япония не нападет, и Сталин сразу перебросил под Москву войска с Дальнего Востока — представляется несколько упрощенной...*

П. Стегний: Да, серьезные предупреждения о готовящейся фашистской агрессии поступали не только по линии военной и политической разведки, но и по линии посольств. Опубликованная нами недавно апрельская телеграмма посла в Берлине Деканозова из 20 пунктов — относительно неизбежности нападения Гитлера на СССР — вносит коррективы в устоявшиеся оценки степени активности действия советской дипломатии. Такие предупреждения шли потоком — даже в индивидуальном порядке. Так, первый секретарь посольства в Турции Татьяна Жданова после проведения глубоких и заслуживающих внимания контактов напрямую информировала руководство о 15 июня как дне нападения фашистов.

М. Гареев: И все же вследствие недооценки этой информации, известных политических ошибок война в самом начале сложилась для нас

крайне неблагоприятно. Мы потеряли основную часть авиации, наиболее опытных летчиков. По существу — основную часть регулярной армии. Миллион с лишним только в плен попали. Мы потеряли наиболее опытных командиров. Да, перед войной мы имели больше авиации, артиллерии, чем немцы, — не столько, сколько говорят, но действительно имели. Уже в первые дни войны этого превосходства не стало. Под Москвой мы воевали против превосходящих сил противника — и количественно, и качественно.

С. Попов: Могу сказать, в каком состоянии мы начали войну. В моем артиллерийском полку было до 800 лошадей. Мне ставят задачу — выйти на рубеж, удаленный на 25 километров, встретить и отбить атаку танков. Спрашиваю, как я смогу предупредить немецкие танки, идущие со скоростью 30–40 км в час? Мне говорят: вы понимаете задачу? Чувствую, чем дело может для меня закончиться. Командую: по коням, за мной! Но пока я шлепал эти 25 километров, то оказался в тылу противника...

М. Гареев: В 1941 г. мы попали в тяжелое положение, в частности, потому что не понимали, что такое стратегическая оборона. На чем все эти резуны-суворовы спекулируют? Мол, мы не собирались обороняться! Собирались, но не представляли себе правильно, что такое современная оборона против превосходящих сил противника. Нельзя было рассчитывать силами армий прикрытия на короткое время отразить такое наступление — нужно было подготовить длительные оборонительные операции с большим количеством оборонительных сражений, контрударов... Подготовлены они не были.

А. Бондаренко: *И все же мог ли быть при тех условиях иной вариант развития событий летом 1941 года?*

М. Гареев: Сейчас немало пишут, что мы неправильно определили направление главного удара немцев... Мы на западном направлении не сосредоточили свои главные силы, а немцы — главные. На юго-западном направлении, наоборот, мы сосредоточили основную, а немцы — меньшую часть сил. Но мы и на юго-западном направлении те же неудачи потерпели! Все дело в том, что в момент нападения наша армия оказалась на положении мирного времени, не была приведена в боевую готовность. Если бы войска заняли оборонительные рубежи и провели бы хоть частичное оперативное развертывание — или после неудачных пограничных сражений

приняли решение закрепиться на Днепре, куда бы последовательно отходили войска первого эшелона, подходили все резервы, создавалась бы группировка, — то война уже в 1941 г. пошла бы совсем по-другому. Может, и до Москвы не отступали бы.

С. Попов: Не надо забывать и о состоянии наших военных кадров... Гитлер, после того как пришел к власти, не выгнал из армии ни одного человека, воевавшего в 1914–1916 годах. Признаем, что он прекрасно понимал, что военные — особая каста людей, особая подготовка, особая любовь к родине.

Я хорошо знаю, как прошли по нашей армии репрессии, каких талантливых военачальников и командиров мы лишились! А в результате из всех командующих округов смогли быть командующими войсками фронтов только Мерецков, Жуков и Тюленев... Остальных несколько раз подбирали и выбирали. В общем-то, ни один командующий войсками округа сразу не справился даже с задачей командира полка... Но были такие, кто, как Рокоссовский, встал и справился со своими задачами; как Ватутин, который сказал: «Дайте, я буду управлять корпусом!»; уже в первый период 1941 года проявили себя Черняховский, Болдин, Кузнецов... Напряженная боевая обстановка заставила мыслить и действовать по-другому, она выдвинула новых людей.

П. Стегний: Те же самые проблемы, кстати, были и в Наркомате иностранных дел. После 1939 года, смены «литвиновского» курса на «молотовский», МИД был буквально выкошен чистками, оказался в чрезвычайно ослабленном состоянии. Достаточно сказать, что из восьми заведующих отделами налицо были только двое. Был просто всеобщий вопль всех послов, всех полпредов в странах Запада о катастрофической нехватке квалифицированных кадров даже с минимальными знаниями иностранных языков! Доходило до того, что первые беседы Молотова в НКВДе переводил первый заместитель наркома Потемкин, поскольку других специалистов со знанием языков не было. Вспоминаю об этом потому, что в те дни особенно остро ощущалась прямая связь военной стороны и политико-дипломатической... Героические сражения нашей армии и работа на дипломатическом фронте — они практически неразделимы, это две части одной работы, имевшей единую цель.

А. Бондаренко: Это в традиции нашего народа — вдруг мобилизовать все свои силы перед лицом смертельной опасности... Но давайте

подробнее рассмотрим этот вопрос: как нам удалось не только остановить, но и разгромить гитлеровцев у стен Москвы?

С. Попов: Наша 21-я армия до 13 июля занимала оборону на Днепре в районе Жлобина — Рогачева, а затем перешла в контрнаступление, отогнала противника под Бобруйск, где мы на целый месяц задержали его наступление на Гомель и Брянск и дальше — на Москву. Перед нашим 63-м корпусом, которым командовал Петровский, стояли немецкие 24-й и 26-й танковые корпуса. А мы их держали! Отсюда, по-моему, и началась большая битва за столицу нашей Родины.

Г. Куманев: Хотя историки считают началом Московской битвы 30 сентября, но она началась гораздо раньше — с воздушных сражений за Москву, с 22 июля 1941 года. Враг рассчитывал, прежде чем начать генеральное наступление на Москву, всю ее сокрушить и разбомбить. Несмотря на потери, которые понесли наши ВВС и силы ПВО, мы одержали здесь несомненный успех...

О. Ржешевский: Действительно, ни один массированный налет не принес ожидаемых результатов. К столице прорывались отдельные самолеты, редко — небольшими группами... Мне самому довелось быть свидетелем первого налета на Москву. В то время, окончив 9-й класс, я учился в Центральном аэроклубе СССР им. Чкалова, мы уже начали летать на У-2. Тушинский аэродром прикрывали зенитная артиллерия, пулеметы на крышах близлежащих домов. Нас придали их расчетам. Налет начался поздно вечером, и картина была потрясающей. В перекрестьях прожекторов под огнем зениток к городу прорывались немецкие самолеты и сбрасывали свой груз. К концу ночи все было объято взрывами и пламенем — нам казалось, полгорода разрушено.

Утром мы пошли на станцию, доехали до города. Прошли от Белорусского вокзала до площади Маяковского — все вроде бы цело, только улица покрыта осколками битого оконного стекла.

В тот вечер к Москве направлялось около двухсот немецких самолетов, 22 из них были сбиты. Все же разрушения и потери были немалые. Только с 22 июля по 22 августа погибли более семисот москвичей. Но разрушить столицу даже в той степени, в которой был разрушен Лондон, — не говоря уже о Ковентри или Роттердаме, немцам не удалось...

Г. Куманев: Да, противовоздушная оборона Москвы была в целом подготовлена неплохо. Ни одна другая европейская столица такой ПВО не имела.

А. Бондаренко: *К воздушному нападению на Москву мы были готовы. А к самой операции «Тайфун»?*

Г. Куманев: Начало наступления группы армий «Центр» так или иначе явилось и для Ставки ВГК, и для командования трех фронтов внезапным и неожиданным. Да, предполагали, что это произойдет. Об этом свидетельствуют хотя бы предупреждения, которые были направлены Ставкой командованию Брянского, Резервного, Западного фронтов 10 и 27 сентября. Но они были недостаточно конкретными: «Надо подготовиться к активной обороне», «враг может перейти в наступление», но когда это произойдет, Ставка не знала. Здесь и наша военная разведка, я считаю, сработала недостаточно четко. Впрочем, на этот счет есть признания маршала Василевского, начальника штаба Брянского фронта генерала Сандалова...

М. Гареев: Мы часто остерегаемся критиковать Генштаб — это святая святых. Генштаб дал ориентировку и Брянскому фронту, и Западному, где ждать удара противника. Потом Еременко и Конев получают данные разведки, которые говорят, что удар будет в другом месте. Но все равно, чтобы обезопасить себя, они исходят из того, что сверху сказано. А немцы прорвались в слабом месте, зашли в тыл резервам — и резервы нельзя было использовать.

Г. Куманев: Результат внезапного начала операции «Тайфун» — пять окруженных армий! Казалось, это полная катастрофа. Ведь позади этих армий не было никаких сил, способных задержать дальнейшее продвижение противника. Враг предвкушал скорое взятие Москвы и полную победу. Но этого не случилось. Какое чудо произошло?

Одно из чудес совершили воины окруженной группировки, которые не прекратили, как надеялся противник, сопротивление, а встали на смерть и в отдельные дни приковали к себе до 28 вражеских дивизий. Но поскольку они попали в окружение, то о них практически забыли. Слово «окруженец» у нас было не в почете...

М. Гареев: Откуда, кстати, пошла боязнь окружения? Когда в конце XIX — начале XX века проводились маневры, то само столкновение не отрабатывалось. Если одна сторона зашла во фланг другой, создала опасность окружения,

надо было отходить. И это такая зараза получилась! Иногда говорят: мало что делается в мирное время на учениях, а в военное время будет все по-иному. Нет, все будет так, как в мирное время завели... Поэтому всю русско-японскую войну, как только во фланг нам заходили, — начинали отходить. Потом это перешло на 1941 год.

А затем Ульрих, Вышинский и Мехлис придумали издать директиву, что те, кто был в окружении, люди вроде бы неполноценные. Полагали, что при таком подходе войска не будут попадать в окружение. К чему это привело? Полк храбро сражается, соседи справа и слева бежали, стойкий полк оказывается в окружении. Значит, полк плохой. А те, кто в окружении не был, хорошие. В 1942-м стали бояться окружения больше, чем противника! Потому и эти отступления пошли — после Харьковского сражения и вплоть до приказа № 227.

Г. Куманев: Окруженные армии дрались, и именно они были спасители Москвы! «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, — писал в своей книге Г. К. Жуков, — мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались ненеприятными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в дело защиты Москвы, еще ждет достойной оценки». Так до сих пор и ждет!

М. Гареев: Сентябрьскую оборонительную операцию Конев и другие провели очень неудачно. По существу из пятисоттысячной группировки Западного фронта остались 90 тысяч — когда Жуков приехал из-под Ленинграда, все было оголено. Полководческое искусство Жукова — это один из факторов, который обеспечил нашу победу под Москвой. Отличие Жукова от многих других в том, что он умел не только мыслить самостоятельно, но и отстаивать свою позицию...

А. Бондаренко: *В чем конкретно тогда проявилось это искусство?*

М. Гареев: Скажем так, чем брал Жуков, когда все развалилось — в октябре-ноябре, пока еще резервы не подошли...

Он ведь во главу угла своей деятельности поставил разведку, каждого разведчика, который возвращался из тыла противника, сам расспрашивал — прежде всего, хотел узнать, где немцы планируют нанесение главного удара. И это небывалое дело в истории военного

искусства — на направлениях, где противник наносит главный удар, он собирал не основные силы, как и положено, а буквально всё, что у него есть. Просто оголял другие направления! Если бы он ошибся, это привело бы к катастрофическим последствиям. Но Жуков не ошибался, ему действительно удавалось раскрыть замысел противника.

Кстати, у Жукова под Москвой были собраны исключительно талантливые и очень способные люди — Рокоссовский, Белобородов, Панфилов, Катуков... Ну и, конечно, добавим героизм солдат и офицеров...

А. Бондаренко: *А если, не отдаляясь от темы нашего «круглого стола», все же конкретизировать разговор событиями Московской битвы в 1941 году?*

М. Гареев: Но я все-таки хотел бы обратить внимание на одну частность. В канун празднования 60-летия победы под Москвой один из известных экономист решил дать ей в прессе свои оценки, не слишком разбираясь в военной истории. Он написал, например, что мы напрасно истязали население рытвем окопов — нет никаких данных, что эти окопы и рвы какую-то роль сыграли. Зато далее он похвалил грамотно сооруженные немцами укрепления на подступах к Берлину и Кенигсбергу, «которые наши войска взяли с очень большим трудом». Смешно получилось! Мы Москву отстояли — значит, все-таки окопы рыли не зря. Зато «грамотные» немецкие укрепления мы преодолевали за одну-две недели и взяли Кенигсберг и Берлин. Как тут свести концы с концами? Должен же быть какой-то здравый смысл?

А. Орлов: В первые дни, когда началась война, народ еще благодушествовал, не понимал, что это не какой-то кратковременный конфликт типа Хасана или даже финской кампании, а началось именно вражеское, фашистское нашествие. Когда же враг подошел к Москве, все уже было предельно ясно. Ну а в России всегда крайне отрицательно относились к любым иноземным нашествиям... И тогда наступило, как сказал Пушкин, «остервенение народа»: либо умрем, либо выгоним иноземцев.

Под Москвой произошел перелом в сознании всего мира — в том числе и у немцев, потому что рухнул блицкриг, а военные понимали, что без блицкрига победить нельзя. К тому же вступила в войну Америка. Если в июле 1941-го Гитлер уже считал, что Россия завоевана, и отдал приказ переключить военное производство

с техники для сухопутных войск на авиацию и флот, то после Московской битвы этот приказ был отменен.

Г. Куманев: Финал Московской битвы многие связывают с 5–6 декабря. Войска перешли в контрнаступление — победа достигнута. Что было дальше — уже не интересует. Вся пропаганда 60-летия Московской битвы на сто процентов свернута — нет статей, молчат телевидение и радио. Между тем этот финал растянулся аж до 20 апреля, он был достаточно кровавым и тяжелым...

А. Орлов: Я хотел бы привести несколько цитат. Вот что после войны писал начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер: «Был разбит миф о непобедимости немецкой армии. С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости». Черчилль — Сталину: «Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенно в исходе войны». Генерал Макартур, командующий американскими войсками на Дальнем Востоке: «Размах и блеск сокрушительного наступления Красной Армии, заставившего немцев отступить от Москвы, явились замечательным достижением всей истории».

В. Соколов: Между тем 28 ноября, в самый канун начала контрнаступления под Москвой, министр иностранных дел Мацуока дал указание послу в Берлине лично сообщить Гитлеру, что Япония имеет сложные отношения с Соединенными Штатами и ее намерения — двигаться на юг. Никакого наступления на север она не планирует. Для советского руководства это была информация первостепенной важности.

П. Стегний: Да, наше контрнаступление совпало с событиями на Тихом океане — это был свой круг проблем, виртуозно решенных путем взаимодействия государственных органов и руководства Советского Союза, дипломатов и военных. Так, 9 или 10 декабря американцы озвучили на одной из пресс-конференций идею о том, что необходимо приостановить военные поставки Советскому Союзу. Но после целого ряда очень решительных согласованных шагов нашего политического руководства и ведущих дипломатов эту заминку удалось преодолеть.

А. Бондаренко: *Америка вступила в войну с Германией, с Японией. Наверное, вполне закономерно прозвучали бы предложения, чтобы СССР также объявил войну Стране восходящего солнца?*

В. Соколов: Конечно! Американцы рассчитывали, что Советский Союз сразу же вступит в войну с Японией. Они исходили из того, что наши взаимоотношения всегда были сложными... Как ни странно, наш новый посол в США Литвинов тоже предложил советскому руководству вступить в войну с Японией, не дожидаясь, пока она нападет сама...

Чан Кайши прямо предложил нашему послу Панюшкину: «Мы объявляем войну Германии и Италии, а вы — Японии». Но было ясно, что Китай с Германией, а тем более с Италией воевать не будет, зато для нас открывается второй фронт.

На личное обращение Чан Кайши Сталин ответил письмом от 12 декабря. Этот документ мало кому известен:

«Антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонский фронт в Китае являются участком общего фронта государств, воюющих против агрессоров. Но антигерманский фронт имеет решающее значение. Основную тяжесть войны против Германии несет СССР. Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США и Китая против государств оси. Я прошу вас поэтому не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии. Конечно, Советскому Союзу придется воевать с Японией, т.к. Япония, безусловно, нарушит пакт о нейтралитете, и к этому надо быть готовым, но не сейчас».

Чан Кайши был вынужден согласиться. Однако китайская печать использовала не совсем удачное высказывание генерала Чуйкова, нашего военного атташе и руководителя группы военных советников, который, зная о послании Сталина, неосторожно заявил, что когда СССР разгромит Германию, то примется за Японию... Начался шум, Василию Ивановичу пришлось из Китая уехать. Сталин ему заявил: «Дипломата из вас не получилось — возглавьте 1-ю резервную армию».

А. Бондаренко: Из сказанного становится ясно, что Советский Союз, буквально у самого сердца которого все еще находился враг, уже тогда превратился в основную действующую и наиболее авторитетную силу антигитлеровской коалиции.

А. Орлов: Да, народы Европы и всего мира поняли, что есть такая сила, которая успешно противостоит доселе непобедимой немецкой армии, и это способствовало развертыванию партизанского движения. После победы под Мо-

сковой у нас начали формироваться партизанские отряды из групп окруженцев, которые просто отсиживались в лесах. Например, на Смоленщине бойцы, попавшие в окружение в августе 1941 г., в январе 1942 года создали партизанский отряд имени Ворошилова. Отряд «Мститель» возник в феврале 1942 года на базе окруженных солдат 204-й дивизии. Немецкий тыл всколыхнулся и зашатался...

Кроме военной победы под Москвой, мы одержали и большую психологическую победу.

Г. Куманев: Хотя преувеличивать результаты, достигнутые к концу 1941 года, не стоит, но все же надо учесть, что мы добились контрнаступления после небывалой катастрофы, которая произошла для наших войск в начале гитлеровской операции «Тайфун» под Вязьмой и Брянском.

О. Ржешевский: Коснусь, однако, вопроса, который не прозвучал еще в достаточной степени четко, — о потерях. Если мы, например, возьмем немецкие данные и наши данные о потерях в связи с воздушной битвой за Москву, то получается совершенно различная картина. Это отнюдь не означает, что немецкие данные являются достоверными — тем не менее, как военно-историческое управление бундесвера объявило свои определенные данные, так они на этих цифрах и стоят. А мы не в состоянии даже получить доступа ко всем их материалам. Допустим, 6-й истребительный авиационный корпус представляет данные о 89 немецких самолетах, сбитых в июле — августе 1941 года. Немецкие данные подтверждают только 32. Где правда?

Это очень большая проблема, которую сто процентно решить невозможно, и поэтому не нужно ставить перед собой такую задачу. Абсолютной истины в истории никогда не бывает — в этом ее прелесть как науки. Конечно в бесконечном! Пожалуй, наиболее реальный путь, который оправдывает себя на конкретных примерах, — разработка совместных работ с немецкими историками. Только так можно создать более-менее объективную картину...

А. Бондаренко: Военные итоги 1941 года примерно понятны. А что принес этот год на дипломатическом, внешнеполитическом фронте?

П. Стегний: В первую очередь стратегическое значение имело то, что были заложены основы антигитлеровской коалиции. Здесь значительную роль сыграли послы в США — Литвинов, в Лондоне — Майский. Очень близкие

личные контакты Майского с Черчиллем способствовали тому, что британский премьер одним из первых послал сигналы абсолютной солидарности с СССР и во многом, как мне кажется, повлиял и на позицию США. Нельзя забывать и про огромный успех сентябрьской Московской конференции, на которой были согласованы вопросы военных поставок, — это имело очень серьезное значение накануне начала битвы под Москвой.

Хотя осенью–зимой 1941 года формирование взаимодействия в треугольнике Вашингтон — Лондон — Москва проходило со значительными и тревожными попятными явлениями... В 8-м номере «Международной жизни» нами опубликована подборка материалов о контактах Черчилля и Сталина. Она показывает, насколько глубок был кризис в их личных отношениях, когда Сталин добивался объявления Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии, а также обсуждался вопрос о присутствии высокопоставленных английских военных представителей для ознакомления с положением на фронте. Опубликовано рукописное письмо Сталина Майскому — оно раскрывает новые аспекты и реальные трудности работы по формированию коалиции...

О. Ржешевский: Внешняя политика Советского государства способствовала вооруженной борьбе с противником, ее завершению объединенными силами государств и народов. Между тем внешнеполитический курс «Третьего рейха» медленно и неуклонно загонял военную стратегию в тупик... Разгромив Польшу, вермахт оказался перед лицом англо-французской коалиции. С разгромом Франции и подготовкой вторжения на Британские острова перед Германией возник призрак мощной англо-американской коалиции... Каждая крупная победа — и это совершенно парадоксально! — одержанная Германией и ее союзником, еще более усложняла их международное положение, и их цели становились все более недостижимыми. Крах блицкрига, итоги битвы под Москвой, начало коренного перелома в войне указывали на то, что Германии противостоит мощнейший противник в лице СССР и Красной Армии, о силе и потенциальных возможностях которого гитлеровское политическое и военное руководство не имело реального представления.

П. Стегний: Кстати, в этой связи нужно обратить особое внимание на информационную работу наших дипломатов. Если сейчас мы все

понимаем значение информационной войны, то в 1941 г. ее первые уроки постигались на практике.

Например, в Стокгольме выпускались на шведском и английском языках сводки Совинформбюро, доводились до редакций ведущих газет и формировали ту атмосферу, в которой руководство западных стран принимало политические решения...

Эффективным политическим оружием информационной войны стали даже симфонии Шостаковича — Пятая, Шестая и Седьмая. Руководитель Бостонского симфонического оркестра Кусевицкий, когда исполнил Седьмую симфонию в августе 1942 г., писал Шостаковичу: «Ваша великая Седьмая симфония принесла нам в Новом Свете надежду и вдохновение». Музыка — категория межнационального общения — вдруг оказалась очень неожиданным рычагом активизации симпатий к нашей стране. В газетах публиковались телеграммы по поводу исполнения Седьмой симфонии, и это создавало тот благоприятный фон, на котором наши дипломаты добивались решения своих политических задач.

Относительно тех новых форм дипломатической работы и информационной войны, которые родились в 1941 г., нельзя не сказать, что были установлены очень продуктивные контакты с эмигрантским движением, естественно, ее патриотически настроенной и идейно незашоренной частью. Вот уникальная запись из личного дневника посла в США И. М. Майского: «Были на „Сорочинской ярмарке“ в театре „Савой“. Поставлена она группой „белых“ под управлением „короля черной биржи“ некоего выходца из Харькова. Весь сбор с представления предназначен в Красный Крест для нужд СССР. Вместе с нами в ложе была жена Черчилля... Перед началом представления исполнили „Боже, храни короля!“ и „Интернационал“».

А. Бондаренко: Из всего вышесказанного можно понять, что прогнозы военных событий на 1942 год у советского руководства должны были быть весьма оптимистическими...

А. Орлов: В начале января Верховным Главнокомандующим была поставлена задача: обеспечить в этом году полный разгром гитлеровских войск. Но были ли для этого силы? Мы же еще характер войны до конца не понимали...

Г. Куманев: Заседание Ставки ВГК по вопросам дальнейшего ведения войны состоялось 5 января 1942 года. Воодушевленный первыми успехами, Сталин изложил свое представление о том, как должны развиваться события, что

должна делать, предпринимать наша армия. Суть его предложения заключалась в том, чтобы раз-вернуть решительное наступление на трех стратегических направлениях, нанести поражение основным группировкам противника, не давая передышки войскам вермахта. «Гнать, — говорил Сталин, — эти войска на Запад, без останки, заставить их израсходовать все резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у противника таких резервов не будет. Больше у немцев нет резервов. И таким образом обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

А. Орлов: Но ведь в это время наша промышленность фактически находилась еще на колесах, разворачивалась на востоке, а часть ее вообще погибла. Помощь по ленд-лизу еле-еле идет...

М. Гареев: Можно сказать, 1941–1942 годы — переломный период с точки зрения материально-технического обеспечения. Эвакуация. Одно потеряли, другое еще не создали...

А. Орлов: У нас на фронте было тогда приблизительно 2200 танков, 5400 самолетов, 30 000 орудий. Вроде бы силы есть, если опять считать так, как мы считали в 1941 г.: у нас танков — столько-то, у немцев — столько-то. Но с автотранспортом было очень плохо, служба тыла работала с перебоями... Не хватало боеприпасов. В январе к 155-мм минометам было три процента боеприпасов, к 82-мм — 55 процентов. По артиллерии — 44 процента. Как же воевать?!

Г. Куманев: Я напомним о выступлении тогдашнего заместителя председателя Совнаркома СССР Вознесенского, он курировал производство боеприпасов: «У нас нет боеприпасов. Нет боеприпасов в необходимом количестве. Если мы будем наступать на всех фронтах, то за счет каких резервов боеприпасов? Их нет».

М. Гареев: Соотношение сил в любой операции мы определяем по самолетам, по танкам, личному составу. Но никто нигде не пишет, сколько было боеприпасов. Какой толк иметь пушки, если стрелять нечем?! В ноябре 1941 г. были такие моменты, когда Жуков приказывал делать из орудия в день не более одного–двух выстрелов. Нет снарядов!

А. Орлов: 14 февраля 1942 года Жуков писал в Ставку: «Как показал опыт боев, недостаток боеприпасов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате системы огня противника не уничтожаются, и наши

части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут большие потери, не добившись надлежащего успеха».

Г. Куманев: Я считаю, что Жуков был сто-процентно прав, когда заявил: «У нас сейчас нет резервов, нельзя их распылять. Если девять фронтов одновременно будут наступать, за счет каких резервов? Мы это распылим. А надо сосредоточить все основные силы на Западном направлении». Речь Жукова не шла о том, что надо оголить все остальные фронты. Нужно было именно резервы сосредоточить на Западном направлении.

М. Гареев: Да, на всем фронте перейти к стратегической обороне, а на одном-двух направлениях наступать...

Г. Куманев: Но Сталин навязал свое мнение — за ним было последнее слово. Жуков вспоминал: «Сталин требовал от нас наступать, он говорил: если у вас сегодня нет результата — завтра будет. Тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках». Жуков подчеркивает: «Конечно, эти рассуждения были младенческие. В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого». «А если бы, — сказал он далее, — имевшиеся у нас силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной».

М. Мягков: Позвольте поспорить! Обще-принята точка зрения, что Жуков настаивал, чтобы все основные войска поставить на Западном направлении, а на других участках фронта перейти к стратегической обороне. Если посмотреть по ведомостям, то маршевое пополнение на Западный фронт действительно было самое большое. Но если бы мы свели только на Западный фронт все маршевые батальоны, дополнительные резервные? Не дало ли бы это возможность немцам беспрепятственно перебрасывать свои войска с других участков фронта именно на это направление? Не сыграло ли бы это еще более злую шутку с нашими войсками, не были бы наши потери еще большими?

А. Орлов: Резервы равномерно распределили по всем фронтам, и они были нерационально растрочены, потому что не было направления главного удара, куда надо было бы их направить. Вместо того, чтобы создать две воздушные армии, раздали авиацию общевойсковым соединениям. Хотя так произошло потому, что армии надо было обеспечивать — а нечем. То же самое

с танками. От сорока до шестидесяти процентов танков были неисправны, но средств эвакуации, ремонтных баз не доставало. Отсюда и потери. Вот только в Ржевско-Вяземской операции зимой было потеряно 950 танков, 550 самолетов, 7 тысяч орудий...

Я смотрел формуляр моей родной 17-й танковой бригады, в дальнейшем — 9-й гвардейской. 15 февраля 1942 г. бригада сосредоточилась в заданном районе в составе: танков Т-34 — двенадцать, Т-60 — это вообще танкетка — семнадцать, Т-26 — один. И это называется бригада! А ей задачу ставят — наступать в направлении трех поселков сразу. Как же можно выполнить?

Г. Куманев: Я думаю, Сталин в это время оперативным искусством не владел — это, кстати, и Жуков, и Василевский подчеркивают. Например, в ночь на 11 января был отдан приказ Ставки войскам Калининского фронта — взять войсками фронта Ржев... 11 января! И ни в коем случае — не 12-го! Именно 11-го!

Мы знаем, что этот «орешек» удалось разгрызть только через год с лишним. Думается, если бы был принят другой план боевых действий на 1942 год, успех оказался бы большим.

М. Гареев: Как трудно в военном деле, в военном искусстве постигаются некоторые вопросы! Жуков предложил: где-то в одном месте нанести удар, но все-таки перейти к стратегической обороне. Так что же, говорит Сталин, мы должны пассивно сидеть и ничего не делать? Он считал, что обороняться — это ничего не делать. Мы только в 1943 г., под Курском, поняли, что такое стратегическая оборона, какую оборону надо подготовить... А в 1942 г. мы и не оборонялись, и не наступали. Силы и средства оказались распылены почти на семи-восьми направлениях ударов, войска как следует к обороне не подготовились. Вот что привело к харьковской катастрофе и выходу противника на юг.

М. Мягков: Вспомним мартовское совещание — план апрельско-майских операций 1942-го. Западный и Калининский фронты — Ржевско-Вяземская операция, завершение того, что предлагал Жуков; Карельский фронт и 7-я отдельная армия — улучшение оперативного положения и оборона; Ленинградский и Волховский фронты — деблокада Ленинграда... Это что, второстепенные участки? Ленинград — в кольце блокады, тысячи жертв ежедневно... Юго-Западный фронт — Харьковская операция — освобождение Донбасса: уголь, руда, которые так необходимы Советскому Союзу. Я хотел бы

подчеркнуть эти три направления, важнейшие для общего укрепления обороны государства и дальнейшего ведения войны...

С позиции Верховного, с позиции общего видения войны здесь возникают серьезные вопросы...

М. Гареев: Еще со времен Эпаминонда было всем понятно, что действовать активно на всех важных участках невозможно. Без сосредоточения основных сил на главном направлении рассчитывать на успех нельзя. Это особенно важно учитывать в обстановке 1942 года, когда сил и средств не хватало.

А. Орлов: Действительно, сил в 1942 году не было! Благие намерения — а за счет чего?! Жуков сто раз был прав, потому что сил хватало только-только нанести удар по группе армий «Центр», по Вяземско-Ржевскому узлу, который потом, как заноза, сидел до 1943 года. Вот в чем он был прав! И надо, конечно, было прислушаться к нему, а Сталин его оборвал: молчите и сидите! И приказал наступать шести фронтам на трех стратегических направлениях...

Г. Куманев: Ни на одном из девяти наших фронтов мы не имели превосходства перед противником в живой силе и технике...

В. Семидетко: Сил и средств действительно не было! Вот некоторые цифры из донесения Военного совета Западного фронта от 18 апреля 1942 года. Войска фронта обеспечены пулеметами-пистолетами и противотанковыми ружьями всего на 26 процентов, ручными пулеметами — на 28, малокалиберной зенитной артиллерией — на 50, 122-мм минометами — на 40 процентов, противотанковыми пушками — на 35, 76-мм пушками дивизионной артиллерии — на 65 процентов. Стрелковые дивизии укомплектованы личным составом только на 50–70 процентов... А немец стоял в 200 километрах от ворот Москвы.

А. Бондаренко: Однако приведу цитату из книги знаменитого советского разведчика Павла Анатольевича Судоплатова «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год», которая вызвала огромный читательский интерес, потому что содержит очень много нового, подчас совершенно неожиданного материала. Вот информация, имеющая непосредственное отношение к нашему разговору: «В оценках перспектив развития обстановки на советско-германском фронте ошибались не только мы, но и разведка союзников, и аналитики финской военной разведки. Гитлеру после поражения под Москвой предсказывали на

Западе решительное поражение в зимней кампании 1942 года. Французские и финские эксперты ошибочно полагали, что для немецкого командования ничего не остается, кроме как пойти на отчаянный бросок к Москве летом 1942 года, чтобы решить исход войны в свою пользу». Несколько ниже излагается разведдонесение французского Генштаба о положении германских войск на Восточном фронте от 3 января 1942 года. «Указывалось на итоги боев: три четверти дивизий и бронетанковых сил немцев, участвовавших в сражениях, были полностью истощены материально, физически и морально».

Неудивительно, что Сталин верил в скорую победу...

М. Гареев: Почему только Сталин? И народ в это верил...

А. Бондаренко: Хорошо. Но долго ли длилась эта уверенность Сталина?

Г. Куманев: О том, что надо обеспечить победу в этом году, также говорилось в приказе Сталина, как наркома обороны, по случаю 23 февраля. А последний раз эта надежда прозвучала в приказе от 1 мая. Но сказано было уже в несколько завуалированном плане: «Еще полгодика, еще, может быть, годик, и гитлеровский зверь рухнет под тяжестью своих преступлений».

М. Мягков: Мне хотелось бы упомянуть еще один интереснейший документ. В Лондоне находилось польское эмигрантское правительство во главе с Сикорским. У него были неплохие контакты с Черчиллем, Иденом, с американской дипломатией. А в декабре 1941 г. он был у Сталина. В марте 1942 г. Сикорский писал премьер-министру Черчиллю: «Теперь мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть одно или несколько сражений. Значительные усилия потребуются Красной Армии, чтобы удержать за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат за собой существующую сегодня линию фронта, то вполне вероятно, они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края». Далее Сикорский говорил, что союзникам необходимо осуществить высадку в Нормандии, там остались только второстепенные немецкие дивизии, и союзники второго Дюнкерка не получат. Необходимо срочно высаживаться в Нормандии, чтобы тем самым помочь Красной Армии...

Ю. Никифоров: Советскому руководству в Москве трудно было предполагать, что страны Европы, по существу, покорно терпят оккупа-

цию. Как мне представляется, если бы французы развернули настоящую партизанскую войну, если бы оказывали сопротивление Чехословакия и другие оккупированные страны, если бы, наконец, англичане действительно предприняли попытку высадиться во Франции, то совместными усилиями гитлеровская Германия могла быть разгромлена в 1942 году... Ведь если сравнивать поведение французов и сопротивление оккупации со стороны сербов, белорусов, украинцев, то я не думаю, что будет преувеличением говорить, что западноевропейцы «покорно терпят» и работают на то, чтобы Германия могла продолжать войну...

А. Бондаренко: Недавно я прочитал про чешское сопротивление: выражая свою непокорность нацистам, чехи приходили на работу в черных траурных костюмах и... добросовестно изготавливали военную технику для захватчиков.

Ю. Никифоров: Кстати, Михаил Мягков обнаружил документ, который опубликован в четвертой книге «Мировых войн». Оказывается, даже в 1944 году Германия огромное количество военных материалов получала из Латинской Америки — транзитом через Швецию и союзники, Америка и Англия, не считали нужным мешать этому транзиту. Но кто у нас тогда мог такое себе представить?

М. Гареев: В общем, может быть, не совсем реальной была постановка задачи, но целый ряд реальных возможностей для скорой победы был. Особенно — в поведении союзников. Сталин, думаю, даже не предполагал, до какой степени коварства они дойдут и будут тянуть до 1944 года. Он все-таки ждал, что союзники воспрянут после Московской битвы и что Сопротивление будет больше, и во Франции все будет совсем по-иному, и десант будет высажен... Конечно, если бы десант был высажен и не катастрофа под Харьковом, то пусть и не в 1942 году, но «полгода еще или годик», как было сказано.

Ю. Никифоров: Так что, думаю, мы слишком критично относимся к Сталину в его надеждах и расчетах на более успешное течение войны в 1942 году, чем это было на самом деле.

А. Бондаренко: Ну а что мы в то время реально имели на Московском направлении?

В. Семидетко: Весной 1942-го, после контрнаступления под Москвой, мы имели очень извилистую линию соприкосновения войск. Если взять северный участок фронта, то по прямой

это было полторы тысячи километров, а по линии фронта — три тысячи. Противник удерживал Ржевско-Вяземский выступ, и войска Калининского фронта — 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус — охватывали эту группировку врага только с запада. 2-я ударная армия глубоко вклинилась в группировку противника, и коридор, связывающий ее с нашими войсками, составлял 5–6 километров.

М. Мягков: А вот — сводки отдела иностранных армий Восточного Генштаба сухопутных войск Германии, оценки нашего контрнаступления 1942 года: «С невероятной храбростью русские пробивались через узкие проходы, проделанные ими же самими в ходе боевых действий, но благодаря успешным действиям (тут перечисляются немецкие части) эти проходы удалось закрыть, а противника отрезать. Подводя итоги, нужно сказать, что противник имел смелый план операции, который был смело осуществлен. Однако русское командование переоценило возможности своих солдат и недооценило боевые способности наших. Наш фронт восстановлен, ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью скорее найти слабые участки, чтобы осуществить прорыв из окружения».

Мне думается, переоценка сил, которая произошла в ходе контрнаступления в начале 1942 года, сыграла недобрую службу войскам наших Западного и Калининского фронтов. В особенности тех нескольких армий, которые попали в окружение.

М. Гареев: Повторюсь, но если сравнить, сколько было боекомплектов под Сталинградом и сколько в этой Ржевско-Вяземской операции, — там просто было нечем операцию проводить!

А. Бондаренко: А вообще, был ли смысл держать столь крупные — исходя из общего количества наших сил и средств — силы на Московском направлении? Может быть, своевременная переброска их на юг позволила бы избежать выхода гитлеровцев к Сталинграду?

М. Мягков: Многие историки говорят, что наша разведка в начале весны 1942 года определила, что немцы будут наносить главный удар опять-таки на Московском направлении, и якобы не учла значение южного направления, куда Гитлер намечал нанести главный удар — на Кавказ и в район Сталинграда. Считается, что это был просчет Сталина, который переоценил значение немецкой группировки на центральном

участке фронта и недооценил участок южный. Есть мнение, что всему причиной — немецкая дезинформация, план «Кремль», подготовленный весной.

Но ведь даже после Московской битвы группа армий «Центр» оставалась наиболее многочисленной группировкой немецких войск на советско-германском фронте. Недооценивать ее, ее потенциальные возможности — было бы достаточно опасно.

А. Бондаренко: А не получилось ли так, что эту потенциальную возможность, мягко говоря, несколько переоценили? Причем без достаточных на то оснований?

М. Мягков: Вот развединформация о визите японского посла в Берлине Хиросо Асимо на германо-советский фронт в августе 1942 года, которая была доложена Сталину. Посол передавал в Токио план немецких операций. В нем говорилось, что основной участок — это южный, главная задача: разгром армий Тимошенко, захват Кавказа и Сталинграда, а центральная группа войск — от Валдая до Курска — сковывает Советскую Армию. Но при переброске больших сил Красной Армии с центра на юг будет незамедлительно начато наступление на Москву. Немецкое командование и в конце лета 1942 года предполагало, что удар на Москву остается возможным и его можно начать в зависимости от операций, которые проводятся на юге.

О. Ржешевский: Вопрос о намерениях германского командования все-таки нанести основной удар в 1942 году на Московском направлении у нас в достаточной степени не исследован. Зато он очень здорово исследован на Западе, там очень много публикаций об операции «Марс» — особенно обращает на себя внимание книга «Крупнейшее поражение Маршала Жукова», изданная в США.

Но очень многие косвенные сведения говорят, и это даже доказано, что совершенно не исключен такой вариант: Ржевская группировка немцев оставалась очень сильной, и они ее все время держали, несмотря на ожесточенные сражения на Юго-Западном фронте и на Сталинградскую битву. Сейчас начинают появляться документы о вероятном направлении удара на Москву. Мне кажется, надо все это тщательно исследовать, и мы тогда получим более логическое объяснение всей операции «Марс», которая, может быть, не позволила противнику нанести этот удар. Но для этого

нужно, прежде всего, глубокое изучение немецких документов.

Ю. Никифоров: В последние годы приходится нередко читать, что Ржевско-Вяземская операция проводилась напрасно. Мол, наши войска были обречены на поражение, поскольку операция была не обеспечена ни в оперативном, ни в материально-техническом плане. 33-я армия Ефремова и группа Белова чуть ли не сознательно были завлечены немцами в ловушку, которую они без труда и захлопнули...

В этой связи хочу обратить внимание на монографию Михаила Мягкова. Судя по его выступлению, мне показалось, что он сам до конца не осознал значимость тех немецких документов, которые ему удалось привлечь в своей работе. Он посмотрел на битву под Москвой с немецкой стороны, и эти документы, как мне представляется, показывают, что для немцев в тот момент ситуация была воистину критической: стоило им допустить одну ошибку, какому-нибудь генералу дрогнуть или Гитлеру разрешить отход — где-то, условно говоря, проколоться, и исход сражения мог быть иным. Чаша весов могла склониться и в нашу сторону. Они предприняли чудовищные усилия, чтобы не допустить разгрома группы армий «Центр».

Вот немецкий историк Вейнгарт писал: «Не смотря на все меры, принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий [„Центр“] нельзя было бы спасти, если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник».

А. Бондаренко: *И вы согласны с таким обвинением в адрес наших войск и их командования?*

Ю. Никифоров: Нет, почему мы не обращаем внимания на условия, в которых протекало наше зимнее наступление? Когда речь идет о неудачах немецкого наступления под Москвой, то обсуждается, насколько немцам помешали морозы, распутица, насколько они задержали их продвижение и т. д. Наши войска наступали в еще более худшей ситуации — тяжелейший снежный покров затруднял снабжение, увеличи-

вал потери наших войск — и, может быть, где-то здесь сил и не хватило?

А. Бондаренко: *Ну а что, как вы думаете, помогло в этой ситуации немцам?*

Ю. Никифоров: Гитлер объявил, что Ржев — ворота Берлина и надо напрягать все силы, чтобы ни в коем случае не допустить разгрома группы армий «Центр». За счет чего ему удалось спасти положение? За счет привлечения сил не только Германии, но и всей Европы. Отправляясь на фронт, немецкий рабочий оставлял свой станок — и его заменял какой-нибудь француз, бельгиец, голландец... Швейцария хоть и нейтральная страна, но она поставляла Германии высокоточную технику.

А если говорить о самой германской армии, то достаточно, думаю, сказать, что из всех соединений элитных, как сейчас говорится, войск СС только немногим более половины были укомплектованы одними лишь немцами и фольксдойче. В остальные набирали добровольцев из Бельгии, Голландии и т. д.

Если подводить итоги дискуссии, то представляется, что Великая Отечественная война могла закончиться и в 1942 году... Ведь как бы ни были мудры и продуманы планы одной из воюющих сторон, другая сторона стремится ее переиграть, а потому в военном искусстве никогда не может быть стопроцентной гарантии успеха. История Великой Отечественной войны — особенно ее первых лет — хранит еще немало загадок и требует самого тщательного, всестороннего и беспристрастного изучения, введения в научный оборот большого количества документов, хранящихся как в наших, так и в зарубежных архивах. Правда о событиях крупнейшей в истории человечества войны, о неизбежном крушении очередных планов мирового господства особенно важна нам сегодня, когда на планете исподволь идет установление «нового мирового порядка» в интересах одной державы. Все это мы уже проходили. Вот, пожалуй, главный вывод, к которому пришли участники заседания нашего «круглого стола».

Заседание «круглого стола»: «Парад планет»: «Уран», «Марс» и «Малый Сатурн»

Ни одну из стратегических операций Великой Отечественной войны нельзя рассматривать в отрыве от происходивших ранее, одновременно с ней или непосредственно после нее. Вот и Московская битва не только отразилась на дальнейшем ходе войны, но и нашла своё прямое продолжение в малоизвестной и малоизученной операции «Марс», события которой разворачивались на Московском направлении, в 150 километрах от советской столицы. Причем, операцией этой руководил будущий «маршал Победы» — Георгий Константинович Жуков, а над Москвой вновь нависала реальная угроза.

Об этой операции и ее значении в Великой Отечественной войне, о событиях, происходивших одновременно с ней, беседуют участники очередного заседания «круглого стола» — Георгий Александрович КУМАНЕВ, доктор исторических наук, профессор (руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН); генерал армии Владимир Николаевич ЛОБОВ, доктор военных наук (последний начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР); Михаил Юрьевич МЯГКОВ, доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН); Юрий Александрович НИКИФОРОВ, кандидат исторических наук (Московский открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова); Александр Семенович ОРЛОВ, доктор исторических наук; Олег Александрович РЖЕШЕВСКИЙ, доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны); генерал-майор Валерий Юрьевич ЧЕРНОГОР (Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС РФ).

Заседание «круглого стола» вел писатель Александр Юльевич БОНДАРЕНКО.

А. Бондаренко: Хотя зимой 1941/1942 года гитлеровцы потерпели под Москвой серьезное поражение, известно, что немецкая армия не только не была еще разгромлена, но и находилась достаточно близко от советской столицы, представляя реальную для нее угрозу...

Г. Куманев: Да, немецко-фашистские войска были отброшены от Москвы на какие-то 120–150 километров... Сегодня это расстояние можно преодолеть на электричке за два часа.

А. Бондаренко: Но почему тогда гитлеровцы оказались под Сталинградом? Почему они не попытались решить исход войны новым сокрушительным ударом на Московском направлении?

Г. Куманев: Кстати, вопрос этот очевидный, естественный — даже Сталин был убежден, что Гитлер снова предпримет наступление на нашу столицу. Прогноз такого наступления вроде бы был довольно обоснованным. Москва, как мы сейчас сказали, находилась совсем рядом... На самом деле, однако, планы немецкого командования были совершенно иные.

Мне хотелось бы остановиться на этом просчете Ставки ВГК, точнее — Сталина, относительно главного направления нового немецкого наступления на весенне-летний период 1942 года. Сталин пытался определить, каковы были расчеты гитлеровского командования. Снова на Москву? Или какие-то другие планы?

В. Лобов: Интересно провести параллель с событиями 1812 года, 190-летие которых мы сейчас как раз отмечаем. По сути, Гитлер поначалу скопировал стратегию Наполеона. Если у того были планы разгромить войска и овладеть столицей какого-то государства, после чего оно естественно капитулировало, то и Гитлер пошел приблизительно по такому же направлению. И по началу войны, и по театру военных действий, и по стратегическому направлению он, по сути дела, копировал Наполеона. Там же сосредоточил войска и удар направлял на Москву, стремясь дойти до нее как можно быстрее, в надежде, что после этого Россия капитулирует.

Ему это не удалось. Тогда Гитлер решил лишиться нас бакинской нефти, то есть тех сырьевых источников, без которых не только остановилась бы наша боевая техника, но и встала бы оборонная промышленность...

Г. Куманев: На лето 1942 года главным направлением немецкого наступления было избрано южное. После наступления на Кавказ с выходом в нефтяные районы Гитлер планировал перевалить через Главный Кавказский хребет, дойти до нефтеносных районов Ирана и Ирака.

А. Бондаренко: Это находит отражение в документах?

Г. Куманев: Конечно, и во всей полноте. Уже 3 января 1942 г., то есть еще в разгар битвы под Москвой, Гитлер в беседе с японским послом Хироси Осимой заявил, что он пока не намерен проводить наступательные операции в центре фронта и что его главная цель — операции на южном участке фронта в направлении Кавказа, кавказской нефти. Сталинград и выход к Волге в планах немецкого командования были в то время второстепенным направлением.

28 марта состоялось совещание в Ставке Гитлера, на котором обсуждался план летнего наступления немецко-фашистских войск. Генерал Варлемонт, присутствовавший на том совещании, позднее отметил, что «Москва как цель наступления пока совершенно отпадала».

5 апреля 1942 года Гитлер подписывает директиву ОКВ № 41, в которой прямо говорится: все силы сосредотачиваются для проведения главной операции — на южном участке с целью захвата нефтеносных районов Кавказа, перехода через Кавказский хребет и дальнейших действий в южном направлении.

А. Бондаренко: У нас какими были планы на 1942 год?

А. Орлов: 1942 год мы встречали с энтузиазмом: на полях Подмосковья шла великая битва за Москву, декабрьское контрнаступление показало, что блицкриг терпит крах, и все рассчитывали, что наше победоносное наступление продолжится...

5 января 1942 года в Ставке состоялось совещание с высшим руководящим составом, где Сталин сказал, что нужно продолжить наступление на всех трех стратегических направлениях — силами шести фронтов. Генерал Жуков возразил, отметив, что сил на все направления не хватит, что наступление с надеждой на успех можно развернуть только на одном, центральном, главном направлении. Его поддержал председатель Госплана Вознесенский, уточнив, что при широком наступлении будут большие трудности с боеприпасами, их не хватает.

Сталин с этим не согласился. Он резко оборвал Жукова и заявил, что Красная Армия должна развернуть наступление на всех трех стратегических направлениях. Поставленная им задача и была оформлена как директивное письмо № 03 от 10 января: сделать 1942 год годом разгрома гитлеровского вермахта.

А. Бондаренко: *Всеми причиной, выходит, волюнтаризм Сталина, о котором так любят рассуждать отдельные историки?*

А. Орлов: Да нет, здесь все гораздо сложнее — недаром в связи с этим в историографии возникает целый ряд вопросов. Жуков вроде бы предлагал все правильно, и Вознесенский тоже обо всем обоснованно говорил, но ведь и Сталин тоже информацию не с потолка брал. Почему же он поставил войскам задачу, оказавшуюся впоследствии нереальной, невыполнимой?

Теперь стало известно, что в конце декабря — начале января в Москву поступали сведения от наших разведчиков из Германии — от «Красной капеллы», в частности, и от других источников о том, что немцы деморализованы, что 75 процентов немецких дивизий истощены. Они, мол, не способны к наступательным действиям, не хватает горючего, боеприпасов...

Г. Куманев: Разведка дала Сталину завышенные данные о потерях противника — что немецкие войска вместе с союзниками потеряли более 6,5 миллиона человек, из которых более 5 миллионов приходится на вермахт. Это позволяло Сталину считать, что у Гитлера армия выдыхается, что новых резервов нет, и поэтому можно выступить против противника на всех фронтах одновременно...

А. Орлов: Такую же оценку в отношении немцев, даже более резкую, дал французский Генштаб, сведения о чем поступили к Сталину 3 января. Там говорилось, что после разгрома под Москвой немцы будут способны к броску на советскую столицу только к маю 1942 года, но для этого им нужна оперативная пауза. Если Красная Армия не предоставит им этой паузы, то есть если зимой продолжит наступление, немцы вообще не смогут в 1942 году оказать ей серьезного сопротивления.

На совещании 5 января Сталин почти дословно повторил этот вывод. Сведения, добытые нашей разведкой, не были дезинформацией — это была действительная, но ошибочная оценка ситуации французским Генштабом.

А. Бондаренко: *Не получилось ли так, что разведка информировала Кремль о точке зрения, соответствующей настроениям Сталина? Ведь никто более за рубежом, кажется, не разделял французского оптимизма.*

А. Орлов: Да что вы! Крах блицкрига под Москвой всколыхнул всю Европу. Вступление в войну США породило у человечества надежду, что с гитлеровской армией будет покончено очень скоро. Не случайно, наверное, в марте 1942 года американцы уже начинают разрабатывать план высадки в Европу...

В. Лобов: Конечно, наши союзники опасались, что война может закончиться без их участия и тогда они во всех отношениях окажутся в проигрыше.

А. Орлов: Это факт. Надежды, что еще немного — и враг будет разбит, не только владели умами людей в Кремле, но и вдохновляли сторонников антигитлеровской коалиции во всем мире...

Они, однако, оказались иллюзорными — сил действительно не хватило. Наступление началось на трех стратегических направлениях, и, хотя мы владели стратегической инициативой до апреля 1942 года, поставленные Верховным задачи решены не были. Потери оказались очень большими, успеха добивались далеко не везде и не всегда — начиная с Ржевско-Вяземской операции, где не удалось развить успех наступления 33-й армии и кавалерийской группы Белова...

Г. Куманев: Мы с полковником Николаем Яковлевичем Комаровым подготовили книгу «Великая битва под Москвой. Летопись важнейших событий». И когда изучали документы, еще раз убедились, что финал Московской битвы был для нас очень тяжелым, кровавым. Чего стоили одни неудачи в Ржевской операции?

А. Бондаренко: *Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов закончилась 31 марта, когда наши войска споткнулись на заранее подготовленном противником оборонительном рубеже. Почему этот «первый звонок» не заставил Ставку скорректировать планы кампании 1942 года?*

Г. Куманев: Мнение Сталина на заседаниях Ставки было решающим, а он считал необходимым вместо активной стратегической обороны, как предлагал Генштаб, осуществить серию частных наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Львовско-Курском и Смоленском направлениях. А также в районах Ленинграда и Демянска. Несмотря на определенные возражения начальника Генерального штаба маршала Бориса Михайловича Шапошникова, Сталин дал главному Юго-Западного направления маршалу Семену Константиновичу Тимошенко разрешение наступать на Харьков. При этом Генштабу было запрещено вмешиваться в какие-либо вопросы по данной операции. И как потом отмечал в своей книге «Воспоминания и размышления» Георгий Константинович Жуков, «события мая и июля показали, что в этом решении был чрезвычайно большой просчет».

А тут еще в руки нашего командования попала карта одного третьестепенного немецкого офицера, на которую был нанесен маршрут обходного удара на Москву с юга. И там у него были пометки, его примерные расчеты, когда гитлеровцы будут в Москве — такого-то числа они берут один город, второй, потом Арзамас, обходят Москву — и она взята... Этот документ, показавшийся Сталину достоверным, подтверждал, что он был прав в своих прогнозах, куда будет нацеливать основные усилия противник.

Однако враг готовился наступать на южном фланге советско-германского фронта, тогда как наши главные силы были сосредоточены в центре...

А. Орлов: Последующие наши неудачи, Крымская и Харьковская катастрофы, открыли немцам дорогу на Сталинград...

Г. Куманев: Сталинград поначалу был всего лишь вспомогательным направлением... Если взять директиву № 51, то там ясно сказано: главное направление — это Кавказ, кавказская нефть, с выходом на нефтеносные районы Ирана и Ирака. Это уже потом обстановка настолько изменилась, что Сталинград стал играть на этом направлении решающую роль.

А. Бондаренко: *А почему?*

В. Лобов: Во-первых, Сталинград — это мощный экономический узел. Во-вторых, через него шли все коммуникации на юг и на восток. И третье — это был путь на Кавказ, к кавказской нефти.

К тому же через Волгу была одна переправа — именно в районе Сталинграда. Через этот мост осуществлялась эвакуация промышленных объектов: сотни заводов — оборудование, рабочие с семьями. По нему шла масштабная эвакуация скота, о которой сегодня мы абсолютно забыли. А ведь ГКО принял решение: сохранить буквально все, что можно. Проводилась эвакуация на восток сельского населения... Кроме того, здесь проходила огромная масса отступающих войск, разгромленных на Украине, в Белоруссии — без командования, потерявших связь со своими частями... Кроме того, управляемые войска, державшие оборону, тоже отходили, сопротивляясь на новых рубежах. А с другой стороны, из глубины, выдвигались резервы. Сегодня даже трудно представить себе ту, извините, бутербродную ситуацию, которая в то время сложилась на Волге.

Там была масса людей, масса техники, масса скота...

А. Бондаренко: *Наше руководство понимало опасность прорыва немцев на этом направлении?*

В. Лобов: Конечно, понимало. Вот как писал об этом Николай Константинович Байбаков, в ту пору — заместитель наркома нефтяной промышленности СССР. В беседе с ним Сталин подчеркнул, что все наши танки и самолеты — это металл, железо, которое, если не будет горючего, железом и останется. Гитлер это хорошо знает, поэтому и рвется на Кавказ, и надо все сделать, чтобы он туда не дошел. А, во-вторых, надо все сделать, чтобы промыслы в районе Грозного, в районе Баку не достались немцам. Если будет угроза сырьевым источникам, придется их ликвидировать. Если же мы можем их спасти, то ни одной скважины трогать нельзя.

Сталин тогда сказал так: если хоть одна скважина будет законсервирована, а немцы к ней не подойдут, вы будете расстреляны. Если же немцами будет что-то захвачено, вы тоже будете расстреляны. Байбаков тогда посетовал: «Вы же мне выбора не даете!» — «А я вам дал право думать», — ответил Сталин. Байбаков сразу же вылетел на Кавказ.

А. Бондаренко: *Что же происходило в это время в самом Сталинграде?*

О. Ржешевский: Позвольте ответить на этот вопрос следующим образом... Так повернулась судьба, что много-много лет назад по заданию редакции «Красной звезды» ныне покойному Петру Михайловичу Деревянко и мне было поручено взять интервью у маршала Василевского в связи с его 70-летием.

А. Бондаренко: *То есть это было в 1965 году?*

О. Ржешевский: Естественно, был разговор и о Сталинградской битве... Мы задали традиционный вопрос, какие дни войны маршалу запомнились особо, и он сказал, что прежде всего это 23 августа 1942 года — самый тяжелый день Сталинградской битвы...

Вы знаете, что немцы тогда прорвались к Волге, был колоссальный авиационный налет... Василевский, член ГКО Маленков, командующий ВВС Новиков и еще два-три человека находились в штабе фронта, в тоннеле под рекой Царицей, где был подготовлен КП... Кругом все горело, кошмар да и только... Ожесточенность боев была запредельной, но все же длительное время остановить противника в средней излучине Дона не удавалось. Некоторые наши части и соединения под сильнейшим напором немецких войск отступали, нередко это отступление превращалось в бегство, войска охватывала паника, и на каком-то этапе создавалось совершенно критическое положение. Нужно было принимать чрезвычайные меры. Одной из них, на мой взгляд, самой известной и результативной, был приказ № 227 «Ни шагу назад!», которым давалось право командирам — и не только им — расстреливать тех, кто отступал без приказа. Создавались заградотряды со всеми вытекающими из этого последствиями.

Мы прекрасно знаем, что в современной литературе немало отрицательных и необдуманных оценок этого приказа. Мол, это приказ варварский, неоправданный, из-за него погибло очень много людей... На мой взгляд — и, думаю, не только на мой — этот приказ был в то время оправдан. Положение было отчаянное, нужно было спасать фронт, страну...

Да, приказ действительно был жесток и категоричен, но его оценка фронтовиками и в то далекое уже время, и сегодня — положительная.

В. Черногор: К 227-му приказу можно относиться по-разному. Некоторые вспоминают только о заградотрядах и штрафных ротах. Но разве приказ об этом? Вчитайтесь в текст приказа, вдумайтесь в само название — «Ни шагу назад!»...

О. Ржешевский: Текст сильнейший! «Безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда...»

В. Черногор: Вот в чем суть... У нас ведь вот до чего искажены понятия: захотел что-то выхватить для себя нужное — и можно этот приказ трактовать как антинародный, антигуманный и прочее. Можно же совсем по-другому на него посмотреть... У нас ныне даже слово «патриотизм» интерпретируют, как хотят, но чаще всего как «последнее прибежище негодяев»...

М. Мягков: К слову, те, кто критикуют 227-й приказ, видимо, не знают о том, что в декабре 1941 года немцы издали свой приказ «Держаться!». Здесь можно провести параллель, абсолютно оправданную: недаром же Сталин говорил, что надо учитывать и опыт врага.

О. Ржешевский: Невольно задумываешься, как же нашей стране удалось создать такой, я бы сказал, фронтовой организм, когда в тяжелейшей, казалось бы, безысходной ситуации и солдаты стояли намертво, и командиры оказались достойные — с самого низшего звена до самого высокого? Когда народ, гражданские люди представили собою единый сплав с армией, сломать который было невозможно? Разве что уничтожить — только тогда он не имел бы возможности оказывать сопротивления...

Как это все удалось создать? Откуда взялись те великие силы, которые питали армию и народ в годы Великой Отечественной войны, апофеозом которой стали битвы под Москвой и Сталинградом?

В. Лобов: Как патриот, как аналитик, могу прямо сказать: таких людей воспитала советская идеология, идеи социализма...

М. Мягков: Да, если взять поколение «отморозков», которое сейчас у нас в стране воспитывается, они бы точно Сталинград не удержали...

В. Лобов: Но мы не должны забывать и о подборе людей, как тогда предпочитали говорить — «кадров», на важные участки. Те же секретари обкомов, горкомов, районные власти, которые организовывали оборону города, организовывали просто немыслимую по масштабам эвакуацию...

Второе — военные люди тоже были подобраны соответствующим образом. Мы теперь всех их по фамилиям знаем: Еременко, Рокоссовский, Ватутин, Чуйков, Людников, Шумилов...

Они ведь не просто пришли откуда-то, не «по благу» были назначены. Их подбирали, в них проникали, и они себя проявляли в боях. Помните, «Красная звезда» недавно писала, как генерал Еременко обещал Сталину, что остановит Гудериана? Вряд ли Сталин верил, что он действительно это сделает, но он видел, сколь крепким был боевой дух у этого военачальника... А потом его воля, энергия, уверенность, подготовка передавались войскам, командирам, личному составу. Это немаловажный фактор — умение подобрать кадры стратегического звена, которые в условиях сложной обстановки не терялись бы, а принимали правильные решения, те, которые ведут к успеху...

В. Черногор: Сталинградская битва — расцвет полководческого таланта тех военачальников, которых подбирали Ставка и лично Сталин...

В. Лобов: Фронтами командовали генерал-полковник Еременко, генерал-лейтенанты Ватутин и Рокоссовский. Заметьте, не маршалы, не генералы армии... Начальники штабов и члены военных советов — все были генерал-майорами. Казалось бы, стечение обстоятельств? Нет, очень продуманный шаг. Людей увидели, оценили и дали им эти ответственные участки, чтобы еще раз их проверить... После Сталинградской битвы им присвоили очередные звания, они повели фронты к Победе, их полководческий талант проявился в новых наступательных операциях... Значит, в высшем стратегическом руководстве думали обо всем этом постоянно.

В. Черногор: Уже потом, на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Паулюс признал, что в битве под Сталинградом «советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также то, что все эти господа сидят здесь на скамье подсудимых».

А. Орлов: Я добавил бы еще, что нужно отдать должное стойкости и самоотверженности нашего солдата, нашего народа. Свойство народа российского, особенно русского: он долго выдерживает, когда его сжимают. Но когда эта пружина разжимается, то все оковы разлетаются в прах. Помните, как у Симонова: «Надоело бояться! Пусть нас бояться!»

Этот сплав — подготовленных кадров верхнего эшелона и мужества народного, решительность солдат, которым надоело вечное отступление,

и решил судьбу битвы под Москвой, под Сталинградом и всех последующих операций.

Ю. Никифоров: Если посмотреть шире на проблему, о которой мы говорим, и вообще посмотреть на историю России, то в годы Великой Отечественной войны мы видим какой-то удивительный феномен. У нас все время между народом и властью был как бы зазор, все время проявлялось какое-то напряжение. После Петровской Руси вообще было как бы «два народа в одном» — дворянство и крестьянство были отчуждены друг от друга... Впрочем, и сейчас большинство населения России — неважно, какую идеологию кто при этом исповедует, — критически оценивает власть и желало бы каких-то перемен.

А в годы Великой Отечественной войны этой пропасти не было. Люди воспринимали представителей власти именно как своих представителей...

А. Бондаренко: Кстати, это явление традиционно... Известно, что и Отечественная война 1812 года дала небывалый дотоле образец единения всех слоев, всех классов российского общества, и в Русской армии в то время царил невозможный для Европы демократизм, когда солдат, офицер, генерал на равных делили и опасности, и трудности похода, и славу... Однако в 1814 году полки вернулись в Россию — и все возвратилось «на круги своя»...

Ю. Никифоров: Да, к сожалению... Во время Великой Отечественной войны люди «взвешивали» представителей партии, генералов и самого Сталина, я бы сказал, на весах жизни и смерти. Они видели какие-то просчеты и недостатки руководства, но все равно другая чаша весов перевешивала. Выбор, который люди делали, нашел выход в совершенно необъяснимом: в том, что позднее назвали «культом личности Сталина». Сегодня ведь утверждают, что никто в атаку с именем Сталина не ходил. Неправда: имя это звучало не раз. Посмотрите мемуары участников войны...

А. Бондаренко: Ну мемуары пишутся уже после событий, я бы сказал, на холодную голову, и в них нередко присутствует элемент заданности...

Ю. Никифоров: Согласен. Но если обратиться к сборнику документов ФСБ «Сталинградская эпопея», то можно даже статистически отразить, какое количество людей было настроено патриотическим образом, сколько было критических высказываний. В сборни-

ке помещены материалы военной цензуры по Сталинградскому фронту, и они убеждают, что из просмотренных ста с лишним тысяч писем пятьдесят тысяч, насколько помню, были пронизаны патриотическим содержанием, верой в неминуемую победу...

О. Ржешевский: Нет, их было более семьдесят тысяч...

Ю. Никифоров: Да, и было только пять тысяч с критическими замечаниями. Даже не читая писем, можно судить, как была настроена армия, а значит, и весь народ...

Кстати, критические замечания не относились ни к порядку в войсках, ни к Советской власти. Чаще всего это были жалобы на плохое питание и т. п. Пораженческих же настроений вообще нет.

А. Бондаренко: Можно уточнить, что фронтовики, наверное, не слишком подстраивались под военную цензуру — достаточно вспомнить, что Александр Исаевич Солженицын совершенно спокойно ругал в письме с фронта Сталина, за что и был перемещен с передовой в лагерь... А уж он-то, наверное, понимал, что можно писать, а чего — нельзя...

М. Мягков: Кстати, из всей кипы просмотренных писем всего в двух присутствуют матерные выражения. Значит, народ-то у нас был чистый. И все общество соответственно...

В. Лобов: Воспитание народа... Как в семье родители воспитывают детей, так, думается, и в стране крайне необходимо заниматься воспитанием народа на лучших патриотических, национальных и культурных традициях. В Советском Союзе эти вопросы были продуманы сполна, поэтому народ считал себя единой семьей и оказался готовым к самым трудным испытаниям...

Ю. Никифоров: Сейчас очень ругают само это понятие — «коммунистическое воспитание», забывая при этом, какие же качества воспитывали... А детей, молодежь приучали к тому, что надо быть честным, что Родину надо любить и быть готовым ее защищать, что ради нее надо трудиться... Это и было «коммунистической идеологией»! Хотя, может, я что-то идеализирую...

М. Мягков: Вернемся, однако, непосредственно к Сталинградской битве. К осени 1942 года была по существу создана новая армия — взамен потерь, понесенных в зимних боях 1941 года в Крыму, под Харьковом и на других участках фронта... В сентябрьском постановлении ГКО говорилось о призыве 400 тысяч воинов 1924 года рождения, о переводе в действующую

армию личного состава из других войск, тыловых структур и проч. Эта армия не с ходу вводилась в бой — в основном люди шли в запасные части, создавались именно те резервы, которые потом и нанесли удар по противнику под Сталинградом.

В. Лобов: Но сначала Верховному командованию нужно было найти стратегическое решение, позволяющее задержать наступление немцев, а потом нанести огромной силы контрудар...

Г. Куманев: А как, кстати, родился план контрнаступления? Известно, что немало наших высоких военных руководителей приписывали себе чуть ли не первостепенную роль в его разработке. Но мне посчастливилось встречаться с маршалами Василевским и Жуковым, которые рассказывали обо всем в деталях.

12 сентября 1942 года они были вызваны в Москву, к Сталину. Положение под Сталинградом было тогда очень тяжелым, и Верховный предлагал контрударами задержать продвижение противника, ослабить его натиск и хотя бы частично изменить ситуацию к лучшему. Однако у Жукова с Василевским возникло иное мнение: концентрированными ударами, подтянув резервы, перегруппировав силы, ударить по слабым флангам немецкой группировки. Почему слабым? Там были румынские части...

«Выслушав наши соображения, говорил Василевский, Сталин немедленно отправил нас в Генштаб, чтобы мы там подготовили конкретные предложения. Потом мы поехали под Сталинград, чтобы на месте еще раз все взвесить. Сталин между тем сомневался, хватит ли у нас резервов, сил, чтобы провести операцию по окружению большой вражеской группировки... Вернувшись, мы доложили Сталину о реалистичности нашего замысла. 13 ноября на заседании Политбюро и Ставки этот план был утвержден...»

А. Бондаренко: Почему же так много военачальников заявляли о своей причастности к подготовке этого плана?

Г. Куманев: Ставка требовала, чтобы они представили свои предложения, связанные с этим планом. Ведь детали, общий замысел до поры до времени держались в большом секрете...

М. Мягков: Новые для историков архивные документы говорят о том, что замысел все же вырабатывался в недрах Генштаба. Да, конечно, с ним непосредственно связаны Жуков, Василевский, Сталин, но именно работники Генерального штаба, в частности полковники Рыжов,

Боков, другие офицеры в невысоких званиях, участвовали в выработке этого уникального, в конце концов ставшего бриллиантом в общем замысле плана операции на зимнюю кампанию 1942–1943 годов.

В. Лобов: Любая кампания или стратегическая операция Великой Отечественной войны готовилась и планировалась не одну неделю. Я как-то поинтересовался, как по срокам вырабатывалось стратегическое решение — это как раз касалось Сталинградской битвы...

Хотим мы того или нет — выпячивать личность приходится, ведь решения принимал лично Верховный Главнокомандующий. Самое интересное, как он готовился к этому. Заканчивалась очередная кампания, а он уже приглашал конструкторов, индивидуально беседовал с каждым, выяснял, сколько самолетов, боеприпасов, танков и прочего может быть произведено. Затем как бы дублировал информацию — приглашал директоров заводов, буквально на 5–6 минут. Интересовался резервами горючего, продовольствия, людскими резервами... Приглашал разведчиков, выяснял, что делается у немцев, какие там резервы, планы и т. д. Беседовал с наркомками, с военными — Жуковым, Василевским...

А. Бондаренко: То есть начинал Сталин с того, что собирал всестороннюю информацию...

В. Лобов: Да, и только после этого на заседании ГКО предлагал свой вариант, советовался. Потом все всесторонне обдумывал, анализировал — и лишь тогда у него созревал окончательный замысел, и он объявлял решение... Нашему стратегическому руководству надо было уловить момент, когда иссякнут наступательные возможности немецких войск. Было известно, что их боевые порядки растянуты, ближайших стратегических резервов не предвидится, есть только оперативные. Для изучения того, что происходит в тылу у немцев, делалось буквально невозможное.

А самое главное — под Сталинградом было организовано просто невероятное сопротивление. Каждому солдату, офицеру, каждой части, дивизии была поставлена задача стоять насмерть и максимально перемалывать немецкие войска. Стягивать их, молоть, стягивать, молоть... Под прикрытием обороны выдвигались резервы на фланги, справа и слева от Сталинграда. Выбирался момент для нанесения контрудара...

А. Бондаренко: То есть Сталин в конце концов осознал свою ошибку относительно направления главного удара противника...

Г. Куманев: Нет, даже когда уже совершенно явно обозначилось, что план немецкого командования — это южное направление, и туда были брошены все основные гитлеровские силы, мы продолжали сосредотачивать свои главные силы на Московском направлении.

А. Бондаренко: *Но почему?!*

М. Мягков: Еще в августе Сталину на стол легло разведдонесение, которое, видимо, пришло из Англии: сообщение о поездке японского посла Хироши Оси на Восточный фронт... Немцы ему говорили, что сейчас идет наступление на Сталинград, что захват Кавказа — это первая задача, а вторая, как говорилось в этом донесении, — это наступление на Москву в течение месяца.

Что оставалось думать Сталину? Мог ли он рассчитывать на то, что сопротивление под Сталинградом автоматически предотвратит наступление на Москву? Сталин был реалистом и предпринимал все возможные меры, чтобы обезопасить и западное направление. А также не допустить оттягивания немецких сил от Сталинграда на другие участки фронта. В этом отношении я клоню к знаменитой операции «Марс», вокруг которой ведется много дискуссий и много копий сломано.

А. Орлов: Известный американский историк Гленс посвятил этой операции книгу, названную «Самое большое поражение маршала Жукова». На самом деле это была отвлекающая операция... По своим срокам она была привязана к «Урану» — Сталинградской операции. Переносилась по срокам та операция — переносилась и эта. «Уран» готовился втайне, а «Марс» чуть ли не демонстративно: было много перебежчиков, у немцев вдруг оказались наши пленные, которые примерно знали, сколько сил будет наступать, полосу наступления... 4 ноября немцам была подброшена информация, что свое главное наступление осенью 1942 года Красная Армия начнет 15 ноября под Ржевом.

М. Мягков: Однако Гленс пишет, что операция «Марс» планировалась наряду с операцией «Уран» как мощный одновременный удар... По его мнению, Ставка придавала ей чуть ли не большее значение, чем «Урану», и всей своей книгой доказывает, что советское командование делало расчет на окружение немцев на Московском направлении. То, что это не получилось, собственно, и есть «самое большое поражение Жукова».

А. Орлов: Стратегическая задача операции «Марс», которая началась наступлением Северо-

Западного и Западного фронтов на западном направлении, состояла в том, чтобы сковать под Ржевом и Смоленском лучшие немецкие резервы.

Если силы, противостоявшие нашим войскам на западе и юге, были вроде бы равны по численности, то на качество войск противника надо обратить внимание. Под Сталинградом половину гитлеровских войск составляли союзники — итальянцы, венгры и т. д. На флангах оборонялись румынские армии, и потому именно здесь было решено нанести главный удар... Зато в районе Ржева, в 150 километрах от Москвы, стояли закаленнейшие немецкие дивизии, составлявшие порядка 40 процентов всех немецких (по национальной принадлежности) войск.

М. Мягков: Можно сказать, что операция «Марс» имела двуетапную задачу: оттягивание немецких сил с южного направления и предотвращение неожиданного удара немцев на Москву. Если бы в разгар Сталинградской битвы 9-я, 2-я танковые дивизии, 3-я немецкая танковая армия вместе с 9-й немецкой армией перешли в наступление на Москву, о каком Сталинграде можно было бы говорить?

О. Ржешевский: Конечно, немцы замыслили при благоприятных обстоятельствах внезапный удар на Москву, и изучение этого вопроса может принести чрезвычайно интересные открытия. Нужно бы обратиться прежде всего к документам 9-й немецкой армии. Если мы найдем наступательные планы немецкой группировки, это будет большой удачей.

А. Бондаренко: *Однако, сохраняя мощную группировку войск на Московском направлении и, возможно, планируя внезапный удар, немцы продолжали наступление на юге?*

В. Лобов: Да, от своих планов они не отказывались. Но 4-я и 6-я армии были растянуты по степям, по Волге, естественно, надо было подтянуть резервы, перегруппировать войска, сосредоточить на новое направление... Немцы надеялись на союзников, они полагали, что фланги у них хорошо прикрыты, что румыны готовы сдерживать натиск наших войск, но самое главное, они никак не предполагали, что контрудар может быть нанесен.

О. Ржешевский: Известно, что немцы рассчитывали на сопротивление Красной Армии, но считали, что для сопротивления, способного сломать их планы, у Красной Армии просто не хватит стратегических резервов. Это был глав-

ный аргумент — не хватит резервов для сопротивления...

В. Лобов: Йодль пишет: «Этот удар для нас оказался совершенно неожиданным. Казалось, что вчера на этом месте ничего не было, и вдруг там появились такие силы, которые нанесли этот удар совершенно неожиданно»...

А. Бондаренко: *За счет чего же нам удалось достичь этой внезапности?*

В. Лобов: Сталинградское контрнаступление — это образец достижения стратегической внезапности. В степи, на голом месте, удалось так сосредоточить войска, что немцы этого не заметили! Они думали, что это просто очередные подкрепления подходят. Выдвижение осуществлялось ночью, без фар, предпринимались все меры маскировки, самым строжайшим образом была организована комендантская служба, налажены авиационное прикрытие, противовоздушная оборона — все самолеты противника сбивались.

В. Черногор: Для достижения внезапности была проведена огромнейшая работа, и то, например, что на километр фронта у нас было сосредоточено свыше трехсот орудий, для немцев тоже оказалось полнейшей неожиданностью...

А. Бондаренко: *Почему же они все это проглядели?*

В. Лобов: Немцев подвели плохая разведка, недостаток времени, незнание нас и наших резервов и, наконец, по-своему сказались зазнайство и самоуверенность.

О. Ржешевский: Внутреннее кольцо окружения было замкнуто 23 ноября, и в нем оказались более 330 тысяч немецких солдат и офицеров. Наше командование рассчитывало, что будет от 70 до 90 тысяч.

Ю. Никифоров: Кстати, фронт немецких войск в окружении под Сталинградом был организован достаточно грамотно. И гитлеровцы держались так долго именно потому, что был создан такой фронт в кольце. Мы ведь знаем, что одна из ошибок наших войск под Вязьмой в октябре 1941 года была в том, что вовремя не создали фронт в окруженной группировке, сразу пошли на прорыв.

А. Бондаренко: *Могли ли войска Паулюса вырваться из окружения?*

В. Лобов: Мы же осуществляли прорывы стратегического фронта и выходили к себе в начале войны. Значит, такая возможность была и у противника. Но, если брать характер немцев и то, что у них была мощная трехсоттысячная группировка, кто из них мог тогда думать о спасении?

А. Орлов: Да еще учитывая, что Гитлер приказал держаться...

В. Лобов: Поначалу у них и мыслей таких не было. К тому же был создан воздушный мост — подпитывать. Им говорили: мы вам дадим все необходимое, держитесь, потом дальше пойдете... Надо учитывать и то, что к этому времени немецкие армии были не только растянуты, но и испытывали острый недостаток горючего, боеприпасов, медикаментов. К тому же — холод. Они могли только выжидать, удерживая занятые рубежи, когда к ним придет помощь.

Ю. Никифоров: Хотя Паулюс пишет, и на допросах это проходит, что если бы ему позволили идти навстречу Манштейну, то вполне возможно, прорыв был бы осуществлен. Ведь немцы под Демянском сумели прорвать кольцо, вышли...

А Сталинград, по существу, превратился в символ. Из чисто военного фактора он стал символом немецкой стойкости. Если бы войска Паулюса пошли навстречу Манштейну, это могла бы быть та еще заноза, довольно долго там бы торчала. Может, с учетом того и разрабатывались планы нашего стратегического наступления — «Уран», «Сатурн», то есть окружение практически всех немецких войск на Северном Кавказе, в Ростовской области, Краснодарском крае? 2-я гвардейская и другие армии были нацелены для удара на Ростов, чтобы отрезать всю немецкую группировку на южном фланге.

Г. Куманев: Кстати, 2-я гвардейская армия генерала Малиновского, которая перебрасывалась в район Сталинграда, оказалась в распоряжении Сталинградского, а не Донского, как предполагалось поначалу, фронта.

После того как была блестяще проведена операция «Уран» и 22 вражеские дивизии оказались в кольце, ликвидировать окруженную группировку Ставка поручила командующему войсками Донского фронта генералу Рокоссовскому. Был разработан план операции «Кольцо», согласно которому один удар наносился Сталинградским фронтом в направлении восток — запад, а Донской фронт, окружая эту группировку, наносил второй удар — с западного направления на восток. Таким образом, группировка рассекалась на две части.

Но в это время Гитлер подготовил операцию по деблокированию окруженной группировки силами группы армий «Дон». 12 декабря перешла в наступление танковая дивизия генерала Манштейна.

А. Орлов: К 20 декабря Манштейн приблизился к группировке Паулюса на 35 километров. Он требовал, буквально бомбардировал ставку Гитлера: «Дайте резервы!» Но резервов ему не давали, потому что в это время продолжали наступление войска наших Западного и Северо-Западного фронтов — вот она, операция «Марс»!

Г. Куманев: Все же положение оказалось очень тяжелым — наших сил для отражения Манштейна было недостаточно, и противнику удалось достичь определенного успеха. Тогда Еременко обратился в Ставку с предложением, чтобы 2-ю гвардейскую армию бросили на встречу Манштейну в помощь Сталинградскому фронту.

Рокоссовский присутствовал при разговоре представителя Ставки Василевского по ВЧ со Сталиным. Александр Михайлович обосновал свою точку зрения тем, что положение критическое. Сталин попросил передать трубку Рокоссовскому. В своих воспоминаниях маршал пишет: он тогда сказал, что с этим решением несогласен. Армию Малиновского надо передать Донскому фронту, в сжатые сроки ликвидировать окруженную группировку и только после этого бросить все силы против Манштейна.

Василевский снова взял трубку и опять обосновал свое предложение, говоря, что это неоправданный риск — делать так, как предлагает Константин Константинович. Подумав, Сталин сообщил Рокоссовскому, что он пришел к выводу: армию Малиновского надо все-таки бросить на помощь Сталинградскому фронту. Это в корне изменило положение, Манштейн был отброшен.

Ю. Никифоров: 2-я гвардейская армия была перенацелена на ликвидацию прорыва, и, таким образом, вместо «Сатурна» была проведена операция «Малый Сатурн». Если бы немцы вышли из окружения, то с этой группировкой нам еще пришлось бы встретиться летом 1943 года.

А. Бондаренко: *Считал ли потом Рокоссовский, что допускал ошибку?*

Г. Куманев: Нет, в последующие годы он не раз говорил, даже включил это в книгу своих мемуаров, что он по-прежнему считает, что был прав, но Ставка все-таки приняла другой план, «надежно гарантирующий от всяких неожиданностей».

Лично я думаю, что блистательный полководец тогда все-таки ошибался.

А. Бондаренко: *Победа под Сталинградом вызвала большой резонанс в мире...*

О. Ржешевский: Да, для мирового сообщества Сталинградская битва имела огромное значение. Можно напомнить о грамоте, которую прислал Рузвельт защитникам Сталинграда и победителям в этой битве.

М. Мягков: Война к тому времени уже носила коалиционный характер. Потому возникает как бы обратный вопрос: какое влияние на ход Сталинградской битвы оказали совпавшие по времени с ней боевые действия союзников в Северной Африке и на Тихом океане? Историки давно спорят по этому поводу. В западной историографии присутствует мысль, что перелом одновременно произошел как бы на двух участках борьбы: на Восточном фронте под Сталинградом, а на Западном — в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Сталинградскую битву пытаются не только сравнивать, но даже уравнивать со сражением при Эль-Аламейне, хотя это совершенно несравнимые события и по количеству вовлеченных в них войск, и по значению.

Тем не менее боевые действия союзников оказывали большое влияние на ход боевых действий на Восточном фронте как в моральном плане — уже можно было сказать, что советские войска сражаются не одни, так и в плане стратегическом. К маю 1943 года создались предпосылки для высадки союзников на Сицилии — в Южной Европе. Естественно, это оттягивало какое-то количество немецких и итальянских войск, в том числе с советско-германского фронта.

О. Ржешевский: Но вскоре, в том же 1943 году, возникли очень большие осложнения в антигитлеровской коалиции. Несмотря на победу в Сталинградской битве, в антигитлеровской коалиции обозначился кризис из-за проблемы второго фронта. Ведь западные союзники, обещавшие — это зафиксировано в документах, — что они откроют второй фронт в 1943 году, от своего обещания отказались. Это и вызвало кризис, из Великобритании и США были отозваны даже наши послы — Майский и Литвинов.

В. Лобов: Тему можно продолжить... На протяжении всей Великой Отечественной войны Запад очень внимательно нас изучал. Сталинград показал, что мы не только выжили, но и создали экономический потенциал, позволяющий производить достаточное количество боеприпасов, вооружения, у нас есть серьезные людские резервы...

Естественно, битва на Волге явилась толчком к созданию второго фронта. Но не потому,

что они нам стремились помочь. Ни в коем случае! Они поняли, что Сталинград — ключ к Берлину, к разгрому Германии, и можно опоздать к разделу «трофеев»...

А. Бондаренко: *Вы думаете, Сталинград можно было считать ключом к Берлину?*

А. Орлов: В начале нашего разговора мы вспоминали, что в январе Сталин поставил задачу разгромить вермахт в 1942 году. Эта задача выполнена не была, но зато в Сталинградской операции действительно был достигнут коренной перелом в войне.

Г. Куманев: Перелом в войне — это непрерывный, поступательный процесс... Победа Красной Армии под Сталинградом несомненно знаменовала собой начало перелома во Второй мировой войне в целом.

О. Ржешевский: Да, в этом и заключается главное значение Сталинградской битвы. Действительно, ни у кого уже не было сомнения в том, что агрессор будет изгнан с советской земли, уничтожен и что прямая дорога из Сталинграда ведет именно на Берлин.

А теперь мне бы хотелось сказать несколько слов о сегодняшних уроках Сталинградской битвы. Мне кажется, если бы мы сейчас имели такую могучую армию — конечно, не в численном выражении, а в современных критериях, — как мы имели в Сталинградской битве, то, конечно, нашему государству было бы намного легче решать проблемы не только внешней политики, но и обеспечения нормальной жизни и безопасности граждан на нынешнем очень беспокойном и трудном этапе общественного развития.

Вольно или невольно приходит также мысль о том, что общество наше должно быть единым.

У нас сейчас очень много лозунгов. Много дней, именуемых днями «мира», «согласия», «примирения» и прочее. Вроде бы все правильно декларируется, но намного меньше практических шагов, направленных на восстановление такого единства.

В этом смысле уроки войны и Сталинградской битвы в частности, исключительно важны. Они — в необходимости восстановления одного, самого важного, на мой взгляд, показателя, который выражается чрезвычайно простой формулой: чувство семьи единой. В войну в Сталинграде это чувство было. Ему тогда как бы не придавали значения: оно было в душе человека, в его сознании, генах — о чем тогда мог быть разговор? Чувство семьи единой — это было чувство единства народа и власти, чувство единства людей разных национальностей, единства поколений... В общем, много составных, совершенно необходимых для государства понятий и принципов, вне которых, как мы сегодня видим, ему очень трудно двигаться вперед.

И какую бы, кстати, прекрасную концепцию патриотического воспитания мы сегодня ни разрабатывали, если у нее не будет исторического фундамента, основанного на всем лучшем, что имели наше государство и его Вооруженные Силы при княжеской Руси, при царской, императорской, советской и постсоветской России, — то даже самые мощные средства, направленные на создание патриотической основы, соответствующее воспитание молодежи, не приведут к значительным, заметным сдвигам. Пусть это покажется кому-то странным, но именно такие мысли рождает у меня сегодня обращение к этим событиям.

Битва за Москву в документах Центрального архива ФСБ России

В. С. Христофоров*

Великая Отечественная война началась рано утром 22 июня 1941 г. мощным ударом воздушных и механизированных армий Германии. Соединения вермахта по всей западной границе от Баренцева до Черного моря предприняли наступление, в котором участвовали 118 пехотных, 15 моторизованных и 19 танковых дивизий. Немецкие войска были разделены на три группы армий. Группа армий «Север», наступавшая из Восточной Пруссии, должна была разгромить части Красной Армии в Прибалтике и захватить Ленинград. Группе армий «Центр» ставилась задача уничтожить советские войска в Белоруссии и продвигаться на Минск и Смоленск. Группа армий «Юг» имела задание нанести удар в направлении Киева, уничтожить советские войска на Украине и своевременно захватить переправы через Днепр. Стратегический план захвата СССР, известный под названием «план Барбаросса», представлял собой комплекс военных, политических и экономических мероприятий. В ходе реализации операции германскому вермахту необходимо было до середины августа 1941 г. достичь Москвы, до начала октября завершить операцию против СССР, к началу зимы немецкие войска планировали занять рубеж Астрахань — Волга — Архангельск. С первых часов войны начались массированные бомбардировки немецкой авиацией важнейших военных и промышленных центров, транспортных коммуникаций и узлов связи. Острейшей проблемой для советского руководства стала эвакуация на восток большого количества промышленных предприятий и населения.

За первую неделю на земле и воздухе было уничтожено свыше 4000 советских самолетов, что обеспечило господство немецкой авиации в воздухе и способствовало быстрому продвижению частей и соединений вермахта в глубь советской территории.

Части и соединения Красной Армии и войск НКВД СССР вели тяжелые оборонительные бои. К середине июля фашистские войска захватили Латвию, Литву, значительную часть Белоруссии, Украины и Молдавии.

Продвигаясь по направлению к Москве, немецкие войска неожиданно для себя встретили ожесточенное сопротивление Красной Армии под Смоленском. Смоленское сражение продолжалось два месяца, с 10 июля по 10 сентября 1941 г.

Германское командование, основываясь на данных военной разведки, считало, что после приграничных сражений в Красной Армии осталось 66 дивизий. Оно полагало, что советские войска не в состоянии организовать сплошной фронт обороны даже на наиболее важных направлениях, а попытки создать большое количество новых соединений потерпят неудачу из-за недостатка времени и отсутствия офицерского состава и вооружения. Противник надеялся на легкую победу под Смоленском, считая, что в распоряжении командования Западного фронта имеется всего 11 дивизий. Перед немецкой группой армий «Центр» была поставлена задача окружить и ликвидировать группировку советских войс в районе Смоленска и открыть путь на Москву.

---

* В. С. Христофоров — доктор юридических наук, Институт российской истории РАН

Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) стремилась любой ценой остановить продвижение немецких войск. Перед Западным фронтом, главные силы которого действовали на смоленском и рославльском направлениях, была поставлена задача — не допустить прорыва немецких войск к Москве. В районе Смоленска стал создаваться оборонительный рубеж с опорой на реках Десна и Днепр, однако завершить работы не удалось. Советская разведка не располагала достоверными данными о численном составе наступавших немецких войск. Предполагалось, что против Западного фронта действует немецкая группировка в составе 35 дивизий (в действительности их было 66)¹.

Для повышения устойчивости обороны на московском направлении, за войсками Западного фронта (в 100 км восточнее Смоленска) Ставка развернула второй стратегический эшелон из шести резервных армий.

11 июля 2-я танковая группа немецких войск форсировала Днепр, а 3-я танковая группа перешла в наступление и захватила Витебск. Стрелковые соединения советских войск не могли сдерживать натиск моторизованных корпусов противника. 13 июля противник занял Демидов, 16 июля — Невель и Оршу, 19 июля — Великие Луки. 19-я и 20-я армии оставили свои рубежи обороны и отошли к Смоленску, оказавшись охваченными с трех сторон. Враг пробился в южную часть Смоленска, где был остановлен 16-й армией².

Советское командование сосредоточило все внимание на московском направлении, перебрасывая сюда новые резервы. В тылу Западного фронта оборону создавал фронт резервных армий, в состав которого были включены дивизии пограничных и внутренних войск НКВД СССР. 18 июля Ставка ВГК приступила к созданию на западном направлении третьего стратегического эшелона. На дальних подступах к Москве был образован фронт Можайской линии обороны в составе трех общевойсковых армий. Одновременно оборудовались три оборонительных рубежа на глубину до 300 километров³.

20 июля начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. К. Жуков издал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. С этой целью из 20 дивизий фронта резервных армий было создано пять армейских оперативных групп, которые вошли затем в состав Западного фронта. 23 июля армейские оперативные группы начали наступление, нанося

одновременные удары из районов Белого⁴, Ярцево⁵ и Рославля⁶ по сходящимся направлениям на Смоленск. Советские войска в ходе контрударов не смогли разгромить смоленскую группировку врага. Однако они остановили продвижение группы армий «Центр» на Москву, помогли 20-й и 16-й армиям прорвать фронт окружения и отойти главными силами за Днепр.

Для удобства управления войсками Ставка 25 июля образовала Центральный фронт, в состав которого вошли три армии (3-я, 13-я и 21-я армии). Задача этого фронта состояла в том, чтобы прикрыть стыки Западного и Юго-Западного фронтов и активными действиями на северо-запад (в направлении Гомеля и Бобруйска) содействовать успеху Западного фронта.

Создавшиеся чрезвычайные обстоятельства оказывали негативное влияние на деятельность государственного аппарата, в том числе и на деятельность отечественных органов безопасности и внутренних дел. Требовалось принять неотложные мобилизационные и оперативно-розыскные меры по поддержанию высокой организованности и дисциплины на фронте и в тылу. На первое место выходили вопросы добывания разведывательной информации о планах и замыслах немецкого военного командования.

О некоторых направлениях деятельности органов государственной безопасности в начальный период войны, в том числе в ходе Московской битвы, речь пойдет ниже.

Для того чтобы помешать продвижению частей и соединений вермахта, сорвать их бесперебойное снабжение оружием и боеприпасами, техникой и личным составом, необходимо было развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника, в первую очередь на коммуникациях, а также организовать партизанское движение на временно оккупированной территории.

В этих целях 5 июля 1941 г. была создана Особая группа НКВД СССР, начальником которой был назначен П. А. Судоплатов⁷. На Особую группу были возложены задачи по разработке и проведению разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее союзников, организации подполья и партизанской войны, созданию нелегальных резидентур на оккупированной территории, руководству радиоиграми с немецкой разведкой⁸.

Для борьбы с немецкими парашютными десантами и диверсантами в прифронтовой полосе 25 июля 1941 г. в НКВД СССР был образован

штаб, а в НКВД–УНКВД прифронтовых республик, краев и областей — оперативные группы. Одновременно при городских и районных отделах (отделениях) НКВД были организованы истребительные батальоны численностью 100–200 человек⁹.

Опыт партизанского движения показал, что партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы в тылу противника могут действовать достаточно эффективно. 26 августа 1941 г. оперативные группы прифронтовых органов безопасности были преобразованы в 4-е отделы НКВД–УНКВД республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР. Перед ними были поставлены задачи по формированию и руководству истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами. Необходимо было наладить связь с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находившимися в тылу противника, вести агентурную и войсковую разведку, обеспечивать партизанские формирования оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

В целях получения достоверной информации о противнике в июле 1941 г. руководство Особой группы НКВД СССР приступило к формированию оперативных групп и оперативных отрядов, которые после прохождения подготовки направлялись в тыл противника. Первые оперативные группы и отряды были направлены в тыл противника на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую, Курскую и Смоленские области. Командирами оперативных групп и отрядов назначались, как правило, сотрудники органов безопасности и внутренних дел, офицеры пограничных войск, имевшие опыт разведывательной и диверсионной работы. Многие из них были участниками войны в Испании. В связи с тем, что руководство Особой группы НКВД СССР испытывало острый дефицит в количестве опытных профессиональных военных, в отдельных случаях на должность командиров групп подбирались добровольцы из числа гражданских лиц, изъявившие добровольное желание идти на выполнение специального задания в тыл противника и располагавшие для этого необходимыми возможностями и способностями. В качестве примера можно назвать командиров групп «Мария» и «Анисим», речь о которых пойдет ниже.

Как показали первые недели боевых действий, отечественные органы безопасности

оказались не готовы к ведению разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. Это было связано с тем, что в соответствии с принятой в конце 1930-х годов доктриной наступательной войны, на территории СССР не предусматривалось развертывания разведывательно-диверсионных и партизанских отрядов, не велось заблаговременного устройства для них опорных баз, была прекращена подготовка кадров, способных организовывать и проводить разведывательно-диверсионные операции в тылу противника. Более того, многие специалисты партизанской и диверсионной работы, как и сотрудники иных оперативных подразделений в результате политических репрессий накануне войны были расстреляны или оказались в исправительно-трудовых лагерях.

Судоплатов предпринял энергичные меры по возвращению на службу профессионалов разведывательно-диверсионной работы. В этих целях он разыскивал в исправительно-трудовых лагерях бывших сотрудников органов безопасности и с помощью начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштакова¹⁰ возбуждал ходатайства перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о досрочном освобождении и снятии судимости с бывших работников НКВД, которых предполагалось использовать для работы в тылу противника¹¹.

В июле–декабре 1941 г. была собрана информация и доложена руководству НКВД СССР по каждому сотруднику органов безопасности, осужденному в предвоенные годы и отбывавшему наказание в исправительно-трудовых лагерях. Были составлены ходатайства на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина об освобождении из заключения сотен сотрудников органов безопасности¹².

Материалы, поступившие из НКВД СССР, рассматривались в Комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР по рассмотрению заявлений о помиловании, где готовились соответствующие предложения. После принятия Президиумом Верховного Совета СССР решения о помиловании со снятием судимости и досрочном освобождении из мест заключения, сотруднику немедленно вручались проездные документы и предписание прибыть в распоряжение соответствующего руководителя органов безопасности¹³.

Нехватка подготовленных командиров разведывательных и диверсионных групп, направлявшихся в тыл противника, заставила искать

неординарные решения. В отдельных случаях на должность командиров разведывательных групп стали подбирать и назначать лиц, имевших реальные возможности для выполнения сложных заданий и изъявивших твердое добровольное желание идти в тыл противника. При этом обязательно учитывалось знание кандидатом местности в районе предстоявшего задания, его жизненный опыт, преданность советскому государству.

Ожесточенное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий «Центр», она оказалась скованной на всех участках фронта и 30 июля перешла к обороне. Стратегия «блицкрига» рассыпалась прямо на глазах. По приказу Гитлера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно складывавшихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. В августе в первую очередь намечалось продолжить наступление с целью уничтожения советских войск на Украине, а также совместно с финскими войсками блокировать Ленинград¹⁴.

Усиливая оборону на московском направлении, Ставка ВГК 30 июля объединила резервные армии, создав Резервный фронт, командующим которого был назначен генерал армии Г. К. Жуков, освобожденный от обязанностей начальника Генштаба Красной Армии.

В августе противник направил в полосу Центрального фронта 25 дивизий группы армий «Центр», которые при поддержке крупных сил авиации 8 августа перешли в наступление и создали реальную угрозу прорыва в тыл Юго-Западного фронта. Советские войска не смогли сдержать столь мощного удара и начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. Немецкие войска к 21 августа продвинулись на 140 километров, глубоко вклинившись между Брянским и Центральным фронтами. 26 августа Центральный фронт был упразднен, а его войска переданы в состав Брянского фронта.

В 20-х числах августа в огромной, шириной около 600 км, полосе, от Торопца¹⁵ до Новгорода-Северского¹⁶, развернулись ожесточенные бои. 1 сентября под Смоленском перешли в наступление 16-я, 19-я и 20-я советские армии.

Немецкое военное командование, опасаясь прорыва частей и соединений Красной Армии, перешло к обороне. Об этом сообщали разведывательные группы НКВД СССР, действовавшие на смоленском направлении. Немецкое командование издало специальный приказ — не оставлять своих окопов даже под угрозой смерти¹⁷.

Однако ослабленные в предыдущих боях наступавшие соединения Красной Армии за девять дней упорных атак смогли продвинуться лишь на несколько километров и перешли к обороне.

Первого значительного успеха советские войска добились под Ельней¹⁸, где с 30 августа по 8 сентября в результате проведения наступательной операции, проведенной 24-й армией Резервного фронта, была уничтожена группировка противника (15-я, 17-я, 78-я, 137-я, 268-я и 298-я пехотные дивизии), вклинившаяся в оборону Резервного фронта. 6 сентября был освобожден г. Ельня. Противник понес большие потери (до 45 тысяч человек). За отличия в Ельнинской операции приказом наркома обороны от 18 сентября 1941 г. четырем лучшим стрелковым дивизиям 24-й армии первым в Красной Армии были присвоены звания гвардейских.

10 сентября, учитывая измотанность войск, Ставка ВГК приказала прекратить наступление. Смоленское сражение завершилось. Его главным итогом явился срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Советские войска проявили небывалую стойкость и массовый героизм. Тысячи бойцов и командиров были удостоены государственных наград, а 14 воинам было присвоено звание Героев Советского Союза. Советское командование в ходе Смоленского сражения впервые применило новое оружие — реактивные минометы, ставшие известными под наименованием «Катюши». Реактивные установки под командованием капитана А. И. Флерова нанесли удары по противнику в районе Орши¹⁹, а затем Рудни²⁰ и Ельни.

Сражение под Смоленском позволило советскому командованию выиграть время для подготовки обороны Москвы. 10 сентября враг был остановлен в 300 километрах от столицы. Гитлеровский «блицкриг» был сорван.

Стратегические неудачи под Смоленском заставили фюрера изменить направления главного удара и направить его с центра на юг — Киев, Донбасс, Ростов. На Центральном фронте наступление немецких войск было временно приостановлено. Однако главной целью немецкого командования по-прежнему оставалась Москва. Перед оперативными группами и отрядами органов безопасности ставились задачи по добыванию своевременной, объективной и подробной информации об изменениях обстановки на фронте.

В отечественной историографии недостаточно подробно представлена тема подготовки

и проведения разведывательно-диверсионной деятельности, а также специальных мероприятий НКВД СССР на временно оккупированных территориях. Новые сведения об этом специфическом направлении работы органов безопасности стали известны благодаря публикации рассекреченных материалов ЦА ФСБ России²¹.

В архивных документах содержатся ранее не публиковавшиеся сведения об организации разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности в тылу противника на временно оккупированной территории Калининской, Калужской, Московской, Тульской и Смоленской областей. В сообщениях НКВД СССР, направленных в Государственный комитет обороны (ГКО), содержится информация о формировании партизанских отрядов, разведывательных и диверсионных групп, их боевой, разведывательной и диверсионной деятельности в тылу противника, об обстановке на оккупированной территории. В разведывательных сводках и донесениях содержатся сведения о состоянии немецких войск, дислокации частей и соединений, местах расположения штабов, аэродромов, складов с оружием, боеприпасами, горючим и т. п.

Готовясь к оборонительным боям, уже в июле 1941 г. во всех районах Москвы и Московской области Управлением НКВД были сформированы истребительные батальоны численностью в 28,5 тыс. человек. Для комплектования истребительных батальонов привлекались работники УНКВД, а также добровольцы из аппарата Совнаркома, Наркомфина, Наркомпищепрома РСФСР, Промакадемии, Радиокомитета, московских часовых заводов, типографии «Красный пролетарий» и многих других предприятий и организаций.

Первые оперативные группы и отряды ушли в тыл противника (на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую, Курскую и Смоленские области) уже в начале августа 1941 г. Управлением НКВД по Смоленской области были сформированы партизанские отряды, перед которыми были поставлены следующие задачи: сбор и передача в Москву информации о положении в районе Смоленска и Смоленской области; организация партизанских отрядов и нелегальной радиостанции в Смоленске или прилегающем к нему районе с соответствующим прикрытием²².

С 1 августа 1941 г. аппараты Управления НКВД и областных партийных и советских ор-

ганизаций передислоцировались из Смоленска в г. Вязьму, где 4 августа был создан штаб руководства партизанскими отрядами в оккупированных районах Смоленской области. Перед штабом были поставлены задачи передислоцироваться в г. Белый, продвигаться в тыл противника, в лесные районы, организовывать партизанские отряды, уничтожать живую силу противника, склады продовольствия в тылу противника, а также в прифронтовой полосе, создавать на местах базы — тайники с оружием, боеприпасами и продовольствием.

За период с 1 по 15 августа 1941 г. на территории Смоленской области было организовано и направлено в тыл противника 11 вооруженных отрядов общей численностью 404 человека. Один из оперативных отрядов под командованием Флегонтова²³ 2 августа убыл из Москвы в Вязьму²⁴. Вместе этим отрядом убыла из Москвы и разведывательная группа «Мария» численностью три человека, имевшая самостоятельное задание. Командиром группы, легендированной под семью, был назначен преподаватель Московского государственного университета, уроженец Смоленской области — Я. С. Кумаченко²⁵ (псевдоним — «Данила»), его помощником и шифровальщиком являлась «Мария» (по легенде — жена «Данилы»), их «сын» — «Яша» был 17-летний радист группы, отобранный сотрудниками Особой группы НКВД СССР.

Перед «семьей» была поставлена задача: прибыв в Вязьму, поступить в оперативное подчинение находившегося там представителя НКВД СССР С. А. Клепова²⁶, осесть в тылу врага, в Смоленске или в пригороде. Разведчикам было предписано лояльно относиться к приходу немцев, а если поступит предложение работать на немецкую разведку, дать согласие на вербовку, используя это как прикрытие своей разведывательной деятельности. Сбор информации на территории, занятой противником, необходимо было осуществлять методом визуального наблюдения и передавать ее по радиации, питание которой было рассчитано на 36 передач по 10 минут каждая²⁷.

Члены группы «Мария» добровольно изъявили желание идти в тыл врага и в течение августа, сентября и октября собирали разведывательную информацию в прифронтовой полосе, а 20 октября 1941 г. перешли линию фронта и до начала ноября находились в тылу противника. В целях обеспечения безопасности разведчикам из группы «Мария» при любых обстоятельствах

без пароля центра запрещалось связываться с партизанскими отрядами или подпольными парторганизациями, даже если с их стороны будут попытки установления связи²⁸.

Учитывая, что все три члена разведывательной группы «Мария» не имели военной подготовки, не владели навыками владения оружием, перед ними не ставились задачи ведения боевой или диверсионной работы и не выдавалось оружие. «Семья», снабженная необходимыми документами, подготовленными в соответствии с разработанной легендой, должна была пройти по тылам немецких войск, собирая разведывательную информацию и сообщая ее в Москву.

За время с 7 августа по 20 октября группой «Мария» было передано 13 радиogramм и одна докладная записка руководству 4-го управления НКВД СССР. 25 дней группа находилась на линии Днепра (Новоселки и Коровники). После этого в период с 2 сентября по 20 октября группа «Мария» действовала в составе оперативных отрядов НКВД СССР под командованием Зуенко²⁹ и Галышева.

По информации, которая поступала от разведывательных групп, НКВД СССР готовил спецсообщения в ГКО о положении на временно оккупированной немецкими войсками территории Смоленской области. Разведчики сообщали, что немецкие войска грабят население, отбирают у него хлеб, скот, птицу, одежду. Немцы увозили в тыл снятый урожай, насиловали женщин, расстреливали семьи партийно-советского актива. Немцы активно вели среди населения агитацию о том, что якобы Москва окружена, а Ленинград и Киев заняты немецкими войсками, что Советская власть больше уже существовать не будет. Население относилось к немцам настороженно, отмечался рост массового недовольства их самоуправством, часть местных жителей уходила к партизанам³⁰.

Информация, поступающая по радиации от группы «Мария», свидетельствовала, что разведчики действовали активно. 27 августа группа вышла к Днепру и сообщила в Москву, что из района Перстенки и Жевлаки (50 км восточнее Ярцево) велся интенсивный огонь советской артиллерии. Фашистская артиллерия отвечала слабо. В течение недели авиация немцев почти не появлялась. В прифронтовой полосе шла уборка урожая. Фашисты пытались подкупить население, давая последнему возможность передвижения и продажи продуктов³¹.

В следующей радиogramме, поступившей 29 августа 1941 г., сообщалось, что немцы укрепились на высотах около Глинки, Сабырово Соловьево, Кучерово, было отмечено активное действие немецких разведчиков. «Данила» отмечал, что среди советского населения были лица, недовольные колхозами. Они сообщали советским разведчикам заведомо неверные сведения о дислокации немецких войск. «Данила» подчеркнул, что местное население знает о появлении советских разведчиков, указав на возможную утечку информации или предательство³².

В очередной сеанс радиосвязи 7 сентября «Данила» сообщил, что в Ильинском районе идут незначительные боевые действия. Немцы грабят деревни, отбирают у колхозников теплые вещи и продукты. Вырвавшиеся из плена советские военнослужащие рассказывали, что немцам не хватает продовольствия и обмундирования. Солдаты оборваны, питаются крупой. Население настроено к немцам враждебно. В то же время наблюдаются случаи предательства.

П. Судоплатов был недоволен тем, что из группы «Мария» поступает малозначимая информация. Он потребовал, чтобы «Данила» собирал разведывательные сведения, которые были необходимы для Генерального штаба Красной Армии³³.

21 сентября 1941 г. «Данила» сообщил в Москву, что «семья», вместе с оперативным отрядом Галышева, продолжая движение на линии фронта, переправилась на левый берег реки Межа³⁴. Здесь «Данила» зафиксировал интенсивное движение артиллерии, машин и гужевого обоза в направлении на Зекеево. Поступившая информация разведывательной группы «Мария» была оценена в НКВД СССР как важная и актуальная. На ее основе было подготовлено специальное сообщение, которое направили новому начальнику Генерального штаба маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову. В документе отмечалось, что на участке Борки — Зекеево немецкие войска были остановлены на левом берегу реки Межа. С 8 до 14 часов 2 октября отмечалось интенсивное движение артиллерии, машин и гужевого транспорта по правой стороне реки Межа в направлении к Зекееву. «Данила» сообщал, что немецкое военное командование все еще верило в скорую победу — их солдаты были в летней форме³⁵.

В дальнейшем, в рамках общей стратегии ведения органами безопасности разведывательной деятельности, 20 октября группа «Мария» покинула базу отряда Галышева и в течение 16 дней

продвигалась самостоятельно по тылам немецких войск. В целях собственной безопасности пришлось расстаться с радиостанцией, так как постоянные проверки и тщательные обыски немецкими патрулями всех лиц, передвигавшихся по дорогам, могли привести к расконспирации и аресту разведчиков. В зависимости от обстановки «Данила» изменял маршрут движения группы, так как в некоторых населенных пунктах не только проверяли документы, но и задерживали всех подозрительных лиц. Отсутствие связи с разведывательной группой беспокоило руководство Особой группы НКВД. В ее адрес направлялись телеграммы с просьбой сообщить о себе и возобновить информирование о передвижении войск противника³⁶.

6 ноября 1941 г. группа «Мария» благополучно вернулась в Москву без потерь. Я. С. Кумаченко подготовил подробную докладную записку³⁷ на имя начальника 2 отдела НКВД СССР П. Судоплатова, в которой изложил информацию, собранную группой в тылу противника за период с 20 октября по 5 ноября 1941 г.

Кумаченко не только сообщил о дислокации немецких частей и военных объектов, описал состояние транспортных коммуникаций, но и дал характеристику войскам противника³⁸, отметил количество техники и живой силы противника в каждом из населенных пунктов, через которые проходила группа³⁹.

Разведывательная группа «Мария» установила места расположения четырех вражеских аэродромов. Первый в лесу на территории совхоза в 5–6 км от дер. Гладышева и в 2–3 км от вышки на большаке. Второй в 2 км от Гжатска в треугольнике, образуемом железнодорожной линией и Калужским большаком. Число летчиков этого аэродрома, проживающее в дер. Фролове, составляло не менее 100 чел. Третий на поляне в лесу между деревнями Слядневым и Якшином. По утверждению крестьян, при этом аэродроме было сосредоточено до 500 солдат. Четвертый по многочисленному движению самолетов и их внезапному появлению над лесом предположительно наличие аэродрома в близком расстоянии от дер. Благуши.

Наблюдения и выводы доцента МГУ были разнообразными: о питании⁴⁰, культурном уровне⁴¹ и «храбрости» немецких солдат. В частности, он отмечал, что немецкие воинские части не располагались вблизи больших лесов. Деревни, расположенные около леса, ими посещались реже. Немцы боялись темного времени суток,

немецкими оккупационными властями вводился комендантский час — запрещалось хождение позже 17 часов. Немецкие солдаты боялись одиночного передвижения по дорогам, они не заходили в лес более чем на 0,5 км. Слово «партизан» пугало немецких военнослужащих. При появлении советских самолетов незамедлительно объявлялась воздушная тревога. Немецкие солдаты немедленно покидали жилища и укрывались в убежищах.

Типичной стороной немецкого солдата, по наблюдению Кумаченко, являлась его «зверская жестокость. Это чувствовалось на каждом шагу в их обращении с мирным населением и с пленными красноармейцами. Характерным в отношении немецкой армии к местному населению был разбойничий грабеж. Немецкие солдаты ежедневно обходили деревни, отбирая у крестьян кур, гусей, коров, яйца, сало, молоко, хлеб, зерно, одежду, обувь, мануфактуру, холст, овчины, керосин, спички, сахар, чай, соль и т. д. Иногда обход делался по несколько раз в день. Лишь в редких случаях обход заменялся формой обложения, когда предлагалось от каждого двора приносить к машине определенное количество продукции. Немецкие солдаты обыскивали дома, амбары, погреба и сараи. Выстрелами из револьверов и автоматов они убивали скот и птицу прямо во дворах. Немецкие солдаты как бандиты в любой момент избивали и убивали мирных жителей, отбирали у них последнее имущество и продукты питания. При размещении в городах и деревнях немецкие солдаты изгоняли местное население из собственных помещений»⁴².

Группа «Мария» зафиксировала, что на оккупированной территории производилось много поджогов не только общественных зданий и сооружений, но и жилых помещений. Все эти поджоги немцы относили к деятельности партизан. Кумаченко отмечал, что, возможно, отдельные партизаны, извращая указания⁴³, могли произвести поджоги крестьянских домов. Более вероятным, по мнению командира разведгруппы «Мария», было то, что поджогами занимались немецкие провокаторы, стремившиеся создать среди населения враждебное отношение к партизанам.

Отдельным разделом в сообщении Кумаченко сообщалось о политических настроениях крестьянства. В связи с грабежом, насилием и гнетом оккупантов среди крестьянства все больше зрело недовольство и ненависть к немцам. Это проявлялось на каждом шагу

в разговорах между крестьянами, в жалобах на невыносимость положения⁴⁴.

Сразу же после выхода из немецкого тыла командир группа «Мария» передал Особому отделу НКВД армии, располагавшемуся в населенном пункте Чисмене, собранные разведывательные сведения о дислокации немецких войск, о результатах действий советской авиации в Гжатске и Поречье⁴⁵, а также об эффективности созданных минных заграждений по реке Рузе⁴⁶ около Чернева.

На основе собранных разведывательных сведений и личных наблюдений за время нахождения в тылу противника резидент из МГУ — Я. С. Кумаченко сделал несколько выводов.

Благодаря высокому уровню механизации армии противника, немецкий солдат, передвигаясь на машинах и бронетранспортерах, получает выгодное преимущество — сохранение боеспособности даже после долгого пути.

На смоленском направлении у противника нет близко расположенного танкового резерва (в течение 16 дней нахождения в тылу противника группа обнаружила только три танка). Военные успехи противника не имели ничего общего с храбростью немецких солдат, они были вызваны лишь преимуществом технического оснащения и вооружения немецких войск.

Немецкое командование не рассчитывало на упорное сопротивление частей и соединений Красной Армии. Оно надеялось завершить боевые действия в летний период и не обеспечило немецких солдат зимним обмундированием. С наступлением первых легких морозов немецкие солдаты, оставаясь в летнем обмундировании, за счет грабежа местного населения добывали теплую одежду.

В частях и соединениях немецкой армии возникла проблема снабжения продовольствием, которая будет обостряться с каждым днем. Для обеспечения продуктами питания немецкие солдаты грабят местное сельское население. Грабеж и насилие со стороны немецких войск вызывали рост движения сопротивления местного населения против фашистских захватчиков. Немецкие солдаты боялись дальнейшей перспективы, они хотели как можно скорее добиться победы и уехать домой. При этом они надеются, что сроки их победы и отъезда домой будут короткими, иногда называются 3–4 дня. Перспектива отъезда домой немецкими солдатами связывалась с занятием Москвы, при этом сроки устанавливались — 7 ноября 1941 г.

Сведения, собранные «Данилой», представляли интерес для военного командования, а также и для разведывательно-диверсионных групп органов безопасности, готовившихся к направлению в тыл противника. За успешное выполнение поставленных задач указом Президиума Верховного Совета СССР Я. С. Кумаченко и члены его разведывательной группы были награждены медалями «За боевые заслуги»⁴⁷.

4-й отдел УНКВД по Московской области был образован, как и в других прифронтовых органах безопасности, 26 августа 1941 г. В его задачу входило создание разведывательно-диверсионных резидентур, руководство истребительными батальонами и партизанскими отрядами, действовавшими на территории Московской области.

В сентябре была создана диверсионная школа НКВД, которая располагалась в Московской области — сначала в поселке Северском под Коломной, а потом в поселке Вешняки близ Покрова. В течение 10–20 дней в школе проводилась подготовка диверсионных групп, которые направлялись в тыл противника. В течение сентября-октября 1941 г. в школе было проведено три выпуска курсантов в количестве 455 человек, сведенных в 76 диверсионных групп. Большая часть этих диверсионных групп была придана партизанским отрядам, действовавшим на территории Московской области, остальные группы действовали самостоятельно в тылу противника⁴⁸.

В сентябре 1941 г. в Особой группе НКВД СССР началось формирование оперативной группы «Анисим», перед которой были поставлены задачи проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника на временно оккупированной Московской области. Командиром группы «Анисим» был назначен директор транспортно-экспедиционной конторы треста «Мосжилснаб» А. И. Воропаев⁴⁹.

В начале сентября в район Малого Ярославца, Угодско-Заводский и Нарофоминский районы выехал сотрудник Особой группы НКВД СССР Булгаков с задачей подготовить базы для закладок взрывчатых веществ и горючего для группы «Анисим», а также организации двух маршрутов от этих баз в Москву. Булгаков одновременно вел подбор и изучение местных жителей, которые могли бы использоваться для связи. 16 сентября он вернулся в Москву и проинформировал руководство Особой группы о выполнении задания⁵⁰.

Как свидетельствуют архивные документы, на загородной базе в лесу, в районе деревни Почечье Малоярославецкого района, квартал № 14, хранились оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества (винтовки немецкие — 50 штук, наганы — 30 штук, гранаты около 290 штук, тол 20 ящиков — 500 кг, патроны, детонаторы, бикфордов шнур, капсулы, электрозапалы). Для Московской группы были созданы три базы: база в Останкино (8 ящиков тола — 200 кг и 2 ящика с детонаторами и бикфордовым шнуром); база на станции Малаховка (16 ящиков тола — 400 кг и 120–160 литров бензина); база на 1-й Мещанской улице, дом 10 (9 ящиков тола общим весом 225 кг).

Разведывательно-диверсионная группа «Анисим» делилась на две части: на так называемую загородную группу — Малоярославецкую и городскую — Московскую. С приходом немцев в Малоярославецкий район, т. е. 17 октября 1941 г., в загородной группе насчитывалось 11 человек, которые вели учет прибывавших войск противника, выявляли места дислокации штабов немецких войск, выясняли системы их охраны, а также уничтожали военнослужащих противника, укрывали советских военнослужащих, оказавшихся в окружении, и выводили их за линию фронта. Полученные разведывательные сведения группа передавала в партизанские отряды Угодско-Заводского и Калужского районов, на основании которых указанными отрядами был успешно проведен ряд операций. В начале января 1942 г. после освобождения ранее оккупированных территорий загородная группа прекратила свою деятельность⁵¹.

В начале февраля 1942 г. на основе оперативной группы «Анисим» (15 человек) была сформирована разведывательно-диверсионная группа «Сатурн». В группу дополнительно были включены семь партизан из отряда Д. Н. Медведева, шесть автоматчиков из Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), а также два радиста и тренер по лыжам Л. А. Кулакова⁵². Группа «Сатурн», численность которой достигла 30 человек, 11 февраля была направлена для выполнения специального задания на оккупированную территорию Смоленской области. Основной задачей группы «Сатурн» являлось уничтожение Смоленского штаба немецкой разведки (Абверкоманды 103), захват его документации, взятие в плен одного (двух) офицеров немецкой разведки, подготовка посадочной площадки для самолета и переправка захваченных немецких разведчиков в Москву.

После выполнения задания по разгрому смоленского штаба немецкой разведки группа «Сатурн» должна была перебазироваться в район треугольника железных дорог Орша, Могилев, Кричев и приступить к активной диверсионной и разведывательной работе: подрыв железнодорожного полотна, мостов, подвижного состава, систем водоснабжения и др.; нарушение телеграфной и телефонной связи противника; уничтожение складов и баз с боеприпасами, продовольствием и военным имуществом противника, сбор сведений о передвижении и дислокации войск противника, их численности, линии обороны⁵³.

Командиром группы был назначен А. И. Воропаев, хорошо зарекомендовавший себя при выполнении предыдущего задания в тылу противника. Перед выходом в тыл противника группа «Сатурн» прошла подготовку по подрывному и стрелковому делу, а также тренировку в ходьбе на лыжах. Группа на лыжах, имея груз у каждого лыжника около 30 кг, перешла через линию фронта и, совершив многокилометровый переход по тылам противника, достигла заданного района и приступила к выполнению задания⁵⁴.

30 сентября после некоторого затишья немецкие войска начали новое наступление, целью которого было взятие Москвы — операция «Тайфун». Танковая армия немецкого генерала Гудериана направила удар по линии Орел — Тула — Москва и захватила Орел и Брянск. Началась Московская битва (оборонительная операция продолжалась с 30 сентября по 5 декабря 1941 г., наступательная — с 5 декабря 1941 г. по 20 апреля 1942 г.).

В соответствии с планом «Тайфун», враг сосредоточил на московском направлении 1,8 млн солдат и офицеров, значительное количество боевой техники, создав численное превосходство над советскими войсками. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, фашистам удалось захватить Вязьму, Можайск, Калинин и Малоярославец и подойти к Москве на 80–100 километров. В начале октября положение для советского командования стало критическим: немецкие войска прорвали фронт и окружили в районе Вязьмы пять советских армий Западного и Резервного фронтов и 10 дивизий народного ополчения. В окружение попали 600 тыс. человек, т. е. каждый второй защитник Москвы оказался в «котле».

Три армии были отброшены на рубеж Осташков⁵⁵ — Сычевка⁵⁶.

Путь на Москву был практически открыт. Резервов, способных остановить противника, в распоряжении Ставки ВГК фактически не оказалось.

Эта катастрофа во многом объяснялась ошибками, допущенными Ставкой и командованием фронтов в построении обороны, потерянностью и неопытностью большинства командующих и начальников штабов фронтов и армий.

Защита Москвы для советского народа и его армии выходила за рамки чисто военной задачи. Столица СССР, исторический центр формирования Российского государства, сердце России — вот чем была Москва в сознании советских людей. Поэтому на спасение столицы направлялись главные силы фронта и тыла.

Советское командование приняло ряд срочных мер. 10 октября Директивой Ставки ВГК армии Западного и Резервного фронтов были объединены в один Западный фронт, командующим которого назначен Г. К. Жуков. Под его командованием началось воссоздание фронта на Можайской линии обороны, куда отходили избежавшие окружения войска и прибыли резервы Ставки. К середине октября численность фронта достигла 90 тысяч человек, но для надежного прикрытия оборонительной полосы шириной 250 км этого было недостаточно. 12 октября Жуков получил донесения командующих 19-й армией и оперативной группой Западного фронта о том, что им не удастся прорваться из окружения. Жуков рекомендовал генералам И. В. Болдину и М. Ф. Лукину: «Прикажите танкам прорываться по кратчайшему направлению и быстро выводите свои войска... Все, что невозможно вывести, закопать в землю и тщательно замаскировать»⁵⁷.

Попытки командования Западного фронта организовать прорыв изолированных армий из вяземского котла успеха не имели. Войска выходили из окружения мелкими группами, без тяжелого вооружения и техники. Несмотря на то, что большинству советских войск не удалось прорваться из окружения, они героическим сопротивлением почти на две недели задержали продвижение десятков частей и соединений противника.

В середине октября бои на московском направлении развернулись с удвоенной силой. Положение настолько стало опасным, что 8 октября ГКО принял постановление о проведении специальных мероприятий по подготовке

к уничтожению в Москве и Московской области наиболее важных промышленных предприятий и объектов. 9 октября 1941 г. в ГКО был представлен список из 1119 предприятий. В первой группе списка было 412 предприятий, имевших оборонное значение, ликвидацию которых предлагалось провести путем взрыва. Вторую группу составляли 707 предприятий необоронных наркоматов, ликвидацию которых предлагалось провести путем механической порчи и поджога⁵⁸.

В соответствии с поручением ГКО 2-м отделом НКВД СССР и Управлением особых отделов НКВД СССР был разработан план специальных мероприятий, получивший наименование «Московский план». Была проведена подготовка к проведению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли быть использованы оккупантами. По каждому из 1119 объектов на территории г. Москвы и Московской области, список которых был утвержден ГКО, было запланировано частичное или полное разрушение. В список были включены здания ряда наркоматов, центрального телеграфа и почтамта, вокзалов, мостов, военных академий, тюрем, некоторых жилых и административных зданий. Взрывчатые вещества были заложены в фундаменты Большого театра, гостиницы «Москва», храма Богоявления в Елохове и ряда других объектов.

При каждом райкоме ВКП(б) Москвы были созданы тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), начальника РО НКВД и представителя инженерных частей Красной Армии. Эти тройки проводили расчеты на проведение специальных мероприятий (количество объектов, заявки на ВВ и т. д.). На каждом внесенном в список предприятии для организации проведения специальных мероприятий назначались ответственные (директор предприятия, секретарь партийного комитета), которые определяли объекты, подлежащие уничтожению в первую очередь, а также технические исполнители⁵⁹.

13 октября советские войска были вынуждены оставить Калугу. 15 октября немцы овладели г. Боровск⁶⁰, создав реальную угрозу прорыва к столице вдоль Киевского шоссе. В этот же день 15 октября ГКО принял постановление о срочной эвакуации из Москвы в Куйбышев наиболее важных правительственных и партийных учреждений, дипломатического корпуса.

В Куйбышев убыли и основные подразделения органов безопасности, в том числе под-

разделения Особой группы НКВД СССР, занимавшиеся подготовкой агентов для направления в глубокий тыл противника. В Москве оставалось руководство Особой группы и ее боевое формирование — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения.

Обстановка на фронте изменялась настолько быстро, что в Ставке ВГК не располагали информацией не только о положении немецких войск, но и не знали, что происходит в войсках Западного фронта.

По заданию наркома внутренних дел для сбора разведывательной информации на дальних и ближних подступах к Москве были направлены несколько оперативных групп и отрядов органов безопасности. Перед вновь направленными группами и отрядами, а также уже действовавшими в тылу противника, были поставлены первоочередные задачи: разведка мест сосредоточения, получение данных о передвижении сил противника, их вооружении, расположении штабов, баз, складов с боеприпасами, горючим, продовольствием; совершение диверсионных актов (организация крушений воинских эшелонов, уничтожение баз горючего, складов с имуществом и боеприпасами противника)⁶¹.

Кроме того, перед оперативными группами органов безопасности ставились задачи по розыску попавших в окружение частей и подразделений Красной Армии и выводу их из окружения. Оперативные группы выводили из окружения части и подразделения Красной Армии и отдельных красноармейцев, указывали пути обхода укрепленных линий и огневых точек противника, сообщали командирам частей и соединений Красной Армии сведения о расположении техники и живой силы противника⁶².

17 октября немецкие войска овладели г. Калинин. 18 октября, после непрерывных восьмидневных ожесточенных боев, противнику удалось захватить Малоярославец. Возросшая угроза столице побудила ГКО к принятию новых мер по ее защите. С 20 октября в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение⁶³.

Охрана порядка в городе и в пригородных районах была возложена на коменданта г. Москвы генерал-майора Синилова. В его распоряжение были переданы войска внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие отряды⁶⁴.

На защиту столицы выступили многие члены Коммунистической партии и комсомольцы.

Они шли добровольцами на фронт, вступали в народное ополчение и в партизанские отряды. Часть из них была отобрана в специальные группы и отряды НКВД СССР, действовавшие в тылу противника с разведывательно-диверсионными целями. Для конспирации коммунисты были сняты с партийного учета, а их партийные билеты переданы на хранение в Управление кадров ЦК ВКП(б)⁶⁵.

На ближних подступах к столице развернули оборону пять дивизий народного ополчения. С 21 октября на подступах к Москве, ее окраинах и внутри города велось строительство оборонительных сооружений, имевших три рубежа.

В Москве были сформированы 38 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 166 чел., подготовлены на оседание 78 агентов-одиночек, предназначенных для выполнения специальных заданий НКВД СССР. Созданием нелегальных разведывательно-диверсионных групп, комплектованием материально-технической базы подполья, размещением подпольных радиостанций занимались в основном сотрудники Особой группы — 2-го отдела НКВД СССР. В целях обеспечения безопасности разведывательно-диверсионные группы были независимы друг от друга и состояли из руководителя группы, агентов-связников, агентов-радивистов, агентов-боевиков, а также иных лиц, имевших возможность осуществлять разведывательно-диверсионную работу в условиях оккупационного режима. Каждый член нелегальной резидентуры был легализован: снабжен необходимыми документами, заблаговременно устроен на работу в зависимости от профессии, социального происхождения, подлинной или легендируемой биографии. Участники групп получали ежемесячную зарплату, одну рабочую продовольственную карточку и красноармейский паек. В общей сложности на нелегальное положение было переведено 243 человека, из них 47 сотрудников органов безопасности⁶⁶.

В первую очередь на нелегальную работу и для заброски в тыл противника подбирались лица, имевшие навыки работы на радиостанциях, закончившие радиошколы, курсы радиодела, работавшие радистами в различных учреждениях и организациях⁶⁷.

Для обеспечения деятельности нелегальных разведывательно-диверсионных резидентур Особая группа НКВД СССР еще в сентябре 1941 г. провела закладку в Измайловском парке Москвы тайников с взрывчатыми веществами

и боеприпасами. Всего в Москве Особая группа НКВД СССР располагала 59 складами с оружием, зажигательными и взрывчатыми веществами, для диверсионных групп предназначалось 3,5 тонны тола, 700 гранат, большое количество оружия и боеприпасов. Для организации связи с диверсионными группами были выделены: 21 переносная рация, 2 мощных стационарных радиовещательные станции, 2 автомашины с радиовещательными установками, 3 батарейных приемника. На конспиративных квартирах в столице было организовано 9 минных станций и 10 квартир для встреч с агентами. Кроме того, были организованы 5 мастерских по ремонту обуви, электробытовых приборов, 3 парикмахерские, цветочный магазин, которые также могли использоваться как явочные пункты⁶⁸.

В подмосковных лесах было создано около 100 баз для жилья в зимних условиях, хранения продовольствия и боеприпасов. Там было размещено продовольствие, боеприпасы, обмундирование, медикаменты и другое снаряжение, рассчитанное на 4–5 месяцев боевых действий в тылу противника⁶⁹.

Перед оперативными группами и отрядами органов безопасности ставились задачи по розыску попавших в окружение частей и подразделений Красной Армии и выводу их из окружения. Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника на временно оккупированной территории Смоленской, Витебской, Калининской и Московской областей, выводили из окружения части и подразделения Красной Армии и отдельных красноармейцев, указывали пути обхода укрепленных линий и огневых точек противника, сообщали командирам частей и соединений Красной Армии сведения о расположении техники и живой силы противника⁷⁰.

Разведывательные группы органов безопасности, действовавшие в тылу противника на временно оккупированной территории Смоленской и Московской областей, сообщали в Москву о стягивании частей и соединений немецкой группы армий «Центр» в районе Ржева и Сычевки для дальнейших наступательных действий. На основании добытых органами безопасности разведывательных сведений в НКВД СССР готовились и направлялись спецсообщения в Генеральный штаб Красной Армии. Разведывательные данные использовались Генеральным штабом при оценке обстановки и принятии решений в ходе Московской оборонительной

операции по сковыванию и замедлению темпов продвижения противника на Москву⁷¹.

Неоценимый вклад в оборону Москвы внесли защитники Тулы. Армия Гудериана, начавшая штурм 30 октября, не смогла взять город и была остановлена героическими действиями защитников Тулы.

В результате принятых мер в конце октября — начале ноября наступление немецких войск было остановлено. 6 ноября в Москве, в зале станции метро «Маяковская», состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором с речью выступил И. В. Сталин. Незабываемым событием стал исторический парад советских войск в Москве 7 ноября 1941 г. Обеспечением безопасности подготовки и проведения парада занимались отечественная контрразведка, подразделения охраны и другие оперативные службы НКВД СССР. Некоторые ранее неизвестные детали проведения парада на Красной площади стали известны благодаря опубликованным документам из Центрального архива ФСБ России, в частности, сводкам о времени начала и окончания парада, о чем имеются противоречивые свидетельства. В числе участников парада были сотрудники и бойцы подразделений и войск НКВД. Дирижировал сводным оркестром на Красной площади дирижер оркестра Высшей школы НКВД СССР полковник В. И. Агапкин, написавший знаменитый марш «Прощание славянки».

15–16 ноября в наступление против войск правого крыла Западного фронта перешли немецкие танковые группы. Особенно упорные бои развернулись на волоколамско-истринском направлении. 23 ноября пали Клин и Солнечногорск. В ночь на 28 ноября противнику удалось захватить мост через канал Москва — Волга у Яхромы. 30 ноября противник занял поселок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Ожесточенные бои шли и на рубеже нынешнего аэропорта Шереметьево, станций Крюково, Дедовск (14 км юго-восточнее Истры). В эти критические для судьбы столицы дни по прямому указанию начальника Генерального штаба Красной Армии Шапошникова и командующего Западным фронтом Жукова диверсионные подразделения органов безопасности заминировали ближние и дальние подступы к Москве, а подразделения ОМСБОН НКВД СССР активно помогали ликвидировать немецких мотоциклистов и бронетранспорте-

ры, прорвавшихся через Москву реку в районе нынешнего аэропорта Шереметьево.

По просьбе Г. К. Жукова в тыл противника были направлены несколько оперативных групп органов безопасности, перед которыми были поставлены задачи ведения разведывательной и диверсионной работы на главных коммуникациях противника. Необходимо было помешать перевозкам из немецкого тыла к фронту живой силы противника, боевой техники и боеприпасов и этим самым замедлить накопление противником необходимых ему сил и средств под Москвой, на направлениях Западного фронта. Г. К. Жуков дал положительную оценку деятельности оперативных групп 4-го управления НКВД СССР. Действуя в тылу противника, они регулярно снабжали командование Западного фронта разведывательной информацией о силах и средствах противника, а также проводили диверсионные акции на транспортных коммуникациях⁷².

Оперативные группы и отряды органов безопасности комплектовались кадровыми сотрудниками разведывательных и контрразведывательных подразделений, военнослужащими пограничных войск и ОМСБОНа, кроме того, в них входили студенты и преподаватели высших учебных заведений Москвы, а также лучшие спортсмены (лыжники, легкоатлеты, боксеры, альпинисты) из «Динамо» и других спортивных обществ.

В дни Московского сражения в октябре 1941 г., когда противник продвигался к Москве, 4-м отделом УНКВД из истребительных батальонов и сотрудников УНКВД Московской области был сформирован истребительный мотострелковый Московский полк с подчинением УНКВД Московской области. Полк оказал существенную помощь частям Западного фронта. Остальные истребительные батальоны УНКВД Московской области, находившиеся в зоне фронта, были переданы в распоряжение командования Красной Армии.

Лучшая часть личного состава истребительных батальонов, прошедшая специальную подготовку в школе, возглавляемая оперативным составом УНКВД Московской области, в ноябре–декабре 1941 г. была направлена в захваченные противником районы Московской области для выполнения специальных заданий по истреблению оккупантов, дезорганизации тыла и помощи местным партизанским отрядам. Всего в этот период УНКВД Московской области

было подготовлено к переброске 7,5 тыс. человек, из которых 5,5 тыс. перешли линию фронта и действовали в тылу врага. В короткий срок они уничтожили свыше 2 тыс. солдат и офицеров противника, взяли в плен 3 офицеров и уничтожили 30 танков и бронемашин, 64 грузовых и 15 штабных автомашин и 27 мотоциклов. За этот же период было взорвано 5 мостов, минировано 11 дорог, повреждено 400 линий телеграфно-телефонной связи. Кроме того, в период наступления частей Красной Армии в Подмосковье (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.) специальными группами было освобождено от войск противника 14 населенных пунктов. Успешная операция, в которой участвовали разведывательно-диверсионные отряды УНКВД Московской области под общим командованием В. А. Карасева, была проведена 24 ноября 1941 г. по разгрому штаба 12-го армейского корпуса немцев в Угодском Заводе. В ходе боя были уничтожены отделение гестапо, часть штаба, узел связи и склад горючего. Об этой операции по линии ГКО Жуков доложил И. В. Сталину. 29 ноября в вечернем сообщении Советского Информбюро было рассказано о большом успехе партизан.

Разведчиками 4-го отдела УНКВД Московской области добывались ценные сведения, которые передавались командованию частей и соединений Красной Армии. В частности, был установлен аэродром противника близ деревни Ватутино Можайского района. На основании разведывательной информации советская авиация разбомбила его, уничтожив 40 самолетов, провела бомбардировку штаба армейского соединения, артиллерийского склада и радиостанции противника в гор. Можайске.

В ходе начавшегося 5–6 декабря 1941 г. контрнаступления советские войска к началу января 1942 г. отбросили противника на 100–250 километров, нанесли тяжелый урон его 38 дивизиям. Контрнаступление частей и соединений Красной Армии под Москвой оказалось полной неожиданностью для немецкого военного командования. Органы военной контрразведки совместно с командованием Красной Армии сумели сохранить в тайне проведение мобилизационных мероприятий по сосредоточению резервных армий для будущего контрнаступления под Москвой. Начальник Особого отдела НКВД Западного фронта регулярно информировал командование фронта о предпосылках к разглашению военной тайны военнослужащими Красной Армии. По информации особых отделов НКВД

командиры частей и соединений Красной армии принимали своевременные меры по предупреждению утечки информации о подготовке контрнаступления, маскировке и зашифровке передислокации войск⁷³.

Первые успехи Красной Армии в Московской битве в конце 1941 — начале 1942 г. породили у определенной части советского населения надежды на скорую победу над врагом, им казалось, для этого были все основания. В результате Московской наступательной операции (с 5 декабря 1941 г. по 20 апреля 1942 г.) были освобождены ранее оккупированные противником Московская и Тульская области, а также ряд районов Рязанской, Калининской, Смоленской и Орловской областей. В начале января советские войска перешли в общее наступление под Ленинградом, на Западном и Юго-Западном направлениях. Однако окружить и уничтожить основные силы германских армий «Центр» не удалось. Первые успехи Красной Армии достигались за счет вытеснения противника, а не за счет его окружения, уничтожения или взятия в плен. В результате общего наступления противник отброшен на запад на 150–400 километ-

ров. Противник потерял более 500 тысяч человек, 1300 танков, 2500 орудий и другой техники. Германия потерпела первое крупное поражение во Второй мировой войне. Однако фронтальные бои требовали очень больших жертв, и советские войска понесли в Московской битве значительные потери, в том числе 900 тысяч человек — безвозвратные и около 900 тысяч человек — санитарные потери⁷⁴.

Надеждам и ожиданиям советского народа на изменения в ходе войны на советско-германском фронте в 1942 г. не суждено было сбыться, Советский Союз продолжал проходить испытание на прочность: продолжалась героическая оборона Севастополя, впереди была и тяжелейшая Сталинградская битва. Тем не менее, контрнаступление частей и соединений Красной Армии под Москвой имело огромный военно-политический и морально-психологический резонанс. Германская армия впервые во Второй мировой войне потерпела такое крупное поражение, миф о ее непобедимости был развеян. «Блицкриг» не состоялся, более того, германское военное командование было вынуждено перейти к обороне.

¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. Ч. 1. М., Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. С. 42.

² Отечественная военная история. В трех томах. Т. 2–3. М., Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. С. 313.

³ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. Ч. 1. М., Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. С. 45.

⁴ Белый, город, районный центр в Калининской области на реке Обша, в 50 км от железнодорожной станции Нелидово.

⁵ Ярцево, город (с 1926) в Смоленской области, на реке Вопь.

⁶ Рославль, город, районный центр в Смоленской области, на реке Остёр. Железнодорожный узел.

⁷ Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), начальник Особой группы НКВД СССР (05.07.1941–03.10.1941), начальник 2 отдела НКВД СССР (03.10.1941–18.01.1942); начальник 4-го управления НКВД СССР (1942–1943); начальник 4-го управления НКГБ СССР (1943–1946); начальник 4-го управления МГБ СССР (1946–1947).

⁸ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., ТОО «Гей», 1996. С. 149.

⁹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., Русь, 2000. С. 77–79.

¹⁰ Баштаков Леонид Фокеевич (1900–1970), генерал-майор (1945), начальник 1-го спецотдела (учетно-регистрационного) НКВД СССР (05.03.1940–06.02.1941), начальник 2-го отдела НКГБ СССР (6.02. — 31.07.1941), начальник 1-го спецотдела НКВД СССР (31.07.1941–20.01.1942), начальник высшей школы НКВД–НКГБ–МГБ СССР (20.01.1941–23.05.1947).

¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1372. Л. 28–30, 36–38.

¹² Там же. Л. 22–23, 31–35, 43, 51–53, 61.

¹³ Там же. Л. 24–25, 27, 47.

¹⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. Ч. 1. М., Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. С. 47.

¹⁵ Торопец, город, районный центр в Калининской области, на обеих сторонах реки Торопа

¹⁶ Новгород-Северский, город, районный центр в Черниговской области, пристань на реке Десна.

¹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 35.

- ¹⁸ Ельня, город, районный центр в Смоленской области, на реке Десна.
- ¹⁹ Орша, город (с 1772), районный центр в Витебской области, на реке Днепр, железнодорожный узел.
- ²⁰ Рудня, город (с 1926), районный центр в Смоленской области.
- ²¹ Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., Издательский дом «Звоница-МГ», 2002; Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой: Сборник. М., Новости, 2001.
- ²² ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20325 Л. 76.
- ²³ Флегонтов Алексей Кандиевич (1888–1943), генерал-майор (1942). С лета 1941 г. участвовал в организации партизанского движения в Смоленской и Московской областях. Один из организаторов партизанского движения в Белоруссии. В августе 1942 г. направлен в тыл противника во главе кавалерийского партизанского отряда, командир партизанской бригады (октябрь 1942 г. — март 1943 г.). Погиб в бою 11 марта 1943 г.
- ²⁴ Вязьма, город, районный центр в Смоленской области, расположенный на реке Вязьма (левый приток Днепра в Смоленской области).
- ²⁵ Кумаченко Яков Степанович (1899–1970), учитель в Смоленской области (1919–1920), председатель правления Союза работников просвещения в Смоленске (1921), экономист Средне-Азиатского представительства Наркомвнешторга (Ташкент, 1922–1927), экономист Наркомторга СССР (1927–1929), председатель плановой комиссии в Киргизии (1929–1931), доцент кафедры политэкономики МГУ (1934–1941), мобилизован НКВД СССР на специальную работу (июль 1941).
- ²⁶ Клепов Сергей Алексеевич (1900–1972), генерал-майор (1945). С февраля 1941 г. начальник 6-го отдела 2-го управления (контрразведка) НКГБ СССР, начальник УНКВД по Смоленской области (сентябрь–декабрь 1941), начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (декабрь 1941).
- ²⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 10.
- ²⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 7.
- ²⁹ Зуенко Андрей Свиридович (1909) уроженец Миргородского района УССР В 1941 г. закончил Высшую школу НКВД СССР (лейтенант госбезопасности), командир оперативного отряда «Смелые», действовавшего в сентябре–ноябре 1941 г. на территории Смоленской и Калининской областей.
- ³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 496–497.
- ³¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 33.
- ³² Там же. Л. 35.
- ³³ Там же. Л. 39.
- ³⁴ Межа, река, левый приток Унжи (бассейн Волги), в Костромской области. Длина 186 километров.
- ³⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 42–44.
- ³⁶ Там же. Л. 45.
- ³⁷ Там же. Л. 52–67.
- ³⁸ В частности, он отмечал, что немецкие войска обычно располагались узкой полосой на 7–10 км по основным транспортным магистралям. В промежутках между большаками шириной на 60–80 км имелись лишь небольшие воинские части. Путь от Емлена до Полежаевки (свыше 100 км) можно было свободно пройти, не встретив ни одного немца. В значительной части деревень показывалась лишь немецкая разведка. Начиная с линии Сычевка — Ржев заметна более значительная концентрация войск. На пути от Полежаевки до Гжатска (около 70 км) отмечен ряд пунктов расположения воинских частей. В Абрамовке, Жернове и Златоустове расположены крупные штабы и воинские части, регулярно разъезжающие по окрестным деревням.
- ³⁹ Так, сообщал Кумаченко, город Гжатск и близлежащие к нему деревни были переполнены войсками противника и техникой. Все дома были заняты немецкими солдатами. На пути от Гжатска до Якшина (около 85 км) располагались штабы в населенных пунктах: Дровнино, Поречье, Старая тяга, Булычево, Осташево, Спасс. На пути от Якшина до Шелканова (около 20 км) лишь в двух пунктах расположены немецкие гарнизоны по 40–50 чел., но довольно часто появлялась немецкая разведка.
- ⁴⁰ Питание немецких войск обеспечивалось в основном за счет местных продуктов. Если в местах незначительной концентрации немецких войск солдаты ели кур, гусей и поросят, то там, где их концентрация была значительной, солдаты уже охотно ели картошку в мундире. Во время одного из осмотров походных мешков членов группы «Мария» в дер. Клишине три голодных немецких солдата набросились на хлеб и топленое сало.
- ⁴¹ Наблюдая за тысячами немцев, за разнообразным занятием (обслуживание машин, приготовление и употребление пищи, ограбление деревень, разговоры в свободное время), Кумаченко не видел ни одного немецкого военнослужащего, занятого чтением книг или газет.

- ⁴² См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 63–75.
- ⁴³ Видимо имеется в виду Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. в которой отмечалось, что при вынужденном отходе частей Красной Армии необходимо угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не могло быть вывезено, должно было, безусловно, уничтожаться. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 218–220.
- ⁴⁴ Во время ночевки в некоторых деревнях члены группы «Мария» наблюдали, как местное население оказывало помощь партизанам, передавая им продукты и одежду, предоставляя приют и питание скрывавшимся от фашистов красноармейцам.
- ⁴⁵ Кумаченко употребляет старое наименование Поречье, речь идет о городе Демидов (с 1776), районный центр в Смоленской области (до 1918 Поречье).
- ⁴⁶ Руза, река, левый приток реки Москва в Московской области. Длина 145 км. Протекает в пределах Смоленско-Московской возвышенности.
- ⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 2.
- ⁴⁸ Крим К. Приключения дерзких и неуловимых // Совершенно секретно. № 7, июль 2006.
- ⁴⁹ Воропаев Анисим Ильич (1897–?), уроженец д. Мариинск Ульчинского района Нижне-Амурской области ДВК. Командир партизанского отряда на Нижнем Амуре ДВК (1919–1920), управляющий Райконторой Монголтранса (1929–1932, Монгольская народная республика), заместитель директора Института журналистики (1932–1935), в Москве с 1935 г., работал в различных автодорожных организациях. Командир оперативных групп НКВД «Анисим», «Сатурн», «Михаил», действовавших в 1941–1943 гг. в тылу противника на временно оккупированной территории.
- ⁵⁰ ЦА ФСБ России. РДР № 20003. Л. 8, 72–73.
- ⁵¹ ЦА ФСБ России. РДР № 20620. Т. 1. Л. 93–94, 152.
- ⁵² Кулакова Любовь Алексеевна (1921–1942), уроженка г. Москвы, русская, в 1936 г. окончила 7 классов и поступила в ФЗУ Электроставода, в 1938 г. работала токарем на этом же заводе. Одна из лучших советских лыжниц предвоенных лет. Заслуженный мастер спорта. «Зенит» (Москва). Чемпионка СССР 1938 г. в гонке на 5 км и эстафете 3×5 км, 1941 г. — в гонке на 5 км. Победительница всесоюзных соревнований по горнолыжному спорту. С 1939 г. по 1941 г. работала тренером по лыжам на стадионе «Сталинец». Погибла при выполнении боевого задания 21 апреля 1942 г. В декабре 1942 г. представлена к награждению орденом «Отечественной войны» II степени (посмертно). Ее именем названа средняя школа № 435 г. Москвы. См.: ЦА ФСБ России. РДР № 20003. Л. 14, 137, 224, 227.
- ⁵³ См.: ЦА ФСБ России. РДР № 20003. Л. 7–8.
- ⁵⁴ За период с марта по июль 1942 г. группа «Сатурн» передала в центр около 10 важных разведывательных донесений о дислокации и передвижении немецких войск, расположении штабов и частей противника, уничтожила около двух тысяч немецких солдат и офицеров, 178 железнодорожных вагонов, четырех немецких автомобилей, произвела ряд диверсионных актов, уничтожила немецкий самолет «Ю-88». За период нахождения в тылу противника группа «Сатурн» увеличилась до 105 человек. По указанию руководства 4-го управления НКВД СССР группа «Сатурн» 10 августа 1942 г. вышла из тыла противника и прибыла в город Торопец Калининской области. См.: ЦА ФСБ России. РДР № 20003. Л. 6–7, 216.
- ⁵⁵ Осташков, город (с 1770), районный центр в Калининской области, пристань на озере Селигер.
- ⁵⁶ Сычевка, город (с 1776), районный центр в Смоленской области.
- ⁵⁷ См.: Г. К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. М., 1994. С. 17.
- ⁵⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. 211–212.
- ⁵⁹ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., Издательский дом «Звоница-МГ», 2002. С. 73–74.
- ⁶⁰ Боровск, город (с 1358), районный центр в Калужской области, на реке Протва, в 15 км от железнодорожной станции Балабино.
- ⁶¹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., Русь, 2000. С. 183–184.
- ⁶² См.: Из отчета секретаря МК и МГК ВКП(б) А. Щербакова // Москва и москвичи — партизанскому движению Великой Отечественной войны: Сборник материалов. М., «Атлантида — XXI век», 2000. С. 42.
- ⁶³ Осадное положение — особый правовой режим, который вводился в годы войны на территории СССР органами государственной власти в стратегически важных местностях (городах) прифронтовой полосы при непосредственной угрозе захвата их противником в целях максимальной мобилизации всех сил и средств для обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. При осадном положе-

нии сохранялись все меры военного положения, но некоторые из них усиливались. В голы войны осадное положение объявлялось и в некоторых других городах и местностях: с 26 октября 1941 г. — в Туле, с 29 октября 1941 г. — в Крыму, с 25 августа 1942 г. в Сталинграде.

⁶⁴ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., Русь, 2000. С. 227.

⁶⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 47.

⁶⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. К-1 ос. Оп. 6. Д. 84. Л. 28–36; Ф. РДР. Д. № 20463. Т. 1. Л. 6.

⁶⁷ Так, в разведывательную группу «Мария» в качестве радиста в июле 1941 г. был отобран Абрамкин Николай Гаврилович (1924), о котором говорилось выше. В 1940 г. после окончания 8 классов в средней школе № 2 он поступил в радиошколу метро, которую окончил в 1941 г. Член ВЛКСМ с февраля 1941 г. С 20 июня 1941 г. работал в Наркомате речного флота. См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20349. Л. 28.

⁶⁸ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., Издательский дом «Звоница-МГ», 2002. С. 12, 64–67.

⁶⁹ См.: Шумилин Б. Москва и москвичи — партизанскому движению // Москва и москвичи — партизанскому движению Великой Отечественной войны: Сборник материалов. М., «Атлантида — XXI век», 2000. С. 31.

⁷⁰ См.: Из отчета секретаря МК и МГК ВКП(б) А. Щербакова // Москва и москвичи — партизанскому движению Великой Отечественной войны: Сборник материалов. М., 2000. С. 42; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 332.

⁷¹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., Русь, 2000. С. 252–253.

⁷² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 27. Л. 155–156.

⁷³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 10. Д. 100. Л. 74–77, 228–233.

⁷⁴ Военный энциклопедический словарь. М., Большая российская энциклопедия, 2002. С. 949.

Битва под Москвой и провал германского блицкрига

В. И. Дашичев*

После окончания боев на Правобережной Украине германское командование сразу же приступило к подготовке широкого наступления на Москву. Эта задача была поставлена еще в директиве ОКВ № 35 от 6 сентября 1941 г. В ней говорилось: «В полосе группы армий „Центр“ подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление в общем направлении на Вязьму и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска. И сделать это, при наличии сосредоточенных на флангах мощных танковых сил, посредством двойного окружения».

Одновременно планировалось проведение операций:

- на северо-западном направлении — нанести удар на Тихвин, соединиться с финнами и блокировать Ленинград;
- на южном направлении — осуществить прорыв из района Полтавы через Донбасс на Ростов, а другой частью сил выйти к Харькову и в Крым, обеспечив таким образом выход на подступы к Кавказу. 16 сентября командование группы армий «Центр» отдало директиву с изложением замысла операции на московском направлении, получившей наименование «Тайфун». Планировалось прорвать оборонусоветских войск ударами трех мощных группировок из района Духовщины, Рославля и Шостки в восточном

и северо-восточном направлениях, расчленив советский фронт, окружить и уничтожить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов. В дальнейшем пехотные соединения должны были развернуть фронтальное наступление на Москву, а подвижные войска — охватить столицу с севера и с юга. Город намечалось блокировать, разрушить артиллерийским обстрелом, а население — уморить голодом.

Для обеспечения удара по Москве командование вермахта решило использовать максимально возможные силы. Это можно было сделать только путем привлечения войск с других направлений, так как в резерве ОКХ в середине сентября было всего две дивизии. К концу сентября в группу армий «Центр» с южного направления были возвращены 2-я армия и 2-я танковая группа. Кроме того, войска центрального направления были пополнены 4-й танковой группой и двумя армейскими корпусами. Всего во второй половине сентября в группу армий «Центр» было направлено 18 дивизий: две из резерва ОКХ, шесть — из группы армий «Север» и 10 — из группы армий «Юг». В результате на московском направлении были сосредоточены 56 пехотных, 14 танковых и 8 моторизованных дивизий. В них находилось свыше 42% живой силы, 75% танков, 45% орудий и минометов и свыше 31% самолетов от общего количества сил, имевшихся в распоряжении командования вермахта на советско-германском фронте¹.

---

* Вячеслав Иванович Дашичев — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Верное своим ложным принципам, верховное командование Германии снова сделало ставку на силу первоначального удара, оставив в резерве ОКХ всего одну дивизию². Ему удалось создать на московском направлении превосходство над советскими войсками:

- в живой силе почти в 1,4 раза;
- в танках — более чем в 2,2 раза;
- в орудиях и минометах — почти в 2,1 раза;
- в самолетах — в 2,6 раза³.

30 сентября вермахт приступил к осуществлению операции «Тайфун». Началось одно из величайших сражений в военной истории, которому суждено было оказать крупнейшее влияние на весь последующий ход Второй мировой войны. Сначала удача сопутствовала германскому руководству. Немецким войскам удалось прорвать советский фронт в трех местах и, нанося удары по сходящимся направлениям, окружить к 7 октября в районе Вязьмы войска четырех советских армий. Однако стойкое сопротивление этих армий в окружении сковало более чем на неделю 28 вражеских дивизий, что дало возможность советскому командованию организовать оборону на Можайской линии. В результате крупная группировка сил вермахта не добилась решающих успехов на московском направлении и не смогла с ходу захватить советскую столицу.

Тяжелое положение сложилось для советских войск и на Брянском фронте, на тылы которого вышли подвижные соединения вермахта. Пробиваясь из окружения, войска фронта отошли в район Тулы и южнее. На северном фланге для противодействия противнику, наступавшему на калининском направлении, был создан Калининский фронт, отвлекший на себя 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Сопротивление советских войск все более нарастало, в то время как мощь наступления вермахта шла на убыль. И если Гальдер писал 4 октября, что «операция „Тайфун“ развивается почти классически»⁴, то он глубоко ошибался. К концу этого месяца немецкое командование вынуждено было приостановить наступление и сделать двухнедельную паузу. Это означало существенную потерю темпов, что было равносильно крупному проигрышу. Стала обнаруживаться несостоятельность плана «Тайфун».

Для пополнения войск центрального направления германское командование не могло снять с других участков фронта крупные силы. Дивизии группы армий «Юг» были полностью

скованы тяжелыми боями в районе Харькова, в Крыму и на подступах к Ростову. На тихвинском направлении наступление вермахта захлебнулось. В Карелии и в районе Мурманска немецкие войска вынуждены были перейти к обороне по приказу ставки от 10 октября. В то время как силы вермахта были на исходе, в тылу советских войск, оборонявших Москву, шло формирование 10 новых армий.

Военное же руководство Германии считало: резервы Красной Армии полностью исчерпаны. А советские войска перед группой армий «Центр» — разбиты⁵. Командование вермахта исходило из того, что стоит сделать еще одно усилие — и Москва падет⁶. 12 ноября в Орше состоялось совещание руководства сухопутных войск, на котором было единогласно решено предпринять последний, решающий штурм советской столицы. Все участники совещания — Браухич, Гальдер, Бок и другие генералы были уверены в его успехе.

15–16 ноября возобновилось наступление вермахта. На этот раз в нем участвовали более 50 дивизий, из них 13 танковых и семь моторизованных. За две недели боев немецкие войска с тяжелыми потерями продвинулись севернее Москвы до Яхромы, а южнее — до Каширы. Однако для достижения главной цели — взятия советской столицы, — не хватило ни сил, ни средств. В разгар наступления, 27 ноября, генерал-квартирмейстер генерального штаба Вагнер докладывал Гальдеру: «Наши войска накануне полного истощения материальных и людских сил»⁷. Однако ОКХ, как и командование группы армий «Центр», настаивало на продолжении наступления для захвата Москвы, не считаясь ни с какими потерями. Судьбу сражения, писал Бок в своем дневнике 3 декабря, решит «последний батальон»⁸.

Но все усилия командования вермахта были тщетны. К 5 декабря вермахт был повсеместно остановлен, и советские войска перешли в контрнаступление. В сражение были введены свежие стратегические резервы советского командования. Накапливание отдельных элементов поражения вермахта на протяжении всей предшествовавшей с 22 июня борьбы на советско-германском фронте вылилось в зимние месяцы 1941/42 г. в сокрушительный разгром немецких войск под Москвой, дополненный ударами Красной армии по врагу под Ростовом и Тихвином. Стратегия Гитлера зашла в тупик. Все политические, стратегические и экономиче-

ские расчеты, основывавшиеся на плане «молниеносной войны», рухнули.

Еще в середине октября 1941 г. Гитлер признался своим приближенным: «22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится»⁹. Декабрьское контрнаступление Красной Армии впервые с начала Второй мировой войны заставило германское командование перейти к стратегической обороне. Приказ об этом был отдан ставкой Гитлера 8 декабря 1941 г. В нем говорилось: «Главными силами войск на Востоке по возможности скорее перейти к обороне...»¹⁰. Основная цель плана «Барбаросса» — «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной молниеносной кампании», — не была достигнута. Вермахт не только оказался не в состоянии разгромить Красную армию, но и сам потерпел жестокое поражение. Германия стояла теперь перед перспективой затяжной войны, к которой она не готовилась.

Исход этой войны должен был решиться не теми возможностями, которыми воюющие стороны обладали к началу войны, а их способностью к максимальной мобилизации и использованию всех имевшихся у них людских, материальных и духовных ресурсов для ведения длительной войны. В этом отношении Советский Союз располагал несравненно большими преимуществами, чем Германия. Исходя из неправильной оценки характера войны как скоротечной, «молниеносной», командование вермахта допустило крупные просчеты в определении потребных для ее ведения сил, средств и времени. Это особенно сказалось в вопросе о стратегических резервах. Германские стратеги полагали, что им удастся разбить главные силы Красной армии в первоначальных операциях в пространстве, ограниченном рубежом рек Западная Двина и Днепр. Поэтому они выделили в свой стратегический резерв 12,6% сухопутных войск.

Этот резерв был израсходован уже к концу июля. В последующее время в резерве ОКХ оставалось от одной до шести дивизий, хотя общее число соединений сухопутных войск, действовавших на советско-германском фронте, непрерывно увеличивалось за счет свежих сил из Германии и с других театров войны. Отсутствие крупных резервов, что объективно было следствием ограниченности людских ресурсов Германии, не позволяло германскому командованию влиять на развитие стратегической ситуации. Для этой цели оно вынуждено было

пользоваться переброской по фронту армий, корпусов и дивизий. Такой метод компенсации отсутствовавших резервов вел к потере темпов, большому расходу моторесурсов танков, автотранспорта и самолетов.

В конце ноября 1941 г. в резерве ОКХ было всего лишь три дивизии. И это в ситуации, когда немецкое наступление под Москвой уже выдохлось, а на южном и северном направлениях инициатива оказалась в руках советских войск. Показательно, что в это же время у советского командования в резервных армиях было 58 стрелковых и кавалерийских дивизий и семь бригад. Это обстоятельство стало важным фактором полного срыва плана «Барбаросса» и перехода стратегической инициативы на советско-германском фронте к командованию Красной армии.

Советское руководство, правильно оценивая характер войны как затяжной, требующей не одноразового, а длительного напряжения всех сил, придавало исключительно большое значение созданию и централизованному использованию стратегических резервов:

- с 22 июня по 31 декабря 1941 г. в СССР были сформированы 286 новых стрелковых дивизий и 22 дивизии переформированы из других родов войск;
- дополнительно были созданы 159 стрелковых бригад и много других частей¹¹;
- по 1 декабря 1941 г. в действующую армию были направлены 291 дивизия и 94 бригады¹²;
- основная часть стратегических резервов использовалась советским командованием в виде резервных армий и фронтов для решения оперативно-стратегических задач.

В битве под Москвой советское командование превзошло военное руководство Германии и в искусстве использования имевшихся сил и средств. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, анализируя причины провала наступления немецких войск на Москву, писал: «...гитлеровское верховное главное командование, планируя такую сложную стратегическую операцию большого размаха, какой была операция „Тайфун“, допустило крупную ошибку в расчете сил и средств. Оно серьезно недооценило возможности Красной Армии для борьбы за Москву и явно переоценило возможности своих войск... При создании ударных группировок для проведения... второго этапа операции „Тайфун“ были также допущены крупные просчеты. Фланговые группировки

противника, особенно те, которые действовали в районе Тулы, были слабы и имели в своем составе недостаточно общевойсковых соединений. Ставка на бронетанковые соединения в тех условиях себя не оправдала. Они понесли большие потери и утратили пробивную силу. Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре фронта, хотя у него здесь сил было достаточно. Это дало нам возможность свободно перебрасывать все резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага. Большие потери, неподготовленность к борьбе в зимних условиях, ожесточенность сопротивления советских войск резко отразились на боеспособности противника»¹³.

Поражение под Москвой оказалось громадным потрясением для Германии. Военно-политическое значение этого события состоит, прежде всего, в том, что «молниеносная война» — основа основ плана «Барбаросса» — потерпела полнейший провал, и Германия оказалась перед угрозой бесперспективной для нее затяжной борьбы. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер хвастался перед генералами тем, что он обеспечил Германии условия для войны на один фронт. Теперь стала реальной угроза борьбы на два фронта, а в такой борьбе, писал уныло Геббельс в своем дневнике, «империя еще никогда не одерживала победы»¹⁴.

Политическое значение Московской битвы состоит, прежде всего, в том, что, развеяв миф о непобедимости германского вермахта, она:

- окончательно закрепила фундамент анти-германской коалиции великих держав;
- нанесла громадный моральный ущерб блоку фашистских государств;
- оказала отрезвляющее воздействие на прогитлеровские элементы в нейтральных странах;
- дала мощный толчок для развертывания широкой антифашистской борьбы народов. Вместе с тем поражение под Москвой вызвало в вермахте глубокий кризис военного руководства и падение морального духа личного состава. В ходе военной кампании 1941 г. и контрнаступления советских войск под Москвой и на других участках фронта вооруженным силам Германии был нанесен громадный ущерб:
- с 22 июня по 31 декабря 1941 г. только сухопутные войска вермахта потеряли на Востоке, по данным дневника Гальдера, более 830 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными¹⁵;
- потери в танках и штурмовых орудиях с начала войны против СССР до 31 декабря 1941 г. оценивались в 2765 единиц¹⁶;
- боевая мощь вермахта была серьезно надломлена.

Для советского народа 1941 г. был годом самых суровых испытаний. Он совершил величайший исторический подвиг — своим героизмом и самоотверженным трудом и борьбой воздвигнул барьер на пути нацистской агрессии, открыв путь к освобождению мира от «коричневой угрозы» и Великой Победе 1945 года.

¹ Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1958. С. 227.

² Кравцов В. Крах немецко-фашистского плана «Барбаросса» // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 37.

³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 31.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1973. Т. III. Кн. вторая. С. 14.

⁵ Военно-исторический журнал. 1961. № 10. С. 88.

⁶ Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. L., 1971. p. 139; Carell P. Hitler moves East: 1941–1943. Boston, 1963. P. 163–164.

⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. III. Кн. вторая. С. 74.

⁸ Turney A. Op. cit. P. 150.

⁹ Hitler's Secret Conversations 1941–1944. N.Y., 1953. P. 59.

¹⁰ Hitlers Weisungen fiir die Kriegsfiihrung 1939–1945 / Hrsg. von W. Hubasch. Frankfurt a/M., 1962. S. 171.

¹¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 269–271.

¹² Там же. С. 273.

¹³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 362.

¹⁴ The Goebbels Diaries. L., 1948. P. 386.

¹⁵ За тот же период немецкие войска в Северной Африке потеряли 8,4 тыс. человек.

¹⁶ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht Wehrmachtfiihrungsstab). Frankfurt a / M., 1965. Bd. I. S. 1104.

Битве за Москву — 70 лет: как ее освещали в эти годы

Б. И. Невзоров*

*Вся страна тогда Москву спасала,
чтоб Москва спасла потом страну¹*

Московская битва постоянно привлекала к себе внимание. По ориентировочному подсчету главного библиографа отдела военной литературы и отдела газет Российской государственной библиотеки, ее события отражены в 8784 публикациях, в том числе в 875 книгах². В это число не вошла литература, где сражения битвы рассматриваются в отдельных главах. Не учтены книги иностранных авторов и публикации в республиках и городах СССР. Не включены и газетные публикации за период с июля 1942 г. по настоящее время. Авторы публикаций — участники битвы и военные историки, маршалы и рядовые, журналисты и писатели, коммунисты и беспартийные, единокороссы и либералы, битые гитлеровские генералы и западные исследователи, патриоты и хулители нашего прошлого.

На всех изданиях лежит печать определенной эпохи — военного лихолетья или «холодной войны», культа личности, «перестройки» или нынешних рыночных отношений. Каждое время оказало влияние на характер суждений о роли этой битвы в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне в целом. Каждый автор видел и описал ее по-своему. В этой статье мы проведем лишь определенную систематизацию высказанных точек зрения и дадим свою оценку значению Великой битвы за Москву в деле спасе-

ния страны и достижения Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

В суммарном виде эти труды составляют историографию Московской битвы. Они обеспечивают преемственность ее научного исследования, позволяют составить отчетливое представление о том, что уже сделано и что предстоит сделать на пути познания объективной истины. И в этой связи плодотворное изучение событий битвы невозможно без глубокого знания того, что уже было сделано в этом отношении военными историками прошлого. Они, введя в научный оборот огромный фактический материал, подвергли анализу многие стороны сложного комплекса вопросов с выявлением роли и места битвы за столицу в Великой Отечественной войне. Но, несмотря на достигнутые результаты, эту тему нельзя считать изученной и оцененной в полной мере.

Анализ всей совокупности работ о Московской битве, позволяет установить подходы, концепции, субъективистские и другие оценки на различных этапах ее исследований. В этом историографическом процессе четко обозначились пять основных периодов:

- первый — с 1941 по 1955 г.;
- второй — с 1956 по 1964 г.;
- третий — с 1965 по 1984 г.;
- четвертый — с 1985 по 1991 г.;
- пятый, современный — с 1992 г.³.

---

* Невзоров Борис Ильич — к.и.н., сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник в отставке.

Они отличались друг от друга задачами, характером и результатами исследований. Каждый период, будучи частью истории нашего государства, имел свои особенности в духовной жизни общества. Эти особенности четко проявлялись в идеологической политике КПСС, в конкретных установках и направлениях ее идеологической работы во всех общественных и государственных структурах, в том числе и в определении задач, целей и характера военно-исторических исследований.

Во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы идеологическая работа КПСС была направлена на мобилизацию всех сил на разгром врага, затем на восстановление народного хозяйства, а также на разоблачение планов и действий западных государств. Они развязали «холодную войну» против СССР, острием которой стала невиданная по масштабам психологическая война, дополняемая гонкой вооружений. Однако стержнем идеологической работы было укрепление культа личности И. В. Сталина. Исторические исследования, научные и публицистические труды по проблемам Великой Отечественной войны были призваны возвеличивать Сталина как непогрешимого вождя, народного вдохновителя и гениального полководца.

Сталинские оценки причин, хода и результатов войны с фашистскими агрессорами в выступлениях по радио 3 июля 1941 г. и на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 года, преподносились как единственно правильные и незыблемые, несмотря на их очевидный субъективизм⁴. В этих установках нет и намек на крупные просчеты и ошибки, допущенные политическим и военным руководством накануне и в первые месяцы войны, которые поставили страну на грань катастрофы. Но именно эти установки Сталина и положили начало советской историографии Великой Отечественной войны вообще и Московской битвы — в частности.

Первый период историографии битвы (1941–1955 гг.). Исследования, появившиеся вскоре после окончания сражений под Москвой, носили, как правило, очерковый или оперативный характер. Такого рода научные работы имели сугубо практическую направленность — использовать первый удачный опыт наступательных операций Красной армии. Создавались они на основе требований Директивного письма Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г. «Военным

советам фронтов и армий о действиях ударными группами и организации артиллерийского наступления», подписанного И. Сталиным и А. Василевским⁵.

В этом письме говорилось: для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли к обороне и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Они рассчитывают задержать наше наступление до весны, чтобы выиграть время, получить передышку и весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной армии. «Наша задача, — подчеркивалось в директиве, — состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов. И обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

В первых работах этого периода была сделана попытка рассмотреть конкретные армейские и фронтовые операции, проведенные на отдельных операционных направлениях в рамках битвы за столицу и бои за отдельные населенные пункты⁶. Общими чертами таких трудов являлись:

- слабое раскрытие вопросов боевого применения родов войск и специальных войск;
- поверхностный показ организации и ведения взаимодействия между соединениями и частями;
- отсутствие глубокого анализа хода и результатов операций.

Возьмем, к примеру, самый первый фундаментальный труд, посвященный битве за столицу⁷. Как известно, борьбу с врагом в те дни вели войска Западного, Резервного, Калининского, Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов. В трехтомнике же рассмотрены действия только одного, Западного, фронта и лишь с 16.11.41 г. по 31.01.42 г. Такое сокращение времени проведения битвы и пространства, на котором разворачивались ее события, позволил авторам:

- уйти от описания трагических событий первой половины октября, которые были связаны с прорывом нашего стратегического фронта и окружением значительных сил трех фронтов в районах Вязьмы и Брянска;
- не раскрывать причины эвакуации столицы СССР из Москвы, говорить об ее подоплеке; о введении в городе осадного положения;

- скрыть причины незавершенности зимнего наступления на Западном направлении;
- умалчать об огромных потерях в сражениях под Москвой.

Авторы трехтомника, скрывая просчеты и ошибки, допущенные Верховным Главнокомандованием, лишь выполняли установки ЦК ВКП(б) по вопросам «методики исследования» хода войны, в данном случае применительно к историографии Московской битвы.

Вместе с тем высокопрофессиональная комиссия Генштаба, руководимая профессором Е. А. Шиловским, не могла не дать общей оценки событиям битвы за столицу. «Политические и стратегические последствия разгрома немцев под Москвой огромны, — утверждает она в заключение. — Уже сейчас можно сказать, что значение победы над немцами в декабре 1941 г. в общем ходе настоящей мировой войны не меньше, чем значение знаменитой победы на Марне в 1914 г., послужившей поворотным пунктом в войне 1914–1918 гг. и приведшей в конечном счете к поражению Германии... Великая битва под Москвой представляет собой одну из наиболее ярких и захватывающих страниц в истории Отечественной войны. Она, несомненно, войдет в мировую историю как один из бессмертных примеров упорства в борьбе, мужества и военного искусства, увенчавшегося большой победой Красной армии и ее руководителей над немецко-фашистскими войсками»⁸.

Одним из главных средств массовой информации этого периода являлись **газеты**. Они формировали общественное мнение и укрепляли моральный дух защитников столицы. О масштабах этой работы говорят следующие факты: за период с июня 1941 г. по июнь 1942 г. только во всесоюзных и московских газетах появились 5050 публикаций⁹, или в среднем по 12–13 публикаций ежедневно. Среди них были постановления, указы, распоряжения, приказы государственных и военных органов, сообщения военных и специальных корреспондентов, статьи инструктивного характера, сводки о ходе боевых действий на фронтах Западного направления, материалы о партизанском движении, героях обороны Москвы, героях-партизанах, героях тыла и т. д.

В оборонительный период битвы, кроме ежедневных сводок в рубрике «От Советского информбюро», было опубликовано 284 различных материала, направленных на решение главной задачи — остановить врага, защитить столицу

и начать разгром агрессора. Кроме того, пропагандировался боевой опыт войск¹⁰. В ходе контрнаступления советских войск под Москвой газеты поместили 264 публикации. Они раскрывали эпизоды боев за различные города и подробности разгрома тех или иных частей противника¹¹. Общему наступлению советских войск были посвящены 102 газетные публикации, но здесь мы отметим лишь те из них¹², которые были посвящены действиям Войск противовоздушной обороны (Московской зоны ПВО, с 9 ноября — Московского корпусного района ПВО, с 5 апреля — Московского фронта ПВО). О них говорилось в 133 газетных публикациях, рассказывавших о налетах немецкой авиации на Москву, о действиях летчиков-истребителей, артиллеристов-зенитчиков, прожектористов, аэростатчиков, расчетов наблюдательных постов и радиолокационных станций обнаружения службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС)¹³.

Наибольшее внимание газеты уделяли героям обороны Москвы, опубликовав 705 различных материалов об их подвигах:

- корреспонденты рассказывали о героизме частей командиров Захарова, Плиева, Катукова, Доватора и др.;
- о героях танкистах, летчиках, артиллеристах, пехотинцах, саперах...¹⁴;
- более 50 статей посвящались героям-партизанам — Зое Космодемьянской, И. Н. Кузину, Е. И. Чайкиной, А. П. Чекалину, комиссару партизанского отряда Волоколамского района В. П. Мыларщикову, партизанскому командиру Екатерине Пожарской¹⁵ и др.;
- целый ряд газетных материалов отражал подвиги москвичей — героев тыла, отличившихся на строительстве оборонительных сооружений и самоотверженно боровшихся с последствиями налетов вражеской авиации на город;
- рассказывалось о юном герое Жене Неведе — бойце добровольной пожарной команды, получившего медаль «За боевые заслуги», о братьях Анатолии и Борисе Чистяковых, награжденных медалями за мужество, проявленное при тушении зажигательных авиабомб и др.¹⁶.

Газетные публикации военного времени освещали главным образом отдельные боевые эпизоды в оборонительном и наступательном периодах битвы. Они вселяли в войсках уверенность в окончательной нашей победе, пропагандировали примеры мужества и героизма бойцов

и командиров на фронте, описывали подвиги героев-партизан и героев тыла. По материалам газет можно судить о духе и моральном состоянии общества в то грозное и трудное для страны время. Вместе с тем на основе их публикаций нельзя сделать обоснованные выводы об общем значении и стратегических результатах Московской битвы в целом. Частные моменты и отдельные эпизоды не могли дать объективной картины событиям глобального масштаба.

Подводя итоги первого историографического периода битвы, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. На фоне последующих побед Красной армии под Сталинградом, Курском и в завершающих сражениях Великой Отечественной войны битва за Москву внешне не производила глубокого впечатления. Более того, катастрофическое поражение советских войск под Вязьмой и Брянском в первой половине октября 1941 г. вызывало у Сталина крайне неприятные воспоминания. Действительно, вспоминать о том, что в котлах окружения там оказались 63 дивизии (или 66 % их общего числа к началу операции) и потери в них были почти миллион солдат и офицеров, действительно было очень горько. И руководитель страны стал делать все, чтобы о Московской битве вообще не вспоминали. Так, например, 7 сентября 1947 г., когда торжественно отмечалось 800-летие Москвы, Сталин, как глава государства, был вынужден прервать молчание о столице и направить свое «Приветствие Москве»¹⁷.

Отмечая, что «она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия и от французского вторжения», Сталин «забыл» сказать о роли Московской битвы во всей Великой Отечественной войне. А ведь именно столица спасла не только нашу страну, но и всю мировую цивилизацию от уничтожения нацистской военной машиной. Можно предположить, что именно по этим причинам в первые послевоенные годы не появилось ни одной фундаментальной научной работы, посвященной Московскому сражению или Великой Отечественной войне в целом. А отдельные книги, которые вышли в свет, были посвящены конкретным, в научном смысле — частным и узким, вопросам¹⁸. Правильные в своей общей постановке утверждения же о том, что для написания фундаментальных работ требуется значительное время, в отношении к рассматриваемому периоду неубедительны.

Десять лет, с 1945 по 1955 г., — срок, вполне достаточный для научного коллектива, чтобы подготовить серьезную научную работу. Исследования ученых, в том числе и военных историков, изучавших документы и материалы Великой Отечественной войны, продолжались. Однако в это время уже шла «холодная война», и руководство страны усиленно готовило общественное мнение, как и все население Советского Союза, к борьбе с новым врагом — американским империализмом и его детищем — НАТО. Направляя соответствующие политико-идеологические установки руководителям научно-исследовательских учреждений и издательств, оно, как правило, не разрешало публиковать результаты новейших исследований. А увидевшие свет труды обычно имели мало общего с тем, что было в оригинальных текстах авторов.

В этой связи, начиная с 1944 г., Сталин перестал даже упоминать о ратном подвиге Москвы в Великой Отечественной войне. Ни в одном из своих выступлений и публикаций он уже не говорил о Москве. Ну а в условиях, когда вся идеологическая работа, агитация и пропаганда в стране строилась на основе указаний вождя, его молчание о роли, значении и оценке битвы за столицу явилось сигналом для установления почти полного табу на эту тему. Заметим, что такое же отношение к подвигу защитников столицы сохранилось и в новой России. Так, например, в День защитника Отечества, отмечавшегося в Кремлевском Дворце съездов 23 февраля 2002 г., который по времени совпал с 60-летним юбилеем Московской битвы, на праздник прибыли президенты Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Раздается команда: «Внести знамена частей Красной армии, отличившихся в сражениях Ленинградской, Сталинградской и Курской битв!» Внесли и разместили их на сцене. Затем подается следующий сигнал: «Пригласить на сцену ветеранов-фронтовиков, защищавших Ленинград, Сталинград и Курскую дугу!» Под бурные аплодисменты фронтовики поднялись на сцену!

Спрашивается, а почему забыли защитников Москвы? Может быть, они сделали для Победы меньше других? О том, что это не так, подробно говорится в многотомнике «65 лет Великой Победы», издаваемом как приложение к «Вестнику МГИМО-Университет». Ну а выводы о причинах подобного отношения к событиям Московской битвы, читатели «Вестника» должны сделать сами. Официальных объяснений тому не существует.

Второй период (1956–1964 гг.) характеризуется резким изменением вектора идеологической работы в связи с разоблачением и критикой культа личности И. В. Сталина. Вместе с тем этот процесс десталинизации страны требовал научных доказательств того ущерба, который он причинил во всех сферах духовной жизни общества и восполнения понесенного урона. Данное обстоятельство дало определенный импульс развитию общественных наук и военно-исторических исследований. В это время значительно расширяется источниковая база и облегчается доступ к документам и материалам архивных фондов фронтов и армий, трофейным документам германского вермахта и публикациям зарубежных авторов о Второй мировой войне. Положительно сказалось на исследованиях проблем Великой Отечественной войны и событий Московской битвы в этот период постановление ЦК КПСС «О подготовке шеститомной „Истории Великой Отечественной войны Советского Союза“ от 12 сентября 1957 г.»

В этих условиях издается целый ряд работ, посвященных непосредственно Московской битве¹⁹. Их авторы предприняли попытку всесторонне рассмотреть ее события, показать течение военных действий на фронтах и усилий тружеников столицы по оказанию помощи сражавшимся войскам. В труде А. М. Самсонова впервые объемно были показаны усилия москвичей по формированию дивизий народного ополчения, истребительных и рабочих батальонов, а также их работа на предприятиях и учреждениях города по обеспечению нужд фронта. В кратком историческом очерке о битве под Москвой авторский коллектив в составе ветеранов войны Д. М. Проэктора, Ф. И. Тамонова и крупного ученого-историка А. М. Самсонова обрисована общая картина битвы, но основной акцент сделан на ее военно-политических гранях.

Значительным моментом в исследовании сражений за столицу стало издание фундаментального труда «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», написанного в форме оперативно-стратегического очерка под редакцией Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. Его авторы стремились показать поистине героическую борьбу Красной армии и всего нашего народа на подступах к столице, «не затушевывая крайне тяжелых условий обстановки, в которых происходила эта великая битва, а также допущенных с нашей стороны ошибок и недочетов». С этой целью описание военных

событий, цифровой и документальный материал, обобщения и выводы излагаются и приводятся в труде, — утверждают авторы, — «с наиболее возможной точностью и объективностью. Одержанная нами историческая победа под Москвой является гордостью советского народа и его Вооруженных Сил, о ней должны знать все, и в первую очередь молодое поколение».

Действительно, в отличие от ранее изданных работ, в этой книге более глубоко показаны:

- роль и место Московской битвы в Великой Отечественной войне;
- оборонительные операции советских войск на подступах к столице;
- контрнаступление и общее наступление на Западном направлении;
- действия советских партизан под Москвой;
- подведены военно-политические итоги битвы;
- проанализированы достижения в развитии стратегии, оперативного искусства и тактики Красной армии.

Положительным моментом является и то, что иллюстративный материал, особенно 23 цветные схемы, органически связанные с содержанием книги, составляют единое целое с текстом. Это единственный труд о Московской битве, имеющий столь подробное и точное графическое изображение хода ее операций. Но и в данной книге, при всех очевидных ее достоинствах, как и в трехтомнике под редакцией маршала Б. М. Шапошникова, сохранился тот же крупный недостаток — необоснованное сужение хронологических рамок битвы.

Несмотря на известные резкие выступления против такой периодизации Московского сражения маршала Г. К. Жукова²⁰, и в 3-томнике эта битва дается в диапазоне с 16 ноября 1941 г. по 31 января 1942 г. То есть, следует констатировать, что из истории битвы за Москву в очередной раз оказались выброшенными оборонительные операции в октябре 1941 г. и наступательные действия советских войск в феврале–апреле 1942 г.

В отечественной военно-исторической литературе этого периода события Московской битвы освещены и в отдельных главах других военно-исторических трудов по истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны²¹. В них, например, раскрыты:

- сущность плана «молниеносной войны», причины и время, когда он был сорван;
- более тщательно проанализирован ход вооруженной борьбы на дальних и ближних подступах к столице;

- роль Ставки ВГК и Генерального штаба в руководстве Вооруженными силами на всех этапах битвы под Москвой;
- неразрывная связь фронта и тыла.

Но и в этих трудах ряд важных проблем, в том числе и Вяземская трагедия, оказались обойденными. В рассматриваемый период появились первые воспоминания участников боев за столицу²². Привлечение этих источников для воссоздания истории Московской битвы позволяет: а) откорректировать и дополнить картину ее событий; б) сопоставить документальные материалы и официальные толкования с наблюдениями непосредственных участников обороны Москвы. По своему содержанию мемуары носят более открытый и менее официальный характер. В них общественные явления проявляются как обстоятельства, обуславливающие действия и взгляды отдельных лиц. Использование мемуаров дает возможность более выпукло и рельефно очертить многие стороны как самих военных действий, так и сложной деятельности по их всестороннему обеспечению.

Разумеется, мемуарная литература испытывала на себе воздействие духа времени, характерного для рассматриваемого периода. Общая политическая и идеологическая обстановка в стране накладывала соответствующий отпечаток на создаваемые работы. Поэтому трактовка событий в тех или иных воспоминаниях оказалась элементом идейно-политической борьбы, характерной для данного времени. Вследствие этого обстоятельства дело до беспристрастного и свободного исследования событий войны при написании воспоминаний так и не дошло. Объяснить это можно тем, что политика «десталинизации» на деле была не либеральной, а «управляемой». Она состояла в четком обозначении допустимых границ критического осмысления прошлого и в отходе от объективности путем умолчания правды.

В период «хрущевской оттепели» были свои «холодные времена», когда, как говорится, зачистую «белое» выдавали за «черное» и наоборот. Это препятствовало подлинно научному анализу всех аспектов минувшего лихолетья. Например, в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» наш выдающийся полководец Г. К. Жуков упоминается всего 16 раз, и то только в негативном плане. Зато воздается «должное» военным заслугам члена Военного совета одного из фронтов Н. С. Хрущева, имя которого восхваляется

и возвеличивается 132 раза! Последняя цифра даже превышает число эпизодов войны, связанных с раскрытием работы руководителя страны, Председателя Государственного Комитета Обороны и Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными силами И. В. Сталина, действия которого упоминаются лишь 123 раза. Данный пример — наглядная иллюстрация того метода, который вкладывали партийные идеологи в понятие «история», считая ее «политикой, повернутой в прошлое». В данном случае история должна была подчеркивать «величие» Хрущева не только в настоящем, но и в прошлом.

Причиной же шельмования Г. К. Жукова была зависть Н. С. Хрущева к авторитету выдающегося полководца не только в нашей стране, но и за рубежом. Опасаясь этого авторитета и боясь независимого характера Георгия Константиновича, Хрущев снял его со всех постов и единственного из всех маршалов Советского Союза и маршалов родов войск отправил в такую отставку, при которой в течение последующих девяти лет делалось все, чтобы имя Жукова предать полному забвению. При подобном отношении к спасителю Москвы и соответствующим установкам сверху ожидать от исследователей подлинного научного анализа великой Московской битвы было бы наивно. Смещение Н. С. Хрущева с занимаемых постов и замена его Л. И. Брежневым означали наступление нового этапа в истории советского общества и в историографии Московской битвы.

Третий период (1965–1984 гг.) характеризовался новым поворотом вектора идеологической работы партии. Поворот состоял в затухании критики «культа личности». Резко усиливается контроль партии над всеми сферами общественной жизни, в том числе над историческими исследованиями. Ужесточается цензура. Увеличивается нажим на научную и творческую интеллигенцию. В идеологической работе, в области исторических наук и образования, в сфере литературы и искусства жестко предписывается всем: рассматривать и отображать историю Советского государства, как историю героическую, победоносную, подтверждающую правильность политики партии.

Верный и обоснованный принцип решающего значения в воспитании молодого поколения и личного состава Вооруженных сил примеров героического служения народу и выполнения своего долга перед Родиной на практике превращается в профанацию. Главным героем страны

становится Л. И. Брежнев, пришедший к власти путем тайного сговора, а фактически заговора. Началось его возвеличивание: ему четырежды присваивается звание Героя Советского Союза, в то время как тысячи подлинных героев Великой Отечественной войны, отдавших жизнь за спасение Отечества, оставались непогребенными, а подвиги их — неизвестными. Заслуги Брежнева в годы войны непомерно раздуваются для оправдания награждения его высшей полководческой наградой — орденом «Победа», хотя ни полководцем, ни просто командующим объединениями он никогда не был.

Все это, естественно, не могло не отразиться на научно-исторических исследованиях и публикациях как о войне в целом, так и о Московской битве в частности. Подготовленные полководцами и крупными военачальниками Великой Отечественной войны мемуары выходят в свет с купюрами²³. В мемуары военачальников (как отмечалось выше) в качестве обязательного атрибута насильственно вписываются разделы по партийно-политической работе, а также материалы, которые давали совершенно иное, чем авторское, видение событий. Более того, в угоду Генеральному секретарю КПСС в мемуары Жукова, например, вписали эпизод о его специальной поездке в Новороссийск, чтобы «по-советоваться» там с начальником политотдела 18-й армии полковником Л. И. Брежневым». Это выглядит, по меньшей мере, нелепо. Маршал, заместитель Верховного Главнокомандующего, который обычно не жаловал своим вниманием даже генералов, вдруг решил «советоваться» с полковником, да к тому же из числа политработников армии, действовавшей на второстепенном, а не главном направлении кампании?

Правда, столь бесцеремонное вмешательство в работу авторов по написанию своих воспоминаний и сокращение их объема от читателей скрывается. Сами же мемуары заслуженно чтимых и глубокоуважаемых маршалов Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева и других военачальников пользуются огромной популярностью не только в нашей стране, но и за рубежом. Вместе с тем цензурные ограничения и указания идеологических надзирателей о том, что и как писать о войне, заставили целый ряд военачальников отказаться от дальнейшей работы над своими воспоминаниями или вообще их не писать. А это обстоятельство, безусловно, сказалось на объеме и объективности исследований о Московской битве.

Однако дело не ограничивалось цензурой, сокращениями объема мемуаров или просто указаниями о методике изложения исторического материала. Принимались и самые жесткие меры к непослушным «правдоискателям». А чтобы в их суждениях не возникало сомнения в правильности официальных партийных оценок проблем Великой Отечественной войны, над одним из таких искателей правды была учинена показательная акция. Старший научный сотрудник Института истории АН СССР А. М. Некрич, используя материалы журналов, газет и других публикаций, взятых из открытых печатных источников, в своей брошюре попытался раскрыть истинные причины поражения советских войск в начале войны²⁴. Но эта попытка дорого обошлась автору. Назвав содержание его труда идеологической диверсией, подрывающей устои и безопасность страны, Некрича исключили из членов партии, уволили из института, а изданную им книгу изъяли из всех библиотек страны и уничтожили. Оказавшись без работы в положении изгоя и без средств к существованию, А. М. Некрич был вынужден через несколько лет эмигрировать из страны.

Эта акция, проведенная в назидание другим историкам, оказала самое негативное влияние на научный уровень последующих исследований. Так, в двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны 1939–1945»²⁵ Московской битве было отведено в два раза меньше места, чем в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг.», и раскрыта она здесь была еще более поверхностно. В этом новом труде даже не рассматривались грубые просчеты, допущенные Ставкой ВГК в период подготовки войск фронтов к отражению наступления немецко-фашистских войск на Москву по плану операции «Тайфун», что пагубно сказалось на ходе и исходе оборонительных сражений начала октября за Москву. Более того, ответственность за эти просчеты целиком возлагается на командование фронтов. Не рассматриваются тяжелейшие сражения первой недели октября 1941 г., итогом которых стал крах фронтов Западного направления, прикрывавших столицу. Подобные недостатки присущи и основополагающему историческому труду о деятельности Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны²⁶.

Но и в таких условиях работа по истории Великой Отечественной войне продолжалась. Об этом свидетельствует и факт появления новых

трудов, использовавших такой литературный жанр, как «хроника», где запись явлений и фактов войны дается в хронологической последовательности²⁷. Естественно, здесь нас прежде всего интересует вопрос о том, в какой степени эти хроники зафиксировали события Московской битвы. Ответ на него простой — в них отмечены лишь самые важные, ключевые ее моменты. И это сделано вполне обоснованно. Ведь отразить на страницах одной книги все грандиозные и многочисленные события войны физически невозможно. И потому авторы хроник свои главные усилия направляли на отбор отдельных фактов, показывающих роль партии, государства и народа в войне, наиболее характерные эпизоды и самые значимые явления в жизни страны и боевой деятельности Вооруженных сил.

Московскую битву не обошла своим вниманием и зарубежная военная историография. Достаточно сказать, что в послевоенные годы только в США, Англии, ФРГ и других странах она отражена в более чем 140 книгах. Причина в том, что поражение крупнейшей армии западного мира во Второй мировой войне, которое специалисты Запада исследовали в обстановке «холодной войны», не могло не интересовать новых претендентов на мировое господство. Данное обстоятельство предопределило прагматическую, идеологическую и даже психологическую направленность подавляющей части изданных на Западе книг. Стратегов западного мира интересовала не столько история битвы за советскую столицу, сколько истоки поражения в ней немецкой армии. В первую очередь они искали ответы на вопросы: как могло случиться, что тщательно разработанный и всесторонне подготовленный «блицкриг» потерпел столь быстрое и сокрушительное поражение и в чем подоплека разгрома гитлеровцев, имевших превосходство в силах и средствах, обладавших большим опытом ведения операций и владевших стратегической инициативой? С этой целью оказавшиеся в плену у американцев бывшие генералы германского вермахта — Ф. Гальдер, Х. Мантейфель, Э. Кестринг, Л. Рендулич и многие другие — написали подробные доклады, которые вошли в изданную в США серию книг²⁸.

Для этой серии, как и других книг, изданных на Западе²⁹, характерно то, что при освещении Московской битвы они следовали приемам и версиям, которые использовались фашистской пропагандой еще в годы войны. Многие авторы стремились извратить и умолчать истинные

причины провала «молниеносной войны», подменить их всякого рода надуманными версиями, обелить вермахт, приукрасить его военное искусство и в искаженном виде представить содержание битвы под Москвой. При этом основные причины поражения вермахта под Москвой они сводили к:

- ошибкам Гитлера в политической и военных областях;
- неблагоприятным климатическим условиям для немецких войск;
- огромным пространствам Советского Союза³⁰;
- «большому численному превосходству» Красной армии над противником в момент ее перехода в контрнаступление;
- «случайности» поражения германского вермахта под Москвой из-за «недостающего последнего батальона», который мог бы решить исход сражения³¹.

Эта последняя версия как бы объединяла воедино все другие надуманные причины поражения, подпитывая главную идею западных «ястребов» о возможности реванша в новых попытках «взять» Москву. И конечно же, было не случайным издание таких работ, которые излагали свои варианты покорения нашей страны³².

И все же обойти молчанием или приуменьшить роль и место Московской битвы в истории, ограничить ее значение лишь ослаблением группы армий «Центр» или рамками Восточного фронта битым гитлеровским генералам и военным политическим и военным стратегам Запада не удалось. Значительная часть историков и мемуаристов, придавая ей исключительно большое значение, вполне правомерно связывала поражение вермахта под Москвой с крахом всего плана скоротечной войны против Советского Союза³³. Историк А. Кун, например, писал о Московской битве, что «она придала Второй мировой войне новое направление. Столкнулись друг с другом две колоссальнейшие армии, каких еще не знала всемирная история. Исход их борьбы определил судьбы миллионов людей, судьбы общественных систем... новое соотношение всемирно-политических сил вплоть до наших дней»³⁴.

Поражение германского вермахта под Москвой, пишут немецкие историки, нанесло удар по планам нацистов завоевать Африку, Ближний и Средний Восток, Индию. «Путь в Африку и к мировому господству должен был проходить через Россию и нашел свой... конец уже после краха немецкого наступления под Москвой в декабре

1941 г.»³⁵. О значении этого события говорилось и на проходившем в 1981 г. Международном военно-историческом симпозиуме в Штутгарте (ФРГ). Его тема «Декабрь 1941 года — поворотный пункт войны» свидетельствует о том всемирно-историческом значении, которое сыграла Московская битва во Второй мировой войне. В главе, написанной В. Вегнером, отмечается, что «было бы ошибочно безоговорочно трактовать поражение под Сталинградом как «коренной перелом в войне». Трагедия под Сталинградом завершила порождавший «коренной перелом» процесс, который обозначился еще со Смоленского сражения, приостановив продвижение немцев к Москве, и начался в Московской битве³⁶. Адъютант Гитлера фон Н. Белов события под Москвой оценивает еще более значимо. Он в своих воспоминаниях поражение вермахта в Московской битве назвал «великим переломом в ходе Второй мировой войны»³⁷.

В обстановке «холодной войны» и идеологического противоборства с Западом отечественная историография не смогла дать научную оценку и аргументированно разоблачить все искажения истории и значения Московской битвы. С приходом к власти группы политиков во главе с М. С. Горбачевым в истории СССР начался этап, получивший название «перестройка».

Четвертый период (1985–1991 гг.). Поскольку у новых политиков не было глубоко разработанной научной программы преобразований, начало перестройки во многом носило декларативный характер. Серьезное влияние на общественное сознание страны оказала объявленная Горбачевым политика «гласности», предполагавшая смягчение цензурных ограничений, разрешившая публикацию ряда ранее запрещенных документов, книг и ликвидировавшая «спецхраны» в библиотеках. В этот период были изданы научные исследования Московской битвы, в которых рассмотрен ряд важных вопросов, ранее остававшихся в тени или совершенно не освещавшихся. Так, авторский коллектив Института военной истории МО СССР под руководством Н. Г. Андроникова подготовил монографию о битве за Москву с рядом новых моментов и фактов в ее истории³⁸.

Военный историк, академик А. М. Самсонов опубликовал фундаментальный труд, в котором на новом документальном материале рассматривает события всего периода сражений за столицу. При этом он сравнительно подробно освещает те ее трагические страницы, которые до этого

скрывались от нашего народа, отмечает неоднозначную роль в битве И. В. Сталина, показывает многих участников сражений, раскрывает великий подвиг Красной армии, ее бойцов и командиров, дает богатый фактический материал о всем командном составе объединений, соединений и боевом составе наших фронтов и армий, а также группы армий «Центр»³⁹. Известный военный историк, бывший профессор МГИМО, полковник в отставке В. А. Анфилов в своей книге рассмотрел причины неудач Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны, а также провал блицкрига и плана «Барбаросса» в сражениях Московской битвы⁴⁰.

К этим работам примыкает и интересно написанный труд Л. А. Безыменского о том, как укрощалась вражеская операция «Тайфун», имевшая своей целью захват русской столицы. Автор, широко используя немецкие источники, убедительно разоблачает измышления реваншистов и раскрывает огромное значение разгрома войск германского вермахта под Москвой⁴¹. Внимание читателей привлекают и документальные книги «Июнь–декабрь сорок первого» и «Год 1942», написанные генерал-майором, журналистом Д. И. Ортенбергом, работавшим в 1941–1943 гг. ответственным редактором газеты «Красная Звезда», которую Николай Тихонов назвал «самой боевой и великолепной газетой наших суровых военных лет». Книги Ортенберга — не военно-историческое исследование в точном смысле этого слова. Это документальный рассказ-хроника, правдивое повествование о героических и трагических событиях первого периода войны вообще и битвы за Москву в частности. Он опирается на комплект газеты «Красная звезда». В книги включено немало новых, ранее неизвестных материалов о прославленных полководцах — Г. К. Жукове, А. М. Василевском, И. С. Коневе, Л. А. Говорове⁴², спецкорах газеты — Алексее Толстом, Михаиле Шолохове, Константине Симонове, Илье Эренбурге и др.

В декабре 1985 г. на страницах газеты «Московская правда», где публиковались заметки бывшего командарма генерала Д. Д. Лелюшенко «Огненные строки», разгорелась полемика об обстоятельствах посещения министром иностранных дел Великобритании А. Иденом города Клин⁴³. Обмен мнениями диспутантов привел к уточнению даты самого факта и восстановлению подробностей этого не совсем обычного события военных лет. А произошло оно после советско-английских переговоров о союзе

и взаимопомощи в войне, которые 16–17 декабря 1941 г. велись в Москве. Отсутствие такого договора мешало более тесному сближению СССР с Великобританией, и Сталин стремился преодолеть это препятствие. Вот почему он живо откликнулся на желание А. Идена посетить только что освобожденный Клин.

19 декабря Иден в сопровождении генералов Нея, Макфарлана, адмирала Майлса, вице-маршала авиации Колоера, посла СССР в Великобритании И. М. Майского и других лиц прибыли в г. Клин. Встретить и сопровождать миссию Идена было поручено начальнику штаба 1-й ударной армии генералу И. Д. Захватаеву, члену Военного совета армии полковому комиссару, бывшему секретарю Московского комитета ВКП(б) Я. С. Колесову и начальнику одного из отделов полевого управления армии полковнику М. И. Козыреву. От здания военного коменданта Клина колонна из 11 автомашин проехала по маршруту через горящий город и затем по Ленинградскому шоссе. На северной окраине Клина А. Иден осматривал разбитые немецкие танки (этот эпизод вошел в вышедший вскоре документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», на кадрах которого запечатлены Идеен и сопровождавшие его представители 1-й ударной армии).

После поездки по местам боев для миссии был организован обед в сохранившемся домике по ул. Ленинградской, д. 4. Обед прошел в активной беседе Идена и английских генералов с Захватаевым. После обеда по просьбе А. Идена гостей подвезли к дому-музею великого русского композитора П. И. Чайковского. Все, что осталось в нем, было варварски изуродовано. Иден назвал фашистов вандалами. Англичанин был удивлен и поражен масштабом германского разгрома. Покидая город, он высказал много лестных слов в адрес Красной армии. «Вернувшись в Москву, А. Иден с восхищением отзывался о блестящей победе советских войск, поздравлял советских руководителей и высказывал пожелания дальнейших успехов»⁴⁴. Личные впечатления А. Идена от всего увиденного под Москвой оказали влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военного сотрудничества с Советским Союзом.

Вышеупомянутые и неназванные здесь публикации периода «перестройки» в определенной степени расширили историографию Московской битвы. Следует отметить, что этот процесс полу-

чил возможность развиваться еще более бурными темпами после развала СССР и наступления нового этапа в жизни нашей страны.

Пятый, современный период (с 1992 г. по настоящее время) характеризуется расширением фронта исследований проблем Московской битвы, чему способствовало снятие грифа «Секретно» с целого ряда сборников боевых документов Великой Отечественной войны⁴⁵. При всей важности и значимости такой меры следует все же признать, что многие из подобных сборников по-прежнему оставались практически недоступными. Как для широкого круга исследователей, так и для интересующихся ими любителей истории. Дело в том, что все эти материалы ранее находились только в фондах закрытых учреждений и частей Министерства обороны, а снятие грифа не означало автоматической передачи их в книгохранилища других ведомств. Поэтому они, как и раньше, отсутствовали в большинстве библиотек страны. И только в последние годы, когда были изданы новые сборники документов и материалов, ситуация с источниковой базой значительно улучшилась, что открыло дороги к более глубокому и всестороннему исследованию событий Московской битвы⁴⁶.

Казалось бы, что созданы наконец-то все условия для появления честных, правдивых, освобожденных от идеологической узды научных трудов по истории Московской битвы, что уж теперь мы сможем увидеть истинную картину и осознать значимость всех ее событий. К сожалению, эти надежды оправдались лишь частично. Установившиеся в новой России рыночные отношения, безудержная коммерциализация всех сторон жизни, образования, культуры и стремление политиков новой генерации опорочить все, что было в стране за последние 70 лет, привели, в частности, к тому, что место политической цензуры прочно заняла экономическая «удавка». Она обусловила резкое сужение фронта исторических исследований и сокращение выпуска военно-исторических трудов. Так, если по проблемам Московской битвы ранее ежегодно издавалось в среднем 28 книг, то за последние два десятилетия — лишь 6–7 таких трудов. Зато появилось немало публикаций, особенно в газетах и журналах, авторы которых в погоне за сенсациями, гонорарами и общественной известностью, прибегают к грубейшим извращениям событий и фактов, бессовестно фальсифицируют историю, оправдывают предательство и т. д.

Некоторые из них даже сожалеют, что в Великой Отечественной войне победил СССР, а не Германия, что, мол, Россия пережила 300-летнее татаро-монгольское иго и ничего не случилось, она не потеряла ни своих земель, ни своей православной веры⁴⁷. Также пережила бы она и германское завоевание. Другие авторы пытаются доказать, что никакой победы Красной армии под Москвой не было вообще! Что на самом деле там был лишь «разгром советских войск», а не агрессора. А все, что написано об этой «победе», является, дескать, сладкой ложью⁴⁸.

В последние годы стали появляться и крупные работы, однако среди них преобладают книги, относящиеся к жанру хроники⁴⁹. В таких работах описываются главные события каждого дня войны, битвы или операции конкретной армии. Безусловно, подобный способ отражения прошлого является ценным и важным для военной историографии. Особенно если в ходе его сделаны обобщения и осмысливания рассматриваемых событий. Каким же образом это требование выполняется в вышедших трудах по историографии Московской битвы? Поскольку все они очень объемные, то здесь мы остановимся лишь на трех из них, а именно на книгах авторских коллективов под руководством В. А. Жилина и В. П. Филатова, а также В. М. Мельникова.

Сразу же отметим, что попытка коллектива сотрудников одного из Главных управлений Генерального штаба Вооруженных Сил РФ под руководством генерала В. А. Жилина решить подобную задачу в работе «Битва под Москвой», по нашему мнению, до конца не удалась. Хотя выпущенный ими двухтомник производит солидное впечатление, ибо он создан на базе большого количества источников. В нем удачно использован прием противопоставления позиций, когда, с одной стороны, даются документы советского командования, а с другой — германского; где рядом с выдержками из репортажей «Правды» и «Красной звезды» соседствуют публикации их антиподов «Фелькишер Беобахтер», «Зольдат им Вестен» и «Ди Фронт». Именно такие материалы занимают более 85% объема всей книги, являясь ее основным хребтом. Остальные страницы книги содержат различные справки, биографии военачальников и другие сведения, которые по методике подачи не вписываются в стиль хроники событий. Но главный недостаток двухтомника в том, что многочисленные (утренние

и вечерние) оперативные сводки Генштаба для читателя «слепые». Огромное число перечисляемых там мелких населенных пунктов, где шли боевые действия войск, на современных топографических картах отсутствуют. В этой связи представить себе конкретную картину рассматриваемых в них событий становится очень сложно даже профессиональному историку. А потому, несмотря на свои достоинства, двухтомник, по существу, является не исследовательским трудом, а сборником различных документов (извлечений из сводок Генштаба Красной армии) и газет, а также — ранее опубликованных материалов справочного характера.

Научные сотрудники Государственного музея обороны Москвы под руководством В. П. Филатова также провели поиск, отбор и анализ огромного числа документальных источников из фондов ряда важнейших отечественных архивохранилищ. Используя эту базу и военно-историческую, мемуарную, зарубежную и другую литературу, они создали труд «Московская битва в хронике фактов и событий»⁵⁰. Авторский коллектив кратко отразил в этой хронике драматическое и героическое, негативное и позитивное, практически все, что было во всей сложности и противоречивости великой Московской битвы. Три главные особенности отличают эту книгу от других работ подобного жанра:

1. Хронологические рамки.
2. Широта охватываемых проблем.
3. Методика подачи материала.

Более подробно о них можно сказать следующее. Данный труд охватывает период с 22 июня 1941 г. по 20 апреля 1942 г., то есть он на 100 дней шире, чем общепринятые временные рамки Московской битвы. Это обстоятельство было связано с желанием авторов показать не только саму битву, но и те мероприятия по подготовке столицы к обороне, которые проводились с первых дней войны; осветить жизнь москвичей, «встававших на смертный бой с врагом» и рассказать о боевых действиях войск ПВО против вражеской авиации, бомбардировщики которой начали налеты на Москву уже через месяц после вторжения германского вермахта в пределы нашей страны.

О широте рассматриваемых проблем свидетельствует не только объем книги, но и простое перечисление решаемых вопросов, таких, как:

- постановления и указания ГКО, приказы и директивы Ставки ВГК и военных советов фронтов;

- распоряжения германского верховного главнокомандования и командования группы армий «Центр», касающиеся конкретных операций;
- краткое описание результатов боевых действий войск всех фронтов Западного направления за каждый день;
- деятельность московских городских и областных партийных комитетов и Советов депутатов трудящихся;
- создание формирований народного ополчения столицы, партизанских и диверсионных отрядов и их участие в сражениях за столицу;
- жизнь военной Москвы: деятельность отрядов МПВО по ликвидации последствий вражеских бомбардировок, работа городских предприятий, транспорта, магазинов, театров, кино, общеобразовательных учреждений, православной церкви и многие другие аспекты.

Из этой книги можно узнать:

- что еще в сентябре 1941 г., когда на фронтах шли тяжелейшие сражения, враг находился недалеко от Москвы, на улице Горького (теперь Тверской) осуществили передвижку многоэтажного здания на 40 метров вглубь двора, чтобы расширить проезжую часть центральной магистрали города;
- или, например, как в условиях осадного положения, когда с 24:00 до 5:00 часов запрещалось всякое движение по улицам без специального пропуска военного коменданта города, москвичам, верующим в Бога, удалось встретить религиозный праздник — день Святой Пасхи — не у себя дома, а в православных храмах столицы;
- о многих других эпизодах из жизни суровой, но непокоренной Москвы, отраженных в новой «хронике фактов и событий».

В книге, кроме ежедневных сообщений о фактах и событиях, подводятся итоги боевых действий, формулируются выводы и приводятся сведения о численном составе войск и людских потерях за каждый месяц наступательного периода Московской битвы. С этой целью в пяти отдельных таблицах даются сведения:

1. О количестве маршевого пополнения, полученного в данном месяце.
2. Об общем числе военнотружущих на каждом из фронтов Западного направления, в том числе в боевых соединениях и частях (стрелковых, танковых, артиллерийских) и в частях

боевого обеспечения (инженерных войск, войск связи, химических и войсковой ПВО).

3. Об общих, безвозвратных и санитарных потерях.
4. О доле (удельном весе) безвозвратных и всех потерь по отношению к общему количеству людей, а также — к численности боевых соединений и частей боевого обеспечения (в процентах). Однородность последних цифр дает возможность сравнивать между собой величину потерь фронтов.
5. О потерях советских войск и войск группы армий «Центр» за всю битву;
6. О количестве живой силы, привлекавшейся к проведению крупнейших сражений XX века, и людских потерях в них.

Подобных обобщенных сведений о потерях еще не было ни в одном из когда-либо публиковавшихся в СССР и России трудов о Московской битве — закрытых и открытых.

Бывший мэр столицы Г. Х. Попов в честь 60-летия Московской битвы «разразился» целой серией статей, высокопарно озаглавленных: «Правду, только правду, всю правду»⁵¹. В них он тенденциозно и предвзято ошельмовал битву. В своем опусе он, например, поучает Ставку ВГК, как нужно было «правильно» использовать курсантов подольских и других училищ в начале октября. При этом автор не отличает маршевое пополнение от сформированных еще три месяца назад дивизий народного ополчения, которые к этому времени были уже преобразованы в кадровые стрелковые дивизии, вооружены и оснащены лучше, чем многие другие соединения Красной армии.

Совершенно не учитывая трагический момент, когда немцы прорвали стратегический фронт и создали смертельную угрозу Москве, он заявляет о том, что курсантов училищ нужно было не бросать в бой против наступавших полчищ врага, а использовать их в качестве готовых офицеров в дивизиях народного ополчения!? И это вчерашних мальчишек, которые, став курсантами только в сентябре, занимались военным делом меньше месяца! И такими нравоучительными сентенциями пестрит весь материал. Но главная мысль, которая преподносится в качестве «урока» для сомневающихся в «бездарности и глупости» советского командования и для всех, кто клянет развал Советского Союза, должны знать, поучает Попов, что «победой под Москвой Россия проголосовала за выход из СССР»!

Вот ведь как, оказывается, было? А народы всей нашей державы, сражавшиеся с фашистами под Москвой, и не догадывались, за что они проливают кровь и во имя чего отдают свои жизни. Только теперь они узнали от Гавриила Харитоновича, что боролись-то они, оказывается, не за свободу и независимость родной Отчизны, а за развал Советского Союза!

Всю «правду» данного автора можно свести к одному: битва за Москву в минувшей войне действительно имела место! Все остальные одно-сторонние, эмоциональные, примитивно аргументированные и ничего общего с действительностью не имеющие рассуждения Г.Х. Попова о событиях битвы являются обычной антисоветчиной, на которую так падки некоторые нынешние российские деятели. Как и в советские времена, они стараются вновь идеологизировать историческую науку, подчинить ее своим интересам, с одной лишь разницей: если руководство КПСС твердило, что в СССР все хорошо и любые научные труды должны отражать лишь советские достижения и обещать светлое будущее, то российские демократы постсоветской генерации предпочитают постоянно заявлять, что раньше все было плохо, в связи с чем отдают предпочтение тем историческим исследованиям, которые сфокусированы на выпячивании сплошного негатива из нашего недавнего прошлого. Другими словами, взгляд в прошлое у этих деятелей в принципе остался таким же, как и в советские времена. Он лишь поменял свою полярность: там, где раньше находился «плюс», теперь ставится «минус», и наоборот.

В заключение позволю себе остановиться на таком факте. Среди последних публикаций встречаются издания, которые «переосмысливают» не сами прошлые события, а их наименования и создателей давно известных трудов. Вот, например, появилась «новая» книга: «Борис Шапошников. Битва за Москву. Версия Генерального штаба». Сам факт издания подобного труда можно только приветствовать, если бы не три существенных обстоятельства:

1. Почему в качестве автора этой книги представлен главный редактор, а не ее создатели? Дело редактора — проверять и исправлять уже созданный текст перед его изданием. В написании же текста данного труда непосредственно участвовали: руководитель коллектива профессор генерал-лейтенант Е.А. Шиловский, генерал-лейтенант А.Н. Бахтин, полковники А.В. Васильев,

И.С. Коротков, А.Ф. Кораблев, И.И. Френкель, подполковник Г.П. Мещеряков и другие сотрудники Военно-исторического отдела Генштаба Красной армии. Большая часть этих офицеров в ходе сражений за Москву находилась в войсках или в полевом управлении штаба Западного фронта. Они по Постановлению ГКО не покидали столицу со вторым эшелоном Генштаба, который во главе с Б.М. Шапошниковым в период с 17 октября до 20-х чисел ноября 1941 г. находился в Арзамасе (400 км восточнее Москвы). И именно эти люди — участники битвы создали данную книгу. А вот издатели этой книги незаконно лишили их авторских прав.

2. Спрашивается, на каком основании эти издательства дали новое заглавие рассматриваемой книге? Ведь оно устанавливается авторами, и изменяться может только с их согласия. Но, главное, в новом, издательском варианте, заглавие не только не соответствует масштабам рассматриваемых событий, но и противоречит авторскому замыслу. В самом деле, в битве за Москву участвовали войска пяти фронтов — Западного, Резервного, Калининского, Брянского и правого крыла Юго-Западного, а также Московского фронта ПВО и Московской зоны обороны. Авторский же коллектив в своей книге «Разгром немецких войск под Москвой» раскрывает ход сражений только одного Западного фронта и притом лишь за период 16.11.41 г. — 31.01.42 г. (по принятым официальным временным рамкам — битва велась 30.09.41 г. — 20.04.42 г.). Создатели книги вынуждены были резко ограничить себя в освещении событий под давлением Сталина, который не желал вспоминать свои просчеты в построении стратегической обороны, потерю управления войсками в начале октября и катастрофическое поражение Красной армии под Вязьмой и Брянском. С тех пор прошло почти 70 лет. Оценки событий Московской битвы давно уже стали более взвешенными. И потому нам очень сложно понять и объяснить бесцеремонное вмешательство издательств «Яуза» и «Эксмо» в авторское право. Во всяком случае, они продемонстрировали отсутствие элементарных знаний о великой битве и полное неуважение к создателям этой книги.

На обложке книги издатели дают краткие сведения об ее авторе — Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове и утверждают: «Длительное время книга Б. М. Шапошникова была закрыта грифом „Секретно“, так как разительно отличалась по своей форме и содержанию от официальных трудов по истории Великой Отечественной войны». В этой связи заметим: гриф секретности с книги был снят еще в 1965 г., то есть более 40 лет назад. Что касается ее «формы и содержания», то скажем прямо — именно эта книга, подготовленная государственной комиссией по изучению и обобщению опыта войны, положила начало официальной фальсификации военной истории, особенно битвы за Москву. Делалось это путем замалчивания и полного исключения неудачных операций, а также — сокращением временных рамок битвы с целью оставить в тени нежелательные для освещения события.

Вот по этим трем причинам очень важная и глубоко аргументированная книга, раскрывающая небольшой по масштабу эпизод из многочисленных событий битвы за Москву, оказалась испорченной при ее переиздании вышеназванными организациями. Отрицательное отношение к подобному ее варианту не спасает и эпизод, помещенный в разделе «От редакции», где говорится, что профессор Е. А. Шиловский был прототипом мужа Маргариты в известном романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Именно Евгению Александровичу, мол, посвящены слова писателя: «Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену». Безусловно, читать эти сведения о главном создателе книги приятно, но они ничего не говорят о битве за Москву.

Заключение

В ограниченном объеме мы не смогли даже просто перечислить названия тех почти 900 публикаций о битве за Москву, существующих в нашей стране, не говоря уже об раскрытии и анализе их содержания. Для этого потребовался бы целый том, а не статья. Наша же цель — привлечь внимание читателей к научным исследованиям и краткому историографическому обзору, которые показывают, что Московская битва — главное военное событие Великой Отечественной и одно из ключевых сражений Второй мировой войны. Эта битва во многом определила успешное завершение военных действий в пользу СССР и других стран Антигитлеровской коалиции. Пять главных факторов лежат в основе столь высокой ее оценки:

- огромное военно-политическое, стратегическое и экономическое значение столицы Советского Союза;
- гигантский, не имеющий аналогов в мировой истории размах ее сражений с привлечением главных сил обеих воюющих сторон;
- сокрушение советскими войсками нацистского блицкрига и нанесение первого крупного поражения до этого непобедимому германскому вермахту, что изменило не только характер вооруженной борьбы, но и положило начало коренному перелому во всей войне;
- в битве за Москву, по существу, была рождена новая армия, которая не только переломила ход неудачно начатой операции, но и меньшими силами разгромила крупнейшую стратегическую группировку врага. И потому ни одна другая операция Великой Отечественной войны не оказала столь мощного воздействия на дальнейшее строительство Вооруженных сил СССР и развитие военного искусства, как эта битва;
- победа под Москвой вызвала большой резонанс в мире и способствовала подписанию 1 января 1942 г. декларации 26 государств, участники которой обязались использовать все свои ресурсы для борьбы против фашистской Германии и ее союзников. А это означало, что все расчеты нацистского руководства на международную изоляцию СССР под флагом «антикоммунизма» рухнули.

В настоящей статье перечислены лишь наиболее существенные факторы, характеризующие значение битвы у стен Москвы. На самом деле их гораздо больше. Мы не отметили огромный духовный подъем в советских войсках и в стране, вызванной победой под Москвой, который по силе эмоций уступает лишь ликованиям нашего народа в день капитуляции фашистской Германии. С другой стороны, мы не рассматривали факты, связанные с резким падением духа и боеспособности немецких войск, где впервые за истекший период войны стали появляться панические и пораженческие настроения, снижалась дисциплина и т. д. Мы не остановились на том, что после разгрома немцев под Москвой народы поработанных стран и оккупированных территорий впервые почувствовали возможность победы над захватчиками, резко усилив активность движения Сопротивления и размах партизанской борьбы.

- ¹ Виктор Федотов. Свет Победы.: Стихи. М., Воениздат. 1985.
- ² Губина Л.Д. Битва за Москву. О печатных документах и публикациях в периодических и продолжающихся изданиях и газетах за период с 1941 по 2002 г. Статистическое исследование. М., РГБ, 2002; Летопись подвига (Оборона Москвы) 1941–1942: Ретроспективный тематический научно-вспомогательный указатель в 4-х частях. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. — М., 1985.
- ³ Московская битва в хронике фактов и событий. М., Воениздат. 2004. С. 4.
- ⁴ См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Издание пятое. М., 1946. С. 9–33.
- ⁵ Русский Архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). М., ТЕРРА, 1996. С. 33–35.
- ⁶ Васильев А. В. Разгром северной ударной группировки немцев под Москвой. Краткий очерк Клиско-Солнечногорской операции. М., 1942; Коротков И.С. Разгром южной ударной группировки немецких войск под Москвой. Тульская наступательная операция. Краткий оперативно-тактический очерк. М., 1943; Бачелис И.И. Битва за Москву. М., 1943; Коротков И.С. Поражение группировки немецких войск под Калугой. Краткий очерк. М., 1943; Паротькин И., Кравцов В. Елецкая операция. М., 1943; Подорожный Н.Е. Ликвидация Наро-фоминского прорыва. Краткий очерк. М., 1943; Шиловский Е.А. Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943; Вершинский А.Н. Бои за город Калинин. М., 1945 и др.
- ⁷ Разгром немецких войск под Москвой (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г.). Под главной редакцией Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. Части 1–3. М., 1943.
- ⁸ Разгром немецких войск под Москвой. Часть вторая. С. 168–169.
- ⁹ Летопись подвига (Оборона Москвы) 1941–1942: Ретроспективный тематический научно-вспомогательный указатель в 4-х частях. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. М., 1985
- ¹⁰ Преградить путь врагу! — «Красная звезда», 10 октября; Отразить натиск врага! Стойко, не щадя жизни биться с врагом! Сорвать во что бы то ни стало планы гитлеровцев! Отстоим от врага родную Москву! — «Известия», 15, 17, 18, 21 октября; Артемьев П.А. На защиту Москвы! — «Правда». 24 октября; Жигарев П. Двусторонний удар по вражеской группировке: Танковое сражение Ротмистрова. Калининское направление. — «Красная звезда». 24 октября; Хоменко В. Борьба за Калинин. — «Правда». 29 октября; Рокоссовский К., Лобачев А. Запрет путь к Москве! — «Известия». 6 ноября; Катуков М. Искусство танкового боя. — «Комсомольская правда». 12 ноября; Говоров Л. Опыт боев в лесах. — «Красная звезда». 15 ноября; Ни шагу назад! Таков приказ Родины защитникам Москвы. — «Московский большевик». 21 ноября; Под Москвой. Об ожесточенных боях защитников столицы. — «Красная звезда». 25 ноября; Под Москвой должен начаться разгром врага! — «Правда». 27 ноября; Подмосковная битва разгорается на всех участках. — «Красная звезда». 29 ноября; Высокоостровский Л. Разгромить фашистскую группировку, угрожающую обходом Москвы: Оборонительные бои частей Кузнецова, Федотова, Рябова под Москвой. — «Красная звезда». 3 декабря.
- ¹¹ Рутберг Я. Как выбивали немцев: (О боях за Калинин). — «Известия». 17 декабря; Родионов Ю. Чувствительный удар частей Полосухина: Западный фронт. — «Московский большевик». 9 декабря; Кармен Р. Не забудутся эти дни. (О действиях частей генерала Рокоссовского на волоколамском направлении). — «Известия». 10 декабря; Хитров И. Бои за Крюково. (О разгроме противника в этом районе 7 декабря). — «Красная звезда». 13 декабря; Алексеев С. Как была отбита Руза — «Комсомольская правда». 20 декабря; Белявский П. Вчера на Можайском направлении: Наступление войск генерала Говорова против немецких дивизий и французского добровольческого легиона. — «Известия». 19 декабря; Болтин Е. Два месяца боев за Наро-Фоминск. — «Известия». 28 декабря; Костенко Ф.Я. Как были разгромлены 45-я и 95-я немецкие дивизии: Беседа с генерал-лейтенантом Ф.Я. Костенко. — «Правда». 12 декабря, «Труд». 13 декабря; Рузов М. Успехи частей т. Городнянского: (О разгроме 134-й пехотной дивизии немцев на Юго-Западном фронте). — «Известия». 20 декабря.
- ¹² Долг наших войск: Передовая «Неотступное преследование врага без замедления, истребление живой силы и уничтожение техники»; Гнать врага без остановки: «О наступлении наших войск на всех участках советско-германского фронта». — «Красная звезда». 11 января и 1 февраля 1942 г.;
- ¹³ Восемь против восемнадцати! — «Красная звезда». 1941. 17 августа; Колосов М, Спиров М. Зоркие часовые столицы (О службе ВНОС на подступах к столице). — «Красная звезда». 1942. 16 января; Устинов А. 5700 боевых вылетов (120-й истребительный авиационный полк). — «Правда». 10 марта; 215 боевых вылетов старшего политрука Руденко (комиссара Н-ского иап Западного фронта). — «Красная звезда». 24 апреля.
- ¹⁴ Смелый рейд танкового экипажа (О младшем лейтенанте С.Х. Горобце). — «Правда». 20 октября; О подвиге орудийного номера рядового Дыскина Е.А. (Будучи четырежды раненым он подбил семь вражеских танков). — «Комсомольская правда». 28 ноября; Лавриненко Д.Ф. — танкист (Он уничтожил 40 немецких танков). — «Комсомольская правда». 13 декабря; Город Калинин снова в наших руках, а генерал-майор Поленов В.С. водружает знамя над городом. — «Известия». 18 декабря.
- ¹⁵ Любимов С. Мы не забудем тебя, Таня. — «Комсомольская правда». 27 января; Лидов П. Кто была Таня. — «Правда». 17 февраля; Пожарская Екатерина (Партизанский командир). — «Московский большевик». 2 марта и др.

- ¹⁶ Не забудется подвиг москвичей — строителей оборонительных сооружений. — «Известия». 5 марта; Полякова Ю. Москвичи на боевой вахте. — «Московский большевик». 1941. 25 июля; Никитин Г. Самоотверженные борцы с огнем. — «Московский комсомолец», «Труд». 1941. 1 августа и др.
- ¹⁷ Сталин И. В. Сочинения. Том 16. С. 68–69.
- ¹⁸ Лившиц Н. Л. Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву. М., 1948; Полковник Васильев А. В. Великая победа под Москвой. М., 1953 и др.
- ¹⁹ Серегин П. П. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1957; Героическая оборона Москвы 1941 года. М., 1957; Самсонов А. М. Великая битва под Москвой. 1941–1942. М., 1958; Великая битва под Москвой (авторы А. М. Самсонов, Д. М. Проэктор, Ф. И. Тамонов и др.). Краткий исторический очерк. М., 1961; Удар конногвардейцев. Очерк о боевых действиях 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (Ноябрь 1941 — июнь 1942 гг.) М., 1961; Буков К. И. Победа под Москвой. М., 1962; Колесник А. Д. Немеркнущая слава защитников Москвы. М., 1964; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Под ред. Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. М., 1964 и др.
- ²⁰ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 374.
- ²¹ Вторая мировая война 1939–1945. М., 1958; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1958; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1–6. М., 1963–1965. Т. 2 и др.
- ²² Соловьев В. К. Под Наро-Фоминском. Записки участника обороны Москвы. М., 1953; Момыш-Улы Б. У генерала Панфилова. Калинин, 1956; Гудзь П. Д. Пятнадцать лет назад. — «Танкист». 1957. № 1; Лобачев А. А. Героические подвиги саперов под Москвой. — «Военно-инженерный журнал» 1957. № 11; Советские летчики в Московской битве. — «Вестник воздушного флота». 1957. № 4; Кузнецов В. И. 1-я ударная армия в боях под Москвой. — «Военно-исторический журнал». 1961. № 12; За Москву, За Родину! (Сборник воспоминаний участников боев). М., 1964; Белов П. А. За нами Москва. М., 1963; Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963 и др.
- ²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973; Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972; Конев И. С. В битве за Москву. — «Юность». М., 1976. № 12; Конев И. С. Начало Московской битвы. — «Военно-исторический журнал». 1966. № 10; Голиков Ф. И. В Московской битве. Записки командарма. М., 1967; Телегин К. Ф. Не отдали Москвы! М., 1968; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968; Белобородов А. П. Всегда в бою. М., 1979 и др.
- ²⁴ Некрич А. М. 1941. 22 июня. М., 1965.
- ²⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4.
- ²⁶ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Том пятый. Книга первая (1938–1945). М., 1977. С. 228–247.
- ²⁷ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткая хроника). Изд. 2-е. М., 1970; Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника. М., 1981; Москва и Московская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 М., 1986.
- ²⁸ «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз»; «Решения, повлиявшие на ход русской кампании 1941–1945 гг.»; «Сражение за Москву»; «Русские методы боевых действий»; «Военные импровизации в ходе русской кампании»; «Влияние погодных условий на ход боевых действий в России» и еще 18 книг в серии — «Немецкие военные исследования по вопросам Второй мировой войны». Нью-Йорк, 1956–1961.
- ²⁹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. /Пер. с нем./ М., 1956; Типпельскирх К. История Второй мировой войны. /Пер. с нем./ — М., 1956; Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. /Пер. с англ./ М., 1956; Бредли О. Записки солдата /Пер. с англ./ М., 1957; Роковые решения. М., 1958; Гот Г. Танковые операции. /Пер. с нем./ М., 1961; Батлер Дж. и др. Большая стратегия М., 1967.
- ³⁰ The Russian front, Germanys War in the East. 1941–1945. Brett-Smith R Hitlers generals. London, 1976; Dupuy T. The Military Life of Adolf Hitler, Fuhrer of Germany. New-York, 1970; Grundzuge der Geschichte, Oberstufe: Textbuch H. Frankfurt a/M/ 1972; Dictionnaire de la Seconde gueve mondiale. Paris, 1980, t. 2.
- ³¹ Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. Albuquerque, 1970, p. 150.
- ³² Gooper L. Many Roads to Moscow. New-York, 1968; Armor, 1969, n. 6, p. 54/
- ³³ Reid A. Concise Encyclopedia of the Second World War. London, 1974; Bradley D. Generaloberst Heinz Guderian. Osnabruck, 1978; Der Große Atlas zum 11 Weltkrieg. Munchen, 1975; World War 11. London, 1977; Deutsche Geschichte seit dem Weltkrieg. Bd. 2. Munchen, 1973.
- ³⁴ Hitler, Deutschland und die Machte. Dusseldorf. 1977. S. 639.
- ³⁵ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Пер. с нем. — М., 1980. С 348–349; Hildebrand K. Vom Reih zum Wltreich. Munchen, 1969. S. 7.
- ³⁶ Вегнер В. Второй поход Гитлера против Советского Союза. — В книге «Вторая мировая война. Дискусии. Основные тенденции. Результаты исследований». /Пер. с нем./ М., 1966. С 523.

- ³⁷ Below N. Als Hitlers Adjutant 1937–1945. — Mainz, 1980. S. 300.
- ³⁸ Битва под Москвой. М., Воениздат. 1989.
- ³⁹ См: Самсонов А. М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений к великой победе. М., Московский Рабочий, 1987.
- ⁴⁰ Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., Наука. 1989
- ⁴¹ Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». 2-е изд. М., «Московский рабочий», 1987.
- ⁴² Ортенберг Д. И. Год 1942. Рассказ — хроника. М., Политиздат, 1988.
- ⁴³ «Московская правда». 1985. 5 декабря и материалы М. И. Козырева.
- ⁴⁴ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1984. С. 122, 125.
- ⁴⁵ Сборник документов Верховного Главнокомандующего за период Великой Отечественной войны в 4-х выпусках. М., 1968; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны в 43-х выпусках М., 1947–1960. Из них посвящены событиям Московской битвы: вып. 6 (1948); вып. 20 (1954); вып. 25 (1955); вып. 43 (1960).
- ⁴⁶ См. Битва за столицу. Сборник документов в 2-х томах. М., 1994; Москва военная. Мемуары, архивные документы. М., 1995; Битва под Москвой. Сборник документов. — Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–!). М., 1997; Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. — Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–!). М., 1996; Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. — Русский Архив. Т. 16 (5–2). — М., 1996; Московская битва в Постановлениях Государственного Комитета Обороны. М., 2001; Россия СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Москва прифронтовая 1941–1942. Архивные документы и материалы. — М., 2001; Стратегические операции Великой Отечественной войны. Статистический анализ. М., 2004 и др.
- ⁴⁷ См.: Минкин А. Чья победа. — «Социум». 1991. № 6–7.
- ⁴⁸ См.: Портнов А. Разгром советских войск под Москвой. — «Столица». 1991. № 5; Портнов А. Горькая правда и сладкая ложь. — «Столица». 1992. № 46–47.
- ⁴⁹ Комаров Н. Я., Куманев Г. А. Великая битва под Москвой. Летопись важнейших событий. Комментарии. М., 2000; Комаров Н. Я., Куманев Г. А. Битва под Москвой. Пролог к Великой Победе: исторический дневник Комментарии. М., 2005; Битва под Москвой: Хроника, факты, люди: В 2 кн. /Рук. авт. колл. В. А. Жилин. М., 2001. (Далее: Жилин В. А. Битва под Москвой); Московская битва в хронике фактов и событий. /В. П. Филатов и др./, М., 2004; Мельников В. М. Трагедия и бессмертие 33-й армии. В 2-х книгах. М., 2006 и др.
- ⁵⁰ Московская битва в хронике фактов и событий. М., Воениздат. 2004.
- ⁵¹ «Московский комсомолец». 2001. 14, 20, 26 и 28 ноября.

И врагу никогда не добиться...

М. Ю. Мягков*

В конце октября 1941 г. враг стоял уже у ворот столицы. Чтобы снять непосредственную угрозу городу, необходимо было подготовить контрнаступление с использованием новых воинских соединений. Но начавшееся в середине ноября второе наступление немцев на Москву заставило на время отказаться от этого замысла. Для отражения вражеских ударов потребовалось привлечь значительную часть готовившихся резервов. Нужда в них была весьма острой особенно после падения Солнечногорска. Поэтому 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву семи резервных армий. Причем поставленные перед ними задачи носили первоначально оборонительный характер. Так, 10-я армия должна была не допустить выдвижение противника на Рязань, 26-я — в направлении Коломны, 61-я армия — к Рязанью и Раненбургу и т. д.¹

Но и тянуть с переходом в контрнаступление теперь было нельзя, иначе противник мог, не добившись поставленной цели, занять жесткую оборону, по-прежнему находясь на ближайших подступах к Москве. 29 ноября командующий Западным фронтом Г. К. Жуков попросил Сталина отдать приказ о переходе в наступление. Жуков вспоминал: «...29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...

[Сталин]...А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет

возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

[Жуков]...Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами...

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили решение Ставки о передаче Западному фронту 1-й ударной и 10-й армий и всех соединений 20-й армии...»².

Рассмотрев предложения Жукова, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял из себя его план? По существу, для доклада Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней. В объяснительной записке от 30 ноября 1941 г. говорилось:

- «1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их вооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армиям и армии Голикова — с утра 3–4 декабря, 30-й армии — 5–6 декабря.
2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.
3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана

---

* Михаил Юрьевич Мягков — д.и.н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Чтобы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5-я, 33-я, 43-я, 49-я и 50-я армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.
5. Главная группировка авиации ($\frac{3}{4}$) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть — с левой, армией генерал-лейтенанта Голикова».

Под документом стояли подписи Жукова, Соколовского³ и Булганина⁴. Передавая документ через заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Василевского, Жуков тогда же написал несколько строк непосредственно для него: «Прошу срочно доложить Народному Комиссару Оборона т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». Резолюция Сталина была короткой: «Согласен. И. Сталин»⁵.

Таким образом, замысел контрнаступления не предусматривал глубокой и далеко идущей операции. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить их на несколько десятков километров от Москвы. Немецкому военному руководству не удалось получить достоверных данных, раскрывающих замысел советской стороны⁶. ГА «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 г., так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу по взятию советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. На северо-западе от Москвы немцам на короткое время удалось достичь Красной Поляны, откуда они могли вести уже огонь из тяжелых орудий по Москве, а также использовать этот район в качестве плацдарма для удара по городу.

Чтобы предотвратить это, советское командование перебросило на этот участок дополнительные сухопутные силы и приказало нанести по германским позициям бомбово-штурмовой удар. Начальник штаба 6-го ИАК полковник И. И. Комаров вспоминал впоследствии о налете на немецкую группировку в районе Красной Поляны 4 декабря 1941 г.: «После двух часов штурмовки все они (немцы) вылезли (из окопов) и бежали. Все дороги заполнились спецмашинами, танками, повозками. И в этот момент мы

их били, били и били...». Борьба в окрестностях Красной Поляны продолжалась, однако, несколько дней⁷.

Кульминационный момент сражений под Москвой наступил, когда положение ГА «Центр», как отмечал академик А. Самсонов, стало характеризоваться следующими факторами:

- армии фон Бока растянулись одним эшелонном на фронте до 1000 км;
- над фланговыми группировками ГА «Центр» нависли с севера войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов;
- коммуникации группы фон Бока подвергались постоянным ударам советских партизан и авиации;
- к тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная армия была подготовлена намного лучше⁸.

В осенне-зимних боях 1941 г. части вермахта понесли большие потери, многие части были, по существу, обескровлены. Всего немцы с 16 ноября до начала декабря 1941 г. потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, 300 орудий, около 800 танков и до 1500 самолетов⁹. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября советские войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной армии на центральном участке фронта.

Время для удара по войскам ГА «Центр» было выбрано советским командованием очень удачно. Противник был истощен, но еще не перешел полностью к жесткой обороне. Нужно было использовать выгодную ситуацию, пока фон Бок не получил подкрепления из Германии и оккупированных стран Европы. Советская группировка под Москвой, несмотря на потери, за счет формировавшихся резервов к началу декабря включала в себя 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» к этому времени насчитывала 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Она превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8, танках — в 1,5 раза и только в самолетах уступала им в 1,6 раза.

По сути, это советское контрнаступление явилось уникальным явлением в мировой истории войн: переход от обороны к стратегическому наступлению осуществлялся меньшими, чем у противника силами. Но советские командование учитывало не только соотношения сил, но и другие факторы: измотанность немецких войск, отсутствие у них заранее подготовленных оборонительных позиций, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях, высокий моральный дух советских воинов.

Советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Наиболее чувствительными к ударам Красной Армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы фон Бока. Они практически до последнего момента не предпринимали никаких мер на случай отступления. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронтов, 7 декабря — Брянского фронта, подобно нарастающей лавине, двинулись вперед. Красноармейцы часто шли в атаку без привычной артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. В результате прорывов линии фронта среди части германских солдат и даже офицеров стали возникать панические настроения. Тем не менее овладение укрепленными пунктами противника нередко превращалось в жестокие кровопролитные сражения. В основной своей массе военнослужащие вермахта пока не готовы были признавать превосходство Красной армии и отчаянно сопротивлялись.

На северо-западных подступах к Москве с началом советского контрнаступления 1-я ударная, 16-я и 20-я армии нанесли 3-й танковой группе сильные удары в районах Яхромы, Красной Поляны и Крюкова и начали теснить ее части. Дивизии 4-й танковой группы были окончательно остановлены на линии, которая пересекала Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15–23 км от главного рубежа Московской зоны обороны, проходившего в районе современной Московской кольцевой автомобильной дороги. Командующий группой генерал Гепнер доложил фон Боку, что боевые силы его объединения быстро тают и он вынужден начать отход.

Южнее столицы 7 декабря перешла в наступление оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко (5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 129-я танковая бригада и 34-я мотострелковая бригада), которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта.

Главный удар пришелся по 95-й и 45-й пехотным дивизиям 2-й армии генерала Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассечены на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. 7 декабря генерал Шмидт сообщал в штаб ГА «Центр»: «На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил...»¹⁰.

Вскоре к наступлению группы Костенко присоединились еще более крупные силы советского Юго-Западного фронта — 13-я армия генерал-майора А. Городнянского и 3-я армии генерал-майора Я. Крейзера¹¹. Немцы оказались перед угрозой глубокого оперативного прорыва Красной армии на курском и орловском направлениях. Это создавало опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода немецкой 2-й танковой армии. В свою очередь, соединения 2-й танковой армии, атакованные ударными силами 10-й советской армии (командующий генерал-лейтенант Ф. И. Голиков) и оперативной группы генерал-майора П. А. Белова, вынуждены были уже 7 декабря 1941 г. оставить город Михайлов и начать отход от Тулы¹².

6 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» отдал приказ на отход части сил 3-й и 4-й танковых групп на новые рубежи. Для рытья окопов и постройки ДОТов укрепрайона Истра срочно перебрасывались саперы¹³. Отступая с оккупированной территории, германские войска оставляли за собой выжженную землю. На мирное советское население обрушились новые ужасающие бедствия. Античеловеческая сущность нацизма отразилась в приказе командира дивизии СС «Райх» от 8 декабря 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «...7) Все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования были бы сожжены без остатка. Для каждого дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7:00 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло внимание противника...»¹⁴. Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской армии. Причем созданием после себя «полной пустыни» занимались не только войска СС, но и обычные части вермахта.

Тем временем ГА «Центр» продолжала откатываться назад. Темпы советского контрнаступления нарастали. 11 декабря советские граждане наконец услышали из фронтовых

сводок то, о чем мечтали, на что надеялись и что считали неизбежным. В сводке Совинформбюро «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» сообщалось: «(...) С 16 ноября 1941 г. германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву... 6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»¹⁵.

После 8 декабря 1941 г. германское командование окончательно убедилось, что советское наступление грозит крупнейшим с начала войны поражением немецкой армии. Штаб ГА «Центр» был чрезвычайно обеспокоен тем, что войска Красной армии стремятся охватить кольцом соединения 3-й танковой группы и для этого развивают свой успех в направлении Клина¹⁶. В районе этого города развернулись сильные бои. Замысел советского наступления, известный сегодня под названием Клинско-Солнечногорской операции, заключался в том, чтобы ударами 30-й армии с севера и 1-й ударной, 20-й и 16-й армий с востока рассечь основные силы немецких 3-й и 4-й танковых групп в районе Клина, Истры, Солнечногорска, создав благоприятные условия для дальнейшего развития наступления на запад.

Немцы оказывали упорное сопротивление. Клин был узлом, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а всю эту группу — с тылом ГА «Центр». Выход советских частей к городу создавал серьезную угрозу всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии — с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск-Руза, немецкое командование продолжало цепляться за каждый удобный для обороны пункт. Темпы наступления 1-й ударной и 30-й советских армий в этот момент снизились. С другой стороны, переброска в этот район немецких частей облегчила наступательные действия другим войскам правого крыла Западного фронта

(16-й и 20-й армиям), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях¹⁷. 12 декабря 1941 г. советские войска освободили города Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу.

8 декабря 1941 г. Гитлер признал, наконец, что наступление на Москву в 1941 г. окончательно сорвалось. Он дал принципиальное согласие на отход своих войск на новые тыловые рубежи. Однако потребовал предварительно подготовить их: «отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках...» и т. п.¹⁸. В директиве фюрера говорилось о необходимости «прекращения всех крупных наступательных операций». Но признавать крах всего плана по разгрому СССР Гитлер не собирался. Дело в том, что Германия, по его мнению, вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военноморскую базу в Перл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. Гитлер был к этому психологически готов. Вступление Америки в войну, по его расчетам, должно было придать новый импульс боевым действиям на Восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году. Решение на переход к обороне было обусловлено Гитлером созданием предпосылок для возобновления в 1942 г. больших наступательных операций на южном фланге советско-германского фронта¹⁹.

Наступление частей РККА под Москвой развивалось по-разному: оно могло быть стремительным в одних районах, в других за опорные пункты противника шли многодневные кровопролитные бои. На разгром немецких частей у поселков Красная Поляна, Крюково, Ленино советские войска затратили 3–4 суток, у Клина — 6, у Наро-Фоминска — 9 и у Калинина — 12 суток. В течение 5 суток шли тяжелые бои на рубеже Истринского водохранилища и р. Истры, где немцы, взорвав плотину, сосредоточили два корпуса и пытались сорвать наступление 16-й армии Рокоссовского. И только, когда генерал организовал две подвижные группы для наступления в обход водохранилища и осуществил смелый маневр, немцы осознали, что могут попасть в окружение. Германским соединениям был отдан приказ быстро отходить на линию рек Лама и Руза. К 15 декабря подвижные группы 16-й армии совместно со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала Л. Доватора

начали преследование противника²⁰. Но за счет сокращения линии фронта и подхода резервов немцы в 2 раза увеличили плотность своей оперативной группировки и создали на ружском рубеже прочную оборону²¹.

Тем не менее в этих действиях советские воины ощутили уверенность в своих силах. Наступление Красной армии проводилось на широком фронте, и прорывы немецкой обороны неизбежно следовали один за другим. Командование Западного фронта подготовило специальную директиву относительно тактики наступления. Генерал армии Г. К. Жуков потребовал 9 декабря 1941 г. от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев. Он приказал шире применять обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и т. п. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника²².

Справедливости ради отметим, что приказ применять обходные маневры при наступлении был разослан командующим советскими фронтами и отдельными армиями еще утром 8 декабря 1941 г. В документе, подписанном начальником Генштаба Шапошниковым, говорилось: «При встрече с опорными пунктами противника оставлять на их фронте небольшие заслоны, а всеми силами стремительно развивать наступление на флангах, стыках и в промежутках его боевых порядков. ...Решительные и быстрые действия войск при наступлении должны сломить сопротивление противника, ...вызвать беспорядочный отход его частей и обеспечить наиболее полный разгром врага»²³.

Если говорить о первенстве в указании не бить врага в лоб, то оно принадлежит все же генералу армии Г. К. Жукову. Стремление применять обход логически вытекало из складывавшейся обстановки на фронте. Именно Жуков еще в ночь на 8 декабря послал радиogramму генералу Белову следующего содержания: «Если Вы хотите отличиться и иметь богатые трофеи, не жмите с фронта, а, придерживая, обходите быстрее противника юго-восточнее Венев; и не бойтесь смелых обходов, так как левее Вас действует армия Голикова, которая завтра будет подходить к Сталиногорску»²⁴.

Итог известен. В результате смелых действий частей генерала Белова и других советских командующих многие соединения про-

тивника оказались под угрозой окружения. Их отступление ускорилося и часто происходило беспорядочно. В районе южнее и юго-восточнее Тулы советские войска смогли захватить действительно богатые трофеи. На южном фланге ГА «Центр» отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой войска ГА «Центр» начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами продвинулись далее на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы фон Бока. Чтобы предотвратить катастрофу, немецкое командование решило срочно готовить новые тыловые рубежи. Сильной стороной германских пехотных подразделений было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути противника. Однако зимой 1941 г. частям вермахта приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала большого времени. 12 декабря 1941 г. штаб 9-й армии издал приказ широко использовать при строительстве укреплений (причем на самых тяжелых работах) местное население. Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы...»²⁵. Тысячи советских крестьян обрекались этим приказом на смерть от холода и голода.

Войска советских 30-й и 1-й ударной армий продолжали теснить соединения северного фланга ГА «Центр». 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. Конева²⁶. Угроза охвата немецких 9-й армии и 3-й танковой группы еще более возросла. Г. К. Жуков не намеревался давать противнику передышки. 16 декабря генерал Гепнер под давлением обстоятельств отдал распоряжение об отводе подчиненных ему сил далее на запад²⁷.

На южном фланге ГА «Центр» еще 9 декабря части Красной армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта (13-я армия и оперативная группа Костенко) смогли частично окружить елецкую группировку немцев.

14 декабря в контрнаступление включилась еще одна советская армия, 49-я (командующий

генерал И. Г. Захаркин). Войска Юго-Западного фронта (командующий до 18 декабря 1941 г. маршал С. К. Тимошенко) сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й армейский корпус 2-й армии. 21 декабря немецкое командование отдало приказ о его расформировании. Успешное взаимодействие войск левого фланга Западного и правого фланга Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю танковую армию на 80–100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Фон Бок принял решение возложить руководство боевыми операциями на этом участке целиком на генерала Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я танковая группа временно объединились в «армейскую группу Гудериана». Ей ставилась задача «остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска — район Новосиль — район Алексина...»²⁸.

Новое объединение немецких сил произошло 15 декабря 1941 г., когда войска 4 ТГр, с приданной ей 3 ТГр вошли в подчинение 9 А²⁹. Производились и другие изменения в составе группы армий, во многом вследствие быстро тающей боеспособности механизированных соединений. Танковые дивизии понесли значительные потери в людях и особенно в материальной части и не могли теперь рассматриваться как эффективные боевые единицы. Однако быстро исправить ситуацию подобными реорганизациями было невозможно. Для действенного заслона советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

16 декабря 1941 г. в ГА «Центр» от командования 2-й танковой армии пришло донесение, что:

- «артиллерия 4-й танковой дивизии (тд) состоит всего из трех легких и двух тяжелых батарей;
- 3-й танковой дивизии немедленно требуется несколько дней для отдыха;
- 4-я танковая дивизия вынуждена была в Веневе взорвать 14 танков из-за отсутствия запасных частей;
- танковая армия располагает еще распределенными по фронту около 40 танками, но их применение из-за условий погоды и местности в высшей степени ограничено».

В тот же день советские части вклинились в оборону 4-й армии противника на фронте р. Ока и Протва и продолжили теснить дивизии 4-й танковой группы, которые, как сообщалось в немецких донесениях, были «переутомлены,

истощены и из-за отсутствия горючего принуждены были бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части»³⁰.

Постоянное преследование Западным и Калининскими фронтами утомленных германских частей создавал условия, при которых вывод последних из боя грозил стать неконтролируемым процессом с полной потерей взаимодействия. 16 декабря 1941 г. в ситуацию вмешался лично фюрер. Гитлер отдал приказ, запрещавший проведение крупных отступательных операций — документ, известный также под названием «держаться». Он требовал фанатически упорного сопротивления противнику. Любое отступление могло производиться только с санкции вышестоящего начальства. Одновременно, приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов³¹.

В ночь на 17 декабря в соединения 2-й, 4-й, 9-й армий и 2-й танковой армии ушла телеграмма фон Бока с приказом о мерах по усилению стойкости войск. «...Только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, — говорилось в ней, — он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза...»³². Однако этот приказ не спас фон Бока от отставки. Гитлер уже решил, кого он уберет из «провинившихся» генералов. 18 декабря фон Бок передал свои полномочия новому командующему группой, фельдмаршалу Г. фон Клюге. Гитлер посчитал необходимым заменить на своем посту и командующего сухопутными войсками фон Браухича, который, по его мнению, был более не способен действовать в кризисной ситуации. 19 декабря Гитлер официально возложил на себя обязанности командующего сухопутными войсками Германии.

20 и 21 декабря 1941 г. новый командующий ГА «Центр» получил еще два приказа, содержащие требования проявлять фанатическую волю в защите территорий³³. Гитлер подчеркивал: «...каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен, чтобы противник был лишен мест расквартирования...»³⁴. Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941/42 г. показывает, что приказ Гитлера «держаться» был, вероятно, единственно приемлемым для вермахта выходом в тех условиях. Предотвратить панику и повторение в том или ином виде судьбы наполеоновской армии 1812 г. можно было

только чрезвычайными мерами. Но, казалось бы, единственно верное решение в более отдаленной перспективе вело к росту недоверия немецких солдат и офицеров к высшему руководству, узурпировавшему бывшие prerogatives младших военачальников. В донесениях генералов с фронта в штаб ГА «Центр» прослеживалось разочарование по поводу такого подхода. Отрицательная оценка, которую этот приказ получил среди значительной части военнослужащих вермахта, указывал на то, что дух и традиции германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни Гитлеру, ни его генералам уже никогда не удалось.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на ГА «Центр» продолжал усиливаться. С полной силой это проявилось на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула — Серпухов. 20 декабря обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий могла сравниться теперь с усиленным пехотным полком. Критической оставалась ситуация и на участке 4-й танковой группы. Ее штаб констатировал, что «в некоторых местах противнику удалось отрезать пути отступления...»³⁵. Генерал-полковник Гепнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г. крайне негативно отнесся к приказам вышестоящего командования, которые мешали, с его точки зрения, руководству войсками³⁶.

Приказ «держаться» повлиял на ожесточенность немецкого сопротивления. Это видно на примере боев за г. Волоколамск, к которому в середине декабря подошли соединения 16-й армии Рокоссовского. Еще ранним утром 18 декабря в штаб армии поступило распоряжение Жукова, который торопил с захватом города, имевшего важное значение для дальнейшего развития удара. В нем говорилось: «Ставка поручила лично Вам не позже 12 часов 18 декабря 1941 г. захватить г. Волоколамск силами группы Каткова и группы Ремизова. После захвата Волоколамска приказать Ремизову захватить Суворово и войти в подчинение командарма Кузнецова, которому и сообщить свое местонахождение... О захвате Волоколамска донести мне и Ставке не позже 16:00 18 декабря. Жуков»³⁷. Приказ следовало выполнять, однако сломить с ходу немецкую оборону Рокоссовский не смог. Бои за город продолжались еще два дня, и он был освобожден частями 16-й и 20-й армий при содействии 1-й ударной армии (генерала В. И. Кузнецова) Западного фронта только 20 декабря 1941 г.

В этот же день войска 1-й ударной армии вышли к реке Ламе, но попытки наших соединений сходу развить успех, достигнутый в ходе Клиньско-Солнечногорской операции, не удалось. Бои в этом районе приняли затяжной характер. Противник сумел создать на этом участке систему укреплений, вырыть окопы полного профиля и, опираясь на опорные пункты, сдерживать советский натиск. О тяжелых боях за окрестные деревни, когда схватки разгорались буквально за каждый дом или подвал, говорилось в донесении на имя Г. Жукова командующего 20-й армией А. Власова. Однако в этом документе последний лишь констатировал усилившееся германское сопротивление и возросшие собственные потери, не предлагая, по сути, никаких мер к подавлению вражеской обороны. Жуков, выразив недоумение подобным донесением, предложил его переделать³⁸.

На других участках фронта, используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части советских 39-й, 29-й, 10-й, 49-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сумели продвинуться на десятки километров вперед. Прорыв кавалеристов и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил немецких 2-й танковой армии и 2-й армии. Вскоре обозначился успех в полосе 43-й и 33-й советских армий. Причем здесь советским соединениям приходилось порой просто вгрызаться в немецкую оборону, так как враг успел создать на подступах к Наро-Фоминску и Боровску разветвленную систему укреплений. Тем не менее 26 декабря 33-я армия генерала М. Г. Ефремова освободила Наро-Фоминск, а 4 января — Боровск, в то время как 43-я армия заняла Балабаново, а 2 января выбила противника из Малоярославца. Южнее этого участка быстрыми темпами наступала на Калугу подвижная группа 50-й армии. Окончательно город был освобожден 30 декабря.

Ожесточенное сопротивление немцев вынуждало советское командование корректировать свои замыслы, отказываться от слишком самонадеянных планов захвата того или иного пункта к определенному сроку. Показательным в этой связи выглядит эпизод с освобождением Балабаново. Жуков в телеграмме генералу Голикову (43-я армия) от 20 декабря с литерой «только лично», попросил последнего захватить станцию уже к 21 декабря, «ко дню рождения Сталина». Голиков ответил, что готов принять все меры для «выполнения указания Военного

совета фронта»³⁹. Но Балабаново немцы оставили лишь через неделю — 28 декабря.

Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры со Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Советские офицеры показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Никогда раньше немцы не терпели столь очевидного и сокрушительного поражения. Безусловно, личные впечатления Идена от всего увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

О моральном эффекте вида брошенной вражеской техники и его влиянии на граждан страны говорилось в телеграмме члена Ставки ВГК Булганина от 16 декабря 1941 г. Находясь на недавно освобожденной территории в районе Яхромы, он писал Сталину и Жукову: «Количество разбитых средних и больших немецких танков, бронемашин и автовездеходов на дорогах, лесных просеках и в лесах... превосходит все наши представления. Местность производит впечатление настоящего разгрома бронетанковых частей фашистов. Проезжая, попутно видел лично не менее 60 разбитых танков и еще большее количество большегрузных автовездеходов... Считаю очень полезным обязать наши киноорганизации заснять картину этого разгрома фашистов»⁴⁰.

Советские киноорганизации действительно снимали кадры поражения ГА «Центр», и вскоре на экранах кинотеатров страны (23 февраля 1942 г.) появился документальный фильм Л. Варламова и И. Копалина «Разгром немецких войск под Москвой». Фильм имел огромную популярность не только в СССР, но и в союзных государствах. Так, в США он был переозвучен, адаптирован для американского зрителя и под названием «Moscow Strikes Back» («Москва наносит ответный удар») получил премию «Оскар».

Высшее военное руководство Германии, понимая неизбежность дальнейших жертв, неуклонно требовало удержания позиций. 24 декабря 1941 г. Гитлер отдал приказ, запрещающий дальнейший отход 2-й танковой армии, и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Гудериана. Он настаивал на «чрезвычайном напряжении всех сил», но не указывал, на какие

подкрепления можно рассчитывать⁴¹. Гудериан не имел права ослушаться Гитлера, но и выполнить приказ был не в состоянии. Поздним вечером 24 декабря генерал разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить населенный пункт Чернь, а 25 декабря попросил об отставке, которая и была немедленно удовлетворена. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Шмидт⁴².

23 декабря соединения 4-й армии генерала Кюблера, назначенного на этот пост вместо фон Клюге, дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малоярославец, а также 33-й и 43-й армий на наро-фоминском и боровском направлениях. Однако здесь фюрер все же позволил «отвести на запад правый фланг и центр 4-й армии «для устранения угрозы тылу»⁴³.

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление 39-й (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников) и соседних с ней армий. Начало наступления намечалось на 22 декабря⁴⁴. 30-я и 31-я армии Калининского фронта нанесли удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии — с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта, и разгромить 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Войска генерала И. С. Конева, занимавшие выгодное (охватывающее) положение по отношению к ГА «Центр», теперь могли использовать это обстоятельство при наступлении. Участок обороны 9-й немецкой армии стал в конце декабря 1941 г. — в начале января 1942 г. одним из самых напряженных.

29 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» доносил, что «на фронте 9 А противник продолжал ожесточенные атаки против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до 12 раз подряд. Северо-западнее Старица советские войска, ведя наступление силами не менее 4-х дивизий, осуществили главный прорыв...»⁴⁵. Командующий ГА «Центр» фон Клюге пока ничего не мог противопоставить успешным действиям советских войск. Группа армий получила в декабре пополнения в составе маршевых рот и батальонов всего 40,8 тыс. чел., тогда как ее потери составили 103,6 тыс. чел⁴⁶. У германского командования все острее созревало понимание, что одного приказа «держаться» недостаточно для укрепления стойкости войск. Необходимо было сокращать линию фронта, что возможно было осуществить только путем отхода.

Жуков и Конев продолжали операции с целью достижения новых прорывов, расчленения и окружения вражеских частей. Советский удар на Калугу образовал брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями ГА «Центр». После того как 31 декабря войска южного крыла Западного фронта начали наступление на Сухиничи, брешь между внутренними флангами 2 ТА и 4А расширилась. Сухиничи были атакованы с востока и с юга, тем временем 1-й гвардейский кавалерийский корпус продвинулся в направлении Юхнова⁴⁷. Немецкий историк К. Рейнгард отмечал, что войскам 2-й полевой и 2-й танковой армий тогда просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орел. Последний в то время был совершенно не подготовлен к обороне и его взятие частями Красной армией означало бы безусловный разгром немецких армий⁴⁸.

Это мнение германского историка весьма спорно. Остается вопросом, смогли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, войскам 10-й и 50-й армий предстояло тогда наступать в сторону от направления основных ударов Западного фронта, то есть по расходящимся направлениям, что угрожало их флангам. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт достаточных сил для взятия Орла не имел. Однако очевидно другое — немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Кризисное положение на этом участке могло стать причиной для более глубокого отступления германских соединений. 28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в донесении в штаб группы армий подчеркивало, что «от того, будет ли удержан рубеж Курск — Орел, полностью зависит ее судьба...»⁴⁹.

Сообщалось также, что в результате морозов ниже 25 градусов из строя вышло значительное количества транспортных средств. «Условия погоды, — отмечалось далее, — бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях...»⁵⁰. Командование 2-й армии констатировало, что «немцы не имеют хорошего зимнего обмундирования, а русские солдаты, у которых условия расквартирования значительно хуже, лучше переносят холод...»⁵¹.

1 января 1942 г. 2-я немецкая армия получила директиву, в которой указывалось, что «все командные инстанции должны уяснить себе, что дальнейший отход сильно ухудшит положение и состояние войск. Поэтому такой приказ будет

отдаваться армией только в случае крайней необходимости...»⁵². Относительно подвижности советских войск на тот период и их большей приспособленности к зимним условиям немцы были абсолютно правы. В частности, в Красной армии в широких масштабах началось формирование специальных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны противника и нападая на него с тылу. Вновь прибывавшие на передовую части и соединения, как правило, заблаговременно получали необходимую теплую амуницию — валенки, душегрейки, тулупы, теплые варежки и т. п. Случаи задержки подвоза были, но в сравнении с положением солдат вермахта, имевших зачастую лишь легкие шинели, ситуация в целом была неплохой. Не готовые к зиме гитлеровцы в основном утеплялись за счет реквизиций (а по сути, грабежа) местного населения.

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орел — Курск. Центр боевой активности сторон к юго-западу от Москвы сместился в район Сухиничей. Советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армиями. На то были объективные причины: части Красной армии, продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии и пополнении. Количество снарядов, приходившихся на орудие, в день часто не превышало одного-двух выстрелов. И это в период наступления!

В свою очередь, немецкая 2-я танковая армия, используя силы 208-й и 211-й пехотных дивизий, переброшенных с Запада, повела атаки с целью разблокирования немецких войск, оставшихся в Сухиничах. В соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном фланге Западного фронта должны были быть сосредоточены в полосе 43-й, 49-й и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении — на соединение с войсками Калининского фронта.

В начале 1942 г. Красная армия продолжала наносить удары по противнику. 7 января

контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление на всем советско-германском фронте. На совещании высшего руководства и командного состава РККА в Кремле 5 января по поводу дальнейших планов ведения войны в 1942 г. были высказаны различные точки зрения. Сталин настаивал на ударах по врагу сразу на нескольких направлениях. Главным оставалось Западное направление: сходящиеся удары Западного и Калининского фронтов на Вязьму и глубокий охват группировки противника силами левого крыла Северо-Западного фронта. Но намечались и активные действия на северном и южном флангах советско-германского фронта. Сталин считал, что противник сломлен, немцам не следует давать передышки ни на одном участке. «Гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.», — считал Верховный Главнокомандующий⁵³.

Г. К. Жуков был против решения Ставки о переходе к активным боевым действиям не только под Москвой, но и на флангах советско-германского фронта. Он предлагал Сталину вначале завершить наступление против группы армий «Центр», а на остальных участках занять пока прочную оборону. Но Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с выводом из состава своего Западного фронта 1-й ударной армии, которая была переброшена в район Демянска. Соответственно его войска оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла силу. Дело осложнялось и тем, что советское командование, переоценив результаты своих успехов, решило с ходу провести гигантскую операцию по окружению и разгрому всей группы армий «Центр».

Выполняя директивы Ставки ВГК, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронтов развернули наступление на ржевском, юхновском, сухиничском направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев — Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских соединений в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались крупные десантные части из состава 4-го воздушно-десантного корпуса. Первоначально успех сопутствовал ударной группировке Калининского фронта, которая прорвала оборону

противника в районе Ржева и, расчленив 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну на восток — к Ржеву, а другую — к станции Оленино. К исходу 10 января главные ее силы достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Ставка потребовала от Конева «в течение 11-го и ни в коем случае не позже 12 января овладеть г. Ржев»⁵⁴. Ставка ВГК и Генштаб требовали от советских войск в начале января более энергичного натиска на врага. Для этого предписывалось отказаться от шаблонных методов наступления. Среди таких документов выделяется директива, подписанная Сталиным и Василевским, которая к 10 января поступила командованию, фронтов, армий и была доведена до дивизионных командиров. В ней, в частности, говорилось: «...наступление может дать эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил... Для этого необходимо, чтобы каждой армии, ставя себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде 3–4-х дивизий, сосредоточенная для прорыва на отдельном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии. То же самое можно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления... Понятно, что ударная группа фронта является более мощной...». Предлагалось также шире применять артиллерийское наступление, то есть непосредственную и постоянную поддержку наступающих артиллерийским огнем, подавляющем огневые точки врага⁵⁵. В соответствующем распоряжении штаба 22-й армии Калининского фронта от 10 января было сформулировано категорическое требование: «...прекратить практику наступления цепочкой, во всех случаях создавать ударные группы. Боевые порядки ударных групп строить эшелонами... Наступление продолжать безостановочно, до выхода за оборонительную полосу...»⁵⁶.

В начале января 1942 г. фактически рухнул немецкий фронт в районе Медыни. Севернее города образовалась брешь, через которую устремились вперед крупные советские силы. Угроза захвата Юхнова и быстрого продвижения частей Красной армии к Вязьме стала реальностью. Выход соединений Западного фронта в тыл 4-й полевой и 4-й танковой армий раскалывал войска ГА «Центр» на две части. Для Ставки ВГК вырисовывалась перспектива полного окружения и уничтожения по частям германской группировки к западу от Москвы. Бои за Мединь начались 8 января. Наступление 1-го гвардей-

ского кавкорпуса генерал-майора Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации путей снабжения расположенных здесь немецких частей. Генерал-полковник Гепнер (командующий 4-й танковой армией) отдал 8 января 1942 г. приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже вечером того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место назначился генерал пехоты Р. Руофф (командующий 5-м армейским корпусом).

Продвижение советских войск на запад по своему замыслу и исполнению выглядело весьма смелым и даже дерзким. Части 50-й, 49-й и 43-й советских армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее в районе Вереи активно действовали соединения 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Выход этой армии на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям ГА «Центр» и непосредственно городу Вязьме — важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск.

К середине января 1942 г. фронт ГА «Центр» был прорван в нескольких местах: на севере — под Ржевом, в центре — севернее Медыни, на юге — в районе Сухиничей. Понимая, что дальнейшая борьба на существующих рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Клюге 14 января 1942 г. отправил секретное донесение начальнику генерального штаба ОКХ. Он предложил немедленный и планомерный отход на линию озеро Жеданье — Ржев — Погорелое Городище, а также восточнее Гжатск — Юхнов — южнее и западнее Сухиничи. Это объяснялось необходимостью закрыть брешь в районе Медыни и улучшить снабжение войск. По выражению Клюге, отвод войск являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»⁵⁷.

Вопрос крушения фронта ГА «Центр» становился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам Гитлер. Видимо, он почувствовал, что возможности жесткой обороны исчерпаны. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, фюрер принял решение отступить. 15 января 1942 г., в 21 час. 00 мин. в штаб ГА «Центр» ушла директива об отводе войск на новый оборонительный рубеж. Предусматривался отход сил 4-й армии, 4-й и 3-й танковых армий на линию севернее Ржев — восточнее Зубцов — восточнее Гжатск

и восточнее Юхнов. Гитлер приказал как можно скорее закрыть бреши в районе Ржева и Медыни и освободить окруженные в районе Сухиничи немецкие силы. При отступлении войска ГА «Центр» должны были руководствоваться следующими принципами: «отступать маленькими шагами. Подготовить снабжение... Неизбежные материальные потери свести до минимума... Все населенные пункты сжигать, печи взрывать...»⁵⁸.

Отход ГА «Центр», несмотря на все издержки и потерю части вооружения, давал немцам очевидные преимущества:

- сокращалась общая протяженность линии фронта (примерно на 100 км);
- появлялась свобода маневра и возможность создать группы для проведения контрударов;
- немецкие части могли теперь в большей мере опираться на сильно укрепленные населенные пункты, часть из которых являлась узлами транспортных сообщений (Ржев, Сычевка, Вязьма, Юхнов и др.). В условиях зимнего времени это было особенно важно, так как ГА «Центр» получала лучшие, чем у противника, возможности для отдыха личного состава в натопленных помещениях и быстрой перегруппировки своих соединений;
- германские части сумели в основном избавиться от губительной паники и значительно обескровить своими действиями некоторые советские соединения, сбить их наступательный порыв;
- наконец, в тылу группы Клюге были построены (хотя еще и не до конца) серьезные оборонительные позиции, на которые отходились теперь немецкие войска.

В то же время отход сразу 11 немецких корпусов не мог не вызвать у Сталина чувства удовлетворения. Враг отступает! Верховный принимает решение еще более усилить натиск на вражеские позиции⁵⁹. До конца января вели активные наступательные действия войска правого крыла и центра Западного фронта. 20 января они освободили Можайск, а 22 января — ст. Уваровку. Однако уже 25 января они столкнулись с мощным противодействием германских сил, занявших зимние позиции. Советские потери резко возросли, тогда как выбить немцев из их укрепленных пунктов было невероятно трудно. Серьезного успеха, правда, добилась 33-я армия генерала М. Г. Ефремова, пробив брешь в еще слабой вражеской обороне севернее Юхнова и устремившаяся в нее в направлении на Вязьму.

К концу января ефремовцы были уже в 7–8 км от окраин города, что с большой тревогой было воспринято в штабе ГА «Центр».

Однако одна из реалий зимы 1942 г. — выход ряда соединений советских Западного и Калининского фронтов в тыл немецкой обороны — теперь могла обернуться против них. Частям Красной армии в районе Ржева и Медыни так и не удалось решающим образом переломить ситуацию в свою пользу, окружить и уничтожить соединения ГА «Центр». 29-я, 39-я армии Калининского, 33-я армия Западного фронтов пробили лишь узкие бреши в немецкой обороне. Очевидной стала измотанность советских наступающих соединений. Им не хватало снабжения, пополнения личным составом. Быстрое продвижение вперед вынуждало оставлять оголенные фланги. Командование ГА «Центр», напротив, получило реальный шанс воспользоваться нараставшими трудностями Красной армии. Постепенно высвобождавшиеся после отхода немецкие резервы готовились теперь к ликвидации глубоких советских прорывов.

В середине января 1942 г. Калининский фронт силами 29-й и 39-й армий, других соединений продолжал вести наступление в общем направлении на Вязьму. 9-я армия Моделя, неся большие потери, отступала. Бои принимали все более ожесточенный характер. Брешь между 6-м и 23-м армейскими корпусами северо-западнее Ржева пока оставалась открытой. Немецкий 6-й армейский корпус, на войска которого была возложена задача «любой ценой удержать «краеугольный камень обороны г. Ржев», по данным на 10 января 1942 г., насчитывал в своем составе всего до 10 тыс. человек боеспособных военнослужащих. Из предназначавшегося для корпуса пополнения около 5 тыс. человек в результате заболеваний и обморожений к фронту прибыло всего 20%. После 10 января 1942 г. в течение целой недели корпусу пополнение вовсе не выделялось, хотя его потери в первой половине января от боевых действий и морозов достигали в иной день 500 человек⁶⁰.

Тем не менее германское командование имело намерение во что бы то ни стало закрыть брешь под Ржевом. 22 января 1942 г. соединения 9-й армии при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость советских позиций, незащищенность коммуникаций, по которым шло снабжение частей Красной армии, усталость бойцов РККА сдела-

ли невозможным оказание эффективного противодействия внезапной атаке немецких сил. 23 января связь между 6-м и 23-м немецкими корпусами была восстановлена. Тем самым были перерезаны линии снабжения советских частей, продвинувшихся ранее в южном направлении на Вязьму, и одновременно закрыты пути отхода на север для 29-й и 39-й советских армий.

Нестабильным оставалось положение в районе г. Белый (ныне — Тверская область). Соединения советских 22-й и 4-й ударной армий несколько раз пытались захватить город и даже в один момент ворвались на его окраины. Но уже вскоре они были выбиты из города частями 246-й пехотной дивизии вермахта. Немцы превратили Белый в свою крепость; нечто подобное они сделали со Ржевом, Сухиничами, а позднее — и с другими городами. По мнению фюрера, удержание таких ключевых пунктов должно было не только повлиять на общую ситуацию на фронте, но и повысить боевой дух германской армии, стать примером стойкости солдат вермахта. Юго-западнее Белого продолжалось наступление сил Красной армии на Демидов и Витебск, юго-восточнее города — на Вязьму.

Но, оседлав автотрассу, проходящую через Белый, командующий ГА «Центр» мог надеяться на ликвидацию угрозы оленинской группировке 9-й армии⁶¹. Сохранение немецкого выступа в этом районе, разрезающего советский фронт и уходящего далеко в тыл наступающих армий генерала Конева, позволяло фон Клюге надеяться на замедление темпов советского продвижения на вяземском и смоленском направлениях. Кстати, нечто подобное два месяца назад немцы испытали на собственном участке наступления в районе Тулы.

Однако натиск 39-й армии и 11-го кавкорпуса фронта генерала Конева в южном направлении пока не ослабевал. Части 11-го кавкорпуса полковника С. Соколова в конце января приблизились к Смоленскому шоссе западнее Вязьмы, но взять город не смогли. 29-я советская армия вела ожесточенные схватки с 6-м, 23-м и 46-м корпусами вермахта. В то же время 4-я ударная армия продолжила наступательные действия южнее Жарковский. Борьба с отрезанными соединениями РККА приняла затяжной характер. Прорвавшиеся советские части оказались примерно в таком же положении, в каком были до недавнего времени немецкие соединения 9-й армии. К 5 февраля 1942 г., как отмечалось в донесении штаба соединения Моделя, противник

[29-я советская армия] был «сдавлен в районе Манчалово». Предполагалась его скорая и окончательная ликвидация⁶².

Если на северном фланге ГА «Центр» кризис был в основном преодолен, то в полосе 4-й армии и 4-й танковой армии немецкий фронт едва держался. Ситуация вышла из-под контроля, когда в середине января 1942 г. обозначился уже упомянутый успех 33-й советской армии. Ставка ВГК и сам командующий армией генерал Ефремов рассчитывали на быстрый захват Вязьмы. Оперативная обстановка позволяла надеяться на выход крупных сил Красной армии в тыл ГА «Центр» и соединение частей Западного фронта (конкретно — ударной группы 33-й армии во главе с командующим армией и группы Белова) с частями Калининского фронта, продвигавшимися к Вязьме с севера. Чтобы облегчить прорыв соединений Ефремова и Белова, с 18 по 21 января 1942 г. в районе населенных пунктов Знаменка и Желанье были десантированы части 250-го воздушно-десантного полка и 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкую оборону с тыла, а затем соединиться с главными наступающими силами Красной армии. Генерал Ефремов, опытный военачальник, твердо руководил своими войсками. Он создал именно то, что хотели видеть на фронте и Сталин, и Жуков, — ударную группу, способную пронзить вражескую оборону, обойти вражеские укрепленные пункты и быстро продвинуться вперед. Но насколько ему это удалось?

Удачно войдя в прорыв, советские войска вышли в тыл немецкой обороны, в результате чего между 4-й полевой и 4-й танковой армией образовалась широкая брешь севернее Юхнова. Фюрер был разгневан. По его мнению, командующий 4-й армией А. Кюблер не справился со своими обязанностями и не оправдал возложенных на него надежд. 21 января он был заменен командиром 43-го армейского корпуса генералом пехоты Г. Хейнрици. 27 января 1942 г. командующий ГА «Центр» приказал: «4 А атаковать 29.01.42 всеми имеющимися в распоряжении силами сильный восточный фланг в направлении Желанье, Мелентьево... 20 тд [4 ТА] — установить связь с частями 4 А вдоль шоссе Егорье — Кулеши — Юхнов...». 4-й армии предписывалось также осуществить отход и, «повернув на восток, занять окончательные позиции в прежней бреші между обеими армиями...»⁶³. Частям 5-й танковой дивизии ставилась задача восстановить положение юго-восточнее

Вязьмы, где действовали в то время передовые подразделения ударной группы 33-й армии, группы Белова, а также десантники. Удержание Вязьмы стало для немцев фактором стратегического значения.

Ударная группа 33-й армии — 113-я, 338-я, 160-я и 329-я стрелковые дивизии (329-я дивизия была передана из состава 5-й армии только 31 января 1942 г.) — продвигалась к Вязьме практически все время в походных колоннах, пока без сильного противодействия со стороны немцев. Большое беспокойство у командования ГА «Центр» вызывали и действия группы Белова, которая 25–30 января прорвалась через Варшавское шоссе в район Федотково. Там она установила связь с одним из воздушно-десантных отрядов. Белов также стремился к Вязьме, но продвигался к ней южнее 33-й армии. Немцам удалось 1 февраля захватить в плен несколько бойцов из 1-го гвардейского кавкорпуса (этот корпус, собственно, и составлял основу группы Белова) и выяснить, что крупные силы советской кавалерии уже «перешли через Варшавское шоссе в северном направлении»⁶⁴.

2 февраля группа Белова была уже в 12 км южнее Вязьмы, у д. Стогово. Однако в тот же день немецкие соединения 40-го и 13-го корпусов 4-й армии перерезали узкий коридор у Варшавского шоссе. Советские части не успели перевести через дорогу большую часть артиллерии и зенитных средств. Несмотря на это, Белов получил приказ продолжать рейд, не ввязываясь в затяжные бои. С этого времени группа начала действовать в полном отрыве от главных сил фронта⁶⁵.

Закрывать брешь в районе прорыва 33-й армии немцам было сложнее. Отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ оценивал обстановку на 2 февраля следующим образом: «...Силами [советских] 43 А и 33 А нанесен удар в брешь, образованную между [немецкими] 4 А и 4 ТА. Цель удара — подтянуть значительные силы в тыл танковой армии [4 ТА]. Общее направление удара — Вязьма... Противник сосредоточил в прорыве перед 4 А около восьми стрелковых дивизий, две–три стрелковые бригады и одну танковую бригаду...»⁶⁶. Фактически же в упомянутый прорыв были введены только четыре стрелковые дивизии под общим командованием генерала Ефремова; кавалеристы Белова и десантники действовали на другом участке, не входя пока во взаимодействие с ударной группой 33-й армии. Советские части

находились уже на окраинах Вязьмы. Ставка и фронтовое командование надеялось на раскол немецкого фронта и возможное окружение значительных сил ГА «Центр».

Но в ночь на 3 февраля 1942 г. немецкие войска нанесли решительные удары по флангам 33-й армии и перерезали слабо защищенный коридор, через который группа Ефремова вошла в прорыв на Вязьму. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на этом участке фронта. В результате ночного боя, временами переходящего в рукопашную, немцы захватили Воскресенск (юго-западнее железнодорожной станции Угрюмово). Бой продолжался всю ночь, утро и последующий день. Лишь вечером 3 февраля брешь за ударной группой 33-й армии была полностью закрыта⁶⁷. В окружении юго-восточнее Вязьмы оказались четыре дивизии 33-й армии во главе со своим командующим генерал-лейтенантом Ефремовым. Общая численность отрезанной группировки (с учетом проведенной мобилизации новобранцев) доходила в феврале–апреле 1942 г. до 10 тыс. человек.

Был ли виноват сам генерал Ефремов в том положении, в котором оказались его войска? До сих пор этот вопрос остается спорным в историографии Московской битвы. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Приказ на отход пришел как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу ГА «Центр». Отвод войск на зимние оборонительные позиции не только укрепил оборону немцев, но и позволил им высвободить достаточные силы для нанесения контрударов.

С другой стороны, советское командование слишком поздно осознало, что прошел тот период, когда можно было дерзко (без оглядки на фланговые угрозы) продвигаться вперед. Об этом с некоторым запозданием (и, очевидно, оправдывая и собственный просчет. — М. М.) писал в своей директиве командующий Западным фронтом 13 февраля 1942 г.: «Ниже сего объявляется для руководства и неукоснительного исполнения директива командующего Западным фронтом. В последнее время противник,

используя прямолинейность в действиях наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на флангах, применяет приемы отрезания головных боевых порядков, вклинившихся в его расположение. Такое положение получилось в 50-й армии Болдина и 33-й армии Ефремова. Мои указания об использовании вторых и последующих эшелонов и боевых порядков для разворота и расширения в сторону флангов командиры Болдин и Ефремов не выполнили, чем поставили головные части армий в затруднительное положение. Приказываю:

Одновременно со смелыми и решительными действиями по вклинению головных эшелонов боевых порядков в расположение противника, вторым и последующим эшелонам быстро расширять прорыв в сторону фланга и уничтожать блокированного в населенных пунктах противника. Особой заботой командиров всех степеней иметь прочное обеспечение охранением и непрерывной разведкой на флангах наступающих соединений, частей и подразделений. Настоящий приказ немедленно довести до исполнения, вплоть до командиров батальонов включительно»⁶⁸.

Никто не будет оспаривать правильность выдвинутых в директиве Жукова тезисов о необходимости учитывать фланговую угрозу. Но в тех обстоятельствах действовать по всем правилам военной науки Ефремов просто не мог. У него не было сил, чтобы «расширяться в сторону флангов», у Жукова тоже не было резервов, чтобы помочь ему в этом деле. В целом не хватало еще и опыта для проведения таких смелых операций с безупречным качеством. Этому надо было учиться, к сожалению, оплачивая учебу большой кровью.

Отметим, что боевые действия соединений генерала Ефремова в окружении продолжались еще два с половиной месяца, до 18–19 апреля 1942 г. В феврале–апреле 1942 г. войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе генерала Ефремова. Жесткие бои развернулись на узком участке фронта, в районе впадения р. Воря в р. Угра. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу р. Угра, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерал-майора К. Д. Голубева долго, но в основном безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительными: до 5000 человек убитыми. Но эти жертвы оказались напрасными. В апреле 1942 г. генерал Ефремов, видя истощение сво-

их сил, обратился напрямую (через голову командования Западного фронта) в Ставку ВГК с просьбой разрешить ему выходить на восток по кратчайшему пути — через р. Угру⁶⁹.

Однако большинству ефремовцев пробиться на «большую землю» так и не удалось. Германские подвижные части смогли перехватить колонну советских войск на дороге Буслава — Беляево, а затем добить остатки группы Ефремова в районе деревень Жары, Новая Михайловка и Климов Завод. Из окружения вырвались лишь разрозненные подразделения численностью всего в несколько сотен человек. Примерно 600 бойцов ушли к партизанам отряда В. В. Жабо. Сам М. Г. Ефремов, геройски руководивший своими солдатами, во время боя был ранен. Не имея сил и далее продвигаться к линии фронта, он застрелился в районе деревни Климов Завод 18 апреля 1942 года⁷⁰.

Немецкие оценки сражений западнее Москвы в конце зимы — начале весны 1942 г. отражали реальную ситуацию на фронте противоборствующих сторон. Так, начальник штаба 4-й танковой армии генерал О. Реггигер отмечал в своем донесении в штаб ГА «Центр»: «Можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был отважно осуществлен. Однако русское командование переоценило боевую способность своих солдат и недооценило боевую способность наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв...»⁷¹.

Период затухания Ржевско-Вяземской операции лишь недавно стал предметом пристального рассмотрения отечественных историков. Итоги кровопролитных для обеих сторон боев под Ржевом, Сычевкой и Юхновом весной 1942 г. не только подвели черту под Московской битвой. Они во многом предопределили последующий характер боевых действий на Западном направлении вплоть до весны 1943 г.

Однако И. В. Сталин считал, что последнее слово в сражениях за столицу еще не сказано. 16 февраля он отдал приказ «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже» (на том рубеже, который существовал на 1 октября 1941 г. — М. М.). К тому же сроку намечалось разгромить и «болховско-жиздринско-брянскую» группировку врага. Как и следовало ожидать, добиться

успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные атаки, не удалось. 20 марта Сталин, считая, что не мытьем, так катаньем позиции врага все же могут быть «продавлены», отдал новое распоряжение о разгроме ржевско-вяземской группировки ГА «Центр» и выходе к 20 апреля на старые оборонительные рубежи. Результат, по сути, был тем же⁷². Нереальные задачи остались невыполненными. Наши войска топтались на месте, сумев в начале марта освободить лишь Юхнов.

С начала контрнаступления под Москвой объединения Калининского и Северо-Западного фронтов продвинулись вперед на 250–300 км. Анализ положения на этом направлении в начале весны 1942 г. показывает очевидную обособленность ряда решений советского военного руководства, которые подвергались критике уже в послевоенные годы. Не ставя под сомнение тот факт, что задуманные Сталиным широкие наступательные операции на весну–лето 1942 г. не могли привести к желаемому результату, отметим, что сложившуюся тогда ситуацию западнее Москвы невозможно рассматривать отдельно от положения на других участках фронта. Одним из примеров этого служит осуждаемый сегодня приказ Ставки ВГК от 19 февраля 1942 г. о выводе 1-й ударной армии из состава Западного фронта в резерв.

Говоря об ослаблении в связи с этим ударной силы своего фронта, маршал Г. К. Жуков писал в своих мемуарах, что он активно выступал против этого решения⁷³. Но дело в том, что в конце января 1-я ударная армия была передана именно Северо-Западному фронту с целью разгрома демянской группировки противника. Бои в демянских болотах, даже после образования внутреннего кольца окружения шести немецких дивизий (96 тыс. чел.), продолжались с неослабевающей силой. 1-я ударная армия сыграла важную роль в образовании внешнего кольца окружения⁷⁴. Да, полностью завершить разгром немецкой группировки тогда не удалось. Однако и германская 16-я армия не могла теперь участвовать в наступлении навстречу 9-й армии. Коммуникации 3-й и 4-й советских ударных армий остались в безопасности. В этом, безусловно, есть заслуга переброшенной из состава Западного фронта 1-й ударной армии.

Позднее штаб ГА «Центр» пришел к заключению, что сил одной 9-й армии недостаточно, чтобы провести операцию на Осташков и отрезать советские ударные силы, хотя некоторое

время такая возможность им еще рассматривалась. Кажется маловероятным, чтобы Ставка ВГК получила в то время точную разведывательную информацию о германских планах по окружению 3-й и 4-й ударных армий. Однако, с другой стороны, советское командование не могло не видеть такой потенциальной опасности об этом говорила сама конфигурация линии фронта. Отметим, что охват демянской группировки противника означал не только крупный успех Красной армии, но и устранение этой угрозы.

20 апреля 1942 г. считается датой окончания Ржевско-Вяземской операции Красной армии и всей Московской битвы. Удачно начавшееся контрнаступление, переросшее затем в общее наступление советских войск под Москвой, достигнув больших результатов, завершилось тяжелыми кровопролитными боями с окрепшим и получившим подкрепления врагом, в условиях сильной распутицы, сковавшей передвижение войск. Но в результате того, что Москва и большая часть Центрального региона европейской России оставались в советских руках, германскому командованию в 1942 г. (уже в период Сталинградской битвы) не удалось обеспечить надежного прикрытия левого фланга своей группы армий «Б», который все более растягивался по мере продвижения армии Паулюса к Волге. Руководство вермахта было вынуждено обеспечивать охранение своих флангов ненадежными румынскими и итальянскими соединениями. Чем все это закончилось хорошо известно — союзники Германии не смогли сдержать натиска перешедших в наступление 19 ноября 1942 г. советских частей.

Не может быть сомнения, что победа Красной армии в Сталинградской битве теснейшим образом связана с разгромом вермахта под Москвой. Вместе с тем очевидно и другое — ГА «Центр», обороняясь, сумела нанести значительный урон Красной Армии. Только безвозвратные потери советских частей в ходе Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) составили более 272 тыс. чел.⁷⁵. В этой связи возникает вопрос: соответствовала ли цена, которую заплатила Красная Армия за продвижение на запад в ходе общего наступления под Москвой тому результату, который был достигнут ее войсками к апрелю 1942 г.?

При ответе на этот вопрос нельзя не учитывать, что после Московской битвы у многих высокопоставленных руководителей рейха проявилась скептическая точка зрения на дальнейший

ход советско-германской войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования⁷⁶. Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой.

Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941/42 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», а генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России. Генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться». А адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе Второй мировой войны»⁷⁷. Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руководстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой, а следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовались руководством Красной армии. В советском тылу (в том числе в Центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились свежие соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

Анализ состояния вермахта и Красной армии после битвы под Москвой, основанный на

документах обеих сторон, позволяет сделать вывод об отсутствии перспектив у крупнейшей группировки вермахта на Восточном фронте — ГА «Центр» — развернуть в 1942 г. новое наступление стратегического масштаба. Победа под Москвой досталась Красной армии дорогой ценой. Однако является историческим фактом — немецкие войска зимой 1941/42 г. стали терять веру в свои силы, а советские солдаты и их командиры, напротив, приобрели уверенность в победе над врагом.

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дней и ночей на огромном пространстве, равным примерно территории Франции. С обеих сторон в ней было задействовано около 7 млн человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. Никогда до этого вермахт не терял столько людей, уже имевших за плечами богатый опыт войны. Полноценной замены им у Германии не было. Гитлер пришел к выводу, что, после того как германские войска приведут себя в порядок, можно будет осуществить удар только на одном стратегическом направлении — южном. Для продолжения войны Германии срочно требовалась нефть Кавказа и пшеница Ставрополя и Кубани. Взять Москву — стратегическую цель всей кампании — оказалось Гитлеру не по силам.

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Это, в свою очередь, дало возможность СССР провести мобилизацию ресурсов для продолжения войны. Переход советских войск в наступление зимой 1941/42 г. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию

в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии, Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к тем усилиям, которые прикладывал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Эта страна, обладавшая мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами, становилась теперь реальным союзником СССР. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о решимости одержать полную победу над странами «оси» — Германией, Японией и Италией. Теперь, в начале 1942 г., несмотря на развернувшиеся кровопролитные сражения в бассейне Тихого океана, важной задачей англо-американского командования стала подготовка к открытию второго фронта в Европе.

Многие современные отечественные историки по праву считают битву под Москвой началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Противнику был нанесен удар такой силы, который заставил его вначале отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига одновременно означал и переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически, ни морально не была готова. Остается фактом, что летом 1942 г. немецкие войска сумели вновь нанести Красной армии ряд тяжелых поражений на различных участках — под Ленинградом, Харьковом, в Крыму, на подступах к Сталинграду. Но Советский Союз располагал к этому времени достаточными резервами, чтобы сдержать врага и окончательно повернуть чашу весов в свою пользу. Перелом в войне прошел через ряд стадий, первой из которых была победа под Москвой.

¹ История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 227–228.

² Жуков Г. К. Указ. Соч. Т. 2. С. 254–259.

³ Соколовский В. Д. (1897–1968). Маршал Советского Союза (1946). Начальник штаба Западного фронта (июнь 1941 — янв. 1942, май 1942 — февр. 1943). Командующий Западным фронтом (февр. 1943 — апр. 1944). Впоследствии нач. штаба 1-го Украинского фронта (апр. 1944 — апр. 1945), зам. командующего 1-м Белорусским фронтом. (апр. — май 1945).

⁴ Булганин Н. А. (1895–1975), гос. и парт. деятель. В 1947–1958 гг. — Маршал Советского Союза. С июля 1941 г. член Военного совета Западного фронта, Западного направления. В 1943–1944 член Военного совета

ряда фронтов. С ноября 1944 г. — зам. наркома обороны и член ГКО, с февраля введен в состав Ставки ВГК. 1934–1961 — член ЦК КПСС.

- ⁵ Публ. по: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., Мосгорархив, 1994. С. 63.
- ⁶ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 175.
- ⁷ Москва военная. С. 432–434.
- ⁸ Самсонов А. Москва, 1941 год... С. 168.
- ⁹ Кульков Е. Н. Московская битва // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 355.
- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 120.
- ¹¹ Там же. Л. 68.
- ¹² Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., Воениздат, 1980. С. 249.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 72.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Сообщения Советского Информбюро. Т. I. М., 1944. С. 407–409.
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 539. Л. 96–97.
- ¹⁷ См. Невзоров Б. И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. / ИВИ МО. — М., 1996. С. 23.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 50–54.
- ²⁰ См. Невзоров Б. И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. С. 25.
- ²¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 82.
- ²² Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 201.
- ²³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 304.
- ²⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 30.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 106–111.
- ²⁶ См. Невзоров Б. И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. С. 25.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 71.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 140.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 136.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 215, 220, 224–226, 228, 229.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 55–57.
- ³² Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 180–181.
- ³³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 38.
- ³⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 22, 25.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 334–335.
- ³⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123.
- ³⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 110–111.
- ³⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 161–162.
- ³⁹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 124–124 об.
- ⁴⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 62.
- ⁴¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 111.
- ⁴² Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 275.
- ⁴³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 112.
- ⁴⁴ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 172.
- ⁴⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 472.
- ⁴⁶ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 279.
- ⁴⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 515, 519.
- ⁴⁸ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 283.
- ⁴⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.
- ⁵⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.

- 51 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 70–71.
- 52 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 60–61.
- 53 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 261.
- 54 Там же. С. 262.
- 55 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 14–17.
- 56 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
- 57 Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. С. 57–58.
- 58 Там же. С. 58–59.
- 59 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 264.
- 60 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 72–73.
- 61 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 59.
- 62 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 54–55.
- 63 Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. С. 67.
- 64 ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 67.
- 65 Битва под Москвой. М., 1989. С. 249.
- 66 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
- 67 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 52–54.
- 68 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
- 69 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. С. 55–56.
- 70 См. Мартынов В. Е. Угра-фронт. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010.; Капусто. Последними дорогами генерала Ефремова. М., 1992; Материалы Историко-архивного поискового центра «Судьба» (1988–2010 гг.).
- 71 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
- 72 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 267.
- 73 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 52–53.
- 74 Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. С. 239.
- 75 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г. Кривошеева. М., Воениздат, 1993. С. 176.
- 76 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 219.
- 77 Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.

Москва 1941-го года в западногерманской памяти

Йоханнес Хюртер*

В коллективном сознании немцев не Москва, а Сталинград является самым важным местом памяти о войне с Советским Союзом. Полная потеря целой армии в заснеженной и разрушенной местности далекого большого города была инсценирована еще национал-социалистической пропагандой как «героическое жертвоприношение». Такое толкование, даже если и с другими определениями, было перенято западногерманским послевоенным обществом. Сталинград был прежде всего немецким жертвенным нарративом, в основе которого лежит представление о том, что при Гитлере сами немцы тоже страдали и умирали, отправлялись на верную гибель, как, например, мужественные солдаты на Волге. То, что немецкие солдаты были не только жертвами, но также и преступниками, а их массовые страдания и массовая смерть соседствовали с бесчисленными военными преступлениями, по большей части оставались незатронутыми в общественном восприятии вплоть до 1990-х годов.

Наряду с центральным символом и мифом о событиях в Сталинграде другие крупные военные операции советско-германской войны играли в немецкой культуре памяти второстепенную роль и, зачастую, не имели никакого значения. Это относится к осаде Ленинграда (1941–1944 гг.), равно как и к битве на Курской дуге (июль 1943 г.), не говоря об опустошительном поражении групп армий «Центр» и «Южная Украина» летом 1941 года, которые до недавнего времени оставались забытыми, хотя потери

в них были более чем в два раза выше потерь под Сталинградом. Соответственно, до настоящего времени почти не было исследований о том, какое значение в памяти немцев имеют другие события и битвы, помимо Сталинграда¹. Это относится также к боевым действиям с осени 1941 года по весну 1942 года на центральном участке Восточного фронта, которые объединяются общим названием «Сражение под Москвой» с кульминацией перелома в ней вследствие советского контрнаступления в декабре 1941 года.

Стоит ли вообще пытаться устранить этот недостаток и впервые исследовать «Москву 1941 года» как место памяти? Не все ли уже сказано могучим кодовым словом «Сталинград» в большом послевоенном повествовании о героизме и мучениях солдат вермахта, оставленных командованием в беде? В действительности, картины воспоминаний похожи друг на друга во многих деталях как, например, борьба и смерть в суровой зимней местности. Тем не менее можно выявить некоторые особенности, которые делают Москву отдельным местом памяти и отличают ее от Сталинграда. Кроме того, это событие в коллективной памяти изначально имело намного больший вес чем, к примеру, Ленинград, Курск или разгром группы войск «Центр», хотя оно и не достигло той силы воздействия как миф о Сталинграде.

Личные (индивидуальные) воспоминания участников событий 1941 года под Москвой, являющиеся, согласно Яну Ассману, предпосылкой для коммуникативной памяти, которая

* Йоханнес Хюртер — доктор, Институт современной истории (Мюнхен — Берлин).
Перевод В. М. Глушака — д. фил. наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО(У).

наряду с культурной памятью выступает основанием для коллективного воспоминания², — должны были бы стать в немецком послевоенном обществе более распространенными, чем в случае со Сталинградом. В наступлении на Москву, которое началось 2 октября 1941 года, приняли участие около двух миллионов немецких солдат, т. е. в 10 раз больше окруженных в Сталинграде. Однако потери были не такими ужасными, как можно было бы предположить, и намного меньшими, чем годом позже на Волге³. Непосредственное участие такого большого количества людей способствовало тому, что поражение под Москвой отложилось в коллективной памяти, хотя национал-социалистическая пропаганда преуменьшала значение этого события, и в этом отношении место памяти Сталинград уже изначально имело другие предпосылки.

После 1945 года крайне важными для культурной памяти были романы, мемуары, научно-популярные книги, газетные статьи, радиоочерки, школьные учебники. Позднее во все возрастающей степени таковыми стали телевизионные документальные фильмы. Как и в случае с мифом о Сталинграде, писателю Теодору Пливье отводится важная роль в воспоминаниях о событиях под Москвой 1941 года. Бестселлер «Сталинград» этого эмигранта, который он написал в Советском Союзе в 1943 году на основе захваченных документов и разговоров с немецкими военнопленными, стоял в 1945 году в начале общенемецкой послевоенной литературы и основательно повлиял на жертвенный нарратив о германском вермахте⁴. Спустя семь лет этот успешный автор, который между тем уже отвернулся от Советского Союза и обосновался в Федеративной Республике Германия, выпустил документальный роман «Москва» о германском наступлении с июня по декабрь 1941 года⁵. Издание вышло в свет в сентябре 1952 года с начальным тиражом в 50 000 экземпляров, которые разошлись уже в первый день продаж. Стоит подробнее рассмотреть эту книгу, так как в ней четко представлены все составляющие как мифа о вермахте, так и специфических воспоминаний о битве под Москвой. Эта книга будет обобщением многих других примеров. Как и роман о Сталинграде, «Москва» Теодора Пливье является героическим эпосом немецкому фронтовику и офицеру. В нем вермахт представлен еще более позитивно, чем в первом романе. Подробно

рассматриваемая советская сторона, напротив, представляется прежде всего как террористический режим, который ни в чем не уступает национал-социалистической диктатуре. Таким образом, и немецкие, и советские солдаты выступают как жертвы двух государств-изгоев, ставших их палачами. Немецкие военные преступления упоминаются поверхностно и в каждом случае лишь в связи с именем Гитлера или СС. Даже в случае с массовой гибелью советских военнопленных, за которую несет ответственность вермахт, у Т. Пливье всплывает бригада СС как исполнитель преступления. Фронтовики же в его романе, напротив, проявляют заботу и человечность в отношении гражданского населения.

Приукрашенная картина приобретает особые исторически скомпилированные масштабы, когда речь идет о военной элите. Поражение немецкого наступления на Москву обосновывается ошибками верховного руководства, плохими погодными условиями, провалами со снабжением и неожиданным советским подкреплением с Дальнего Востока. Кодовые слова для этих аргументов «Гитлер», «генерал Зима» и «сибиряки» пронизывают память о событиях 1941 года под Москвой по настоящее время. У Т. Пливье и почти во всех популярных представлениях того и последующего времени ошибки руководства персонифицируются с Гитлером. Автор придерживается дискурса оправдания генералитета и буквально переписывает в свою книгу отрывок из опубликованных в 1951 году и весьма популярных воспоминаний генерала танковых войск Хайнца Гудериана, который описывает свой спор с Гитлером в декабре 1941 года⁶. Роли четко распределены: с одной стороны — циничный насильник Гитлер, с другой — осознающий свою ответственность профессионал Гудериан. Т. Пливье представляет изменения в персональном составе руководства войсками зимой 1941–1942 годов вопреки историческим фактам как кардинальную смену элит. Он знаменует этим конец консервативной военной элиты, чего не было в действительности до 1945 года, и привязывает к мысли, которые полностью игнорируют фактический, профессиональный и моральный провал генералитета именно в первой фазе войны с Советским Союзом:

«Это были большие потери в высших эшелонах военного руководства Германии; и еще [...] — это означало высыхание значимого источника сил в традиционной середине континента, это

означало наступление степи на Европу. [...] Преданность и вера, порядочность и благородство застряли в пути. Параллелограмм нравственных сил был растянут на восточных полях битв, лицо русско-германского фронта окончательно обрело формы. Речь могла идти только об уничтожении»⁷.

В романе Т. Пливе «Москва» содержатся, таким образом, две наиболее действенные, стойкие и до настоящего времени кочующие легенды о вооруженных силах «Третьего рейха»: во-первых, это легенда о «безупречных» вооруженных силах Германии с их мужественными солдатами, посланными демагогом Гитлером на смерть; во-вторых, это рожденная генералитетом на свет легенда о высокопрофессиональной, а также морально безукоризненной военной элите, которой помешал преступник и дилетант Гитлер, из-за которого не состоялась возможная победа.

Теперь перейдем к особенностям воспоминаний о Москве 1941 года, что отсутствует как в мифе о Сталинграде, так и в других повествованиях о советско-германской войне, и в определенной степени являет собой уникальный признак в немецкой памяти о Москве. Во всех представлениях битвы под Москвой всплывает мотив успеха, до которого было буквально рукой подать, и памятная фигура немецкого военного подразделения, которое продвинулось дальше всех к советской метрополии. Группа разведчиков второго декабря 1941 года достигла московского пригорода Химки, располагавшегося в восьми километрах от границы города и всего в двадцати километрах от его центра. Этот с военной точки зрения незначительный факт был многократно приукрашен в коллективной памяти и укрепился в представлении таким образом, что Кремль, центр управления Сталина, был уже виден в бинокль, находился под прицелом вермахта. В романе Т. Пливе встречаем эту символическую рекордную отметку с характерным и грубо противоречащим истине добавлением, что Гитлер воспрепятствовал возможному вхождению в город. Какая энергетика исходила из этого рассказа, отчетливо представлено в рецензии на книгу Т. Пливе в еженедельнике «Zeit»:

«Чудовищное волнение, которое исходит от многих страниц этой книги, возникает из полного тревоги вопроса: „Получится ли?“. Бог свидетель, немецким войскам не удалось войти в Москву. Но нам внушается со всем упорством,

которое усиливается всеми писательскими средствами, как близко к цели была верхушка вермахта. Самая сильная часть книги — это описание наступления, которое предпринимает передовой отряд подполковника Вильсхофена через реку Протва. Наступление описано так увлеченно, что ты, затаив дыхание, следуешь за стремительно продвигающимися танками и при этом ловишь себя на мысли, что желаешь им успеха»⁸.

Теодор Пливе описывает Восточный поход вермахта как великую драму, как трагедию поражения под Москвой в силу сложных обстоятельств: «Война на Востоке достигла своего апогея, и отныне она могла — что бы не произошло, и какие жертвы это не требовало бы — лишь мчаться навстречу своему кровавому окончанию». В то же время его рассказ содержит мысль о том, что до первого крупного поражения германских войск завоевание Москвы и крах советской империи были вполне возможны. В интервью по поводу выхода в свет своего романа Т. Пливе подчеркивал: его книга содержит историческую правду, что не существует непобедимых армий: «Красная Армия тоже не является таковой»⁹.

Подобная трактовка истории содержала в себе прежде всего внушительный идентификационный и интеграционный потенциал. В коллективной памяти Федеративной Республики Германия Москва стала символом того, что в 1941 году, благодаря еще неразрушенной военной мощи, были достигнуты славные военные успехи, которыми можно гордиться именно на фоне конфликта Востока и Запада. Этот смысловой конструкт был несколько популярен, настолько и действенен, подкрепляя веру бывших солдат и их семей в то, что они защищали Европу, Запад от Азии и большевизма. Битва была проиграна, но разве это не было грандиозно: потерпеть неудачу в самой непосредственной близости от цели только из-за невезения, из-за неспособности криминального и в то же время некомпетентного в военном плане государственного руководства?

Названные передвижные декорации коллективной памяти о событиях под Москвой 1941 года проявляются, естественно, в многообразных вариациях, бесчисленных переработках и представлениях о «Кампании в России», как долгое время называли эту войну. Дальнейшее реферирование примеров имело бы серийный характер и вскоре наскучило бы

Вам. Но я хотел бы сослаться еще на одну книгу, потому что она, как никакая другая, оказала влияние на формирование исторического представления о войне против Советского Союза. Бестселлер «Операция Барбаросса. Поход на Россию» Пауля Кареля, вышедший вначале в иллюстрированном журнале, а затем отдельной книгой в 1963 году, более чем два десятилетия был в Федеративной Республике Германия своего рода настольной, семейной и народной книгой о войне на Востоке¹⁰. Для меня, как и для большинства тех, кто родился после описываемых событий и интересуется историей, книга Кареля, которую лично я обнаружил у своих дедушек — двух бывших солдат вермахта — была первым знакомством с этой войной. Следует отметить, что ее автора Пауля Кареля звали Пауль Карл Шмидт и что в 1940–1945 годах он был начальником пресс-службы Имперского министерства иностранных дел, т. е. специалистом по пропаганде национал-социалистической диктатуры.

Произведение П. Кареля (он же Шмидт) — это воспевание германских солдат, искусно смонтированное из бесчисленных документов и интервью. У П. Кареля наступление вермахта в конечном итоге становится «Последней охотой на Москву», когда совсем немного промахнулись мимо цели, не дойдя «восемью километрами до Москвы». Военные преступления и истинные цели похода у автора тоже скрыты, а германские войска на Востоке — прежде всего достойный восхищения военный инструмент, с помощью которого «русские», как это навязчиво повторяется в книге, чуть не были побеждены. Для этого автор битвы под Москвой живописует «абсолютно выдающиеся успехи немецких формирований... Солдаты и офицеры в дисциплине, смелости, лишениях и самопожертвовании превзошли все известные до того времени примеры»¹¹.

Западногерманская историческая наука постепенно и полностью разрушила мифы о войне на Востоке, после того как она отмежевывалась от игры на публику бывшего Генерального штаба. Начиная с первых важных ссылок Андреаса Хилльгрубера, продолжая некоторыми новаторскими исследованиями в 1970-е годы и дополняя усиленным интересом в 1980-е и 1990-е годы, были основательно изучены как участие вермахта и его элиты в распространении и проведении основанной на расовой идеологии захватнической, грабительской и уничтожи-

тельной войны, так и причины их военного поражения. От двух названных легенд — мифе о вермахте и мифе о Генеральном штабе — мало что осталось. Согласно исследованиям, прежде всего Клауса Райнхардта, ведомства военной истории, Кристиана Хартманна, а также автора настоящей работы, можно констатировать, что нерадиво подготовленное «Молниеносное наступление» на Советский Союз было проиграно уже за несколько месяцев до декабря 1941 года. Ошибочные решения командования армии и отдельных командующих войсками были, по крайней мере, такими же отягощающими, как и вмешательство Гитлера. Шансы на успех зависели от «удачи» из-за непростительно недооцененной мощи советского противника. Под Москвой не могло идти и речи о «решающей битве», а лишь о потере германской наступательной мощи, о почти естественном спаде волны наступления. Даже захват Москвы ничего бы не решил, а после краха плана блицкрига и его глобальных последствий германский рейх больше ничего не мог выиграть.

Исследования уже давно обогнали коллективную память. Преступления вермахта начали укореняться в общественном историческом сознании после дебатов о выставке «Преступления вермахта», организованной в Гамбурге в 1995 году. То, что в той же степени изменилось и восприятие военных событий, вызывает сомнение. Чрезвычайно популярный телевизионный сериал «Вермахт. Итог», показанный в 2007 году, ссылается на новейшие исследования и уделяет рассмотрению преступлений действительно большее внимание, чем раньше. Однако уровень представлений наступления на Москву и о поражении вермахта не позволяют констатировать каких-либо серьезных изменений в сознании. Здесь снова присутствуют старые знакомые декорации, подкрепленные словами «очевидцев событий», даже если они и сопровождаются внешне отличающимися комментариями: сибиряки, погода, диктатор, который не хотел слушать генералов, таких, как Гудериан, восемь километров до Москвы¹². Таким образом, остается лишь только ждать, станет ли Москва 1941 года в общенемецкой памяти символом окончательного краха преступной операции, за которую несут ответственность старые элиты, или же она продолжит жить, скрываясь за ритуалами памяти, как символ «почти победы» «доблестного» германского вермахта.

- ¹ Исключение представляет: Ganzenmüller Jörg. Nebenkriegsschauplatz der Erinnerung. Die Leningrad-Blockade im deutschen Gedächtnis // Osteuropa 61. — №8–9 (Die Leningrader Blockade. Der Krieg, die Stadt und der Tod). 2011, S. 7–21.
- ² См.: Assmann Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. S. 50–55. Из этих двух «модусов» или «рамков памяти» коллективного воспоминания коммуникативная память основывается на неформальных, устных преданиях и была поэтому привязана к воспоминаниям очевидцев событий, в то время как культурная память сплетается с символическими «фигурами памяти» и искусственно, в письменном виде хранимыми точками отсчета. См. также Welzer Harald. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. München, 2002. Теория коллективной памяти, коллективного воспоминания была, как известно, основана Морисом Хальбваксом, см., например, впервые изданный данным автором в 1925 г. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. Frankfurt a.M., 1985.
- ³ В книге Overmans Rüdiger. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München, 1999. S. 278, указывается, что на Восточном фронте даже в самые критические месяцы — в декабре 1941 и январе 1942 годов — общие потери составили «лишь» 40 198 и 48 165 убитых соответственно указанным месяцам, в то время как в декабре 1942 и январе 1943 количество убитых достигло 78 759 и 180 310 человек. Интересно также сравнить июль 1941 года (63 099), июль 1943 года (Курск; 71 231), а также июнь, июль и август 1944 года (разгром групп армий «Центр» и «Южная Украина; 142 079, 169 881, 277 465».
- ⁴ Plievier Theodor. Stalingrad. Berlin: Aufbau Verlag, 1945.
- ⁵ Plievier Theodor. Moskau. Roman. München: Verlag Kurt Desch, 1952.
- ⁶ Ср.: Plievier. Moskau, S. 529–531 и Guderian Heinz. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 240–243.
- ⁷ Plievier. Moskau, op. cit. S. 532.
- ⁸ Die Gelächter des Kriegsgottes // Die Zeit, 23.10.1952.
- ⁹ Ja, Woina // Der Spiegel, 17.9.1952, с. 24 и далее, здесь с. 25.
- ¹⁰ Carell Paul. Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland. Frankfurt a.M., 1963. Вначале вышла серия в 46 частях в иллюстрированном журнале «Kristall» (выпуски 13/1961–6/1963), принадлежащем издательству Алекса Шпрингера с тиражом почти в полмиллиона экземпляров. По данным издательства Ульштайн, тираж книги составил 204 000 экземпляров. См. Plöger Christian. Von Ribbentropp zu Springer. Zu Leben und Wirken von Paul Karl Schmidt alias Paul Carell. Marburg, 2009. S. 340. О Капеле (Шмидте) и его исторических взглядах см. также Benz Wigbert. Paul Carell. Ribbentrops Pressechef Paul Karl Schmidt vor und nach 1945. Berlin, 2005, особенно страницы 91–100.
- ¹¹ Carell. Unternehmen Barbarossa. S. 344.
- ¹² См. также известную сопроводительную книгу: Knopp Guido. Die Wehrmacht. Eine Bilanz. München, 2007. S. 110–125.

Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву

А. В. Исаев*

Советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. — апреле 1942 г. часто выступает в роли сражения упущенных возможностей. Иногда утверждается даже, что Ржевско-Вяземская операция советских войск является провальной¹. Разумеется, упущенные возможности персонифицируются: в качестве упустившего свой шанс на успех называют командующего Западным фронтом Г. К. Жукова. Прежде всего следует отметить, что в качестве упущенных возможностей и «провальных» результатов фигурирует невыполнение достаточно амбициозных задач, поставленных командованием перед войсками Западного и Калининского фронтов. Соответственно сразу встает вопрос о правильности и обоснованности постановки этих задач Ставкой.

Собственно, именно в такой форме ставился вопрос о действиях советских войск в зимней кампании 1941/42 г. в мемуарах военачальников. Если несколько формализовать утверждение об успехе и неуспехе операции, а также абстрагироваться от самой выполнимости сформулированных Ставкой ВГК и Генштабом задач, то можно говорить о достижении решительного результата в наступлении советских войск. Решительным результатом здесь может быть разгром крупных сил противника в результате окружения либо освобождение значительной территории. С этой точки зрения решительного результата в ходе Ржевско-Вяземской операции достигнуто действительно не было.

Однако важнейшим вопросом в этом случае становится анализ причин ограниченных успехов

наступлений Западного и Калининского фронтов. Является это следствием недостатка сил и средств или же речь идет о просчетах военачальников в использовании имеющихся резервов? Разумеется, те или иные просчеты командиров и командующих являются неизменным спутником любых сражений. Поэтому имеет смысл говорить о месте и роли каждого из действующих факторов. Иными словами, насколько значимыми для развития событий было соотношение сил, мастерство командиров и командующих, а также череда других факторов, вплоть до погодных и природных условий включительно.

Сравнение соотношения сил сторон, несомненно, является важнейшим фактором, определяющим исход сражений и операций. По этому показателю советское контрнаступление зимы 1941/42 г. является аутсайдером в ряду стратегических наступательных операций Красной Армии. Согласно новейшим данным, войска Западного и Калининского фронтов насчитывали 1 059 200 человек². При этом личный состав дивизий, бригад, отдельных лыжных, пулеметных и танковых батальонов Калининского, Западного и Брянского фронтов составлял на 1 января 1942 г. 752 173 человека. Среднемесячная численность немецких полевых и танковых армий группы армий «Центр» в январе 1942 г. в сумме составляла 895 332 человека. То есть превосходство Красной армии над противником в этот период было незначительным.

Наиболее успешные операции советских Вооруженных сил в ходе Великой Отечественной войны проводились при куда лучшем

---

* Алексей Валерьевич Исаев — историк, автор многих монографий о Второй мировой войне.

соотношении сил. Достаточно показательна в этом отношении операция «Багратион», проведенная летом 1944 г. на Западном направлении, против все той же немецкой группы армий «Центр». Всего к операции «Багратион» привлекалось 1 млн 211 тыс. человек в составе войск четырех фронтов: 1-го Прибалтийского фронта, 2-го и 3-го Белорусских фронтов и правого крыла 1-го Белорусского фронта. Эта цифра не учитывает армейских и фронтовых тылов, а также личного состава воздушных армий. Общая численность группы армий «Центр» тогда составляла около 800 тыс. человек, включая тыловые подразделения и части охраны тыла. Еще более яркую картину дает сравнение соотношения сил по бронетехнике. В составе группы армий «Центр» в июне 1944 г. было 553 танка и САУ, советское командование противопоставило им 4070 танков и САУ.

На 1 января 1942 г. в составе Калининского, Западного и Брянского фронтов насчитывалось 513 танков³. Действовавший в центральном секторе советско-германского фронта 6-й воздушный флот генерала Р. фон Грейма к началу операции «Багратион» имел 688 самолетов. При этом группу армий «Центр» поддерживало всего две группы одномоторных истребителей, 66 «мессершмиттов» на 31 мая 1944 г. (к 22 июня 1944 г. их количество упало до 40 машин). Привлекавшиеся к операции «Багратион» воздушные армии насчитывали 5675 самолетов, в том числе 2519 истребителей⁴. Комментарии, как говорится, излишни. Соотношение сил по любым мыслимым показателям летом 1944 г. было куда более благоприятным для советских войск, нежели в январе 1942 г.

Таким образом, бессмысленно было ожидать от Красной армии в Ржевско-Вяземской операции решительных результатов, достигнутых в «Багратионе». Конечно, здесь кто-то может апеллировать к тотальной некомпетентности советских военачальников. Однако ту же картину мы можем увидеть в Нормандии тем же летом 1944 г. 25 июля 1944 г. на плацдармах в Нормандии насчитывалось 812 тыс. американских и 640 тыс. британских и канадских солдат⁵. Им противостояли около 380 тыс. немецких солдат⁶. Союзники, таким образом, обладали даже большим численным преимуществом. Это, естественно, позволило добиться решительных результатов. Успешное развитие операции «Кобра» позволило союзникам в августе добиться окружения крупных сил немецких войск под

Фалезом. При этом нельзя сказать, что они добились лучших результатов, нежели Красная армия в «Багратионе». Более того, успех был достигнут союзникам только после целой череды неудачных наступлений во второй половине июня и первой половине июля 1944 г. Эти примеры показывают, что для достижения решительного результата необходимо было, как минимум, существенное превосходство над противником. В противном случае успех будет ограниченным.

Еще одним важнейшим действующим фактором зимней кампании 1941/42 г. было снабжение войск Красной армии боеприпасами. В еще секретном на момент издания исследования «Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне» в 1958 г. указывалось: «Одной из важных причин незавершенности наступательных операций зимой 1941/42 г. явился испытываемый войсками действующей армии постоянный и острый недостаток боеприпасов и вооружения»⁷.

Этот недостаток объяснялся эвакуацией оборонной промышленности, вызванной захватом немцами промышленных районов на западе СССР. Только к концу декабря 1941 г. в основном были восстановлены мощности промышленности боеприпасов. Заводы заработали на новых местах, но медленнее других восстанавливались мощности пороховых заводов. Известный отечественный историк промышленности боеприпасов И. И. Вернидуб пишет: «В течение второго полугодия 1941 г. запасы боеприпасов основных артиллерийских калибров были почти полностью исчерпаны, а промышленность за это время изготовила 26 млн артиллерийских выстрелов, что составило 54% утвержденного ГКО планового задания. ... В четвертом квартале 1941 г. было произведено артиллерийских выстрелов на 20% меньше, чем в третьем квартале»⁸. Для смягчения «снарядного голода» был предпринят завоз части боеприпасов с Дальневосточного фронта, Забайкальского и Среднеазиатского округов. Однако к началу 1942 г. возможности перераспределения накопленных до войны ресурсов оказались исчерпаны.

Лучше всего реальная ситуация видна по реальному расходу боеприпасов войсками. Для сравнения взяты данные по Воронежскому фронту в августе 1943 г., в период проведения наступательной операции «Румянцев», и 1-го Белорусского фронта в апреле 1945 г., в период проведения Берлинской наступательной операции. Следует учесть, что Западный фронт в рас-

смаатриваемый период насчитывал 710–750 тыс. человек, Воронежский фронт — 740 тыс. человек, а 1-й Белорусский фронт — 908 тыс. человек. Различалось, разумеется, и количество вооружения. Так, Воронежский фронт к началу операции «Румянцев» располагал 4591 единицей 82-мм и 120-мм минометов, 1808 45-мм и 57-мм противотанковыми пушками⁹. Западный фронт располагал 1910 единицей 82-мм и 120-мм минометов, 848 противотанковыми пушками калибром 45 мм и 57 мм. То есть расход во второй половине войны производился большим количеством стволов, и перед нами все же не механическое увеличение настрела на единицу вооружения.

По приведенным данным (см. табл.) хорошо видна существенная разница между расходом боеприпасов в декабре 1941 г., в первой фазе контрнаступления под Москвой, и в январе 1942 г., в начале Ржевско-Вяземской наступательной операции. Падает вдвое даже настрел боеприпасов к стрелковому оружию. Фактически накопленные для контрнаступления запасы к началу 1942 г. оказались исчерпаны. Расход боеприпасов в начале 1942 г. резко падает, соответственно с ним снижаются успехи советских войск.

Вместе с тем хорошо видна разница между зимней кампанией 1941/42 г. и кампаниями второй половины войны. Во-вторых примерно вдвое в масштабах фронта возрастает расход

45-мм снарядов, 76-мм снарядов к дивизионным пушкам, 82-мм минометам. Следует отметить, что, помимо борьбы с танками, 45-мм пушки широко использовались для стрельбы по «пехотным» целям осколочными снарядами. Больше всего, скачкообразно, возрастает расход мин к 120-мм минометам. Причем динамика сохраняется в ходе всей войны. Настрел 120-мм мин возрастает вдвое даже в период с 1943 г. по 1945 г. Соответственно, Красная армия и ее тактические единицы — батальоны, полки, — получили возможность устранять огнем встречающиеся на пути препятствия, в частности пулеметные гнезда противника. Всех этих возможностей не было у полков и батальонов соединений Западного фронта в наступательной фазе битвы за Москву.

К началу Ржевско-Вяземской операции, точнее, на 1 января 1942 г., Западный фронт располагал весьма умеренными запасами боеприпасов. Так, 76-мм выстрелов к дивизионным пушкам имелось всего 0,57 боекомплекта на орудие или 90,2 тыс. штук, 82-мм мин — 0,4 боекомплекта или 54,2 тыс. штук, 120-мм мин — 0,47 боекомплекта, или 5,5 тыс. штук. Если огневая система обороны не была полностью вскрыта к началу наступления и не поражалась гаубичной артиллерией в ходе артподготовки, то возможностей подавить невскрытые огневые точки у частей Западного фронта было куда меньше, чем у частей Воронежского фронта в 1943 г.

Расход боеприпасов фронтами в различные периоды Великой Отечественной войны¹⁰

Тип боеприпасов	Западный фронт, декабрь 1941 г.	Западный фронт, 1–20 января 1942 г.	Воронежский фронт, август 1943 г.	1-й Белорусский фронт, апрель 1945 г.
7,62 винтовочные	45 410,6	21 250,6	43 804	56 614
7,62 ТТ и ППШ	6648	2451	45 100	57 928
45-мм пушечные	149,4	74,2	280,6	245,5
76-мм полковые	125,5	49,8	114,2	196,7
76-мм дивизионные	225,3	87,3	450,1 (+95 бронебойных)	958,5
122-мм пушечные	21,2	8,1	1,0	47,1
122-мм гаубичные	111,3	56,2	129,1	297,1
152-мм гаубичные	25,9	9,6	17,7	52,6
152-мм гауб.-пуш.	38,4	20,7	23,2	104,3
203-мм гаубичные	0,8	1,6	5,4	22,1
82-мм мины	308,8	106,5	723,8	1229,7
120-мм мины	26,5	13,1	313,3	708,1

Напротив, немецкое командование располагало куда большими возможностями в использовании артиллерии. Командующий 4-й танковой группой Гепнер в телефонограмме командующему группы армий «Центр» еще 21 декабря 1941 г. высказал показательный тезис: «Артиллерия... является единственной защитой измотанных боями войск». Действительно, численность пехотных рот в войсках группы армий «Центр» значительно снизилась. Были также выбиты танки — к январю 1942 г. численность танкового парка упала практически до нулевой отметки. К 22 декабря 1941 г. в шестнадцати танковых дивизиях групп армий «Север» и «Центр» насчитывалось всего 405 боеготовых танков¹¹. Многие вышедшие из строя танки так и не были отремонтированы, их попросту бросили. «Панцергруппен» — танковые войска Германии, — стали оживать только к февралю–марту 1942 г. Однако артиллерия танковых и пехотных дивизий германской армии еще сохраняла боеспособность. По расходу боеприпасов в начале 1942 г. она превосходила Красную Армию по крайней мере вдвое.

Усугублялась нехватка средств для подавления системы обороны противника несовершенством тактики пехоты Красной армии в зимней кампании 1941/42 г. В этот период еще не была отлажена тактика штурмовых действий, использование которых позволило советским войскам с умеренными потерями захватывать сильно укрепленные города и крепости Германии в 1945 г. Фактически зимой 1941/42 гг. тактика советской пехоты исходила из принципа «артиллерия разрушает — пехота занимает». В условиях нехватки боеприпасов артиллерии эта тактика раз за разом давала сбой. Следует отметить, что командующий Западным фронтом Г. К. Жуков уже в период битвы за Москву знал, что решение проблемы прорыва фронта лежит не только в плоскости концентрации артиллерии, но и в плоскости тактики штурмовых групп. Так, в одном из приказов командующему 50-й армией И. В. Болдину Г. К. Жуков писал: «Прорыв произвести сосредоточенными силами, не разбрасывая их на широком фронте; населенные пункты захватывать специально созданными штурмовыми отрядами; для быстрейшего продвижения главных сил использовать не занимаемые противником промежутки»¹².

Что такое штурмовые группы, было объяснено Георгием Константиновичем отдельным приказом. В нем, в частности, говорилось сле-

дующее: «Захват каждого опорного пункта поручать особому ударному отряду, специально отобранному, организованному и сколоченному, если нужно, с предварительной репетицией в тылу своих войск»¹³. Репетиции в тылу станут одним из краеугольных камней тактики штурмовых групп. Для этого будут даже строиться полномасштабные макеты оборонительных сооружений противника. Определялся также состав штурмовой группы: «...отряды должны быть вооружены автоматическим оружием, минометами, отдельными орудиями. В состав отрядов должны обязательно включаться саперы, огнеметчики и танки»¹⁴.

Однако то, что понимал командующий фронтом, понимали не все его командиры. Также одним из препятствий к полноценной реализации тактики штурмовых групп была нехватка боеприпасов к минометам и артиллерии средних калибров. Резюмируя вышесказанное, приходится констатировать, что достижению решительного результата советскими войсками в контрнаступлении под Москвой препятствовал целый ряд объективных факторов. Соотношение сил сторон по людям и технике, а также жестокий «снарядный голод» отнюдь не благоприятствовали амбициозным планам советского командования по разгрому группы армий «Центр».

Признавая наличие объективных неблагоприятных факторов, нельзя отрицать возможность влияния факторов субъективных, лежащих в плоскости оперативного искусства. Не было ли упущено каких-то возможностей разгрома немецких войск, каким бы чудом не казался такой разгром, исходя из объективных возможностей Красной армии? Обычно в подтверждение этого тезиса приводят цитату из работы бывшего начальника штаба 4-й армии Гюнтера Блюментрита «Московская битва» о чудесном спасении немцев под Москвой вследствие неверных решений, принятых лично Г. К. Жуковым. Блюментрит пишет следующее: «Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью,

не перерезал ее. Он продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах»¹⁵.

Мнение противника, безусловно, является весьма ценным для понимания ситуации в целом. Однако немецкие мемуаристы также могли преувеличивать возможности противника и занижать свои собственные. Кроме того, мало кто упускает случай беллетризовать повествование и усилить драматичность тех или иных моментов. Помимо процитированного фрагмента, в книге Блюментрита мы можем найти такие слова: «25 декабря штаб 4-й армии в самый последний момент переместился в Юхнов»¹⁶. В этой связи тезис о беззащитном Юхнове несколько бледнеет: глупо было бы перемещать штаб армии в незащищенную точку. Еще бледнее тезис о легко перерезаемой линии снабжения 4-й армии становится, стоит ознакомиться с описанными немецким военачальником контрмерами германского командования: «Был отдан приказ провести рекогносцировку новой линии обороны. Одна моторизованная дивизия уже выступила в район Юхнова»¹⁷.

Здесь Блюментрит допустил неточность и говорит о выдвижении к городу моторизованной дивизии, в то время как к нему выдвинули 19-ю танковую дивизию из центра построения 4-й армии. Моторизованная дивизия (10-я) прибыла позже. Взяли ее на сравнительно спокойном участке фронта: в начале декабря 1941 г. части 19-й танковой дивизии участвовали в вялом наступлении под Наро-Фоминском. Также довольно странно звучит тезис Блюментрита о расположении Юхнова в «глубоком тылу». К 25 декабря 1941 г. линия фронта проходила через Калугу, всего лишь в полусотне километров от Юхнова. Несмотря на все эти сведения, существенно изменяющие оценку обстановки даже глазами Блюментрита, критики Г. К. Жукова охотно используют вышеприведенную цитату. Так В. В. Бешанов пишет: «Даже по признанию германских генералов, положение под Юхновом складывалось исключительно удачно для наступавших. Группа Белова, уже достигнув Варшавского шоссе, имела все шансы, повернув на Медынь, окружить и уничтожить во взаимодействии с 43, 49 и 50-й армиями главные силы 4-й полевой армии генерала Людвиг Кюблера. В этот момент Жуков, которому окружения одной армии противника было недостаточно, и сотворил для немцев «чудо»: он приказал Белову наступать на Мосальск, а оттуда — на Вязьму.

Овладеть Юхновом поручалось 50-й армии генерала Болдина»¹⁸.

Однако не следует думать, что оценка юхновского эпизода строится исключительно на словах Блюментрита. Схожие оценки мы находим у некоторых мемуаристов, в частности бывшего командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П. А. Белова. Он являлся непосредственным участником описываемых событий с советской стороны. Относительно «стоп-приказа» с поворотом от Юхнова на Мосальск в своих мемуарах П. А. Белов пишет следующее: «Нужно было прежде всего окружить и разгромить немецкие войска в районе Юхнова, занять или блокировать этот город. Тем самым мы успешно завершили бы рейд. После этого наши дивизии могли бы двигаться на Вязьму, не опасаясь за свой тыл. Обстановка требовала действовать именно таким образом. Но вскоре после того, как я отправил командующему фронтом план действий, был получен новый приказ. Он не только не учитывал выдвинутые мной доводы и соображения, но и во многом противоречил директиве от 2 января, полученной сутки назад. Этот приказ отразился впоследствии на боевых действиях не только моего корпуса, но и всего Западного фронта. Привожу его в полном виде: «Тов. Белову. От 3.1.42 г. Ваше решение о повороте главных сил группы против щелканово-плоской группировки не отвечает оперативной обстановке и нашему плану в целом. Отход ваших главных сил от мосальской группировки противника даст возможность противнику быстро закрыть образовавшийся прорыв и организовать оборону. Приказываю:

1. Оставить часть сил против плоской группировки противника, а главные силы повернуть на Мосальск для уничтожения группировки противника в районе Мосальска и выхода западнее Юхнова. [168]
  2. Против зубовско-плоской группировки противника ударить 217 сд, действующей в районе Зубово. В этот же район выйдут 154 сд и 112 тд 50 А.
  3. Ускорить выдвижение в Мещовск и Мосальск двух сд 10 А.
- Жуков. Хохлов. Соколовский».

Приказ удивил меня своей непоследовательностью. Во-первых, мое решение о повороте главных сил корпуса против щелканово-плоской (то есть юхновской) группировки противника соответствовало полученной накануне директиве: она требовала уничтожить на первом этапе

юхновскую группировку гитлеровцев. Во-вторых, вызывал недоумение упрек за то, что будто бы мы отводим свои главные силы от Мосальска. При чем тут Мосальск? Мы не вели и не намеревались наступать главными силами на этот город, да никто и не приказывал нам этого. Против мосальской группировки гитлеровцев были выделены 239-я и 325-я стрелковые дивизии, переданные в мое подчинение из состава 10-й армии. Кроме того, противник в Мосальске не был в то время достаточно сильным, чтобы появилась необходимость повертывать на город еще и кавалерийские соединения. [...] Мы сделали еще несколько попыток убедить Военный совет фронта в том, что гораздо целесообразнее действовать так, как предписывала его же директива от 2 января. Мы имели прекрасную возможность обойти Юхнов слева, ввести через разрывы в боевых порядках противника у деревни Касимовки и в других местах по меньшей мере четыре кавалерийские дивизии. Перерезав Варшавское шоссе и повернув на Медынь, эти дивизии начали бы громить тылы и штабы немецких войск»¹⁹.

Если следовать только описанию событий конца декабря 1941 г. и первых дней 1942 г. самим Беловым, то логики в действиях Г. К. Жукова действительно не просматривается. Развитие наступления кавалерийского корпуса представлено едва ли не победным маршем. Собственно, о боях под Юхновом Белов пишет: «Мы одну за другой освобождали деревни, выгоняя немцев на мороз. 2 января захватили юхновский аэродром. Несколько кавалерийских отрядов вышли на Варшавское шоссе, у деревни Касимовки, в восьми километрах юго-западнее Юхнова, освободив при этом около пятисот советских военнопленных, которых немцы намеревались угнать в Спас-Деменск»²⁰.

Авторский коллектив под руководством Маршала Б. М. Шапошникова в книге «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», вышедшей под грифом «Секретно» в 1943 г., тезис об особой успешности наступления 1-го гвардейского кавкорпуса не подтверждает. Действия корпуса П. А. Белова под Юхновом в этой работе описываются следующим образом: «Боевые действия войск группы генерала Белова после 31 декабря проходили в такой последовательности: находившаяся на правом фланге группы с задачей прорваться в юхновском направлении 41-я кавалерийская дивизия с 1 по 4 января вела бои на фронте Солопихино, Зубово. К тому же времени 57-я и 1-я гвардейская кавалерийские дивизии,

получившие такую же задачу, что и 41-я кавалерийская дивизия, с боями преодолевали рубеж Житеевка, Сухолом, Жеремесло (2 км западнее Сухолома), Куркино. Левофланговые 75-я и 2-я гвардейская кавалерийские дивизии наступали в направлении на Давыдово с целью выйти в район западнее Юхнова. К 4 января обе дивизии были остановлены противником на фронте Тибеки, Давыдово, Фошня, Петушки (2 км юго-восточнее Фошни), завязался огневой бой. 6 января немцы силою до трех пехотных полков при поддержке танков и авиации перешли в контратаку с фронта Озеро, Сулихово, Живульки и вынудили части левого фланга группы отойти на линию Давыдово, Фошня, Беклемищево. На этом рубеже завязался ожесточенный бой. Части 41-й, 57-й и 1-й гвардейской кавалерийских дивизий вели тяжелые бои на прежнем фронте. Войска кавалерийской группы испытывали недостаток боеприпасов. В связи с этим генерал Белов 7 января решил перейти к обороне».

Как мы видим, весомых результатов в боях на ближних подступах к Юхнову корпусу П. А. Белова достигнуть не удалось, и он вынужденно перешел к обороне. Более того, на левом фланге под воздействием контратаки немцев он был вынужден отступить. Картина, нарисованная в исследовании, подтверждается оперативными сводками Генерального штаба Красной армии. Первый раз группа Белова и город Юхнов встречаются на страницах оперсводок 30 декабря: «Опергруппа Белова, продолжая преследование отходящих частей противника в северо-западном направлении, к исходу 30.12 главными силами достигла района г. Юхнов». На следующий день оперсводка констатирует: «Опергруппа Белова развивала наступление в направлении г. Юхнов. Данных о положении частей к исходу 31.12 не поступало». В оперативной сводке на 8:00 2 января сказано «Опергруппа Белова вела бои за овладение г. Юхнов». На следующий день, 3 января 1942 г. положение кавалерийского корпуса Белова характеризуется следующим образом: «Опергруппа Белова вела упорные бои с крупными силами противника». 4 и 5 января то же самое: «Опергруппа Белова вела бои с частями прикрытия противника на юхновском направлении» и «Опергруппа Белова продолжала вести упорные бои с противником на Юхновском направлении». Только 7 января эта заезженная пластинка меняется на «Опергруппа Белова вела наступательные бои с противником на мосальском направлении».

Тезис П. А. Белова о том, что он мог взять Юхнов очередным обходным маневром представляется неубедительным. Он с вечера 30 декабря почти неделю без особых результатов пытался преодолеть оборону немцев под Юхновом. Перенос направления удара означал растягивание фронта, разрежение боевых порядков, что в схватке с активным и решительным противником было опасно. Уже 2 января 1942 г. не все соединения корпуса вели наступление, утренняя оперсводка Генштаба от 3 января гласит: «2 гв. кд, отражая атаки противника, вела бои на рубеже Любимово — Жилетово». Напротив, оперативная сводка ОКВ, датированная 2:00 3 января дышит оптимизмом: «Южнее г. Юхнов удалось потеснить противника на отдельных участках, отбит противник, атаковавший с юго-запада севернее Zubovo». Zubovo это населенный пункт под Юхновом. Кроме того, П. А. Белов умалчивает о том, что поворот на Мосальск состоялся не сразу после полученного 3 января приказа, а только 6-го числа.

Вполне логично, что для сохранения темпов операции Г. К. Жуков развернул застрявший на неделю под Юхновом кавалерийский корпус на новое направление, рассчитывая захватить Юхнов силами подходящей с востока 50-й армии И. В. Болдина. Не приходится сомневаться, что если бы 1-й гвардейский кавалерийский корпус оставили под Юхновом, то Г. К. Жукову впоследствии были бы предъявлены претензии в недостаточной гибкости ведения операции. Вместо душещипательной истории о «нелогичном» повороте на Мосальск были бы рассказы о «бессмысленных лобовых атаках» на Юхнов.

Смещение направления удара 1-го гвардейского кавалерийского корпуса не изменяло задач Западного фронта в целом. Просто Юхнов, оказавшийся более крепким орешком, чем предполагалось вначале, перепоручался подходившим с востока стрелковым соединениям 50-й армии И. В. Болдина. Директива Г. К. Жукова командующим 43, 49 и 50-й армиями № 0152/оп от 8 января 1942 г. гласила: «...командарму 50 — разгромить зубово-юхновскую группировку противника и не позднее 11.1 овладеть Юхнов; в дальнейшем, взаимодействуя с группой Белова, главными силами наступать в общем направлении на Слободка, Вязьма»²¹. В свою очередь, направления наступления войск Западного фронта и задачи фронта, как таковые, определялись Ставкой ВГК. Именно директивы Ставки оформили документально боевые действия под Москвой в январе—

апреле 1942 г. как попытку разгрома противника ударами по сходящимся направлениям Калининского и Западного фронтов.

Координатором действий двух фронтов Г. К. Жуков стал только в конце января 1942 г., а в его начале, когда, собственно, разворачивал Белова от Юхнова, он был лишь одним из игроков спланированного наверху зимнего наступления. Фактически приказы Жукова 50-й армии и 1-му гвардейскому кавкорпусу от 8 января были детализацией директивы Ставки ВГК от 7 января 1942 г.: «Командующему Западным фронтом: разгромить не позднее 11 января юхновско-мосальскую группировку противника, нанести главный удар — силами ударной группы т. Белова и 50-й армии на Вязьма и завершить окружение Можайско-гжатско-вяземской группировки противника, во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта»²².

Хорошо видно, что назначенная Жуковым дата захвата Юхнова 11 января 1942 г. есть не что иное, как проекция на подчиненных указаний Ставки ВГК. Впоследствии этот срок постоянно сдвигался, так как под Юхновом подошедшие к нему стрелковые соединения завязли в позиционных боях. Строго говоря, кавкорпус Белова не был повернут от конечной цели наступления: за поворотом примерно на 90 градусов на Мосальск последовал поворот на Вязьму также на 90 градусов. Фактически кавалеристы не меняли направление своих действий, а обходили крупный узел сопротивления немцев. Выход на тылы мосальской группировки противника был побочным продуктом этого маневра. Сам Юхнов войска 49-й армии заняли только 5 марта 1942 г. после тяжелых позиционных боев.

Однако драматично описанный в мемуарах эпизод с г. Юхновым является не единственной претензией к ведению Г. К. Жуковым Ржевско-Вяземской операции. Не так давно опубликован доклад полковника Генштаба К. В. Васильченко, датированный маем 1942 г. Он написал следующее: «Если бы Западный фронт сначала всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50-я и гр. Белова) обрушился на юхновскую группировку, окружил бы ее и уничтожил, для чего по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с Калининским фронтом мог бы ликвидировать сычевско-гжатско-вяземскую группировку противника. Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими

целями, хотел одновременно разгромить гжатско-вяземскую, юхновскую, спас-деменскую, мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями. Даже тогда, когда 43-я и 49-я армии были правильно нацелены для разрешения общей задачи по прорыву обороны противника с целью соединения с частями западной группировки 33-й армии, то и в этом случае не было налажено тесного взаимодействия между ними».

Нельзя не отметить, что доклад Васильченко был написан в мае 1942 г., еще до того, как стали «котлами» крупные ударные группировки Юго-Западного, Калининского и Волховского фронтов. Вторит Васильченко начальник разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса А. К. Кононенко. Он также использует оборот речи «растопыренными пальцами», предъявляя Г. К. Жукову обвинения в распылении сил: «По плану Ставки в январе 1942 года Западный и Калининский фронты должны были наступать в общем направлении на Вязьму, нанося концентрический удар с целью окружить Гжатско-Вяземскую группировку немцев. Что же делает Западный фронт для того, чтобы выполнить такую задачу? Он максимально распыляет свои силы, наносит удар не одним мощным кулаком, а растопыренными пальцами, организует не один удар, а целых пять. Вот они: 1-й удар — с целью прорвать оборону немцев на реке Лама и наступать на Сычевку совместно с Калининским фронтом (кстати, Калининский фронт и не думал вести какие-либо активные действия на этом направлении); 2-й удар — с целью прорвать оборону на реке Лама и захватить Гжатск; 3-й удар — с задачей прорвать оборону на реках Руза и Нара и овладеть Можайском, Боровском, Малоярославцем, Медынью; 4-й удар — наносится по Юхновской группировке противника с целью овладеть Юхновым и отрезать немецкую группировку (выталкиваемую третьим ударом); наконец, 5-й удар — наносится с целью захвата районов Киров, Мосальск, Сухиничи и выхода на рокаду Вязьма, Киров»²³.

Мнение в обоих случаях достаточно аргументированное и авторитетное. Но давайте перейдем от общих рассуждений к конкретике. О каком «одном мощном кулаке» может идти речь? Зимой 1941 /42 г. у Красной Армии не

было самостоятельных механизированных соединений, и это делало не имеющими перспективы глубокие удары. Немцы могли осуществлять такие операции, как окружение Западного и Резервного фронтов под Вязьмой в октябре 1941 г. за счет наличия танковых групп. Объединенные в танковые группы моторизованные корпуса имели в своем составе танковые и моторизованные дивизии, пригодные для прорыва в глубину крупных масс танков и мотопехоты. Именно танковые группы были теми самыми «мощными кулаками», которые могли выполнить те задачи, о которых пишут Васильченко и Кононенко.

Создание «кулаков» из наполнявших армии начала 1942 г. стрелковых дивизий не давало нужного эффекта. Передвигающаяся пешком пехота не могла обеспечить достаточно быстрого продвижения вперед, чтобы противник не успел отреагировать и парировать это продвижение. Несколько более подвижные кавалерийские корпуса могли решать ограниченный круг задач — их ударные возможности были весьма ограниченными. В силу этих причин даже с использованием «костылей» в лице воздушных десантов темп продвижения «мощных кулаков» Красной армии оставлял желать лучшего. Это позволяло немцам перебрасывать резервы, останавливать наступление, а затем отсекать вторгшиеся в построение их армий «аппендиксы».

За примерами далеко ходить не приходится. Ударная группировка Юго-Западного и Южного фронтов в составе нескольких армий в ходе Барвенковско-Лозовской операции под Харьковом пробилась довольно глубоко, но окружения крупных сил противника в Донбассе не получилось. Точно так же довольно глубоко продвинулась 2-я ударная армия Волховского фронта, но запланированного окружения вновь не получилось. Впоследствии обе ударные группировки были отрезаны и уничтожены, соответственно в мае 1942 г. и в июне 1942 г. Стандартным приемом немцев, уменьшавшим результативность наступлений зимой 1941 /42 г., являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва. Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от «лобовых атак», советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за «угловой столб».

В любом случае «угловой столб» суживал прорыв, облегчая обрезание его горловины, а также оставлял за немцами контроль крупной коммуникацией, идущей к прорвавшимся в глубину построения немецких войск советским армиям. Например, в случае с Харьковом таким «угловым столбом» был Славянск. Он как суживал горловину барвенковского выступа, так и перехватывал крупную транспортную артерию, проходящую через него. Сужение горловины прорыва впоследствии позволило относительно слабой группе Клейста обеспечить окружение войск трех советских армий под Харьковом в мае 1942 г. Сражения за «угловые столбы» были типичными для наступлений на других фронтах и неизбежно превращались в кровопролитные позиционные бои.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков понимал или по крайней мере чувствовал все эти моменты. Поэтому он не воспользовался советом полковника Васильченко и не создал сильной ударной группировки на левом фланге фронта (очевидная альтернатива «растопыренным пальцам»). Жуков предпочитал наносить ряд ударов на небольшую глубину, призванных нашинковать фронт противника на ряд мелких «котлов». Он понимал, что без крупных самостоятельных механизированных соединений прорыва в глубину и окружения крупных сил противника достигнуть практически невозможно. Поэтому Г. К. Жуков перепланировал на ходу операцию Калининского фронта, когда стал командующим Западным стратегического направления. Выполняя директиву Ставки ВГК, командующий Калининским фронтом И. С. Конеv собрал «один мощный кулак» в лице 39-й и 29-й армий и направил его к Вязьме. Города Вязьма и шоссе Вязьма — Смоленск достигает только кавалерийская группа Горина, перехватить его она не может. В ответ немцы 29 января начинают контрнаступление и в начале февраля отсекают эти две армии от основных сил фронта. Только успешное наступление Северо-Западного фронта позволяет избежать катастрофы.

Получив в свое подчинение Калининский фронт, Жуков видоизменяет форму операции. Вместо попытки образовать громадный котел в треугольнике Вязьма — Ржев — Юхнов он решил нарезать группировку немецкой 9-й армии на несколько частей. Так, 20-я армия получила задачу выйти в тыл немецкой группировки в районе Ржева, 5-я армия должна была нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии. Тем самым

уменьшалась глубина продвижения в оборону противника, и задача создания окружения становилась ближе к реальности. Жуков даже в соображениях о проведении совместного наступления Западного и Калининского фронтов писал: «Для более успешного проведения операции ржевско-вяземскую группу противника расчленим на две части...» Уменьшение глубины задач также облегчало маневрирование направлением главного удара: неудачи 20-й армии в феврале 1942 г. заставили Г. К. Жукова перенести участок прорыва в полосу соседней 5-й армии.

В заключение хотелось бы сказать о 33-й армии М. Г. Ефремова. По мнению автора, этой странице Московской битвы в последние десятилетия уделяется чрезмерное внимание, совершенно непропорциональное ее реальному месту и масштабам. Так называемая «западная группировка» 33-й армии, отрезанная от основных сил фронта, насчитывала всего 12 780 человек на 11 марта 1942 года²⁴. Потери 33-й армии с 1 февраля по 10 марта 1942 г. составили 5245 человек²⁵. Для сравнения, потери всего Западного фронта за тот же период, с 1 февраля по 10 марта 1942 г., составили 165 800 человек²⁶. То есть потери армии М. Г. Ефремова составили 3,1% потерь войск Западного фронта. Почему же этой армии уделяется непропорционально большое внимание? В начале 1942 г. Западный фронт вел напряженные позиционные бои в условиях нехватки боеприпасов и без значительного превосходства над противником. Некоторые цифры: 43-я армия с 1 марта по 1 апреля 1942 г. потеряла 24 608 человек, в том числе 6206 человек убитыми и 1033 человек пропавшими без вести²⁷. 50-я армия теряет в феврале 13 604 человека, в марте — 16 334 человека. 50-я армия за апрель 1942 г. потеряла 49 401 человека, в том числе 17 962 человек безвозвратно, то есть убитыми и пропавшими без вести²⁸. Заметим, что только безвозвратные потери армии И. В. Болдина в апреле 1942 г. с избытком перекрывают численность «западной группировки» 33-й армии, судьба которой стала предметом множества исследований.

Ограниченные успехи советских войск в Ржевско-Вяземской операции января–апреля 1942 г. объясняются в первую очередь объективными причинами: соотношением сил, нехваткой боеприпасов, неразвитостью тактики штурмовых групп. Субъективные факторы играли куда меньшую роль, чем иногда представляется в некоторых современных исследованиях.

- ¹ Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Мн.: Харвест, 2003. С. 126.
- ² Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. С. 277.
- ³ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. I. М., Воениздат, 1958. С. 441.
- ⁴ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. III. М., Воениздат, 1958. С. 307.
- ⁵ Zetterling N. Normandy 1944. German Military Organization, Combat Power and Organizational Effectiveness. J.J. Fedorowicz Publishing, Inc., 2000. P. 32.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. I. М., Воениздат, 1958, С. 525.
- ⁸ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М., ЦНИИИИТИКПК, 1993. С. 260.
- ⁹ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. II. М., Воениздат, 1958, С. 277.
- ¹⁰ Составлено автором по ведомостям ГАУ КА (ЦАМО РФ, ф. 81, оп. 12075, дд. 43,307).
- ¹¹ Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933–1942. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 209.
- ¹² ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1048, л. 104.
- ¹³ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4(1)). М., Терра, 1997. С. 319.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Роковые решения. Поход на Сталинград. СПб.: ООО «Издательство „Полигон“», 2000. С. 129.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ Там же. С. 126.
- ¹⁸ Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Мн., Харвест, 2003. С. 76.
- ¹⁹ Белов П. А. За нами Москва. М., Воениздат, 1963. С. 168.
- ²⁰ Белов П. А. Указ. соч. С. 164.
- ²¹ Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., Мосгорархив, 1994. С. 94.
- ²² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4(1)). М., Терра, 1997. С. 227.
- ²³ Свердлов Ф. Д. Ошибки Г. К. Жукова (год 1942). М., Монолит, 2002. С. 34–35.
- ²⁴ Военно–исторический архив, № 3. С. 160.
- ²⁵ Военно–исторический архив, № 3. С. 162.
- ²⁶ Подсчитано автором по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, лл. 79, 80, 82, 89.
- ²⁷ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, л. 87.
- ²⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, л. 98.

Книга тридцать четвертая

СТАЛИНГРАД

1942-й — переломный

Борьба за стратегическую инициативу: нереализованные надежды

М. Ю. Мягков*

Эхо Московской битвы: стратегическое положение и планы сторон весной 1942 г.

Первая решающая битва Великой Отечественной войны — битва за Москву — во многом предопределила весь дальнейший характер и течение глобального мирового конфликта. Германским войскам не удалось взять ключевой пункт своей кампании на Востоке и тем самым поставить Советский Союз на колени. Красная Армия своей героической обороной сорвала гитлеровский блицкриг и стяжала славу быть главной надеждой всей оккупированной Европы на освобождение от коричневой чумы. Начавшееся в декабре 1941 г. контрнаступление РККА подвело ранее непобедимый вермахт к первому тяжелейшему кризису. В какой-то момент кремлевскому руководству показалось, что в войне произошел окончательный перелом, и инициатива навсегда перешла к советской стороне. Но до полной победы было еще далеко. Германия смогла восполнить свои ресурсы за счет собственного потенциала и возможностей подчиненных ей стран. В то же время, в ходе Московской битвы Красная Армия понесла огромные потери. Только в период контрнаступления они превысили 370 тыс. человек (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). На начало 1942 г. пришелся и наибольший спад военного производства СССР. Сотни эвакуированных заводов только начинали налаживать выпуск военной техники и вооружения. Беспощадный натиск германской армии был остановлен и опроки-

нут вспять железной волей советского народа, но предыдущие потери, дефицит материальных средств и необходимого опыта в проведении широких наступательных операций не позволили советскому командованию довести наметившийся перелом до логического завершения. Немцам удалось спасти свой фронт от развала.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и др. частей, формируемых для отправки на фронт. Не хватало опытных командиров, особенно младшего и среднего звена. Уже закаленные в боях соединения получали лишь краткосрочный отдых. Промышленные возможности не позволяли наладить снабжение войск даже самым необходимым вооружением и боеприпасами. В связи с этим Ставка ВГК своей директивой от 29 февраля 1942 г. вынуждена была установить предельный лимит расходования боеприпасов на март месяц «сверх возимых запасов» в чрезвычайно малых объемах: патроны 7,62 мм и 12,7 мм — 2 боекомплекта; гранаты — 1 б/к; мины всех калибров — 2 б/к; выстрелы 76 мм орудий — 2 б/к¹. Для большей ясности отметим, что такое количество боеприпасов в последующих наступательных операциях конца 1942–1943 гг., как правило, расходовалось советскими войсками всего за четыре–пять дней сражения.

Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой–весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным

---

* Михаил Юрьевич Мягков — д.и.н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к «стратегической обороне» на всем Восточном фронте². Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить вооруженные силы Советского Союза и заставить Москву заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание — теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее, ряд высокопоставленных руководителей рейха придерживались более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования³.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941–1942 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России, а генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться»⁴. Зимой 1941–1942 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руко-

водстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой, а, следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовалось руководством Красной Армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились новые соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

В 1942 году война вступила в новую стадию. На стороне СССР теперь стояли не только Великобритания, но и США, образовался могущественный союз свободолюбивых народов. Одновременно мировой конфликт достиг своего наивысшего накала, и противоборствующие коалиции разворачивали на полную мощность свой военный потенциал. Исход войны теперь зависел от того, насколько грамотно смогут распорядиться своими превосходящими ресурсами союзники по антигитлеровской коалиции, и насколько успешным окажется их сопротивление блоку агрессоров, который стремился использовать для достижения победы остающиеся стратегические козыри. Главными из них были огромные людские и материальные потери СССР в 1941 году и возможность Германии восполнить собственные потери за счет эксплуатации основной территории Европы в условиях неготовности Англии и США открыть второй фронт во Франции. Четко управляемая военная машина третьего рейха по-прежнему располагала опытными командными кадрами и могла задействовать в новом наступлении хорошо обученные соединения. Командование вермахта рассчитывало также на восстановление морального потенциала основной массы немецких солдат после неудач зимы 1941–1942 года.

Первоочередной задачей антигитлеровской коалиции было надломить силу агрессоров и повернуть войну вспять. Победа в Московской битве создала благоприятные предпосылки для нанесения Германии уничтожающего удара уже в 1942 году. Сравнение основных показателей говорило само за себя: СССР, США и Англия по своим людским ресурсам превосходили агрессор-

ров в два раза. Военно-экономический потенциал стран антифашистской коалиции также намного превышал потенциал блока фашистских государств⁵. Подобная статистика могла греть сердце начальникам штабов армий западных союзников и служить успокаивающим средством для британского премьера У. Черчилля и американского президента Ф. Рузвельта. Однако она пока никак не облегчала положение Советского Союза, вынужденного в одиночку противостоять нацистской машине уничтожения, питавшейся за счет эксплуатации всей Европы. В начале 1942 года Германия вместе с подчиненными странами была в военном отношении значительно сильнее ослабленного СССР

Продолжение успешного сопротивления СССР являлось главным условием достижения будущей победы всего Великого союза. Но даже после краха германского «блицкрига» британский кабинет и Белый дом сомневались в эффективности процесса восстановления боевой мощи Красной Армии. Поэтому они не спешили давать Москве какие-либо обещания относительно ее территориальных претензий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны. В декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался на переговорах со Сталиным подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г. Уклонился он и от обсуждения вопроса о польско-советской и советско-финской границе⁶. Против признания советских территориальных запросов в Европе выступал в то время американский Госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, а также некоторые ближайшие помощники президента — в частности А. Гарриман⁷. Обсуждая 22 января 1942 г. с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном американскую стратегию на советском направлении и поставки в СССР, Гарриман предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. Он полагал, что советский лидер все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему почаше дружеские послания и повторяющиеся завере-

ния о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»⁸.

«Дружеские послания», конечно, были важны, но они никак не могли заменить второго фронта и скорейшего увеличения военных поставок в СССР. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще сохранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь данные, полученные от военных дипломатов. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж. А. Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что хотя прежние данные о военном потенциале СССР (отводившие ему роль легкой жертвы нацистской Германии. — М. М.) оказались фальшивыми, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и эвакуации, в то время как месячный объем выпуска самолетов не превышал 1500 единиц⁹.

Ничто не может умалить храбрость солдат Великобритании, США, Китая, английских доминионов, сил сопротивления других свободлюбивых государств, которые в начале 1942 г. вели ожесточенные оборонительные сражения в Атлантическом и на Тихом океане, в Северной Африке и в Восточной Азии с морскими, воздушными и сухопутными войсками стран оси, нанося им существенный урон. Но исход войны решался именно — на советско-германском фронте. Академик А. М. Самсонов отмечал: «В высших правительственных и военных сферах США и Англии понимали, какое решающее значение имела борьба на советско-германском фронте для судьбы всей Второй мировой войны. Разрабатывая планы военных действий, руководящие деятели США и Англии базировались в первую очередь на анализе обстановки на Восточном фронте, однако исходили лишь из своих интересов. Летом 1942 г. английская разведка сообщала: „Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение“. В июне 1942 г. на происходившем в Вашингтоне совещании американских и английских начальников штабов было решено, что и английские и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. „Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.“, — заявили англичане на первом же совместном заседании штаба в Вашингтоне»¹⁰. Вместо боевых

действий на Европейском континенте союзники предпочли развернуть в 1942 году главные операции в Северной Африке, на второстепенном участке Второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

Помощь Советскому Союзу была пока незначительной, что служило поводом для различных политических спекуляций по поводу намерений Москвы. В Вашингтоне стали циркулировать слухи о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. Так, помощник начальника штаба Управления военной разведки Р. Ли в меморандуме от 12 февраля 1942 г. «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров», указал, что, с одной стороны, «русские говорят о своих больших возможностях и успехах восстановления экономики, но, в то же время, подчеркивают свое плачевное положение и ругают нас за недостаточную поддержку. Такие противоречивые заявления, — замечал Р. Ли, — делаются, очевидно, намеренно, чтобы скрыть истинное положение дел... и служат ширмой для оппортунистических изменений в политической линии, как в ходе самой войны, так и на будущей мирной конференции...»¹¹.

Однако генеральной линией Рузвельта и его ближайших помощников на советском направлении — таких, как Г. Гопкинс, бывший посол в Москве Д. Дэвис и др., — оставалась всемерная возрастающая поддержка СССР и трезвые оценки его потенциала и национальных интересов. Политическая мудрость американского президента проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Хозяин Белого дома искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной Армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага.

В то же время Рузвельт был прагматиком, который не только осуществлял общее военнополитическое руководство военными действиями своей страны, но постоянно держал в уме способы наиболее эффективного и бескровного использования американских сил в развернувшемся глобальном конфликте. Вступление в сражения на Европейском континенте должно было стать для граждан США ожидаемым и положительным событием, влекущим за собой и достойное вознаграждение.

В 1942 году ожесточенные схватки с врагом развернулись на гигантском пространстве Зем-

ного шара, на море и в воздухе, однако именно перелом на Востоке означал бы нанесение третьему рейху (основной силе фашистского блока) смертельной раны. Это понимали в Берлине, и германское командование делало все от него зависящее, чтобы весной 1942 г. не просто стабилизировать фронт, но и возобновить наступление против СССР. Перебороть третий рейх, который приобрел бы после краха Советского Союза контроль над его природными богатствами и соединился на суше с Японией, было бы в обозримой перспективе абсолютно невыполнимой задачей.

Стремилось развить свой успех и советское командование, уже ощутившее вкус победы, оно могло использовать для достижения окончательного перелома в войне морально-психологический порыв своих подчиненных и возникшее вместе с обретением стратегической инициативы чувство уверенности в своих силах. В соответствии с решением Ставки ВГК 8 января 1942 г. началось общее наступление советских войск от Ладужского озера до Черного моря. На центральном участке продолжались попытки продвижения вперед Западного, Калининского и Брянского фронтов. С 8 января до 20 апреля осуществлялась Ржевско-Вяземская операция¹². Однако крупные просчеты в планировании и управлении войсками, недостаток сил и средств, особенно механизированных соединений, не позволили советскому командованию окружить и уничтожить основные силы группы армии «Центр». Незавершенным по тем же причинам осталось и наступление на других участках советско-германского фронта. Тем не менее, львиная доля немецких частей на Востоке была не просто серьезно ослаблена, но и потеряла способность вести наступление. Руководство сухопутных войск Германии вынуждено было тратить значительные резервы на ликвидацию прорывов РККА и укрепление своих оборонительных позиций. Группа армий «Центр» — мощнейшая в рядах вермахта — была отброшена на запад на 100–350 км. Полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей. Немецкая пехота смогла избежать худших для себя последствий, но группа армий «Центр», оставаясь в обороне и под постоянной угрозой новых прорывов своего фронта, не могла перебросить сколько-нибудь значительных сил для других направлений. Она продолжала нести существенные потери. Подобную

войну — тяжелую, грязную, окопную — немцы вскоре стали называть «крысиной». Напротив, для большей части воинов Красной Армии зимние успехи 1941–1942 г. стали доказательством того, что вражеская пропаганда о непобедимом вермахте является мифом. Все возвращается на свои места и они, безусловно, встретят окончание войны в Берлине. Боевой дух красноармейцев и командиров приобретал новое измерение. Только в ходе битвы под Москвой за доблесть и мужество около 40 частей и соединений РККА получило звание гвардейских¹³.

После окончания активной фазы боев на центральном участке советско-германского фронта — в апреле 1942 г. — стороны могли подвести некоторые предварительные итоги. После потерь и поражений лета–осени 1941 г. победа под Москвой улучшила военно-политическое и международное положение Советского Союза, укрепила антигитлеровскую коалицию, заставила правящие круги Японии и Турции с возросшей осторожностью смотреть на свое участие в войне против СССР, вдохнула надежду на скорое освобождение народам оккупированных немецкими войсками стран. Ряд историков именно с Московской битвой связывают начало коренного перелома в войне, который окончательно стал фактом после победы советских войск под Сталинградом и завершился разгромом немецких войск на Курской дуге.

Гитлер, напротив, считал, что после преодоления кризиса под Москвой уничтожение СССР и использование его ресурсов будет достигнуто путем нового наступления на южном фланге. В какой-то степени это решение возвращало германское командование к выполнению изначально намеченной цели — получить в ходе войны на Востоке доступ к богатым месторождениям нефти Кавказа и хлебу Кубани и Ставрополя. Логическим продолжением ожидаемого успеха в России был последующий захват стран Ближнего и Среднего Востока и выход к Индийскому океану. Детали продолжения наступательных операций в Советском Союзе стали разрабатываться верховным командованием Германии еще с октября 1941 г. Но ситуация под Москвой смешало все карты. Тем не менее, на летнюю кампанию 1942 г. перед сухопутными войсками вермахта ставилась главная задача — возобновить наступление на юге СССР, разрешив одновременно вопрос о Ленинграде. Директивой ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. предусматривалось: «... Сохраняя положение на центральном участке,

на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ».

С конца весны 1942 г. командование вермахта начало сосредотачивать для наступления в направлении Кавказа крупную группировку войск. Под руководством начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау». Немецким замыслом предусматривалось наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на остро-гожском 6-й армии. По достижении Воронежа группа «Вейхс» должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение германских сил группы армий «Юг» на две самостоятельные — «А» и «Б», которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

Весной 1942 г. произошел целый ряд обстоятельств, который способствовал достижению немцами новых впечатляющих успехов. Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования в 1942 г. году будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и некоторые военные руководители, полагали, что немцы могут ударить и на Москву, поэтому для защиты столицы были сосредоточены главные советские силы. Еще на завершающем этапе Ржевско-Вяземской операции Ставка ВГК стала выделять значительные материальные и людские средства на восстановление Можайского полевого оборонительного рубежа. Серьезное беспокойство начальника Генерального штаба РККА маршала Б. М. Шапошникова, высказанное в телеграмме Главкому Западного направления генералу армии Г. К. Жукову от 24 апреля 1942 г., вызывал тот факт, что основная масса населенных пунктов вблизи передовой была перегружена тыловыми частями и учреждениями, что «затрудняло проведение оборонительных работ и приведение рубежа в боевую готовность»¹⁴. Задачи укрепления обороны оставались приоритетными для Западного и Калининского фронтов и в последующий период. 21 мая Генштаб предупреждал, что на ряде участков соединения Красной Армии, оставаясь на тех рубежах, которых они достигли в период зимнего наступления, вопросами улучшения своих позиций

совершенно не занимались. В отдельных армиях не налажено боевое охранение, части растянуты в линию, не везде создана система опорных пунктов и выделены силы для защиты стыков. Враг, пользуясь этими недочетами, стремится нанести нашим войскам локальные поражения. Факты успешных мероприятий с целью маскировки и введения противника в заблуждение оставались пока единичными¹⁵.

Боевые части РККА в ходе успешного контрнаступления, казалось, избавлялись от страха перед вражеской мощью. Этому процессу способствовали экстренные меры верховного командования по формированию свежих соединений, придания им более гибкой системы управления. Перевод значительной части Действующей армии на новые сокращенные штаты, создание в 1941 г. наряду с дивизиями стрелковых, танковых и других бригад, отказ от корпусного звена в бронетанковых войсках¹⁶ отражало реалии того периода войны: стремление повысить эффективность руководства войсками путем его упрощения. Такие меры считались временными, но были неизбежными в виду понесенных потерь. К тому же они позволяли осуществлять быстрое пополнение потрепанных формирований, сохраняя в их составе закаленное ядро выживших бойцов и командиров.

К весне 1941 г., когда стало понятно, что оборонная промышленность в районах эвакуации в короткий срок способна освоить выпуск танков Т-60, Т-70, Т-34, КВ, советское верховное руководство решило воссоздать механизированные соединения. Армии необходимы были ударные кулаки. Опыт войны наглядно свидетельствовал, что без мощных бронетанковых формирований, способных выполнять самостоятельные задачи не только в тактическом, но и оперативно-стратегическом масштабе борьба с танковыми армиями противника и глубокое наступление практически невозможны. Постановлением ГКО от 16.02.1942 г. предусматривалось создание сразу 120 танковых бригад, которые комплектовались бойцами в возрасте не старше 35 лет. С марта 1942 г. началось массовое формирование танковых корпусов (куда входили танковые бригады), а затем и танковых армий. В мае 1942 г. появились 3-я и 5-я, а в июле 1-я и 4-я танковые армии. Сильной стороной этих объединений была концентрация значительных сил под единым командованием. С другой стороны, их маневренные действия были затруднены наличием в них стрелковых дивизий, об-

ладавших малой подвижностью¹⁷. Лишь в конце 1943 г. в состав танковых армий вошли механизированные корпуса, способные поддерживать быстрое наступление. Высокую маневренность и ударную силу советским танковым объединениям придавали грузовые и бронеавтомобили, многие из которых в возрастающем объеме стали направляться из США в СССР рамках ленд-лиза с первой половины 1943 г. Однако в 1942 г. возможностей насытить войска автомобильной техникой у Ставки ВГК просто не было. Сказывались потери 1941 г., трудности организации собственного производства и незначительные поставки по ленд-лизу.

Большое значение Ставка ВГК придавала широкому использованию в будущих боях гвардейских минометных частей (ГМЧ), состоявших из знаменитых «Катюш». Уже осенью 1941 г. для более эффективного применения установок М-8 и М-13 на фронте стали формироваться оперативные группы минометных частей (Южная, Брянского фронта, Юго-Западная, Северо-Западная, Ленинградская). Создание оперативных групп ГМЧ продолжилось и в 1942 г. Возросшее поступление «Катюш» позволило создать к июню 1942 г. в Действующей армии 8 фронтовых и 4 армейские группы гвардейских минометов (всего 67 полков и 43 отдельных дивизиона). С освоением промышленностью новой установки М-30 в войсках стали формироваться тяжелые гвардейские минометные полки. В 1942 году советские «Катюши» внесли неоценимый вклад в срыв планов противника захватить Кавказ и выйти к Волге. Тяжелые потери врагу наносила, в частности, оперативная группа ГМЧ Сталинградского фронта, образованная в сентябре 1942 года¹⁸. В последующие периоды войны гвардейские минометы неизменно участвовали во всех главных операциях Красной Армии, помогая сокрушать оборону вермахта на участках прорыва.

В начале 1942 г. руководство СССР стремилось до предела использовать все доступные источники, питавшие военные усилия Красной Армии. В первой половине 1942 г. отзывались в тыл ранее призванные или ушедшие добровольцами на фронт научные сотрудники, квалифицированные рабочие, железнодорожники и лица ряда других профессий, имевших важнейшее значение для военной экономики. Более планомерным становилось обучение командного состава в училищах и на краткосрочных курсах, подготовка запасных частей. Налаживалась

система поощрения солдат и офицеров, активно совершенствующих свои навыки владения оружием. Постановлением ГКО от 11 мая 1942 г. «в целях наиболее эффективного использования пулеметного оружия, повышения роли и ответственности рядового, младшего и среднего начсостава пулеметных частей и подразделений, а также укомплектования их лучшим составом» предусматривалось присваивать опытным красноармейцам-пулеметчикам звание ефрейтор. Одновременно повышались оклады содержания в пулеметных подразделениях. Старшина роты должен был получать в месяц до 65 руб., командир взвода — 700 руб., командир роты — 800 руб.¹⁹. Все эти меры, наряду с продолжением всемерной популяризацией фактов грамотного поведения советских солдат в бою, стимулированием методами пропаганды и системой воинских наград их доблести и героизма, медленно, но верно способствовали качественному совершенствованию личного состава РККА, укреплению в нем чувства уверенности в собственных силах.

Моральное состояние в большинстве соединений РККА в начале 1942 г. определялось командованием как «здоровое и устойчивое». Случаев героического поведения военнослужащих было множество. Командиры частей личным примером воодушевляли своих подчиненных. Так, в период боев 342-й стрелковой дивизии 61-й армии за овладение н.п. Долбенскими выселками, когда захлебнулась очередная атака подразделений 1148-го стрелкового полка, его командир майор Н. П. Карамушко и комиссар старший политрук И. Г. Плиха подняли бойцов и повели их за собой. Они пали смертью храбрых, но обеспечили выполнение частью поставленной задачи. В тот же период в коммунистическую партию вступило более 200 бойцов 342-й дивизии²⁰.

Тем не менее, боевые характеристики личного состава Действующей Красной Армии, несмотря на то, что многие советские дивизии в предыдущий период приобрели немалый опыт сражений, еще оставались слабыми. По-прежнему хромала дисциплина. Зимой–весной 1942 г. в частях сократились случаи дезертирства и членовредительства, однако факты этих воинских преступлений имели место. Только по данным Особого отдела НКВД 61-й армии за конец января–февраль 1942 г. было зафиксировано 96 случаев дезертирства (из них 7 чел. начсостава) и 15 случаев членовредительства (один

из начсостава). Показательно, что за тот же период никто не привлекался к ответственности за «антисоветские высказывания», хотя спецорганы зафиксировали и взяли в производство несколько таких эпизодов²¹. Политорганы и особые отделы НКВД фронтов в период затухания наступательных операций и возросших потерь стали отмечать случаи подрыва убежденности в окончательной победе, недовольства красноармейцев своими командирами, их неумением руководить боем. Одним из самых неприглядных явлений, распространившимся как в тыловых учреждениях, так и на передовой, стало пьянство, что напрямую влияло на боеспособность частей. В 1150-м стрелковом полку это привело, как показывают документы, к гибели начальника штаба и нескольких других командиров, «шедших в наступление после групповой пьянки». Было отмечено и ряд незаконных расстрелов офицерами своих подчиненных в пьяном виде. Такие явления грозили подрывом боевого духа и распространением пораженческих настроений, подобных тем, которые были высказаны красноармейцем 1146-го стрелкового полка: «Не правду нам говорят, немцы не боятся зимы. Смотри, как чешут по нам. Наши руководители разве считают с нашим братом. Жрут только на войне, а поэтому, нашим телом не можем отогнать немцев, которые едят шоколад и пьют ром...»²².

Гигантские масштабы сверхнапряженной мобилизации, проведенной в 1941 — начале 1942 гг., неизбежно вели в отправке на фронт слабо или совершенно необученного пополнения. Генштаб вынужден был констатировать, что красноармейцы «плохо знают свое оружие, оружие содержится грязно... много оружия остается на поле боя». В соединениях отсутствовала отлаженная система подготовки бойцов, командиров и штабов. На фоне многочисленных случаев нарушения воинской дисциплины слабо велась воспитательная работа в подразделениях²³.

Одним из самых серьезных недостатков Красной Армии в начале 1942 г. была острая нехватка техники, стрелкового автоматического оружия и боеприпасов. Возросшее сопротивление немцев стало поводом к недоверию отдельных бойцов к силе своего оружия. Можно понять настроения тех военнослужащих, которые после неудачной атаки на позиции окопавшегося противника и понесенных потерь от эффективного огня пулеметов, минометов и артиллерийских орудий вермахта, заявляли перед своими товарищами: «все равно мы не победим, так как наше

оружие хуже немецкого»²⁴. Возможности стрелковых дивизий и даже кавалерийских корпусов были ограничены, особенно при глубоком снеге и в период распутицы. Низкий темп советского продвижения вперед приводил к печальным последствиям: немцы, удерживавшие важнейшие транспортные коммуникации, быстро перебрасывали свои резервы на угрожаемый участок и проводили контрудар. Как следствие — значительные силы прорвавшихся частей РККА отсекались от главного фронта. Примером тому служат неудачи зимой–весной 1942 г. 33-й, 29-й и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, 2-й ударной армии Волховского фронта, объединений Юго-Западного фронта под Харьковом в Барвенковско-Лозовской операции и др. Отечественный историк А. В. Исаев замечает в этой связи, что стандартным германским приемом, приводившим к провалу советского наступления в этот период, являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва соединений РККА. «Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от лобовых атак, советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за «угловой столб». Такая тактика противника, в любом случае, сужала прорыв, давала германскому командованию контроль над коммуникациями»²⁵.

Однако и тем количеством боевых средств, которым обладали командующие советскими объединениями в начале 1942 г., можно было распорядиться более основательно и добиваться успеха при продвижении вперед. Беда была в том, что большинство командиров на фронте пока еще не были способны вести наступление практически и грамотно, исходя из имевшихся ресурсов и степени противодействия противника. Опыт приходил на практике и доставался дорогой ценой. «Мощный кулак» (29-я и 39-я армии) генерала И. С. Конева в феврале 1942 г. оказался отсеченным немцами и понес большие потери. Наши войска неминуемо настигла бы полная катастрофа, если бы не наступление Северо-Западного фронта. Однако ряд командующих Красной Армией уже тогда выделялись своим чувством момента и стремились гибко реагировать на изменение ситуации. Так, Г. К. Жуков, став главнокомандующим Западным стратегическим направлением, на ходу перепланировал операцию Калининского фронта, утвержденные

Ставкой. Не обладая значительными подвижными силами и резервами, он решил не зарываться далеко вперед, а провести удары на небольшую глубину, «нашинковать» фронт противника на несколько мелких котлов. На заключительном этапе Ржевско-Вяземской операции 20-й армии ставилась задача выйти в тыл немецкой группировки под Ржевом, 5-й армии нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии. Вместо гигантского окружения врага в треугольнике Ржев — Вязьма — Юхнов предстояло расчленить ржевско-вяземскую группировку противника на две части. Сокращение масштабов задач облегчало маневрирование силами: например, в феврале 1942 г. удар 5-й армии был перенесен Жуковым в полосу наступления неудачно действовавшей 20-й армии²⁶.

Но полководческого таланта одного Жукова было недостаточно для достижения крупного стратегического успеха. Другие генералы часто либо боялись, либо пока не научились искусству решительного маневра. Ставке и Генштабу приходилось даже разъяснять, что в период наступательных операций нельзя смотреть на разграничительные линии между армиями «как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя для этого и требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операций обстановка». Нельзя идти вперед, «не обращая внимание на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг другу», что облегчает противнику бить советские соединения по частям. Текст соответствующей директивы от 17 мая 1942 г., подписанной И. В. Сталиным и А. М. Василевским, разрешал командующим фронтами «менять в ходе операций разграничительные линии между армиями, менять направления ударов»²⁷. Указания были немедленно доведены до штабов армий. Жуков распорядился спустить их и до уровня дивизий, однако к тому времени широко апробировать их на практике уже не представлялось возможным. Наступательные возможности войск Западного направления были исчерпаны.

Все эти негативные факторы, иллюстрировавшие боевые возможности советской стороны наглядно свидетельствовали о том, что Красная Армия образца весны 1942 г. в целом пока еще не представляла эффективной военной машины, способной в кратчайший срок разгромить вермахт. Напротив, Сталин имел все основания считаться с угрозой нового крушения советской обороны на ключевых направлениях советско-германского фронта.

Повышенное беспокойство Ставки ВГК за свой центральный участок подогревалось и немецкой разведкой. Для того чтобы ввести командование РККА в заблуждение, германская сторона разработала план дезинформационных мероприятий, основу которого составила т.н. операция «Кремль». Предусматривалось проведение перегруппировок сил и средств, передислокация штаба 3-й танковой армии в район Гжатска, усиление аэрофоторазведки Москвы и ее окрестностей, рассылка планов взятия столицы неожиданным ударом вплоть до штабов полков и др.²⁸. Представляется, что подобная дезинформация вкупе с реальными данными о численности немецких соединений на фронте западнее Москвы, стала одной из причин излишнего, порой гипнотического страха, проявлявшегося и в разгар Сталинградской битвы, не пропустить германский бросок в направлении столицы.

Имея в виду исключить захват врагом Москвы и других жизненно важных регионов страны, советское командование не собиралось и просто отсиживаться в обороне. Общий ход летней кампании 1942 г. виделся из Кремля с точки зрения завоевания прочной стратегической инициативы. Намечалось ввести в сражения новые воинские формирования и уже в ближайшее время освободить значительную часть оккупированной территории страны. Однако, как и в ходе предыдущих операций, планы Ставки ВГК грешили переоценкой собственных возможностей и недооценкой силы противника.

В марте 1942 г. на совещании в Государственном комитете обороны маршал Б. М. Шапошников предложил ограничиться на ближайший период активной обороной. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки», и было решено нанести по врагу ряд упреждающих ударов на московском, харьковском направлениях, под Ленинградом, в Крыму и др. участках. На практике, это решение повлекло за собой подготовку и проведение наступательных операций (большего или меньшего масштабов) фактически на всех советских фронтах, за исключением самого северного, Карельского фронта. Намечались следующие действия: разгром ржевско-вяземской группировки противника, освобождение Харькова и всего Крыма, ликвидация демянского плацдарма, операция по деблокаде Ленинграда. Конечной целью Ставки ВГК был выход к концу 1942 г. на границу СССР. Но смелая инициатива изначально несла в себе порок самонадеянности.

Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач — и обороняться и наступать. Отсутствие четкого анализа менявшейся ситуации сыграло свою роковую роль в новых неудачах Красной Армии. К тому же некоторое преимущество в инициативе, возможности выбора участка для нанесения очередного удара, достигнутое в зимние месяцы, было потеряно вследствие неоправданных ошибок верховного руководства в Москве и командования на фронтах.

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Все эти неудачи привели к тому, что уже в начале лета 1942 г. Красная Армия оказалась в тяжелейшем положении и вынуждена была отступать к Сталинграду и Кавказу. Страна вновь стояла на грани катастрофы. Такое развитие ситуации проистекало, безусловно, из общей слабой боевой эффективности наших вооруженных сил и военной экономики. Необходимость скорейшего повышения потенциала Действующей армии, насыщения ее новой техникой и обученным пополнением для того, чтобы не допустить победы врага, а, напротив, окончательно переломить ход в войны в свою пользу — стало тем эхом Московской битвы, которое отчетливо прозвучало весной 1942 года.

Новые испытания: тяжелые бои и поражения советских войск весной — в начале лета 1942 года

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования

Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем²⁹. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Под Демянском

Операция по разгрому демянской группировки противника, включавшей соединения 16-й немецкой армии, началась в рамках общего зимнего наступления советских войск 1941–1942 гг. Главная роль первоначально отводилась 34-й армии генерала Н. Э. Берзарина, входившей в состав Северо-Западного фронта (командующий — генерал П. А. Курочкин). Взаимодействуя с частями 3-й ударной армии на левом фланге и 11-й армией на правом, она должна была окружить несколько немецких дивизий в районе г. Демянска и уничтожить их. Выполнение этой задачи поставило бы группу армий «Север» в тяжелейшее положение.

В начале января советские войска достигли Старой Руссы, но бои с окопавшимся противником приняли затяжной характер. Опираясь на свои опорные пункты, немцы оказывали ожесточенное сопротивление. Желая переломить ситуацию, 22 января Ставка передала Северо-западному фронту 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса и другие резервы. Демянск предстояло окружить встречными ударами. Почти месяц понадобился советским войскам, чтобы взломать немецкую оборону, но 20 февраля части 34-й армии и 1-го гв. ск соединились в 40 км западнее Демянска, а к концу месяца 11-я, 1-я уд. армии и 2-й гв. ск образовали внешнее кольцо окружения. В общей сложности в «котле» оказалось шесть фашистских дивизий численностью до 96 тыс. человек. Однако для ликвидации окруженных войск сил уже не хватило; резервы Ставки были обескровлены в предыдущих боях.

Немецкому командованию достаточно быстро удалось организовать снабжение окру-

женных соединений по воздуху. Только за март в «котел» было доставлено 24 тыс. тонн грузов и более 15 тыс. человек. Из окружения вывезли 22 тыс. раненых. К концу марта противник сам перешел к активным действиям. 20 марта усиленная немецкая группировка в составе пяти дивизий (группа «Зейдлиц») начала операцию по деблокированию демянской группировки, нанеся удар из района Старой Руссы. Части 1-й ударной и 11-й советских армий стойко оборонялись, но враг постоянно наращивал давление, используя свое преимущество в огневых средствах. Встречный удар наносился из самого кольца. 21 апреля коридор к окруженным войскам шириной 4–8 км был пробит в районе деревни Рамушево. Все попытки советских войск вновь перерезать рамушевский остались без результата и привели лишь к новым большим потерям. В конце мая атаки на демянскую группировку прекратились. С 7 января по 20 мая 1942 года Северо-западный фронт потерял 245 511 человек, в том числе 88 908 безвозвратно. Бои по ликвидации демянского плацдарма возобновились зимой 1943 года³⁰.

Непростые уроки для Жукова: на левом фланге Западного фронта

Защита подступов к столице оставалась для Ставки ВГК главным приоритетом летом 1942 г. Но в ходе развернувшихся на юге России гигантских сражений за Сталинград и Кавказ все большее значение приобретала теперь задача надежно сковать силы группы армий «Центр» и исключить тем самым возможность их переброски на юг для поддержки групп армий «А» и «Б». Судьба кампании, да и всей войны решалась теперь на южном фланге, однако переломить там ситуацию было невозможно без проведения наступательных операций против сильных группировок противника на других направлениях.

Документы советского командования весны–лета 1942 г. недвусмысленно подтверждают существование двуединой цели, существовавшей у советских фронтов, прикрывавших Западное стратегическое направление — защитить Москву и сковать как можно больше сил группы армий «Центр». Ради этого в начале июля 1942 г. войска генерала Г. К. Жукова предприняли ряд частных армейских наступательных операций, общим замыслом которых было, как отмечалось, «вскрыть главную группировку противника против левого крыла фронта»³¹.

Операции 10, 16 и 61-й армий Западного фронта весьма показательны в плане критической оценки боевой эффективности крупных воинских объединений РККА на тот период. Они стали своеобразным экзаменом на способность не только обороняться, но и вести успешный наступательный бой. Насколько хорошо был сдан этот тяжелый предмет? Итоговый обзор штаба Жукова, подготовленный по горячим следам операций, показывает, что их непосредственные результаты были ничтожными, хотя общий вклад в дело ослабления вермахта может быть расценен как удовлетворительный. В чем тут дело? Прежде всего, необходимо учитывать силу врага и его замыслы в период после завершения Московской битвы. На этот счет в документах фронта Жукова имеется следующее замечание: «Противник чувствовал себя более уверенно», он «ликвидировал угрозу своему тылу» и занял «современную позиционную оборону». Закопавшись в землю, группа армий «Центр» весь май и июнь создавала различные заграждения, ДЗОТы, блиндажи, огневые точки. Важное дополнение делалось относительно общей стратегической ситуации, планов противника и реакции на них руководства РККА: «как выяснилось, — говорилось далее, — немцы начали свое „летнее“ наступление главными силами на юге, на Воронежском и Ростовском направлениях. Громадные потери в этом наступлении заставили немецкое командование попытаться стянуть на юг резервы за счет других направлений, в частности, Вяземского и Брянского. Этот маневр был нашим командованием своевременно разгадан и в момент ожесточенных боев на юге, войска Западного фронта перешли к активным действиям, целью которых было сковывание резервов противника и недопущение их переброски на юг»³².

Для наступления был выбран участок левого крыла фронта, против которого, как отмечала разведка, «немцы к концу июня сосредоточили несколько танковых дивизий». Данные о противнике подтверждали, что он усиленно готовится к каким-то масштабным мероприятиям. Переброска 17-й и 4-й танковых дивизий из района Жиздры к юго-востоку — Орлу, могло иметь задачу как дальнейшего продвижения к Воронежу для поддержки германского наступления на юге России, так и организации внезапного броска на северо-восток. В случае успеха последнего группировка РККА в районе Сухиничей была бы отсечена, а немцы получили возможность быстро достигнуть окрестностей Москвы че-

рез Тулу и Калугу. Еще большее беспокойство вызывали сведения о подходе к Орлу оперативных резервов из глубины — «до 12 дивизий, из них 4 пехотные, 2 моторизованные и до 2-х танковых». Авиация противника в течение июня производила разведку, «как поля боя, так и тылов и коммуникаций до рубежа Калуга, Тула», прикрывала районы своих войск в направлении Рославль, Брянск, Орел. Наибольшая плотность вражеских сил отмечалась на Жиздренском (6 дивизий) и Болховском (4 дивизии) участках, за спиной которых располагались еще и корпусные резервы, включавшие танковые формирования (более 300 танков). Все указанные соединения пока активности не проявляли, но у советского командования был повод опасаться за основание своего глубокого выступа у Сухиничей. В целом, перед левым крылом объединения Жукова насчитывалось 14 пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, то есть, более 1/3 всех дивизий врага, действующих перед ним (48 дивизий, из них в первой линии — 34 и в резерве — 14)³³. Да и само начертание линии фронта давало противнику определенное преимущество.

К 1 июля 1942 г. В составе войск левого крыла Западного фронта появились новые крупные формирования, способные выполнять задачи «по обеспечению мощных контрударов в случае наступления немцев в северо-восточном и восточном направлениях» (1-й гв. кавалерийский, 10-й танковый и 9 гв. стрелковый корпуса). Штаб Жукова специально указывал, что плотность наших войск позволяла «не только обороняться, но и проводить частные наступательные операции на том или ином участке фронта». Укомплектованность частей достигала 75–80% по живой силе и технике (части РГК — практически в полном штатном составе). Пассивность врага, предопределяла и первую задачу операций — «вскрыть его группировку и цели действий на ближайшее время». Необходимо было не дать вермахту застать советские войска врасплох, сковав соединения вермахта боем. Командующий Западным фронтом, в соответствии с указаниями Ставки ВГК, приказал начать наступление 6 июля 1942 г. 10-й армии предстояло выполнить ограниченную задачу — овладеть западной частью Людиново, тогда как 16-й армии, усиленной 10-м ТК «окружить и уничтожить Жиздринскую группировку противника, захватить его вооружение и боевую технику и к исходу 9 июля освободить Слободку и Дятьково». В 16-й армии генерала И. Х. Баграмяна для этого имелись

солидные силы — 115 тыс. чел., более 700 орудий, почти 1,5 тыс. минометов, 369 танков (по другим данным — 384 танка, из них КВ — 46 ед. и Т-34 — 57 ед.)³⁴.

Расчет сил и средств, имевшийся до начала наступления, был в советскую пользу (особенно на главных участках). Так, в 16-й армии 2,5 тыс. нашим активным штыкам на один километр фронта противостояло 300 немецких штыков. Преимущество в танках было абсолютным. Но результаты операций все равно оказались мизерными. Прежде всего, не брались в расчет те германские силы, которые могли достигнуть передовой и усилить оборону в первые же часы наступления. Потенциал же соединений РККА, напротив, переоценивался. Как правило, в бою участвовало не более половины, а то и всего $\frac{1}{3}$ из состава дивизии. Такие показатели не могли вполне гарантировать прорыва, тем более, что сами участки наступления были в наших армиях слишком широкими (в 16-й армии — 70 км), что рассредоточило имевшиеся войска.

Ранним утром 6 июля, после 30 минутной огневой обработки обороны врага, армии перешли в атаку. Но практически сразу встретили ожесточенное сопротивление. Продвинувшись всего на 200–400 метров, советские бойцы застряли. В 239-й стрелковой дивизии 10-й армии наступающие полки увязли уже в полосе прикрытия. ДЗОТы противника оказались не разрушенными. Углубившись в лесной массив, пехотинцы наткнулись на сильные заграждения, и вынуждены были нести большие потери от пулеметного и минометного огня и автоматчиков, засевших на деревьях. Вскоре немецкое командование организовало мощные контратаки, в результате которых все наступление фактически захлебнулось. Штаб 10-й армии особо указывал, что достигнуть прорыва не удалось не только из-за отсутствия резервов, но и слабой эффективности нашей артиллерии. «Опыт показал, — замечали штабисты, — что короткие, но сильные 30-минутные огневые налеты на опорные пункты с ДЗОТах, являются напрасной затратой снарядов... Пленные немцы про такой огонь говорят — «это приятный концерт». Стрельба, по существу, ведется по площади, когда немцы в это время сидят в ДЗОТах и убежищах». 10-я армия на следующий день возобновила атаки, но они привели лишь к новым потерям. За два дня боев они составили в 330, 239 и 323 дивизиях 271 чел. убитыми, 874 ранеными и 8 пропавшими без вести.

Перестроив боевые порядки, создав «блокировочные группы» для уничтожения ДЗОТов противника, а также выведя артиллерию на прямую наводку, армия попыталась в последующие несколько дней решить поставленные задачи. Но время было уже упущено, враг постоянно контратаковал, а его авиация господствовала в воздухе. Спешно создаваемые штурмовые и блокировочные группы не были заранее натренированы и сколочены для успешного прорыва, не умели быстро преодолевать минные поля. 12 июля в связи с дальнейшей бесперспективностью дальнейших атак, распоряжением Жукова операция была прекращена. 10-я армия, продвинувшись всего на 1–2 км, лишилась всего за неделю боев 2,5 тыс. военнослужащих убитыми, ранеными и пропавшими без вести³⁵.

В тот же день было свернуто и наступление 16-й армии, где в бой в первый же день операции были введены танковые бригады, а на второй — 10-й танковый корпус. Донесения с участка прорыва были отнюдь не радостными. Наши бронированные соединения сразу же понесли существенные потери и не продвинулись глубоко вперед. Причины были на поверхности: слабая подготовка танкистов, плохое управление на поле боя (на бригаду имелось всего по две радиостанции, установленные на танках), ожесточенные вражеские бомбежки и неумение вовремя рассредотачивать машины во время налетов. Иногда танки попросту сбивались с курса во время движения и тем самым исключались из сражения. Итогом наступления 16-й армии стало то, что она смогла продвинуться на несколько километров вперед, но Жиздринская группировка противника разгромлена не была. Более того, после переброски в ее состав 19-й танковой дивизии вермахта, контратаковавшей наши бригады, она стала даже сильнее. За столь незначительный успех нами была заплачена высокая цена. 10-й танковый корпус потерял 82 танка, из них больше всего (38 ед.) легких Т-60, которые могли успешно сопровождать атаки пехоты лишь на слабую оборону противника. Имелись случаи, когда боевые машины 68-й тбр. открывали т.н. «дружественный огонь» по 192 тбр. только из-за того, что «наши экипажи не знали машин американских марок»³⁶. Это вело к ненужным и тем более обидным жертвам. В целом, армия лишилась свыше 150 танков, причем «подбитыми и сожженными» всего — 30. Погибло 2900 бойцов и командиров и было ранено 11 900³⁷.

Потери врага насчитывали, по советским данным, 7,5 тыс. солдат и офицеров, что, очевидно, является преувеличенной цифрой, судя по характеру боев и остающемуся сопротивлению немцев. К вышеперечисленным недочетам наших войск, приведшим к незначительным результатам операций и большим жертвам, штаб Западного фронта добавлял следующие: «Пехота, привыкшая длительное время „сидеть“ в окопах, неохотно покидала их и на открытой местности чувствовала себя неуверенно. Отсюда и все остальные отрицательные стороны боя: плохое взаимодействие с танками и артиллерией, не налаженное управление, отсутствие связи и взаимопомощи с соседями, недостаточная сколоченность... неудовлетворительная маскировка».

Но вряд ли наша многострадальная пехота заслужила таких оценок. Да, она была еще пока плохо обучена и не могла быстро прорвать сильно укрепленные рубежи противника. Но на это были объективные причины: огромные потери предыдущих месяцев и нехватка времени для полноценного обучения и тренировки частей и подразделений. В первой половине 1942 г. мы только приступали к разрешению сложнейшей комплексной проблемы ведения успешного наступления, которая включала в себя вопросы не только насыщения армии техникой и вооружением, но и организации взаимодействия родов войск. К тому же бойцы, которые вставали из окопов и шли в смертельную атаку, не могли отвечать за ошибки вышестоящих командиров, выбравших неверное направление удара, терявших управление или не обеспечивших прикрытие стрелковых подразделений авиацией. В этом отношении пехотинцы вермахта чувствовали себя намного уверенней. В воздухе постоянно висела германская авиация. Тогда как «отсутствие на поле боя нашей авиации, — отмечалось офицерами штаба Западного фронта, — дало возможность немцам бомбить боевые порядки наступающих войск».

Действительно, чтобы скинуть врага с хорошо насиженных позиций, как показал опыт июльских боев Западного фронта, необходимо было заняться серьезной подготовкой войск, начиная с самого низшего звена (отделение-взвод) до уровня штаба армии и фронта включительно. Полосы прорыва обороны делать более узкими, массировать силы и средства для выполнения главной задачи. Чтобы бойцы смелее шли в атаку, необходимо было обеспечить превосходство в воздухе и не просто насытить объединения

самолетами, но и научить летчиков «разгадывать замыслы врага». Пока же наши истребители действовали тактически безграмотно — ввязывались в бои с истребителями противника и отвлекались от поля боя в сторону. Тем временем германские бомбардировщики получали полную свободу маневра.

Но потери наших армий в июльских боях оказались не напрасными. Во-первых, командование и рядовые солдаты учились воевать, большой кровью платя за каждую ошибку на уровне тактического, оперативного и стратегического руководства войсками Красной Армии. Во-вторых, фронту Жукова удалось добиться главного — не допустить намечавшейся переброски германских соединений на южное направление, туда, где разворачивались решающие сражения войны. По итогам боев советское командование отмечало, что немцам пришлось бросить против 16-й армии все резервы, «часть которых, как выяснилось, была предназначена к переброске в другие районы (19-я тд была спешно возвращена из-под Рославля, где она находилась в вагонах на пути в Смоленск)». Делался вывод: «Если учесть, что в июле немцы вели активные действия на юге Союза, станет очевидным, что привлечение резервов противника к фронту 16-й армии, являлось фактом, имеющим существенное значение»³⁸.

Другим «существенным» фактом стало вскрытие германской группировки на левом крыле Западного фронта, принуждение ее вступить в ожесточенные бои и, как следствие, ликвидация имевшихся у группы армий «Центр» перспектив подготовить удар на Москву через Калугу и Тулу. Активность советских армий вынуждала немцев вязнуть в локальных сражениях, которые хотя и не приносили успеха РККА, ни на йоту не приближали вермахт к победе.

Тяжелые бои на Западном направлении в начале июля 1942 г. стали всего лишь «каплями», упавшими в океан развернувшихся событий на советско-германском фронте. Но без них невозможно было добиться той критической массы советских военных усилий, которые в последующие месяцы опрокинули и подмяли под себя отлаженную машину вермахта.

Падение Севастополя

В то время, когда в конце апреля 1942 г. затухали боевые действия советских фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции, и целый ряд прорвавшихся вперед советских

соединений сами успели попасть во вражеский капкан в полосе Калининского и Западного фронтов, не лучшим образом складывались дела и на юге. Фактически захлебнулось наступление РККА в Крыму, западнее Керчи. Командующий Крымским фронтом Д. Козлов был практически подавлен «опекой» со стороны члена Военного совета фронта Л. Мехлиса, действовал с оглядкой на него, что привело к плачевным последствиям. Начавшееся 8 мая 1942 г. немецкое наступление на Керченском полуострове, как нож по маслу, разрежало неподготовленные к обороне советские позиции. Керченская катастрофа стоила советским войскам 176 тыс. человек. Теперь все немецкие силы в Крыму были переброшены к Севастополю — городу славы русских моряков.

Оборона города продолжалась с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. После того как осенью 1941 г. немецкие войска ворвались в Крым, они бросили на захват Севастополя основные силы 11-й армии генерала Э. Манштейна. Еще 4 ноября был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), в который вошли войска Приморской армии, морские, сухопутные и авиационные части Черноморского флота (ЧФ). Командующим СОР был назначен командующий ЧФ вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне — генерал-майор И. Е. Петров. Более 15 тыс. севастопольцев добровольно вступили в народное ополчение и были направлены на пополнение воинских частей. Огневую поддержку войск береговых батарей осуществляли также корабли ЧФ.

В конце мая 1942 г. положение осажденного Севастополя стало критическим. Немецкое командование решило воспользоваться благоприятно складывающейся обстановкой в Крыму и организовать новое мощное наступление на главную базу Черноморского флота. Судьба города была практически предрешена. После многодневных интенсивных налётов авиации и артиллерийских обстрелов 7 июня 1942 г. немцы предприняли 3-й по счету штурм Севастополя. К концу июня силы защитников города истощались до предела, заканчивались боеприпасы. Противник господствовал в воздухе, подтягивал резервы и продолжал почти непрерывные атаки. 29 июня немцы ворвались в городскую черту. 30 июня развернулись ожесточенные бои за Малахов курган, доминировавший над бухтой. По указанию Ставки ВГК остатки войск, оборонявших Севастополь, должны были эвакуиро-

ваться в Новороссийск. Но к 1 июля противник блокировал СОР с моря и держал под огнем все близлежащее побережье. В этих условиях эвакуировать удалось лишь незначительную часть защитников города. По информации Генштаба РККА 4 июля 1942 г. на побережье под Севастополем было еще много отдельных групп бойцов и командиров, продолжающих оказывать сопротивление врагу. Для их эвакуации было приказано посылать мелкие суда и морские самолеты. Из-за огня противника людей могли принимать на борт лишь в 500–1000 м от берега. Советские войска понесли большие потери. По отечественным данным, безвозвратные потери войск СОР с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. составили более 156 тыс. человек (убитыми, пленными и пропавшими без вести). Немцы и их союзники в ходе осады и штурма Севастополя также понесли огромные потери — до 300 тыс. убитыми и ранеными.

Оборона города продолжалась 250 дней и стала символом массового мужества и героизма советских воинов. Она сковала крупные силы противника на южном фланге советско-германского фронта, которые в противном случае могли быть использованы на одном из решающих участков германского наступления летом 1942 года³⁹. Однако германское командование смогло высвободить после падения Севастополя значительные силы 11-й армии Манштейна, которые затем были переброшены на север для захвата Ленинграда. Падение города стало и тяжелым моральным ударом для Красной Армии и всего советского народа.

Катастрофа под Харьковом

Как уже упоминалось выше, на мартовском 1942 года совещании в Кремле было решено провести серию частных наступательных операций на различных участках советско-германского фронта, что явно не соответствовало возможностям РККА. Следует отметить, что инициатива некоторых операций исходила не только от Верховного, но и от командования объединениями. В том числе, Военный совет Юго-Западного направления (Главкомандующий ЮЗН, командующий Юго-Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, член военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) в конце марта 1942 г. предложил Ставке ВГК провести наступательную операцию на их направлении с целью разгрома противостоящих сил противника и последую-

щего выхода Красной Армии на линию Гомель, Киев, Черкассы, Первомайск, Николаев.

Для проведения операции командование ЮЗН попросило у Ставки дополнительные силы и средства. Генеральный штаб, рассмотрев это предложение, доложил И. В. Сталину о своем не согласии и невозможности проведения крупной наступательной операции на юге весной 1942 г. Ставка ВГК, не располагая в этот период достаточными резервами, согласилась с мнением Генерального штаба. Однако военному совету ЮЗН все же удалось настоять на проведении частной наступательной операции с целью освобождения Харькова и создания условий для последующего наступления в районе Донбасса. Согласно замыслу операции, предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям: одного — из района южнее Волчанска, другого — с Барвенковского выступа в общем направлении на Харьков.

Командование группы армий «Юг» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал фон Бок) также готовилось к операции под кодовым названием «Фридрикус-1» с целью ликвидации Барвенковского выступа, который создавал угрозу немецким войскам, действовавшим под Харьковом и в Донбассе. Немецкий план состоял в том, чтобы встречными ударами 6-й полевой армии (командующий генерал армии Ф. Паулюс) из Балаклеи и армейской группы (командующий генерал П. фон Клейст) в составе двух армий (1-я танковая и 17-я полевая армии) из района Славянска и Краматорска в общем направлении на Изюм окружить и уничтожить советские войска в этом выступе, затем захватить плацдарм в районе Изюма для развития наступления в направлениях Кавказа и Сталинграда. Начало операции намечалось на 17 мая 1942 г. При этом, советские планы не были для немцев секретом, так еще 22 апреля 1942 г. из-за ошибки пилота к ним в плен попал командующий 48-й армии Брянского фронта генерал-майор А. Г. Самохин, имея при себе директиву Ставки ВГК и оперативную карту с планом Харьковской наступательной операции.

Начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного и Южного фронтов, вновь предложил воздержаться от проведения операции. Однако военный совет ЮЗН продолжал настаивать на ее проведении. Мнение Верховного главноко-

мандующего И. В. Сталина склонилось в пользу проведения операции, и Ставка дала на нее добро. Начало операции было назначено на 12 мая 1942 г.

Таким образом, к наступательным действиям готовились обе стороны. От исхода предстоявшего сражения зависело дальнейшее развитие летне-осенней кампании 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта.

Наступление войск Юго-Западного фронта (ЮЗФ) началось, как и планировалось, 12.05.1942 г. Южный фронт имел задачу оборонять занимаемые рубежи в целях обеспечения наступления ЮЗФ, при этом достаточных сил для создания прочной обороны он не имел. За первые три дня ударные группировки прорвали немецкую оборону в полосе до 50 км каждая и продвинулись из района Волчанска на 18–25 км, а от Барвенковского выступа на 25–30 км, поставив в тяжелое положение 6-ю полевую армию вермахта. Однако противник, несколько изменив первоначальный план действий, 17 мая 1942 г. также перешел в наступление. Войска генерала фон Клейста нанесли мощные удары севернее Славянска и южнее Барвенково по слабо подготовленной в инженерном отношении обороне 9-й армии Южного фронта. Уже в первый день ее оборона была прорвана.

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский предпринял попытку организовать контрудар и восстановить положение, однако противнику удалось авиационными ударами нарушить связь и управление войсками. Обстановка требовала немедленного прекращения Харьковской операции. Вечером 17.05.1942 г. исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский доложил И. В. Сталину о критической обстановке на Южном фронте и предложил прекратить наступление, а часть высвободившихся войск Юго-Западного фронта использовать для ликвидации прорыва противника. Иного способа исправить положение не было, поскольку Ставка в этом районе резервами не располагала.

Сталин и командование Юго-Западного направления находились в смятении. Однако они явно недооценивали сложившуюся ситуацию и считали возможным продолжение харьковской операции. Пытаясь одновременно предотвратить худшие последствия немецкого прорыва, в 16:00 17 мая штаб Тимошенко предписал: «В целях отражения наступления противника, предпринятого на участке 9 А:

1. Передать в оперативное подчинение командующего Южным фронтом 2-й кавкорпус (38, 62, 70 кд)...
2. Для разгрома группы противника, наступающей на Барвенково с юга, организовать и нанести с рассвета 18.05.42 контрудар силами 2 КК и 14-й гв. сд... во фланг и тыл прорвавшейся группы противника... Одновременно стрелковому полку 333 сд со средствами удерживать за собой Барвенково, не допуская прорыва танков и мотопехоты противника на север.
3. Разгром группы противника, наступающей из района Славянск против левого фланга 9 А, организовать силами 5 КК, 12 и 121 тбр и 333 сд.
4. Не менее одной кавдивизии иметь в резерве командующего в районе Барвенково. Одновременно немедленно начать переброску в район Барвенково одной стрелковой дивизии и одной танковой бригады из 37-й армии»⁴⁰.

Но ситуация под Барвенково и Славянском ухудшалась с каждым часом. В десять часов вечера 18 мая 1942 г. командующий Юго-Западным направлением маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев и начальник штаба И. Х. Баграмян констатировали: «С утра 17.05 противник, отбросив 9 А Южного фронта, прорвался отдельными танковыми группами в направлении Славянск, Изюм, Андреевка, Барвенково». Мероприятия по ликвидации прорыва должного результата не дали. В связи с этим, руководство ЮЗН решило срочно изыскать виновника приближавшейся трагедии, которым стал командующий 9-й армией. «Вместо того, — отмечалось в боевом приказе Тимошенко, Хрущева и Баграмяна, — чтобы использовать имеющиеся резервы, не допустить распространение танков противника к переправам на р. Сев. Донец, организовать взаимодействие дивизий и ликвидировать прорыв, командующий 9 А генерал-майор Харитонов бросил на произвол судьбы свои войска и трусливо сбежал в Изюм. Благодаря этому уже к полудню 18.05 противник слабыми силами вышел на южный берег р. Сев. Донец на участке Богородичное, Пришиб и отдельными группами танков подошел к южной части Изюм».

Досталось в приказе и командующему Южным фронтом генерал-лейтенанту Р. Я. Малиновскому, который со своим штабом «не проявили достаточной энергии и решительности для восстановления утерянного управления

войск, и до сего времени руководство боевыми действиями армии (9-й армии) доверяется обанкротившемуся в бою генералу Харитонову». Дальнейшие указания были жесткими: «Харитонов от командования отстранить и предать суду Военного трибунала», а Малиновскому самому принять руководство 9-й армией и отсечь прорвавшегося в наш тыл врага⁴¹.

Генерал Ф. М. Харитонов осужден тогда не был и воевал дальше. Верховному командованию было ясно, что причина немецкого успеха коренится не в его командовании, а в общей переоценке наших сил и возможностей на харьковском направлении и допущенных ошибках стратегического масштаба⁴².

Обстановка на Барвенковском выступе 18 мая 1942 г. стала критической, однако Ставка опять отклонила предложение Генштаба о прекращении наступления. Только вечером 19 мая, когда угроза окружения советских войск стала более чем очевидной, маршал Тимошенко отдал приказ войскам ЮЗФ перейти к обороне, а основную часть войск 6-й армии и два танковых корпуса использовать для разгрома прорвавшегося в их тыл противника. Но это решение было принято слишком поздно. Стремительным продвижением своих танковых и моторизованных соединений противник сорвал сосредоточение советских частей на участке прорыва и вынудил их вступать в бой разрозненно, без авиационной и артиллерийской поддержки.

23 мая 1942 г. армейская группа генерала Клейста, наступавшая из-под Краматорска, соединилась в районе Балаклеи с частями 6-й полевой армии Паулюса, наносившей удар с севера. Пути отхода на восток частям Красной Армии, действовавшим на Барвенковском выступе, были отрезаны. Руководство окруженной группировкой было возложено на заместителя командующего ЮЗФ генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Окруженная группировка вела тяжелые бои с 24 по 29 мая. Попытка командования Юго-Западным направлением деблокировать окруженные соединения удалась лишь частично. По советским данным, наши войска потеряли безвозвратно под Харьковом 170 тыс. чел. Погибли многие видные военачальники — генералы Ф. Костенко, А. Городнянский, К. Подлас.

Харьковская катастрофа резко ухудшила обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Поражение Красной Армии предопределило овладение вермахтом стратегической инициативой и облегчило начало 28 июня

1942 г. немецкого генерального наступления на юго-западном направлении. В результате тяжелых и неудачных оборонительных боев, войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отступили на 100–400 км, а германские войска нацелились на Сталинград и Кавказ⁴³.

Несмотря на накопленные в предыдущие месяцы стратегические резервы (Действующая армия состояла из 54 общевойсковых армий, одной танковой армии и двух оперативных групп)⁴⁴ советские войска были серьезно ослаблены, что предопределило дальнейший неудачный ход боевых действий на юге России.

Германский натиск на Юго-Западный фронт и левое крыло Брянского фронта возобновился практически сразу же. Группа армий «Юг» стремилась использовать создавшиеся выгодные условия и нанесла в начале июня новые удары восточнее Харькова. Как это ни покажется странным, советские войска после столь тяжелых потерь в мае 1942 г. обладали еще значительным количественным превосходством над германскими частями на южном крыле Восточного фронта: 1700 тыс. советских солдат противостало 900 тыс. немецких. Однако потери Красной Армии продолжали расти, а группа армий «Юг» получала новые подкрепления. По этой причине Сталин был вынужден начать переброску с Дальнего Востока дополнительных резервных сил (до 10–12 дивизий), чтобы закрыть образовавшуюся в обороне брешь.

Уже 10 июня 1942 г. ожесточенные бои разгорелись в направлениях на Волчанск, Чугуев, Купянск. Командующий ЮЗФ маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев и начальник штаба И. Х. Баграмян отправляли донесения на имя самого Сталина. Последний лично следил за обстановкой на обозначившемся теперь самом опасном направлении гигантского фронта. Удары по стыкам советских 21-й, 28-й и 38-й армий наносились крупными пехотными и моторизованными силами группы армий «Юг», при поддержке нескольких сотен танков и подавляющем превосходстве в воздухе. Наши войска не выдержали и начали отход. 11 июня командование Юго-Западным фронтом адресовало Сталину нервное послание, констатирующее полное бессилие советской авиации и вытекающих из этого последствиях: «В начавшемся наступлении на Купянском направлении противник применяет на поле боя и в ближайшем тылу наших войск свою авиацию массированно, имея в воздухе почти постоян-

но две–три группы бомбардировщиков, плотно прикрытых истребителями. Самолетов в каждой группе доходит до 70–100 единиц... В настоящее время мы располагаем только 200 исправными дневными боевыми самолетами. При тройном превосходстве противник господствует в воздухе и, летая на средних и низких высотах, бомбит и почти безнаказанно расстреливает наши боевые порядки и танки. Это обстоятельство резко снижает боевую эффективность применения наших танков и снижает боевую стойкость нашей пехоты. Учитывая, что противник стянул на харьковское направление основную массу своих танковых войск (3, 23, 14, 18 тд и 60 мд) и значительное количество самолетов и ищет на этом направлении основного решения своего летнего наступления, мы настоятельно просим Вас увеличить общее количество боевых самолетов ВВС ЮЗФ до 500 единиц». Большую часть из них Тимошенко и его штаб просили перебросить «за счет временной придачи с других фронтов», но только так, за счет «уравновешивания сил в воздухе», возможно было «гарантировать разгром противника»⁴⁵.

Однако переломить в свою пользу ситуацию в воздухе и на земле Юго-Западного фронту не удалось. Контрудары 38-й армии смогли лишь задержать, но не остановить части вермахта. 11–12 июня советские войска под давлением противника отводились на восточный берег р. Сев. Донец. В полосе 28-й армии танки врага устремились к н.п. Вел. Бурлук. В воздухе одновременно находилось 150–200 вражеских самолетов. Тимошенко заключал: «По-прежнему, главной силой врага, снижающей эффективность нашей обороны и контрудары наших танковых соединений, является авиация»⁴⁶.

До конца июня 1942 г. войска Юго-Западного фронта вели то затухающие, то разгорающиеся с новой силой бои с мощными подвижными соединениями группы армий «Юг». Противник, захватив Вел. Бурлук, ворвавшись в Купянск, вышел к 23 июня к р. Оскол. Советские 38-я армия и правый фланг 9-й армий «с целью сохранения живой силы, материальной части и создания прочной обороны» по приказу Военного совета ЮЗФ были отведены на восточный берег Оскола⁴⁷.

Германское командование не прекращало давления на Юго-Западный фронт, но было понятно, что это только прелюдия к генеральному наступлению, подготовка к которому вступило в конце июня 1942 г. в завершающую стадию.

Первоначально операция «Блау» была назначена на 23 июня. Но в связи с ожесточенными боями под Севастополем, срок был перенесен на 28 июня. К востоку от Курска были сосредоточены 2-я и 4-я танковая и 2-я венгерская армии, под общим командованием генерала Вейхса, которые и перешли 28 июня в наступление.

Немцы нанесли новые, более мощные удары, которые теперь следовали один за другим без передышки. Вечером 1 июля части вермахта смогли захватить плацдармы на восточном берегу р. Оскол, прорвав оборону 28-й советской армии. Контрудары 23-го и 13-го танковых корпусов Юго-Западного фронта большого успеха не имели⁴⁸. Тем временем 4-я германская танковая армия быстрыми темпами выходила к р. Дон в районе Воронежа. Потери Красной Армии продолжали расти.

Немецкое командование в начале июля приняло решение начать операцию «Клаузевиц». Ее цель — глубокий охват Юго-Западного фронта и выход немецких сил на оперативный простор. 4 июля развернулись жестокие бои на подступах, а затем и в самом Воронеже. Советское командование срочно перебросила к городу 5-ю танковую армию генерала А. Лизюкова. Отчаянные атаки советских танкистов вынудили немцев увязнуть в боях за городские кварталы. Вскоре Гитлер приказал повернуть часть сил Вейхса к юго-востоку и продолжать наступление навстречу 6-й армии Паулюса, перешедшей в наступление 30 июня. 7 июля группа армий «Юг», насчитывавшая теперь около 1,2 млн чел., была разделена на две примерно равные части: группы «Б» и «А» под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа, которые должны были нанести встречные удары со стороны Воронежа (группа «Б») и со стороны Славянска (группа «А»). Группа армий «Б», включавшую в себя 4-ю танковую, 6-ю и 2-ю армии, 8-ю итальянскую армию и 2-ю венгерскую армию возглавил фельдмаршал фон Бок. В группу армий «А» (фельдмаршал В. Лист) входили 1-я танковая армия и армейская группа Р. Руоффа (17-я немецкая и 3-я румынская армия)⁴⁹.

После прорыва к Воронежу 4-я танковая армия начала стремительное продвижение на юг вдоль Дона во фланг и тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Советские войска начали быстрый отход. Силы 38-й и 9-й армий и ряд других соединений в середине июля оказались фактически в кольце немецких войск в районе Миллерово.

Почему же немцам вновь удалось, так же, как и летом 1941 г., стремительно продвинуться вперед, окружить и в значительной мере обескровить крупные воинские формирования РККА, обладавшие большей численностью, чем собственно германские ударные соединения? Ответ неоднозначен. Во-первых, германская сторона превосходила советскую в подвижности, а, следовательно, имела преимущество в выборе участка прорыва. Соединения вермахта могли неожиданно ударить в том месте, где их совсем не ждали. Во-вторых, немецкие командиры еще превосходили советских военачальников в тактике ведения боевых действий. В третьих, массированное и безнаказанное использование врагом авиации на поле боя часто дезорганизовывало советские войска, снижало эффективность их контрударов до нулевой отметки. И, наконец, в Красной Армии еще силен был страх перед германской наступательной машиной. Зимой 1941–1942 г. этот страх, казалось, остался позади, но весенние неудачи вновь снизили боевой дух советских бойцов. История повторялась, и германские самолеты, как и летом 1941 года, нависали над головами отходящих советских колонн. Еще требовалось время, чтобы перебороть отступательный синдром. Неудачи в Крыму и под Харьковом отнюдь не способствовали этому процессу. Напротив, германские солдаты, казалось, снова убедились в своем превосходстве над противником.

23 июля Юго-Западный фронт, отступавший в Большой излучине Дона, был переименован в Сталинградский. Командующим фронта был назначен вначале С. К. Тимошенко, но вскоре руководство объединением было возложено на генерала В. Н. Гордова. 28-я, 38-я, 9-я и 57-я армии Юго-Западного фронта передавались в состав Южного фронта.

«За Волгой земли нет»: героическая оборона Сталинграда

Эпохальная Сталинградская битва (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) делится на два этапа: оборонительный и наступательный. Первый оборонительный этап битвы операции продолжался до 19 ноября 1942 г. — до того момента, когда советские войска перешли в решительное контрнаступление. Лето и осень 1942 г. стали тем критическим рубежом, когда враг окончательно убедился в непоколебимости силы Красной Армии и всего советского народа. За операциями, проведенными советскими войсками с целью

обороны Сталинграда, следил поистине весь мир. Стойкость советских воинов стала решающим фактором в достижении Красной Армией коренного перелома в войне. В Сталинградской битве в разное время участвовали войска Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного, Донского, левого крыла Воронежского фронтов, Волжская военная флотилия и Сталинградский корпусной район ПВО.

После того как немецким войскам удалось в середине июля вновь охватить часть сил на южном фланге советско-германского фронта, Ставка ВГК, наученная горьким опытом предыдущих неудач, приняла решение отвести свои войска на восток, не дожидаясь того, когда сделать это будет уже поздно. 28-я, 38-я, 9-я армии Юго-Западного фронтов, а также 37-я армия Южного фронта начали отступление в направлении большой излучины Дона. Управление и части Юго-Западного фронта устремились теперь непосредственно в район Сталинграда для развертывания на подступах к городу нового Сталинградского фронта.

Немецкому командованию не удалось провести полного охвата отступающих советских сил. Руководство Красной Армии делало выводы из недавних поражений. Несмотря на то, что отступление к Дону проходило по открытой местности, в условиях господства в воздухе германской авиации, катастрофы, подобной харьковской, не произошло, и гигантской ловушки удалось избежать. Даже тогда, когда немцам удавалось опережать советские части, выходить им в тыл, командиры Красной Армии не теряли самообладания и принимали все меры для прорыва вражеских заслонов. Часто успех сопутствовал тем советским соединениям, которые в определенный момент, по приказу своего командования, делились на ряд более мелких подразделений и прорывались на восток, забирая с собой лишь легкое оружие. Большинство советских частей сумели таким образом просочиться через германские порядки, оставляя командиров вермахта в недоумении: как и когда русские сумели выучиться эффективной тактике отступления?

Отсутствие быстрых и самое главное громких побед в излучине Дона раздражало Гитлера. Влекомый желанием покарать кого-нибудь за такое состояние дел, фюрер принял решение устранить фон Бока от командования группы армий «Б». 15 июля преемником пожилого фельдмаршала на этом посту стал генерал (с 1943 г. фельдмаршал) М. Вейхс. Задачей немецких войск

на юге России Гитлер считал быстрейшее продвижение к Ростову, занятие переправ через Дон и выход к предгорьям Кавказа. Основная нагрузка в наступлении ложилась на группу «А», продвигающуюся по направлению к Северному Кавказу. Группа «Б» должна была прикрывать ее с севера и занять Сталинград.

К середине июля немецкое командование обнаружило для себя новую неприятность. Все разведанные говорили за то, что взять Сталинград сходу вряд ли удастся. Вокруг города еще с осени 1941 г. строились целых три оборонительных обвода. Сталинград являлся крупнейшим промышленным центром, в котором находились такие крупнейшие оборонные предприятия, как заводы «Судоверфь», «Красный Октябрь», Сталинградский тракторный завод. Из ворот последнего выходило к тому времени до 50 % всех танков Т-34. В городе производились пушки, мощные двигатели, стрелковое оружие и другая военная техника. Но самое главное, к июлю 1942 г. к западу от Сталинграда был создан новый фронт, готовый вести решительную оборону. По этой причине германское командование вынужденно перебросило на сталинградское направление дополнительные силы. В состав 6-й армии Паулюса влились шесть новых дивизий, снятые с кавказского направления, что, конечно, значительно усилило ее наступательную мощь.

Сама судьба толкала германский вермахт в сторону Сталинграда. Постепенно из города, лежащего на второстепенном направлении, он стал превращаться в центр всей кампании. Чем больше сюда перебрасывалось немецких сил, чем ожесточеннее шла борьба на подступах к Волге, тем значимей становилась победа какой-либо из сторон в этом гигантском сражении. Отметим также, что уже на первом оборонительном этапе Сталинградской битвы советское командование получило некоторое преимущество перед противником. Немецкие войска наносили удары по расходящимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ (причем по мере развития наступления разрыв между ними увеличивался). Это ослабляло общую мощь германского удара на юге России, позволяло советскому командованию маневрировать резервами. Позднее это дало возможность облегчить задачу перехода в контрнаступление.

Однако во второй половине июля 1942 г. положение на сталинградском и ростовском направлениях продолжало складываться

не в пользу советских войск. Ставка ВГК приказала командующему Южным фронтом Р. Я. Малиновскому отвести войска за Дон в его нижнем течении. 25 июля Ростов на Дону пал. Организовать здесь крепкую оборону и вернуть город советскому руководству не удалось. К западу от Сталинграда перебрасывались новые советские резервы. В состав Сталинградского фронта вошли 63-я, 62-я, 64-я армии — всего около 200 тыс. чел. Кроме того, из Юго-Западного фронта передавались 8-я воздушная и 21-я армии; в бой вводились две морские стрелковые бригады, курсанты военных училищ.

Общепринято, что бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 г. Однако особенностью сложившейся обстановки в большой излучине Дона в то время было отсутствие соприкосновения между советскими и германскими войсками. Первой начала продвижение вперед навстречу 6-й армии Паулюса 62-я советская армия генерала В. Я. Колпакчи. Ее передовые подразделения завязали бой с немцами у хутора Морозов уже 16 июля. На следующий день в бой стали вступать основные силы армии⁵⁰.

Передовые отряды советских 62-й и 64-й армий, мужественно обороняясь, сдерживали противника несколько дней на рубеже рек Чир и Цимла. Все это время в тылу фронта шло усовершенствование защитных рубежей. К сожалению, первые же столкновения с врагом принесли нашим войскам серьезные потери. Одно из самых многочисленных объединений вермахта, 6-я армия Паулюса, быстрыми темпами подходило к Дону с запада. Она имела две ударные группировки: северную (14-й танковый и 8-й армейский корпуса) и южную (51-й армейский и 24-й танковый корпуса).

Сталинградский фронт к 17 июля занял оборону по левому берегу р. Дон до Серафимовича и Клетской, и далее на юг в излучине Дона — до Верхнекурмоярской. От Верхнекурмоярской до Таганрогского залива развернулся Южный фронт. При отступлении Южный фронт понес трудно восполнимые потери. В четырех его армиях осталось лишь немногим больше ста тысяч человек. Чтобы укрепить руководство войсками на северокавказском направлении, Ставка расформировала Южный фронт, а все его оставшиеся войска передала в состав Северо-Кавказского фронта, командующим которым был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный. 37-я и 12-я армии Северо-Кав-

казского фронта получили задачу прикрывать ставропольское направление, а 18, 56-я и 47-я армии — краснодарское⁵¹.

23 июля командование Сталинградским фронтом принял на себя В. Н. Гордов, тогда как С. К. Тимошенко был отозван в распоряжении Ставки. Тогда же в район Сталинграда для координации действий войск прибыл начальник Генштаба РККА А. М. Василевский. Очевидно, что Сталин не забыл провала Тимошенко под Харьковом и окружения под Миллерово. До назначения в октябре 1942 года командующим Северо-Западным фронтом он практически оставался не у дел, выполняя отдельные поручения Верховного. Сталин, вызывая его в Москву, бросил всего лишь несколько фраз, мол, маршал устал и ему надо отдохнуть. Тимошенко, конечно, нес полную ответственность за предыдущие неудачи, но справедливости ради отметим, что ее в равной мере разделяет и Ставка, допустившая неверную оценку ситуации весной — в начале лета 1942 г. Тимошенко обладал твердой волей и большим полководческим талантом. Современные историки оценивают его руководство войсками достаточно высоко, указывая, что в нем выделялись «стремление к всестороннему охвату событий во всей их сложности и взаимосвязи, к высокой активности ведения боевых действий, основываясь на основополагающих принципах советского военного искусства, сильная воля, целеустремленность, умение смело брать на себя ответственность за принципиально новые решения, суровая каждодневная требовательность, оптимизм, глубокая идейная убежденность в правоте дела, за которое вел борьбу советский народ»⁵².

23 июля противник нанес удар по главным силам 62-й и 64-й армий. Наступая на Клетскую, северная ударная группа 6-й армии смяла оборону 62-й армии на правом фланге, имевшую здесь самую низкую плотность. Главный удар противника ожидался на другом — левом фланге, выводившем кратчайшим путем к Сталинграду. Это был просчет советского командования, вызванный, прежде всего, отсутствием полных разведанных о силах и намерениях противника. Обходя фланги советских войск, части вермахта пытались окружить их в большой излучине Дона, выйти в район Калача и быстро прорваться к Сталинграду. В тот же день появилась директива №45 верховного командования вермахта о продолжении операции «Брауншвейг» (так с 30 июня стала называться операция «Блау»).

Группе «Б» теперь, после выполнения первой задачи наступления, ставилась задача уничтожить противника на пути к Сталинграду, перерезать перешеек между Доном и Волгой и парализовать движение по реке⁵³.

Вскоре две стрелковые дивизии и ряд других советских частей оказались в окружении. Угроза капкана продолжала оставаться для всей 62-й армии Сталинградского фронта. Лишь спешный ввод в бой бригады тяжелых танков КВ и контрудар 13-го танкового корпуса с юга предотвратил быстрый выход врага в тыл основным силам 62-й армии. Тем временем части 64-й армии, отступая под натиском южной группировки 6-й немецкой армии, вынуждены были отойти за р. Дон.

Советское командование сознавало, что предпринятых контрмер совершенно недостаточно для того, чтобы отразить удар мощной группировки противника. Тогда Сталин обратился к плану ускоренного формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий (командующие генералы К. С. Москаленко и В. Д. Крюченкин) за счет подходящих резервов. Им ставилась цель — наступление по сходящимся направлениям на верхнебузиновскую группировку врага (14-й танковый корпус 6-й армии). Как вспоминал маршал Василевский: это была «единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон...»⁵⁴.

Уже 26–29 июля перешли в наступление танковые корпуса 4-й танковой армии, а 30 июля часть сил 1-й танковой армии. Но контрудар против группировки Паулюса не достиг своей цели. Соединения вводились в бой разрозненно. В 22-м танковом корпусе из 175 танков к 1 августа осталось всего 56 машин⁵⁵. Всего за несколько дней советские войска потеряли в большой излучине Дона до 450 танков, в том числе 1-я и 4-я танковые армии до 300. В результате Сталинградский фронт лишился своего «бронированного кулака» и вынужден был снова отступать. Части 62-й армии вскоре оказались в мешке и вынуждены были прорваться из него с большими потерями. Тем не менее, врагу пришлось на некоторое время задержать дальнейшее продвижение вперед своих передовых корпусов и дожидаться резервов. Маршал Г. К. Жуков замечал по этому поводу: «...Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо»⁵⁶.

Беспристрастный анализ тех событий показывает, что «иной» путь все же был возможен. При более тщательной подготовке танкового наступления, внимательном отношении к тактике ведения боя механизированных соединений советские войска могли уже тогда — в июле 1942 г. — переломить ход сражения и нанести крупное поражение наступающим колоннам 6-й армии вермахта. Всего этого не случилось, и бронированные силы были растрочены впустую. У высшего командования Красной Армии пока просто не хватало умения руководить взрослыми массами танковых соединений.

Другая причина коренится в общей стратегии выбранной советским верховным командованием на 1942 г. Увлечшись наступательными действиями в конце весны, Ставка предопределила многие свои поражения. Последующие события, когда враг уже овладел стратегической инициативой, заставляли Верховного, Генштаб и командующих фронтами лишь реагировать с большим или меньшим успехом на складывающуюся обстановку. Плохо подготовленные контрудары вели к большим потерям, но относились к разряду неизбежных, когда на кону стояло удержание жизненно важных центров России.

Недооценка стратегической обороны, поспешная подготовка наступательных операций по-прежнему, присутствовали в высшем звене руководства РККА. Как-то после войны, вспоминая уроки своих поражений, С. К. Тимошенко вопрошал Г. К. Жукова: «До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?». Жуков после тяжелого вздоха ответил: «Нужны были накопленные за два года войны горький опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений»⁵⁷.

Следует также подчеркнуть, что сильными сторонами противника, наряду с превосходством в воздухе и умелым использованием танковых соединений, оставалось хорошо налаженная связь. Она во многом обеспечивала на данном этапе четкое взаимодействие войск на поле боя. Немцы в полную силу использовали радиосвязь, тогда как в наших частях преобладала проводная, которая часто рвалась. Приходилось использовать посыльных, которые приносили приказы часто уже тогда, когда обстановка кардинально менялась и требовала новых решений. Но и в действиях частей вермахта стал присутствовать шаблон. Размеренно, исходя из устоявшейся программы, за авиацией в бой вступали танки,

за ними — пехота. Герой Сталинграда В. И. Чуйков замечал также, что немецкие танки не шли в наступление без поддержки пехоты и авиации. Он старался учиться на своих и чужих ошибках, наблюдать за действиями противника, изучать его слабые места, не подставляя своих, воевать «с открытыми глазами»⁵⁸. Сметливые советские генералы уже тогда старались действовать на опережение противника, например, обрушивать на врага огневой вал артиллерии еще до перехода в атаку его бронетехники и пехоты.

Действительно, горькие уроки поражений не пропадали даром: именно тогда в Генштабе РККА, в оперативных управлениях советских фронтов многие военачальники стали осознавать непреложную истину — для того чтобы разбить врага, нанести ему сокрушающее поражение, необходима тщательная и всесторонняя подготовка, организация полнокровных резервов, отработка взаимодействия на всех уровнях фронтового и армейского командования.

Но пока положение на сталинградском направлении продолжалось ухудшаться. Фронт практически лишился своих наступательных возможностей, а оборона во многом была дезорганизована. Нужны были новые резервы. Кроме того, в конце июля 1942 г. последовали кадровые решения. Генерала Колпакчи на месте командующего 62-й армией сменил А. И. Лопатин, а в командование 64-й армией вместо В. И. Чуйкова вступил генерал М. С. Шумилов. Чуйков был послан на ее южный фланг для выяснения обстановки и принятия мер по усилению обороны. Прибыв на место, он подчинил себе все имевшиеся там силы. С 10 сентября генерал-лейтенант В. И. Чуйков был назначен командующим 62-й армией.

К юго-западу от театра сражений за Сталинград обстановка также складывалась драматически. В конце июля 1942 г., захватив Ростов-на-Дону, немцам удалось быстро форсировать Дон в его нижнем течении. Танковые и моторизованные колонны фельдмаршала Листа неудержимым потоком двинулись по просторам Кубани. Танкисты 1-й танковой группы Клейста давили своими гусеницами богатейший урожай пшеницы, который был выращен, но так и не собран. Красная Армия лишилась не только многих тысяч тонн хлеба. Под германской оккупацией вскоре оказались крупные нефтяные месторождения в районе Майкопа. Лишь благодаря оперативным действиям спецорганов их удалось взорвать перед самым приходом гитлеровских

войск. Отступать дальше теперь означало подорвать жизненные силы государства, лишиться сырья, которое позволяло вести войну. Под пятой оккупантов уже находилась огромная территория, миллионы советских солдат томились во вражеских лагерях. Правдой являлось и то, что десятки тысяч военнослужащих Красной Армии и гражданских лиц согласились (одни добровольно, другие из-за невыносимых условий плена и оккупации) сотрудничать с врагом. В одном только тыловом районе 6-й армии Паулюса во время ее наступления на Сталинград находилось до 50 тыс. советских военнопленных, так называемых хиви — «добровольных помощников», обеспечивавших снабжение боевых германских частей. Над страной вновь, как и осенью 1941 г., нависла смертельная опасность.

28 июля 1942 г. появился приказ Народного комиссара обороны № 227, подписанный лично Сталиным (известный также под названием «Ни шагу назад!»). Суровыми мерами предусматривалось навести порядок в войсках, укрепить их дисциплину, пресечь сдачу в плен к противнику. Без распоряжения сверху запрещалось оставлять занимаемые позиции. Заградительные отряды обязаны были расстреливать отступающих дезертиров, паникеров и трусов. Для нарушителей воинской дисциплины, бойцов и командиров, совершивших различные проступки, предусматривалось наказание в виде штрафных рот и батальонов. Документ зачитывался перед строем во всех подразделениях Красной Армии и Военно-морского флота.

Приказ стал одним из самых жестких нормативно-правовых актов Второй мировой войны. Несмотря на то, что в наши дни он подвергается ожесточенной критике, его необходимость в тех условиях казалась очевидной. Можно сказать, что приказ произвел перелом в моральном настроении многих солдат и офицеров. Он мало кого удивил, — нечто подобного давно ожидали. В преамбуле документа говорилось о главном, о чем необходимо было помнить ежесекундно: потере громадной территории, миллионов людей, важнейших ресурсов, хлеба, то есть, жизненных сил страны, без которых невозможно ее существование. Отступать дальше означало либо погибнуть, либо сдаться на милость победителя. Для защитников Сталинграда ответ на приказ был однозначный: «За Волгой земли нет!»

В то время свой выбор должен был сделать каждый человек, будь то командир или рядовой боец. Но сегодня нам важно знать, не толь-

ко о том, какое моральное воздействие оказал приказ № 227 на бойцов Красной Армии. Необходима правдивая картина той ситуации, которая складывалась на передовой после введения в жизнь мероприятий, предусмотренных документом. Очевидно, что вокруг заградотрядов и штрафных подразделений за последнее время сложилась целая сага, претендующая на роль доминанты, открывающей глаза современному поколению на истинный ход войны. Десятки статей, книг, документальных и художественных фильмов рассказывают нам о том, как отряды «энкэвэдэшников» стреляли в спину простым солдатам — безвинным жертвам тоталитаризма, а штрафные роты заваливали своими телами немецкие пулеметы в отчаянных и, в целом, напрасных атаках. Еще немного красок и «свидетельств» и такая сага, в которой жестокая реальность смешивается с мифами и откровенной ложью станет истиной в последней инстанции. Нас подведут к мысли о том, что вся война шла из-за страха, а героями были лишь те, кто боролся против бесчеловечного режима.

Разные события войны нельзя вписать в лубочный рассказ о победе, ради которой отдали жизни миллионы людей. На фронте было все — включая самое мерзкое и отвратительное. Но непреложным фактом является то, что низкое не затмило высокое, а предательство не вытравило героизм. Знание архивных документов и их тщательный анализ помогает нам разобраться в темных и светлых сторонах войны, и, в том числе, дать выдержанное заключение об исполнении приказа № 227. Следует сразу отметить, что заградительные отряды начали у нас создаваться еще с лета 1941 г., в частности на фронте генерала Еременко. Тогда они выполняли, в основном, функции сбора отставших военнослужащих и перенаправления их на фронт или в спецорганы. Как известно, текст приказа от 28 июля 1942 г. зачитывался на всех фронтах, включая те, которые вели бои на центральном участке. Здесь возможно было провести мероприятия, предусмотренные в документе, в более спокойной обстановке, чем на сталинградском направлении. В докладной записке полкового комиссара Горбушина военному комиссару штаба Западного фронта говорилось, что с начала августа им была проведена работа по созданию заградотрядов и штрафной роты в 16-й армии. Три заградотряда были созданы, соответственно, к 5, 10 и 13 августа. Их комплектование, равно как и назначение командного состава в штраф-

ное подразделение происходило, как отмечалось, «за счет лучших людей, имеющих в составе армии». Туда направлялись рядовые, младшие командиры и политработники не раз побывавшие в боях, имевшие ранения, прошедшие боевую школу. И, напротив, исключались те, кто был ранее судим, попадал в окружение, имел родственников на оккупированной территории, или просто солдаты старших возрастов. Формированием отрядов и тщательным отбором личного состава занимался отдел укомплектования армии на базе запасного полка с участием командира, комиссара и начальника особого отдела. Причем из 2 тыс. человек было, в конце концов, отобрано всего 600 солдат. Другими словами, штрафные подразделения создавались из обычных фронтовиков — строевых красноармейцев и командиров, а отнюдь не военнослужащих НКВД. (Как не редко показывается в современных фильмах о войне. — М. М.). Однако заградотряды входили в подчинение особых отделов НКВД армий. Их вооружение, хотя и исключительно стрелковое, было, тем не менее, весьма внушительным: винтовки, автоматы ППШ, ручные пулеметы, 50 мм минометы и пулеметы «Максим» (по два на отряд). Первое время заградотряды стояли не в тылу «малоустойчивых» дивизий, а на отдельных участках, в которые входило по 2–3 соединения. Занимая, в основном, перекрестки дорог, они «выполняли функции, по существу, заградотрядов дивизий, существовавших до приказа № 227». «Это в лучшем случае, — отмечали военкомы соединений, — а в худшем превращались в контрольно-пропускные пункты НКВД». Необходимые коррективы в работу специальных подразделений вскоре были внесены, что дало политуправлению армии сделать следующее заключение: «В настоящее время заградительным отрядам отводится участок в тылу малоустойчивой дивизии или бригады, с которыми отряды имеют непосредственную связь и действуют совместно с командиром соединения»⁵⁹.

Конечно, не все директивы по укомплектованию заградотрядов и штрафных подразделений исполнялись четко в срок. Нередко командование объединений подходило к этому вопросу халатно, спустя рукава, что вело не к повышению, а, наоборот, снижению боеспособности частей. В 16-й армии, например, одним из главных проколов стало незнание заградотрядами перегруппировки собственных «подопечных» соединений. Это приводило к тому, как указывалось в документах, «что часть,

производя перегруппировку, и ее подразделения должны проходить через участок заградотряда, который, не зная, что подразделение выполняет боевую задачу, останавливает его, тем самым замедляя выполнение боевого приказа. Кроме того, такая система может привести к ненужным жертвам, так как заградотряд может в таких случаях без предупреждения открывать огонь по отходящим частям»⁶⁰. Сколько таких «ненужных жертв» было в полосе Западного фронта документы не раскрывают, как не найдено пока информации о точном количестве случаев, когда заградотряды открывали немедленный огонь на поражение по солдатам, покинувшим поле боя без приказа и бегущих в тыл.

О том, что практика действий заградительных подразделений включала в себя самые жесткие меры к паникерам, трусам и дезертирам сегодня хорошо известно. Всего, по состоянию на 15 октября 1942 года в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда. Детали, отражающие их работу, весьма показательны. Так, в справке, направленной в Управление особыми отделами НКВД СССР (не ранее 15 октября 1942 г.) говорится, что всего заградотрядами с начала их формирования (с 1 августа по 1 октября 1942 г.) было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных: арестовано 3980 человек; расстреляно 1189 человек; направлено в штрафные роты 2776 человек; направлено в штрафные батальоны 185 человек; возвращено в свои части и на пересылочные пункты 131 094 человека.

Пристального внимания требуют документы фронтов, оборонявших летом-осенью сталинградское и кавказское направления, находившихся на самых сложных участках и не раз попадавших в критическое положение. Из всех советских заградотрядов особым отделам Сталинградского фронта подчинялось — 16, а Донского фронта — 25. На этих фронтах за период с 1 августа по 1 октября 1942 г. было произведено наибольшее число задержаний, арестов и расстрелов во всей Действующей армии. Так, по Донскому фронту задержано 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1056 человек, направлено в штрафные батальоны 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека.

По Сталинградскому фронту задержано 15 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты

218 человек, направлено в штрафные батальоны 42 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека⁶¹.

Эти цифры отражают ситуацию в самые трагические месяцы советского отступления к Волге и предгорьям Кавказа. В целом, работа заградотрядов высшим командованием была признана необходимой и оценена с положительной стороны. В документах особых отделов не говорится о расстреле бегущих солдат, хотя отмечаются случаи «решительных мер» для приостановки отходящих в беспорядке военнослужащих, открытия огня «над головами отступающих», как это было на участке 396-го и 472-го стрелковых полков 399-й стрелковой дивизии 62-й армии 14 сентября 1942 г. Тогда, действием заградотряда бегущий личный состав был остановлен и «через два часа полки заняли прежние рубежи своей обороны». Но в боевых сводках не раз упоминается и о том, что отряды, призванные не допустить паники, нередко сами вступали в бой с врагом, занимали передовые позиции и несли существенные потери⁶².

Заградотряды находились, как правило, в удалении от передовой. По мере продолжения войны и роста боевой устойчивости частей, командование ставило перед ними задачи охраны тыла от диверсантов, уничтожения вражеских десантов, задержания дезертиров. Уже в ходе наступательных операций 1943–1944 гг. они следили за порядком на переправах и направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Осенью 1944 г. заградительные отряды, как подразделения, в которых была утрачена непосредственная необходимость, и использующиеся главным образом не по назначению, были упразднены.

Но летом 1942 г. никакие меры, которые могли бы предотвратить дальнейшее отступление Красной Армии, ликвидировать смертельную опасность стране не могли считаться советским верховным командованием излишне суровыми. Любой либерализм в этом деле, по мнению Сталина и лиц, отвечавших за проведение в жизнь приказа №227, необходимо было искоренить в зародыше. В своей директиве № 9 начальник Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаков констатировал, что некоторые члены Военных советов и политорганы не понимают «военную и политическую значимость приказа Народного комиссара обороны №227 и ограничились формальным зачитанием его личному составу». Вся работа сведена «к оче-

редной кампании». «Создание заградотрядов и подбор командно-политического состава для штрафных батальонов и рот нередко передоверили второстепенным лицам, а политорганы не оказывают командованию должной помощи. В заградотряды нередко направляются плохо обученные и недисциплинированные красноармейцы, не знающие русского языка и не участвовавшие в боях. Отдельные члены военных советов и начальники политорганов, по-прежнему, либеральничают с трусами, паникерами и нарушителями воинского долга». Щербаков предупреждал: «Они, видимо, не понимают, что выполнение приказа товарища Сталина немислимо без острой борьбы против элементов, сопротивляющихся наведению порядка и дисциплины в армии. Есть такие комиссары и командиры, которые мирятся с настроениями благодушия и успокоенности... Вместо того, чтобы решительно вытравить эти опасные явления, они фактически поощряют вредную болтовню о том, что приказ относится, главным образом, к частям, ведущим активные боевые действия... Многие военкомы и политработники, очевидно, не поняли, что приказ товарища Сталина является основным военно-политическим документом, определяющим боевые задачи всей Красной Армии и содержание партийно-политической работы на ближайший период войны». Главпур РККА «предлагал» решительно покончить с кампаниейщиной, требовать решительного исполнения приказа, воспитывать мужество и доблесть красноармейцев на героических примерах своих товарищей, разъяснять, что «теперь военное и внешнеполитическое положение нашей Родины в большой мере зависит от выполнения каждым бойцом, командиром и политработником своего долга...»⁶³.

Выполнение указаний Сталина предусматривало и скорейшее введение в бой штрафных подразделений, которые на многих фронтах в середине августа только начинали создаваться. Например, в 16-й армии Западного фронта штрафная рота к тому времени уже была укомплектована постоянными кадрами командного и политического состава. Тогда как «переменный состав» — то есть, солдаты, «проявившие во время боя с врагом трусость и паникерство» — только начал поступать. Из дивизий, бригад и корпусов армии к 19 августа было прислано всего 30 человек. Тем не менее, ожидалось, что уже 22 или 23 августа штрафная рота получит первое боевое задание⁶⁴.

Таким образом, для особых отделов и политорганов Действующей армии было еще большое поле деятельности по созданию штрафных подразделений, призванных стать местом отбытия наказания для лиц, проявивших трусость или осужденных за другие преступления. Штрафные роты и батальоны внесли свой собственный — оплаченный большой кровью — вклад в оборону города на Волге. Они также, по праву, разделяют честь достижения нашей армией перелома в войне. Честь, которую они оправдали в отчаянных и гибельных контратаках на врага, удержании до последней капли крови вверенных позиций. Возможность «искупить» свою вину кровью имелась на всех фронтах, и, конечно же, на тех, которые в тот период вели ожесточенные бои в излучине Дона и на подступах к Кавказу.

В начале августа 1942 г. противник продолжал наращивать свои усилия на сталинградском направлении и продвигаться к предгорьям Кавказского хребта. Новые попытки советских контрударов не увенчались успехом. Более того, в начале августа немецким войскам удалось отрезать от своих тыловых коммуникаций на восточном берегу Дона ряд крупных советских соединений. Им пришлось с боем переправляться на левый берег реки, теряя людей и технику. Большинство советских частей сражались в большой излучине Дона героически. Они заставили врага снизить темпы наступления. Однако инициатива все еще оставалась у германского командования.

Генерал Паулюс требовал подкрепления своим войскам, в которых появились признаки усталости. Необходимо было позаботиться и о флангах ударной группировки. Гитлер откликнулся на его просьбу. В полосу 6-й армии были направлены итальянские части (8-я итальянская армия), а впоследствии еще и румынские соединения. Дополнительно Паулюсу передавались и чисто германские соединения — один армейский корпус и танковая дивизия. 6-й армии предстояло завершить разгром советской 62-й армии и захватить Сталинград.

После подхода резервов Паулюс принял решение окружить 62-ю советскую армию, нанеся удар по сходящимся направлениям своими танковыми и армейскими корпусами. Начавшееся 7 августа наступление, казалось, полностью достигло цели. Соединившись в районе Калача, немцы смогли отрезать на западном берегу Дона до 30 тыс. советских военнослужащих. После этого часть сил 6-й армии нанесла удар на север — против плацдарма советских войск на ее

левом фланге. Передав этот участок 8-й итальянской армии Паулюс устремился к переправам через Дон. Ставке ВГК пришлось спешно бросать в бой в малой излучине Дона прибывшую из резерва 1-ю гвардейскую армию. Ее отчаянные атаки и мужественное сопротивление окруженных советских частей, прорывавшихся на восток, задержало дальнейшее безостановочное германское продвижение⁶⁵.

Гитлер видел, что бои в районе излучины Дона приобретают все более напряженный характер. Ему необходим был быстрый и решительный успех, который пока не удавался. В это время фюрер принял решение повернуть часть сил 4-й танковой армии генерала Гота с кавказского направления на Сталинград — армия передавалась из группы «А» в группу «Б». Ей предстояло теперь сокрушить советскую оборону на южных подступах к городу. Поистине Сталинград как магнит притягивал к себе немецкие войска. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль заявил: «Судьба Кавказа будет решена под Сталинградом». 4-я танковая армия действовала на стыке советских фронтов (Сталинградского и Северо-Кавказского), отступавших по расходящимся направлениям. Это предопределило быстрый успех объединения Гота, продвинувшегося по степи за несколько дней около 150 км и преодолев Сталинградский обвод. Выход немецких войск к станции Абганерово (30 км к югу от Сталинграда) чрезвычайно обеспокоил Ставку ВГК. Сюда перебрасывались новые резервы, которые, однако, вступали в бой разрозненно и несли большие потери. Тем не менее, германскому командованию пришлось на несколько недель задержаться у Абганерово, отбивая отчаянные советские атаки.

Советское командование продолжало наращивать свои оборонительные силы. Под Сталинград прибывали дивизии с Дальнего Востока и Забайкалья. 7 августа из состава Сталинградского фронта был выделен новый фронт — Юго-Восточный под командованием генерала А. И. Еременко (64-я, 57-я и 51-я армии). Отметим, что его действия были довольно успешными. Немцам так и не удалось сокрушить оборонительный участок этого фронта южнее Сталинграда, хотя именно здесь наступали танки Гота, переброшенные с кавказского направления. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал, что войска 4-й танковой армии наткнулись тогда на мощную оборонительную позицию противника⁶⁶.

Фронтовые документы показывают, в каком крайне тяжелом положении находились тогда войска, оборонявшие сталинградское направление, насколько напряженной была обстановка с управлением объединений, подвергавшихся беспрестанным ударам врага. В ночь на 7 августа генерал Еременко был вызван по прямому проводу Ставкой ВГК. Накануне он сообщил в Москву, что из-за отсутствия средств связи и офицеров управления, он не в состоянии немедленно взять под свое начало вновь образуемый Юго-Восточный фронт (находящийся в полосе прямого продвижения немцев к Сталинграду). Генерал просил дать ему хотя бы один-два дня для устройства всего дела. Находившийся на другом конце провода начальник Генштаба КА генерал А. М. Василевский был сух и категоричен. За его словами стояло жесткое требование Верховного: «Товарищ Сталин приказал Вам вступить в командование Юго-Восточного фронта не позднее вечера 7 августа. Директива на этот счет сейчас передается. Вот все, что приказано передать Вам». Еременко пытался возражать, еще раз доложить Сталину о ситуации, говоря, что и «сам рад скорее это сделать... Прошу хотя бы мне дали вступить с 8 августа днем или вечером, иначе просто невозможно управлять в такой сложный период, какой создается на юге Сталинграда». Василевский остался неумолим: «Я передал Вам категорические указания тов. Сталина, которые вызваны исключительно тяжелой обстановкой, которая сложилась под Сталинградом. В качестве управления надо использовать управление 1-й танковой армии, ее средства связи, прибывший и прибывающий к Вам комсостав... Необходимо принять от Сталинградского фронта полностью развернутую сеть связи по всем принимаемым от них войскам. Приказ Ставки, как Вам известно, я отменить не могу, передолаживать бесполезно, так как обстановка требует, чтобы Вы немедленно вступили в командование своими войсками». Еременко согласился с тем, что надо скорее брать в свои руки войска и пояснял, что он уже включился в работу и, в целом, активно помогает генералу Гордову и члену Военного совета фронта Хрущеву в том, «чтобы не допустить противника к Сталинграду и разбить его на линии укреплений»⁶⁷.

Ставка вынуждена была на ходу импровизировать, принимать решения, которые вносили элементы дополнительного напряжения и нервозности в действиях генералов на поле боя. Чехарда в названиях фронтов, изменения

в их командовании, задачах и ответственности, конечно, представлялась обузой для управления войсками и при иной ситуации была бы справедливо осуждаема. Но тогда, в августе 1942 г., все было подчинено суровой необходимости парировать смертельную опасность быстрого падения Сталинграда. Любые доступные силы перебрасывались, перенацеливались и переподчинялись исходя из этой главной задачи. Удары по развернутым порядкам врага наносились по мере подхода сколько-нибудь значительных сил из глубины. 9 августа Василевский вновь вызвал к прямому проводу Еременко и сообщил ему следующую новость: «Тов. Сталин считает целесообразным и своевременным объединить вопросы обороны Сталинграда в одних руках, а для этой цели подчинить Вам Сталинградский фронт, оставив Вас по совместительству в то же время и командующим Юго-Восточным фронтом...». Далее следовал вопрос: «каковы будут Ваши соображения?» Ответ Еременко был более чем положительным: «Мудрее товарища Сталина не скажешь. И считаю совершенно правильно и своевременно». Он также согласился на назначение к нему заместителем генерала Ф. И. Голикова, вместо которого на 1-ю гвардейскую армию вставал генерал К. С. Москаленко — все «достойные командиры»⁶⁸.

Ближайшей задачей Юго-Восточного фронта Еременко посчитал ликвидировать опасное продвижение противника к южным подступам Сталинграда. Он докладывал также о том, что его войска весь день 9 августа сдерживали атаки врага и наносили контрудары. Несмотря на то, что линии связи постоянно нарушались из-за бомбежки люфтваффе, он получил известия о неплохих результатах боев к юго-западу от города, об отличных действиях дивизионов «катюш», «наделавших делов» в районе Абганерово, где вся «прилегающая местность горит». Несмотря на то, что противник, по его словам, «получил хороший урок в трехдневных сражениях», он продолжал подводить к этому участку свежие соединения. Разведка засекла колонны из 70 танков и 250 автомашин⁶⁹.

На следующий день Еременко получил очередное указание Ставки, которое сдерживало его наступательный порыв: «Тов. Сталин приказал, — сообщалось из Москвы, — чтобы Вы особенно наступлением на юг не увлекались, а поставили бы перед собой задачу, во что бы то ни стало восстановить оборону по южному фасу Сталинградского обвода (тянувшимся от

оз. Цаца, далее через Абганерово, р. Мышкова до Логовский. — М. М.) и отбросить противника километров на 10–20, создать предполье для усиления этой обороны. За счет отказа от наступления, выделить часть сил для усиления запада и северо-запада (район Калач на Дону, Песковатка, Ветрячий. — М. М.) с тем, чтобы во что бы то ни стало удержать плацдарм на западном берегу Дона и не допустить противника с этих направлений к Сталинграду»⁷⁰.

Однако Еременко не смог выполнить строжайшие распоряжения Москвы и удержаться на линии Дона. Западное и северо-западное направление к Сталинграду сделалось через несколько дней наиболее уязвимым. Советские войска в тот период вчистую проигрывали в скорости маневра немецкому командованию, которое, к тому же по максимуму использовало условия открытой местности. Новый немецкий бросок к Волге последовал 15–16 августа. 6-й армии Паулюса удалось значительно продвинуться вперед, расчленив советскую группировку на две части. Германские войска захватили важные плацдармы на восточном берегу Дона. Оборона 62-й армии была прорвана. 23 августа 14-й танковый корпус вермахта неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армии Сталинградского фронта. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он вышел к Волге на северной окраине Сталинграда в районе рынка. Под огнем немецких орудий оказались цеха Сталинградского тракторного завода. В тот же день германской авиацией был нанесен сильнейший бомбовый удар по жилым кварталам Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Тысячи военных и мирных жителей погибли в огне гигантских пожаров, возникших после налета. Маршал А. И. Еременко впоследствии вспоминал, что происходившее в Сталинграде напоминало кошмар, разрывы бомб следовали один за другим. «Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма»⁷¹. Отметим, что громадных жертв среди мирного населения можно было избежать, если бы была своевременно проведена эвакуация города. Но этого не случилось. Долгое время переправы через Волгу были заняты уходящим от врага сельхозтехникой и крупным рогатым скотом. Спешное спасение оставшихся людей началось лишь после немецкого прорыва к Волге. Последствия были трагичны. Хотя за несколько дней было переправлено на левый берег реки

300 тыс. чел., многие транспортные суда и катера Волжской флотилии попали под жесточайший вражеский огонь и были затоплены. Из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить несколько десятков тысяч эвакуированных людей с Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград до августа 1942 г. смогли около 100 тыс.

С 15 августа начались бои за Сталинградский тракторный завод, практически находящийся уже в черте города. Особенностью Сталинграда являлось то, что по своей ширине он занимал довольно узкую полосу в 2 – 3 км, но по длине — вдоль берега Волги — вытянулся более чем на 15 км. Городской оборонительный район к моменту германского прорыва обороняли лишь отдельные запасные части, дивизия НКВД, курсанты, сводный отряд морской пехоты. Советское командование пыталось в срочном порядке восстановить положение и закрыть образовавшуюся брешь. В бой бросались вновь прибывающие резервы, в том числе те, которые ранее намечалось использовать против танковой армии Гота. Отчаянные советские атаки предотвратили быстрое занятие Сталинграда и не позволили немцам отрезать силы 64-й и 62-й от города. Они отходили на восток. Для лучшей управляемости войска дивизии 62-й армии, отрезанные от главных сил Сталинградского фронта, были переданы в состав Юго-Восточного фронта. 64-я армия, после упорных боев на подступах к городу, отошла на средний оборонительный обвод и заняла там жесткую оборону. Контрудар советского 2-го танкового корпуса не позволили 6-й армии быстро продвинуться в городские кварталы с севера. Немцы также закрепились и постепенно стали продвигаться к югу, вглубь района заводских цехов. В середине сентября врагу удалось ворваться в городские кварталы (вернее в их развалины) с запада и юго-запада. Начались кровопролитные сражения в самом городе. Его обороной в это критическое время руководил находившийся вместе с войсками начальник Генерального штаба генерал (с 1943 г. маршал) А. М. Василевский.

В конце августа 1942 г. Ставка ВГК решила нанести контрудар в южном направлении со стороны Сталинградского фронта — первоначально силами 1-й гвардейской армии — с целью ликвидации вражеского прорыва к Волге и восстановления связи с 62-й армией Юго-Во-

сточного фронта, оборонявшейся в городе. Тем временем к городу перебрасывались резервные армии: 24-я генерала Д. Т. Козлова и 66-я генерала Р. Я. Малиновского. Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Тогда же в Сталинград с Западного фронта был направлен Г. К. Жуков. В наступление, таким образом, должны были перейти сразу три советские армии. Но основная проблема состояла в том, что им приходилось вступать в бой сходу, тогда как в потрепанных в предыдущих боях танковых корпусах оставалось не так много бронированных машин. Лишь в недавно прибывшем 7-м танковом корпусе генерала П. А. Ротмистрова положение было более благополучным, в нем насчитывалось 169 танков⁷².

Сталин требовал от Жукова немедленного удара «северной группы войск». Маршал вспоминал разговор с Верховным: «Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, — сказал он, обращаясь ко мне. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград». Прилетев 29 августа в штаб Сталинградского фронта генерала В. Н. Гордова и ознакомившись с положением дел от него и начальника Генштаба А. М. Василевского, находившегося там в это время, Жуков начал готовить контрудар на 6 сентября. Необходимо было дождаться подхода и сосредоточения резервных сил. Но, по требованию Верховного, считавшего после доклада Еременко, что город может пасть в ближайшие часы, сроки были перенесены на более раннюю дату.

Войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление уже утром 3 сентября, но смогли продвинуться в направлении Сталинграда всего лишь на несколько километров. Дальнейшее продвижение было остановлено ударами вражеской авиации и танков. 5 сентября советский натиск возобновился — теперь в бой вводились 24-я и 66-я армии. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «...После залпов „катюш“ началась атака. Я следил за ней с наблюдательного пункта командующего 1-й гвардейской армией. По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, было видно, что артиллерийская подготовка не дала нужных ре-

зультатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует... Продолжавшийся весь день напряженный огневой бой к вечеру почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на 2–4 километра, 24-я армия осталась почти на исходных позициях... Третий и четвертый день сражений прошли главным образом в состязании огневых средств и боях в воздухе. 10 сентября, еще раз объехав части и соединения армии, я окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор наличными силами и в той же группировке невозможно. В таком же духе высказались и генералы В. Н. Гордов, К. С. Москаленко, Р. Я. Малиновский, Д. Т. Козлов и другие. В тот же день я передал Верховному по ВЧ:

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Верховный ответил, что было бы неплохо, если бы я прилетел в Москву и доложил лично эти вопросы...»⁷³.

Неудачный советский контрудар привел к большим потерям, однако он связал боями значительные вражеские силы, нацеленные непосредственно на Сталинград, прежде всего 8-й армейский и 14-й танковый корпуса. Жертвы не были напрасными, они не позволили немецкой группировке воспользоваться слабостью 62-й армии и быстро овладеть городом. Ожесточенность боев не позволяла Паулюсу рассчитывать на скорый успех, о чем он и докладывал фюреру. В итоге, 6-я армия получала в свое распоряжение 4-ю танковую армию, а ее командующему было обещано, что на фланги объединения будут переброшены подкрепления со стороны союзников Рейха.

Ожесточенность боев нарастала с каждым днем. В 62-й армии, на должность командующего которой вступил генерал В. И. Чуйков, насчитывалось к 11 сентября всего около 50 тыс. чел.⁷⁴. Тем временем противник, значительно

превосходя в силах, ускоренно готовился к решающему штурму Сталинграда, который начался 14 сентября.

Особенно тяжелыми для сталинградцев были первые три дня штурма. Немецкие танки при поддержке мотопехоты неудержимо продвигались к берегу Волги. Они прорвались к центру города и захватили Мамаев курган. В южную часть Сталинграда ворвались моторизованные части Гота. Казалось, что силы советских войск на исходе, и они неизбежно будут сброшены в воду. Паулюс уже готов был праздновать победу, считая, что у русских не осталось никаких шансов. Но положение спасла 13-я гвардейская дивизия А. Родимцева, численностью около 9,5 тыс. чел. Всего за две ночи, понеся тяжелые потери в личном составе и технике от бомбовых ударов и ураганного обстрела артиллерии противника, она сумела переправиться на западный берег Волги и с ходу вступить в бой. В реке горела разлившаяся нефть, но бронекатера Волжской флотилии, баркасы, простые лодки неудержимо плыли на западный берег к гранитным террасам набережной, спускающейся к Волге. При переправе дивизия понесла значительные потери, но сразу повела атаку на вокзал и другие важные объекты города.

Дивизия вступила в бой неожиданно, в том месте, где гитлеровцы рассчитывали в считанные часы дойти до Волги. В районе центральной пристани уже были немцы, но они были выбиты неожиданным ударом и откатились назад. Гвардейцы продолжили наступление. Более того, два советских полка продвинулись вперед и захватили Мамаев курган, господствующий над большей частью Сталинграда. Бои за эту высоту продолжались вплоть до января 1943 г. В боях за городской вокзал погибли фактически все, кто здесь сражался, но пока были живы, вокзал не сдали. Сам генерал Родимцев находился на передовой, обходил командные пункты соединения, ежесекундно подвергая себя смертельной опасности.

Хотя в отдельных районах города противник находился всего в 150–200 м от берега Волги, дальше он продвигаться уже не мог. Борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. Легендой стала оборона всего одного дома бойцами под командованием сержанта Я. Ф. Павлова. В течение 58 дней и ночей советские солдаты не сдавали свои позиции. В ночь с 26 на 27 сентября 1942 разведгруппа (3 бойца), возглавляемая старшим сержантом Павловым, захватила

четырёхэтажное здание в центре Сталинграда и удерживала его в течение почти трех суток. В подкрепление разведгруппе подоспел взвод под командованием лейтенанта И. Ф. Афанасьева. Здание, которое вошло в историю войны как "дом Павлова", стало важным опорным пунктом обороны в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы яростно атаковали здание, обстреливали и бомбили его, но взять так и не смогли. 24 бойца шести национальностей отстаивали свой дом — часть своей Родины — до победного завершения Сталинградской битвы. Я. Ф. Павлов затем прошел дорогами войны от Сталинграда до Эльбы, был ранен. Будучи уже лейтенантом, узнал о том, что он Герой только перед демобилизацией в 1945 году в Германии⁷⁵.

Особенное значение в условиях ближнего боя с противником, когда до его передовой было всего несколько десятков метров, приобретала выучка и мужество каждого отдельного красноармейца. Наиболее сильные и смелые бойцы объединялись в штурмовые группы, которые скрытно приближались к позициям врага, забрасывали его гранатами, а затем решительно атаковали. Именно в таких боях подразделения Красной Армии приобретали бесценный опыт сражений в городских кварталах, который затем был использован в боях за Киев, Будапешт, Варшаву и, наконец, Берлин.

Ставка ВГК стремилась как могла облегчить положение защитников города на Волге. Новый удар Сталинградского фронта в северном направлении был произведен в середине сентября. 1-я гвардейская армия, усиленная 340 танками, 24-я армия, ряд других соединений попытались пробить брешь в обороне противника, но наткнулись на плотный огонь противника. Значительную роль в срыве наступления сыграла вражеская авиация, совершившая только за 18 сентября 2 тыс. самолетовылетов. Советские бойцы залегали перед окопами немцев и несли большие потери. Общие же потери 1-й, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта с 1 по 26 сентября составили 107 тыс. чел.⁷⁶

В конце сентября (директива от 28.09.1942 г.) Ставка разделила силы, действовавшие в Сталинграде и к северу от него на Сталинградский (бывший Юго-Восточный) и Донской (бывший Сталинградский) фронты. Советские соединения, сражающиеся в развалинах волжской твердыни, теперь входили в объединение, название которого соответствовало обороняемому городу. Донской фронт возглавил генерал К. К. Рокоссовский.

Второй штурм Сталинграда враг предпринял 27 сентября — 7 октября 1942 г. Немцам удалось несколько потеснить армию Чуйкова. Ожесточенные бои, нередко переходящие в рукопашные схватки, шли в развалинах заводов. Советские подразделения были отброшены с Мамаева кургана, но сумели закрепиться на его северо-восточных склонах. Сильному обстрелу подвергся штаб 62-й армии. Линия фронта, шириной до 25 км, сжималась, как струна. Глубина оборонительных порядков советских войск не превышала 2 км, а в некоторых местах составляла всего 200 метров. Но немцам не удалось преодолеть их. Атакующий порыв 6-й армии вскоре выдохся. Удачным оборонительным действиям 62-й армии, получавшей подкрепления, способствовал все усилившийся огонь советской артиллерии с левого берега Волги. Те небольшие клочки территории, остававшиеся за Красной Армией в Сталинграде, вряд ли бы удержались, если бы не поддержка с другого берега. Свой смертоносный груз обрушивали на противника гвардейские минометы — «Катюши». Несколько реактивных установок действовали непосредственно на правом берегу Волги под прикрытием склона к реке. Чтобы открыть огонь, они отъезжали к самой кромке воды, а сделав залп, вновь возвращались в защищенное место. Один удачный залп «Катюш» в октябре месяце фактически уничтожил целый немецкий батальон, перешедший в атаку. В то же время германская авиация не могла теперь эффективно поддерживать ударные подразделения 6-й армии, так как была лишена возможности производить прицельное бомбометание. Противоборствующие стороны находились постоянно в плотном огневом соприкосновении. От своего окопа до вражеского расстояния часто не превышало дальности броска гранаты. В то время в Сталинграде советские дивизии в среднем насчитывали не более 1–2 тыс. активных бойцов, сказывались огромные потери. С другой стороны, та небольшая площадь, остававшаяся за 62-й армией, просто не могла бы вместить большое количество войск. И против этих малочисленных подразделений враг бросал все новые и новые силы. Паулюсу казалось, что стоит бросить в бой еще один «последний» батальон и русские дрогнут. Но проходили дни, недели, а русские стояли. Стойкость советских бойцов изумляла противника. За эпохальной битвой поистине следил весь мир. Поражение Красной Армии грозило самыми трагическими последствиями

не только для СССР, но и всей антигитлеровской коалиции. Известный западный историк А. Кларк замечал, что «германское наступление, начавшееся столь превосходно, всего в течение нескольких недель расширило границы рейха до своих наибольших пределов. Весь мир пришел от этого в трепет. Но вскоре стало очевидно, что германское наступление забуксовало. В течение последующих двух месяцев линия фронта на картах оставалась неизменной»⁷⁷.

Потеря защитниками Сталинграда Центральной пристани потребовало перестройки системы снабжения советских сил в городе. Волжская флотилия продолжала поддерживать линии коммуникаций севернее и южнее пристани. Далее на север был проложен пешеходный мост на железных бочках. Попытка врага выйти в тыл советским соединениям, наступая вдоль реки, провалилась.

Немцы стали называть продолжающиеся бои «крепостной» войной. Пройденное расстояние в прибрежных оврагах, балках, в развалинах заводов они высчитывали метрами. За каждый дом, подвал, цех, разрушенную будку велась борьба не на жизнь, а на смерть. Немецкий генерал Г. Дёрр описывал впоследствии сталинградскую действительность в мрачных тонах: «...Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома...»⁷⁸.

Бои в городе не затухали, и каждый день мог стать критическим для обороняющихся. Констатировав в приказе 14 октября 1942 г. факт завершения в целом летней кампании, Гитлер, тем не менее, не имел в виду прекращения операций в Сталинграде. Город необходимо было взять во что бы то ни стало. В этот же день начался очередной штурм. В. И. Чуйков так описывает происходившие тогда «незабываемые» события:

«...В тот день мы не видели солнца. Оно поднялось в зенит бурым пятном и изредка выглядывало в просветы дымовых туч. Под прикрытием ураганного огня три пехотные и две танковые дивизии на фронте около шести километров штурмовали наши боевые порядки. Главный удар наносился по 112-й, 95-й, 308-й стрелковым и 37-й гвардейской дивизиям. Все наши соединения сильно ослаблены от понесенных потерь в предыдущих боях, особенно 112-я и 95-я дивизии... [Противник] буквально душил

нас массой огня, не давая никому поднять голову на наших позициях. В 10 часов 109-й полк 37-й гвардейской дивизии был смят танками и пехотой противника. Бойцы этого полка, засевшие в подвалах и в комнатах зданий, дрались в окружении... В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный, и тут они напоролась на засаду. Наши танкисты били немецкие танки без промаха. Этот опорный пункт немцы пытались взять, но не взяли ни 14, ни 15 и ни 16 октября. И только 17-го он был разбит авиацией противника. Бой шел непрерывно, день и ночь. Окруженные и отрезанные гарнизоны продолжали драться, извещая о своем существовании по радио: „За Родину умрем, но не сдадимся!“... С утра 15 октября противник ввел в бой свежие силы (305-ю пехотную дивизию) и продолжал развивать наступление на юг и на север вдоль Волги. Его артиллерия простреливала наши боевые порядки насквозь, авиация по-прежнему обрушивала на город тысячи бомб. Однако разрубленная пополам армия продолжала сражаться. Северная группа (124-я, 415-я и 149-я стрелковые бригады и части дивизии Ермолкина) вела бой в окружении с превосходящими силами противника, наступавшими с севера от Латашанки, с запада — по долине Мокрая Мечетка и от Тракторного завода. Связь с войсками этой группы непрерывно рвалась. В ночь на 16 октября на правый берег Волги был переброшен полк дивизии Ивана Ильича Людникова, который мы сразу ввели в бой севернее завода „Баррикады“, где у нас был наиболее слабый фронт обороны»⁷⁹.

Ожесточенные бои шли за заводы «Красный октябрь» и «Баррикады». В некоторых местах противник прорывался к Волге и стремился развить успех к северу и югу вдоль Волги. От вражеского огня блиндажи рушились, как карточные домики. Чуйкову пришлось перенести свой командный пункт на несколько сот метров и развернуть его у самой воды. В бой бросалось все, что имелось в наличии, в т.ч. солдаты из тыловых служб (включая сапожников, портных, конюхов и др.). Немцы также изымали тыловиков со спокойных участков фронта, желая сломить остающиеся очаги сопротивления и совершить последний рывок в несколько десятков метров. Но к 23–24 октября стало очевидно, что противник начинает выдыхаться. Он не выдерживал отчаянных контратак советских бойцов и откатывался назад. Тем не менее, бои продолжались до самого конца октября. 25 октября Паулюс

возобновил атаки крупными силами на всем фронте Чуйкова и вскоре занял пос. Спартановка. Но в тот же день в наступление перешли войска правого фланга 64-й армии в районе Купоросное, а 62-я армия получила подкрепление — 45-ю стрелковую дивизию. Советское командование ради удержания плацдармов в Сталинграде пошло на этот шаг, даже несмотря на то, что вело в то время активную подготовку к контрнаступлению. Повторные атаки врага 26 и 27 октября ему успеха не принесли. К вечеру 29 октября бои стали постепенно затихать⁸⁰.

Последний штурм советских плацдармов в Сталинграде Паулюс предпринял 10 ноября 1942 г. Дополнительно к ударным отрядам в бой были введены саперные батальоны, изъятые из пехотных дивизий. Но уже на следующий день, не добившись сколько-нибудь значительного успеха, немецкие подразделения были вынуждены прекратить атаки. Полностью овладеть городом на Волге гитлеровцам так и не удалось, их наступательные возможности были исчерпаны.

К концу октября 6-я немецкая армия во многом утратила свои наступательные возможности. Однако приказа о переходе к обороне для немецких соединений, действующих в районе Сталинграда, не поступало. Тем временем приближалась зима. Фюреру необходимо было решаться на кардинальные шаги. Оставаться в Сталинграде означало подвергать войска опасности поражения в период холодов. Еще свежи в его памяти были воспоминания о катастрофе под Москвой зимой 1941–1942 г. Но оставлять город он был не намерен. Та территория, куда ступила нога германского солдата, должна была в любом случае оставаться за его арийской нацией. Тем более, это требование касалось города, который носил имя вождя вражеской стороны — Сталина. Оставляя 6-ю армию в Сталинграде, чьи растянутые фланги были прикрыты войсками союзников — итальянскими и румынскими соединениями, Гитлер руководствовался не здравым рассудком, а идеей безусловного превосходства рейха над советской стороной. Однако тем самым он подводил обессиленных солдат Паулюса к своей скорой гибели.

Не просто обстояли дела и у частей Красной Армии. Похолодание уже вызвало появление на Волге тонкого льда. Снабжение защитников города значительно ухудшилось. Для переброски в Сталинград вооружения и боеприпасов приходилось использовать самолеты У-2. Как и немецкое командование, Ставка ВГК должна

была принять радикальное решение относительно будущей борьбы.

Советское командование все чаще задумывалось над тем, как переломить ход сражения в свою пользу. Находившийся некоторое время в Сталинграде в качестве представителя Ставки генерал армии Жуков убедился, что советским войскам нужно время и дополнительные силы, чтобы организовать удар такой мощи, от которого враг уже не смог бы оправиться. И Жуков и Василевский уже в сентябре 1942 г. поняли, что введение в сражение неподготовленных подразделений, использование резервов по частям ни к чему хорошему привести не может; необходимо подготовить детальный план совершенно новой операции. Судя по отрывочным данным, Василевский поручил офицерам Генштаба проработать вариант охвата с севера и юга группировки противника под Сталинградом, и уже 13 сентября Жуков и Василевский доложили Верховному замысел будущей операции на окружение. Сталин в принципе одобрил его, но сказал, что план наступления необходимо хорошенько обдумать, а главное – не допустить взятия противником Сталинграда. Теперь все зависело от быстроты, слаженности и скрытности перегруппировки советских войск. Резервные соединения под Сталинградом необходимо было сосредоточить таким образом, чтобы обеспечить внезапность контрнаступления. Новый план получил кодовое название «Уран». Основной его замысел — окружение 6-й немецкой армии. Места первоначального прорыва вражеской обороны определялись особенно скрупулезно. Приоритетными считались участки, занятые войсками союзников германского вермахта – румынскими и итальянскими дивизиями, более уязвимыми, чем германские соединения.

Оборона Кавказа

Отстоять Кавказ, не допустить гитлеровцев к стратегическим источникам сырья — прежде всего нефти и хлеба — являлась в ходе войны одной из важнейших, судьбоносных задач, стоявших перед руководством Вооруженных сил СССР и всем советским народом. Оборонительные бои за Кавказ продолжались с 25 июля по конец декабря 1942 г. В развернувшихся сражениях приняли участие войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Черноморский флот, Азовская и Каспийская военные флотилии.

Не менее важное значение южным хлебо-
роbnым районам России и кавказской нефти
придавал Гитлер. Без надежного источника по-
ступления горючего продолжение победоносной
войны Германией было под большим вопросом.
Захватив же этот регион, третий рейх, по мнению
фюрера, мог продолжать боевые действия еще
неопределенное количество времени, и, в конце
концов, окончательно сломить сопротивление
Советского Союза, за которым последовало бы
и поражение его западных союзников.

Что касается военно-политического руко-
водства союзников СССР, то с середины 1942 г.
они с неослабевающим вниманием следили
за гигантской битвой, развернувшейся на юге
России. И хотя в Лондоне и Вашингтоне теперь
более оптимистично смотрели на возможности
сопротивления русских, чем в прошлом году,
учитывали возросший военно-экономический
потенциал СССР и информацию о характере
местности на кавказском направлении, делать
какие-либо прогнозы о возможности широкого
контрнаступления советских фронтов западные
аналитики не решались.

Главные усилия в летней кампании 1942 года
верховное командование Германии сосредото-
чало в направлении Кавказа (директива ОКВ от
23 июля 1942). Оно замышляло силами группы
армий «А» окружить и уничтожить советские
войска, оборонявшиеся южнее и юго-восточнее
Ростова и овладеть Северным Кавказом. Затем
группе «А» предстояло разделиться на две груп-
пировки: одной из них ставилась задача обойти
Главный Кавказский хребет с запада, захватив
Новороссийск и Туапсе, а другой — наступать
с востока, захватив Грозный и Баку. Одновре-
менно с обходным маневром намечалось сло-
мить оборону советских войск в центральной
части Главного Кавказского хребта и выйти
в районы Тбилиси, Кутаиси и Сухуми. Выйдя
в Закавказье, противник намеривался парали-
зовать базы Черноморского флота, установить
непосредственную связь с турецкой армией,
26 дивизий которой были развернуты у грани-
цы СССР, а затем продолжить наступление на
Ближний и Средний Восток. План германской
операции по захвату Кавказа, основной целью
которой было овладение нефтяными ресурса-
ми — месторождениями Грозного, Баку и других
источников получил название гонного цветка
с серебристыми листьями — «Эдельвейс».

Для выполнения этих задач были предназна-
чены войска группы армий «А» (командующий

генерал-фельдмаршал В. Лист), в составе 1-й
и 4-й танковых, 17-й и 3-й (румынская) армий,
части сил 4-го воздушного флота (167 тыс. чело-
век, 4540 орудий и минометов, 1130 танков, до
1 тыс. самолетов). Этой группировке противника
противостояли войска Южного фронта (коман-
дующий генерал-полковник Р. Я. Малиновский)
в составе семи сильно ослабленных в боях обще-
войсковых армий, насчитывавших 112 тыс. чело-
век, 169 орудий калибра 76 мм и выше, 17 танков
и 130 самолетов 4-й воздушной армии. Они дер-
жали оборону по левому берегу Нижнего Дона
от Верхнекурмоярской до Азова в полосе шири-
ной до 320 км. На восточном берегу Азовского
моря и Таманском п-ве были развернуты вой-
ска Северо-Кавказского фронта (командующий
маршал С. М. Буденный), которому подчинялись
в оперативном отношении соединения Черно-
морского флота и Азовской военной флотилии;
далее на юг до турецкой границы находились
соединения Закавказского фронта (командую-
щий генерал И. В. Тюленев). В ходе развернув-
шихся боев часть сил, имевшихся у Буденного
и Тюленева, передавалась другим объединениям,
находившимся на острие вражеского удара.

Советские войска перешли к обороне на
кавказском направлении, подвергаясь непре-
рывным ударам противника и поэтому не могли
полностью подготовить оборонительные пози-
ции в инженерном отношении. Они испытывали
острый недостаток боеприпасов и горючего. Тем
временем, германские войска, перейдя 25 июля
в наступление, быстро продвигались на юг. Фор-
сировав Дон, они ставили задачу окружить от-
ступающие силы Южного и Северо-Кавказско-
го фронтов. Под натиском превосходящих сил
противника войска Южного фронта вынуждены
были начать отход на юг и юго-восток. За двое
суток немецкие войска продвинулись вперед на
80 км. Их танковые и моторизованные диви-
зии вышли в задонские и сальские степи и на
степные просторы Краснодарского края, создав
угрозу прорыва вглубь Кавказа. По сути дела
у германского командования имелся замысел
повторить на юге России тот успех, который
год назад был достигнут ими при разгроме 6-й
и 12-й армий в Уманском котле. Моторизован-
ные части вермахта превосходили стрелковые
соединения РККА в подвижности и получали
возможность обходить их, создавая капканы
на пути отступления. Советское руководство,
сознавая надвигающуюся угрозу, объединило
войска Южного и Северо-Кавказского фрон-

тов — в один Северо-Кавказский фронт под командованием Буденного. По приказу Ставки Буденный разделил свои силы на две оперативные группы — Донскую и Приморскую. Первая под командованием генерала Р. Я. Малинского (51, 37 и 12-я армии) прикрывала ставропольское направление, вторая, под командованием генерала Я. Т. Черевиченко (18, 56, 47-я армии и отдельные корпуса) — приморское. В ее задачу входила оборона Таманского п-ва и Краснодарского направления. В конце июля войска Закавказского фронта, прикрывавшие частью сил границу с Турцией, приступили к занятию рубежей в северных предгорьях Кавказа по рекам Терек, Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также к созданию многополосной обороны на направлении Грозный, Махачкала. Находившаяся в районе Грозного 44-я и только что сформированная 9-я армии были объединены в Северную группу Закавказского фронта (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников).

В конце июля советским войскам на кавказском направлении был зачитан приказ наркома обороны № 227, призванный укрепить стойкость частей и остановить натиск врага, но быстрого перелома в обороне добиться не удалось. Противник рвался к Сальску. Ему удалось отрезать основные силы 51-й армии и нарушить ее связь со штабом Буденного. В связи с этим армия была передана в состав Сталинградского фронта⁸¹.

Ставка и командование советских фронтов принимала все меры, чтобы задержать врага. Были взорваны плотины на р. Маныч — разлившаяся вода (шириной несколько километров), равно как и усилившиеся налеты советской авиации не позволили группе «А» завершить задуманный план окружения. Общая военная ситуация на юге России также способствовала некоторой стабилизации положения Северо-Кавказского фронта. В связи с тем, что Паулюсу не удалось сходу прорваться к Сталинграду, верховное командование Германии повернуло 4-й танковую армию на восток, передав ее (без 40-го танкового корпуса) в состав группы «Б»⁸².

Но враг, обладавший полной инициативой, по-прежнему был настроен на решительное наступление. Основная ударная сила группы «А» — 1-я танковая армия, использовав разрыв между 51-й и 37-й советскими армиями, в начале августа быстро продвинулась вперед на расстояние более чем 250 км. Противник неумолимо приближался к административным и промышленным центрам Северного Кавказа, в том числе

к Майкопу — одному из ключевых объектов добычи и переработки советской нефти. Но немцы, стремившиеся захватить майкопские нефтепромыслы, были разочарованы — отступающие части РККА и подразделения НКВД сумели до такой степени разрушить скважины, что они не смогли быть отремонтированы даже спустя несколько месяцев после их захвата. О том, в какой критической и нервной обстановке происходили эвакуация и уничтожение оборудования сырьевых месторождений, вспоминал бывший в 1942 г. заместителем наркома нефтяной промышленности Н. К. Байбаков, одновременно возглавлявший в то время специальный штаб при наркомате:

«В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом говорил:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. И чуть ужесточив голос, добавил:

— Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

...После некоторой паузы снова добавил:

— Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

...Я молчал, думал и, набравшись духа, тихо сказал:

— Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Сталин слегка остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте вопрос на месте.

Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку».

В ГКО была создана группа специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. Было решено при приближении врага демонтировать и вывезти все ценное оборудование, второстепенные предприятия уничтожить сразу, но на богатых нефтью месторождениях вести работы до последней минуты. Задание Ставки и ГКО было выполнено. Страна получала горючее с майкопских нефтяных скважин буквально под носом у противни-

ка. А многие ценные промышленные объекты, как, например, Апшеронскую электростанцию, взрывали уже под автоматным и пулеметным огнем врага⁸³.

Общая ситуация на кавказском направлении в начале августа 1942 г. продолжала ухудшаться. Немцы смогли отбросить соединения левого крыла Северо-Кавказского фронта, где оборонялись 18-я и 56-я армии Приморской группы войск. Подавляющее превосходство в силах (в танках абсолютное) позволило 17-й немецкой армии быстро продвинуться на Краснодар, а 1-й танковой армии на Армавир и Майкоп. Советские части отошли на левый берег р. Кубань, не смогли здесь закрепиться и продолжали отступление. Немецким войскам удалось 5 августа захватить Ставрополь, 10 августа — Майкоп, 12 августа — Краснодар и Пятигорск. Захват Майкопа означал, что противник может быстро прорваться через горы вдоль железной дороги на Туапсе, расцезь надвое Приморскую группировку советских войск. Ставка ВГК резонно опасалась, что падение приморского города Туапсе создаст ловушку для 47-й армии и всех сил в районе южнее Краснодара. Они будут либо уничтожены, либо попадут в плен. В последующем, угрозе захвата — вплоть до турецкой границы — подвергалось все черноморское побережье СССР. Это привело бы к фатальным последствиям для всей обороны Кавказа, охвату главных группировок РККА на этом театре и возможной быстрой потере основных месторождений сырья, без которых продолжение эффективного сопротивления германскому агрессору было под большим вопросом.

Оборона Туапсе — города воинской славы России — стала одним из решающих моментов в обороне Кавказа. В течение нескольких недель героические защитники города сдерживали неоднократно превосходящие силы противника. Враг потерял на этом направлении более 50 тыс. солдат и офицеров, но так и не смог сломить советское сопротивление. Таким образом, попытка группы «А» сходу прорваться к побережью Черного моря (до которого оставалось всего несколько десятков километров) через предгорья западной части Главного Кавказского хребта успеха не имела.

Бои с 25 июля до 17 августа 1942 г. составили первый этап обороны Кавказа. Советские войска потерпели поражение и были отброшены от Дона и Кубани к западным предгорьям Главного Кавказского хребта. Однако постепенно на-

ступление частей вермахта теряло темп. Выйдя к хребту, противник оказался перед новым препятствием, созданным самой природой. Война в условиях горной местности приобрела вязкий, затяжной, но от этого не менее ожесточенный и кровопролитный характер.

Оккупировав значительную территорию Кубани и Ставрополя, противник рассчитывал одновременно получить солидный трофей в виде масштабной эксплуатации ресурсов этого региона. Но широкие планы натолкнулись на жесткую действительность. Кубанская земля, которая дала в годы войны фронту около 1 млн бойцов, буквально горела под ногами у оккупантов. Многие жители ушли в армию добровольцами — они воевали, в том числе в прославленном 4-м Кубанском казачьем кавалерийском корпусе. Оставшееся под пятой захватчиков население в большинстве своем ненавидело злейшего врага. Тысячи людей вступали в партизанские отряды и подпольные группы. Кубань стала местом дислокации Южного штаба партизанского движения, который координировал партизанскую борьбу на всей территории Кавказа. Несмотря на жестокие репрессии, кубанцы при первой возможности совершали диверсии, налеты на гарнизоны противника, уничтожали его транспортные коммуникации. На земле Кубани враг потерял 300 тыс. своих солдат и многие тысячи единиц различной техники. Немецкое командование применяло против бойцов сопротивления и простых граждан звериные меры подавления. На оккупированной территории края в годы войны было расстреляно, задушено газом, повешено 61 тыс. человек, и только в одном Краснодаре уничтожено — 13 тыс. чел., то есть каждый десятый житель города⁸⁴.

Чувство святой мести за горе, принесенное на их землю, в равной мере присутствовало у большинства населения северокавказских регионов, в том числе жителей Ставрополя. На фронт в годы войны было направлено 320 тыс. ставропольцев. В крае была развернута одна из самых мощных в стране госпитальных баз, а его продовольственные ресурсы снабжали действующую армию с начала и до конца войны. Мужество и героизм проявили воины-ставропольцы при защите Марухского, Клухорского, Санчарского и других перевалов Главного Кавказского хребта. Когда враг пришел на их землю, они вступали в партизанские отряды и продолжали бороться с оккупантами. 31,6 тыс. мирных жителей края погибло от рук захватчиков⁸⁵.

Всего за первые пять месяцев Великой Отечественной войны на Северном Кавказе было призвано в армию 1,2 млн человек — людей из наиболее работоспособной части населения, включая колхозников-механизаторов и трудящихся нефтеперерабатывающих предприятий. Свой воинский долг честно выполняли представители горских народов: дагестанцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы, карачаевцы и другие. Они не жалели своих жизней ради достижения общей победы над врагом. Тем более обидным для них было принятое ГКО в начале 1943 г. постановление о демобилизации из действующей армии всех подозреваемых в неблагожелательности. На них был навешен ярлык в возможном пособничестве противнику. Но для большинства воинов этот шаг был в высшей степени несправедливым и преступным. Возвращавшиеся с фронта бойцы и командиры (всего за 1943–1944 гг. было демобилизовано 157 тыс. представителей различных национальностей Советского Союза, в том числе около 6 тыс. офицеров) подвергались репрессиям, высылались в малообжитые регионы Средней Азии, другие отдаленные районы СССР. Только чеченцев было отозвано с фронта 710 офицеров и 8134 сержантов и рядовых. Многие из них имели боевые награды, неоднократные ранения. Однако их снимали с довольствия и зачисляли в разряд спецпереселенцев⁸⁶. Одновременно шло переселение на восток сотен тысяч мирных граждан — жителей северокавказских автономных республик, большинство из которых были ни в чем не повинны, а напротив, честно трудились на благо обороны.

Поводом для эскалации репрессивной политики сталинского режима, переселения целых народов стала активизация бандитского подполья на территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. На этот раз советские военные части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа. Подняли голову и некоторые представители казачества, которые в мирное время, мягко говоря, недолюбливали советскую власть за жестокие методы руководства и насильственную коллективизацию, а теперь желали выступить в составе автономных легионов бок о бок с «победоносным вермахтом». Факты предательства своей общей Родины, действительно, имели место. В северокавказском

регионе действовало несколько десятков крупных националистических отрядов, нарушавших снабжение советских войск, убивавших из-за угла бойцов и командиров Красной Армии. Бандиты не скрывали своего желания поскорее встретиться с немецкими частями и вместе с ними вести борьбу против советской власти. Но большинство горцев и казаков в то время не поддерживали национальных и религиозных экстремистов. Напротив, они активно участвовали в борьбе с немецкими оккупантами, вступали добровольцами в ряды Красной Армии. Однако за сотрудничество с противником предателей, к сожалению, пострадали и ни в чем не виновные граждане. Многие народности Северного Кавказа (сотни тысяч человек — чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других) были высланы в 1944 г. в Среднюю Азию и оставались там, в тяжелых условиях проживания вплоть до конца 1950-х годов. Постепенное возвращение на родину уцелевших переселенцев стало происходить лишь после смерти Сталина, тогда как осуждение политики репрессий против целых народов стало фактом только в конце 1980-х годов.

С 18 августа 1942 г. войска группы армий «А» продолжили свою операцию. Теперь германское командование попыталось организовать наступление в центральной части Кавказского хребта, пробиться через горы западнее Эльбруса и выйти к Тбилиси. Первоначальные успехи 49-го немецкого горного корпуса позволили врагу захватить ряд перевалов на сухумском направлении, сбить со своих позиций малочисленные советские подразделения и выйти к южным склонам Эльбруса. Группа немецких альпинистов из числа военнослужащих горных частей установила 21 августа флаг со свастикой на вершине этого пика. Флаг в последующем был сброшен советскими альпинистами, но в то время главную опасность представлял не этот пропагандистский демарш, а клинья немецких ударов, направленные на Гудауту, Гагры и Сухуми. Германский успех мог привести здесь к окружению нескольких советских армий и выходу в Закавказье.

Реальность прорыва противника на южные склоны Главного Кавказского хребта беспокоила Ставку ВГК. 23 августа в Сухуми был направлен член ГКО Л. П. Берия — могущественный сталинский помощник и беспрекословный исполнитель, равно как и инициатор самых жестких приказов. Советские войска получали значительные подкрепления. Они усиливались

подразделениями НКВД и отдельными горно-стрелковыми отрядами, бойцы которых обладали навыками альпинистов. Все это не позволило вражеским частям прорваться к Черному морю, они вынуждены были закрепиться на захваченных горных перевалах.

В конце августа группа армий «А» предприняла попытку прорваться к кавказским нефтяным источникам на своем левом фланге. Танковая армия Клейста, усиленная 40-м танковым корпусом, нанесла удар в направлении Моздока и Владикавказа (Орджоникидзе). Советские части мужественно и умело оборонялись, используя в полной мере условия местности, трудности преодоления противником многочисленных водных преград, лежавших у них на пути, растянутость его коммуникаций. Ожесточенные бои завязались на подступах к р. Терек. Все большую роль в срыве германских планов стала играть советская авиация, получавшая преимущество по мере усиления частей ВВС РККА.

Тем не менее, Клейсту удалось обойти советскую оборону, наступая вдоль Терека и 25 августа овладеть Моздоком. Но взять Владикавказ и продвинуться дальше Малгобека ему так и не удалось. Советские войска 9-й и 37-й армий, а затем своевременно выдвинувшиеся в этот район соединения 44-й армии сдержали вражеский натиск. Попытка немцев выйти к Владикавказу через так называемые Эльхотовские ворота (узкое ущелье, пересекающее Сунженский хребет), наткнулась на развитую систему инженерных сооружений, минные поля и другие заграждения. Организованные советским командованием контрудары вынудили противника остановиться и организовать пополнение для своих потрепанных частей. Советские войска, прикрывавшие грозненское и владикавказское направление были объединены вскоре в Северную группу войск Закавказского фронта под командованием генерала И. И. Масленникова.

В течение всего сентября не прекращались ожесточенные бои за г. Малгобек. После захвата города немцы собирались немедленно использовать для своих нужд нефтяные месторождения, находившиеся в этом районе. Советская сторона стремилась этого не допустить. На подступах к Малгобеку частями РККА и местными жителями были созданы серьезные укрепления. Город непрерывно обстреливался, в нем не затухали пожары, но танковые атаки врага не приводили к желаемому результату. Разрушенные кварталы неоднократно переходили из рук в руки. 5 ок-

тября 1942 г. противник все же занял большую часть города, но нефтепромыслы к тому времени были полностью уничтожены. Воспользоваться нефтью врагу так и не удалось. Вскоре бои здесь приобрели позиционный характер. Германское командование, очевидно, потеряло здесь свой последний шанс сходу выйти к главным кавказским нефтяным источникам.

Неспособность германского командования одержать быстрые победы в сражениях за Малгобек и Орджоникидзе, по сути, означала срыв его решительной попытки завладеть нефтью грозненских месторождений, а затем выйти к Баку. Вражеское наступление на левом фланге группы «А» захлебнулось на рубеже реки Терек. Гитлер был взбешен. Он приказал начальнику штаба оперативного руководства ОКВ генералу А. Йодлю вылететь на место и разобраться с обстановкой. Вопреки ожиданиям фюрера, Йодль не просто поддержал В. Листа, поставив под сомнение возможность дальнейшего наступления, но и предложил, не дожидаясь худших последствий, отвести назад горный корпус. В ответ на это Гитлер не придумал ничего лучшего, как сместить Листа и самому формально возглавить группу «А». Досталось и Йодлю, которого также чуть не уволили из-за высказанного «ошибочного» мнения. В порыве гнева, фюрер припомнил ему прошлогодние проступки. На совещании с фельдмаршалом В. Кейтелем 18 сентября он заявил, что работа с помощниками не возможна без их лояльности, «не говоря уже о том, что Йодль не крепкий человек. Именно он прошлой зимой выдвинул предложение о разрешении главной задачи, — немедленно отойти назад. Послушавшись его, мы потеряли бы все. И тогда он представлял не мое мнение, которое ему было хорошо известно, а наоборот, мнение слабых личностей — фронтовиков... что совершенно недопустимо». Кейтель, боявшийся ослушаться своего фюрера, поддакивал ему, утверждая, что Йодль, будучи его помощником, неоправданно стал выступать на первый план «брал на себя больше, чем было на него возложено»⁸⁷. Таким образом, Гитлер опять, как и зимой 1941–1942 г., видел причину своих неудач в некомпетентных действиях своих генералов — «слабых личностях», которые только и делают, что предлагают отступать. Вера в свою полководческую исключительность оставалась в нем непоколебимой. Что бы ни случилось, считал он, Кавказ будет покорен. И произойдет это под его гениальным руководством. Однако такая вера не учитывала

объективных обстоятельств, сложившихся на фронте, возросшее сопротивление Красной Армии. История сыграла с фюрером третьего рейха злую шутку. Уже после войны выжившие немецкие генералы стали обвинять Гитлера во всех без исключения военных неудачах, стыдливо оставляя за скобками свои собственные ошибки.

Одновременно с немецким ударом на левом фланге группы «А» германское командование продолжило натиск на приморском участке 17-й армии генерала Р.Руоффа. С 19 августа противник повел решительное наступление на Новороссийск. Падение города могло означать новую смертельную угрозу не только для 47-й армии Северо-Кавказского фронта, но и всех советских войск оборонявших западные склоны Кавказского хребта. Попытка немцев прорваться в Новороссийск с ходу не удалась. Но 28 августа, возобновив наступление, германские части сумели прорвать левый фланг советской 47-й армии и 31 августа выйти к побережью Черного моря, захватив Анапу. Советские соединения, отступая, оставили Таманский полуостров, куда 1–2 сентября высадились шесть немецких дивизий из Крыма. Ставка ВГК принимала экстренные меры для переброски резервов и пополнения войск, но перевес в силах оставался на стороне наступавших. С целью улучшения управления войсками советское командование пошло на ряд преобразований. Так, Северо-Кавказский фронт был преобразован в Черноморскую группу войск Закавказского фронта (12, 18, 47, 56-я армии) под командованием генерала Я. Т. Черевиченко. Командующим фронтом остался генерал И. В. Тюленев⁸⁸.

Число защитников Новороссийска не превышало тогда 15 тыс. чел. В сентябре бои за Новороссийск достигли крайней степени ожесточения. Следствием удара 5-го армейского корпуса немцев стал отход советских частей из большей части этого города-порта. Но войскам 47-й армии удалось закрепиться в заводских районах и блокировать дорогу вдоль моря. Попытка обойти советскую оборону через горы, предпринятая 3-й румынской горной дивизией, окончилась в 20-х числах сентября полным провалом. Дивизия была окружена и почти полностью уничтожена. Силы немцев и их союзников неуклонно истощались, они вынуждены были вести ожесточенные бои с контратакующими соединениями Красной Армии, а в дальнейшем и с героическим десантом, высадившимся с моря на подступах к Новороссийску и занявшим не-

большую территорию, прозванную вскоре «Малой землей».

Встретив упорство советских войск на приморском направлении, германское командование решило в начале октября попытаться отрезать советскую группировку новым ударом через западную часть Кавказского хребта. Привлеченные к наступлению горные егеря смогли выйти в тыл 18-й советской армии и нанести ей серьезный урон. Неудачные действия командования Черноморской группы и выход врага на ближние подступы к городу Туапсе привели к смене командования. Вместо Черевиченко Черноморскую группу теперь возглавил генерал И. Е. Петров, ранее оборонявший Севастополь, а на должность командующего 18-й армии был назначен генерал А. А. Гречко. Подход свежих советских частей позволил стабилизировать ситуацию под Туапсе, где бои приняли позиционный характер.

Заключительный акт драматических сражений на фронте наступления германской группы «А» на владикавказском и грозненском направлениях развернулась в конце октября 1942 г. Следует отметить, что советское командование весьма опасалось немецкого удара с плацдарма на южном берегу Терека в районе Малгобека. Ставка планировала провести собственную операцию силами 9-й армии с целью отбросить врага и восстановить линию фронта по течению реки. Однако противник опередил командование РККА. С 25 октября румынские, а затем и немецкие части начали наступление западнее Моздока и Малгобека на Нальчик. Фланг 37-й советской армии оказался под угрозой, и она вынуждена была отойти. 27 октября пал Нальчик, а в начале ноября немецким танкам оставалось преодолеть всего 15 км, чтобы ворваться во Владикавказ. Захват этого города мог означать, что вермахт овладеет ключами к важнейшей транспортной магистрали Кавказа — Военно-Грузинской дороге. Положение было критическим. Но именно в этот момент командующий Закавказским фронтом Тюленев приказал перебросить на владикавказское направление стрелковый корпус, танковую бригаду, а затем и другие соединения, ранее предназначенные для нанесения контрудара по немецкому плацдарму южнее Терека. Начавшееся 6 ноября советское наступление привело к крупному успеху. Одна из германских танковых дивизий была охвачена с трех сторон. Для отступления у нее оставался лишь узкий коридор. Бросая технику и вооружение, немцы

поспешно бежали. Разгром ударных сил группы «А» был более чем очевидным — враг оставил на поле боя около 150 танков, более 2,3 тыс. автомашин, другое имущество. Оседлать транспортную коммуникацию, ведущую в Закавказье и выйти к основным нефтепромыслам, германскому командованию не удалось. 1-я танковая армия вермахта вынуждена была перейти к обороне.

К концу декабря 1942 г. войска вермахта и их союзников окончательно исчерпали свой наступательный пыл в сражениях за Кавказ. Враг удерживал занятую важную в хозяйственном и стратегическом отношении Кубанскую область, но выполнить поставленные перед ними задачи по захвату важнейших нефтяных месторождений СССР и прорыву на Ближний Восток он оказался не в состоянии. Немцев не пропустили через горные перевалы в Закавказские республики, а ущелья, ведущие к Черноморскому побережью, прежде всего к Туапсе, были надежно блокированы. Соединения вермахта и его союзников были вынуждены вести тяжелые позиционные бои со все более усилившимися советскими армиями. Не оправдались также надежды гитлеровцев на то, что кавказцы отпадут от семьи народов Советского Союза и охотно станут помогать Германии в «освобождении» от коммунистического режима. Мудрость большинства горцев в полной мере проявилась в критической ситуации. Они понимали, что победа нацистского рейха ведет не только к гибели советского строя, но и порабощению, превращению в рабскую силу для рейха всех граждан СССР. Их выбор был защищать общую Родину.

К началу декабря 1942 г. Красная Армия нанесла большой урон войскам немецкой группы армий «Б» под Сталинградом и окружила ее 6-ю армию. Немецкое командование, остро нуждавшееся в пополнении своих сил на сталинградском направлении, приняло решение перебросить туда часть сил группы армий «А». 28 декабря главное командование сухопутных войск (ОКХ) отдало группе армий «А» приказ начать отступление до линии Армавир — Сальск и там соединиться с войсками 4-й танковой армии, действовавших южнее Сталинграда. При отступлении немецким войскам предписывалось применять тактику «выжженной земли», т.е. уничтожать и разрушать города, села, мосты, железнодорожные пути, вывозить с собой награбленное имущество и продовольствие. 1 января 1941 г. начала отступление 1-я танковая армия вермахта.

В тот же день окончился оборонительный и начался наступательный период битвы советских войск за Кавказ. По решению Ставки ВГК войска Южного фронта генерал-полковника А. И. Еременко (создан 1 января 1943 г. на базе Сталинградского фронта), развивая успех контрнаступления под Сталинградом, перешли в наступление главными силами из района Котельниковский на Ростов и частью сил на Тихорецк. Черноморская группа войск Закавказского фронта получила приказ наступать навстречу войскам Южного фронта — на Краснодар и Тихорецк. Северная группа войск (с 24 января преобразована в Северо-Кавказский фронт) должна была преследовать немецкую 1-ю танковую армию и наносить ей удары, наступая в направлении Моздок, Прохладный, Армавир.

Подвиг бойцов и командиров Красной Армии, представителей многих национальностей, грудью вставших на защиту своей страны в ходе оборонительных операций 1942 года, сорвал немецкий план порабощения Кавказа («Эдельвейс»), не позволил германскому командованию в самый критический период обороны Сталинграда перебросить туда дополнительные силы. Переход германских войск к обороне на Кавказе, а также начавшееся успешно советское контрнаступление под Сталинградом означало, что в Великой Отечественной войне произошли коренные изменения, настал кульминационный и поистине переломный момент в смертельной борьбе против фашистской агрессии. Последующее быстрое продвижения Красной Армии от берегов Волги на запад создавало для Красной Армии хорошую возможность для нанесения врагу решительного поражения на всем южном фланге советско-германского фронта. В перспективе оно вело не только к быстрому отступлению немецкой группы армий «А», но и ее полному уничтожению в гигантском котле на Северном Кавказе, полях Кубани и Ставрополя. Такая задача казалась Ставке ВГК вполне выполнимой накануне нового 1943 года.

«Незнаменитые» наступательные операции: Ржевско-Сычевская операция и попытки деблокады Ленинграда в 1942 г.

Под Ржевом

В конце июля 1942 г. группа армий «Центр» (под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге) силами 9-й армии продолжала

крепко удерживать стратегически важный плацдарм — так называемый Ржевский выступ, линия фронта которого проходила севернее и восточнее Ржева, восточнее Погорелого Городища и Быково. Сдавать его немцы не собирались.

Очевидной целью командования Красной Армии было не дать врагу возможности использовать свой плацдарм в наступательных целях и постараться нанести летом 1942 г. группе армий «Центр» серьезное поражение. Как уже говорилось, центральный участок фронта занимал в мыслях Ставки ВГК особое место. Нельзя было исключать возможность, что немцы, воспользовавшись неудачами Красной Армии на южном фланге, не попытаются взять советскую столицу неожиданным фронтальным ударом. Для Сталина все еще свежи были воспоминания осени 1941 г., когда враг стоял в нескольких десятках километров от Москвы. С другой стороны, германское командование, перенеся свои основные усилия на юг — под Сталинград и на Кавказ, считало, что рано или поздно группа армий «Центр» возобновит свое разящее наступление на Москву по одному из кратчайших путей и поставит тем самым заключительную точку во всей войне. Центральная группировка немцев продолжала оставаться наиболее многочисленной.

Исходя из остающейся цели облегчить участь частей Красной Армии, отступающих к Дону и Кавказу, сковав германские силы в центре советско-германского фронта, а также сложившихся на Западном направлении условий для наращивания натиска на врага, к концу июля Ставка ВГК спланировала осуществить крупную наступательную операцию, получившую название Ржевско-Сычевской. Новое предприятие поручалось войскам сразу двух фронтов — левого крыла Калининского и правого крыла Западного, которые нацеливались против сил группы армий «Центр», действовавших всего примерно в 200 км к западу и северо-западу от Москвы. Операция, проведенная с 30 июля по 23 августа 1942 г., вписывалась в рамки советской «большой стратегии», хотя условия для ее проведения летом 1942 г. были далеки от идеальных. Здесь на пересеченной местности, имеющей много естественных преград (рек, речушек, перелесков, высот, болот) была выстроена глубокоэшелонированная оборона немцев, пожалуй, еще более прочная, чем на южном фланге группы фон Клюге. На пути наступающих войск находились окопы полного профиля, ряды колючей проволоки, сеть минных полей и многочислен-

ные опорные пункты. К концу июля положение советских войск на юге России ухудшилось. Именно туда направлялись основные резервы и боевая техника. Неоднократно подтвержденное мужество бойцов и командиров РККА по-прежнему не подкреплялось надежным прикрытием с воздуха. Поэтому исходные данные для новой операции Красной Армии западнее Москвы, в основном, оставались теми же, что были в начале месяца. Это не сулило наступающей стороне легких боев, а, напротив, грозило большими потерями.

С другой стороны, советское командование сделало все возможное, чтобы сосредоточить теперь на участках прорыва более мощные силы и средства. Современные исследования подтверждают, что в полосах наступления ударных группировок фронтов было достигнуто не просто «более чем двойное», а значительное превосходство над противником в людях и артиллерии. Ржевский историк С. А. Герасимова пишет, что к обычно упоминаемым войскам 30-й, 29-й, 31-й, 20-й армий Западного и Калининского фронтов, принявшим участие в операции, следует приплюсовать еще 5-ю и 33-ю армии, хотя они наступали лишь на отдельных участках своих полос. В операции участвовали также соединения и части 2-го гвардейского кавалерийского, 6-го и 8-го танкового, 8-го гвардейского (в полосе 20-й армии) и 7-го гвардейского стрелковых корпусов, которых поддерживали 1-я и 3-я воздушные армии. Советская группировка в начале августа насчитывала более 486 000 человек и располагала 1715 танками. «Артиллерийская плотность» в полосе наступления 33-й армии достигала 40–45 орудий на 1 км, 20-й армии — 122 орудия, на Калининском фронте — 115–140 стволов⁸⁹.

Советское командование учитывало, что войска левого крыла Калининского фронта генерал-полковника И. С. Конева (30-я и 29-я армии) и правого крыла Западного фронта генерала армии Г. К. Жукова (31-я и 20-я армии) занимали по отношению к немецкой 9-й армии охватывающее положение. Общий замысел операции предусматривал ударами войск этих смежных крыльев на ржевском и сычевском направлениях разгромить основные силы 9-й армии и ликвидировать Ржевский выступ. Перед войсками советских фронтов ставились первоочередные конкретные задачи — овладеть городами Ржев и Zubцов, выйти на рубеж рек Волга и Вазуза, обеспечив его надежную защиту. Главная роль

в осуществлении задуманного плана должен был сыграть Западный фронт.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков уделял особое внимание скрытности сосредоточения ударных группировок 20-й и 31-й армий. Был приведен в действие специальный план мероприятий, призванный обеспечить в тайне развертывание главных сил. Все передвижения и смена войск на передовых позициях должны были производиться незаметно, как правило, ночью. Частям, предназначенным для первой атаки, давались всего сутки для занятия исходного положения, изучения местности и освоения предстоящих задач. Выгрузка боевой техники из железнодорожных составов производилась вдали от линии фронта, из-за опасения раскрыть замысел перед вражеской разведкой. Необходимые документы по плану операции писались от руки, все основные распоряжения отдавались устно, лично командующим армиями⁹⁰.

30 июня первыми в наступление перешли войска Калининского фронта. 30-я армия прорвала первую полосу обороны противника, но затем встретила упорное сопротивление врага и втянулась в упорные бои на подступах к д. Полунино. Действия 29-й армии успеха не имели⁹¹. Войска Западного фронта начали свое наступление 4 августа. Как отмечалось в специальном докладе штаба фронта, нашими войсками в 6:15 утра, внезапно, всей массой артиллерийского и минометного огня и РС (кроме М-30) был нанесен 10-ти минутный удар по узлам связи с целью нарушения управления вражескими подразделениями. Затем артиллерия приступила к разрушению и уничтожению переднего края противника методическим обстрелом, продолжительностью 45 мин. Считалось, что «такая мощная подготовка нанесла громадные потери противнику, что позволило пехоте и танкам уверенно, без больших потерь и быстро двинуться в атаку». Уже в первом эшелоне было задействовано две танковые бригады, которые поддерживали безостановочное продвижение вперед, даже ночью. Как дань букве и духу приказа НКО № 227 в наступающих частях предпринимались специальные меры, а именно: «Для предупреждения отставаний отдельных подразделений, — говорилось в докладе, — и для борьбы с трусами, паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военным Советом армии командиры. В итоге всех предпринятых мер, войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника»⁹².

Особенно ожесточенные бои шли за д. Погорелое городище, которую немцы за предыдущие месяцы превратили в крупный опорный пункт. Буквально каждый метр земли перед деревней был пристрелян противником, не помышлявшим даже о тактическом отступлении. Достаточно сказать, что боевые действия 20-й армии на первом этапе наступления получили название «Погорело-городищенской операции». И все же советскому командованию удалось взломать германскую оборону, бросив в сражение крупные силы пехоты, кавалерии и танковые бригады. В полосе армии действовало более 250 танков, включая 21 тяжелый и 82 средних⁹³.

Красноармейцы дружно поднимались в атаку и шли в лоб на позиции противника. Правдой войны является то, что их не нужно было подстегивать или угрожать пулей со стороны заградительных отрядов. В частях наблюдался большой духовный подъем. В отчете о политико-моральном состоянии 20-й армии в период операции говорилось, что в подразделениях присутствовало «беспредельное стремление к скорейшему истреблению ненавистного врага». «Весь личный состав армии от бойца до командарма (генерала М. А. Рейтера. — М. М.) горели нетерпением и ждали сигнала к решительному и беспощадному бою». Факт, что перед самым наступлением военнослужащим еще раз разъясняли смысл приказа Сталина № 227, а представители Военного совета и политодола армии лично выезжали в корпуса и дивизии «для руководства на местах». Но они, в то же время, отмечали, что солдаты стали теперь «злее и беспощаднее», «научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков». Бои по прорыву вражеской обороны в полосе 20-й армии дали сотни примеров мужества, отваги и героизма. Отличились разведчики и подразделение автоматчиков 923-го стрелкового полка 251-й дивизии, которые, «не дожидаясь конца артподготовки, ворвались в глубокий тыл врага и неожиданно смелым броском вышли на железнодорожный и деревянный мосты через р. Синяя, не дав противнику их взорвать и отрезав ему путь отхода». Минометчик Леванский, «несмотря на серьезное ранение, ни за что не согласился уйти с поля боя и продолжал разить врага огнем своего миномета». Сержант Михалев уничтожил пулеметную точку немцев метким броском гранаты. Чтобы только перечислить подвиги наших солдат уже в первый день наступления под Ржевом, не хватило бы и толстой

тетради. Правдой было и то, что в атаку вместе с красноармейцами шли политические работники, деля вместе с ними и славу и, если придется, смертельную пулю. Стоит задуматься и над следующими цифрами: только по одному 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за время операции заявления о приеме в компартию подало 8200 чел., тогда как сама парторганизация выросла за то же время на 378 чел. Коммунисты шли в бой первыми и в ходе отчаянных атак, как правило, первыми и погибали. В то же время в кавкорпусе ничтожно малым оставалось число «аморальных», как тогда отмечалось, явлений. Было выявлено всего два случая самострелов⁹⁴.

Ненависть советских солдат к захватчикам усиливалась при виде жуткой картины разрушений и смерти в освобожденных населенных пунктах. Они убеждались, что враг пришел на их землю не просто как захватчик, но и зверь, расчищавший себе жизненное пространство путем уничтожения коренного населения. Газета «Красная Звезда» писала в сентябре 1942 г.: «Политика истребления русского населения проводилась в Погорелом городище систематически и методично. В октябре 1941 г. здесь проживало 3076 человек. 37 человек расстреляно немцами. 94 человека сожжены живьем за сопротивление „эвакуации“ в германский тыл. 60 человек увезены в рабство в Германию. 1980 человек умерло от голода и болезней. В живых осталось 905 человек. Так современные варвары осуществляют свою злодейскую программу истребления русского народа»⁹⁵.

К утру 5 августа войска Западного фронта завершили прорыв главной полосы обороны, а к исходу суток расширили его до 30 км по фронту и 25 км в глубину. Вечером 5 августа Жуков почувствовал, что дело, кажется, удастся, и речь может идти о крушении всей немецкой обороны на этом направлении. Для развития успеха он решает ввести в бой с 6 августа подвижную группу фронта — два танковых и один кавалерийский корпус. Слова его приказов напоминают более призыв оперативно воспользоваться ситуацией: «Усилиями 31-й и 20-й армий фронт противника прорван на участке Алешево, Семёновское. Наши войска развивают успех в западном и юго-западном направлении... 2-му гв. КК в ночь на 6.08.42 войти в прорыв... С выходом в назначенный район командиру корпуса быть готовым объединить под своим командованием 8 ТК, 11 тбр и действовать на юг с задачей овладеть районом Вязьма». В половине третьего

ночи 6 августа он торопит подчиненных командармов: «31-й армии — продолжать наступление и к исходу 8.08.42 главными силами выйти на фронт Ржев, Дубровка... 20-й армии — развивать наступление в направлении Сычевка. К исходу 7.08.42 овладеть районом Сычевка». В связи с общностью задач Западного и Калининского фронтов в 20 ч 30 мин 5 августа Жуков получил указание Ставки ВГК взять руководство всем сражением в районе Ржева в свои руки. Генерал И. С. Конев должен был срочно прибыть к нему «за получением личных указаний и распоряжений по дальнейшему ведению операций»⁹⁶.

Однако надежды на быстрый успех Жукову вскоре пришлось оставить. У врага были значительные резервы, чтобы локализовать советский прорыв. Командование группы армий «Центр», под угрозой потери Ржевского выступа, усилив 9-ю армию тремя танковыми и двумя пехотными дивизиями, нанесло контрудар из районов Сычевки и Карманово в общем направлении на Погорелое городище. 7–10 августа на подступах к рр. Вазуза и Гжать происходило крупное встречное сражение. С обеих сторон в нем участвовало до 1500 танков и почти все войска, предназначенные для действий на зубцовском, сычевском, и кармановском направлениях. 8 августа в сражение была введена 5-я армия Западного фронта с задачей прорвать вражескую оборону на всю тактическую глубину и соединиться с левофланговыми частями 20-й армии.

Совсем не гладко, как того хотелось бы, шли дела на Калининском фронте. Вызывает удивление, почему общее руководство операцией не было отдано Жукову с самого начала, а было оформлено директивой Ставки только 5 августа? Войска Конева продвинулись к тому времени вперед всего на несколько километров. Причиной тому была организация удара фронта как раз по наиболее плотным оборонительным порядкам и сильным укреплениям врага севернее Ржева. «Противник, разбитый в своей тактической глубине, — отмечал Конев, — воспользовавшись неблагоприятными условиями погоды, закрепился на оборонительной Ржевской полосе». Однако генерал не терял пока надежды сломить вражеское сопротивление. Ведь только в одной его 30-й армии находилось 13 стрелковых дивизий, три бригады, 13 артиллерийских полков РГК, 16 дивизионов и три гвардейских полка «Катюш». К исходу 8 августа он требовал «закончить перегруппировку и перейти в решительное наступление с задачей

овладеть г. Ржевом и переправами р. Волга»⁹⁷. Однако эта задача выполнена не была. Как назло, самое начало наступления обоих советских фронтов было ознaменовано мощными ливнями, донельзя развратившими и без того ужасные проселочные дороги, ведущие к передовой. Потоки воды с неба были выгодны немцам, так как они держали в своих руках надежные линии коммуникаций и уже давно глубоко зарылись в землю. Дождь мешал и эффективному применению советской артиллерии, которая на главных направлениях значительно превосходила противника.

Теперь в приказах Жукова заметно раздражение по поводу топтания на месте. Он ругает и наставляет своих генералов: «Противник сейчас собирает со всего фронта отдельные подразделения, части и соединения и стремится, во что бы то ни стало, остановить наше продвижение и ликвидировать образовавшийся прорыв». Командующий констатировал упорство врага на подступах к Ржеву, Сычевке, Карманово и сетовал на то, что «наши части, особенно левофланговая группировка 20-й армии, за последние два дня действуют исключительно пассивно и, не продвигаясь вперед, дают врагу время на организацию сопротивления». «Особенно преступно, — по его мнению, — действовали 6-й и 8-й танковые корпуса, группа Армана и группа Бычковского, которые, болтаясь в тылах пехоты, неся потери, не выполнили до сих пор ни одной поставленной задачи». Приказ Жукова, отданный в ночь на 8 августа, требовал в течение двух суток освободить н.п. Сычевка, Зубцов, Карманово, и «во взаимодействии с Калининским фронтом захватить Ржев»⁹⁸.

В течение последующих нескольких дней бои продолжались с неослабевающей силой. Советские войска несколько потеснили, но не опрокинули врага. Однако они отразили его контрудары танковых дивизий (46-го танкового корпуса) в районах Карамзино и севернее Карманово, нанесли противнику большие потери, и вынудили его перейти к обороне на рубеже р. Вазуза, р. Гжать, с. Карманово. Используя успех Западного фронта, 30-я и 29-я армии фронта Конева только во второй половине августа вышли на ближайшие подступы к Ржеву. 23 августа войска 31-й армии при помощи 29-й армии освободили Зубцов, а войска 20-й армии — Карманово. На этом наступательные возможности советских войск были исчерпаны и они перешли к обороне.

Могли ли советские войска добиться тогда большего успеха? Документы фронтового командования и Ставки ВГК показывают, что вряд ли это было осуществимо. Сама природа была против наступающих! В начале операции, как уже говорилось, выпал сильный ливень. Полоса боевых действий представляла собой лесисто-болотистую местность. «Этот район, отмечали инженерные службы, больше годится для сильной обороны, а как стык двух фронтов усиленно заграждался от переднего края далеко в глубину». Саперам приходилось не только разминировать территорию и сопровождать наступающие части, но и постоянно поддерживать в приемлемом состоянии дороги, по которым к передовой подтягивалась техника. Жердевая выстилка и грунтовые участки дорог после прохода танков приходили в полную негодность. Их необходимо было снова и снова восстанавливать. Значительные силы и время отрывались для наведения переправ и переходов через многочисленные реки, ручьи, болотца. В целом, на усиление сапер только в 20-й и 31-й армиях было брошено не менее 2-х дивизий⁹⁹.

Немцы проявляли значительное искусство в обороне. К тем препятствиям, которые были описаны выше, они присовокупили хитрый способ уничтожения живой силы РККА. Как летом 1942 г., так и позднее, противник создавал т.н. «систему бастионов». Через каждые 100–150 метров прямолинейных траншей ими отрывались треугольные выступы («бастионы»), направленные острым углом в сторону атакующей советской пехоты. Там же находилась огневая точка (пулемет), врезанная заподлицо в землю. Она была предназначена для ведения огня только вдоль траншеи, когда в нее врывались наши бойцы. Подступы к огневой точке надежно минировались. Артиллерийскую подготовку РККА солдаты вермахта пережидали в укрытиях, но как только впереди показывались атакующие подразделения, они занимали свои места в передовых траншеях и открывали шквальный огонь. Как правило, атаки на такие укрепленные пункты вели к большим потерям. Тем не менее, советские войска научились их брать и добиваться поставленной цели. Залогом победы здесь были быстрота и натиск. Бросок в направлении вражеских окопов должен осуществляться еще до окончания артподготовки; затем следовала короткая яростная схватка с еще не опомнившимся врагом¹⁰⁰.

Осуществление Ржевско-Сычевской операции позволило советским войскам продвинуться

вперед на 30–45 км, срезать часть плацдарма противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковать крупные силы группы армии «Центр» и вынудить немецкое командование перебросить в район операции 12 своих дивизий с других участков. Готовившиеся к переброске на Сталинградское направление три танковых и несколько пехотных дивизий из состава группы фон Клюге были обескровлены в боях; 10 пехотных, три танковых и три моторизованных дивизии врага потеряли 50–80% личного состава. В танковых дивизиях осталось всего по 20–30 боевых машин — из 150–160¹⁰¹.

Вышеназванные результаты достались Красной Армии дорогой ценой. По официальным данным, в Ржевско-Сычевской операции советские войска потеряли с 30 июля–23 августа 1942 г. — 193 683 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹⁰². Однако некоторые историки считают эти данные заниженными. Дело в том, что после 26 августа, когда И. С. Конев был назначен командующим Западным фронтом вместо генерала армии Г. К. Жукова¹⁰³, а 30-я и 29-я армии были переданы в состав Западного фронта, бои за Ржев продолжились. Город оставался одним из главных остовов всей германской обороны на центральном направлении и притягивал к себе все новые силы противоборствующих сторон. В конце сентября штурмовые советские подразделения, прогрызая вражеские позиции, ворвались в северную часть Ржева. Бои с контратакующими немецкими частями приняли невиданный накал. Однако подоспевшие резервы группы армий «Центр» сумели восстановить положение. Город освободить не удалось.

Указывая на то, что бои Западного и Калининского фронтов на ржевском направлении продолжались вплоть до конца сентября 1942 г., современные исследователи увеличивают цифру потерь РККА в Ржевско-Сычевской операции 1942 г. (30, 29, 31, 20, 33 и 5-й советских армий) до 291 тыс. чел. (в итоговую цифру не входят потери корпусов и воздушных армий). В целом, таким образом, говорится о 300 тыс. советских военнослужащих, павших в тот период, тогда как только за август потери в танках в сумме составляют 1085 ед. Относительно потерь немцев имеются только промежуточные данные, но, очевидно, что они были также очень большими. В общей сложности 16 немецких дивизий, действующих на этом участке потеряли, по некоторым оценкам, от 50 до 80% личного состава. Так, только одна 6-я пехотная дивизия за период

1–22 августа потеряла 3294 человека. Весьма значительными были и потери противника в танках и авиации¹⁰⁴.

Причины столь больших советских потерь при относительно скромном продвижении вперед являются сегодня предметом многочисленных дискуссий среди историков. Природный и погодный факторы, инженерное оборудование вражеских позиций и другие отмеченные обстоятельства, конечно, сыграли свою роль. Нельзя упускать из виду, что Красной Армии под Ржевом противостояли закаленные солдаты вермахта, которые сумели в значительной мере оправиться от зимних поражений и получили серьезные подкрепления. Кроме того, их боевой дух значительно укрепился после начала германского наступления на Кавказ и Сталинград, где уже были достигнуты крупные победы, а также фактом отсутствия в Европе второго фронта. Все это приводило немцев к мысли о том, что победа не за горами, впереди последнее напряжение сил, за которым последует победа.

Успехи на южном фланге ободряюще сказывались на политико-моральном состоянии противника на всем советско-германском фронте, в т.ч. в полосе группы армий «Центр». «Воинственное настроение и уверенность в победе Германии, — отмечалось в информации с фронта Жукова, — особенно характерно для обольщенного геббельсовской пропагандой молодых возрастов 1922 и 1923 г.р.». Типичным представителем этого слоя был военнопленный немец Вальтер Реммер, который при допросе в советском штабе показал: «В настоящее время в армию прибывает молодежь 1923 г.р. Дисциплина в армии строгая. Случаев отказа от выполнения приказов, дезертирства, самострелов пленный не знает. Солдаты получают в день 500 г хлеба, 50 г колбасы, иногда масло или мед, днем суп и вечером чай. Многие солдаты, хотя и недовольны питанием, но своего недовольства не высказывают». (Это при том, что многие наши подразделения на передовой, особенно в период распутицы, вынуждены были неделями сидеть на сухарях и воде. — М. М.). В. Реммер признавал, что «между собой солдаты говорят, что Красная Армия сражается упорно, но большинство верят в победу немцев, которые сейчас наступают на юге. У Красной Армии не хватает продовольствия, и она должна будет сдаться. Солдаты уверены, что война закончится в этом году, и что также думает все население Германии». О втором фронте Реммер слышал, но «офицеры объявили

солдатам, что этому не следует придавать значения». В тайне немецкие солдаты обсуждали, что «война никому не нужна». Но «раз она начата, то ее нужно довести до конца. Соппротивление властям не возможно. Кто виновен в войне, сказать трудно. Говорят, — продолжал пленный, — что наше жизненное пространство мало и не обеспечивает материально наш народ. Англия отказалась дать нам колонии и договорилась с СССР о нападении на Германию. Большинство немцев уверено, что война ведется именно по этой причине». Показания В. Реммера было характерно для большинства солдат из гитлеровской молодежи, прежде всего немцев по национальности. Однако военнопленные австрийцы, литовцы, чехи, поляки, которые также воевали на стороне вермахта, заявляли, что воевать не хотели, но их обманым путем (заставляя подписывать пустые страницы, которые потом оказывались соглашением вступить в армию) призвали на фронт¹⁰⁵. Так ли это было на самом деле, остается вопросом. Ясно одно, что пока Германия одерживала победы никаких особых протестных настроений в частях вермахта, где воевали не только немцы, но и представители других европейских наций, не было.

Оптимистические ожидания германских солдат свидетельствовали о том, что вражеская военная машина еще очень сильна. Но появлялись и факты другого рода, что руководство рейха теперь ставит на кон все, что оказывается под рукой, бросает в огонь сражений те ресурсы, без которых немисливо вести затяжную войну. Для нашего командования таким свидетельством стал трофейный документ, захваченный на немецких позициях под Ржевом в августе 1942 г. Это было письмо генерала фон Вотмера, «руководителя» (как была переведена его подпись. — М. М.) «трудовой повинности». Генерал обращался к гитлеровской молодежи. Очевидно, что адресатом письма было одно из подразделений «службы труда рейха»¹⁰⁶, которое работало на строительстве оборонительных укреплений в немецком тылу, но в ходе советского наступления было вооружено и брошено в бой, чтобы закрыть образовавшуюся брешь.

Германский генерал писал, что получил призывы о помощи и предпринял все необходимые шаги в этом направлении. «Хотя я знаю, что эти продолжавшиеся 9 дней бои превосходят силы молодежи, — отмечал он, — я принужден требовать выдержки и стойкости. Нельзя допустить того, чтобы фюрер оттянул из решающей битвы

на юге ударные дивизии для того, чтобы спасти положение здесь. Этими мыслями каждый командир и солдат должны быть проникнуты, и я прошу и ожидаю, что люди из корпуса фюрера охвачены одной мыслью: мы помогаем нашей стойкостью добиться победы на юге для победы в войне. Вследствие этого все невозможное должно стать легким... Я прошу вас оставить все свои заблуждения и самоуспокоенность, потому что мы переживаем трудные часы. Я прошу вооружить всех. Наконец, я прошу еще раз, невзирая ни на что, закопаться в землю, не отступать и не колебаться. Не сдавать ни пяди земли и отступать в случае и лишь только по приказу»¹⁰⁷.

В документе заметны следы и тональность приказа самого Гитлера, отданного еще в декабре 1941 г., в период зимнего кризиса германской армии под Москвой — так называемого приказа «держаться». Теперь, в августе 1942 г., немцам, попавшим в тяжелую ситуацию под Ржевом, вновь запрещалось отступать без приказа. В резолюции, наложенной на препроводительной к этому письму, командующий Западным фронтом Г. К. Жуков подчеркнул: «Военный совет фронта обращает внимание на исключительно серьезное положение, создавшееся у противника в связи с нашими наступательными операциями. Переписка, по-видимому, относится к корпусу немецкой молодежи, занятой в тылу на оборонительном и дорожном строительстве. Речь идет о ее вооружении и удержании с помощью этих необученных солдат-молокососов обороны. Учтите это крайне тяжелое положение противника». Немецкий трофейный документ предусматривалось довести до командования армий, дивизий и других соединений для использования информации в целях усиления натиска на врага¹⁰⁸.

Однако осуществить намечавшийся разгром не удалось. В снижении ударной мощи частей РККА существенную роль сыграли ошибки, допущенные самим советским командованием еще на этапах планирования и подготовки операции. Разведка Западного и Калининского фронтов имела данные о системе немецких укреплений в основном на только на переднем крае. Несмотря на то, что на отдельных участках (в районах главных атак) плотность нашего артиллерийского огня достигала 170 орудий на километр фронта, а в 20-й армии — целых 266 орудий¹⁰⁹, командование РККА не до конца осознавало, что именно здесь — на ржевском плацдарме — враг имеет наиболее плотные боевые порядки

(менее 10 км линии фронта на одну пехотную дивизию), оснащенные всеми средствами инженерного оборудования позиции, развитые в глубину от 80 до 100 км. Играли свою роль и другие факторы: излишняя концентрация живой силы в местах прорыва, не подкрепленная техникой и огнем, что вело не к достижению успеха, а лишь к большим потерям; поспешное (без должной поддержки и разведки) введение в бой танковых соединений, использование бронемашин в лесистой местности; отсутствие плотной поддержки со стороны своей авиации, вылившееся в ходе развития операции в господство люфтваффе на поле боя; ненадежная радиосвязь. Противник, заставляя наши войска вязнуть в боях за укрепленные районы, быстро перебрасывал резервы (включая танковые дивизии) на угрожаемые направления и наносил болезненные контрудары.

Действия советских танковых корпусов в Ржевско-Сычевской операции оставляли не лучшее впечатление. Бронированные кулаки Западного фронта сгорали от огня противотанковой артиллерией врага, гибли в ожесточенных схватках с танковыми соединениями вермахта. Советским войскам не хватало ремонтных мастерских, а имевшиеся часто были в неудовлетворительном состоянии. Многие танки выходили из строя еще до боя, тем самым повторялся печальный опыт 1941 года. Потеря большого количества танков вскоре после введения их в прорыв вынудила Жукова 11 августа 1942 г. издать жесткий приказ, адресованный начальнику автобронетанковыми войсками фронта, прокурору и начальнику особого отдела 20-й армии. Его копия, для предостережения, была отправлена командиру 8-го танкового корпуса М. Д. Соломатину¹¹⁰. В документе констатировалось, что «за шесть дней действий, без участия в серьезных боях, в 8 ТК из 181 танка новой матчасти осталось в строю только 63 танка, в т.ч.: КВ — 2; Т-34 — 17; Т-60 — 37 и Т-70 — 7. Усматривая в действиях командования корпуса и бригад явную преступность, ПРИКАЗЫВАЮ: В двухдневный срок расследовать и установить виновников потери материальной части и доведения корпуса до потери боеспособного состояния. Явных виновников в порче и выводе из строя матчасти в 24-х часовой срок судить и расстрелять перед строем танкистов. Командованию корпуса в двухдневный срок собрать корпус, подтянуть всё оставшееся и дать Военному Совету фронта лично письменное объяснение по существу»¹¹¹.

Такое распоряжение, конечно, не брало в расчет тех тяжелейших условий местности и характера сражения, с которыми столкнулись советские танкисты под Ржевом. Но, как сегодня представляется, документ появился не только под воздействием больших потерь корпусов, приданных фронту Жукова, но и как реакция на приказ Ставки ВГК, переданный Западному фронту по БОДО накануне, 10 августа. В нем заострялось внимание на том, что утрата танков по техническим причинам в РККА часто превышает боевые потери. В качестве примера приводился Сталинградский фронт, где «за шесть дней боя двенадцать наших танковых бригад, имея значительное превосходство в танках, артиллерии и авиации над противником, из 400 танков вышли из строя 326, из них по техническим неисправностям около 200, причем боевая часть танков оставлена на поле боя». Жукова, несомненно, затрагивала следующая фраза: «Аналогичные потери имели место и на других фронтах». Сталинский стиль решения проблемы целиком угадывается при дальнейшем прочтении документа: «Считая невероятным такой недопустимо высокий процент танков, выбывших из строя по техническим неисправностям, СТАВКА усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов, которые, изыскивая отдельные мелкие неполадки в танке, или умышленно создавая их, стремятся уклониться от поля боя, оставляя танки на поле боя. В то же время безобразно поставленный в танковых частях технический контроль за материальной частью... способствует этим преступным, нетерпимым в армии явлениям». Сталин и Василевский, подписавшие приказ, требовали наладить надлежащий контроль и ремонт вышедших из строя бронемашин, под началом безукоризненно честных техников, а «личный состав, уличенный в саботаже или вредительстве, сводить в штрафные танковые роты... и использовать их на наиболее опасных направлениях». Тем самым считалось, что им будет «предоставлена возможность искупить свою вину». «Безнадежных, злостных шкурников из танкистов» предписывалось немедленно изымать из танковых частей и «направлять в качестве рядовых в штрафные пехотные роты»¹¹².

Что тут можно сказать? Вновь повеяло атмосферой 1937 года, которая причудливо вписывалась в условия военного времени, особенно после знаменитого приказа № 227. Конечно, можно принять в расчет обстоятельства того

трагического периода, но они не оправдывают безосновательного осуждения по принципу — есть факт технической неисправности, следовательно, нужно немедленно наказать виновников. А разбираться в причинах будем потом.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, помешавшее достигнуть на центральном направлении летом 1942 г. больших результатов. Несмотря на то, что с трагических поражений 1941 г. прошло уже достаточное количество времени, изменился характер боевых действий, многие военачальники Красной Армии все еще не научились ведению современной войны. Методы их управления войсками оставались зачастую старыми. В их действиях не редко присутствовал шаблон, отсутствие необходимой инициативы. Конечно, опыт постепенно накапливался, но для решительного перелома требовались серьезные кадровые перестановки, для осуществления которых пока не доставало самих кадров, и главное — веры в собственные силы и возможности, обрести которую возможно было только на волне неоспоримого крупного успеха. Летом и осенью 1942 г. на ржевском направлении такие условия еще не созрели. Ни Первая Ржевско-Сычевская операция, ни Вторая (более известная под названием «Марс», ноябрь–декабрь 1942 г.) и привели к ожидаемым результатам.

Попытки деблокады Ленинграда в первой половине 1942 года

При всех ошибках, просчетах, волюнтаристских решениях советское командование принимало максимум мер для снабжения Ленинграда и скорейшего прорыва его блокады. Были приняты четыре неудачные попытки разорвать вражеское кольцо. Первая — в сентябре 1941 г., на третий день после того, как гитлеровские войска перерезали сухопутные коммуникации с городом; вторая — в октябре 1941 г., несмотря на критическое положение, сложившееся на подступах к Москве; третья — в январе 1942 г., в ходе общего контрнаступления, которое лишь частично достигло своих целей; четвертая — в августе–сентябре 1942 г. Основными причинами неудач являлся недостаток сил и средств, выделенных для прорыва обороны противника.

Любанская операция

В январе 1942 г. Красная Армия, казалось, сумеет добиться успеха не только в центре, но и на флангах огромного советско-германского фронта. Ставка ВГК приняла решение о нача-

ле общего наступления Красной Армии. После освобождения Тихвина у советского командования возникли надежды на то, что продолжение наступления Волховского (командующий генерал К. А. Мерецков) и удары Ленинградского фронтов (командующий до июня 1942 г. генерал М. С. Хозин, затем — генерал Л. А. Говоров) разорвут вражеские клещи, сжимавшие город на Неве.

В перспективе Ставка ВГК планировала не только снять блокаду Ленинграда, но и освободить Новгород, Старую Руссу, Сольцы, и, наступая дальше во взаимодействии с Северо-Западным фронтом, нанести группе армий «Север» тяжелое поражение. В результате этого были бы созданы предпосылки для стратегического охвата северного фланга германских войск, что могло содействовать краху немецкой обороны на всем Восточном фронте.

Любанская операция началась 7 января и продолжалась по 30 апреля 1942 года. После форсирования замерзшей р. Волхов, советские войска продолжили наступление. Вскоре Волховский фронт был усилен целыми двумя армиями: 59-й и 26-й (впоследствии 2-й ударной).

Когда войска Мерецкова вели бои за расширение плацдармов, действовавшая в полосе справа от них (между Ладожским оз. и р. Волхов) 54-я армия генерала И. И. Федюнинского (Ленинградский фронт), продолжала вести напряженные бои на участке железной дороги Мга — Кириши. Этой армии ставилась задача содействовать Волховскому фронту в освобождении Ленинграда от блокады. Войскам 54-й армии и Волховского фронта (4-я, 52-я, 59-я и 2-я Ударная армии) противостояли в полосе между озёрами Ладожским и Ильмень 17 дивизий немецкой 18-й армии (командующий до 16.01.1942 г. генерал Г. фон Кюхлер, с 17.01.1942 г. генерал Г. Линдемманн), входившей в группу армий «Север» (командующий до 16.01.1942 г. фельдмаршал фон Лееб, с 17.01.42. генерал Г. фон Кюхлер). Немцы сумели укрепить свою оборону на направлениях главных ударов советских войск. Они создали сеть опорных пунктов на левом берегу Волхова и под Киришами — на его правом берегу. Советское командование поставило первоочередную задачу — ударами по сходящимся направлениям войсками Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта сломить сопротивление противника, выйти к Любани и тем самым окружить любанскую группировку врага. Особая роль в этой связи

придавалась расширению плацдарма на западном берегу р. Волхов и быстрому продвижению 2-й Ударной армии. После уничтожения противника под Любанью планировался удар в тыл германских войск, осаждавших Ленинград с юга.

Советское наступление началось еще до подхода всех сил, предназначенных для операции. Продвигаться вперед приходилось по глубокому снегу, в лесной и болотистой местности, преодолевая ожесточенное сопротивление врага. Вскоре дали о себе знать перебои со снабжением: продовольствием, фуражом, боеприпасами. Однако во второй половине января 2-я Ударная армия, прорвав оборону противника, вышла к железной дороге Новгород — Ленинград. К сожалению, другие армии Волховского фронта не смогли в должной мере поддержать прорвавшиеся советские части. Выйдя к Любани, 2-я Ударная армия оставалась связанной с основным фронтом лишь узким коридором прорыва в р-не д. Мясной Бор. Все последующее время, пока передовые соединения армии пытались продвинуться к северо-западу, за эту горловину шли не прекращающиеся бои.

Весь февраль и половину марта советские войска безуспешно пытались взять Любань, но сил для этого уже не хватало. 54-я армия, возобновив наступление, смогла в марте продвинуться на несколько десятков километров к юго-западу, но добиться соединения со 2-й Ударной армией была не в состоянии. К тому же начиналась распутица, и снабжение передовых частей РККА до предела сократилось. Все больше сказывались потери в живой силе, тогда как пополнение поступало скудно и нерегулярно. Войска были измотаны наступательными боями, в то время как немцы, опираясь на надежную систему снабжения, организовали крепкую оборону. Противник не замедлил воспользоваться создавшимся положением на советском фронте. Как только погода позволила использовать авиацию, немцы перешли в контратаки и к 19 марта 1942 г. перерезали линии коммуникаций 2-й Ударной армии у Мясного Бора.

Дополнительная переброска германских соединений не только к горловине прорыва 2-й Ударной армии, но и под Любань сделали бесперспективными дальнейшие попытки расширить плацдарм наступления. Все внимание теперь было сосредоточено на восстановлении связи с основным фронтом. Ожесточенные бои, продолжавшиеся несколько дней, позволили пробить на восток узкий коридор шириной не

более 800 метров, который к концу марта был расширен до 2–2,5 км.

После восстановления снабжения, которое оставалось крайне недостаточным (коридор простреливался прицельным огнем с двух сторон, а большую часть припасов советским бойцам приходилось носить на себе по проложенным гатям), 2-я Ударная армия в начале апреля 1942 г. вновь попыталась организовать наступление на Любань. Но и это наступление захлебнулось. Неудачи повлекли за собой замену генерала Н. К. Клыкова на посту командующего армией генералом А. А. Власовым, ранее прибывшим на этот участок с целью инспекции. Положение 2-й Ударной уже на тот период было критическим и продолжало ухудшаться. Соседние объединения (52-я и 59-я армии) безуспешно штурмовали опорные пункты врага и вынуждены были отбивать его все усилившиеся контрудары, в том числе по линиям снабжения 2-й Ударной армии. Вскрывшийся лед на Волхове еще более усложнил ситуацию, тогда как организованное снабжение по воздуху не могло обеспечить всех потребностей войск. Через некоторое время по коридору удалось запустить узкоколейную железную дорогу, но ее эффективность оказалось крайне низкой. 2-й Ударной армии, оказавшейся зажатой во вражеском мешке, стал угрожать голод, — в пищу пошло уже мясо лошадей. Бойцы и командиры сражались из последних сил.

В последний день апреля 1942 г. силы Волховского фронта и 54-й армии, понеся большие потери и израсходовав весь наступательный потенциал, перешли к обороне. Главная задача операции — захват Любани, нанесение поражения группе армий «Север» и деблокада Ленинграда — выполнены не были. Соединения немецкой 18-й армии также были в значительной степени обескровлены и оказались в непростой ситуации¹¹³. Однако возможностей для возобновления активных действий в виду лучшего снабжения и выгодного оперативного положения у германского командования было больше.

В мае–июне 1942 г. основное внимание Ставки ВГК на северном фланге фронта было приковано к положению в районе Демянска (боевые действия на этом направлении были описаны выше) и на участке 2-й Ударной армии.

С конца апреля командование Ленинградского фронта (в него вошли и армии Волховского фронта — т.н. «Волховская группа войск» фронта. — М. М.) и 2-й Ударной армии разрабатывали планы выхода из окружения. В середине мая

армия начала медленный отход советских частей к позициям у Мясного Бора. Но немцы решили сыграть на опережение. 30 мая 1942 года они нанесли мощный удар под основания коридора, использовав для этого крупные силы сухопутных частей, поддержанных авиацией. Линии снабжения 2-й Ударной были вновь перерезаны, а ширина барьера, отделявшего ее от основного фронта составила 1,5 км. В котле оказалось более 40 тыс. военнослужащих вместе со своим командующим. Знамя армии было вывезено на большую землю. Снабжение окруженных войск фактически прекратилось, наступил страшный голод, тогда как в полевых госпиталях оставались многие тысячи раненых, которым не могла быть оказана помощь. Прорыв на восток стал единственной возможностью спасти уцелевшие силы.

Испытывая на себе неослабное давление врага части 2-й Ударной продолжали отходить к Мясному Бору. Линия фронта все более сжималась. Управление обессиленными войсками было нарушено. Многие соединения представляли из себя лишь малочисленные отряды. Ко второй половине июня в котле оставалось чуть более 20 тыс. чел. 21 июня 1942 года ценой невероятных усилий войскам 2-й Ударной и наступающей навстречу 59-й армии удалось пробить узкую брешь во вражеском кольце, ширина которого не превышала 400 метров. В ходе последующих боев эта брешь то расширялась до 1 километра, то сужалась всего до 200 метров.

Выход из котла превратился в хаотичный процесс. Тысячи людей гибли от прицельного огня вражеских пулеметов и минометов, умирали под разрывами бомб. Весь коридор был заполнен трупами, которых некогда было не только захоранивать, но и просто относить с дороги. Через 70 с лишним лет после тех событий поисковики находят не погребенные останки советских воинов, сложивших голову в неравной борьбе с безжалостным противником в окрестностях д. Мясной Бор.

Немцы периодически закрывали кольцо, но коридор вновь пробивался в результате отчаянных советских атак. Последний раз он был открыт в ночь на 25 июня 1942 г., но вскоре опять блокирован — теперь уже окончательно. 27 июня 59-я армия предприняла еще одно усилие прорваться сквозь немецкие позиции, но это привело лишь к напрасным потерям. Оставшимся в окружении бойцам оставалось только надеяться на судьбу и пытаться прорваться на восток в одиночку или мелкими группами. Фактически

2-я Ударная армия была уничтожена. По разным оценкам, из кольца в июле-августе удалось выйти до 15 тыс. чел. Оставшиеся в окружении воины либо погибли, либо попали в руки врага. По немецким данным, им удалось пленить тогда около 30 000 человек, среди которых оказался и командующий армией генерал А. А. Власов¹¹⁴.

Трагическая судьба 2-й Ударной армии самым неблагоприятным образом сказалась на положении советских войск, стремившихся освободить от блокады Ленинград. Смелые цели, которые преследовали войска Волховского и Ленинградского фронтов, остались не реализованными по целому ряду причин. Среди них: недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия в ходе продвижения вперед, начавшаяся затем распутица и отсутствие необходимых резервов. Но не меньшую роль в неудачных действиях сыграли ошибки советского командования, поставившего перед своими силами первоначально слишком широкие задачи. Оно также не сумело вовремя оценить складывавшуюся ситуацию, когда наступление следовало немедленно прекратить, и оказалось бессильно быстро отвести войска из-под удара противника. Запоздалое принятие решения на отход стало одной из главных причин понесенного поражения.

Теперь Ставка ВГК была вынуждена более скрупулезно учитывать расстановку сил под Ленинградом и готовиться к новым боям по прорыву блокады, привлекая для этого дополнительные резервные силы. Очередная крупная попытка снять осаду города на Неве (не считая локальных боевых операций, которые советские армии осуществляли в июле-августе 1942 г.) была произведена в сентябре-октябре 1942 г. Серия ударов Красной Армии того времени по названию местности, где они проводились, получили название Синявинская операция.

Синявинская операция

Во второй половине августа 1942 г. советское командование планировало осуществить новую крупную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Войскам вновь образованного 9 июня 1942 г. Волховского фронта (командующий генерал К. А. Мерецков) предстояло нанести поражение силам противника на мгинско-синявинском направлении и наступать в направлении Невской Дубровки, тем самым соединившись с Ленинградским фронтом. В начале августа основные задачи были определены; главный удар намечалось нанести силами 8-й армии

и восстановленной 2-й Ударной армии в районе Синявино. Войска строились в три эшелона, которые в общей сложности включали 16 стрелковых дивизий, 10 стрелковых, 6 танковых бригад и 4 отдельных танковых батальона¹¹⁵ — всего около 150 000 солдат и офицеров. Поскольку на направлении главного удара оборонялись лишь пехотные части противника, советское командование надеялось осуществить прорыв сходу, еще до подхода вражеских резервов. 55-я армия Ленинградского фронта генерала Л. А. Говорова должна была содействовать Волховскому фронту ударом в направлении р. Тосна, а силами Невской оперативной группы форсировать Неву, и развивать наступление в направлении Синявино.

Как и на центральном направлении, где в то время проводилась Ржевско-Сычевская операция, второй целью наступления под Ленинградом было сковать, насколько это возможно, соединения немецкой группы армий «Север» и не позволить перебросить их на юг — под Сталинград и Кавказ, где разгорались решающие сражения. Генерал армии Мерецков надеялся на успех и считал, что встреча войск Волховского и Ленинградского фронтов произойдет уже на третий день после начала операции¹¹⁶. На фронте были предприняты строжайшие меры по маскировке сосредоточения сил (переброска частей в ночное время, радиомолчание и др.), что способствовало тому, что немцы не смогли точно определить состав советской группировки.

Однако германская сторона сумела возвести на участках, где ожидалось советское наступление надежные оборонительные сооружения. Там, где заболоченная почва не позволяла вырыть траншеи, немцы строили специальные заборы. Они вбивали в грунт два ряда кольев, стягивали их проволокой и оплетали ветвями и сучьями деревьев. Пространство между кольями заполнялось бревнами, мокрой землей, камнями. Перед такими укреплениями обычно образовывались рвы, наполненные водой, что представляло собой еще одно серьезное препятствие и увеличивало потери атакующих сил¹¹⁷. Более того, командование вермахта не собиралось только отсиживаться в обороне, оно также намечало нанести удар по Ленинграду и попытаться взять город, падение которого считалось одной из главных задач в войне на Востоке еще со времени разработки операции «Барбаросса». Согласно директиве фюрера №45 от 23 июля 1942 г., операция по захвату Ленинграда группой армий

«Севере» получала первоначальное название «Волшебный огонь». В группу армий «Север» перебрасывался штаб и соединения немецкой 11-й армии Э. Манштейна, которая только что завершила штурм Севастополя. Немцы намеревались придерживаться следующего плана действий: сначала разрушить город воздушными бомбардировками и артиллерийским огнем, а затем уже штурмовать его укрепления. Руководство вермахта приступило к тщательной проработке операции сразу же после завершения боев на любанском направлении. Ее план неоднократно обсуждался в гитлеровской ставке. 19 июля Генеральный штаб сухопутных войск Германии проинформировал командование группы армий «Север», что «в настоящее время имеются сообщения... начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить русский Балтийский флот». Город на Неве, как Гитлером и было задумано ранее, обрекался на полное уничтожение; его определенно собирались стереть с лица земли¹¹⁸.

Несмотря на то, что исчерпывающих сведений о противостоящих силах РККА у немецкого командования не было, оно догадывалось о подготовке советской стороны к активным действиям и желало упредить ее, попытаться нанести ей поражение без привлечения дополнительных сил, выделенных для захвата Ленинграда. Наступление должно было начаться не позднее 14 сентября. Штаб 11-й армии прибыл под Ленинград уже в конце августа. Германские войска усиливались авиацией и орудиями крупного калибра. Дальнобойная артиллерия получила дополнительные боеприпасы для планомерного уничтожения жилых домов города на Неве.

К операции, которая получила окончательное название «Северное сияние», привлекались силы 11-й и 18-й немецких армий (всего 12 дивизий и отдельные части усиления). Общее руководство наступлением было возложено в начале сентября на фельдмаршала Э. Манштейна. Немцам предстояло форсировать Неву, соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке и взять Ленинград. Все говорило о том, что защитников города на Неве ожидают новые испытания. Сведения о переброске 11-й армии на север и подготовке вражеского удара были известны советской разведке. Но, равно как и немцам, ей не удалось получить полных данных о составе противостоящей группировки и ее намерениях.

С целью отвлечь внимание противника от направления главного удара советская сторона провела в июле-августе ряд частных операций на Ленинградском (42-я и 55-я армии) и на Волховском (4-я и 59-я армии) фронтах, сумев в кровопролитных боях освободить несколько населенных пунктов. Приближался час решительного штурма немецких позиций. Документы Военного совета Ленинградского фронта показывают, что со своей стороны войска генерала Говорова поочередно разрабатывали сразу два плана наступления. Один из них (подготовленный не позднее 11 августа) был озаглавлен весьма многообещающе: «Операция по окружению и уничтожению Синявинско-Шлиссельбургской группировки противника совместными действиями Ленинградского и Волховского фронтов в августе 1942 г.». Ставка ВГК предписывала фронту Говорова прорвать оборону противника на колпинском направлении, форсировать р. Тосна и выйти на ее восточный берег. Главной задачей являлось: «Во взаимодействии с Волховским фронтом снять блокаду Ленинграда». Интересно, что в первом варианте плана были зачеркнуты слова, которые, как представляется, не достаточно четко нацеливали на прорыв вражеского кольца, а требовали всего лишь «уничтожить противостоящую группировку противника и содействовать Волховскому фронту в захвате рубежа р. Мга»¹¹⁹.

Ленфронт должен был внести весомую роль в предстоящем наступлении, причем направление удара было выбрано несколько в стороне от места предыдущих попыток взломать германскую оборону в р-не Московской Дубровки. Теперь внимание было перенацелено на участок, отстоящий оттуда в 15–20 км к юго-западу. Считалось, что немцы не будут здесь ежечасно ожидать прорыва, и их можно не только вытеснить, но и «окружить», добиться решительно перелома на данном театре военных действий. Такая задача не учитывала реальных возможностей Ленфронта, тем более встречи его войск со свежими резервами противника. К недостаткам колпинского направления необходимо было отнести большее расстояние, отделявшее 55-ю армию от соседнего Волховского фронта, чем со стороны Невской оперативной группы, «растягивание правого фланга ударной группировки, подверженного удару с юга», по мере наступления. Серьезным был и противник. Несмотря на свою относительную малочисленность на передовых позициях, здесь оставались закаленные

и фанатичные части эсэсовцев (дивизия СС «Полицай»). Длительное пребывание в обороне дало возможность врагу расширить ее глубину до 6 км, создать десятки огневых точек, несколько рядов колючей проволоки. Сама местность была союзником обороняющейся стороны — болота, леса, водная преграда р. Тосна. Имевшиеся здесь цеха разрушенных промышленных предприятий служили опорными пунктами немцев. Ожидалось, что командование 18-й армии вермахта сможет перебросить из своего оперативного резерва до двух–трех пехотных дивизий, чтобы парировать советский удар. Тем не менее, Говоров и командующий 55-й армии рассчитывали на успех, собрав в ударной группе целых пять стрелковых дивизий, одну танковую бригаду, 600 орудий разных калибров, с плотностью огня на главном направлении 75 орудий на 1 км фронта, 150 истребителей и 110 штурмовиков и бомбардировщиков. Начало операции (которая была рассчитана всего на 5–6 дней) определялось генералом Говоровым и членом Военного совета Ленфронта, секретарем ЦК ВКП(б) Ждановым сроком «выхода ударной группировки Волховского фронта в район Синявино», но готовность войск к действиям не позднее 23 августа¹²⁰.

Однако еще ранее этой даты советское командование получило подтверждение о появлении вблизи фронта новых германских частей. Следовало полагать, что дополнительно к соединениям 18-й немецкой армии, располагавшей более 300 тыс. чел., к Ленинграду прибывают дивизии 11-й армии Манштейна. Поэтому войска Ленинградского фронта решили начать наступление раньше — 19 августа. К этому времени Волховский фронт еще не завершил своей подготовки к операции. 55-й армии удалось добиться первоначального успеха и взять н. п. Ивановское и Усть-Тосно. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено подошедшими вражескими резервами. Предназначенные для наступательной операции дивизии Манштейна были вынуждены сходу вступать в оборонительные бои против атакующих советских частей. Они несли значительные потери, но к началу сентября сумели сдержать советский натиск. Командование Ленфронта было вынуждено на этом участке прекратить атаки и отступить, оставив за собой лишь небольшой плацдарм на правом берегу реки Тосна в районе д. Ивановское.

Смертельная мясорубка, в которой на небольшой территории перемалывались и истекали кровью атакующие части РККА

и контратакующие части немцев, тем временем продолжалась. 27 августа к операции присоединилась 8-я армия Волховского фронта, нанеся главный удар частями 6-го гвардейского стрелкового корпуса. И хотя артиллерийская подготовка была мощной, при участии дивизионов гвардейских минометов, в первый день советским частям удалось продвинуться всего на 1,5–2 км. На второй день успех был более внушительным. 19-й гвардейской стрелковой дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, удалось преодолеть 5 км и выйти на подступы к Синявино. Но контрудары противника, в которых участвовали не только пехотные, но и танковые подразделения (в т.ч. несколько новейших танков «Тигр»), поддержанные массированными атаками люфтваффе, сделали дальнейшее продвижение вперед трудно выполнимой задачей. Большие потери 8-й армии (за первые пять дней до 16 тыс. чел.) предопределили необходимость срочного введения в бой сил второго эшелона прорыва (4-й гвардейский стрелковый корпус). Ему ставилась задача выйти к Неве у пос. Анненское. Продвинувшись на расстояние около 10 км, корпус исчерпал свои силы и не смог достигнуть Невы. Проведя перегруппировку, командование Волховского фронта возобновило наступление 9 сентября, бросив в наступление 2-ю Ударную армию, которой были подчинены ослабленные в предыдущих боях 4-й и 6-й корпуса. Однако и она, понеся большие потери, не выполнила поставленной задачи.

К этому времени у Ленинградского фронта был разработан новый план операции по нанесению встречного удара. Вновь внимание возвращалось к району Дубровки. Главный удар должна была нанести Невская оперативная группа (НОГ) на синявинском направлении с целью соединения с войсками Мерецкова. После форсирования Невы на участке 4-х км (Пески, Выборгская Дубровка) ударной группе НОГ предстояло продвинуться в сторону Арбузово, Синявино — «по кратчайшему направлению к войскам Волховского фронта». Силы, выделенные для наступления, состояли из двух стрелковых дивизий, одной стрелковой бригады и 3-х батальонов легких танков. Плотность артиллерийского огня — 70 орудий на километр фронта; к прикрытию с воздуха привлекались ВВС Ленфронта и Краснознаменного Балтийского флота. Расчет операции — 3 дня. Начало — 9 сентября, во второй половине дня¹²¹.

Начавшийся прорыв Невской оперативной группы навстречу Волховскому фронту, равно как и все предыдущие, не принес решающего успеха. Советским соединениям, ценой невероятных усилий удалось захватить лишь небольшой плацдарм на левом берегу Невы, но дальнейшее наступление натолкнулось на уничтожающий вражеский огонь и вскоре захлебнулось. В одном из документов Военного совета Ленфронта отмечалось, что противник, изначально имевший на восточном берегу Невы 227-ю пд (но в дальнейшем усилившийся за счет армии Манштейна. — М.М.) оказывал НОГ сильное сопротивление. Изучая тактику действий наших войск, вражеское командование меняло и свое поведение. Днем на переднем крае обороны немцы оставляли лишь небольшие подразделения, тогда как главные силы укрывались от советского огня в ближайшей глубине. В момент нашего наступления германская сторона, не дожидаясь окончания форсирования реки, наносила мощные артиллерийские и воздушные удары по переправочным средствам. Против захваченного плацдарма немедленно проводилась короткая, но мощная контратака с целью сбросить советских бойцов в воду¹²². Ситуация в полосе действия НОГ осложнялась по мере роста боевых возможностей германской группировки. Немецкое верховное командование осознало, что их собственная операция может быть поставлена под большой вопрос, поэтому Гитлер приказал Манштейну в срочном порядке взять на себя руководство сражением. Бывший фельдмаршал вермахта вспоминал, что к тому времени «стало ясно, что советская сторона, используя крупные силы, организовала наступление с целью прорыва блокады Ленинграда; этим наступлением противник, очевидно, хотел предупредить наше наступление. 4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение. Действительно, в этот день противник в районе южнее Ладожского озера совершил широкий и глубокий прорыв занятого незначительными силами фронта 18 армии... И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось «сражение южнее Ладожского озера»... Прежде всего, нужно было остановить продвижение противника имеющимися под руками силами нашей 11-й армии»¹²³.

Ожесточенные схватки вели к большим потерям с обеих сторон. Некоторые советские дивизии теряли в день не менее 500 чел. Подход свежих немецких дивизий и их быстрое введение в бой решило исход дела. Германские контрудары заставили советские соединения перейти к обороне, а затем начать отступление. К 20 сентября немецкие части охватили район советского прорыва на Волховском фронте и готовили разящие удары под основание выступа. На следующий день они начали свою атаку и быстро добились успеха, окружив 25 сентября большую часть сил 2-й Ударной и 8-й армий в районе Гайтолово. Германская авиация постоянно висела в воздухе. Она волнами заходила над позициями Красной Армии, не давая советским бойцам поднять головы. Анализируя ситуацию, Э. Манштейн отмечал, что советское наступление удалось остановить только в результате напряжения всех сил: «После сосредоточения прибывших к этому времени остальных дивизий армии, — вспоминал он, — штаб мог начать решающее контрнаступление. Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов уцелевшего фронта, чтобы отрезать вклинившиеся войска противника прямо у основания клина. К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последующие дни были отражены сильные атаки противника с востока, имевшие целью деблокировать окруженную вражескую армию прорыва. Та же судьба постигла и Ленинградскую армию, предпринявшую силами 8 дивизий отвлекающее наступление через Неву и на фронте южнее Ленинграда»¹²⁴.

Положение советских окруженных частей было чрезвычайно трудным, им грозило полное уничтожение без поддержки извне. Лишь благодаря остающимся разрывам в линии немецкого кольца и переброски дополнительных резервов, часть сил 8-й и 2-й Ударных армий смогли избежать худшей участи и пробиться на восток 29–30 сентября 1942 г. Особую роль в спасении окруженцев сыграли действия 73-й морской стрелковой бригады, удержавшей узкий коридор, ведущий к основному фронту в районе Тортолово. Однако потери советских войск были чрезвычайно высокими. Согласно докладу Мерецкова начальнику Генерального штаба от 10 октября, потери только убитыми и пропавшими без вести составили 4687 человек. Из окружения вышли 4684 человека 2-й Ударной армии и 2610 человек из 8-й армии. По немецким

данным, в плен попало около 12 тыс. советских бойцов, было захвачено много единиц техники и вооружения¹²⁵. Ставка ВГК, осознав, что дальнейшее продолжение операции по деблокаде Ленинграда ни к чему не приведут, приказала 3 октября перейти к обороне и прочно закрепиться на занимаемых позициях.

К 10 октября в основном закончилась и операция Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Ситуация в районе Московской Дубровки изначально осложнялась тем, что немцы еще в апреле сумели очистить от советских войск знаменитый «Невский пятачок» на левом берегу реки. Захваченный первый раз еще в сентябре 1941 г. этот советский плацдарм представлял собой небольшой клочок земли вдоль обрывистого, высокого берега реки, шириной до 2-х км и в глубину 500–600 м. Он простреливался со всех сторон ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Враг не раз пытался скинуть бойцов Красной Армии в воду. Потери с обеих сторон были очень большими. Всю зиму 1941–1942 г. на плацдарме шли позиционные бои. К апрелю 1942 г. плацдарм оборонял 330-й стрелковый полк 86-й сд, он держал оборону по фронту 3,8 км. 24 апреля 1942 г. на р. Неве начался ледоход, который отрезал полк от правого берега. Противник воспользовался этим и после ожесточенных боев 29 апреля, расчленив боевые порядки полка, вышел к Неве. Связь с плацдармом окончательно прервалась. В живых остался только начальник штаба полка, майор Александр Соколов, который, будучи мастером спорта по плаванию и чемпионом Приволжского военного округа, сумел, несмотря на ранение, переплыть холодную Неву.

26 сентября 1942 г. войска Невской оперативной группы в составе 70, 86-й сд и 11-й стрелковой бригады снова овладели плацдармом на левом берегу р. Невы в районе д. Арбузово и Невской Дубровки. Однако развить наступление советскому командованию враг не дал. Потери наших частей только до конца сентября составили здесь около 10 тыс. чел. Ситуация не изменилась даже после того, как на «Невский пятачок» было переправлено 26 танков¹²⁶. Враг имел подавляющее превосходство в воздухе и подвергал плацдарм непрерывному обстрелу артиллерии и минометов. 5 октября 1942 г. Ставка ВГК решила операцию Невской группы прекратить и отвести основные силы на правый берег Невы.

Оставшиеся на плацдарме бойцы и командиры, тем не менее, продолжали вести борьбу за него

вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. За мужество и героизм, проявленные при форсировании р. Невы и захват плацдарма, 70-я сд была первой на Ленинградском фронте преобразована в гвардейскую и стала именоваться 45-й гв. сд. Одна из рот 329-го сп этой дивизии вошла в историю обороны Ленинграда, как полностью орденосная — все 114 человек ее л/с награждены орденами и медалями.

«Невский пятачок» наши части удерживали около 400 дней. Этот небольшой участок земли стал одним из символов героизма советских воинов, отстоявших город на Неве. Многие тысячи защитников плацдарма погибли, но не сдали своих боевых позиций. Осенью 1941 г. в боях на «Невском пятачке» принимал участие и был тяжело ранен В. С. Путин — отец президента России. В январе 1943 г. войска, расположенные на плацдарме, оказали существенную поддержку главным советским силам, наконец-то разорвавшим вражеское кольцо в ходе операции «Искра».

Попытки деблокировать Ленинград в ходе Синявинской операции стоили большой крови. По опубликованным данным, Ленинградский и Волховские фронты, части Балтийского флота и Ладожской войной флотилии с 19 августа по 10 октября 1942 года лишились 113 674 человек, из них 40 085 безвозвратно¹²⁷. По данным оперативного отдела штаба группы армий «Север», в период проведения войсками Волховского фронта Синявинской наступательной операции с 28 августа по 30 сентября потери немецких войск составили 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наибольший урон понесли подразделения пехоты и военно-инженерные части¹²⁸.

Немцы смогли удержать захваченную под Ленинградом территорию и нанести Красной Армии большой урон, который значительно превосходил их собственный. Блокада Ленинграда не была прорвана, но и командованию вермахта не удалось выполнить свою главную задачу — захватить город и соединиться с финскими войсками. Советские жертвы не были напрасными. В целом, стороны занимали к началу октября 1942 г. примерно те же позиции, что и до начала активных боевых действий. Однако расчеты германского командования захватить город на Неве также оказались тщетными. Враг был скован отчаянными попытками советских войск переломить в свою пользу ход сражения. Добавим, что группе армий «Север» не удалось перебросить какие-либо резервы на южный фланг

Восточного фронта. Более того, решение Гитлера перебросить после захвата Севастополя 11-ю армию Манштейна не на Кавказ или в направлении Сталинграда, а под Ленинград, способствовало ослаблению германского натиска на юге России, что, в конечном итоге, стало одной из причин поражения вермахта на берегах Волги и в предгорьях Главного Кавказского хребта.

Ошибки и просчеты проведения Синявинской операции, среди которых выделяются отсутствие необходимой координации действий Волховского и Ленинградского фронтов, неумелое введение в бой танковых частей, слабое знание уязвимых мест вражеской обороны (за что несет ответственность фронтовая разведка), ненадежная связь, и конечно, неспособность обеспечить господство в воздухе советской авиации очевидны. Необходимо добавить к этому и имевшее место отвратительное управление войсками со стороны ряда военачальников, их нежелание считаться с потерями во время фронтальных атак. На участках прорыва не было создано подавляющего превосходства в артиллерии, хотя по общему количеству орудий советские войска превосходили противника в два раза. Отсутствие у наших генералов гибкости и смелости в принятии решений вело к запоздалым приказам о перенесении направлений ударов. В последующий период — во второй половине 1942 г. — командование РККА занялось активным изучением и исправлением допущенных ошибок, что обеспечило более целенаправленное планирование и тщательную подготовку к прорыву кольца вокруг Ленинграда, произошедшему уже в январе 1943 г.

* * *

С середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Многим ответственным военным и политическим деятелям на Западе казалось, что вермахт вновь близок к тому, чтобы поставить Красную Армию на колени. Американские и английские оценки советского потенциала, как и в 1941 г., были противоречивыми. В одном из докладов Управления военной разведки США конца июня 1942 г. говорилось, что без значительных поставок и участия в войне союзников руководство СССР не в состоянии освободить свою территорию. В то же время, в документе, подготовленном Управлением стратегических служб 3 ноября 1942 г., подчеркивалось, что эвакуация, прове-

денная в России, имела величайший масштаб, а остающиеся у нее ресурсы вполне достаточны для форсированного роста военного производства¹²⁹. Начальники штабов англо-американских союзников принимали к сведению данные разведки о том, что «моральное состояние Красной Армии укрепились», а «проявления враждебных действий со стороны местных жителей находится под контролем». Военные разведчики делали вывод: «советские войска не дадут немцам прорваться через главный Кавказский хребет, по крайней мере, до апреля 1943 года...»¹³⁰.

К середине ноября 1942 г. и германскому командованию пришлось признать, что его грандиозный план сокрушения Советского Союза в новой кампании близок к полному краху. Первостепенная задача захватить Кавказ и Сталинград оказалась не выполненной. Одновременно оставалась несбыточной мечта Гитлера триумфально войти в Москву и оккупировать центральный промышленный регион СССР.

Однако ни союзники СССР, ни командование вермахта не смогли до конца распознать тот глубинный ресурс — политический, военный, моральный, — который был у Красной Армии, и сделать правильные выводы о ее боевых возможностях. Очевидно поэтому таким шоком для них стало мощное советское контрнаступление в междуречье Дона и Волги, которое привело к окружению 330-тысячной германской группировки под Сталинградом, а затем и к быстрому изгнанию немцев с Северного Кавказа, Ставрополя и Кубани.

Данные советской разведки позволяли сделать вывод, что враг на южном фланге близок к истощению. Генштаб РККА уже давно задумывался над тем, как переломить ход войны в свою пользу. Разработка планов по разгрому германских группировок, рвущихся на Сталинград и Кавказ, началась еще в сентябре 1942 г., что вылилось, в конечном итоге, в замысел «планетарного» масштаба. Планеты солнечной системы, Уран и Сатурн, дали название операциям Красной Армии на южном направлении, тогда как Марс и Юпитер — на центральном.

К середине ноября свежие войска перебрасывались к Сталинградскому, Юго-Западному и Донскому фронтам, которые завершали подготовку наступления на своих участках. Штаб вновь созданного в конце октября 1942 г. Юго-Западного фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина в глубочайшей тайне готовил свои директивные документы. В них отмечалось: «Ос-

новной замысел операции «Уран» — окружение и разгром немецких войск, действующих в Донской излучине и на Сталинградском направлении. Ближайшей задачей Юго-Западного фронта является разгром 4-й румынской армии, выход в тыл сталинградской группировки немецких войск и окружении их с целью последующего уничтожения во взаимодействии с войсками Сталинградского и Донского фронтов»¹³¹. Сегодня мы знаем, что эта задача была блестяще выполнена с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 г., тогда как судьба операций по названию других планет (театры действий которых располагались с севера на юг в том же порядке как планеты солнечной системы отстоят от Солнца. — М. М.) долгое время оставались за пределами всестороннего рассмотрения. Чем объяснить такое обстоятельство? Фактом их нереализованности? Отчасти это так. «Сатурн» — создание капкана для вражеских войск на всем Северном Кавказе — был заменен «Малым Сатурном» в связи с угрозой деблокады немецкой 6-й армии. В связи с этим рухнула и надежда на быстрое выключение из войны Румынии «путем полного разгрома румынской армии», которая, несомненно, присутствовала во фронтовых штабах в конце 1942 года¹³². Нет пока точных данных о плане «Юпитер», поскольку его Ставка ВГК намеревалась ввести в действие вслед за «Марсом». Последнюю же операцию некоторые западные историки успели окрестить «самым большим поражением маршала Г. К. Жукова»¹³³. В отечественной историографии она известна также как вторая Ржевско-Сычевская операция, проведенная с 25.11.1942 по 20.12.1942 г. с первоочередной целью исключить переброску немецких резервов под Сталинград.

Замысел и осуществление этой операции требуют отдельного научного анализа. Стоит лишь заметить, что ко времени ее разработки предыдущее наступление Красной Армии на этом направлении уже выдохлось, тогда как Ставка по-прежнему стремилась ликвидировать Ржевский выступ. К 12 октября 1942 г. планы по окружению там германских войск были в основном подготовлены командованием Западного и Калининского фронтов. Казалось, напрашивается вывод — обе операции, «Уран» и «Марс», были задуманы и проводились как единое целое. То есть в своей совокупности они были призваны резко изменить стратегическую обстановку на советско-германском фронте и, возможно, уже в 1943 году полностью разрешить вопрос о поражении Германии в войне с Советским

Союзом. Но следует иметь в виду, что Кремль отдавал себе отчет в том, что без открытия союзниками второго фронта в Европе говорить о скором поражении Германии преждевременно. К тому же, операцию «Марс», как уже было сказано, хотели начать еще в октябре 1942 г., чему помешали погодные условия. Все это говорит о том, что советское командование стремилось как можно скорее сковать германские войска на Западном направлении, но отнюдь не рассматривало операцию «Марс» как равнозначную «Урану». Наконец, для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с центрального участка на юг советская разведка подбросила 4 ноября 1942 г. через агента-двойника «Макса» (А. Демьянова) «информацию» о том, что главный удар по противнику Красная Армия нанесет 15 ноября именно под Ржевом. Об этом пишет один из руководителей советской разведки Павел Судоплатов¹³⁴. Знал ли об этой «дезе» Г. К. Жуков — остается загадкой. Маловероятно, однако, чтобы Верховный и Генеральный штаб скрывали от Жукова подлинные цели операции.

Несмотря на все трудности, войскам Западного и Калининского фронтов удалось в конце ноября 1942 г. на ряде участков вклиниться во вражеские позиции и ввести в прорыв подвижные корпуса. Однако их судьба оказалась незавидной. Резервы противника решили исход дела не в пользу советских соединений, которые были вынуждены отступить, теряя людей и технику. Безвозвратные потери РККА в ходе второй Ржевско-Сычесской операции были чрезвычайно велики: 70,4 тыс. человек и 1366 танков¹³⁵. Однако «Марс» самым решительным образом способствовал успешному осуществлению «Урана», не позволил немцам перебросить на юг сколько-нибудь значительные силы. Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что руководство в Кремле имело все основания опасаться осенью 1942 г. возобновления немецкого наступления на советскую столицу. В этом отношении операция Западного и Калининского фронтов против Ржевского выступа была не просто оправдана, но и необходима. Вопрос же о том, имелись ли у Жукова реальные шансы добиться победы на Западном направлении уже в конце 1942 года носит больше виртуальный характер. Очевидно, Сталин сделал ставку именно на операцию «Уран», равно как и то, что операция «Марс» не стала вторым Сталинградом. Однако ясно и другое, что Жуков вместе с командующими фронтами пы-

тался привести в действие самый решительный замысел по окружению и последующему уничтожению мощнейшей вражеской группировки. Но сделать это в то время не удалось.

Сорок второй год по праву можно назвать переломным в ходе Великой Отечественной войны. Его начало пришлось на период контрнаступления Красной Армии под Москвой, завершение — на момент боев по уничтожению окруженных германских войск под Сталинградом. Но между этими двумя событиями советскому народу пришлось пережить страшные испытания, подойти к краю пропасти, но не потерять надежды и выстоять. Весной–осенью 1942 г. произошли кардинальные изменения в масштабах выпуска военной продукции, снабжении и подготовки новых формирований, усовершенствовалась структура Действующей армии. Более того, как писал американский журналист У. Керр, в тот отрезок времени «набирали силу постоянно действующие факторы, которые были неподвластны немецкому солдату, армии, с которыми и высшее германское командование тоже ничего не могло поделать. И в растущей степени все определялось одним: немцы воевали на чужой земле, далеко от своего дома, тогда как русские защищали свой порог и все то, что составляло их жизнь, что было для них главным в жизни, ее смыслом... Русский же солдат четко знал, что его Родина подверглась нападению... И выбор у него был невелик — принять рабство или дать отпор врагу. Он избрал второй вариант». Красная Армия училась воевать. «Русские, — продолжает У. Керр, — отступая перед превосходящими силами вермахта и в то же время контратакуя, в первую очередь полагались на пехоту и артиллерию, которые составляли сильный элемент их вооруженных сил... использовали те или иные преимущества местности, на них работала погода, сложности жизнеобеспечения вражеских вооруженных сил в такой громадной по территории стране...»¹³⁶. Но за науку была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР составили в сорок втором 3,25 млн чел. — больше, чем за любой другой год войны¹³⁷. После Сталинграда Советский Союз предъявил полное право быть победителем. Однако сроки окончания войны зависели не только от него. Союзники пока не спешили открывать второй фронт. Впереди предстоял еще один год испытаний, борьбы с раненым, но все еще смертельно опасным противником.

- ¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО РФ). Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 21.
- ² Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение. / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / под ред. В. Михалки. Пер. с нем. М.: Весь мир, 1996. С. 519.
- ³ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1980. С. 219.
- ⁴ Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.
- ⁵ История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 12.
- ⁶ Опул. в: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. М.: Наука, 1997. С. 26–28.
- ⁷ А. Гарриман — помощник и доверенный человек Рузвельта; в то время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании, с 1943 г. — посол США в СССР.
- ⁸ Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942. — NA. RG 59. Entry 373. Box 31.
- ⁹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 144.
- ¹⁰ Самсонов А. М. Сталинградская битва, 4-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1989. С. 627.
- ¹¹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 144, 146.
- ¹² Подробнее о Ржевско-Вяземской операции 1942 г. см. в новой книге российских, украинских и белорусских историков: «1941 год: Страна в огне». Кн. 1–2. М., 2011.
- ¹³ Более 1 млн человек, сражавшихся у стен столицы, были награждены медалью «За оборону Москвы», учрежденной в 1944 г., 110 человек удостоены звания Героя Советского Союза. К 20-летию победы в Великой Отечественной войне, в мае 1965 г., Москве было присвоено почетное звание «Город-герой».
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 31.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 37–38, 42–44.
- ¹⁶ Нехватка техники и вооружения, огромные потери в танках РККА в начале войны поставили вопрос о расформировании мехкорпусов. Директивным письмом от 15.07.41 г. Ставка дала указание расформировать все мехкорпуса, кроме двух в МВО, на базе которых было решено создать 10 танковых дивизий (по 217 танков). В состав стрелковых дивизий было приказано включать танковые роты для поддержки пехоты. Постановлением ГКО от 24.08.41 г. стали формироваться танковые батальоны и танковые бригады. На базе танковых дивизий были созданы 65 танковых бригад. С конца 1941 г. формирование танковых войск было передано в штаб ГАБТУ, создав в нем управление формирования. Такое же управление было создан в штабе ВВС. (Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 121.)
- ¹⁷ Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 122–123.
- ¹⁸ Там же. С. 124–125.
- ¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 34.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 15–16.
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 12.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 9–11, 16–17.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 37–38.
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 18–19.
- ²⁵ Исаев А. В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву // Вестник МГИМО (Университета). 2012. № 1 (22). С. 33.
- ²⁶ Там же. С. 33–34.
- ²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 32–33.
- ²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 241–242.
- ²⁹ Боевые действия 2-й ударной армии на ленинградском направлении в рамках Любаньской наступательной операции (январь–апрель 1942 г.) и летом 1942 г. будут подробно описаны ниже в разделе «Попытки деблокады Ленинграда».
- ³⁰ Энциклопедия «Демянский котел».... Гриф секретности... (Сев-Зап фр....)
- ³¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 69–70.
- ³² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 65.
- ³³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 66–67.

- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 68–69, 50.
- ³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 10–20, 81–85.
- ³⁶ В 16-й армии на тот период имелось существенное количество и американских танков, поставленных в СССР по ленд-лизу (90 МК-2 и 6 МК-3). 10-й танковый корпус потерял в начале июля 24 танка МК-2. Однако советские танкисты, командование и технические службы относились к этим американским машинам в целом положительно. Так, отмечалось, что в 192 танковой бригаде танки МК «при всех конструктивных недочетах» были признаны «удовлетворяющими требованиям боя» (ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 109).
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 97, 109.
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 96, 98–99.
- ³⁹ Шацилло В. К. Севастополя оборона // Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 2010. С. 520–522.
- ⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 799. Л. 244–246.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 247–248.
- ⁴² Харитонов Фёдор Михайлович (1899–1943) — советский военачальник, генерал-лейтенант. В ходе Великой Отечественной войны с июня 1941 г. заместитель начальника штаба Южного фронта, с сентября 1941 года командующий 9-й армией Южного фронта, с июля 1942 года командующий 6-й армией Воронежского, позже Юго-Западного фронта. Участвовал в Сталинградской битве, Острогожско-Россошанской, Донбасской наступательных операциях и др. Умер 28 мая 1943 года от тяжёлой болезни. В городе Рыбинске установлен монумент генералу Харитонову, также в честь него названо пехотное училище в Ярославле.
- ⁴³ Мартынов В. Е. Харьковское сражение // Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 2010. С. 635–637.
- ⁴⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12-ти тт. Т. 1 Основные события войны. М., 2011. С. 242.
- ⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 6–12.
- ⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 162.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 171–202.
- ⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 362–365.
- ⁴⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 242.
- ⁵⁰ Там же. С. 243–244.
- ⁵¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. М., 2002. С....
- ⁵² Португальский Р. М. Доманк А. С., Коваленко А. П. Маршал С. К. Тимошенко. М., 1994. С. 249–250.
- ⁵³ Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 388.
- ⁵⁴ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 211.
- ⁵⁵ ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 245–247.
- ⁵⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. Т. 2. М., 2002. С. 70.
- ⁵⁷ Цит. по: Гареев М. А. Сражение на Волге // Живая память. Великая Отечественная: Правда о войне. В 3-х тт. М., 1995. С. 51.
- ⁵⁸ Чуйков В. И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. С. 39.
- ⁵⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 104–110.
- ⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 109–110.
- ⁶¹ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 230.
- ⁶² Там же. С. 231–232.
- ⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 159–160.
- ⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 110.
- ⁶⁵ ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 247.
- ⁶⁶ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 623.
- ⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 1–4.
- ⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 5–7.
- ⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 5–7.
- ⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 8–9.
- ⁷¹ Еременко А. И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 148.
- ⁷² ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 252.
- ⁷³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. Т. 2. М., 2002. С. 73–77.
- ⁷⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 252.

- ⁷⁵ Павлов Я. Ф. В Сталинграде. (Фронтовые записки). Сталинград, 1951; Савельев Л. И. Дом сержанта Павлова. (Сталинградская хроника). М., 1960.
- ⁷⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1 Основные события войны. М., 2011. С. 254.
- ⁷⁷ Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. L., 1985. P. 231.
- ⁷⁸ Дёпп Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 56.
- ⁷⁹ Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. М.: Сов. Россия, 1985. С. 245–249.
- ⁸⁰ Там же. С. 260–261.
- ⁸¹ История Второй мировой войны. В 12 тт. Т. 5. М., 1975. С. 207–208.
- ⁸² Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 257.
- ⁸³ Цит. с сайта: www.wwii-soldat.narod.ru/NARKOMY/ARTICLES/003-baibakov.htm
- ⁸⁴ Черный В. И. Кубань в пламени битвы за Кавказ. // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 103–105.
- ⁸⁵ Круглов А. И. Ставрополье в битве за Кавказ. // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 89–94.
- ⁸⁶ Бугай Н. Ф. Представители репрессированных народов на защите Отечества в годы Великой Отечественной войны: доблесть и слава // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 155–156.
- ⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 14. Л. 5–19.
- ⁸⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 258.
- ⁸⁹ Герасимова С. А. Первая Ржевско-Сычевская операция 1942 г. (Новый взгляд). <http://rshew-42.narod.ru/1rso.html>
- ⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 1–2, 10–11, 64–70.
- ⁹¹ Ржевская битва: Сражение за Полунино (30 июля — 23 августа 1942 г.) Сборник статей и материалов / сост. Б. Ершов, О. Кондратьев, С. Балашов. Тверь, 2001.
- ⁹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 64–70.
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 38–39.
- ⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 47–49.
- ⁹⁵ Красная звезда. 1942. 27 сент.
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 2–4, 62.
- ⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 55.
- ⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 4–5.
- ⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 19–29.
- ¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 147. Л. 1–20.
- ¹⁰¹ Листиков С. В. Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 г. // Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010. С. 498–499.
- ¹⁰² Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил / Г. Ф. Кривошеев. М. 2001. С. 312
- ¹⁰³ В связи с тем, что Г. К. Жуков был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего, 26 августа командующими Западного фронта стали генерал-полковник И. С. Конев, а Калининского — генерал-полковник М. А. Пуркаев.
- ¹⁰⁴ Герасимова С. А. Первая Ржевско-Сычевская операция 1942 г. (Новый взгляд). <http://rshew-42.narod.ru/1rso.html>; см. также Гроссманн Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. Ржев. 1996. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. — М., 1968–1971. С. 321.
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 70–71.
- ¹⁰⁶ Служба труда рейха (Имперская служба труда). Закон 1935 года объявлял трудовую повинность обязательной для всех граждан Германии в возрасте от 19 до 25 лет в рамках созданной Имперской службы труда. Молодые немцы, без учета их профессии, несколько раз в год направлялись работать в трудовые лагеря (на строительство, сельхозработы и др.), в которых поддерживалась строжайшая дисциплина. По мнению Гитлера, эта молодежь в будущем должна стать закаленным ядром вооруженных сил. В годы войны специальные подразделения службы труда направлялись на сооружение оборонительных позиций.
- ¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 69.
- ¹⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 69–70.
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 30–41–44.
- ¹¹⁰ Соломатин Михаил Дмитриевич (5 декабря 1894 — 22 ноября 1986) — советский военачальник, генерал-полковник танковых войск (26.10.44). С 19.04. по 8.09.1942 г. — командир 8-го танкового корпуса, позднее —

командир 1-го Красноградского механизированного корпуса. В конце войны начальник штаба Управления командующего Бронетанковыми и механизированными войсками РККА.

¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 17.

¹¹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 73–74

¹¹³ См.: Мерецков К., На волховских рубежах, «ВИЖ», 1965, № 1.

¹¹⁴ Власов Андрей Андреевич (1.09.1901 — 1.8.1946), генерал-лейтенант РККА, перешедший в годы Великой Отечественной войны на сторону гитлеровской Германии, организатор Русской освободительной армии (РОА). Великую Отечественную войну встретил в районе Львова в качестве командира 4-го механизированного корпуса. С 23 июля — командир 37-й армии Юго-Западного фронта. В ходе Московской битвы назначен командующим 20-й армией Западного фронта, которая участвовала в контрнаступлении под Москвой. Однако непосредственного участия в руководстве войсками до 19 декабря 1941 г. Власов не принимал, находясь на излечении. В марте 1942 г. назначен заместителем командующего Волховским фронтом, а с 20 апреля — командующим 2-й Ударной армией. Отказался эвакуироваться из «котла» на самолете, и 12 июля 1942 г. сдался в плен. С первых дней нахождения в плену Власов пошел на сотрудничество с немцами. Уже 3 августа 1942 г. он направил германскому командованию меморандум с предложениями по подрыву боеспособности Красной Армии и деморализации ее тыла. Весной 1943 г. ему была организована поездка и выступления перед населением некоторых оккупированных городов. Осенью 1944 г. Власову было дано разрешение на политическую деятельность и создание собственных вооруженных сил. 14 ноября 1944 г. в Праге был образован так называемый Комитет освобождения народов России (КОНР), возглавить который было поручено Власову. Власов был захвачен и арестован 12 мая 1945 г. вблизи г. Брежи (Чехословакия) патрулем советского 25-го танкового корпуса и через три дня доставлен в Москву. 31 июля 1946 Военной Коллегией Верховного Суда СССР Власов вместе с другими 11 руководителями КОНР был признан виновным в измене Родине и приговорен к смертной казни через повешение. В ночь на 1 августа приговор был приведен в исполнение.

¹¹⁵ Шигин Г. А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери / под редакцией Н. Л. Волковского. СПб, 2004. С. 154–176.

¹¹⁶ Мерецков К. А. На службе народу. М. 1988. С. 295.

¹¹⁷ Сяков Ю. А. Синявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 84.

¹¹⁸ Сяков Ю. А. Синявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 84.

¹¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 80.

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 81–83.

¹²¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 72–79.

¹²² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 84–95.

¹²³ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 300–301.

¹²⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 301.

¹²⁵ Сяков Ю. А. Синявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 92–93. См. также: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). М., 1996. С. 409.

¹²⁶ Мощанский И. Б. Прорыв блокады Ленинграда. Эпизоды великой осады. 19 августа 1942 — 30 января 1943 года. М., 2010. С. 68–83.

¹²⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 312.

¹²⁸ Сяков Ю. А. Численность и потери германской группы армий «Север» в ходе битвы за Ленинград (1941–1944 гг.) // <http://leningradblokada.ru/na-podstupach-k-leningradu/gruppa-armiy-sever-chislennost-i-poteri-pod-leningradom.html>

¹²⁹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 158–159.

¹³⁰ Report by the Joint Intelligence Sub-Committee («The Capacity of the Soviet Forces to Defend South Caucasian»), November 14, 1942. NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 214.

¹³¹ ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 137. Л. 39–40.

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 17. Л. 4.

¹³³ Glantz D. M. Zhukov's Greatest Defeat. The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. University Press of Kansas, 1999.

¹³⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 187–188.

¹³⁵ Орлов А. С. Операция «Марс»: различные трактовки / Мир истории. 2000. №4.

¹³⁶ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 тт. Т. 2. М., 1995. С. 35–37.

¹³⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование / под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 133.

«Немцы назначили адмирала... на Каспийское море»

К вопросу об обеспечении ленд-лизингового транзита через Иран и Каспий в 1941–1942 годах

С. М. Монин*

«Немцы назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море», — писал 30 сентября 1942 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль председателю Совнаркома СССР И. В. Сталину¹.

Немцы не только на Кавказе, но и на Каспийском море? Было ли такое возможно и что это означало бы для советско-германского фронта и для хода всей мировой войны? Как и в какой обстановке в период Московской битвы и Сталинградского сражения создавался транспортный путь через Персидский залив, Иран, Кавказ и Каспий, связавший СССР с западными союзниками и сыгравший столь значительную роль в обеспечении ленд-лизинговых поставок в Советский Союз?

Значение этого пути для хода войны на восточном фронте в Берлине осознали не сразу. Но уже при определении планов гитлеровского командования на летнюю кампанию 1942 года не последнюю роль сыграло стремление пресечь набиравшие обороты поставки грузов по ленд-лизу по южному («персидскому») коридору. «Не подозревая о возрождении советской военной промышленности, — пишут американские военные историки Д. Гланц и Д. Хадс, — немецкие стратеги сосредоточили внимание на амери-

канских и британских поставках по договору „ленд-лиза“ как на ключевом ингредиенте успеха Красной Армии в 1942 году. Наступление на Кавказе лишало бы союзников всякой возможности помогать Советскому Союзу...»². Некоторые из оценок американских учёных выглядят слишком категоричными («не подозревая...», «ключевой ингредиент»), как и слова об отсутствии «всякой возможности» для союзников помогать СССР, кроме как поставками по южному маршруту. Ведь был еще северный путь по арктическим морям, который, правда, немцы как раз в это время (в 1942 году) активно пытались блокировать своими авиацией и флотом, и путь с востока, через Тихий океан, который вообще был вне досягаемости для гитлеровцев.

Английский исследователь К. Беллами также подчеркивал, что наряду с нефтью и стремлением втянуть в войну Турцию (и тем самым окружить британские владения на Ближнем Востоке), целью Гитлера летом 1942 года было перерезать один из главных путей доставки союзнической помощи России³.

Об этих же целях германского командования говорили немецкие авторы. «Нефть и Кавказ были главными факторами, — писал В. Тике. — Одним ударом необходимо было перерезать пути

---

* Сергей Михайлович Монин — профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

доставки помощи от союзников через Иран... Наряду с захватом нефтяных месторождений главным стремлением немецкого командования в ходе операции „Эдельвейс“ [по захвату Кавказа] было остановить этот поток материалов»⁴.

Несомненно, что прорыв немецко-фашистских войск к Волге, захват Кавказа и выход их к Каспию, помимо всех прочих тяжелейших последствий, по сути разрушил бы с таким трудом создававшийся «персидский коридор» для ленд-лизовских поставок.

Появление этого коридора, казалось, никак не вытекало из событий, предшествовавших нападению Гитлера на Советский Союз. Но получилось так, что в давнюю борьбу России (СССР) и Великобритании за влияние в Иране и на всём Среднем Востоке решительно вмешалась Германия, попытавшаяся военными и политическими средствами поставить под свой контроль этот регион. В итоге после 22 июня 1941 года всё это обернулось советско-английским союзом и превращением Ирана и Каспия в один из важнейших путей доставки ленд-лизовских грузов.

Иран (до 1935 года — Персия) с начала XIX века являлся объектом острого соперничества между Россией и Британией. Традиционно упоминалась, например, роль «английских агентов» в разгроме русского посольства и убийстве А. С. Грибоедова в Тегеране в 1829 году. «Большая Игра», которую две империи вели в Центральной Азии, давала о себе знать и на Среднем Востоке.

Ситуация изменилась только в 1907 году, когда Петербург и Лондон подписали соглашение о разделе Персии на русскую (север) и английскую (юг) зоны влияния с буферной зоной между ними. Более того, в годы Первой мировой войны имел место прецедент англо-русской военной акции в отношении Персии. Тогда русские и английские войска действовали с иранской территории против турок на Кавказском и Месопотамском фронтах, вели борьбу против германо-турецкой агентуры⁵.

Затем, однако, последовали революция в России, британская интервенция с персидской территории в Закавказье и Закаспий, новый виток соперничества двух держав в межвоенный период.

С началом Второй мировой войны, когда отношения Москвы с Лондоном и Парижем расстроились, казалось, донельзя, рассматривалась возможность нанесения англо-французского удара с юга по основному советскому

району нефтедобычи в Баку, а также по Батуми. Для проведения фотосъемок будущих объектов бомбардировок с авиабазы в Хаббании (Ирак) англичане совершили несколько разведывательных полетов над территорией СССР, пересекая при этом воздушное пространство Ирана. В Тегеране нашлись желающие поучаствовать в антисоветских предприятиях. Как утверждается в иранской литературе, шахский военный министр в начале 1940 года обратился к британскому военному атташе с предложением о совместном нападении на СССР и бомбардировке нефтепромыслов в Баку, а также о заключении секретного соглашения о военном сотрудничестве. Англичанам, однако, в тот момент втягивание Тегерана в открытый конфликт с Москвой было ни к чему, ибо в случае ответного удара СССР они едва ли смогли защитить Иран.

Советское командование готовило свои контрмеры. В начале 1940 года был усилен Закавказский военный округ, его командный состав провел игру на оперативных картах, в ходе которой отрабатывалось выдвижение советских войск в сторону Турции и Ирана (на Тебриз)⁶. По воспоминаниям С. М. Штеменко, в то время старшего помощника начальника ближневосточного отдела Генштаба, осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание ближневосточного театра. В мае 1941 года в Закавказском и Среднеазиатском военном округах были проведены командно-штабные учения⁷.

Реализовать англо-французские планы нападения на СССР помешало начало наступления немецко-фашистских войск на Западном фронте в мае 1940 года.

Между тем во второй половине 1930-х годов у Советского Союза и Великобритании появился новый и очень опасный конкурент в борьбе за влияние в Иране — фашистская Германия. Гитлеровцев Иран интересовал как стратегический плацдарм против СССР и Британской империи, а также как источник сырья, прежде всего нефти (8,4 млн тонн в 1940 году — четвертое место по добыче в мире). Германский фактор становился все более весомым во внутри- и внешнеполитической жизни Ирана. Нацистская пропаганда энергично проталкивала идею об общем «арийском происхождении» и «арийском братстве» немцев и персов. В 1940–1941 годах 45,5% внешней торговли Ирана приходилась на Германию, тогда как на СССР — 11%, Великобританию — 4%. Немцы поставляли промышленное оборудо-

вание, направляли специалистов и консультантов, организовали авиалинию Берлин — Кабул, проходившую через Иран. Особенно активно они участвовали в модернизации и расширении железных дорог, столь важных с экономической и стратегической точки зрения. Три четверти паровозов были привезены из Германии, а немецкий персонал встречался повсюду: от центрального управления железными дорогами до паровозных бригад⁸.

Особое беспокойство в Москве и Лондоне вызывали военные связи между Берлином и Тегераном: поставки немецкого оружия и военного снаряжения, направление немецких военных инструкторов и советников в иранскую армию, жандармерию и полицию, обучение иранских курсантов в германских военно-учебных заведениях.

В Иран с разведывательно-диверсионными целями активно внедрялась германская агентура. Она проявляла особый интерес к районам, граничащим с Советским Союзом и Британской империей. Проводилась подготовка к диверсионно-террористическим актам, создавались склады оружия, боеприпасов, взрывчатки. Немцы налаживали связи с представителями российской политэмиграции, с азербайджанской, армянской, грузинской, туркестанской диаспорами. Они устанавливали контакты с вождями племен, которые могли создать большие проблемы для центрального правительства в Тегеране. Прямые агенты Германии и её агенты влияния имелись практически во всех сферах политической и общественной жизни страны. Влияние нацистов ощущалось буквально везде: «от шахского двора до тегеранского базара»⁹.

Озабоченность СССР и Великобритании военной-политической ситуацией в регионе заставила их (пока по отдельности) еще до июня 1941 года обращаться к Тегерану с соответствующими запросами. Так, советская сторона зондировала возможность использования расположенных вблизи границы иранских аэродромов и участков Трансиранской железной дороги для обеспечения защиты своих приграничных районов в случае нападения противника. Ставился также вопрос о предоставлении аэродромов и казарм для размещения войск на иранском побережье Каспийского моря для защиты своих нефтяных месторождений. Английское правительство осенью 1940 года и в начале 1941 года направило Ирану первые ноты протеста против деятельности немецких агентов, коих, по бри-

танским разведывательным данным, только в Тегеране было 4 тысячи человек¹⁰. По другим британским оценкам, в июле 1941 года в Иране проживало 2–3 тысячи германских подданных, включая 1 тысячу мужчин¹¹.

Стремительный рост могущества Третьего рейха, его агрессивная, экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения в высшем командном составе армии. В итоге к началу мировой войны нацисты изрядно потеснили в Иране и русских, и англичан.

Вместе с тем, как утверждает в новейших исследованиях отечественных ученых¹², назвать внешнеполитический курс Ирана полностью прогерманским нельзя. Об этом, в частности, свидетельствовало привлечение к суду осенью 1939 года большой группы профашистски настроенных лиц, обвиняемых в попытке организации государственного переворота. Причем главный обвиняемый — Мохсен Джахансуз, известный тем, что перевёл на фарси «Майн кампф», был расстрелян. Другие лица — военные и гражданские — получили различные сроки заключения.

Правитель страны Реза-шах Пехлеви пытался маневрировать между Москвой, Лондоном и Берлином, волей-неволей все более широко сотрудничая с последним, самым активным и успешным на тот момент игроком из этой тройки. Он рассчитывал, что связи с Германией помогут уравновесить влияние традиционных «покровителей» его страны. При этом шах не терял чувства осторожности и прагматизма, опасаясь, как бы Иран не оказался жертвой очередного «раздела» или «передела» мира. Подобная гипотетическая опасность существовала, например, после советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 года, когда поползли слухи о «согласии» Германии предоставить СССР зону влияния к югу от его границ, в сторону Индийского океана.

С началом Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 года заявил о своем нейтралитете и подтвердил эту свою позицию 26 июня 1941 года после нападения Германии на Советский Союз.

От исхода грандиозных сражений, развернувшихся на советско-германском фронте, теперь в решающей степени зависела судьба стран Ближнего и Среднего Востока. Гитлер, не сомневаясь в успехе операции «Барбаросса»,

намеревался после разгрома СССР прорваться в этот регион и дальше двигаться через Иран на Британскую Индию. В директиве № 32 от 11 июня 1941 года верховное главнокомандование вермахта изложило планы действий германских армии, авиации и флота «после уничтожения советских вооруженных сил». В частности, предполагалось оказать сильное давление на Турцию и Иран с целью заставить их принять участие в борьбе против Англии. Британцев предстояло выдавить из Палестины и зоны Суэцкого канала двумя сходящимися ударами: один из Ливии через Египет, другой из Болгарии через Турцию. После крушения Советского Союза планировалось организовать отправку германских экспедиционных сил из Закавказья к нефтяным месторождениям в северном Ираке. В решении этих задач ожидалась поддержка со стороны арабского населения региона, недовольство и мятежи которого должны были связать силы британцев.

В какой-то момент в ходе продвижения вермахта вглубь территории СССР встал вопрос о выборе приоритетного направления наступления. В «Записке от 23 августа 1941 года по вопросу о продолжении операции на советско-германском фронте» фюрер мотивировал своё решение бросить силы не на Москву, а на юг тем, что, в частности, политически было «прежде всего» необходимо «дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан»¹³.

Гитлер неслучайно упомянул о «практической помощи» Ирану против СССР и Великобритании. С учётом складывавшейся ситуации не только на советско-германском фронте, но и в Северной Африке и Средиземноморье это выглядело не столь уж нереальным делом.

В самом Иране немцев, по всей вероятности, уже не устраивал недостаточно уступчивый старый шах. Как отмечается в научной литературе, в июле-августе 1940 года, а затем в августе следующего года профашистские силы собирались осуществить государственный переворот. В подтверждение наличия подобных планов, в частности, указывают на поездку руководителя абвера адмирала В. Канариса в Иран летом 1941 года¹⁴.

На Арабском Востоке немцы искусно играли на антиколониальных настроениях масс, выставляя себя в качестве их союзников в борьбе за независимость. В октябре 1940 года Германия и Италия в совместной декларации заявили

о своих симпатиях к арабскому национально-освободительному движению и призвали арабов принять участие в ликвидации Британской колониальной империи. У них нашлось не так уж мало сторонников. В их числе оказался, например, муфтий Иерусалима, лидер арабских националистов в Палестине Мухаммад Амин аль-Хусейни. Даже позднее, в 1942 году, во время наступления германо-итальянских войск в Каире проходили массовые демонстрации под лозунгом «Роммель, вперед!»¹⁵.

Но главное — в первой половине 1941 года в пользу держав «оси» изменилась военно-стратегическая ситуация в регионе. В январе над Средиземным морем появились самолёты люфтваффе. Начались налёты на Мальту — британский бастион в центральной части региона. Производилось минирование Суэцкого канала. Англичане, развернув наступление на вторгшихся осенью 1940 года в Египет итальянцев, к февралю следующего года отбросили их далеко за ливийскую границу. Но вместо того, чтобы добить итальянские войска в Ливии и тем самым лишить Муссолини всякого плацдарма в Северной Африке, в Лондоне, видимо, решили, что разгромленные итальянцы все равно никуда не денутся, а основные британские силы можно бросить на помощь Греции.

Когда внимание англичан переключилось на Балканы, в Ливию в феврале стали прибывать германские войска под командованием генерала Э. Роммеля. В конце марта его Африканский корпус перешёл в наступление и к середине апреля вытеснил англичан из Ливии. Британское командование в мае-июне дважды пыталось переломить ситуацию и перейти в наступление, но успеха не добились.

Для Великобритании ситуация усугублялась ещё тем, что в апреле Германия разгромила Югославию и Грецию, а в 20-х числах мая немецкие парашютисты после упорных боев захватили остров Крит. Остатки английского экспедиционного корпуса эвакуировались из Греции в Египет. Додеканесские острова, в том числе остров Родос, ещё с 1912 года были владениями Италии. Таким образом, державы «оси» закрепились в восточном Средиземноморье и получили здесь удобные военные плацдармы. Казалось, ещё чуть-чуть и волна германо-итальянской агрессии накроет страны Юго-Западной Азии и покатится в сторону советского Закавказья. Первыми в регионе увидели немецких солдат Ирак и Сирия.

После Первой мировой войны Ирак, ранее входивший в состав Османской империи, был передан под мандат Великобритании. Однако в 1930 году был заключен британско-иракский договор, согласно которому Ирак признавался независимым государством. Англичане сохраняли за собой две военные базы (Басру вблизи Персидского залива и Хаббанию, в 40 км от Багдада), право на передвижение своих войск по стране, а также косвенный контроль за внешней политикой и обороной Ирака. У них также были коммерческие интересы на нефтепромыслах Мосула и Киркука, где в 1940 году было добыто 2,5 млн тонн нефти.

Успехи Гитлера в начале мировой войны подстегнули волну национализма, усилили антибританские и профашистские настроения в Ираке. 1 апреля 1941 года последовал военный переворот. Лидер националистов Рашид Али аль-Гайлани стал премьер-министром. Багдад открыто установил связи с Германией и попросил её о поддержке.

Немцы через Сирию по воздуху стали поставлять в Ирак оружие и боеприпасы. Туда же были направлены германские военные советники. В небе Сирии и Ирака появились немецкие и итальянские самолеты. Начались воздушные бои с англичанами. База в Хаббании подвергалась налетам германской авиации. В Ирак было отправлено диверсионно-террористическое формирование «Бранденбург-800», которое уничтожило две британские канонерские лодки и другие суда, разгромило попавший в засаду отряд англичан¹⁶. Все это происходило на фоне успехов Э. Роммеля в Северной Африке.

В начале мая силы националистов атаковали базу в Хаббании. Но после нескольких дней боев стало ясно, что иракцев ждёт разгром. Зря Рашид Али надеялся на прибытие немецких десантников (те были в этот момент задействованы на Крите). Германия не могла оказать Багдаду масштабную военную помощь, так как была сосредоточена на подготовке к войне с Советским Союзом.

В Басру прибывали все новые войска из Индии. Британская группировка, насчитывавшая 5800 чел., в том числе 1500 чел. из арабского легиона из Трансиордании, перешла в наступление, разгромила иракские правительственные войска и 1 июня вступила в Багдад. К власти пришли пробританские силы¹⁷.

Подавив восстание в Ираке, англичане, что говорится, на одном дыхании решили вопрос с Сирией и Ливаном¹⁸.

Этими французскими владениями управляла администрация во главе с генералом А. Ф. Денцем. Немцы и итальянцы чувствовали себя в этих странах вольготно, развернув там антибританскую деятельность. Вишистские власти всячески мешали французским и другим солдатам уходить в британскую Палестину, чтобы присоединиться к антинацистским силам. Сделать это смогла только одна крупная воинская часть — польская Карпатская бригада, сформированная из польских военнопленных, сумевших после сентября 1939 года добраться до Ближнего Востока¹⁹.

С 14 мая британская авиация стала наносить удары по сирийским аэродромам, которые использовались немецкими и итальянскими самолетами. 8 июня началось наступление на суше. В нём участвовали английские, австралийские, индийские и французские («Свободной Франции» генерала Ш. де Голля) войска при поддержке местных формирований из арабов и добровольцев-евреев из Палестины. Этой группировке противостояли значительные силы: около 35 тыс. человек при превосходстве в авиации (100 самолетов против 60). По информации англичан, среди этих сил было примерно 11 батальонов местных спец. войск, состоявших из сирийцев, черкесов и русских белогвардейцев²⁰.

Сопrotивление вишистов, поначалу слабое, затем заметно усилилось. Союзным войскам пришлось немало постараться, чтобы сломить его. Наконец, после 3-дневных ожесточенных боев 21 июня был взят Дамаск. После этого немецкие самолеты подвергли столицу Сирии бомбардировке, погубившей сотни людей. Чувствуя, что его силы иссякают, генерал А. Ф. Денц запросил перемирия, которое и было подписано 14 июля. Победа стоила союзникам свыше 4600 человек убитыми и ранеными. Потери вишистов составили около 6500 человек.

Решительные действия англичан имели далекоидущие последствия. Они расширили свой контроль над регионом. Продвижению фашистов в сторону Персидского залива, Ирана, Кавказа и Индии был положен конец. Как скоро выяснилось, это было очень важно для обеспечения безопасности «персидского коридора» от угрозы противника с суши. Объективно успехи британцев были на руку Советскому Союзу, хотя их отношения с Москвой до 22 июня 1941 года, мягко говоря, оставляли желать много лучшего. У. Черчилль впоследствии с понятным раздражением писал, в частности, о том, что «3 мая

Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке»²¹.

Поставив под свой контроль Ирак, Сирию и Ливан, англичане переключили своё внимание на Иран. Планы оккупации Ирана, прежде всего его нефтепромыслов, начали разрабатываться в Лондоне еще до того, как Гитлер напал на СССР. Но 22 июня резко изменило ситуацию в регионе.

24 июня командиру британского отряда в Персидском заливе был отдан приказ начать разработку плана вторжения в Иран, а в конце месяца Лондон обратился к Москве с предложением одновременно ввести свои войска в эту страну²². Как вспоминал У. Черчилль, когда мятеж в Ираке был подавлен, а Сирия оккупирована, «мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию»²³. 11 июля британский кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Иране совместно с русскими, если Тегеран откажется выслать германскую колонию.

Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана. Их объединяло общее понимание того, что они хотели добиться от Тегерана. Так, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «По поводу Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну»²⁴.

Началось активное обсуждение иранского вопроса по дипломатическим каналам. В 12:00 22 июня 1941 года советский посол в Великобритании И. М. Майский был приглашён на встречу с министром иностранных дел А. Иденом, который подчеркнул, как сообщал посол, что «британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чём оно может». В это же самое время в Москве первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принял временного поверенного в делах Великобритании в СССР Г. Багалея по просьбе последнего (посол С. Криппс в это время находился в Лондоне). Британский дипломат заявил о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив²⁵. Таким образом, вопрос о «персидском коридоре» для поставок в СССР был поставлен в первый же день Великой Отечественной войны.

28 июня на встрече В. М. Молотова с С. Криппсом (как и А. Идена с И. М. Майским) говорилось о желательности «общей политиче-

ской линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока и о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион. Английская сторона вновь подчеркнула свою готовность к экономической поддержке СССР, которая была обусловлена лишь транспортными затруднениями. На следующий день В. М. Молотов, говоря с американским послом Л. Штейнгардтом о путях оказания Соединёнными Штатами помощи Советскому Союзу, указал, что есть путь через Иран, который работает круглый год²⁶.

Хотя с Ираном пока не было никаких договорённостей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решённом вопросе. 28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А. И. Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом С. Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Трансиранской железной дороги, иранских шоссейных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок²⁷.

И. В. Сталин неоднократно говорил о ситуации в Иране с С. Криппсом. Так, указав 8 июля на необходимость демарша в Тегеране с требованием удалить германскую «пятую колонну» из Ирана, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры может быть придется поддержать военными. О том же говорил У. Черчилль с советским послом И. М. Майским²⁸.

Москва демонстрировала Тегерану готовность принять немедленные меры к доставке по своей территории транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. В ответ шахское правительство заявляло, что Иран в принципе не возражает против транзита советских грузов, но в силу своего нейтралитета категорически против перевозок оружия²⁹. Такая позиция, безусловно, обесценивала значение «персидского коридора» для СССР.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. В двух последних случаях аналогичные требования выдвигала Великобритания.

В ходе переговоров между собой Москва и Лондон демонстрировали готовность к согласованным действиям в отношении Ирана. Так, во время беседы 20 июля С. Криппс вручил В. М. Молотову памятную записку посольства

Великобритании относительно присутствия немецких агентов в Иране и Афганистане. В ней, в частности, сообщалось, что британскому посланнику в Тегеране Р. Булларду дано «указание поддержать всякое представление, которое его советский коллега был бы уполномочен сделать иранскому правительству по этому вопросу»³⁰.

Сложнее обстояло дело с США. Понятно, что Соединенные Штаты, оставаясь ещё нейтральной державой, занимали более сдержанную позицию. Они предпочли бы, чтобы удалось избежать прямой военной акции в отношении Ирана, сохранив его суверенитет и целостность. Это стало тем более важно для американцев после подписания 14 августа президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем Атлантической хартии.

По воспоминаниям советского дипломата В. М. Бережкова, американский посол Л. Штейнгардт во время посещения Наркоминдела вновь и вновь пускался в рассуждения о том, что по отношению к Ирану не следует принимать резких мер, что лучше постараться уговорить старого Реза-шаха пресечь деятельность гитлеровской агентуры и установить более тесные отношения с союзниками. Тогда, дескать, можно будет решить и все другие вопросы, в частности проблему налаживания транспортного пути от Персидского залива до советской границы³¹.

Вместе с тем США не могли не считаться с интересами Великобритании и СССР и потому не пошли навстречу Реза-шаху, который обратился к ним с просьбой о поддержке и посредничестве. В итоге Соединённые Штаты молчаливо одобрили действия русских и англичан в Иране³².

Иранская сторона, несмотря на давление со стороны Москвы и Лондона, всячески уклонялась от выполнения их требований, ссылаясь на то, что они носят ультимативный характер, ущемляют суверенитет Ирана и нарушают проводимую им политику строгого нейтралитета. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», — докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А. А. Смирнов³³. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия вот-вот разгромит Советский Союз, и тогда им надо будет как-то объясняться с Гитлером.

Нежелание иранских властей пропускать через свою территорию оружие для СССР (а без этого «коридор» терял свое значение) и нейтрализовать германскую «пятую колонну», стало

последним толчком к военной акции со стороны союзников. Словесные заверения иранцев уже не удовлетворяли союзников. Не помогло даже то, что вечером 23 августа Реза-шах заявил английскому посланнику Р. Булларду, что принимает требование о высылке немцев из страны. В условиях смертельной схватки с державами «оси» вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходили на второй план.

Британцам не впервой было действовать без оглядки на право, мораль и желание другой стороны, если дело касалось их жизненных интересов. Достаточно вспомнить нападения англичан на французский флот после капитуляции Франции. Или силовое вытеснение вишистов из французских колоний. Всё это сопровождалось гибелью тысяч французских солдат — вчерашних союзников Британии.

Объясняя действия в отношении Ирана, У. Черчилль лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «*Inter arma silent leges*» («когда говорит оружие, законы молчат»), написал он в своих мемуарах³⁴. Правда, некоторые английские историки оценивают действия своего правительства в отношении Ирана гораздо более жёстко. «Персия стала важным путём снабжения для оказания помощи Сталину, — пишет М. Хастингс, — но британцы отдавали себе отчёт, что их силовые действия там напоминают то, как делал свои дела Гитлер»³⁵. С позиции международного права, как справедливо отмечает А. Б. Оришев, только действия Великобритании в августе 1941 года, но никак не СССР, можно характеризовать как «оккупацию»³⁶.

Советскому руководству, особенно в начальный период Второй мировой войны, тоже приходилось идти напролом, не особенно думая о международном праве. Однако в случае с Ираном у СССР было твердое юридическое обоснование для ввода своих войск. В подписанном в феврале 1921 года советско-персидском договоре говорилось, что в случае «если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России», если при этом будет угрожать опасность границам России или союзных ей держав и если правительство Персии после предупреждения само не окажется в силе отвратить эту опасность, то «Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию

Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»³⁷.

Утром 25 августа 1941 года от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана. В советской ноте говорилось, что Советское правительство, «руководствуясь чувством дружбы к иранскому народу и уважением к суверенитету Ирана, всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружеских отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства». В подтверждение напоминалось о таких шагах Советской России, как аннулирование всех платежей Ирана по царским обязательствам, прекращение вмешательства в доходы Ирана, отмена консульской юрисдикции, безвозмездная передача в собственность иранского народа предприятий, сооруженных Россией (шоссейных дорог, портовых сооружений в городе Энзели, железной дороги Джульфа-Тебриз, почтовых учреждений, телефонных и телеграфных линий, Учетно-ссудного банка). Однако в последние годы, и особенно после нападения гитлеровской Германии на СССР ситуация изменилась. «Деятельность фашистско-германских диверсионных групп на территории Ирана приобрела угрожающий характер», говорилось в советской ноте. Германские агенты «всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с СССР». Поэтому Советское правительство «не только вправе, но и обязано принять меры в целях самозащиты в точном соответствии со статьей 6 Договора 1921 года»³⁸.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я армия (командующий — генерал-майор А. А. Хадеев, штаб в Ленкорани) и 47-я армия (командующий — генерал-майор В. В. Новиков, штаб в Нахичевани) общей численностью 135 тыс. чел. Еще две армии (45-я и 46-я), имевшие 110 тыс. чел., прикрывали границу с Турцией. Все они входили в состав Закавказского фронта, образованного 23 августа на базе Закавказского военного округа (командующий — генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). В походе участвовала также 53-я отдельная армия из Среднеазиатского военного округа (командующий — генерал-майор С. Г. Трофименко, штаб в Ашхабаде). План операции советских войск был разработан начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором И. Ф. Тол-

бухиным. Общий замысел состоял в том, чтобы внезапным ударом лишить иранские войска способности сражаться, а в случае сопротивления — уничтожить их, не допуская отхода на юг.

25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Главный удар наносила 47-я армия, наступавшая на Тебриз. Её силы включали две горнострелковые дивизии, одну стрелковую и две танковые дивизии. 44-я армия, состоявшая из двух горнострелковых и одной кавалерийской дивизий и одного танкового полка, двигалась по прикаспийским территориям. 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия (стрелковый и кавалерийский корпуса и горнострелковая дивизия).

Первыми на рассвете 25 августа границу перешли небольшие маневренные группы, имевшие задачу атаковать пограничные заставы иранцев, перерезать линии связи, блокировать дороги. Для захвата мостов, тоннелей и других объектов были выброшены воздушные десанты. В иранские порты на Каспии вошли советские военные корабли, были высажены морские десанты.

Активно действовала советская авиация (522 самолёта), которая сначала наносила бомбовые удары, а потом сосредоточилась на ведении разведки. Так, гарнизон Решта, центра прикаспийской провинции Гилян, был частично уничтожен авиацией, а частично просто разбежался. Всего военно-воздушные силы сделали около 17 тыс. самолёто-вылетов, сбросив 7 тыс. бомб на военные объекты.

25 августа, со стороны Ирака, от Басры и Багдада, двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. Был уничтожен иранский военный флот. 29 августа в районе Сенендеджа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона радиусом 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство во главе с известным учёным и литератором М. Форуги отдало приказ своей армии не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких локальных стычек. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а на следующий день — перед Красной Армией.

Иранские вооруженные силы (по некоторым данным, около 200 тыс. чел., 300 самолётов, 150 танков, 400 орудий) оказались совершенно

неспособны к сопротивлению в силу крайне слабой боевой подготовки, технической оснащенности и морального состояния. Иранцы обычно или сразу сдавались в плен, или расходились по домам по команде своих офицеров, или просто разбегались, бросая оружие и снаряжение. Так, гарнизон города Пехлеви численностью 520 солдат и офицеров после короткой перестрелки был пленён советским разведотрядом из 45 чел. Быстрое и решительное совместное наступление советских и британских войск стало полной неожиданностью для иранцев. К тому же союзники продвигались во многих случаях по территориям, населенным национальными меньшинствами (азербайджанцами, курдами, армянами), которые были не слишком лояльны к шахскому режиму.

Пожалуй, главные сложности для союзников создавали не сопротивление иранских войск, а горно-пустынная местность и тяжелый климат. Показательно, что для обеспечения продвижения советских войск были привлечены 11 инженерно-саперных батальонов и 31 отдельная инженерно-саперная и понтонно-мостовая роты.

Иранский поход выявил немало слабых мест в боевой подготовке и технической оснащенности Красной Армии. Явно не хватало боевого опыта, умения эксплуатировать и применять боевую технику. Были проблемы с разведкой, связью, снабжением. Не всегда удачно взаимодействовали различные рода войск. Но в целом именно в Иране удалось бить «врага» малой кровью на его территории.

Потери союзников были минимальными: с советской стороны — около 50 убитых и свыше 100 раненых, с британской — 22 убитых и 45 раненых. У иранцев потери были на порядок больше³⁹.

Местное население встречало советские войска по-разному. Простые люди нередко проявляли радость и энтузиазм, вплоть до призывов устанавливать советскую власть и делить имущество богатых и вступать в Красную Армию. Однако другая часть населения, особенно зажиточные слои, проявляла настороженность, а то и враждебность. Во многих местах торговцы закрывали свои лавки, что приводило к росту цен и ставило под угрозу снабжение населения. Распространялись различные антисоветские слухи и домыслы.

Советская сторона предпринимала усилия по налаживанию отношений с местным населением. Впрочем, были попытки оказать идеологическое воздействие и на советские войска.

В послании, полученном в Москве 30 августа, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И. В. Сталин ответил: «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно». И добавил: «Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»⁴⁰. Прозрачный намек на то, что главный враг — Германия, и пора союзным войскам «совместно» сразиться с ней.

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Иранские власти, однако, тянули с выполнением требований союзников по высылке немцев и их агентуры. Более того, полуофициозная газета «Эттелеат» поместила статью, направленную против СССР и Англии, а затем эту статью передавали по радио. Эта публикация, по мнению советской стороны, «явилась открытой пронемецкой демонстрацией». Позднее иранские руководители признали, что статья была написана по указанию Реза-шаха⁴¹. В этих условиях было решено двинуть союзные войска к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрёкся от престола и затем покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви.

17 сентября советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные представители Германии, а также Италии, Румынии и Венгрии были высланы из страны. Отношения Ирана со странами «оси» были разорваны. В феврале 1942 года аналогичный шаг был предпринят в отношении вишисткой Франции, а в апреле — Японии.

29 января 1942 года был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право содержать на иранской территории военные силы в необходимом количестве, а также неограниченное право использования любых средств коммуникаций по всему Ирану. Подчёркивалось, что ввод советских и британских войск «не представляет собой военной оккупации» и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации

и обычную жизнь страны. В свою очередь, Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства. Не позднее 6 месяцев по окончании военных действий союзных государств с Германией, их войска должны были покинуть территорию Ирана⁴².

Ввод советских и британских войск в Иран стал первой совместной военно-политической акцией новоявленных союзников — СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз (первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа) это стало зримым свидетельством складывания антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Появилась возможность обустроить транспортный «персидский коридор», по которому вскоре пошли союзнические поставки в СССР. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство — плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Это позволило впоследствии провести в Тегеране первую встречу «большой тройки».

Укрепились стратегические позиции стран формирующейся антигитлеровской коалиции. Англичане получили возможность действовать на всем пространстве от Ближнего Востока до Индии. Советский Союз был спокоен за свои южные рубежи.

Была обеспечена безопасность крупнейших нефтяных месторождений на Кавказе и в Иране, столь важных для обеих держав. Заводы Англо-иранской нефтяной компании обеспечивали топливом британские войска к востоку от Суэца, флот на Средиземном море и в Индийском океане и являлись единственными производителями авиационного топлива в регионе⁴³. В 1940 году Баку давал свыше 71%, а Грозный и Майкоп — свыше 24% общей добычи нефти в СССР⁴⁴.

Несмотря на неоднозначную первоначальную реакцию, для самого Ирана акция союзников дала позитивные результаты. Не став ареной боевых действий со странами «оси», он вошёл в антигитлеровскую коалицию (9 сентября 1943 года объявил войну Германии), обеспечив в итоге свою безопасность, территориальную целостность и суверенитет и получив статус страны-победителя во Второй мировой вой-

не. К тому же союзники оказали Ирану значительную материальную поддержку и коренным образом реконструировали его транспортную инфраструктуру для того, чтобы она могла обеспечивать поставки по ленд-лизу⁴⁵.

Пример Ирана оказал сдерживающее воздействие на Турцию и Афганистан. В октябре 1941 года из Кабула были высланы представители Германии и ее союзников.

Наконец, в тяжелейших условиях лета–осени 1941 года, когда Красная Армия с огромными потерями отходила вглубь страны, быстрый и практически бескровный успех иранского похода давал хоть какие-то позитивные эмоции для советских людей.

Конечно, успех первой совместной советско-британской операции не означал, что между союзниками не было никаких противоречий и трений, пусть даже скрытых за внешней дипломатической вежливостью. Видимо, сказывалась инерция многолетней борьбы за влияние в Иране. Да и восприятие британскими верхами СССР как союзника складывалось небыстро и непросто. Неслучайно У. Черчилль в мемуарах отмечал, что «более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем»⁴⁶.

Это столкновение интересов проявилось довольно скоро. Так, вводя свои войска в Иран, Москва хотела иметь плацдарм, который гарантировал бы сохранение и укрепление собственного влияния в соседней стране, не оставляя её под единоличным контролем союзника.

Судя по всему, англичане совсем не прочь были бы такой контроль установить. Произошло это в самый отчаянный момент только что начавшейся битвы за Москву. В первую декаду октября 1941 года под Вязьмой и Брянском было окружено и уничтожено несколько советских армий. В центральной части фронта образовалась брешь в 500 км. Казалось, что уже никто не остановит рванувшийся к советской столице вермахт. 12 октября У. Черчилль отправил И. В. Сталину послание, в котором он осторожно предлагал следующее: «Если Вам желательно отозвать имеющиеся там [в Персии] пять или шесть русских дивизий с тем, чтобы использовать их на боевом фронте, мы примем на себя полную ответственность по поддержанию порядка и содержанию в исправности и улучшению путей сообщения». Предупреждая возможные подозрения И. В. Сталина, У. Черчилль тут же торжественно заверил его: «Я обещаю именем Британии, что мы не будем стремиться

к каким-либо выгодам для себя за счёт каких-либо справедливых русских интересов как во время войны, так и по её окончании»⁴⁷.

Англичанам, видимо, так хотелось поскорее услышать желанный ответ на это предложение, что британский посол С. Криппс, будучи принят 13 октября наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, сразу же поинтересовался мнением советского правительства. По какому вопросу, удивился советский нарком, только-только получивший из рук британского дипломата вышеупомянутое послание У. Черчилля для передачи И. В. Сталину. С. Криппс пояснил. И неожиданно добавил еще одну фразу, то ли от себя, то ли выдав затаённое желание британского руководства вроде бы и союзнику подсобить, и самим в пекло не лезть. Он заявил, что «отвод советских войск из Ирана следует рассматривать как мероприятие, равносильное посылке английских войск» на помощь советскому фронту.

Ловко! Получается, что простое пребывание английских дивизий (вместо советских) в дальнейшем от реальной войны Иране, где они страдали разве что от жары и пыли, это «мероприятие, равносильное» кровопролитным сражениям Красной Армии с беспощадным врагом.

Неизвестно, поперхнулся ли В. М. Молотов от такого сравнения, но сухая протокольная запись беседы свидетельствует только о том, что нарком сразу же чётко расставил всё по своим местам: отвод советских войск из Ирана и оказание английскими войсками помощи СССР против немцев — «это два различных вопроса». При этом он напомнил, что британское правительство так и не дало ответа на советское предложение о посылке английских войск на наш фронт⁴⁸.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз И. В. Сталин в своих посланиях У. Черчиллю не раз ставил вопрос об открытии второго фронта «как основного средства по улучшению нашего общего дела». Если создание второго фронта на Западе, по мнению английского правительства, в данный момент невозможно, то, «может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага». «Мне кажется, — писал Сталин 13 сентября 1941 года, — что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР...»⁴⁹.

Вот на эти конкретные предложения Лондон так и не ответил, ограничившись общим заверением о готовности изучить любую «форму действенной поддержки» Советского Союза или утверждая, что после победы над итало-германскими войсками в Ливии «мы будем иметь значительные силы, как воздушные, так и сухопутные, для совместных действий на южном фланге русского фронта»⁵⁰.

Но англичан никак не оставляла идея заменить советские войска в Иране своими и даже продвинуть их еще дальше на Кавказ. Получив ясный ответ В. М. Молотова на встрече 13 октября, С. Криппс, тем не менее, на следующей встрече 22 октября поставил вопрос теперь уже о вводе британских войск на Кавказ. Он отметил, что «посылка войск через Иран ввиду незначительного грузопотока, проходящего через эту страну, представляется вполне возможной». На это В. М. Молотов возразил, что «Кавказ не нуждается в защите, так как там нет фронта». Нарком добавил, что «если английское правительство хочет помочь СССР, то не надо дожидаться, пока немцы будут на Кавказе, а надо сделать это раньше»⁵¹.

Позднее, в послании, полученном в Москве 22 ноября, У. Черчилль сообщал И. В. Сталину о готовности командировать своего министра иностранных дел А. Идена в СССР для обсуждения любого вопроса, «включая посылку войск не только на Кавказ, но и на линию фронта Ваших армий на Юге. Ни наши судовые ресурсы, ни наши коммуникации не позволяют ввести в действие значительные силы, и даже при этом Вам придётся выбирать между войсками и поставками через Персию»⁵². При такой постановке вопроса выбрать пришлось, конечно, поставки. Тогда еще небольшой ручеек этих поставок вскоре должен был превратиться в настоящий поток, что для Советского союза было важнее, чем символическое присутствие английских войск на Кавказе или даже на фронте.

В итоге англичанам так и не удалось провести своё «мероприятие, равносильное» посылке британских войск на советско-германский фронт. Хотя советское командование осенью 1941 года из-за катастрофического положения на фронте отозвало часть своих сил из Ирана. Сначала на Северный Кавказ убыла 44-я армия, за ней последовали 47-я армия и несколько дивизий 53-й армии. Но северная часть Ирана по-прежнему оставалась под советским контролем. «Персидский коридор» функционировал

только для ленд-лизских поставок, но не для переброски британских войск.

В современной российской историографии высказывается сомнение в оправданности официальной советской версии о наличии реальной военной угрозы для СССР, исходившей от Ирана или с его территории. Главным политическим расчетом советского руководства называется «продолжение предвоенной сталинской политики расширения советских границ, „восстановления“ утраченных имперских рубежей»⁵³.

С этим утверждением трудно согласиться, по крайней мере, пока не будут найдены соответствующие архивные материалы.

Во-первых, едва ли в августе 1941 года мотив расширения границ мог быть «главным» для советского руководства. Об «имперских рубежах» ли оно думало, когда немецко-фашистские войска были уже под Ленинградом, взяли Смоленск, дошли на Украине до Днепра и рвались еще дальше вглубь страны? Речь тогда шла прежде всего о выживании советского государства и советского народа. Все действия Москвы в тот момент были обусловлены именно этим обстоятельством.

Конечно, у И. В. Сталина, как уже отмечалось, вполне могли быть мысли о том, что, войдя в северный Иран, можно было бы там и остаться, закрепив эти территории в советской сфере влияния. Речь могла идти прежде всего о южном Азербайджане с центром в Тебризе⁵⁴. Не случайно, как уже говорилось, И. В. Сталин не откликнулся на предложение У. Черчилля заменить в Иране советские войска английскими. Но, подчеркнём, «главными» эти соображения никак не могли быть. Едва ли И. В. Сталин ради подобных гипотетических планов выделил бы на иранскую операцию три общевойсковые армии, а если считать оставшиеся в Закавказье войска, то пять армий при столь отчаянном положении на советско-германском фронте.

Во-вторых, сторонники вышеуказанной точки зрения не обращают внимания на другой (помимо германской «пятой колонны»), даже более важный в долгосрочной перспективе мотив действий союзников — необходимость обеспечить военный транзит в СССР через иранскую территорию. В этом была самая что ни на есть живейшая потребность, в тот момент гораздо более значимая, чем предполагаемое закрепление южного Азербайджана под советским контролем.

В-третьих, если прогерманские силы до 25 августа не смогли совершить государствен-

ный переворот, то не было никакой гарантии, что они не смогут этого сделать в будущем. Даже если сведения о численности немцев и их агентов в Иране, приводившиеся союзниками, были преувеличены, несомненно, что сторонников Германии в стране было вполне достаточно для такой попытки. Причем их число должно было расти по мере военных успехов Германии и приближении фронта к Ирану. В случае успеха переворота угроза с юга для СССР стала бы более чем реальной. Гитлер требовал от Реза-шаха вступить в войну на стороне Германии и ставил вопрос о передаче люфтваффе иранских авиабаз, к строительству которых немецкие специалисты имели прямое отношение⁵⁵. Если немецкая авиация весной–летом 1941 года действовала в Сирии и Ираке, она вполне могла оказаться и в Иране при прогерманском режиме.

В-четвертых, германские вооруженные силы могли появиться около Ирана или даже на его территории. Собственно, они уже только что были совсем рядом, в Ираке и Сирии, и вполне могли вернуться при изменении военно-стратегической ситуации на Североафриканском и Средиземноморском театрах военных действий. В 1941–1942 годах не раз возникала угроза прорыва германо-итальянских войск к Суэцкому каналу и дальше в Юго-Западную Азию. Кто мог гарантировать, что это не произойдет?

В-пятых, своевременность и обоснованность ввода советских и британских войск в Иран с точки зрения борьбы с фашизмом подтвердили и события 1942 года на советско-германском фронте. Через год после советско-британской акции в отношении Ирана немецко-фашистские армии вышли к Главному Кавказскому хребту. Возникла угроза прорыва гитлеровцев в Закавказье, а оттуда до Ирана рукой подать. В этой обстановке контроль за ситуацией в этой стране и бесперебойные поставки в Советский Союз из США и Великобритании по южному направлению были чрезвычайно важны.

Невольно даже У. Черчилль по сути подтвердил, что дело было отнюдь не в советских имперских амбициях. В своих мемуарах он тоже почему-то говорил о необходимости «главным образом» добиваться открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря и изгнания всех немцев из Ирана. И только «на втором плане, — по мнению британского премьера, — стояли глубокие и щекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии...»⁵⁶.

Летом–осенью 1942 года, как и в первые месяцы Великой Отечественной войны, судьба СССР, а по большому счету — и антигитлеровской коалиции в целом, висела на волоске. Собравшись с силами после поражения под Москвой, вермахт в мае нанёс крупные поражения Красной Армии под Харьковом и в Крыму. В июне немцы развернули новое мощное наступление на южном фланге советско-германского фронта, имея главной целью захват Сталинграда и Кавказа.

Согласно директиве ОКВ № 45 от 23 июля 1942 года под условным наименованием «Эдельвейс» замысел операции по захвату Кавказа состоял в том, чтобы окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова и овладеть Северным Кавказом. Затем предполагалось по берегам Чёрного и Каспийского морей обойти Главный Кавказский хребет, одновременно прорываясь через горы по перевалам с севера.

25 июля 1942 года началась битва за Кавказ, оборонительная фаза которой продолжалась до конца декабря⁵⁷. В этот день немецко-фашистские войска перешли в наступление с рубежа реки Дон в южном направлении. Хотя окружить и уничтожить советские силы между Доном и Кубанью не удалось, но к 17 августа немцы дошли до северо-западных предгорий Большого Кавказского хребта, захватив Ворошиловск (совр. Ставрополь), Армавир, Краснодар, Майкоп. 21 августа немецкие альпийские стрелки подняли красно-чёрный флаг со свастикой над Эльбрусом. Было захвачено несколько перевалов, и гитлеровцы уже готовы были ринуться вниз, на юг, в Закавказье. Но сил им уже не хватало. Часть своих войска немецкое командование вынуждено было перенацелить с Кавказа на Волгу, где разыгралось грандиозное Сталинградское сражение.

Впрочем, Гитлер в это время еще был полон оптимистических планов. 18 сентября он заявил относительно обстановки на Кавказе: «Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю»⁵⁸. Но ничего этого добиться гитлеровцам не удалось. В частности, потерпели неудачу попытки немецко-фашистских войска продвинуться через Орджоникидзе (совр. Владикавказ) и Грозный в направлении к Махачкале и Баку и выйти Каспийскому морю. В ходе Налчикской оборонительной операции (25 октября — 12 ноября 1942 года) их ударные части были остановлены.

Продвижение вермахта к Каспийскому морю грозило перерезать очень важную транспортную артерию, которая, помимо морского пути, соединяла Баку с остальной страной. После захвата немцами Ростова традиционный железнодорожный маршрут на Баку был оборван. Тогда советская сторона в январе-августе 1942 года построила вдоль каспийского побережья железнодорожную ветку Кизляр — Астрахань. Благодаря ей поток ленд-лизских грузов из Ирана и нефти из Азербайджана устремился к Астрахани и далее к Сталинграду и в другие районы страны.

Немцы неоднократно доходили до этой дороги. Так, один из разведывательных дозоров боевой группы германских войска, наступавшей по северному берегу реки Терек, сумел выйти к развилке железных дорог в 25 км северо-восточнее Грозного. Хотя советских войска в этом районе почти не было, но всё же гитлеровцам прервать железнодорожное сообщение между Кизляром и Астраханью не удалось⁵⁹.

Сходная ситуация была и в Калмыкии. Там сплошной линии фронта практически не было. В пустынно-степной местности у немцев действовали лишь отдельные мобильные группы. Именно они в какой-то момент ближе всего подошли низовью Волги и к берегу моря. Как отмечал известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт, «хотя немецкие подвижные отряды прорывались к побережью Каспийского моря, оно так и осталось для них «миражом в пустыне»⁶⁰. В Калмыкии немцы также добивались до железной дороги Кизляр — Астрахань, но опять-таки перерезать её не смогли. Во многом это объяснялось тем, что дорога строилась как можно быстрее, без насыпного полотна, рельсы укладывали прямо на землю. Поэтому русские могли положить новые секции взамен уничтоженных, и движение поездов возобновлялось⁶¹.

Когда вермахт вышел на подступы к Каспию, гитлеровское командование приступило к планированию операций на самом большом в мире озере. Главный штаб ВМС Германии получил указание готовить лёгкие силы для действий на коммуникациях Каспия⁶². Державы «оси» могли воспользоваться для этого своим военно-морским потенциалом на Черном море.

Согласно международной конвенции, подписанной в 1936 году в Монтрё, во время войны Турция не должна была пропускать военные корабли воюющих держав через Черноморские проливы. Хотя иногда возникали подозрения,

что это положение нарушается, но всё же после 22 июня 1941 года в акватории этого моря крупные боевые корабли Германии и Италии так и не появились. Немцы могли только провести по Дунаю или перебросить по железной дороге или по шоссе на трейлере небольшие корабли, типа подводных лодок, сторожевиков, охотников, тральщиков, торпедных катеров, самоходных барж. При необходимости их перевозили в разобранном виде и собирали, например, в Констанце, в фашистской Румынии (сам румынский флот никакой боевой ценности не представлял).

14 января 1942 года было подписано соглашение, по которому «легкие итальянские силы» привлекались к содействию германским ВМС на Черном море (и на Ладоге). В мае–июне итальянские сверхмалые подводные лодки, торпедные катера, сверхмалые торпедные катера, взрывающиеся катера прибыли в Крым. Базируясь в Ялте, Форосе, а затем в Севастополе, Феодосии, все они, кроме взрывающихся катеров, принимали участие в боевых операциях против советского ВМФ⁶³.

Летом военно-морские силы стран «оси» стали готовить к действиям в новом районе, на Каспии. На румынских верфях было построено несколько небольших деревянных минных заградителей, которые можно было по частям перевозить на автомобилях. В Махачкале предполагалось собрать 12–20 паромов «Зибель» и 20–25 быстроходных десантных барж⁶⁴. 23 сентября автоколонна с итальянскими сверхмалыми торпедными катерами и взрывающимися катерами была отправлена из Ялты в Мариуполь на Азовском море.

Об этих приготовлениях стало известно англичанам, которые уже давно расшифровывали секретные немецкие сообщения. У. Черчилль тут же предупредил И. В. Сталина. В его послании от 30 сентября говорилось: «Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махач-Калу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии». Впрочем, уже 9 октября британский премьер-министр сообщил, что, как показывали последние сведения,

«осуществление германских планов отправки судов на Каспийское море по железной дороге приостановлено»⁶⁵.

Действительно, ехать-то было некуда. В октябре–ноябре наступательный порыв вермахта на Кавказе иссяк. Итальянские моряки на несколько месяцев застряли в Приазовье. По воспоминаниям, в Мариуполе они, помимо приведения в порядок матчасти, коротали время за чисткой кукурузных початков, набранных на окрестных полях, и ночной охотой на зайцев. В марте 1943 года несостоявшиеся «каспийцы» вернулись в Италию. В мае была расформирована действовавшая на Чёрном море итальянская флотилия торпедных катеров, личный состав отправлен на родину, а катера перешли к немцам, от них — к румынам (уцелевшие катера будут затоплены в августе 1944 года в Констанце). Итальянские сверхмалые подводные лодки в сентябре–октябре 1943 года были переданы румынам, которые так и не научились ими пользоваться. В августе 1944 года они были захвачены советскими войсками в Констанце⁶⁶. Так бесславно закончилась, по сути не начавшись, «каспийская эпопея» итальянского (и германского) флота.

Победа Красной Армии над вермахтом в величайшей Сталинградской битве ознаменовала начало периода коренного перелома во Второй мировой войне. Наряду с прочими, рухнули планы гитлеровцев разрубить коммуникации союзников на Каспии и вторгнуться с севера в Иран.

Не сумели немецко-фашистские войска прорваться в Иран и Закавказье и с юго-западного направления, из Северной Африки. Хотя в какой-то момент такая угроза стала вырисовываться. Удачная операция англичан «Крусейдер» (18 ноября 1941 года — 6 января 1942 года), сменилась новым наступлением Э. Роммеля, начатым 21 января 1942 года. Летом, когда немцы взяли Тобрук и вновь вторглись в Египет, повторно возникла угроза прорыва германо-итальянских войск к Суэцкому каналу. Победа британцев в битве у Эль-Аламейна (23 октября — 4 ноября 1942 года) вместе с высадкой англо-американских войск в Марокко и Алжире предопределили скорую ликвидацию североафриканского театра военных действий. Войска стран «оси» были разбиты и 11 мая 1943 года капитулировали в Тунисе. Безопасность «персидского коридора» теперь была гарантирована с обоих потенциально опасных направлений: и с севера, и с юго-запада.

Добившись военными и политическими мерами беспрепятственного транзита ленд-лизских грузов через Иран, союзникам надо было обеспечить ещё и организационно-техническую сторону дела. Речь шла прежде всего о создании такой транспортной инфраструктуры и условий для её бесперебойного функционирования, которые обеспечили бы всё возрастающие масштабные поставки в Советский Союз через Персидский залив, Иран и Каспий.

Ответственность за реорганизацию транспортной инфраструктуры поначалу взяли на себя англичане. У. Черчилль в своих посланиях И. В. Сталину постоянно подчёркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в ещё большей степени стремление установить ещё один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить её бесперебойную работу, используя дополнительной железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии».

Через неделю У. Черчилль сообщал: «Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом с тем, чтобы поднять её нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до её полной пропускной способности, а именно до двенадцати поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весне 1942 года... Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо... Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены».

Ещё через пару недель британский премьер отмечал: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»⁶⁷.

На ту же тему У. Черчилль писал Ф. Рузвельту 1 сентября 1941 года: «Хорошие результаты, которые были так легко достигнуты в Персии, привели нас к контакту с русскими, и мы предлагаем проложить вторые пути или по меньшей мере значительно усовершенствовать железную

дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и таким образом открыть надежный путь, по которому долгосрочные материалы смогут достичь резервных позиций в районе Волги»⁶⁸.

Англичане немало сделали для налаживания поставок. Но всё же их масштабы были явно недостаточны. Великобритании не хватало людских и материальных ресурсов, тем более, что их приходилось распределять по всему Ближнему Востоку. Порты Басры и Абадана, наиболее подготовленные к приему большого количества грузов, британцы использовали прежде всего для снабжения своих войск, а также для вывоза нефти.

Между тем летом 1942 года вопрос о ленд-лизе для СССР приобрел особое военное и политическое значение. Отношения между союзниками крайне осложнились из-за отказа англосаксов открыть второй фронт в Европе в этом году. Для Советского Союза, который с огромным трудом сдерживал рвавшийся к Сталинграду и на Кавказ вермахт, это было тяжёлым ударом.

Одновременно возник дополнительный фактор, раздражающий межсоюзнические отношения — фактическое прекращение поставок по ленд-лизу северным, арктическим маршрутом. Отступавшая Красная Армия несла громадные потери, и их надо было как-то восполнять. Советская промышленность работала с величайшим напряжением. Военное производство в начале войны падало и только с весны 1942 года стало расти. Самые развитые территории на западе страны были захвачены врагом, а эвакуированные предприятия только-только разворачивались на новых местах. В этот момент очень к месту была бы помощь западных союзников по ленд-лизу.

Через арктические моря пролегал самый короткий и быстрый путь доставки вооружений и других стратегических материалов в СССР. С начала войны союзники переправили по нему 964 тыс. тонн военных материалов — 61% всех грузов, ввезённые в Советский Союз из-за рубежа⁶⁹. Гитлеровцы, уверенные в своей скорой победе, одно время не обращали на это внимание. Ситуация изменилась в начале 1942 года, когда после битвы под Москвой стало ясно, что война затягивается. Немцы перебазировали на север Норвегии свой самый мощный линкор «Тирпиц», другие тяжёлые корабли, подводные лодки, авиацию. Союзные конвои, особенно с наступлением полярного дня, стали подвергаться массированным атакам и нести потери.

Если с августа 1941 года до конца марта 1942 года из 110 транспортных судов было потоплено 1, то в мае было потеряно уже 9 судов из 57⁷⁰.

В конце июня — начале июля произошла известная история с конвоем PQ-17, который был по существу брошен на произвол судьбы британским эскортом. Из 33 судов до советских портов не дошло 22, потопленных немецкими подлодками и самолётами. Вдобавок пострадал и обратный конвой QR-13. Из-за навигационной ошибки он наскочил на английское минное поле у берегов Исландии и потерял 5 транспортов. Под предлогом большого урона англичане прекратили отправку конвоев. Нашёлся и ещё один повод — необходимость сосредоточить транспортные суда для высадки англо-американских войск в Северной Африке. Отправив в сентябре конвой PQ-18, Лондон снова прекратил поставки через Арктику до наступления полярной ночи. С учётом того, что тихоокеанский маршрут ещё не развернулся в полном масштабе, а перегон самолётов по трассе Аляска-Сибирь только налаживался, картина военно-экономической помощи союзников СССР складывалась удручающая.

В послании И. В. Сталина британскому премьеру от 23 июля говорилось: «...Я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путём»⁷¹. Когда в августе У. Черчилль приехал в Москву, Сталин И. В., выразив ему благодарность за помощь по ленд-лизу, тем не менее снова предъявил претензии относительно того, что западные союзники не выполняют в полном объеме свои обязательства по поставкам, «дают не то, что обещано»⁷².

Союзники и сами почувствовали необходимость форсировать работы в зоне Персидского залива для резкого увеличения поставок в СССР. Ответственность за организацию грузопотоков в Советский Союз взяли на себя Соединённые Штаты. Принципиальное решение об этом было принято Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в июле. Но потребовалось ещё два месяца, чтобы его доработать и начать реализовывать⁷³. Американцы, обладая гораздо большими ресурсами и возможностями, чем англичане, с присущими им энергией и деловой хваткой принялись за рабо-

ту. Руководила этой деятельностью специально созданная Команда обслуживания Персидского залива (Persian Gulf Service Command) со штаб-квартирой в Басре⁷⁴.

Англичане, а затем и американцы не могли поначалу использовать иранскую территорию для масштабной помощи Советскому Союзу из-за слабости транспортной инфраструктуры страны. Одно из её ключевых звеньев — Транс-иранская железная дорога. Она была построена в 1927–1938 годах и тянулась от порта Бендер-Шах (совр. Бендер-Торкман) на Каспийском море через Тегеран до порта Бендер-Шахпур (совр. Бендер-Хомейни) в Персидском заливе. Проложена дорога была по местностям с очень сложным рельефом. Трасса длиной 1394 км имела около 230 тоннелей, 4100 мостов, и поднималась на максимальную высоту 2200 м над уровнем моря. Затяжные крутые подъемы и спуски, длинные тоннели, в которых паровозные команды задыхались от дыма, нехватка воды по пути следования — всё это предъявляло особые требования к технике и людям, которые её использовали. Уложенные на ряде участков относительно лёгкие рельсы ограничивали нагрузку на железнодорожный путь. В некоторых случаях эксплуатационные возможности дороги были столь ограничены, что требовалось прокладывать обходные или альтернативные пути.

Под руководством западных инженеров началась реконструкция железных дорог, поставка локомотивов и вагонов и всего необходимого оборудования. Осуществлялось строительство автодорог, идущих с юга на север страны.

Расширять надо было порты в Персидском заливе и на Каспии. Так, например, Бушир по большому счёту и портом назвать было трудно. Там не было ни причалов, ни подъездных путей, ни кранов, только таможенные пункты, почта, телеграф, небольшие автомастерские и узкоколейка, соединяющая мол со складом. Из-за мелководья суда вынуждены были бросать якорь в 10–12 милях от берега, а грузы переправляли на берег на парусниках. Вдобавок в Бушире не было питьевой воды, и её доставляли на кораблях из Басры или даже из Бомбея и Карачи. Население города испытывало страшный голод и питалось в основном саранчой⁷⁵.

Многие другие порты также нуждались в масштабной реконструкции. Некоторые из них были расположены на реке Шатт-эль-Араб, разделяющей Иран и Ирак. Эта река образуется от слияния Тигра и Евфрата и впадает в Персид-

ский залив. Она настолько полноводна, что по ней могли подниматься вверх океанские суда.

Рядом с Абаданом на иранском берегу находился другой порт — Хорремшехр, связанный с Тегераном железной дорогой и плохой щебёночной шоссейной дорогой. В декабре 1941 года рядом с ним англичане стали строить новую пристань Сентаб. Через год там появились американцы, и уже в мае 1943 года там была пристань с семью причалами, от которых к берегу шли шестикилометровые эстакады с железнодорожными и автомобильными путями. В Хорремшехре был возведен крупный автосборочный завод.

На той же реке Шатт-эль-Араб, но на иракском берегу располагался крупный порт Басра. Он стал важным перевалочным пунктом для ленд-лизовских поставок в СССР. По сути это была целая система портов, которая включала также порты Маргил, Танума, Чейбасси, Ашар.

На юго-западе Ирана на берегу Персидского залива находился порт Бендер-Шахпур. Располагался он на острове в заливе Хор-Муса. Здесь разгрузка судов первоначально возможна была только на железнодорожный путь, который шёл от пристани по эстакаде до острова, дальше пересекал его по насыпи и потом уходил к материку по мелководью залива. Англичане и американцы построили здесь новый пирс, причалы, железнодорожные пути, 10 крытых складов и т. п. Пропускная способность этого порта скакнула с 200 до 5000 тонн в сутки.

Перестраивать пришлось и порты на Каспийском море. Но их реконструкция проводилась не англичанами и американцами, а силами Наркомфлота СССР и других советских организаций. В юго-восточной части побережья в Горганском заливе располагался порт Бендер-Шах. Так, с марта по ноябрь 1942 года там были возведены два причала в дополнении к имевшимся двум, укреплен пирс, углублены подходы к пирсу и прорыт глубокий 15-километровый канал для выхода в открытое море, проложены железнодорожные пути и шоссейная дорога от порта до города. Реконструкция продолжалась в 1943–1944 годах. В итоге там вырос современный порт с двумя нефтепричалами, двумя бензоэстакадами, разветвленной сетью подъездных путей, электростанцией, жилым городком и многими другими сооружениями.

В порту Пехлеви (совр. Энзели) на юго-западном берегу Каспия был расчищен и углублён канал, возведен дополнительный причал, уложена узкоколейка, смонтированы привезённые из

Баку механизмы, построены склады. В Ноушехре на южном берегу Каспийского моря пришлось углублять подходы к порту, устанавливать краны и другие механизмы, доставленные из Советского Союза. Особой осторожности требовали транспортировка в СССР высокооктанового бензина и пороха.

Необходимо было не только реконструировать порты, но и наладить их бесперебойную деятельность. Как вспоминал Л. И. Зорин, направленный в Иран Наркомвнешторгом СССР для руководства с советской стороны всеми операциями по транспортировке ленд-лизовских грузов, работа порта Бушир была организована следующим образом. «К борту парохода подходили большие парусники с местными грузчиками. На эти парусники с помощью механизмов парохода перегружали из трюмов тяжёлые ящики. Затем парусники доставляли ящики к берегу через узкий, ограждённый сигналами фарватер. Нередко — во время приливов и отливов, из-за перегрузки, в штормовую погоду — ящики падали в воду и тонули.

Ящики с полусобранными на автозаводах автомобилями выгружались на таможенном дворе и по специально проложенной узкоколейной дороге доставлялись на место сборки, которая производилась вручную. Качество сборки было весьма низким, многие машины нуждались в переделке, т. к. собирали их неквалифицированные рабочие».

Л. И. Зорин подметил и такую любопытную деталь: «американцы не считали нужным возиться с неисправными машинами даже в том случае, если дефект был незначительным. Они просто выбрасывали их на свалку. Возле Андимешка [с автосборочным заводом] образовалось кладбище таких машин. Американцы удивлялись нашему требованию непременно иметь 17 процентов запасных частей, которые им были ни к чему». Видя такое расточительство, советские специалисты взялись восстанавливать даже те машины, которые казались абсолютно безнадежными. Это позволило свести к минимуму потери грузовиков»⁷⁶.

Большие трудности были связаны с обеспечением всех объектов рабочей силой. Помимо британского, американского и советского персонала, приходилось привлекать значительное количество местных жителей. Например, они занимались разгрузкой судов. При нищенской зарплате типичный обед грузчика состоял из лаваша, нескольких фиников и речной воды.

«При таких „харчах“, — отмечал Л. И. Зорин, — разгрузка пароходов шла очень медленно и вяло. Нередко полуголодные и исхудавшие грузчики, забираясь в укромные закоулки, на короткое время засыпали смертельным сном»⁷⁷.

Для облегчения и ускорения поставок транспортных средств в СССР, возводились авиа- и автосборочные предприятия: в Абадане, Андимешке, Хорремшахре и др. Работа на этих заводах, расположенных на юге Ирана или в Ираке, требовала максимальной отдачи от местных рабочих, от американских и английских инженеров, от советских лётчиков и сотрудников приёмных комиссий. Трудиться приходилось с 3–4 часов до 11 часов утра. Позднее металл раскалялся настолько, что можно было получить ожоги.

Собранные самолёты с советскими экипажами из специальных перегоночных полков перелетали на советскую территорию. Автомашин (в основном этим это были «студебекеры») своим ходом шли к советской границе. Для их перегонки советских автомобильных частей и гражданских шофёров явно не хватало. Ведь каждый водитель мог не чаще одного раза в месяц совершить двухтысячекилометровый рейс из портов Персидского залива до границ СССР. Пришлось в спешном порядке готовить местные кадры.

Перегонка автомобилей (как правило, с полным кузовом грузов) осуществлялась в очень сложных климатических и природных условиях. Узкие горные дороги со слепыми поворотами, раскалённые пустыни с пыльными бурями, жара и непогода, — всё это приходилось преодолевать советским и местным водителям. Не мудрено, что на этом опасном и долгом маршруте осталось немало их могил.

Транспорты надо было охранять не только от бандитов и воров, но и от мятежных племён, которые не подчинялись центральному правительству, да к тому же могли быть подкуплены немецкими агентами.

Минусом Трансиранского маршрута была затрата очень большого времени для его преодоления. Суда с Восточного побережья США вокруг Африки шли до портов Персидского залива около 75 дней. Это срок удалось сократить только после того, как в 1943 году из войны вышла Италия и появилась возможность идти не вокруг Африки, а через Средиземное море.

Для переброски самолётов был налажен трансафриканский маршрут. Американцы вслед за англичанами стали летать из США с промежуточной посадкой на британских базах в Вест-Ин-

дии или на аэродромах северо-востока Бразилии (Белем, Натал). Затем путь шёл через Атлантику до британских (с конца 1942 года и французских) владений в Западной Африке, отсюда в Хартум и далее в Каир и по всему Ближнему Востоку. Позднее маршрут был продлен в Индию и на Дальний Восток. После открытия авиабазы на острове Вознесения (июль 1942 года) летать через Атлантику могли не только 4-моторные, но и 2-моторные самолёты. Истребители везли в разобранном виде на судах и собирали на заводе в Такоради (Золотой Берег/Гана), откуда они шли над Африкой своим ходом.

Американцы развернули на этом маршруте всю необходимую инфраструктуру: наладили навигацию, радиосвязь и метеослужбу, построили взлетно-посадочные полосы с твёрдым покрытием, ангары, ремонтные и сборочные заводы и др. Это был самый быстрый путь поставок вооружений по воздуху из США в Азию, Европу и Африку. Тем более, что зимой летать через Северную Атлантику было практически невозможно, и путь через Бразилию и Западную Африку приобретал особое значение.

Одно из продолжений трансафриканского маршрута пошло через Персидский залив и Иран в Советский Союз⁷⁸.

Несмотря на все усилия союзников, пропускная способность «персидского коридора» поначалу росла не теми темпами, как хотелось бы. В августе 1941 года она составляла всего 10 тысяч тонн грузов в месяц. В сентябре 1942 года объём поставок вырос до 40 тысяч тонн грузов, в январе 1943 года — до 51 тысячи тонн. Резкий рост перевозок будет отмечен уже в 1943 году⁷⁹.

Пройдя через территорию Ирана, грузы далее поступали в советское Закавказье или — в меньшей степени — в Среднюю Азию. Значительная часть доставлялась на советскую территорию морским путем по Каспийскому морю. Советскому военному и морскому флоту надо было обеспечить воинские, пассажирские, народнохозяйственные перевозки. Первые месяцы войны это еще как-то удавалось, но поток перевозимых войск, беженцев, эвакуируемых материальных ценностей всё нарастал. Уже к сентябрю 1941 года пришлось задействовать все наличные плавсредства. Доки и судоремонтные заводы перешли на круглосуточную работу, чтобы обеспечить функционирование флота и вернуть в строй списанные суда. Но когда в октябре через Иран пошёл поток грузов по ленд-лизу, ситуация осложнилась до предела.

Пришлось изыскивать новые способы увеличения грузоперевозок. Например, для ускорения перегрузки танков с железнодорожных платформ на суда стали выкладывать специальные настилы из шпал и рельсов, по которым танки своим ходом перемещались с платформы на палубу. Так получалось быстрее, чем при использовании плавучего крана. Чтобы танки можно было грузить не только на палубу, но и в трюмы, расширили люки. Чтобы не терять лишнего места — вырезали отверстия в цепных ящиках, и танки вставляли вплотную к переборкам.

Потребовалась реконструкция и расширение советских портов под ленд-лизовские грузы. Так было, в частности, в Баку, Астрахани, Гурьеве.

Зимой 1941–1942 годов на севере Каспия впервые пришлось проводить навигацию в ледовых условиях. Ждать благоприятной погоды было некогда.

Весной–летом 1942 года пришлось отвлекать тоннаж на неожиданно возникшую потребность перебросить через Каспий польскую армию генерала В. Андерса из Советского Союза в Иран. Эта армия в соответствии с советско-польским соглашением формировалась на территории СССР и должна была вступить в боевые действия на советско-германском фронте. Но поляки под всяческими предлогами уклонялись от этого своего обязательства, добившись при активной поддержке англичан согласия Москвы на свой уход. В итоге через Красноводск в Иран было эвакуировано около 70 тысяч польских военнослужащих и примерно 38 тысяч членов их семей.

Но все эти трудности показались мелочью, когда дельта Волги и северная часть Каспия стали подвергаться налётам вражеской авиации.

В ночь на 20 июня 1942 года над устьем Волги появился первый немецкий бомбардировщик. Начались бомбардировки и минирование акваторий. Особенно ожесточённым атакам подвергался астраханский рейд, где происходила перегрузка с морских судов на речные (в августе–ноябре — более 200 налётов). С 8 августа Каспийская военная флотилия была объявлена действующей. Для прикрытия перевозок ей пришлось сосредоточить в северной части моря практически весь свой корабельный состав. Тем не менее советская сторона несла потери. За навигацию 1942 года 46 судов каспийского торгового флота были атакованы самолётами противника, 14 из них погибли⁸⁰.

В 1941–1942 годах «персидский коридор», объединив морские, воздушные и сухопутные пути ленд-лизовских поставок в СССР, сыграл важную роль в налаживании военно-экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции. Он стал одним из важнейших маршрутов поставок по ленд-лизу из США и Великобритании в Советский Союз. Если в 1941 году его доля составила всего 3,7%, то в 1942 году поднялась до 28,8%, а в 1943 году до 33,5%. Всего за годы войны этим путем было перевезено 23,8% грузов. Масштабнее были только поставки через Тихий океан (47,1%)⁸¹.

...Немецкий адмирал на Каспийском море ни в 1942 году, ни позднее так и не появился. Зато в 1945 году появился советский комендант Берлина. Это стало результатом боевого союза государств антигитлеровской коалиции. Ярким проявлением их сотрудничества было создание и функционирование «персидского коридора» для ленд-лизовских поставок в страну, армия которой взяла Берлин.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., Политиздат, 1976. С. 84 (далее: Переписка...).

² Гланц Д., Хадс Д. Битва титанов. Как Красная Армия остановила Гитлера. М., Издательство Астрель; АСТ; 2007. С. 138.

³ Bellamy C. Absolute War. Soviet Russia in the Second World War: a modern history. Pan Books, 2007. P. 503–504.

⁴ Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943/пер. с нем. М., Эксмо, 2005. <http://needlib.com/bibl/index.php?page=4&id=59926>

⁵ См.: Стрелянов П. Н. (Колобухов). Казаки в Персии. 1909–1918. М., ЗАО Центрполиграф, 2007; Шишов А. В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М., Вече, 2010.

⁶ См.: Мамедова М. Н., Дунаева Е. В., Оришев А. Б. Советский Союз и Иран (1933–1945). В кн.: СССР и страны Востока накануне и в годы второй мировой войны/отв. редактор В. В. Наумкин. М., Институт востоковедения РАН, 2010. С. 277–278 (далее: СССР и страны Востока...); Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 250–256.

⁷ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. От Сталинграда до Берлина. М., АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 27–28.

- ⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941–1945 годы. М., Международные отношения, 2003. С. 326.
- ⁹ См.: Оришев А. Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М.; 2009; Его же. В августе 1941-го. М., 2011.
- ¹⁰ СССР и страны Востока... С. 278–280.
- ¹¹ Oxford Companion to the Second World War. by Oxford University Press, 2005. P. 682.
- ¹² См., например: СССР и страны Востока...; Оришев А. Б. Иранский узел; Его же. В августе 1941-го.
- ¹³ См.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 42–49, 235–241. Gilbert M. A History of the Twentieth Century. Volume Two: 1933–1951. N.Y., 1998. P. 376.
- ¹⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 327.
- ¹⁵ Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005. С. 208, 215, 220.
- ¹⁶ Оришев А. Б. В августе 1941-го. С. 72.
- ¹⁷ Рашид Али бежал в Иран вместе с германским и итальянским посланниками и иерусалимским муфтием. Потом он перебрался в Германию, где стал ведущим арабским коллаборационистом и пропагандистом нацизма.
- ¹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3: Великий союз. М., 2010. С. 163–167; де Голль, Ш. Военные мемуары. Призыв 1940–1942 годы. М., 1957. С. 195–236.
- ¹⁹ В 1941 году бригада держала оборону в ливийском Тобруке. Впоследствии вместе с ушедшей в 1942 году из СССР польской армией генерала В. Андерса она была переформирована и вошла в состав 2-го польского корпуса, воевавшего в Италии.
- ²⁰ Вторая мировая война. Нападения Японии: Иллюстрированная история/пер. с англ. М., 2007. С. 114.
- ²¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 182.
- ²² СССР и страны Востока... С. 283
- ²³ Черчилль У. Указ. соч. С. 244.
- ²⁴ Переписка... С. 40.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. Том 24. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., Международные отношения, 2000. С. 10, 14.
- ²⁶ Там же. С. 48, 63.
- ²⁷ Там же. С. 61
- ²⁸ Там же. С. 122–123, 132 и др.
- ²⁹ Там же. С. 86–87, 116, 227.
- ³⁰ Там же. С. 576.
- ³¹ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 99–100.
- ³² Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы второй мировой войны. Киров; 2011. С. 68–84.
- ³³ Там же. С. 128, 227.
- ³⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 246.
- ³⁵ Hastings Max. *Finest Years. Churchill as Warlord 1940–1945*. L., Harpers Press, 2010. P. 162. О правовой оценке советско-британской акции см.: Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Указ. соч. С. 68–84.
- ³⁶ Оришев А. Б. В августе 41-го. С. 115.
- ³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., Политиздат, 1959. С. 538–539.
- ³⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942... С. 256–260.
- ³⁹ О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы//Отечественная история. 2004. № 4; Его же. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе–сентябре 1941 г <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Любин Д. М. Ввод Красной Армии в Иран летом–осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Дисс... канд. ист. наук. Саратов. 2005; Мониин С. М. «Дело с Ираном действительно вышло неплохо...» // Международная жизнь. 2011, № 8; Оришев А. Б. В августе 1941-го; Ходеев Ф. П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году//Военно-исторический журнал. 2011. № 9.
- ⁴⁰ Переписка..., С. 27, 29.
- ⁴¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 314.
- ⁴² Там же. С. 202–205.
- ⁴³ Нефть для самой метрополии везти вокруг мыса Доброй Надежды было слишком далеко, и поэтому туда она поступала из Америки. Hastings Max. *Op. cit.* P. 117.

- ⁴⁴ Исаев А. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., Яуза; Эксмо, 2012. С. 144.
- ⁴⁵ В декабре 2009 года президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад дал своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны. Планировалось потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа». «Газета», 2009, 22 декабря.
- ⁴⁶ Черчилль У. Указ.соч. С. 205.
- ⁴⁷ Переписка..., С. 40.
- ⁴⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 362–363.
- ⁴⁹ Переписка... С. 19, 29, 32.
- ⁵⁰ Переписка... С. 34, 36.
- ⁵¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 375–376.
- ⁵² Переписка... С. 44.
- ⁵³ Голуб Ю.Г. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация северного Ирана в августе–сентябре 1941 года.<http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Его же. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы// Отечественная история. 2004, № 3, С. 25; Гасанлы Дж. П. СССР — Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., Герои Отечества, 2006. С. 9–10; Любин Д. М. Указ. соч.
- ⁵⁴ См.: Гасанлы Дж. П. СССР — Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., Герои Отечества, 2006; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история, 1994. № 3.
- ⁵⁵ Оришев А. Б. В августе 1941-го. С. 76.
- ⁵⁶ Черчилль У. Указ. соч. С. 246–247.
- ⁵⁷ См.: Мощанский И. Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля — 31 декабря 1942 года. М., Вече, 2010; Тике В. Указ. соч.
- ⁵⁸ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. М., Воениздат, 1975. С. 219.
- ⁵⁹ Тике В. Указ. соч. С. 172–174.
- ⁶⁰ Лиддел Гарт Б. История второй мировой войны/пер. с англ. М., Астрель, 2012. С. 358–359.
- ⁶¹ Тике В. Указ. соч.
- ⁶² История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5.
- ⁶³ Широкоград А. Б. Италия. Враг поневоле. М., Вече, 2010. С. 240–253.
- ⁶⁴ Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., АСТ: АСТ Москва, Хранитель, 2007. С. 285–286.
- ⁶⁵ Переписка... С. 84, 86.
- ⁶⁶ Широкоград А. Б. Италия. С. 250–253.
- ⁶⁷ Переписка... С. 27, 31, 33–34.
- ⁶⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны/пер. с англ. М., ТЕРРА, 1995. С. 183.
- ⁶⁹ Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. М., Андреевский флаг, 1997. С. 119.
- ⁷⁰ Coakley R. W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR. http://www.army.mil/cmh-pg/books/70-7_09.htm.
- ⁷¹ Переписка... С. 69.
- ⁷² Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., Наука, 2004. С. 353.
- ⁷³ Coakley R. W. Op. cit.
- ⁷⁴ Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Указ. соч. С. 136–142.
- ⁷⁵ Зорин Л. И. Особое задание. М., Политиздат, 1987. С. 50–51.
- ⁷⁶ Там же. С. 62–63.
- ⁷⁷ Там же. С. 56.
- ⁷⁸ Френкель М. Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1993, № 5. С. 42–50.
- ⁷⁹ Coakley R. W. Op. cit.
- ⁸⁰ Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. С. 287–323.
- ⁸¹ СССР и страны Востока... С. 285.

Из цеха — в бой: о роли СТЗ в Сталинградской операции

А. В. Исаев*

Когда в июне 1930 г. с конвейера Сталинградского тракторного завода (СТЗ) сошел первый трактор СТЗ-1, вряд ли кто-то мог подумать, что через 12 лет на территории только что построенного завода будут рваться снаряды и грохотать автоматные очереди. Завод с самого начала был ориентирован на мирную продукцию, но уже в середине 1930-х годов была предпринята попытка организовать на нем военное производство. Однако попытки наладить выпуск легких танков Т-26 особого успеха не имели, их выпуск был крайне ограничен. Завод выпускал тракторы, часть из которых (СТЗ-5) направлялась в Красную Армию. Но ухудшение политической обстановки в Европе во второй половине 1930-х гг. заставляло советское правительство привлекать к производству продукции военного назначения все больше предприятий. В этих условиях СТЗ не мог остаться в стороне. В постановлении Комитета обороны СССР № 443сс от 19 декабря 1939 г., в котором речь шла о принятии на вооружение танка Т-34 говорилось:

«По заводу СТЗ: а) организовать на СТЗ в течение 1940 года производство танков на мощность — 2000 танков в год...».

В 1940 г. на СТЗ предполагалось выпустить 20 танков Т-34, а в 1941 г. — уже 1000 машин. Развертывание производства «тридцатьчетверок» на Сталинградском заводе шло трудно. Поначалу СТЗ занимался сборкой танков из частей, полученных из Харькова. До конца 1940 года на заводе сумели собрать 23 танка

Т-34, из которых военная приемка приняла только шесть машин. К маю выпуск составил уже около 200. Осенью 1941 г., когда завод № 183 эвакуировался из Харькова на Урал, СТЗ на какое-то время остался единственным в СССР производителем танков Т-34. Ввиду постоянного упрощения технологии производства танки Т-34 выпуска СТЗ приобрели индивидуальные черты, позволяющие легко их идентифицировать на фотоснимках времен войны. Это скошенная бронировка орудия, соединение «в шип» лобового и бортовых листов и некоторые другие детали конструкции.

Однако действительно серьезным испытанием для СТЗ стало лето 1942 г. Неблагоприятное для Красной Армии развитие событий в южном секторе советско-германского фронта привело к тому, что немецкие войска вышли в большую излучину Дона. Обескровленный отступлением Юго-Западный фронт стал Сталинградским фронтом. Под Сталинград из Москвы прибыли А. М. Василевский и Г. М. Маленков.

В партии Г. М. Маленков занимался кадрами, которые, как известно, решали все. Фактически он был доверенным лицом Сталина. Г. М. Маленков немедленно затребовал из Москвы шифровкой начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии Я. Н. Федоренко. Прибыв на только что созданный Сталинградский фронт Я. Н. Федоренко развил кипучую деятельность по подготовке танковых войск к предстоящему сражению. Уже 17 июля он направляет на утверждение

---

* **Алексей Валерьевич Исаев** — научный сотрудник Института военной истории (ИВИ) МО РФ. Автор 20 книг по истории Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук.

Сталину план переформирования танковых бригад. Федоренко пишет Верховному, что из состава Юго-Западного фронта вышли в расположение Сталинградского фронта двадцать одна танковая бригада, из которых на фронте решено оставить три, а оставшиеся восемнадцать отправляются на переформирование. Из восемнадцати бригад двенадцать (3, 10, 12, 58, 84, 85, 88, 90, 91, 114, 159, 167) отправлялись в Саратов, а шесть (6 гв., 6, 13, 65, 156, 168) — в Сталинград. Тем самым было начато создание резервов, которым предстояло сказать свое веское слово в оборонительной фазе Сталинградской битвы. Переформируемые в Сталинграде бригады пошли в бой в августе, а первые из переформируемых в Саратове — в сентябре. В связи с резким ослаблением танковых войск фронта с Северного Кавказа перебрасывалась под Сталинград 40-я танковая бригада. А из Сталинграда на Северный Кавказ Я. Н. Федоренко отправлять танки запретил. Весь выпуск СТЗ шел прямо в войска, в восстанавливаемые бригады. По решению Федоренко в Сталинграде был оставлен учебный автобронетанковый центр. Все эти события проходили под аккомпанемент ожесточенного танкового сражения в большой излучине Дона в конце июля 1942 г.

Столкнувшись с упорным сопротивлением в большой излучине Дона, немецкое командование развернуло на Сталинград 4-ю танковую армию Г. Гота, первоначально наступавшую в южном направлении, на Кавказ. Этот поворот стал для советских войск неожиданностью, и немцам удалось с ходу преодолеть сталинградский оборонительный обвод в районе Котельниково. После 150-километрового марша танки Г. Гота вышли к станции Абганерово. Однако в конце броски по степи немецких танкистов ждали четыре десятка «тридцатьчетверок» 6-й гвардейской танковой бригады. Здесь же были собраны курсантские полки, части прибывавших в состав фронта дивизий резерва Ставки и другие подразделения. Но опорой для советских войск под Абганерово были именно «тридцатьчетверки» сталинградского завода.

Восстановление танковых частей по вышеупомянутому решению Я. Н. Федоренко происходило быстрыми темпами. После тяжелых июльских боев на Дону 6-я гв. танковая бригада была отведена в Сталинград. Технику она получала прямо с завода, а людей — со сталинградского автобронетанкового центра. К 1 августа бригада была доведена до штатного

состава. В отличие от многих других бригад на советско-германском фронте, она имела однородный состав, 44 танка Т-34, никаких легких танков. Следует отметить, что это стало возможным только благодаря напряженной работе СТЗ в тылу Сталинградского фронта. В тот период бригады однородного состава были в Красной Армии большой редкостью. Даже в период боев на Курской дуге значительную часть танкового парка соединений советских танковых войск составляли легкие танки, созданные на базе автомобильных агрегатов. Сомнительное приобретение в лице танков Т-70 6-я гвардейская танковая получила позднее, в качестве пополнения. В ночь на 3 августа 6-я гв. танковая бригада была погружена в эшелоны и отправлена в район Котельниково — Дубовское. Однако, до Котельниково 6-я гв. танковая бригада не добралась. Не доезжая даже до Абганерово, бригада была выгружена на станции Тингута и своим ходом вышла в район станции Абганерово. Здесь она вступила в бой с танками Г. Гота. Вскоре бригада вошла в состав 13-го танкового корпуса 64-й армии М. С. Шумилова.

Отсутствие опоры на Сталинградский обвод не помешало войскам 64-й армии остановить противника. На новом направлении удара наступающим немцам пришлось столкнуться с куда более гибким, чем укрепленный обвод средством борьбы — танками. 6-я гв. танковая бригада не осталась одним воином в поле. В то время как 5 августа шел бой за станцию Абганерово, к станции Тингута вышла своим ходом 13-я танковая бригада. Действовавшая в составе Юго-Западного фронта с 1941 г. танковая бригада с середины июля 1942 г. находилась на укомплектовании в районе Сталинграда. Выходившие из цехов танки сразу же попадали в выстроившиеся в очередь на получение техники части и соединения. 1, 2 и 3 августа бригада получила по 12 танков, которые в те же дни прошли обкатку. Всего 13-я танковая бригада получила 44 Т-34 (шесть рот по семь танков плюс два танка командования) и к 4 августа 1942 г. была готова вновь вступить в бой. Мотострелковый батальон бригады был также укомплектован по штату. В 3.00 ночи 5 августа она выступила в район станции Тингута. В середине дня 5 августа бригада сосредоточилась к югу-востоку от станции. В полдень 6 августа наступающие немецкие части заняли разъезд «74 км» и 13-я танковая бригада сразу

же получила приказ атаковать разъезд и отбить его. Встреченная огнем и контратаками, бригада остановилась. Число танков в бригаде за день боя сократилось вдвое: к 7 августа она насчитывала боеготовыми уже только 22 танка. В течение 7 и 8 августа бригада совместно с 38-й стрелковой дивизией (из 57-й армии) подвижной обороной сдерживала продвижение противника к станции Тингута, на север от разъезда «74 км». Попытку ударить от разъезда «74 км» на юг отразили своевременно выдвинувшиеся на новое направление танки 6-й гв. танковой бригады. Встретив ожесточенное сопротивление на подступах к станции Абганерово и испытывая нехватку горючего, 48-й танковый корпус армии Гота перешел к обороне. Быстрого прорыва к Сталинграду с юга не получилось.

Постоянно поддерживать целостность фронта за счет ввода в бой танковых бригад было невозможно без Сталинградского тракторного завода. На июль 1942 г. пришелся пик производства танков Т-34 на СТЗ — завод сдал Красной Армии 421 «тридцатьчетверку». Однако не следует думать, что наращивание выпуска прошло безболезненно. Танки военного выпуска, безусловно, теряли в качестве изготовления. Это снижало их маршевые возможности и общую надежность. Одним из участников боев у Абганерово стала 254-я танковая бригада. Из трех сражавшихся у Абганерово бригад она была единственной свежесформированной. Бригада была сформирована в июле 1942 г. и первоначально должна была войти в состав 23-го танкового корпуса 1-й танковой армии, но в итоге была перенацелена в 64-ю армию. Совершив трехсоткилометровый марш, 254-я танковая бригада растеряла в дороге танки из-за технических неисправностей. В бой бригада вступила с 14 танками.

Имели место и более серьезные проблемы. Первоначально в состав 13-го танкового корпуса вместо 254-й танковой бригады планировалось включить 6-ю танковую бригаду, обычную, не гвардейскую. Однако она не попала под Абганерово вследствие инцидента, породившего разбирательство на достаточно высоком уровне. Точно так же, как ее собратья, 6-я танковая бригада получила танки прямо из сборочного цеха. 4–6 августа ей были переданы 44 только что выпущенных танка Т-34 на Сталинградском танковом заводе. Однако в ходе марша в назначенный район «тридцатьчетверки» начали массово выходить из строя. Двигатели выбрасыва-

ли масло из суфлера и выхлопных патрубков, удваивая и утраивая без того высокий расход масла. Одной заправки масла хватало всего на 30–35 км пути. Одновременно наблюдалось срезание шпонок масляного насоса. Бригада оказалась небоеспособной. Из 44 танков на ходу остались только 11 машин. Позднее, когда бригада была передана в 57-ю армию, попытки использования «ходовых» танков приводили к их выходу из строя. В ходе последовавшего разбирательства была установлена вина завода, и танки были возвращены на СТЗ для ремонта двигателей. Качество изготовления танков на оказавшемся прифронтовом заводе заметно снизилось. Вместе с тем, нельзя не признать, что описанный случай массового выхода танков из строя был едва ли не единственным. Наращивая выпуск, заводчане все же сумели удерживать качество выпускаемой техники на приемлемом уровне.

Низкое качество изготовления танков усугублялось спецификой природных условий региона. Исследовавшая танки 6-й бригады комиссия отмечала повышенный износ поршневых колец из-за низкой эффективности воздушного фильтра. Уже через 2–3 часа работы бункеры воздухоочистителей полностью заполнялись пылью. Это была общая проблема для танков с В-2. Воздушные фильтры на танках KB забивались через 3–4 часа работы. В пыльной степи под Сталинградом это было неудивительно. От тех же проблем страдала техника противника. В истории 14-й танковой дивизии отмечается: «36-й танковый полк должен был платить дань неприятелю, а еще более разрушавшей поршни пыли».

Самым драматичным моментом сражения за Сталинград стал прорыв немецкого 14-го корпуса на северные подступы к городу 23 августа 1942 г. Большую роль в сдерживании противника в тот момент сыграли прибывшие с фронта под Воронежем 2-й и 4-й танковые корпуса. Однако из цехов СТЗ продолжали выходить танки, и 2-му танковому корпусу была подчинена 99-я танковая бригада, имевшая 50 Т-34. История появления этой полусотни машин весьма драматична. Когда немцы прорвались к городу, находившийся на заводе В. Малышев и директор СТЗ К. Задорожный поручили главному инженеру завода Демьяновичу подготовить из имеющихся в цехах все танки, которые могли передвигаться и вести огонь. Их укомплектовали экипажами, ском-

плектованными главным образом из заводских рабочих. Когда зарубежные исследователи, в частности П. Карелл, говорят о неокрашенных «тридцатьчетверках» прямо с завода, речь скорее всего идет о 99-й бригаде. Были созданы рабочие отряды, для вооружения которых использовали 1500 танковых пулеметов ДТ с заводских складов.

Не менее сложной была обстановка на южных подступах к городу. За счет ввода в бой танков натиск 4-й танковой армии Г. Гота на Сталинград удалось замедлить. Однако сохранить целостность обороны все же не удалось. На плечах отступающих войск немцам удалось прорваться через внутренний обвод сталинградских укреплений. Навстречу немецкому наступлению 31 августа были вновь брошены танки. Это была 56-я танковая бригада. Здесь имеет смысл остановиться на ее происхождении. В крупном оборонительном сражении всегда находятся части и соединения, которые нарезают замысловатые круги по тылам сражающихся войск. Их перебрасывают с одного участка на другой, и они теряют танки не от огня противника, а от бесконечных форсированных маршей. Кризисы возникают то там, то здесь и, не доехав до одного района сосредоточения, приходится отправляться в другой. В сражении на ближних подступах к Сталинграду эта роль досталась 56-й танковой бригаде.

Будучи первоначально включена в состав 28-го танкового корпуса, затем 23-го танкового корпуса, бригада приняла активное участие в танковом сражении в большой излучине Дона. После июльских боев переформировывалась в Орловке, к северу от Сталинграда с 19 августа 1942 г. Как и многие другие танковые бригады, танки она получала прямо с СТЗ. Правда, в отличие от 6-й гвардейской, 6-й и 13-й танковой бригад в 56-й бригаде «тридцатьчетверки» были разбавлены легкими танками Т-70. 21 августа бригада была направлена на южные подступы к Сталинграду и передана в состав 57-й армии. Соприкосновения с противником в этот период не произошло.

После прорыва немцев с плацдарма у Вертячего 23 августа бригада перебрасывается на север. Вследствие маршей с севера на юг и обратно танки начали «сыпаться». На 20:00 25 августа бригада имела:

- 32 танка Т-34, из них на ходу 14;
- 9 танков Т-70, на ходу 7;
- 1 танк М-3 средний, на ходу¹.

Боевые потери были только от ударов с воздуха. На марше 24 августа были сожжены немецкими самолетами два танка Т-34 и один Т-34 был подбит.

Бригада переходит в подчинение 2-го танкового корпуса. По приказу командира корпуса командиры частей начинают рекогносцировать маршруты для контрудара во фланг 14-у танковому корпусу противника, от Сталинграда на север. Один день бригада участвует в бою в составе танковой группы Штевнева на северных подступах к Сталинграду. Однако 26 августа по приказу командующего фронтом А. И. Еременко бригада разворачивается на 180 градусов и вновь отправляется в 57-ю армию на южные подступы к Сталинграду. Вновь командиры готовят позиции, на этот раз для обороны и контратак. Но 30 августа следует приказ о переходе 56-й танковой бригады в подчинение штаба 64-й армии. Поздним вечером того же дня бригада сосредотачивается на рубеже реки Червленной и вновь готовит оборону. Только в 10.00 утра 31 августа бригада впервые вступает в бой и встречает огнем из засад рвущиеся к Сталинграду части 48-го танкового корпуса.

С прорывом немецких войск к стенам СТЗ производство Т-34 на нем не было остановлено. После стабилизации обстановки оно возобновилось. По докладу о работе СТЗ в 1942 г., подписанному директором завода Задорожным, «с 23 августа по 1 сентября 1942 года было передано Красной Армии: танков 119, изготовлено арттягачей — 24, выпущено дизель-моторов — 55, отремонтировано танков — 14. В сентябре совместно с ПРБ было выпущено новых танков — 16, отремонтировано — 91 и 40 моторов».

Окончательно работы на Сталинградском тракторном заводе были прекращены приказом наркомтанкопрома от 5 октября 1942 г., а 8 октября 1942 года цеха СТЗ оставили последние рабочие. Деятельность предприятия была свернута. В последующем в донесении немецкого LI корпуса указывалось, что на территории СТЗ было захвачено 100 корпусов танков, 35 танковых башен и другое оборудование. Т.е. задел у завода оставался, но выпуск танков под огнем артиллерии противника был уже невозможен.

Однако рабочие Сталинградского завода продолжали сражаться в осажденном городе. Их наиболее эффективным оружием оставались танки. Характер боев в самом Сталинграде не благоприятствовал использованию

Таблица. Состояние матчасти отдельного танкового батальона Сталинградского танкового завода на 2 октября 1942 года²

		КВ	Т-34	Т-70	Т-60
124 сбр	По списку	5	8	—	—
	На ходу	3	8	—	—
149 сбр	По списку	1	10	7	? ³
	На ходу	1	2	6	10
	Треб. Зав. Рем.	—	7	1	10
	На ремонте	—	1		

бронетехники. Однако танки так или иначе использовались в уличных боях. Помимо стрелковых соединений, в 62-й армии еще оставались 6-я гвардейская и 84-я танковая бригады. Помимо этого, заводы защищала такая необычная часть, как отдельный танковый батальон Сталинградского танкового завода. Он состоял из танков разных типов, свезенных на СТЗ и использовавшихся преимущественно как неподвижные огневые точки. Батальон был разбит на три роты, занимавшие позиции в системе обороны 124-й и 149-й стрелковых бригад на подступах к заводским корпусам СТЗ. Состояние батальона по одному из донесений показано в таблице.

На 11 октября в составе батальона было 23 танка: 6 КВ, 8 Т-34, 3 Т-70, 6 Т-60. Из этого числа в строю (на ходу) было шесть машин, еще две — в ремонте⁴.

Сражение за заводские корпуса СТЗ стало одним из этапов боев в Сталинграде. Утром 14 октября после интенсивной артиллерийской и авиационной подготовки немецкая ударная группировка перешла в наступление в направлении СТЗ. В дневном донесении 6-й армии говорилось: «Армия, при мощной поддержке артиллерии и авиации, 14 октября пошла в атаку своим южным крылом на северную часть Сталинграда. В ходе боя со сверхжесточенно обороняющимся на баррикадах и в руинах домов противником, уже к обеду был взят юго-западный сектор большого тракторного завода».

Под главный удар немцев попали части 37-й гвардейской, 95-й, 112-й стрелковых дивизий. К исходу дня бой шел уже в цехах СТЗ. Кроме того, в районе СТЗ противник вышел к Волге. Это позволяло развивать наступление вдоль реки в тыл обороняющимся между Мамаевым курганом и заводами войскам 62-й армии.

Под ураганным огнем противника советская пехота отходила. В этих условиях танки заводского батальона стали последней опорой обороны 62-й армии на этом направлении. Уже 14 октября 3-я рота батальона была полностью уничтожена. К полудню 15 октября в районе клуба «Ударник» потеряла от огня противника все свои танки 2-я рота. Последний бой танкового батальона СТЗ состоялся 16 октября 1942 г. На тот момент в его составе оставалось два танка КВ. Пехота отошла, и два танка остались в одиночестве. Израсходовав боеприпасы, экипажи подорвали свои боевые машины и ночью вышли из окружения. Последнее донесение батальона гласит «14, 15 и 16 октября от батальона осталось 18 человек экипажей и штаб»⁵. СТЗ остался в истории войны одним из немногих заводов (и, пожалуй, самым крупным), который не был эвакуирован и производил боевую технику даже тогда, когда враг вплотную подошел к его стенам. Ритмичные поставки танков Т-34 в оборонявшие Сталинград танковые бригады сыграли огромную роль в оборонительной фазе сражения за город на Волге. В немалой степени благодаря этим боевым машинам путь от излучины Дона до улиц Сталинграда занял у немцев почти два месяца.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 8. Л. 47

² ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 15. Л. 2.

³ Неразборчиво.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 15. Л. 6.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 15. Л. 11.

Зарубежные историки о Сталинградской битве

Е. Н. Кульков*

Большое внимание уделяют зарубежные историки одному из знаковых событий Второй мировой войны — Сталинградской битве. Практически во всех их книгах, посвященных войне 1939–1945 гг. или военным событиям на советско-германском фронте, содержатся сведения о ее ходе и результатах. В некоторых книгах она является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» (Нью Йорк, 1968, на англ. яз.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999, на англ. яз.), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.), американских историков — У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью Йорк, 1972, на англ. яз.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977, на нем. яз.), немецких историков из ФРГ — М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974, на нем. яз.) Я. Пикалькевича «Сталинград: анатомия одной битвы» (Мюнхен, 1977, на нем. яз.) и др. Большое место анализу Сталинградской битвы отведено в 6-м томе коллективного труда немецких историков «Германский рейх и Вторая мировая война» (Штутгарт, 1990, на нем. яз.). История Сталинградской битвы и её воздействие на различные стороны жизни воюющих и нейтральных стран рассмотрена группой немецких историков, а также рядом историков России, США, Великобритании и других стран в сборнике статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.).

Отношение зарубежных авторов к Сталинградской битве не одинаково и не однозначно. Большинство из них основное внимание уделяет действиям немецкой стороны, пытаясь выяснить, прежде всего, вопрос, почему она потерпела катастрофу на Волге. Другие же историки, больше внимания уделяют советской стороне, стремятся отразить в своих работах героизм и мастерство вооруженных сил СССР, проявленный как в обороне, так и в наступлении. Но такие историки, к сожалению, находятся в меньшинстве.

В книге английского историка Д. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» отмечена «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании сделан вывод о том, что «именно превосходство полководческого мастерства (советского командования. — Е. К.), а не соотношение сил определило исход битвы»¹.

Английский историк Б. Питт, автор одной из книг о Второй мировой войне, считает, что «под Сталинградом решающей зимой 1942–1943 гг. полководцы Красной Армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленная таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград

---

* Евгений Николаевич Кульков — к.и.н., старший научный сотрудник института Всеобщей истории РАН.

стал символом великой победы, завоёванной разумной ценой»². Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград — величайшая битва всех времён» писал: «Прежде всего, следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной Армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбёжки и обстрелы, а в случае надобности, принимали участие в боевых действиях... Советская победа — это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда — «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной Армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»³.

Высокая оценка действий защитников Сталинграда приведена в книге германского историка М. Фройнда «Германская история»: «Сталинград показал, прежде всего, силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»⁴.

Германский военный историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград. Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения, как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, — пишет он, — превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской — в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»⁵.

Наряду с этими объективными оценками героизма и военного мастерства Красной Армии в зарубежной литературе одновременно пропагандировалась и пропагандируется до сих пор выдвинутая по окончании войны гитлеровскими генералами версия, согласно которой победа

Красной Армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны (когда уже не было Гитлера), — отмечает английский историк Дж. Робертс, — любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. Они утверждали, что он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, благодаря которым и была окружена 6-я армия Паулюса»⁶.

Действительно, в мемуарах бывших генералов вермахта описание Сталинградской битвы порой выглядит как обвинительный приговор Гитлеру. Бывший генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что якобы Гитлер сам признал: «За Сталинград я один несу ответственность»⁷. Манштейну вторит американский историк Э. Зимке. Он утверждает, что «поражение немецких войск под Сталинградом явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»⁸. А германский историк О. Цирер утверждает, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»⁹.

Решающий просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и многие другие усматривают в том, что Гитлер вместо того, чтобы двинуть на Сталинград все силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта, 23 июля 1941 г. в директиве № 45 приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», уже захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом они видят нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т. д.¹⁰.

Английский историк Дж. Робертс также считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой», что если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы на одном сталинградском направлении, то они смогли бы захватить город»¹¹. Но вместе с тем он в своей книге показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фрон-

та недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач¹².

В подготовленном начальником Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдером и утвержденном Гитлером 5 апреля 1942 г. плане под условным названием «Блау» группе армий «Юг» предписывалось уничтожить советские войска Юго-Западного и Южного фронтов до выхода к Дону, а затем «в ходе наступления западнее Дона захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти Кавказский хребет». Что касается Сталинграда, то брать его штурмом сходу заранее не планировалось. Группа армий «Юг» должна была в ходе наступления выйти в район западнее Сталинграда, «достичь самого Сталинграда или, по крайней мере, поставить этот город под воздействие тяжелой артиллерии с тем, чтобы его нельзя было использовать в качестве центра военного производства и путей сообщения»¹³.

Роковое влияние на ход и исход всего наступления немецких войск на южном крыле советско-германского фронта имел не только и не столько приказ Гитлера от 23 июля 1942 г., а предшествовавшие ему события в ходе операции «Блау». Разделение группы армий «Юг», перешедшей в наступление 28 июня 1942 г., на две группы армий — «А» и «Б» было осуществлено главным командованием сухопутных войск еще 9 июля 1942 г. с целью охвата с севера и юга, окружения и уничтожения войск советских Юго-Западного и Южных фронтов. Но эта цель не была достигнута. Когда передовые части двух групп немецких армий 13 июля соединились в районе Миллерово, то советских войск в окружении не оказалось. К тому времени они вместо того, чтобы стоять, как обычно, насмерть на занимаемых ими старых позициях при явно невыгодном для них соотношении сил, уже отошли далее на восток. Одна их часть заняла позиции в районе Сталинграда, а другая южнее этого города. Поэтому немецкое командование снова разделило свои войска. На сталинградском направлении оно оставило группу армий «Б», а группе армий «А», включив в её состав все имевшиеся подвижные соединения, отдало приказ наступать в южном направлении к Ростову с тем, чтобы окружить и уничтожить часть отошедших советских, которые преградили ей путь к Кавказу. Войска этой группы армий 23 июля овладели Ростовом-на-Дону, но выполнить задачу по уничтожению противостоявших советских войск им

не удалось. Они с боями отошли за Дон. Таким образом, разделение немецкой наступательной группировки на две части и начало их действий на двух расходящихся направлениях — сталинградском и кавказском — было осуществлено еще до подписания Гитлером директивы № 45. Немецкому командованию нужно было выбрать между двумя решениями: или повернуть все силы группы армий «А» с нижнего течения Дона на север с тем, чтобы она совместно с группой армий «Б» повела наступление на Сталинград или все же продолжало наступление главными силами на кавказском направлении. Первый вариант был для него неприемлем. В этом случае вся группировка немецких войск рисковала надолго оказаться скованной под Сталинградом и могла возникнуть ситуация, когда придется вообще отказаться от попытки достичь главной цели всей операции — захвата нефтеносных районов Баку. Поэтому Гитлер по совету начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала А. Йодля 31 июля принял компромиссное решение. Он приказал направить для поддержки наступления 6-й армии на Сталинград только часть войск группы армий «А» — 4-ю танковую армию.

Германский историк Г.-А. Якобсен, хотя и соглашается с тем, что заложенный в директиве № 45 замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», но все же отмечает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневром они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»¹⁴.

Английский историк М. Арнольд-Форстер считает, что еще более роковым решением Гитлера, «изменившим ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это якобы привело к крушению главной стратегической цели Германии в 1942 г., которая заключалась в захвате месторождений кавказской нефти¹⁵. О том, что провал попыток немецкого командования лишить СССР доступа к его главным месторождениям нефти на Кавказе сказался на

«судьбе всей войны», пишет и германский историк Б. Вегнер¹⁶. Но эти историки не пишут о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов. Она заключалась в том, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска проявили непревзойденное мужество и мастерство в ведении как оборонительных, так и наступательных боев и сорвали замыслы агрессора.

Летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оно оказалось не готово и в том районе, где его не ожидало, — под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское командование быстро и правильно оценило нависающее положение города на флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа.

В книгах бывших генералов вермахта и зарубежных историков, как правило, утверждает, что «роковым решением», «смертным приговором» для немецких войск под Сталинградом явился отказ Гитлера от организации прорыва 6-й армии из окружения, его приказ от 24 ноября 1942 г. удерживать любой ценой захваченные ранее позиции под Сталинградом¹⁷. Авторы этой версии обычно не раскрывают того факта, что за удержание захваченных позиций под Сталинградом выступал тогда не только Гитлер, но и другие лица из высшего командного состава вермахта, в том числе главнокомандующий германскими ВВС Г. Геринг, начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель и др. Во-вторых, к тому времени было очевидно, что советское контрнаступление под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., создало угрозу не только окружения и гибели одной 6-й армии, но и угрозу с севера и тыла группе армий «А», сковавшей в сентябре 1942 года боями в предгорьях Кавказа. Поэтому перегруппировка сил ослабленной в боях 6-й армии для прорыва на Запад могла лишь облегчить советским войскам задачу по её полному уничтожению и последующему разгрому немецких войск на всем южном крыле советско-германского фронта. В-третьих, версия о способности 6-й армии, имевшей к тому времени крайне ограниченный запас горючего, боеприпасов и продовольствия, относится к области необоснованных ничем гипотез. Это мнение разделяет германский историк Г.-А. Якобсен. Он пишет: «Сегодня едва ли можно в точности судить, имела бы в тот момент перспективу на успех операция прорыва кольца окружения, тем

более, что армия обладала незначительными запасами горючего и что произошло бы тогда с огромным числом раненых»¹⁸.

Того же мнения придерживается и германский историк М. Кериг. В книге о Сталинграде он показал, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была обескровлена и не могла вести активные наступательные действия. Последние недели борьбы в районе Сталинграда перед переходом Красной Армии в контрнаступление он характеризует как события, которые «своей ожесточенностью и отчаянием положили начало гибели 6-й армии»¹⁹. Далее он привел факты о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армии «Б». Поэтому у него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась её связь с тылами группы армии «Б», оказалась в руках советских войск²⁰.

Английский историк А. Бивор в книге «Сталинград» на документальной основе также показал, что с самого начала контрнаступления советских войск в штабе самой 6-й немецкой армии понимали невозможность прорыва из котла. В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что ВВС Германии не имеют возможности выделить достаточного количества транспортных самолетов, чтобы обеспечить армию необходимым для прорыва горючим, снаряжением, боеприпасами и продовольствием, что при прорыве из окружения армии придется бросить на произвол судьбы более 10 тыс. раненых и оставить противнику почти все тяжелое оружие и значительную часть транспортных средств. Не исключалось, что при отходе с ранее занятых позиций армию постигнет такая же позорная участь, как и войска Наполеона в России в 1812 году²¹.

В начале контрнаступления советских войск, как показал М. Кериг, ни штаб верховного командования вермахтом, ни Генеральный штаб сухопутных войск Германии не показали способности в критической ситуации принять «решения, которые соответствовали реальной обстановке между Доном и Волгой». По его мнению, «лишь Гитлер четко представлял масштабы угрозы для всего южного фронта» и поэтому единственно правильным было принятое им 20 ноября решение о создании новой группы

армий «Дон» во главе с генералом Э. Манштейном²². В её состав были включены соединения бывшей группы армий «Б» — 4-я танковая армия, попавшая в окружение 6-я армия, а также уцелевшие в ходе отступления остатки войск 3-й и 4-й румынских армий. Кроме того, в распоряжение группы армий «Дон» была направлена дюжина дивизий с Западного фронта, из Германии и других участков Восточного фронта. Ей была поставлена задача по прорыву фронта советских войск, окруживших 6-ю армию, и вместе с нею отвоевать ранее занимаемые немецкими войсками позиции.

Попытка деблокировать окруженную 6-ю армию потерпела провал. Американский историк У. Крейг, описывая это событие, выдвинул версию, что якобы выполнить эту задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление» выразившееся лишь в случайных выстрелах, что самые большие трудности наступающим причиняли «оледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Далее Крейг пишет, что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось из-за непрерывных штормов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной Армии²³.

Действительная причина провала начавшегося 12 декабря 1942 г. наступления котельниковской группировки противника была иной. Первоначально удар приняла на себя ослабленная в предыдущих боях 51-я армия, которая уступала противнику в людях и артиллерии в два раза, а в танках более чем в шесть раз. Тем не менее, ей удалось уже 14 декабря временно приостановить продвижение немецких войск. В тот же день по указанию Ставки на помощь 51-й армии была направлена 2-я гвардейская армия. Форсированным маршем она преодолела 200 км и уже 19 декабря вступила в сражение. Воины 51-й и 2-й гвардейской армии, проявляя массовый героизм, обескровили противника и 22 декабря заставили его отказаться от выполнения поставленной Гитлером задачи. Через два дня советские войска перешли в решительное наступление и 29 декабря освободили Котельниковский, откуда немцы пытались прорваться к Сталинграду.

М. Кериг, в отличие от Крейга, дает объективную оценку этих событий. Он отмечает ма-

стерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Он констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» — наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна распылить силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград²⁴.

Английский историк А. Бивор подробно описывает попытку немецких войск деблокировать 6-ю армию. В отличие от Крейга, он так же как и Кериг, никак не связывает ее провал с неблагоприятными погодными условиями. Вместе с тем, он констатирует, что если русские были подготовлены к войне в зимних условиях, то немцы опять, как и зимой 1941–1942 гг., оказались по вине своего командования жертвой понижения температуры. После начавшихся 16 декабря 1943 года в районе Сталинграда холодных северо-восточных ветров среди них начались массовые обморожения рук и ног, которые вели к гангрене и ампутации. Советские же войска в Сталинграде от такого изменения погоды только выиграли. Лед на Волге стал достаточно крепок, чтобы средствами сухопутного транспорта резко увеличить их снабжение всем необходимым²⁵.

Одна из версий, бытующих в зарубежной литературе, заключается в том, что без учета поддержки Красной Армии, оказанной вооруженными силами США и Великобритании, нельзя правильно оценить причины её успеха в Сталинградской битве. В подтверждение тому некоторые историки ссылаются на то, что из-за угрозы открытия второго фронта немецкое командование не смогло выделить достаточно сил и средств для достижения своих целей на советско-германском фронте в 1942 г. Так, историк из ФРГ Г. Шрётер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держат в бездействии громадные армии на Западе»²⁶. Американский историк Дж. Стоксбери бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали

контрнаступление под Сталинградом до ноября, когда «союзные армии, как и предполагалось, сковали германские резервы в Западной Европе»²⁷. Упоминавшийся ранее У. Крейг писал в своей книге о Сталинграде о будто бы начавшейся во время Сталинградской битвы «перекачке» немецких дивизий с советско-германского фронта на Западный фронт. Чтобы подтвердить это, он ссылается на военный дневник генерала Ф. Гальдера, где якобы говорится о переброске на Запад с Восточного фронта немецкой моторизованной дивизии «Великая Германия»²⁸. Английский историк А. Бивор, пишет, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после подписания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»²⁹.

Однако подобные заявления не подтверждаются фактами. Во-первых, не соответствует действительности заявления о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились громадные силы вермахта. По немецким данным численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте — 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте — четыре³⁰. К тому же значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте. Перекачка полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот. Только с ноября 1942 года по апрель 1943 года из Германии, Франции и других стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий³¹. В третьих, утверждения о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия» являются вымыслом. В дневнике Гальдера, на который ссылается Крейг, говорится, что она действовала на сталинградском направлении³². Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 года и оставалась там до конца войны³³. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте

с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 года из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге³⁴.

Домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 года и угроза их высадки во Франции во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе» давно опроверг английский историк Дж. Григ. В книге «Победа, которой никогда не было» он доказал, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, — пишет он, — последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 году не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»³⁵.

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди зарубежных историков и меуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны. Так, бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цейтцлер в книге «Роковые решения» писал, что «Сталинградская битва действительно оказалась поворотным пунктом всей войны»³⁶. Своему еще не опубликованному исследованию о Сталинградской битве он дал заголовок «Поворотный пункт войны»³⁷. Германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»³⁸. Известный французский историк А. Мишель считает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне»³⁹. Английский историк А. Аксел в книге «Война Сталина глазами его командиров» обращает внимание на тот факт, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала (Ф. Паулюса. — Е. К.) подняли престиж Красной Армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию». В подтверждение тому он привёл оценку Ф. Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворот-

ного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась в Англии и Китае⁴⁰.

Однако у некоторых политиков тех стран, которые во время войны были союзниками СССР, отметил Аксел, оказалась короткая память. Во время так называемой холодной войны они стали утверждать, что победа Красной Армии под Сталинградом над немецко-фашистскими захватчиками была якобы поражением «демократического мира». К числу таких политических деятелей Аксел отнёс, прежде всего, американского сенатора Й. Маккарти, который в 1952 г. заявлял, что «с русской победы под Сталинградом» якобы «началась третья мировая война», и американского профессора экономических наук В. Ростоу, заявившего в 1962 г. о том, что якобы «начало холодной войны следует отнести ко времени, когда стало ясно, что русские могут удержать Сталинград, то есть с 1943 года»⁴¹.

Конечно, холодная война наложила значительный отпечаток на многие работы историков США, Великобритании, ФРГ и других стран. Как правило, в них Сталинградская битва рассматривалась и рассматривается до сих пор как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимаются попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый в её ходе блестящий успех Красной Армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий. В некоторых из них, на наш взгляд, все же правильно отмечается, что битва на Волге стала великой победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования «Третьего рейха». Германский историк М. Фройнд, критикуя нацистскую пропаганду, которая во время Сталинградской битвы пыталась сравнивать её с безрезультатно окончившейся кровопролитной битвой на истощение под Верденом во время Первой мировой войны, писал: «Сталинград превратился в нечто худшее, чем Верден, в такую катастрофу, от которой рейх больше не оправился»⁴². Другой германский историк Х. Умбрайт считает, что любые попытки германского командования изменить ход войны на советско-германском фронте после Сталинградской битвы были обречены на провал. «Германия, — пишет он, — все равно не смогла бы выиграть войну у Советского Союза. Это стало невозможным после гибели 6-й армии и сначала поэтапного, а затем уже непрерывного

отступления Восточной армии на Запад». «После катастрофы под Сталинградом, — отмечает он, — военное поражение в войне против СССР стало уже очевидным для всего мира»⁴³.

С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и её итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. Английский историк Дж. Эриксон, например, писал: «Если победа под Полтавой в 1709 году вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁴⁴.

Другой английский историк Филипп М. Х. Белл также считает, что после Сталинграда стало ясно, что «Советский Союз выиграет свою войну и станет великой державой». В подтверждение тому он привел два факта. К одному из них он отнес решение английского правительства от 4 февраля 1943 г. впредь «относиться к Советскому Союзу как к партнеру того же ранга, что и Соединенные Штаты», и обсуждать с ним свои планы. Это намерение, по мнению Белла, было трудно осуществить, потому что вести переговоры с СССР якобы «было не так-то просто». Еще больше он сокрушается по поводу того, что не только в Лондоне, но и Вашингтоне стали рассматривать СССР как великую державу. В связи с этим он задается вопросом: «Что произошло бы, если бы Соединенные Штаты решили посоветоваться сначала с Советским Союзом, а Великобритании пришлось бы довольствоваться ролью аутсайдера?» Чтобы придать видимость правомерности такого вопроса, Белл сообщил, что вскоре после победы под Сталинградом в мае 1943 года президент Рузвельт предложил Сталину провести переговоры в районе Берингова пролива без участия в них Черчилля, что эти переговоры не состоялись потому, что якобы «Сталин отклонил это предложение»⁴⁵.

Действительно, 5 мая 1943 года Рузвельт предложил Сталину встретиться, так как хотел ослабить недовольство советской стороны неоднократным отказом союзников открыть второй фронт во Франции. Однако это предложение, вопреки предположению Белла, вряд ли могло отразиться на характере давно установившегося англо-американского сотрудничества. Рузвельт писал Сталину, что он уверен в скором овладении союзниками Тунисом и поэтому на следующей неделе вместе с Черчиллем приступит к работе «над второй фазой наступления». Далее

Рузвельт сообщил, что по предположению американских военных штабов Германия может летом предпринять развернутое наступление на центральном участке советско-германского фронта. В этом же письме Рузвельт предлагал Сталину «этим летом» несколько дней посвятить переговорам с ним с целью согласовать по времени многочисленные шаги в дальнейшем на тот случай, если оправдаются надежды, что «историческая оборона русских, за которой последует наступление, может вызвать крах Германии следующей зимой»⁴⁶. Сталин 26 мая сообщил Рузвельту, что действительно этим летом — возможно еще в июне месяце — следует ожидать нового крупного наступления гитлеровцев на советско-германском фронте и поэтому он, в связи с подготовкой войск к отражению этого наступления, должен пока находиться в своей Ставке. Но Сталин не отказался, как утверждает Белл, от встречи с Рузвельтом. Он предложил провести ее не в июне, а в июле или августе 1943 года⁴⁷. Это была не отговорка с целью уклониться от встречи. Советская разведка с начала апреля доносила в Ставку, что немецкое командование ведет подготовку для проведения новой наступательной операции в районе Курска⁴⁸. Рузвельт в ответном письме 4 июня 1943 г. сообщил Сталину, что он и Черчилль уже одобрили план предстоящего наступления на Италию и что в связи с этим подготовка к открытию второго фронта во Франции затянется до весны 1944 года⁴⁹. Это означало, что, как и прежде, вся тяжесть борьбы против главных сил Германии ляжет на плечи Советского Союза.

По мнению английского историка А. Буллока, Сталинградская битва была «одним из самых ожесточенных сражений Второй мировой войны», «поворотным пунктом войны на Восточном фронте»⁵⁰. Этой же точки зрения придерживается большинство зарубежных историков.

«После Сталинграда стратегическая инициатива перешла в руки Советского Союза, — пишет Дж. Робертс, — и он уже не терял её до самого конца войны. Но будет неправильно говорить о том, что дорога от Сталинграда до Берлина была усыпана для Красной Армии одними лавровыми венками. Советским войскам предстояло участвовать ещё во многих сражениях и кампаниях. Однако после Сталинграда вопрос о том, кто одержит победу в войне, уже не стояло на повестке дня, оставалась только одна проблема — когда именно Германия потерпит поражение»⁵¹.

Отмечая, что «советская победа под Сталинградом была коренным переломом в войне на Восточном фронте», этот историк, вместе с тем, подчеркивает, что «Восточный фронт являлся главным фронтом Второй мировой войны. На него пришлось 80% суммарного объема всех боевых действий Второй мировой войны и 90% потерь в них германских войск. Немцы лишились на Востоке 600 дивизий и 10 млн убитых, раненых, пропавших без вести или попавших в плен солдат»⁵².

Видимо потому, что советско-германский фронт с самого начала Великой Отечественной войны до последнего её дня оставался главным фронтом Второй мировой войны, на котором велась борьба между двумя самыми мощными армиями на Европейском театре войны и именно в ходе этой борьбы под Сталинградом Красная Армия одержала грандиозную победу, Робертс в названии своей книги с полным на то правом подчеркнул, что с именем Сталинграда связана «битва, которая изменила историю».

Выдающуюся роль Сталинградской битвы отмечал ранее и английский историк Б. Лиддел Гарт. В предисловии к книге Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» он писал: «Сталинградская битва была наиболее длительной битвой Второй мировой войны и оказалась самой решающей»⁵³.

Но эту точку зрения разделяют далеко не все. Германский историк Г.-А. Якобсен, отмечая, что Сталинградская битва была «одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны», вместе с тем, заявляет, что для Германии она не была «лишь одним, имеющим решающий характер поражением стратегического масштаба». По его мнению, равноценные Сталинграду поражения Германия понесла в сражении под Эль Аламейном в ноябре 1942 года и при отступлении немецких войск в Тунисе, закончившегося их капитуляцией весной 1943 года «Эти три события, — утверждает он, — и произошедший весной 1943 года крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт войны»⁵⁴.

Немецкий историк своими словами во многом пересказывает выдвинутую ранее американскими историками Э. Зимке и Дж. Шентоном версию, согласно которой победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 года была «вторым Сталинградом». Фашизму было нанесено «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»⁵⁵, — так эта версия

затем перекочевала в некоторые немецкие издания о Второй мировой войне, а также в книги о Сталинграде. Так, Ф. Форстмайер, бывший начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера, в предисловии к книге М. Керига «Сталинградской битва» утверждал, что «ощутимый поворот в войне произошел в 1942 г. в результате двух событий — высадки союзников в Северной Африке и советского наступления против южного крыла немецкого Восточного фронта». Но, по мнению Форстмайера, «более убедительно поворот обозначился не на советско-германском фронте, а в Северной Африке»⁵⁶.

Можно согласиться, что поворот в войне в целом обозначился в ходе побед антигитлеровской коалиции на рубеже 1942–1943 годов на советско-германском фронте и в Северной Африке. Но по длительности и количеству участвовавших в борьбе войск, по размаху вооруженной борьбы, по потерям, нанесенным агрессором, ни одна из успешных операций, проведенных англо-американцами, не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 года), длившемся 13 дней, англичанам противостояло четыре немецких и восемь итальянских дивизий (т. е. всего 12 дивизий) общей численностью около 80 тыс. человек, тогда как в Сталинградской битве, длившейся 200 дней и ночей, в группировке противника, противостоявшей советским войскам перед контрнаступлением, насчитывалось 49 дивизий, в которых насчитывалось более одного миллиона человек. Причем под Эль-Аламейном итаलो-немецким войскам удалось отступить, а под Сталинградом была окружена и ликвидирована группировка общей численностью более 330 тыс. человек, полностью было разгромлено 32 дивизии и три бригады Германии и ее союзников⁵⁷. Также было бы неверно к Сталинградской битве приравнивать и капитуляцию итало-немецких войск в Тунисе в мае 1943 года. Этот успех союзников во многом предопределило то, что с весны 1942 года германское командование особое значение придавало ведению войны против СССР, а не в Северной Африке.

Немецкие войска в Африке были слишком малочисленны даже для того, чтобы нанести поражение английским войскам, находившимся там еще до высадки англо-американских войск в ноябре 1942 года в Алжире и Марокко. Возможность увеличить свои силы и выиграть

борьбу в Африке немецкое командование рассчитывало после достижения так называемой «окончательной победы» над СССР в 1942 году. Но этот расчет не оправдался. После поражения вермахта под Сталинградом руководство Германии смирилось с мыслью о потере Северной Африки. Уже в марте 1943 года командующий немецкими войсками в Северной Африке генерал-фельдмаршал Э. Роммель был отозван в Германию, потому что «Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один немецкий фельдмаршал»⁵⁸.

Некоторые американские историки для доказательства тезиса о том, что, мол, успех англо-американских войск в Африке был «более результативным», чем победа советских войск под Сталинградом, пишут, что в Тунисе капитулировало 275 тыс. итало-немецких войск⁵⁹. Примерно такую же цифру можно встретить и в книгах о войне, принадлежащих перу историков из ФРГ. Так, Г. Шрайбер, ссылаясь на американскую литературу, утверждает, что в Тунисе англо-американцам сдалось в плен примерно от 267 до 275 преимущественно испытанных в боях итальянских и немецких солдат. «Принимая во внимание этот факт, — пишет он, — не будет преувеличением утверждение, что Тунис по чисто количественным показателям означал для агрессоров второй Сталинград»⁶⁰. А Ю. Фёрстер заявляет, что «падение Туниса было, с оперативной точки зрения, более крупным поражением, там оказалось в плену большее количество солдат, чем в Сталинграде»⁶¹. Такими утверждениями эти историки пытаются ввести в заблуждение тех читателей, которые не знают подлинной истории войны и ничего не смыслят в военном деле. Получается, что военная значимость той или иной битвы или сражения должна определяться количеством взятых в плен, а не уничтоженных войск противника. Интересно, как Шрайберу и Фёрстеру пришлось бы оценивать успех союзников Тунисе, если бы советские войска в Сталинградской битве вообще не стали бы брать сдавшихся в плен 113 тыс. немецких и румынских солдат⁶² и полностью уничтожили окруженную ими 330-тысячную германо-румынскую группировку.

Однако даже по вопросу о количестве итало-немецких войск, сдавшихся в Тунисе, среди зарубежных историков нет единого мнения. Однажды английский историк Б. Лиддел-Гарт обратил внимание читателей на то, что из немецких документов явствует: к началу мая 1943 года

в итало-германской группировке в Северной Африке имелось только 170–180 тыс. человек. «Трудно понять, — писал он, — почему число пленных почти в полтора раза превышает указанную выше численность немецко-итальянских войск»⁶³. Согласно данным бывшего немецкого генерала З. Вестфалля, из них в плен попало 150 тыс.⁶⁴. А английский историк А. Тейлор утверждает: «Союзники взяли в плен примерно 130 тыс., в послевоенных отчетах эта цифра выросла до 150 тыс.». Далее он отмечает: «Пять месяцев потребовалось объединенным силам США и Англии на то, чтобы разбить немецкие войска, состоявшие обычно из двух, максимум четырех дивизий»⁶⁵. Согласно вызывающим наибольшее доверие сведениям, немцы при капитуляции в Северной Африке потеряли 6 дивизий, в которых насчитывалось 94 тыс. солдат и офицеров⁶⁶.

Бесспорно одно: германский вермахт не понес в Тунисе потерь, которые могли бы существенно подорвать его боеспособность. Командующий экспедиционными силами союзников в Северной Африке генерал Д. Эйзенхауэр в письме в Вашингтон в июне 1943 года отмечал, что действия вверенных ему войск окажут «всяма ничтожное» влияние на ход борьбы Советского Союза⁶⁷.

Среди зарубежных историков, особенно среди историков ФРГ, нет единого мнения и о месте Сталинградской битвы в истории войны 1939–1945 гг. Согласно одной из них, катастрофа вермахта в битве на Волге была следствием поворота во Второй мировой войне, начавшегося на советско-германском фронте уже в начале войны против СССР и завершившегося первым стратегическим поражением вермахта в Московской битве. Основанием для появления такой версии явился выход в свет в 1973 году книги германского историка К. Райнхардта «Поворот под Москвой: крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года». В ней на документальной основе показано, что в конце августа 1941 года потерпело крушение намерение немецкого командования победоносно закончить войну против СССР до наступления осени 1941 года, что в сентябре–октябре 1941 года Красная Армия в оборонительных сражениях сорвала попытку немецкой группы армий «Центр» в ходе операции «Тайфун» захватить Москву и окончательно спутала расчеты немецкого командования на быстрое завершение кампании на Востоке, поставила под угрозу провала программу всех

последующих завоеваний фашистского рейха. Провал нового наступления немецких войск на Москву в ноябре и успех контрнаступления Красной Армии в декабре 1941 — январе 1942 гг. позволили Райнхардту сделать вывод о том, что под Москвой Германия утратила «шансы на успешное ведение войны» и «потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание его рейхом мирового господства»⁶⁸.

Содержание этой книги убедило многих историков в том, что поражение немецких войск под Москвой привело к повороту в ходе Второй мировой войны, обусловившем в дальнейшем поражение Германии и её союзников на всех фронтах. Так, Г. Шрайбер в одной из своих работ пишет, что Гитлер в связи с «зимней катастрофой 1941–1942 гг.», по словам Йодля, признал, что после «такого кульминационного пункта в начинающемся 1942 году нельзя рассчитывать ни на какую победу». Шрайбер согласен с тем, что «германская армия на рубеже 1941–1942 гг. попала в самый опасный кризис со времени начала восточного похода», что, однако, вплоть до конца лета 1942 года агрессоры на Дальнем Востоке, Северной Африке и в Советском Союзе «маршировали дорогой побед». Это, по его словам, «делает понятным, почему поворот в войне..., который действительно наступил уже в конце 1941 г., когда молниеносная война превратилась в войну на истощение и начала формироваться сверхмощная антигитлеровская коалиция, был осознан современниками лишь в 1943 году». Завершение поворота в войне, начавшегося в битве под Москвой, он связывает с победами антигитлеровской коалиции в конце 1942 — первой половине 1943 гг.⁶⁹.

В книге, посвященной истории нацистской Германии, немецкие историки — директор Института современной истории Х. Мёллер и сотрудники этого института Ф. Дам и Х. Меринг пишут, что «поворот во Второй мировой войне по существу начался уже в те утренние часы 22 июня 1941 года, когда вермахт при поддержке финских и румынских союзников и нескольких венгерских соединений без объявления войны напал на Советский Союз. Об ожесточенности и драматизме борьбы на Восточном фронте говорит тот факт, что этот перелом вырисовывался сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону, и все же немецкая сторона уже поздним летом была вынуждена признать, что наступление, которое замышлялось как молниеносная

война, развивается совсем иначе, а не так, как планировалось. Хотя этот поворот начал означаться сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону». Далее эти историки пишут, что зимой 1941–1942 гг. СССР «разрушил ореол немецкой непобедимости», а США вступили в войну, после чего «военное и материальное превосходство союзников стало столь велико, что их победа над державами оси была лишь вопросом времени». Все последующие и оборонительные и наступательные действия вермахта они считают бессмысленными. По их мнению, бессмысленность продолжения войны Германией нигде и никогда раньше не проявлялась столь наглядно, как во время боев за «сталинградский котел». В Сталинградской битве они видят «символ поворота во Второй мировой войне, который действительно наступил зимой 1942–1943 гг.»⁷⁰.

Такая трактовка поворота в войне не устраивает многих военных историков ФРГ. По мнению Б. Вегнера, она страдает «упрощенным представлением о том, что сражения 1942–1945 гг. представляют собой лишь приведение в исполнение смертного приговора «Третьему рейху»⁷¹.

При этом Вегнер утверждает, что оценка катастрофы вермахта под Сталинградом как поворота во Второй мировой войне является плодом лишь «субъективного восприятия» её современниками как в самой Германии и союзных ей странах, так и в странах антигитлеровской коалиции. На самом деле, по его мнению, ко времени Сталинградской битвы и так уже всем было ясно, что Германия войну проиграет, что гарантией тому было превосходство в силах и решимость антигитлеровской коалиции довести войну до победы, особенно успехи в США в разработке ядерного оружия. Он готов согласиться с теми историками, которые считают победу Красной Армии в битве на Волге поворотом только в советско-германской войне, но с оговорками. В его представлении событие под Сталинградом явилось лишь последним пунктом в процессе постепенной утраты Германией имевшихся у неё реальных шансов на победу в «войне на Востоке». К существенным пунктам этого процесса Вегнер относит те события, которые разворачивались не в пользу Германии в войне против СССР якобы в основном из-за некомпетентного вмешательства в них Гитлера. К ним он отнес Смоленскую битву в июле 1941 года, из-за которой произошла приостановка немецкого наступления на Москву, пора-

жение вермахта под Москвой в декабре того же года, перебазирование летом и осенью 1941 года большей части советской промышленности из угрожаемых районов европейской части СССР в восточные районы страны, которое, по мнению Вегнера, стало для Германии «экономическим Сталинградом», а также решение Гитлера о разделении операции «Блау» на две части в июле 1942 года. В этом процессе последним звеном стал разгром вермахта под Сталинградом⁷².

Видимо, исходя из такого же представления о динамике и значении этих событий, происходивших на советско-германском фронте, начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера Г. Рот утверждает, что «Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны»⁷³. Ему вторит и сотрудник этого управления Ю. Фёрстер: «Сталинград не является вехой, означавший поворот во Второй мировой войне»⁷⁴. Такие утверждения не новы. Английский историк А. Тейлор в книге о Второй мировой войне, вышедшей в свет в 1975 году, а затем переведенной на русский язык и изданной в России в 1995 году, писал: «Сталинград, быть может, вопреки частым утверждениям, не был решающей битвой Второй мировой войны... В марте 1943 года немцы все еще стояли на рубежах, откуда начали наступление 1942 года. Они восстановили свой боевой дух и показали под Харьковом, что снова господствуют на поле боя. Именно немцы, а не русские предприняли наступление, когда кончился сезон боевых действий 1943 года. Тем не менее, победа русских под Сталинградом в гораздо большей мере, чем оборона Москвы, развеяла миф о непобедимости Германии. Сам Гитлер сказал Йодлю: «Бог войны перешел на другую сторону»⁷⁵. Что можно сказать по поводу этих рассуждений Тейлора. Прежде всего, нельзя сводить историческую победу советских войск под Сталинградом лишь к кратковременной потере агрессором боевого духа, так как потеря в этой битве примерно полутора миллионов солдат представляла для «Третьего рейха» прежде всего подрыв его военной мощи. Ссылка на события под Харьковом также несостоятельна. Хотя немецкому командованию в конце февраля — начале марта 1943 г. удалось организовать кратковременное контрнаступление группы армий «Юг» и вытеснить передовые части советских войск из только что освобожденного ими Харькова, но

вернуть утраченную стратегическую инициативу оно не смогло. Очень скоро немецкая группировка была остановлена советскими войсками на Северском Донце и в районе Белгорода, а затем перешла в глухую оборону на тех же рубежах, которые немецкие войска занимали пред началом летнего наступления 1942 года на южном крыле Восточного фронта. «Господами положения на поле боя» немцы так и не стали. Примечательно, что в некрологе Манштейну, командовавшему после Сталинграда группой армий «Юг», опубликованном в ведущем военном журнале ФРГ «Веркунде» отмечалось, что ему весной 1943 года удалось добиться в районе Харькова лишь «оборонительной победы»⁷⁶.

В ходе зимней кампании 1942–1943 гг. Красная Армия осуществила наступление на огромном пространстве от Балтики до предгорий главного Кавказского хребта на глубину 600–700 километров, разгромила войска противника под Сталинградом, нанесла тяжелое поражение противнику на Северном Кавказа, на Среднем и Верхнем дону, в районе Воронежа, прорвала блокаду Ленинграда. При этом наибольший успех был достигнут на южном крыле советско-германского фронта, где советские войска очистили от захватчиков более 480 тыс. квадратных километров территории, вызволили из фашистской неволи миллионы советских людей. Важным итогом наступления

1942–1943 гг. явилось выдвижение советских войск в район западнее Курска и отражение ударов противника на этом участке фронта. Сложившийся в ходе сражений Курский выступ послужил исходным плацдармом для последующих успешных операций на орловском и харьковском направлениях.

В заключение следует сказать, что независимо от того, как некоторые зарубежные историки пытаются приуменьшить значение Сталинградской битвы, остается фактом, что она была важнейшим историческим рубежом на пути к победе народов СССР и их вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Победа, одержанная в ней Красной Армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии германских союзников полностью утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная Армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем, сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

¹ Jukes G. Stalingrad: The Turning Point. New York. 1968. С. 154.

² The History of the Second World War. London. 1968. Vol. 3. № 15 (cover); Great Battles of the 20th Century. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.

³ Le Figaro. 1972. 28 août

⁴ Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh. 1973. S. 1401.

⁵ Kehrig M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart. 1974. S. 11.

⁶ Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с. англ. М., 2003. С. 30.

⁷ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 395.

⁸ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washigton, 1968. P. 80.

⁹ Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gütersloh, 1976. S. 115.

¹⁰ Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Düsseldorf und Wien, 1977. S. 107–108.

¹¹ Робертс Дж. Ук. Соч. С. 63.

¹² Там же. С. 28, 57.

¹³ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945: Dokumente der Oberkommandos der Wehrmacht. Hrsg. von W. Hubatsch. Koblenz, 1983. S. 186.

¹⁴ Вторая мировая война. Взгляд из Германии : сб. статей. Пер. с нем. М., 2005. С. 190.

¹⁵ Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.

¹⁶ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 28.

¹⁷ Вестфаль З. и др. Роковые решения: Пер. с англ. М., 1953. С. 170–171; Seydlitz W. Stalingrad: Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1972. S. 200; Craig W. Enemy at the Gates: The Battle for Stalingrad. N.Y., 1974. P. 250, 272

- 18 Вторая мировая война. Взгляд из Германии. Указ. соч. С. 193.
- 19 *Kehrig M.* Op. cit., S. 37.
- 20 *Kehrig M.* Op. cit. S. 43, 52, 88–89, 136–137, 141.
- 21 *Beevor A.* Stalingrad. London. 1999. S. 267–268.
- 22 *Kehrig M.* Op.cit. S. 148–150.
- 23 *Craig W.* Op. cit. P. 218–228.
- 24 *Kehrig M.* Op. cit. S. 371.
- 25 *Beevor A.* Op. cit. P. 302–304.
- 26 *Der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
- 27 *Stokesbury J. A.* A Short History of World War II. New York, 1980. P. 239.
- 28 *Craig W.* Op. cit. P. 19.
- 29 *Beevor A.* Op. cit. P. 81.
- 30 *Förster G. und andere.* Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195–197
- 31 См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
- 32 См. *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 351.
- 33 См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
- 34 Там же. С. 277, 285, 409.
- 35 *Grigg J.* 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93.
- 36 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 209.
- 37 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* München, 2007. Bd. 8. S. 6. Anm. 25.
- 38 *Zentner K.* Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges. München, 1973. S. 439.
- 39 *Michel H.* La Seconde guerre mondiale. Paris, 1977. T. 1. P. 467.
- 40 *Axell A.* Stalin's War through the Eyes of his Commanders. L., 1997. P. 89.
- 41 Ibid. S. 90.
- 42 *Freund M.* Op. cit. S. 1407.
- 43 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 152, 156.
- 44 *Erickson G.* The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.
- 45 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 393.
- 46 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 62–63. (Далее: Переписка...)
- 47 Там же. С. 65.
- 48 *Rado S.* Dora meldet. Berlin, 1974. S. 344–345.
- 49 Переписка... С. 66–68.
- 50 *Булок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Пер. с англ. Смоленск, 1994, С. 422, 429.
- 51 *Робертс Дж.* Ук. соч. С. 27.
- 52 Там же. С. 30.
- 53 *Jukes G.* Op. cit. P. 6.
- 54 Вторая мировая война. Взгляд из Германии. С. 194.
- 55 *Ziemke E.* Op. cit. P. 80. *Shenton J., Benson J., Jakoubek R.* These United States. Boston, 1978. P. 570–572.
- 56 *Kehrig M.* Op. cit. S. 9.
- 57 Война. Народ. Победа. 1941–1945 (в 2-х книгах) М., 2008. С. 264; Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 47, 49.
- 58 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 211.
- 59 *Beitzell R.* The Uneasy Alliance. New York, 1972. P. 65–80; *Wilz J.* Modern Americann History. Philadelphia. 1979. P. 547.
- 60 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* München, 2007. Bd. 8. S. 547.
- 61 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Указ. раб. С. 11.
- 62 Там же. С. 118.
- 63 *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1976. С. 412.
- 64 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 211.

- ⁶⁵ Taylor A. The Second World War. London, 1975. P. 177.
- ⁶⁶ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 131.
- ⁶⁷ The Papers of D. D. Eisenhower. The War Years. Baltimore and London, 1970. Vol. 3. P. 347.
- ⁶⁸ См. рецензию: Поворот под Москвой // Военно-исторический журнал, 1974. № 11. С. 105–110.
- ⁶⁹ Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke. H.-A. Jacobsen. Bonn, 1992. S. 354, 355.
- ⁷⁰ Die tödlich Utopie: Bilder. Texte. Dokumente. Daten zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mer-
ing unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001. S. 377–378, 399–400.
- ⁷¹ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 513.
- ⁷² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. München, 2007. Bd 8. S. 6–8.
- ⁷³ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 6.
- ⁷⁴ Там же. С. 11.
- ⁷⁵ Тейлор А. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 498.
- ⁷⁶ Wehrkunde, 1973. Heft 4. S. 102.

Генерал А. И. Еременко

Д. Б. Хазанов*

Одно из наиболее сильных разочарований первых месяцев войны для И. В. Сталина — слабый уровень подготовки высшего командного состава. Из занимавших в довоенные годы важнейшие посты в армии вождь, как оказалось, в какой-то степени мог теперь положиться только на генерала армии Г. К. Жукова и маршала Б. М. Шапошникова. Маршалов С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова и С. К. Тимошенко в течение года боевых действий пришлось направить на менее ответственные направления, Г. И. Кулика даже разжаловать в генерал-майоры после очередного провала. Кадровый вопрос остро стоял на повестке дня...

Среди тех, на кого пал выбор Верховного главнокомандующего в то трудное время, был А. И. Еременко. Андрей Иванович — военный с огромным опытом, начавший службу унтер-офицером накануне Первой мировой. Воевал в Гражданскую, участвовал в освободительных походах Красной Армии, в декабре 1940 г. дослужился до командующего 1-й Особой Краснознаменной армии. Прибывший с Дальнего Востока, генерал-лейтенант Еременко, занимая должности командующего и зам. командующего Западным фронтом, сумел после катастрофических неудач в короткий срок отчасти стабилизировать ситуацию на Западном направлении: временно остановить врага в ходе Смоленского сражения.

За летние месяцы 1941 г. размах борьбы с немцами значительно возрос, что вынудило Ставку ВГК создавать новые объединения. Для прикрытия Москвы с юго-запада 14 августа

был сформирован Брянский фронт во главе с А. И. Еременко, который во время переговоров 24 августа по аппарату БОДО со Сталиным и Шапошниковым просил пополнений людьми и техникой, одновременно заверив вождя: «А этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить»¹.

При фланговом ударе по противнику войска Еременко нанесли определенный урон наступавшей на юг 2-й танковой группе Гудериана, однако не смогли предотвратить ее выхода в тыл войскам Юго-Западного фронта (и, следовательно, выполнить обещание, данное командующим вождю), что впоследствии привело к одной из крупнейших катастроф Красной Армии: по данным историка Н. М. Раманичева, в районе Киева в окружении погибли или попали в плен 438 тыс. чел.². В докладной записке в Ставку генерал Еременко указывает как важную причину больших собственных потерь и невыполнения задачи проявление паникерских настроений, трусости отдельными бойцами и командирами и даже уход в тыл некоторых частей без приказа.

В сознании широких масс читателей заградотряды были созданы по инициативе Сталина после оглашения 28 июля 1942 г. знаменитого приказа № 227, известного как «Ни шагу назад!». Однако приведем малоизвестный факт: Андрей Иванович Еременко выступил с инициативой создать в тылу своего фронта заградительные отряды примерно на 10 месяцев раньше. 5 сентября 1941 г. ему поступила директива Ставки ВГК, одобряющая предложенные меры в отношении

---

* Дмитрий Борисович Хазанов — действительный член Ассоциации историков Второй мировой войны

дивизий, зарекомендовавших себя неустойчивыми. «Цель заградительных отрядов — не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства, остановить, применяя при необходимости оружие», — телеграфировал командующему маршал Шапошников. Через неделю Ставка распространила эту практику и на другие войска Красной Армии³.

А. И. Еременко было присвоено 11 сентября 1941 г. очередное воинское звание «генерал-полковник», что, безусловно, стало признанием его заслуг. Однако тяжелое испытание ждало его менее, чем через три недели, когда Г. Гудериан нанес мощный и сокрушительный удар по Брянскому фронту, которым по-прежнему командовал Еременко. Оборона рухнула, управление соединениями было нарушено, ввод резервов Ставки не спас положения. Находившийся в войсках командующий получил 13 октября тяжелое ранение, а при эвакуации в тыл санитарный самолет потерпел аварию, пилот и пассажир едва не погибли.

На следующий день после дня рождения (14 октября 1941 г. Андрею Ивановичу исполнилось 49) его навестил в московском госпитале И. В. Сталин — это, вероятно, единственный случай подобной демонстрации расположения со стороны вождя в годы войны. К тому же, нельзя забывать, что это было очень тревожное время — никто не мог поручиться, что Москву удастся удержать после катастрофы всех трех фронтов, ее защищавших. Едва оправившись от ран, генерал Еременко возглавил 4-ю ударную армию, с которой участвовал в контрнаступлении в рамках Московской битвы из района Осташкова на Пено, Андреаполь. На этот раз вверенные ему войска действовали удачнее, но 19 января 1942 г. командарм был вторично ранен — снова в результате авианалета противника. Отдадим должное мужеству генерала: 23 дня, пока проходила операция его армии, он продолжал командовать войсками с носилок, несмотря на сильные боли в поврежденной осколками ноге.

Все или почти все вышесказанное можно узнать из воспоминаний А. И. Еременко «На Западном фронте», изданных в 1959 г. Книга «Сталинград» была написана и вышла в свет на несколько лет позже, в период, когда первым секретарем ЦК КПСС и единоличным лидером страны был Н. С. Хрущев — неизменный член Военного совета фронтов, которыми руководил в период Сталинградской битвы Еременко. Не только в книге, но и согласно документам, между

ними сложились дружеские отношения, поэтому подчеркивание особого беспокойства Хрущева за судьбу города, его роли в недопущении паники и растерянности в тех или иных местах обороны, и даже встречающиеся обороты «о необходимости посоветоваться с Никитой Сергеевичем», не кажутся натянутыми. Несмотря на сильный налет идеологической заданности, неизбежной в те годы, книга Еременко в целом весьма интересна. Из нее читатель узнает важные подробности операций, проводившихся под его руководством, увидит работу командующего в деталях, оценит проблемы управления войсками.

В своих воспоминаниях Еременко поведал, как Сталин дважды принимал его (в ночь на 2 августа 1942 г. и в следующую, после ознакомления с обстановкой) перед направлением на один из важнейших тогда фронтов. Этот тезис подтверждается журналом посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете. Видимо, не совсем правда другое: преувеличенная забота о состоянии здоровья Андрея Ивановича со стороны вождя не соответствовала сложившейся обстановке. Во всяком случае, в директиве Ставки, направленной новому командующему, звучали стальные нотки: «Тов. Сталин категорически приказал не позднее вечера 7 августа вступить в командование войсками фронта и приступить к руководству операциями. Получение подтвердить. Исполнение донести»⁴.

Будем справедливы: к этому моменту ситуация на дальних подступах к Сталинграду существенно ухудшилась. Предшественник Еременко генерал В. Н. Гордов, хорошо себя зарекомендовавший как командарм, оказался несостоятельным в должности командующего фронта. Бои в большой излучине Дона в последнюю неделю июля 1942 г., проходившие при нашем значительном численном перевесе, завершились тяжелым поражением советских войск. Историк О. Н. Кудряшов на основании архивных данных пришел к выводу: накануне Красная Армия имела перевес в силах по личному составу в 1,5 раза, по артиллерии — в 2, а по танкам — в 3 раза⁵. Автор не использовал важные факты, как, например, Сталинградский тракторный завод, выпускавший танки Т-34, а также учебный центр подготовки танкистов.

Возможно, после череды поражений в районе подступа к Сталинграду, Сталин просто не захотел разговаривать с незадачливым генералом Гордовым, в его глазах главным виновником

поражения. Во всяком случае, директиву Ставки командующему войсками Сталинградского фронта в связи с очередной неудачей подписал 6 августа один генерал А. М. Василевский: «Ставка Верховного Главнокомандования возмущена тем, что Вы допустили прорыв танков противника через южный фас сталинградского обвода, не оказав ему здесь должного сопротивления, и категорически требует под Вашу личную ответственность в течение сегодняшнего дня во что бы то ни стало восстановить положение...»⁶.

Еременко начал оптимистично. Приказ командующего Юго-Восточного фронта № 1 о вступлении в должность скорее напоминает политдонесение. Но уже в следующем документе речь шла о более грамотных организации боя и взаимодействии огневых средств. Именно Еременко пришлось решать задачу, которую не смог решить предшественник, — не дать противнику выйти к Сталинграду с юга. В целом контрудар у станции Абганерово оказался удачным, парировал прорыв немцев.

Сталин решил разделить растянутый Сталинградский фронт на два фронта: Сталинградский (во главе с В. Н. Гордовым) и Юго-Восточный (во главе с А. И. Еременко). Сказано — сделано: директива Ставки 5 августа утвердила новые реалии. А уже 9 августа генерал-полковник А. И. Еременко вступил в командование одновременно обоими фронтами, а генералы В. Н. Гордов и Ф. И. Голиков стали его заместителями. Последнее решение имело как позитивные, так и негативные последствия, однако очевидно: ответственность А. И. Еременко за судьбу обороны резко возросла, тем более, что вскоре ему подчинили также Волжскую военную флотилию и Сталинградский корпусной район ПВО.

Несмотря на принятые меры (направление многочисленных резервов, перестановки в командном составе), Ставка ВГК оставалась неудовлетворенной действиями наших войск на дальних подступах к Сталинграду. 10 августа И. В. Сталин и А. М. Василевский послали в войска директиву, где, в частности, говорилось: «На Сталинградском фронте за шесть дней боев 12 наших танковых бригад при значительном нашем превосходстве в танках, артиллерии и авиации над противником из 400 танков вышли из строя 326, из них по технической неисправности около 200, причем большая часть танков осталась на поле боя... Считая невероятным такой недопустимо высокий процент танков, выбывших из строя по техническим неисправностям,

Ставка усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов...»⁷.

Если критику, выраженную в этой директиве, можно было мысленно переложить на плечи предшественника, то 15 августа уже генералу Еременко Сталин бросил упрек, мол, он «кладет пятно позора на советское командование» за не оказание помощи окруженным войскам⁸. Действительно, командование фронтом все резервы тогда направило 64-й армии, стремясь не допустить прорыва 4-й танковой армии врага к Сталинграду с юга. Что касается сражения западнее Дона 62-й армии с войсками 6-й германской армии, то борьба завершилась нашим поражением; к моменту выхода директивы Ставки окруженные прекратили оказывать сопротивление.

«В трехдневных боях, характеризовавшихся участием крупных сил танков, большинство оборонявшихся до последнего патрона русских западнее Дона было уничтожено, — резюмировал бывший немецкий генерал Г. Дёрр. — 10 августа 6-я армия одержала полную победу, последнюю в сражении на открытой местности. По какой причине она не была использована для немедленного форсирования Дона, автору установить не удалось»⁹.

Создается впечатление, что при принятии необходимых контрмер Еременко опаздывал, отставал от быстро менявшейся обстановки. Например, боевое распоряжение 20 августа предусматривало мероприятия по созданию танконепроходимых полос обороны на левом берегу Дона, для чего войскам выделялись в большом количестве мины. Однако пока минирование выполнялось, немцы захватили плацдармы на противоположном берегу, навели переправы. Да, они не использовали одержанную в начале месяца победу для немедленного прорыва к Сталинграду, но, не мешкая, подтянули резервы.

Германское командование добилось поставленной цели: 23 августа моторизованная группа вышла к Волге севернее Сталинграда, надвое разрезав фронт обороны. Одновременно вражеская авиация подвергла город варварской бомбежке. Это был один из наиболее тяжелых дней, «увиденное... поразило нас, как тяжелый кошмар», — вспоминал А. И. Еременко¹⁰. Донесение командующего в Москву в тот день не сохранилось, а вот ответная радиogramма Сталина (полученная еще до разрушения города с воздуха) свидетельствует о слабом знании Верховным обстановки, шоковом состоянии от полученных

известий. Там присутствуют указания: «Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага...»¹¹.

Ценой невероятных усилий кризис удалось преодолеть. Начались исключительно кровопролитные бои на подступах и в самом городе. До недавнего времени мы, к сожалению, имели весьма смутное представление о том, как они проходили. Точнее, были известны только героические страницы. Публикация рассекреченных материалов военной цезуры позволила стереть еще одно «белое пятно» в истории, беспристрастно показать, каким непростым путем, с огромными жертвами мы шли к победе. Так, один из подчиненных генерала Еременко, неизвестный боец 64-й армии в конце августа слал весточку домой: «Опишу бездарное наше положение. До фронта доехали с горем пополам, по приезде на второй день вступили в бой с немецкими танками и пехотой, и мы были разбиты вдребезги, немного осталось от дивизии. Наше подразделение в 120 чел. было вооружено десятью винтовками, осталось в резерве, но попало в окружение танков и чуть не погибли, [едва] удалось выбраться... Такая участь постигла не только нашу дивизию, но и другие. Люди голодные, измученные походом вступают в бой с голыми руками. Вот как мы воюем. Положение наше неважное, настроение чертовски плохое...»¹².

С начала сентября Еременко и его штаб эвакуировались за Волгу. Одно из донесений в Ставку в конце месяца вместо командующего подписал начальник штаба фронта генерал Г. Ф. Захаров. На документе есть пометка: «Командующий ЮВФ и СТФ генерал-полковник Еременко и член Военного совета тов. Хрущев находятся на СТЗ (Сталинградском тракторном заводе)»¹³. Там их встретил начальник штаба 62-й армии Н. И. Крылов, впоследствии маршал Советского Союза. Ранее он видел командующего только однажды в момент представления в начале августа 1942 г., прилетев в Сталинград с Кавказа. Николаю Ивановичу хорошо запомнились первые слова, с которыми к нему обратился Еременко: «Пришел поглядеть, как вы тут живы. Товарищ Сталин приказал самому у вас побывать и доложить, что здесь творится»¹⁴.

Несмотря на строжайший запрет, Андрей Иванович в годы войны вел фронтовой дневник, записи которого потом ему очень пригодились при написании мемуаров. Вызывает удивление, что фамилии многих героев Сталинграда, чьи

имена, что называется, были на слуху, написаны с ошибками, как, например, «мастера воздушного боя» капитана П. Н. Белясника или лейтенанта Г. К. Гульяева (оба Герои Советского Союза)¹⁵. Вероятно, Еременко кому-то «наговаривал» свою будущую книгу, не проверив потом текст. Под «эскадрилей асов УДЭ»¹⁶, несомненно, имеется в виду 3-я немецкая истребительная эскадра «Удет».

Кстати, в книге воспоминаний маршал Еременко отдает должное советским летчикам и их командирам. Однако в действительности отношения с авиационными начальниками, находившимися в его полном подчинении, у него «не сложились». Особенно трудно пришлось молодому генералу Т. Т. Хрюкину, возглавлявшему 8-ю воздушную армию. По воспоминаниям командира одной из дивизий С. А. Егорова, зам. главного инженера авиационного объединения И. И. Бондаренко и других участников сражения, Еременко слабо разбирался в специфике воздушного боя, не знал материальной части ВВС. Он называл «пешки» П-2, требовал организации патрулирования «ястребков» над своим КП и наступающими войсками, не понимая, что летающие на малой скорости и на небольшой высоте самолеты сами превращались в мишени для вражеских «охотников», особенно учитывая превосходство (качественное и количественное) противника в авиации на сталинградском направлении. Первый секретарь Сталинградского обкома ВКП (б) и член Военного совета фронта А. С. Чуянов записал: «[Хрюкин] не жалуется, но ему нелегко... Кажется, что командующий А. И. Еременко не всегда справедлив к нему. Он требует, чтобы тихоходные „ишаки“ справлялись с армией фашистских „мессершмитов“...»¹⁷.

Генерал В. Н. Киселев, в то время капитан, наводивший на врага самолеты 8-й воздушной, вспоминал, как командующий фронтом часто называл себя «генералом обороны, присланным для того, чтобы отстоять Сталинград», а все возражения Т. Т. Хрюкина, неизменно встречали отповедь А. И. Еременко примерно следующими словами: «Вы молоды учить меня, Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже рубались с белыми... На войне не грамота нужна, а твердость, смелость, решительность. Пожестче требуйте с подчиненных, в этом главное, и добьетесь большего результата... Знание техники — это дело инженеров и механиков, а наше дело командовать и быть неумолимым к подчиненным. На войне главное безотказно и безропотно вы-

полнять требования начальства, а не искать объяснений и оправданий своих промахов... Начальство любит, когда подчиненный берет-ся за любое дело, хотя бы и за такое, которое впоследствии оказывается невыполненным»¹⁸.

Необходимо подчеркнуть: то, что называется «обороной Сталинграда», на некотором этапе борьбы вылилось, прежде всего, в серию частных наступательных операций (конец августа — сентябрь), которые предпринимало наше командование преимущественно севернее города. Советских и немецких войск здесь было занято больше, чем в самом Сталинграде. Думается, в донесениях и докладах в Ставку ВГК их влияние на судьбу защитников сильно преувеличено, потери наступавших оказались неоправданно огромными, результаты — незначительными. Главная ответственность за организацию и проведение неудачных наступлений лежит на Г. К. Жукове, Г. М. Маленкове, А. М. Василевском и уже во вторую очередь — на А. И. Еременко.

Как известно, Сталин — человек крайне недоверчивый, склонный искать врагов, виновных в неблагоприятном развитии событий, в разных эшелонах военного и государственного руководства. Так он поступал до войны и не отказался от подобной практики в первые годы Великой Отечественной. Уже в его распоряжении от 25 августа 1942 г., направленном находившимся под Сталинградом представителям Ставки, высказывается правда, завуалированно: неспроста, мол, Красная Армия терпит поражение за поражением, «мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта»¹⁹.

Из песни слова не выкинешь — Еременко и Хрущев приняли предложенные «правила игры» и в донесениях Сталину, в Генштаб нередко сваливали причины неудач на ближайших помощников. Так, во время переговоров 24 сентября по прямому проводу с заместителем начальника Генерального штаба генералом Ф. Е. Боковым руководители обороны наделили весьма нелестными характеристиками практически все свое окружение, прежде всего, генералов В. Н. Гордова, Д. Н. Никишева, К. А. Коваленко, И. Н. Рухле. Про последнего — в то время начальника оперативного отдела фронта — например, говорилось, что он «никчемный человек, боящийся ответственности, неточный, неаккуратный и притом трус»²⁰.

Буквально через несколько дней Ставка провела новые организационные мероприятия,

вызванные еще более возросшей протяженностью фронта борьбы в районе Сталинграда, создав новый Донской фронт во главе с генералом К. К. Рокоссовским, а бывший Юго-Восточный фронт переименовала в Сталинградский (командующий генерал Еременко). Этим решением генералы Гордов и Рухле были отозваны в Москву в распоряжение наркома обороны. Вскоре Ивана Никифоровича Рухле арестовали. Как вспоминал ветеран военной контрразведки Л. Г. Иванов, после войны он разбирал архив начальника Главного управления контрразведки «Смерш» В. С. Абакумова и наткнулся на следственное дело одного из первых красных командиров. В тонкой папке находилось донесение командования фронтом (Еременко и Хрущева) в ГКО от 22 сентября 1942 г., где генерал признавался одним из главных виновников срыва нашего наступления. Красным карандашом Сталин нанес резолюцию: «Рухле арестовать»²¹.

По документам НКВД историк В. С. Христофоров установил, что следствие велось почти 10 лет без вынесения обвинения. Иван Никифорович категорически отвергал обвинения в шпионаже в пользу Германии, его изменническая деятельность не нашла документального подтверждения, хотя Рухле признал свои ошибки, считая их следствием недооценки противника, неумения организовать планирование и управление, а не злого умысла. В марте 1953 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала И. Н. Рухле виновным в халатном отношении к своим обязанностям и приговорила к 10 годам лишения свободы, считая срок отбытия наказания с 5 октября 1942 г. Не прошло и двух месяцев, как Пленум Верховного суда прекратил дело Рухле за отсутствием состава преступления и освободил бывшего генерала. Теперь его с положительной стороны характеризовали командиры, под чьим началом он служил под Сталинградом, в том числе А. И. Еременко²².

Вернемся в осень 1942 г. Положение в городе продолжало осложняться каждую неделю. 5 октября начальник управления НКВД ст. майор ГБ И. А. Воронин направил телефонограмму наркому внутренних дел Л. П. Берия об ухудшении обстановки в Сталинграде. «Противник, развивая наступление на северо-западном и северном участках города в районе завода „Красный Октябрь“, вышел на линию железной дороги СТЗ — город, занял верхний поселок завода „Баррикады“ и горный поселок тракторного завода»²³. У Сталина было много информаторов,

с этим донесением он, несомненно, ознакомился, поскольку отреагировал мгновенно — направил в тот же день генералу А. И. Еременко директиву с такой оценкой: «Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда»²⁴.

В книге «Сталинград» можно найти свидетельства о том, как изменилось для нас к худшему положение в начале октября: «Связь с основной базой обеспечения, которая находилась за Волгой, непрерывно нарушалась, так как переправы и причалы были под непрерывным огнем артиллерии и минометов и хорошо наблюдались противником. В распоряжении войск армии оставалась крайне ограниченная территория, простреливавшаяся всеми видами огня, вплоть до пулеметного. Маневрировать в этих условиях было необычайно трудно. Маневр стал возможен только вдоль берега Волги ночью или при искусственном задымлении»²⁵.

На следующий день после получения очередной критической директивы Еременко вместе с Хрущевым попытались оправдаться в глазах Верховного: «Благодаря тому, что мы возлагали большую надежду на помощь с севера, в которой безусловно были уверены, и рассчитывали, что она придет через 3–5 дней, а поэтому и не усилили своевременно войска, дерущиеся за Сталинград... Это привело к тому, что противник подошел к стенам Сталинграда, а на отдельных участках вошел в город... Случаев, когда противник теснит наши войска, — мало, а больше таких случаев, когда противник уничтожает наши силы непрерывным ударом авиации и тяжелых танков»²⁶.

Суровый, немногословный и требовательный командующий полагал, что необходимо еще жестче спрашивать с подчиненных, не выполнивших приказ «Ни шагу назад!». Доказательств того, что именно Еременко форсировал работу карательных органов, у нас нет, однако огромные цифры задержаний и арестов весьма красноречивы. Правда и то, что по мере продолжения боев в городе, их ожесточение нарастало. Казалось, что ничто не может устоять перед мощными бомбежками, артиллерийским обстрелом, который дополняли выстрелы танковых пушек и пулеметов врага.

Однако советские бойцы и командиры мужественно продолжали борьбу, из-за Волги их поддерживали многочисленные батареи ствольной и реактивной артиллерии, по ночам — легкие бомбардировщики У-2. Под вражеским огнем работали многие переправы, регулярно

доставляя пополнения, минимально необходимые запасы для продолжения сопротивления. Постепенно Сталинград «перемолол» все немецкие резервы, настроение военнослужащих вермахта упало, недавно казавшейся такой близкой победа — ускользала, хорошо отлаженная «военная машина» начала пробуксовывать. В оценке ситуации можно полностью согласиться с Еременко, высказанной им в книге на основе допросов пленных, дневниках убитых солдат и офицеров, других трофейных документов.

Следует отметить, что в эти дни, когда генералы Жуков и Василевский успели обсудить со Сталиным лишь первые наброски будущего контрнаступления — операции «Уран», командующие фронтами предложили «свои решения», начали в строжайшей тайне вести расчет сил и средств по еще не принятому Ставкой плану. Этот феномен можно объяснить тем, что идея удара по флангам увязшей в Сталинграде 6-й германской армии буквально «висела в воздухе». Предложение генерала А. И. Еременко поступило первым, причем за короткий срок он направил Сталину два варианта возможного контрнаступления.

По второму, доработанному варианту от 9 октября, осуществлялся «выход на главные коммуникации противника в районе Калача и переправы через р. Дон на участке Калач — Вертячий». Генерал Еременко не сомневался, что «с выходом в этот район мы лишаем противника самого главного — маневра его подвижных танковых и моторизованных сил, действующих в районе г. Сталинград; изолируем от главного удара, а значит, и уничтожаем противника на западном и южном берегах р. Дон по частям». Особая часть плана — рейд специально выделенной кавалерии на вражеские аэродромы, уничтожение самолетов и баз²⁷.

«В плане Еременко много было решений рейдово-диверсионного характера, — критиковал командующего историк А. В. Исаев. — Такие акции могли осложнить немцам жизнь на несколько часов... Его предложение проводить операцию кавалерией представляется совершенно беспомощным. В таком варианте это не столько контрудар, сколько рейд с целью уничтожения коммуникаций противника. Успех его представляется более чем сомнительным. У немцев было достаточно сил на правом берегу Дона, чтобы развеять кавалерию по ветру даже в случае успеха с прорывом к переправам у Калача и Вертячего...»²⁸.

Как известно, был подготовлен, принят и осуществлен более амбициозный и дерзкий, с широким размахом операции и участием трех фронтов план «Уран», который и привел к успеху Красной Армии. Ударив 19–20 ноября по слабым немецким флангам, удерживаемым румынами, наши войска прорвали линию фронта и через нескольких дней моторизованные и танковые группы Сталинградского и Юго-Западного фронтов встретились в Калаче на Дону — в кольце оказались 6-я полевая и часть сил 4-й танковой армий неприятеля. Попытки гитлеровского командования деблокировать окруженных провалились.

Вспоминая о том, как И. В. Сталин принимал разные меры, чтобы как можно быстрее покончить с зажатой в районе Сталинграда немецкой группировкой, постоянно торопил командующих фронтами, Г. К. Жуков привел в своей книге диалог, состоявшийся в конце декабря 1942 г. в Кремле:

«Верховный предложил: „Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела“.

Присутствующие члены ГКО поддержали это мнение.

„Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?“

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

„А вы что молчите?“ — обратился Верховный ко мне.

„На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского“.

„Сейчас не время обижаться“, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне: „Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного комитета обороны“»²⁹.

Упомянутый в цитате «кто-то» — начальник Генштаба А. М. Василевский. Александр Михайлович и не скрывал, что считал Рокоссовского одним из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил. Ему импонировали глубокие знания, мужество, храбрость, огромная работоспособность и неизменная забота о подчиненных, которые любили своего командующего. О том, как Еременко «отомстил» Василевскому можно судить по воспоминаниям последнего.

Начальник Генштаба как представитель Ставки, якобы, предложил неудачный план отражения деблокирующего удара Манштейна, требовавший значительной перегруппировки сил, однако Василевский «воспринял критику, как подобает коммунисту», отказался от своего ошибочного предложения и одобрил план, разработанный командующим фронтом. Ссылаясь на донесение Верховному от 18 декабря, другие документы, Александр Михайлович доказывает, что сказанное его оппонентом — миф, как и помещенная в приложении книги «Сталинград» приписанная ему схема № 20 — такой не существовало. Поддержал Василевского и способствовал восстановлению «исторической правды» маршал Р. Я. Малиновский, в декабре 1942 г. командовавший 2-й гвардейской армией, наносившей главный удар по наступавшему врагу³⁰.

Первым с начала войны орденом Андрея Иванович Еременко был награжден 28 января 1943 г. за умелое руководство войсками в ходе контрнаступления под Сталинградом — это был недавно учрежденный орден Суворова I степени. В ходе развернутого широкого наступления Южного фронта, обострились старые раны, и генерал вновь попал в госпиталь. «Особо доверительные отношения» со Сталиным не прекратились — в августе 1943 г. вождь посетил Еременко во время единственного приезда на фронт, имел с ним длительную ночную беседу. Однако это тема уже другого исследования...

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170634 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

Копия: командующему войсками Донского фронта

5 октября 1942 г. 14 ч 30 мин

Я думаю, что вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен отобрать

у вас переправы, окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить южную группу ваших войск, 64-ю и другие армии, и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у вас. Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о вашей плохой работе. Сил у вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, и несмотря на это, противник продолжает теснить вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

И. СТАЛИН
Продиктовано по телефону.
ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 185, 186. Подлинник.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

№ 1

7 августа 1942 г.

Действующая армия.

1. Сего числа я вступил в командование войсками Юго-Восточного фронта.

Основная наша задача — разбить врага, рвущегося к Сталинграду и отбросить фашистские орды за пределы нашей Родины.

2. Товарищи! Нам выпала честь защищать город Сталина.

Не посрамим же чести этого дорогого имени и нашей Родины. Обращаюсь к Вам, боевые соратники, — бойцы, командиры и политработники; к Вам, братья по плоти и крови, — русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне и люди других национальностей; к Вам, братья по нашему отечеству, по боевому сотрудничеству.

Обращаюсь к Вам с призывом и приказом.

Ненавистные и озверелые орды фашизма залили кровью оккупированные области, они залили кровью и слезами наших матерей, отцов, детей, братьев и сестер. Реки пролитой крови и слез; столько пролитой невинной крови и слез, что в них можно утопить всех гитлеровских кровожадных бандитов.

Гитлеровские бандиты опозорили и обесчестили наших девушек и жен.

Зверски избивают и уничтожают наш народ.

Товарищи! Кровью обливается сердце, когда вспоминаешь эти зверства.

Мы — бойцы, — защитники Великой Родины, не можем больше терпеть этого издевательства над нашим народом.

Со всей злобой и ненавистью мы будем уничтожать заклятого врага.

В сражениях под Сталинградом положим начало концу истреблению гитлеризма.

Слава нашим героям, бойцам, командирам и политработникам, храбро сражающимся за нашу Великую Родину.

Пусть скажут о каждом из нас, что он был в Великом сражении под Сталинградом.

Ни шагу назад, таков приказ народа, таков приказ Сталина. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЮВФ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЕРЕМЕНКО

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА Н. ХРУЩЕВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЮВФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЗАХАРОВ

ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 570. Д. 9. Л. 25, 26. Подлинник.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170562 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ О РЕОРГАНИЗАЦИИ РУКОВОДСТВА ОБОРОНОЙ СТАЛИНГРАДА

9 августа 1942 г. 23 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 6 часов 10 августа подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику Еременко, оставив за т. Еременко командование и Юго-Восточным фронтом по совместительству.
2. Назначить заместителем к тов. Еременко по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенанта тов. Голикова, освободив его от обязанностей командующего 1-й гвардейской армией.
3. Назначить генерал-майора т. Москаленко командующим 1-й гвардейской армией.
4. Назначить командира 10-й дивизии войск НКВД полковника Сараева начальником гарнизона г. Сталинград.
5. Иметь в виду как т. Еременко, так и т. Гордову, что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеют решающее значение для всего нашего советского фронта.

Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 6, 7. Подлинник.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ

№ 7

20 сентября 1942 г.

Действующая армия.

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Уже скоро два месяца как гитлеровские стервятники рвутся к Сталинграду. Через горы трупов своих солдат и офицеров уничтоженных нашими славными воинами Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, кровавый Гитлер снова и снова гонит свои ослабленные части в бой. Главный удар пришелся на части Юго-Восточного фронта, защищающие непосредственно Сталинград. Они героически, с гордостью обороняют город, который носит имя Великого Сталина, отбивая ежедневно по несколько атак танков и пехоты противника.

За этот период времени отбито более ста атак противника, при этом бойцы, командиры и части в целом проявили исключительное упорство в борьбе и небывалый героизм.

За это время уничтожены сотни танков и много другой техники врага, истреблены тысячи фашистских солдат и офицеров.

Сейчас враг находится у стен Сталинграда. Враг, истекая кровью, продолжает рваться к городу.

Задача войск Сталинградского фронта скорее, в кратчайший срок оказать помощь своим братьям, защитникам Сталинграда, а войскам Юго-Восточного фронта еще упорнее защищать город, нанося контрудары по зарвавшемуся врагу.

ВСЕМ ВОЙСКАМ ДЕЙСТВОВАТЬ РЕШИТЕЛЬНО И СМЕЛО, БЫСТРО И ХРАБРО!

АРТИЛЛЕРИСТАМ сильным огнем прокладывать путь танкам и пехоте, уничтожать противотанковую артиллерию и танки врага.

ГВАРДЕЙЦАМ МИНОМЕТЧИКАМ накрывать своим мощным огнем боевые порядки врага, его скопление, контратакующие группы, прокладывать путь пехоте и танкам, держать связь с пехотой, не отставать от нее, выдвигаться вперед и преследовать врага огнем.

ТАНКИСТЫ! Стремительно врзайтесь в боевые порядки врага, стреляйте с хода, уничтожайте врага огнем и давите гусеницами.

ПЕХОТА своим мощным минометным, автоматическим и ручным огнем истребляйте врага всюду, где бы его ни встретили, бегом выдвигайтесь за танками, от танков не отставая. Танки прикрывают пехоту, а пехота танки. Нет танков — двигайтесь без них. Быстрота удара решает успех боя.

БРОНЕБОЙЩИКИ! Уничтожайте танки и бронемашины противника; ударяя в бок танки, нанесешь больше потерь врагу.

ЛЕТЧИКИ-ИСТРЕБИТЕЛИ! Смелее атакуйте врага в воздухе.

ШТУРМОВИКИ И БОМБАРДИРОВЩИКИ! Бесстрашно атакуйте и беспощадно уничтожайте прицельным огнем врага на земле. Ни одной бомбы по пустому месту!

Требую от всех войск величайшего напряжения и героизма, от всего командного состава — непосредственного руководства в бою.

Пусть не дрогнет рука ни у одного воина в этой великой битве.

Трусам и паникерам нет места в наших рядах.

Общая задача всех родов войск — уничтожить врага под Сталинградом и положить начало его разгрома и очищения нашей страны от кровавых захватчиков. Мы этого добьемся обязательно, для этого у нас сил и средств достаточно.

Отомстим варварам — поджигателям войны, разорившим наши села, города и заводы, опозорившим наши семьи, пролившим много крови нашего мирного населения.

НЕТ ПОЩАДЫ ВРАГУ, ВПЕРЕД, СМЕЛО В БОЙ! ТАКОВ ПРИЗЫВ РОДИНЫ, ТАКОВ ПРИКАЗ ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ СТАЛИНА!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, экипажах и командах.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО
ФРОНТОВ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЕРЕМЕНКО
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА СТАЛИНГРАДСКОГО
И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ Н. ХРУЩЕВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КОВАЛЕНКО

(Подписи отсутствуют, приказ типографского издания)

ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 278. Д. 4. Л. 168.

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА С КОМАНДОВАНИЕМ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

24 сентября 1942 г.

Начало 05 ч 25 мин

Конец 08 ч 45 мин

У аппарата Ф. Е. БОКОВ.

У аппарата А. И. ЕРЕМЕНКО, Н. С. ХРУЩЕВ. Просим Вас принять и передать товарищу Сталину следующее.

Товарищу Сталину.

Уже два месяца длится сражение под Сталинградом. Фронт активных действий — на участке р. Дон, Сталинград, Красноармейск.

Всеми видами разведки и опросом пленных установлено, что здесь действуют тринадцать пехотных дивизий (384, 305, 76-я, венгерская пд неустановленной нумерации, 95, 389, 295, 71, 94, 297, 371-я пд немецкие, 20 и 2-я пд румын); три мотодивизии (3, 60 и 29-я мд); четыре танковые дивизии (16, 24, 14-я тд и тд неустановленной нумерации). Всего двадцать дивизий, 480–550 танков, 1100–1200 орудий и 600–650 самолетов всех типов и марок (сведения о самолетах подтверждены неоднократно аэрофотографированием)...

Характеристика войск противника

Части противника понесли значительные потери и в настоящий момент в среднем по каждой дивизии насчитывают по 65–70% личного состава и до 60% боевой техники. Нахождение противника на таком относительно высоком численном уровне дивизий объясняется тем, что он непрерывно бросает пополнения, вводя их в бой с ходу, используя маршевые батальоны, штрафные роты, тыловые части, саперов, которые ранее не принимали участия в бою как пехота (например: 71-я пд, истрепанная, пополняется маршевыми батальонами из австрийцев и поляков, 295-я пд получила на пополнение 4 и 9 штрафные роты, 14-я тд получила на пополнение саперный батальон и т. д.).

Под Сталинградом в состав германской армии входят следующие национальности: немцы, австрийцы, поляки, венгры, румыны. В составе ВВС — авиация Германии, Румынии и Италии.

Все это в процессе боев перемешалось. Это показывает, что не от хорошей жизни делается приказами командующих 6-й германской армией генералом Паулюсом и 4-й танковой армией генералом Готом. Следует отметить, что на севере от Сталинграда войсками противника руководит командующий 6-й армией, а с юга и запада — командующий 4-й танковой армией. Оба эти генерала, возглавляющие армии, не блещут особыми способностями — тупые, но упорные подлецы. Основной фигурой, которая их спасает, является командующий 8-м воздушным корпусом генерал-полковник Рихтгофен. Можно еще отметить, как способных и смелых генералов, это командира 29-й мд генерала Фроммери, командира 14-й тд генерала Кюна и 24-й тд — Хауншильда. Ну, а о таких генералах, как командир 6-го ак румын Драголина, командир 20-й пд румын Георгеску, 2-й пд румын Тудосе, как и о их войсках, можно сказать, что они серьезной силы не представляют и выглядят как генералы отступления, как дивизии отступления.

Какие можно сделать выводы о противнике?

Первый. Войска противника понесли под Сталинградом колоссальные потери: по самым скромным подсчетам с 6 августа по 20 сентября убито солдат и офицеров 25–32 тысячи человек, ранено солдат и офицеров 80–112 тысяч человек, сбито и повреждено 1156 самолетов, уничтожено 250–300 орудий, сожжено и подбито 550–600 танков.

Второй. Тот наступательный порыв, который имели фашисты, с каждым днем падает, хотя они и стараются все собирать и бросать на пополнение и тем самым удержать на известном уровне боеспособность своих частей, с удержанием инициативы действий в своих руках. Но кривая с каждым днем начинает падать, противник заметно выдыхается. Упорство наших войск под Сталинградом значительно сломило дух фашистских войск и темпы его наступления, несмотря на упорное желание овладеть городом Сталинград и сосредоточение здесь лучших пехотных, танковых и моторизованных дивизий и в особенности авиации. Несмотря на это, Сталинградом овладеть ему не удалось.

Третий. Тщательным наблюдением за подходом резервов противника установлено, что подхода свежих частей и соединений не отмечается, а пополнение идет, как я указал выше, путем пополнения действующих частей разными командами, штрафными ротами, аэродромными батальонами и другими огрызками. Это показывает, что резервы противника иссякают.

Что можно сказать о своих войсках?

Первое. Войска Юго-Восточного фронта, выдержав в этом сражении, которое еще далеко не кончилось, я бы сказал, небывалые атаки по своей мощи и силе огня, и особенно авиации, нанесли колоссальные потери противнику, причем при наличии очень несовершенных оборонительных сооружений под Сталинградом, выстроенных в три ниточки, без достаточной глубины и во многих местах безграмотно построенных в тактическом отношении, не говоря уже об оперативной обороне в целом.

Второе. Не было ни одного случая, почти не было, чтобы наши части дрогнули, поддались панике и бежали с поля боя. Диву даешься, наблюдая, когда противник наносит массированные удары авиацией. Кажется, что места живого не осталось в районе бомбежки, причем за бомбежкой следуют атаки танков и пехоты противника. А в результате защитники г. Сталинград останавливают танки и пехоту противника, отбивая их атаки и контратаки.

Нужно отметить как солидного и хорошо показавшего себя командарма-64 генерал-майора тов. Шумилова. Тов. Чуйков последнее время тоже неплохо работает. Нужно отметить и такого командира, как командир 133-й тбр полковник Бубнов, который в течение месяца принимал участие со своей бригадой на направлениях главных атак и контратак противника, сохраняя при этом постоянную боеспособность бригады на уровне 20 танков KB.

Что сейчас происходит под Сталинградом?

Противник вклинился в город в его западной части на участке в 6–7 км и на участке Купоросное, пригород Минина, вышел на берег р. Волга. 9/10 города мы держим в своих руках, причем районы промышленных предприятий как на юге города, так и на севере также в наших руках. Вся трудность заключается в том, что противник своим минометным, артиллерийским огнем и авиацией здорово воздействует на наши переправы и страшно затрудняет как переброску нашим частям на западный берег р. Волга пополнения, боеприпасов, продовольствия, так и эвакуацию раненых. Главное еще и не в том, что противник обстреливает переправы, а в том, что он уничтожает наши переправочные средства.

С севера помощь затянулась. Это главным образом и усложнило положение войск, защищающих Сталинград. Но дух войск по-прежнему остается высоким, твердым и непоколебимым.

По Сталинградскому фронту

Я только 23.09.1942 г. в 7.00 утра вернулся со Сталинградского фронта. Там на месте я убедился, что войск и средств усиления там много. На фронте главного удара (левое крыло) действует двадцать две дивизии с большими средствами усиления и, казалось бы, что с этими войсками можно было бы не только наступать, но можно было бы на брюхе ползти и быть в Сталинграде.

В чем основная причина наших неудач

Основная причина:

- а) это неумение командиров дивизий организовать бой, видеть этот бой, влиять на ход боя;
- б) низкая требовательность;
- в) и самое плохое, самое похабное, я бы сказал, это то, что командиры дивизий и полков не знают, что перед ними, какой противник, не изучают врага и часто начинают бой, ведут артподготовку почти по пустому месту. Я разговаривал с семнадцатью командирами дивизий и тремя командующими (66, 24 и 1-й гвардейской) армиями. Выяснилось, что за десять дней действий ни одна дивизия не захватила ни одного пленного (это при наступательной-то операции) и совершен но никто не знал из них, удивительно, что ни один из них не знал (!) кто перед ним, какой противник и сколько его. Ведь при наступлении 18 сентября 1942 г. на фронте двух ударных армий — 24-й армии и 1-й гвардейской — было всего четыре полка противника против наступающих двенадцати дивизий. Противник явно был захвачен врасплох, и все же операция не удалась.

В чем основная причина неудачи?

Если неудачи первых двух наступлений объясняли тем, что не было времени, спешкой, то тут дано было и время, и превосходство перед врагом, за исключением авиации, а успеха нет.

В чем же причина?

Я эту причину вижу прежде всего в том, что, не имея данных о противнике, полки и дивизии атаковали предполье и свой артиллерийский огонь по сути дела был направлен по пустому месту. И, второе: выдвигения частей пехоты за танками не было. [Немецкие] автоматчики остановили передовые части, а все задние застопорились из-за глубокого построения. Появление сильной

авиации противника над полем боя прижало части к земле, так как маскироваться на открытой местности очень трудно. Воздействие авиации противника было очень сильное, так как дивизии имели участок от одного до полутора км фронта, создавали большую плотность, вследствие чего каждая брошенная бомба с самолета противника попадала по цели. Командный же состав не понял того, что, чем больше лежишь на месте, тем больше несешь потери от авиации. Наоборот, при движении, и особенно когдаходишь в огневую связь с противником, вклиниваешься в его боевые порядки, потерь меньше, так как затрудняется воздействие авиации противника по нашим войскам из-за боязни поразить своих. Кроме того, пехота наша потеряла душу пехоты, из такого сильного автоматического оружия, которое мы имеем, из такого мощного пехотного оружия, которым она вооружена, совершенно не ведет огня, не ведет настоящего пехотного боя, то есть того, чем она [должна быть] сильна.

Противник десятками автоматчиков, находясь с обороне, сдерживает целые полки при наступлении, а наша пехота с ними не вступает в огневое единоборство. Только и слышно на поле боя артиллерию, РС'ы и авиацию. Ручная граната совсем забыта на поле боя.

Противнику выгодно, когда мы скученно наступаем и на узком фронте, потому что он, имея подвижные части, быстро их стягивает на это направление и имеет при этом возможность наносить сосредоточенные удары с воздуха.

Я считаю, что в данных конкретных условиях и при таком перевесе в наземных войсках, которые мы имеем здесь, нужно наступать в трех — четырех направлениях с тем, чтобы рассредоточить усилия противника, лучше использовать свои войска и технику.

Я такое решение там на месте принял: усилить удар на правом фланге 1-й гв. армии и на левом фланге у тов. Малиновского. Товарищ Жуков это решение утвердил.

Неуспех наступлений во многом зависел и от того, что штаб Сталинградского фронта неспособен к управлению войсками. Сам товарищ Гордов не особенно четкий человек, и с контролем у него некрепко поставлено дело, а главное то, что товарищ Гордов очень ошибается в людях и не умеет подобрать аппарат. Он хвалил здорово Никишева, а Никишев оказался совершенно неспособным к роли начальника штаба. Он хвалил тов. Коваленко, который допущен к должности начальника штаба, этот тоже не организатор и не администратор, совершенно безрукий человек. Начальник оперативного отдела Рухле никчемный человек, боящийся ответственности, неточный, неаккуратный и притом трус.

Несмотря на то, что т. Жуков и т. Маленков там провели большую работу в организации наступления и помощи фронту, штаб не справился, не сумел обеспечить руководство и управление проводимой операцией.

Я считаю, что дальнейшее пребывание т. Коваленко на должности начальника штаба, которого я просил допустить по просьбе товарища Гордова, и товарища Рухле на должности начальника оперативного отдела невозможно.

Прошу Вашего распоряжения о назначении на их места из резерва Ставки, так как кандидатов у меня нет.

По всем тем вопросам, которые я здесь затронул, будучи там на месте с товарищем Хрущевым, мы приняли ряд мер по устранению всех отмеченных организационных, оперативных и тактических недочетов.

С 7:00 23.09.1942 г. я нахожусь на КП у Сталинграда.

Еременко, Хрущев. 23 сентября 1942 г. 08 ч 30 мин.

Товарищ Боков, я прошу незамедлительно доложить этот материал товарищу Сталину. Еременко, Хрущев.

БОКОВ. Сегодня будет доложено товарищу Сталину. У меня вопросов нет. До свидания. Боков. 8:45 24.09.1942 г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170585 ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ [А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ И Г. М. МАЛЕНКОВУ] ОБ ОТВОДЕ ВОЙСК 62-й И 64-й АРМИЙ НА СРЕДНИЙ СТАЛИНГРАДСКИЙ ОБВОД

25 августа 1942 г. 05 ч 15 мин

Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта.

Как вы думаете использовать дивизии, подходящие с севера в район Себряково, в какие армии думаете их включить? Как работает наша авиация? Живы ли Еременко и Хрущев.

Как видно из донесения Лопатина, противник свободно переправляет свои части в районе Котлубани на восток от Дона. Это значит, что он будет прорывать следующий обвод Сталинграда.

По-моему, следовало бы отвести Лопатина, а также и 64-ю армию на следующий обвод, восточнее Дона. Отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армии.

Наступление 1-й гвардейской армии согласно вчерашней директиве уже не осуществимо в данный момент. Ей надо поставить задачу на оборону и прочно удерживать плацдарм, так же как и 63-й армии.

Жду немедленного ответа.

И. СТАЛИН

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160, 161. Подлинник.

¹ Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1968. С. 133.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 195.

³ Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 20.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 352.

⁵ Кудряшов О. Н. Новые аспекты истории Сталинградской битвы.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 349.

⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 356.

⁸ Там же. С. 362.

⁹ Дёрр Г. Поход на Сталинград. / пер. с нем. М., 1957. С. 44.

¹⁰ Еременко А. И. Сталинград. М., 1961. С. 135.

¹¹ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. М., 1968. С. 294.

¹² Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 197.

¹³ Ф. 220. Оп. 451. Д. 42. Л. 113.

¹⁴ Крылов Н. И. Сталинградский рубеж. М., 1979. С. 247, 248.

¹⁵ Еременко А. И. Сталинград. М., 1961. С. 293.

¹⁶ Там же. С. 263.

¹⁷ Чуянов А. С. На стремнине века. М., 1977. С. 216.

¹⁸ Киселев В. Н. Командарм Хрюкин. Волгоград, 1996. С. 50.

¹⁹ Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160.

- ²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 400.
- ²¹ Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 77.
- ²² Христофоров В. С. Указ. раб. С. 74–76.
- ²³ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 226.
- ²⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 411.
- ²⁵ Еременко А. И. Указ. соч. С. 228.
- ²⁶ Куманев Г. А. Сталинградская битва. М., 2007. С. 503.
- ²⁷ Ф. 220. Оп. 451. Д. 157. Л. 5–7.
- ²⁸ Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 270, 271.
- ²⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1988. С. 320.
- ³⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 252–254.

Сталинград — момент истины

А. Ю. Борисов*

В истории великих войн всегда выделялось решающее сражение, победа или поражение в котором одной из воюющих сторон чаще всего определяли исход всей войны. Это был своего рода «момент истины», всё расставляющий «по своим местам». Во Второй мировой войне таким сражением стала Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в ходе войны в пользу государств антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании. Победа советского оружия, одержанная на берегах Волги над гитлеровским вермахтом, подвела черту под нацистскими планами установления «нового порядка» в Европе и открыла дорогу к избавлению человечества от угрозы фашизма. Сталинград стал символом мужества, самоотверженности и самопожертвования народов Советского Союза во имя победы над врагом, спасения Родины от иностранного порабощения.

Война моторов

Если окунуться в гнетущую атмосферу начала Великой Отечественной войны, отмеченную чередой поражений Красной Армии, её отступлением «по всему фронту», окружением и разгромом её элитных частей, сдачей врагу городов и сёл, потерей огромного промышленного потенциала, то победа гитлеровской Германии в европейской войне многим казалась вполне вероятной. Контрудар Красной Армии под Москвой зимой 1941 года спутал планы немецкого командования по осуществлению «молниеносной войны» против СССР по примеру одержанных

оглушительных побед на Западе и имел огромное морально-психологическое значение, развенчав миф о непобедимости вермахта, но не устранив смертельную угрозу, нависшую над Советским Союзом.

Война принимала «латентную форму», становилась войной стратегических потенциалов, состязанием экономических ресурсов, тотальной мобилизацией сил и средств, войной на истощение противника. К такой затяжной войне в силу объективных материальных причин гитлеровская Германия была не готова и поэтому продолжала придерживаться авантюристической тактики «мгновенных побед». Интересно мнение на этот счёт главного финансиста Третьего рейха Яльмара Шахта, хорошо знавшего экономические пружины войны и имевшего тесные связи в правящих кругах США и Великобритании. В декабре 1940 года на пике побед вермахта в Европе он писал министру экономики Функу: «Я рассказал Вам о том, что исповедую несколько лет. А именно: что с экономической точки зрения мы не готовы для продолжительной войны. А что война с Англией будет весьма долгой, очевидно для каждого, кто знаком с англосаксонским менталитетом».

Отметим, что сказано это было ещё до нападения рейха на Советский Союз, которое многократно, несмотря на победное начало, повысило риски для Германии. «Мы с друзьями были убеждены, — вспоминал оправданный Нюрнбергским трибуналом Шахт, — что нападение на Россию было чистейшим безумием. Если до сих пор мы надеялись, что можно

---

* Александр Юрьевич Борисов — профессор, д. и. н. МГИМО(У).

было предотвратить войну посредством каких-нибудь разумных мер, то включение России в ряды наших врагов обратило эту надежду в прах». В ноябре 1942 года в разгар боёв под Сталинградом он пишет Герингу, хорошо зная, что его мнение воспринимается как пораженческое у нацистских бонз: «Предварительно могу констатировать, что с самого начала моё отношение к тем, кто занимает ответственные посты, заключалось в том, что с экономической точки зрения мы не оснащены в достаточной степени для продолжительной войны». И далее в этом же письме: «Первоначальные расчёты на блицкриг не оправдались... Постоянные заверения, что вооруженное сопротивление России сломлено не подкреплено фактами»¹. Катастрофа под Сталинградом ещё только маячила впереди, но для нацистских главарей путь назад уже давно был отрезан.

Между тем разница между военными компаниями Германии на Восточном фронте 1941 года и 1942 года была существенной: если в начале войны удар наносился по трём главным направлениям с упором на захват Москвы, то после поражения вермахта на центральном фронте и возникшей стратегической паузы Гитлер, вопреки мнению некоторых своих советников, решил нанести основной удар на южном направлении, чтобы отрезать Красную Армию от кавказской нефти и тем самым лишить её боевой мобильности. Имелось в виду мощными ударами танковых армий отсечь советские войска от кавказских нефтепромыслов и Бакинского экономического района и выйти к Волге в районе Сталинграда и Астрахани с дальнейшим продвижением к иранской нефти и выходом на Ближний Восток. В войне на Восточном фронте всё очевиднее использовались экономические факторы.

Эта тема, дополняющая военно-стратегическую обстановку в период Сталинградского сражения, осталась мало исследованной в нашей литературе, хотя экономика в середине XX столетия куда в большей степени, чем это было в предыдущем веке, влияла на характер военного планирования верховного командования воюющих держав. В ряде фундаментальных работ как советского, так и постсоветского периода авторы не считают нужным уделить ей заслуженное внимание. Между тем Сталин, как известно, ещё в 30-е годы называл предстоящую войну «войной моторов» и придавал большое значение её материально-техниче-

скому обеспечению, созданию стратегических резервов.

Хорошо представлял себе уязвимые места Германии и Гитлер, особенно в том, что касалось стратегического сырья, прежде всего нефти. И тактика «блицкрига», успешно опробованная в Европе, возможно, не была столь уж авантюристической, как наши авторы всегда стремились доказать, а строилась с учётом имеющихся возможностей Германии. Эта тактика делала ставку на молниеносный разгром противника до введения им в борьбу основных резервов, так как собственные резервы были ограничены. Авантюризм заключался в неготовности Германии к затяжной длительной войне, которую Гитлер всячески старался избежать и чему окончательно помешала Сталинградская битва.

Ахиллесова пята любой современной армии — горючее. Без горючего не могут двигаться танки, не взлетят самолеты, генераторы не смогут вырабатывать электричество для радиопередатчиков или для размещенных на подводных лодках аккумуляторных батарей. Однако гитлеровский Третий рейх начал войну, не имея необходимых нефтяных резервов. В 1939 году две трети потребления нефти в Германии обеспечивалось за счет импорта. Заключенные в 1939 году советско-германские экономические соглашения предусматривали значительные поставки нефти, и именно это, в известной степени, помогло вермахту осуществлять свои блицкриги. В 1940 году три четверти советского экспорта нефти приходилось на Германию — всего около 617 000 тонн.

Естественно, после нападения Германии 22 июня 1941 года на Советский Союз рассчитывать на продолжение этих поставок не приходилось, хотя дефицит горючего в немецкой армии продолжал сохраняться. Цель Гитлера состояла в том, чтобы одержать победу над СССР до наступления осени, колонизировать Советский Союз и получить неограниченный доступ к его сырьевым запасам. Тогда можно было начать готовиться к последнему акту в борьбе за мировое господство — межконтинентальной войне с Соединёнными Штатами Америки. Однако в декабре 1941 года эти планы рухнули.

Из этой ситуации у вермахта было только два возможных выхода — увеличить собственное производство горючего или воспользоваться советскими нефтяными месторождениями. Поэтому с помощью огромных затрат продолжалось производство синтетического бензина,

который вырабатывался путем сжижения угля, имевшегося в достаточном количестве в Германии. В 1939 году в стране работали семь гидрогенизационных заводов, а к 1941 году к ним добавились еще четыре. Несмотря на увеличение производственных мощностей, немецкая военная промышленность в краткосрочной и среднесрочной перспективе прежде всего нуждалась в дополнительных источниках обычной нефти помимо тех, которые уже имелись в союзной Румынии.

Перед подобной дилеммой находилось и высшее армейское руководство в ходе Первой мировой войны. Однако сражения в период с 1914 по 1918 год велись с незначительным использованием моторизованных частей, и поэтому военные действия не были столь зависимы от поставок горючего. Бывший в то время генерал-квартирмейстером Эрих Людендорф весной 1918 года направил сначала несколько тысяч солдат для захвата нефтяных месторождений в районе Тифлиса на Кавказе, а затем их количество было увеличено до 19 000. С одной стороны, они должны были препятствовать нападению британцев, которого в Берлине опасались, а с другой стороны, взять под контроль необходимые для германской военной экономики нефтяные месторождения.

В ходе следующей войны германский Генеральный штаб, конечно же, рассматривал такого рода вариант, и поэтому в 1941 году глава Управления вооружений и военной промышленности Министерства вооружений генерал Георг Томас предостерег о надвигающемся «нефтяном дефиците». Сам Гитлер, объявив в своем известном выступлении 31 июля 1940 года о конкретных планах нападения на Советский Союз, был глух к подобного рода предупреждениям и особого внимания вопросу о сырьевых ресурсах не уделил. Победы над Польшей и Францией вскружили ему голову и заставили замолчать его критиков. Однако через год, 12 августа 1941 года, увязнув «по уши» в войне на востоке, он уже был убежден в том, что «уничтожение или захват жизненно важных сырьевых ресурсов имеет еще большее значение, чем разрушение индустриальных перерабатывающих центров России». Военно-морские силы и люфтваффе, на 100 процентов зависевшие от поставок горючего, настаивали в ноябре 1941 года на том, чтобы как можно быстрее захватить, по крайней мере, северо-западную часть крупных кавказских нефтяных месторождений.

Операция «Блау»

Поэтому есть своя логика в том, что к концу 1941 года взгляды Гитлера и Генерального штаба обратились на юг Советского Союза. Первые намеки относительно существования подобного рода военных планов фюрер сделал 3 января 1942 года в беседе с японским послом в Берлине Хироши Осима. В течение последовавших за этим нескольких месяцев военные штабы разработали конкретные планы действий и произвели перегруппировку находящихся на востоке войск после крупных потерь в ту суровую зиму. Результатом этой работы и стала операция «Блау» — большое наступление на юге Советского Союза в начале лета 1942 года, призванное вернуть ускользнувшую победу над Сталиным.

Весной 1942 года все помыслы Гитлера были направлены на то, чтобы «окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся у Советов, и лишить их как можно большего количества важнейших военно-промышленных центров». Так диктатор сформулировал свою позицию в директиве № 41, основу которой составлял так называемый план «Блау». Для этого на южном участке фронта были сконцентрированы значительные силы, которым предстояло захватить «нефтяные районы Кавказа, а также перевалы через Кавказский хребет».

Однако далеко не все военные эксперты поддерживали эти планы. Командующий армией резерва генерал-полковник Фридрих Фромм, которому было поручено руководство «атомным проектом» Германии, в это время уже обдумывал возможность заключения мирного договора с Советским Союзом. Генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер в узком кругу говорил об «утопических наступательных планах». Генерал Томас предупреждал о том, что «разрыв между потребностями войны и возможностями снабжения постоянно увеличивается» и советовал «согласовать военные операции летом 1942 года с имеющимися запасами горючего». Однако эти осторожные оценки не нашли тогда никакого отклика.

Наступательный порыв вермахта значительно иссяк после наступлений в 1941 году и зимних оборонительных боев. Более полумиллиона военнослужащих были убиты, в том числе 15 тысяч офицеров. А общие потери офицерского состава до нападения на Советский Союз составляли 1250 человек. К началу 1942 года вермахт потерял на Восточном фронте около 35 процентов боевого состава, которым он располагал в июне

1941 года. Потери боеспособности были еще больше — они составляли 50 процентов у группы армий «Юг» и даже 65 процентов у групп армий «Центр» и «Север». На замену подбитых 3319 танков было поставлено всего 732 единицы новой гусеничной техники. По оценке Генерального штаба, на 30 марта 1942 года только восемь из 162 дивизий на Восточном фронте «были готовы к выполнению любых задач», то есть были «полностью пригодными для использования». А за год до этого такую оценку получили 136 из 209 дивизий.

Однако все это было проигнорировано Гитлером при разработке плана летней компании. К этому добавились и другие грубые стратегические просчеты. Вопреки законам элементарного военно-стратегического планирования у этой операции была не одна, а две главные цели. Помимо завоевания кавказских нефтяных месторождений, предусматривалась также ликвидация советского оборонного потенциала на юге, и прежде всего в Сталинграде. Даже при оптимальном развитии этой операции в северной части немецкого продвижения вдоль реки Дон линия фронта увеличивалась больше чем в два раза.

Все это предоставляло противнику прекрасную возможность отрезать оторвавшиеся от снабжения немецкие части и затем окружить их. Следует иметь в виду, что передовые части вермахта должны были сначала пройти 500 километров (расстояние от Страсбурга на Рейне до Парижа) по бездорожью по территории неприятеля для того, чтобы оказаться у одной из целей — у Сталинграда. А расстояние до второй цели — до Баку — составляло уже 1200 километров. Это, скорее всего, невозможно было осуществить до обычного в этих местах наступления зимы в ноябре. С точки зрения рационального военного планирования это отдавало явной легковесностью и не укладывалось в классическую логику советского командования. В это трудно было поверить, как годом раньше было трудно поверить Сталину, что Гитлер отважится напасть на СССР. Экономические факторы, которыми руководствовался Гитлер, судя по всему, казались в Кремле слишком «не военными» и в полной мере в расчёт не принимались.

Именно поэтому Генеральный штаб Красной Армии в феврале 1942 года ожидал продолжения немецкого наступления вновь на центральном направлении. Правда, советское командование с подачи разведки заметило на-

ращивание снабжения группы армий «Юг», однако это рассматривалось как возможный отвлекающий маневр. Главное направление удара в Генштабе ожидали с южного участка немецкой группы армий «Центр» на Москву и скорее всего дальше на восток в направлении города Горький для того, чтобы на востоке замкнуть кольцо окружения Московского региона. При этом в Ставке и Генштабе допускали, что в южном направлении может быть предпринят ложный или отвлекающий маневр. Трудно было поверить, что опытные в стратегическом отношении офицеры немецкого Генерального штаба могут разработать такую опасную операцию, как план «Блау». Когда 28 июня 1942 года эта операция всё-таки началась, А. М. Василевский и Г. К. Жуков быстро почувствовали свой шанс и осознали возможность нанесения вермахту сокрушительного ответного удара. Но весной 1942 года до этого было ещё далеко.

Сталинградское сражение — это удивительное переплетение закономерностей и случайностей, сочетание просчётов, ошибок и озарений командования, состязание военных школ, проверка на практике уровня военной логики и качества штабного искусства воюющих армий. Судя по многим косвенным признакам, советское политическое руководство, и прежде всего сам Сталин, явно переоценивали стратегические последствия победы в битве под Москвой и торопили события. Невозможное казалось возможным. Чувство вины перед советским народом за «день позора» 22 июня 1941 года, свой личный политический проигрыш и стремление рассчитаться с ненавистным врагом и освободить страну от гитлеровского нашествия мешали трезвой оценке соотношения сил и имеющихся возможностей на том этапе. Эти настроения хорошо чувствовало ближайшее окружение вождя и всячески им подыгрывало. Только желанием форсировать события и развить успех зимней компании вопреки логике военного сопротивления на советско-германском фронте можно объяснить крупную военную катастрофу советских войск под Харьковом весной 1942 года, серьёзно осложнившую общее положение Красной Армии на юге в преддверии Сталинградской битвы и окрылившей Гитлера и его генералов. Многим казалось, что события вернулись в 1941 год.

Распутица ранней весной 1942 года и чрезмерно растянутые пути подвоза мешали развертыванию немецких войск, и их наступление на юге проходило с отставанием от графика. Кро-

ме того, зимой в ходе тяжелых оборонительных боев Красной Армии удалось совершить на юге несколько глубоких прорывов. Одним из таких прорывов считался «чумной бубон» в Изюме — так командующий группы армий «Юг» Федор фон Бок называл плацдарм, расположенный к западу от Донца. От этого места до Харькова было всего 60 километров. Этот четвертый по величине город Советского Союза был превращен в промежуточный центр для дальнейшего наступления на юг.

Поэтому перед началом операции «Блау» прорабатывались два варианта, которые были названы в честь прусского короля — «Фридрих I» и «Фридрих II». Гитлер и его свита находились в это время в удаленном от центра штабе «Волчье логово», расположенном недалеко от Раценбурга в Восточной Пруссии. И фюрер, и его ближайшее окружение исходили из того, что эта операция будет скоротечной и, учитывая, как считалось, отсутствие резервов у Советов, быстро приведет к успеху. Однако разведывательный отдел германского Генштаба предупреждал о наличии от 50 до 60 новых дивизий, с которыми, «по имеющимся данным, несомненно», придется иметь дело.

Немецким командирам на местах было известно об усилении советских войск. Поэтому Бок был обеспокоен тем, что операция «Фридрих», которой он должен был руководить, «несомненно, содержит в себе зачатки неудачи». Но здесь вмешались роковые события, которые, проявив себя полностью, вполне могли изменить ход предстоящей битвы на Волге. 12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта под командованием близкого соратника Сталина по Гражданской войне маршала С. К. Тимошенко начали наступление на изюмском выступе под Харьковом, имея в своем распоряжении 640 тысяч солдат, 1200 танков и 900 самолетов. Через несколько дней наступающие войска находились всего в 20 километрах от бывшей столицы Украины. Бок смог остановить советские танки, бросив в бой все те резервы, которые были подготовлены для проведения операции «Фридрих». Как свидетельствовал находившийся в гуще событий с немецкой стороны В. Адам, адъютант Паулюса, «для нас создано угрожающее положение... Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника».

Бок сообщил Гитлеру о том, что «здесь речь идет не о декоративном изъяне, а о жизни или

смерти», и тогда Гитлер приказал перенести операцию «Фридрих» на более ранний срок и начать реализацию этого плана на юге. Вопреки сомнениям фронтовых генералов, Гитлер добился успеха. Всего за несколько дней 17-я армия с юга и 6-я армия генерала Фридриха Паулюса с севера смогли окружить советскую группировку. Советским войскам было запрещено отступать. Всего Красная Армия потеряла 22 стрелковых дивизии, семь кавалерийских дивизий и 15 танковых бригад — в общей сложности 240 тысяч солдат. Это был весьма сильный удар по боеспособности Красной Армии в преддверии решающих событий, ответственность за который несло командование Юго-Западного фронта (С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущёв, И. Х. Баграман) и лично Сталин. Действительно, могло показаться, что время вернулось в 1941 год.

Частью стратегического плана наступления немцев на юге являлся окончательный захват Крыма. Хотя за год до этого вермахту удалось оккупировать большую его часть, тем не менее территория на востоке в районе Керчи, а также крепость Севастополь в юго-западной части полуострова не сдались врагу. Ещё 27 февраля перешел в наступление Крымский фронт. Как и раньше, основной целью было деблокирование Севастополя. Однако с самого начала наступление не заладилось — зарядили непрерывные дожди, и почва размокла настолько, что в ней застревают даже танки. Тем не менее на Керченском направлении советским войскам удалось добиться некоторого результата. Благо, румынские войска не выдержали удара и начали отходить. Основные же бои на полуострове развернулись уже весной 1942 года.

В рамках операции «Блау» было запланировано не только захватить индустриальные центры в нижнем течении Волги вместе со Сталинградом, но прежде всего завладеть объектами советской нефтяной промышленности в районе Каспийского моря. Поэтому наступательная операция должна была проводиться по обеим сторонам Азовского моря. В этой связи было необходимо сначала установить контроль над восточной частью Крыма для того, чтобы потом через Керчь и районы Кубани иметь возможность продвинуться на Кавказ, в том числе и с западного направления.

Поэтому в мае усиленная румынскими частями 11-я армия генерал-полковника Эриха Левински (он же фон Манштейн) — получила приказ занять Керчь, что и удалось осуществить

через несколько дней. 170 000 красноармейцев попали в плен, были захвачены также 258 танков и 1100 артиллерийских орудий. Вслед за этим наступил черёд Севастополя.

Этот порт считался самой укрепленной крепостью в мире. Его гарнизон насчитывал 130 000 человек и имел мощные артиллерийские позиции, а также самые современные фортификационные сооружения. Кроме того, советские войска имели большой опыт защиты города от нападения противника. В многотомном труде под названием «Германский рейх и Вторая мировая война», подготовленном Исследовательским центром военной истории бундсвера, ставится под сомнение целесообразность длительной осады Севастополя, так как героическое сопротивление его защитников спутало карты авторов операции «Блау» и заставило ОКХ перенести её сроки. Но Гитлер, видимо, не хотел оставлять у себя в тылу мощный очаг сопротивления.

Кроме того, некоторые немецкие историки склонны трактовать решения фюрера с позиций исторической мифологии, к которой тот испытывал большую слабость. Крым уже давно рассматривался как жизненное пространство для «чисто немецких» новых поселенцев (прежде всего из Южного Тироля). В соответствии с генеральным планом «Ост», Крым — в память о древних готах, предках германцев эпохи поздней античности, — предполагалось переименовать в Гутенгау, а Севастополь — в Теодорихсхафен по имени одного из завоевателей Римской империи, вождя остготов, память которого увековечена мавзолеем в итальянской Равенне.

Вызывая изумление своих генералов, воспитанных в строгих традициях прусской военной школы Бисмарка и фон Мольтке-старшего, Гитлер всерьёз опирался на сомнительные исторические параллели. Севастополь имел для него сакральное значение, откуда первые священники-миссионеры из Византии принесли в Киевскую Русь христианство. Во время Крымской войны 1854–1855 годов город в течение долгого времени выдерживал осаду англичан, французов и турок и завоевал славу русского «города-героя». Однажды во время ужина Гитлер сказал Геббельсу о том, что он вполне отдаёт себе отчёт относительно этой роли Севастополя. Для него завоевание черноморской крепости было попыткой помериться силами с великими державами XIX столетия, которым потребовалось два года для того, чтобы добиться успеха. Можно

ли после этого будет утверждать, что иррациональному нет места в политике?

Между тем реальная военная действительность была скорее кровавой, чем эпической. Хотя при осаде города использовалась самая мощная артиллерийская установка «Дора» — наследница крупновесной «Большой Берты» калибра 800 миллиметров (дальность стрельбы — 54 километра; вес — 1350 тонн; расчет — 4000 человек; транспорт — 60 товарных составов), сражение продолжалось целый месяц — со 2-го июня по 2-е июля, и обе стороны понесли большие потери. 95 000 красноармейцев были захвачены в плен, из 200 000 жителей города в живых осталась, судя по сохранившимся документам, лишь шестая часть. Свою могилу под Севастополем нашли 25 000 немцев. «Сам город Севастополь с его великолепными рейдами представляет собой картину безотрадного разрушения. Его нужно будет заново отстраивать. Не осталось... ни одного дома, пригодного для жилья», — так описывает свои впечатления один из свидетелей.

В рейхсканцелярии праздновали победу, восхищались «военным гением» фюрера, раздавали награды, но германские генералы на фронте чувствовали, что имеют дело уже с другим противником. Как докладывал глава пропагандистского ведомства Геббельс, в сообщениях немецких солдат и офицеров, направлявшихся домой с фронта, уже почти не было речи о трусливых русских «недочеловеках», как это происходило после сражений с образованием «котлов» в 1941 году. Скорее, многие выдержки из писем свидетельствовали о том, что немецкие солдаты на фронте начинали с большим уважением относиться к своим противникам.

Геббельс напомнил о том, что «среди нашего народа есть еще 6 миллионов человек, которые когда-то голосовали за коммунистов». Поэтому направлявшиеся из Крыма сообщения «могли поколебать антибольшевистские настроения в немецком народе». Он немедленно дал команду установить в прессе «определенную шкалу понятий», в соответствии с которой стойкость большевиков представлялась как «организованная в целях оказания сопротивления примитивная животная сущность рабства», которую нужно отличать от «геройства немецкого солдата». Однако подобными словесными выкрутасами нельзя было уже изменить неодолимый ход событий, который вёл Германию к военной катастрофе. «Красное руководство рискует всем. Оно принимает крупные решения и бросает все силы на

их реализацию. При выполнении этих решений командование и войска добиваются значительно больших результатов, чем в прошлом году», — сообщал один из немецких офицеров.

В окопах Сталинграда

В итоге к середине 1942 года сложилось такое положение, которое Карл фон Клаузевиц называл «кульминационным пунктом наступления». Прусский военный теоретик имел в виду такую ситуацию, когда нападающая сторона уже больше не может надёжно удерживать захваченные территории. На практике же разрастался разрыв между реальным положением вещей и самонадеянностью германского командования. В середине 1942 года руководители Германии были настолько уверены в повторении быстрой победы, одержанной ранее на Западе, что, несмотря на поражение под Москвой, которое рассматривалась как «досадная случайность», программа производства новых танков «Пантера» и «Тигр» была существенным образом сокращена. Никто не думал, что в 1943 году предстоят ещё какие-то крупные наступательные операции.

Между тем производство танков в Советском Союзе в количественном и качественном отношении уже превосходило возможности промышленности Германии. Нехватка транспортных средств в Красной Армии постепенно компенсировалась поставками американских грузовиков, тогда как вермахт перевозил необходимые ему материалы на гужевых повозках. В отличие от достаточно хорошо оснащённых войск, подготовленных для проведения операции «Блау», некоторые танковые дивизии на Восточном фронте имели в своём распоряжении порядка 20 изрядно изношенных танков, что лишало вермахт возможностей вести маневренную войну — основу его военной тактики.

Эти глубинные факторы реального соотношения сил в полной мере проявились в ходе Сталинградского сражения. Для человека с чувствительной психикой посещение Сталинграда, особенно мемориального комплекса на Мамаевом кургане, даёт возможность и спустя семьдесят лет ощутить сверхнапряжение боевых действий, колоссальную энергетику, исходящую от полей сражений, где в смертельной схватке сошлись между собой две мощные противоборствующие силы. В отечественной военно-исторической литературе подробно освещены все стороны Сталинградского сражения, включая его оборонительный и наступательный этапы,

тщательно исследованы важнейшие подробности военных действий — от принятия решений на высшем государственном уровне до героизма рядовых солдат и мирных жителей.

Почти половину всех соединений, действующих на советско-германском фронте, или 97 дивизий, гитлеровское командование сосредоточило на южном стратегическом направлении. В полосе от Курска до Таганрога к наступлению готовилось 900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков, более 17 тысяч орудий и миномётов, 1640 боевых самолётов. В конце июня вся эта армада, включая 2-ю и 6-ю полевые, 2-ю венгерскую и 4-ю танковую армии, перешла в наступление и быстро прорвала фронт левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов на протяжении до 300 км и в глубину до 150–170 км, используя своё большое превосходство в танках и живой силе. Немцы форсировали Дон и развернули наступление на Сталинград, которому первоначально придавалось вспомогательное значение всего лишь как средству обеспечения северного фланга войск, наступавших на Кавказ.

С выходом немецких частей в большую излучину Дона и реальной угрозы захвата Сталинграда положение на южном крыле советско-германского фронта становилось критическим. С 17 июля берёт своё начало битва за Сталинград. 25 августа в городе было введено осадное положение. К 12 сентября гитлеровские войска вплотную приблизились к Сталинграду и на следующий день, нанеся удар в стык 62-й и 64-й армий, вышли к Волге. Начался штурм города на Волге, большей частью которого немцам удалось овладеть к концу сентября. Героическая оборона защитников Сталинграда, продолжавшаяся всю осень, серьёзно обескровила немцев и создала условия для контрнаступления Красной Армии. Противник уже не располагал абсолютным военным превосходством и по основным показателям соотношения сил уступал советским войскам. За кровопролитной борьбой на фронте незримо раскручивалась спираль гонки вооружений, состязание тылов и военных производств двух стран, в котором советская промышленность одержала верх над германской.

Ещё в сентябре в самый разгар боёв под Сталинградом в Генштабе и в Ставке ВГК с участием военных советов фронтов и родов войск в обстановке строжайшей секретности началась подготовка плана контрнаступления. К этому времени было завершено формиро-

вание стратегических резервов, состоящих из танковых и механизированных частей, имеющих на вооружении только что сошедшие с заводских конвейеров тяжёлые и средние танки, а также созданы запасы снабжения и боеприпасов. В ходе совещания в Ставке 13 сентября по предложению Г. К. Жукова и А. М. Василевского было принято решение, что намечаемый контрудар будет включать в себя две взаимосвязанные задачи: во-первых, по окружению и изоляции группировки немецких войск и, во-вторых, по её последующему уничтожению. Характерно, что Сталин после неудачи Харьковской операции больше прислушивался к мнению профессиональных военных и полагался на их рекомендации. Операция получила кодовое наименование «Уран» и под этим наименованием вошла в историю Великой Отечественной войны.

Авторы плана учитывали, что основная группировка немецких войск (6 армия Паулюса) была прикована к Сталинграду, а её фланги обеспечивали румынские и итальянские войска, отличавшиеся слабой оснащённостью и боеспособностью. Несмотря на все просьбы Антонеску и Муссолини поставить в их войска новую технику, Гитлер в приоритетном порядке снабжал прежде всего немецкую армию и оставлял эти просьбы без ответа. Командование вермахта не ожидало контрнаступления советских войск и оказалось к нему совершенно неподготовленным.

Плохую службу сослужила немецкая военная разведка, которая 6 ноября пришла к ошибочному выводу, что главным направлением удара советских войск на Восточном фронте по-прежнему оставалась полоса группы армий «Центр» и что русские в силу ограниченных ресурсов не сумеют развернуть наступление сразу по двум направлениям — в центре и на юге. В дневнике немецкого верховного командования зафиксировано: «Начальник Генерального штаба Сухопутных войск доложил, что, по агентурным данным, 4 ноября в Москве состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали все ведущие военачальники. Там было решено ещё в текущем году начать большое наступление или на Донском фронте, или в центре»². О безмятежных настроениях, царивших в нацистской верхушке, и уверенности в своей победе говорит и тот факт, что Гитлер в это время находился на отдыхе в Баварских Альпах.

Гром грянул для немцев, когда 19 ноября началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. А уже на пятые сутки после его начала, 23 ноября, подвижные части Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг 6-й и части подразделений 4-й танковой армий в районе Советской, Калача. В «котле» оказались 22 вражеские дивизии общей численностью, по разным данным в нашей литературе, от 250 до 330 тысяч человек. Также в результате боёв были разгромлены большие силы румынских войск, из которых 27 тысяч были взяты в плен. Однако «с ходу», как планировалось, окружённую вражескую группировку советским войскам разгромить не удалось. Потребовалась длительная, тщательно спланированная осада.

Между тем Гитлер всё ещё не понимал размеров постигшей вермахт катастрофы и, вопреки мнению ряда своих генералов, требовал от 6-й армии во что бы то ни стало держаться и не отдавать Сталинград. Момент, когда армию ещё можно было спасти и вывести из под удара, был в силу неопозволительной самонадеянности упущен. В это время 6-я армия — цвет и гордость вермахта, прошедшая огнём и мечом победным маршем по Западной Европе, ещё могла попытаться пробиться из окружения, пока кольцо советских войск ещё недостаточно уплотнилось. Вместо этого командование противника отдаёт приказ по подготовке и проведению операции «Зимняя гроза» — по деблокированию окруженных войск и создания в этих целях мощного ударного кулака — армейской группы «Гот». Во главе её поставлен покоритель Крыма — фельдмаршал фон Манштейн. Эти замыслы противника были разгаданы советским командованием. Чтобы не дать «зверю вырваться из клетки», было решено создать два кольца окружения вокруг попавших в капкан немецких войск — внутренний и внешний — и стремительно нарастить их силы. Начинаясь второй акт исторической драмы под названием Сталинградская битва, исход которой к этому времени был ещё далеко не очевиден.

Конец 6-й армии

Утром 12 декабря армейские части группы «Гот» перешли в наступление из района Котельникова и стремительным ударом, имея большое превосходство в танках и авиации, смяли боевые порядки 51-й армии Сталинградского фронта, развивая наступление вдоль железной дороги

Тихорецк — Сталинград. Выход армейской группы «Гот» к рубежу р. Аксай и её последующее форсирование создавали реальную угрозу немецкого прорыва внешнего кольца окружения и деблокирования войск Паулюса. До окруженной группировки оставалось всего каких-нибудь 35–40 км, когда советское командование стянуло к месту прорыва превосходящие силы 2-й гвардейской армии, которая вместе с 51-й ликвидировали прорыв и 29 декабря заняли Котельниково. Статус-кво был восстановлен. Армейская группа «Гот» перестала существовать. Теперь судьба 6-й армии была предreshена. Все попытки немецкого командования обеспечить снабжение окруженных войск по воздуху лишь продлили их агонию и привели к огромным потерям немецкой транспортной авиации и авиации сопровождения.

Справка: За время операции по доставке предметов снабжения окруженной под Сталинградом 6-й армии немецкие ВВС потеряли 488 транспортных самолётов, что составляло две трети численности самолётов всей германской транспортной авиации³.

Весомым дополнением к успешно осуществленной операции примерно в это же время стала операция советских войск «Малый Сатурн», нацеленная своим острием в районе Среднего Дона северо-западнее Сталинграда против немецкой войсковой группы «Холлидт», 8-й итальянской армии и остатков 3-й румынской армии, в общей сложности 27 дивизий, включая 4 танковые. Своё новое название операция получила после того, когда пришлось сократить масштабы первоначального замысла операции «Сатурн» в силу ограниченности имеющихся сил и средств и неожиданной способности немцев организовать сильное сопротивление.

К католическому рождеству фронт противника на Дону и Чире был взломан на расстоянии более 300 км и прорван в глубину на 150–200 км. Как отмечал генерал вермахта, а после войны известный западно-германский историк К. Типпельскирх, «началось беспорядочное отступление» группы армий «Дон», которая оказалась сама под угрозой окружения. Лишь предпринятый Манштейном манёвр за счёт привлечения войск, предназначенных для деблокирующего удара на Сталинград спасло армейскую группу «Дон» от полного окружения и задержало продвижение войск Юго-Западного фронта к Ростову-на-Дону. Только пленными немцы и их союзники румыны и итальянцы потеряли 60 ты-

сяч человек. В результате успешных операций советских войск внешний фронт отодвинулся от окруженной в Сталинграде немецкой группировки на 200–250 км. Все попытки немецкого командования во исполнение приказа фюрера «любой ценой» восстановить фронт на Волге привели к огромным потерям, но оказались безрезультатными.

А в Сталинградской битве с нового 1943 года наступал завершающий этап, вошедший в историю как операция «Кольцо». Сама по себе агония, оказавшихся в этом смертельном кольце солдат и офицеров армии Паулюса, беспрекословно с прусской педантичностью до последнего момента выполнявшего все приказы потерявшего представление о реальности Гитлера, заслуживает не пера историка, а кисти баталиста. От победоносной самонадеянности к полному одичанию и гибели — такой путь проделали остатки 6-й армии, завершив его в развалинах Сталинграда. После провала наступления Манштейна все иллюзии выйти из окружения рассеялись. В то же время в котле оставалось ещё не менее 200 тысяч человек, боевой дух которых, несмотря на неуклонно тающее снабжение, болезни и морозы, оставался весьма высок. Немцы ещё не привыкли сдаваться в больших количествах.

Запись из журнала боевых действий штаба оперативного руководства вермахта за 10 января 1943 года: «Сегодняшний пищевой рацион солдат 6-й армии состоит из 75 граммов хлеба, 200 граммов конины, включая кости, 12 граммов жира, 11 граммов сахара и 1 сигареты. До 20 января будут забиты все лошади»⁴.

Советское командование трезво оценивало сложность стоящей перед ним задачи по ликвидации окруженной вражеской группировки, когда, стараясь предотвратить предстоящую бойню, предложило войскам Паулюса капитулировать, гарантируя всем сложившим оружие жизнь и безопасность, а после окончания войны возможность возвращения в Германию или в другую страну по их выбору. Ответом было твёрдое «нет». Приказы в германской армии не обсуждались. Гитлер и мысли не допускал о возможной капитуляции русским. В кругу приближенных он говорил: «Ту землю, по которой раз прошёл немецкий солдат, я никогда больше не отдам!»

Тогда 10 января 1943 года заговорили тысячи орудий и войска Донского фронта приступили к окончательной ликвидации окруженной группировки. По позициям немцев прокатился

огненный вал, который сметал всё живое. Войска 7 советских армий на весьма узком участке фронта расчленили и по частям ликвидировали ещё вполне боеспособную группировку противника. Надо отдать должное немцам, воевать они умели и, несмотря на безвыходное положение, держались стойко и до определённого момента сдаваться не собирались и верили в чудо. Но чуда не случилось.

Из докладов командующего 6-й армией Паулюса в ставку Гитлера следует, что ситуация ухудшалась с каждым днём пока не стала абсолютно критической. 24 января Паулюс доносил в ставку: «Ввиду вклинивания противника на многих участках фронт разорван... Дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения ещё оставшихся в живых людей прошу дать немедленно разрешение на капитуляцию». Гитлер оставался глух ко всем просьбам о спасении. «Запрещаю капитуляцию! — последовал его ответ. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона». На эту радиограмму фюрера верный присяге генерал-полковник Паулюс ответил: «Ваш приказ будет выполнен. Да здравствует Германия!»

Неизбежное свершилось. 31 января враг был сломлен и сложил оружие. В подвале здания универмага был пленен и Паулюс, которого Гитлер накануне произвёл в фельдмаршалы, а потом, узнав о капитуляции, попытался остановить принятое решение, да было уже поздно — сообщение к этому моменту было опубликовано в прессе. На предложение советского командования о даче распоряжения о прекращении остатков бесцельного сопротивления в северной части «котла» Паулюс ответил отказом. По некоторым данным, если бы 6-я армия капитулировала до начала советской операции по её пленению, то можно было бы спасти до 100 тысяч человек. 2 февраля 1943 года окруженная в заводском районе Сталинграда северная группа войск во главе с генералом Штреккером также капитулировала. Военно-историческая драма под названием Сталинградская битва закончилась блестящей победой советского оружия.

За время ликвидации окруженной группировки с 10 января по 2 февраля 1943 года войсками Донского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского были разгромлены 22 дивизии противника. Противник потерял свыше 147 тысяч солдат и офицеров. 91 тысяча, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала, были

взяты в плен. Впереди их ожидал бесславный марш по улицам Москвы. Героизм Красной Армии поставил самую крупную точку в многолети Великой Отечественной войны.

Когда известие о капитуляции 6-й армии и её командующего пришло в Берлин, в рейхсканцелярии воцарился глубокий траур. По злой иронии судьбы оно совпало с празднованием 10-й годовщины прихода нацистов к власти (30 января 1933 года) и вызвало у склонного к мистике Гитлера приступ глубокой депрессии. Вот как описано это в книге «Неизвестный Гитлер», созданной на основе протоколов допросов НКВД его ближайших личных адъютантов — Линге и Гюнше. «Около 6 часов утра [2 февраля] фельдфебель Дэнике, писарь Йодля, передал Линге для Гитлера две открытые радиogramмы из Сталинграда. Содержание первой радиogramмы: „Противник стоит непосредственно перед нашими позициями. Мы выходим из боя“. Вторая радиogramма: „Русские врываются. Мы всё разрушаем“.

Ланге положил обе радиogramмы, последние признаки жизни армии Паулюса, перед дверью Гитлера и доложил ему об этом. Через четверть часа в коридор блиндажа вышел Гитлер в шинели с поднятым воротником, бледный, сторбленный, с потухшими глазами».

Далее следует ещё более красочное описание. «Разгром немецкой армии под Сталинградом страшно отразился на Гитлере. Он уже совершенно не мог обходиться без возбуждающих уколов своего лейб-медика Мореля. Уколы делались ему каждый второй день после завтрака. На нервной почве у него появились спазмы желудка. Из-за сильных болей он по несколько дней оставался в постели. Линге, который давал Гитлеру прописанный опиум, видел перед собой стонущего скорчившегося человека. У Гитлера усилились припадки нервного раздражения... Гитлер грыз ногти и до крови расчёсывал себе уши и затылок»⁵.

История не сохранила в таких подробностях реакцию Сталина на победу под Сталинградом. Впрочем, о его радости и ликовании вполне можно судить по имеющимся отрывочным сведениям из мемуарной литературы, а самое главное — по тому потоку наградений, который не обошёл стороной ни генералов, ни простых солдат. Страна узнавала имена своих героев — победителей великой битвы на Волге.

Всего в ходе Сталинградской операции были разгромлены пять армий Германии и их союзни-

ков общей численностью 1,5 млн чел. От этого удара Германия уже не могла оправиться всю оставшуюся часть войны, несмотря на объявленную «тотальную» мобилизацию. Стратегическая инициатива полностью перешла к Красной Армии. А всего в результате зимней кампании 1942–1943 годов, включающей в себя также битву за Кавказ, были разгромлены 113 вражеских дивизий и освобождена огромная территория почти в полмиллиона кв. км. Было положено начало коренному перелому во Второй мировой войне.

Победа советского оружия под Сталинградом оказала мощное воздействие на всю международную обстановку. Начался затяжной кризис фашистского блока. Моральный дух его участников резко пошёл на спад. Союзники гитлеровской Германии начали терять уверенность в конечной победе. Колеблющиеся стали ещё осторожнее, чтобы не проиграть в схватке гигантов. Нейтральные задумывались над тем, как не осложнить отношения с вероятными победителями. Начались сильные брожения в итальянской верхушке, которые скоро привели к отставке Муссолини и выходу Италии из

войны. Заметно осторожнее стала Япония в отношении СССР. Её пугала перспектива оказаться в войне сразу с двумя крупнейшими мировыми державами — США и СССР.

Осмотрительнее в отношении Германии стала Швеция, снабжавшая её долгое время под прикрытием своего нейтралитета стратегическим сырьём и допуская при определённых условиях своё участие в войне на её стороне. Произошёл перелом в позиции Турции, которая уже была готова напасть на СССР с южного направления в случае победы Германии под Сталинградом и в этих целях сосредоточила на советско-турецкой границе 27 дивизий. Турки начали активно зондировать англичан на предмет сближения, не порывая «на всякий случай» связей с Германией. Силы сопротивления всей оккупированной Европы получили мощный стимул активизировать борьбу против нацистской тирании и местных коллаборационистов. Словом, после Сталинградской битвы мир стал уже качественно другим, и наиболее дальновидные политики понимали, что фортуна раз и навсегда отвернулась от держав «оси».

¹ Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 396, 401, 404–405.

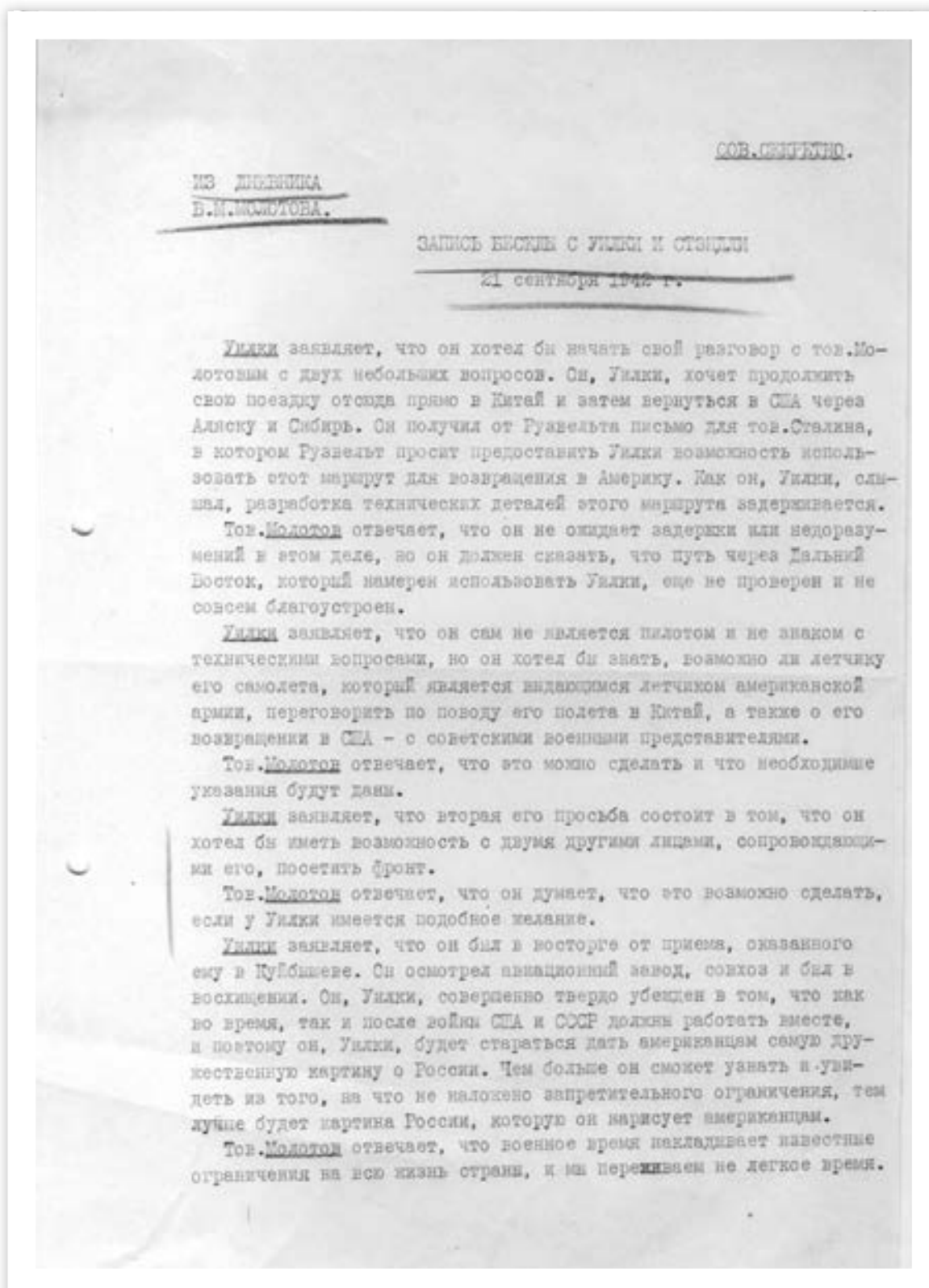
² Грайнер Х. Военные кампании вермахта. Победы и поражения, 1939–1943. М., 2011. С. 357.

³ Неизвестный Гитлер. Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948–1949 гг. М., 2005. С. 141.

⁴ Грайнер Х. Военные кампании вермахта... С. 374.

⁵ Неизвестный Гитлер... С. 145, 147.

ФОТОДОКУМЕНТЫ*

* Рассекреченные документы и фотографии предоставлены Росархивом и РГАСПИ.

Но все, что захочет увидеть Уилки, он увидит и сможет создать себе личное впечатление на основании фактов. Мы не сомневаемся в том, что чем лучше в Америке будут знать истинные факты, как хорошие, так и плохие, об СССР, тем лучше будет для наших отношений в настоящем и в будущем. И он, тов.Молотов, думает, что обе стороны в этом заинтересованы.

Уилки говорит, что в течение трех дней по прибытии в СССР у него исчезли все неправильные представления об СССР даже до того, как он увидел факты. Цель его поездки состоит в том, чтобы, во-первых, привезти в Америку лучшее представление о России, во-вторых, лучшее понимание России и, в особенности, в том, чтобы по просьбе президента переговорить с И.В.Сталиным и В.М.Молотовым о том, в каком отношении США смогут улучшить и увеличить помощь России и в каком отношении эта помощь является недостаточной.

Тов.Молотов отвечает, что он надеется, что эти вопросы и, в особенности, последний вопрос будут обсуждены при встрече Уилки с И.В.Сталиным. Со своей стороны он, тов.Молотов, готов оказать всяческое содействие в осуществлении миссии Уилки.

Уилки заявляет, что по вопросам последнего пункта он хотел бы видеть тов.Сталина и потом уже составить дальнейшие планы своего пребывания в СССР. Он намерен выехать из СССР в воскресенье. Его желание использовать для своего возвращения в США путь через Сибирь-Дальску объясняется стремлением возможно скорее доложить президенту о беседе с И.В.Сталиным. Возвращение по этому маршруту потребует в два раза меньше времени, чем возвращение в США из Китая через Дальний Восток.

Тов.Молотов отвечает, что он переговорит с тов.Сталиным относительно времени его встречи с Уилки, и спрашивает, не имеет ли Уилки каких-либо пожеланий на этот счет.

Уилки отвечает, что у него нет особых пожеланий, кроме соображений, о которых он уже упоминал, и что он находится целиком в распоряжении И.В.Сталина.

В беседу вмешивается Стэнли и говорит, что из Вашингтона он получил сообщение о том, что в Лондоне и в Вашингтоне очень пессимистично оценивают положение на Кавказском фронте и в Сталинграде. Считают, что нельзя удерживать ни Кавказа, ни Сталинграда. Он, Стэнли, не видит оснований для подобной оценки положения, так как и раньше слышал не раз такие неоправдавшиеся пессимистические оценки и хотел бы слышать от тов.Молотова о действительном положении на фронте в настоящее время.

Тов.Молотов отвечает, что он не может быть особенно большим оптимистом в отношении положения на нашем фронте, поскольку речь идет об очень серьезных и трудных для нашей армии боях. Сталинград

8.-

немцы стремятся разделить на две части, прорвавшись к его центру. Сталинград занимает 60 километров вдоль Волги и, даже будучи разделенным на две части, сможет сопротивляться. Борьба за Сталинград не ослабевает, идет с большой ожесточенностью, при большом количестве авиации, танков и артиллерии. Немцы имеют успехи, но очень медленные, и эти успехи связаны с большими для них жертвами. Что касается Кавказа, то в последнее время продвижение немцев там весьма небольшое, а из ряда ранее занятых ими пунктов в горах немцы были вытеснены. Но борьба там идет напряженная. Со своей стороны он, тов. Молотов, хотел бы спросить Уилки, как оценивает в Америке и как оценивает лично Уилки военное положение в Европе и в целом военную обстановку.

Уилки говорит, что он сначала изложит тов. Молотову мнения американских военных, высказанные ими на различных совещаниях. Что касается положения на Тихом океане, т.е. военных действий в районе Японии и Австралии, то операции американского военно-морского флота, авиации и армии имеют своей целью постепенное уничтожение японского торгового и военно-морского флота, а также авиации. В начале войны японцы имели в своем распоряжении 900 торговых пароходов, 3.000 самолетов и военно-морской флот. Япония в состоянии строить ежегодно суда общим водоизмещением 500.000 тонн или, примерно, 100 пароходов в год. Япония может производить в месяц 500 боевых самолетов. В начале войны водоизмещение 900 торговых пароходов составляло 6 миллионов тонн. Кроме того, Япония смогла захватить британские пароходы общим водоизмещением в 1 миллион тонн. В настоящее время американцы уже уничтожили японские пароходы водоизмещением в 1 миллион тонн, для возмещения которых потребуются два года. Процент уничтожения торгового флота Японии растет с каждым месяцем. Американские военно-морские деятели совершенно уверены в том, что в течение 6 месяцев или года они смогут уменьшить японский флот настолько, что японцы не смогут снабжать свои широко раскинутые фронты. Как он, Уилки, уже сказал, Япония производит 500 самолетов ежемесячно. Так же, как показывает опыт других стран, в том числе Германии и СССР, Япония теряет половину своих самолетов вне боя в результате аварий. Американцы уничтожают в месяц 400-500 самолетов в воздушных боях. Эти цифры потерь японцев означают, что американцы сокращают начальное количество японских самолетов на 150-200 самолетов в месяц. То же самое происходит с японским военно-морским флотом. По мнению военно-морского министра и представителей военно-морского флота США, этот процесс приведет к тому, что японцы будут истощены в течение 6 месяцев или года. В Америке считают, что положение в Тихом океане весьма благоприятно.

4.-

Теперь он, Уилки, перейдет к Египту. В Египте он был на фронте. И та информация, которую он получил до своего въезда из Вашингтона, подтвердилась, когда он прибыл в Египет. Роммель предпринял фланговое движение. При этом Роммель потерял свыше 100 танков, и он, Уилки, видел, как англичане подрывали эти захваченные или выведенные из строя германские танки. В день окончания именно этой операции, в Суэце были выгружены 305 американских танков. Потребуется три недели, чтобы доставить эти танки на Суэца на фронт и снабдить их необходимыми материалами для ввода в действие. Англичане получили подкрепление как в виде этих 305 американских танков, так и в виде дополнительного количества самолетов. Немцы также пытаются отправить подкрепления Роммелю и, по заявлениям командующих американской и английской авиацией в Египте, немцам удастся доставлять в Африку 4 парохода из 5 с материальной частью. На основании того, что он, Уилки, слышал от представителей английского и американского командования в Египте, там в течение ближайшего месяца будут иметь место более серьезные бои. Он, Уилки, не будет даже удивлен, если эти бои вспыхнут там в ближайшие дни. Уилки заявляет, что союзники ставят себе задачей ликвидацию Роммеля и обеспечение себе господства в Северной Африке. Он, Уилки, конечно, не может определенно утверждать, что эти операции закончатся именно уничтожением Роммеля.

Тов. Молотов замечает, что было бы желание довести дело до конца, и он уверен, что Роммеля можно ликвидировать.

В отношении японско-китайской войны он, Уилки, не знает больше того, о чем он читает в газетах.

В отношении Германии американское правительство получает всякого рода сообщения об ухудшении морального состояния германского населения в результате войны и бомбардировок. Другие люди думают, что это неправильно. Лично он, Уилки, убежден в том, что Германия еще дьявольски сильна и далека от распада на части. Говорят о недостатке продовольствия в Германии. Но лично он, Уилки, думает, что Германию можно разбить лишь военным ударом.

Тов. Молотов замечает, что бомбардировки Германии тоже имеют большое значение.

Уилки выражает свое согласие с этим замечанием тов. Молотова и говорит, что, как американцы выражаются, Германию нужно размягнуть перед наступлением.

Уилки спрашивает, интересуют ли тов. Молотова цифры производства самолетов в США.

Тов. Молотов отвечает, что эти цифры его интересуют.

Уилки заявляет, что в августе в США было произведено 5.000 самолетов, из них 60 % боевых. Он уверен, — говорит Уилки, — что через год, начиная с настоящего момента, США будут производить 10.000 са-

5.-

молотов в месяц, как минимум. Что касается подводной войны, то максимальные потери союзников были в июле месяце этого года, когда потери от действия германских подводных лодок составили 900.000 тонн. В августе эти потери снизились до 500.000 тонн. В то же самое время в августе в США было построено новых пароходов общим водоизмещением 600.000 тонн. В течение трех недель, до его отъезда из США, в пределах 50 миль от американского берега не было потоплено ни одного судна союзников. После вступления в войну Бразилии и Чили можно будет организовать еще более тщательную охрану побережья Америки и снизить потери тоннажа до 300.000 тонн. Американская судостроительная программа предусматривает увеличение строительства новых судов до 1 миллиона тонн ежемесячно к 1 января 1943 года. Кроме того, американское правительство разворачивает строительство транспортных самолетов. Вот все, что он, Уилки, может ответить на вопрос тов. Молотова. В частности, что касается Германии, то он считает, что Германия еще сильна и что ее можно разбить лишь в результате военных действий.

Тов. Молотов отвечает, что немцы еще сильны и потребуются большие силы для того, чтобы покончить с ними, но мощь Германии не беспределенна.

Уилки заявляет, что данные, касающиеся Америки, о которых он сообщил, являются абсолютно точными. Что касается цифр японских потерь, то эти данные являются оценочными.

Тов. Молотов замечает, что ему это понятно.

Уилки говорит, что в качестве примера расхождения оценок он может привести утверждение англичан, что немцы производят 2.500 самолетов в месяц. В то же самое время американцы считают, что немцы производят 3-3.500 самолетов в месяц.

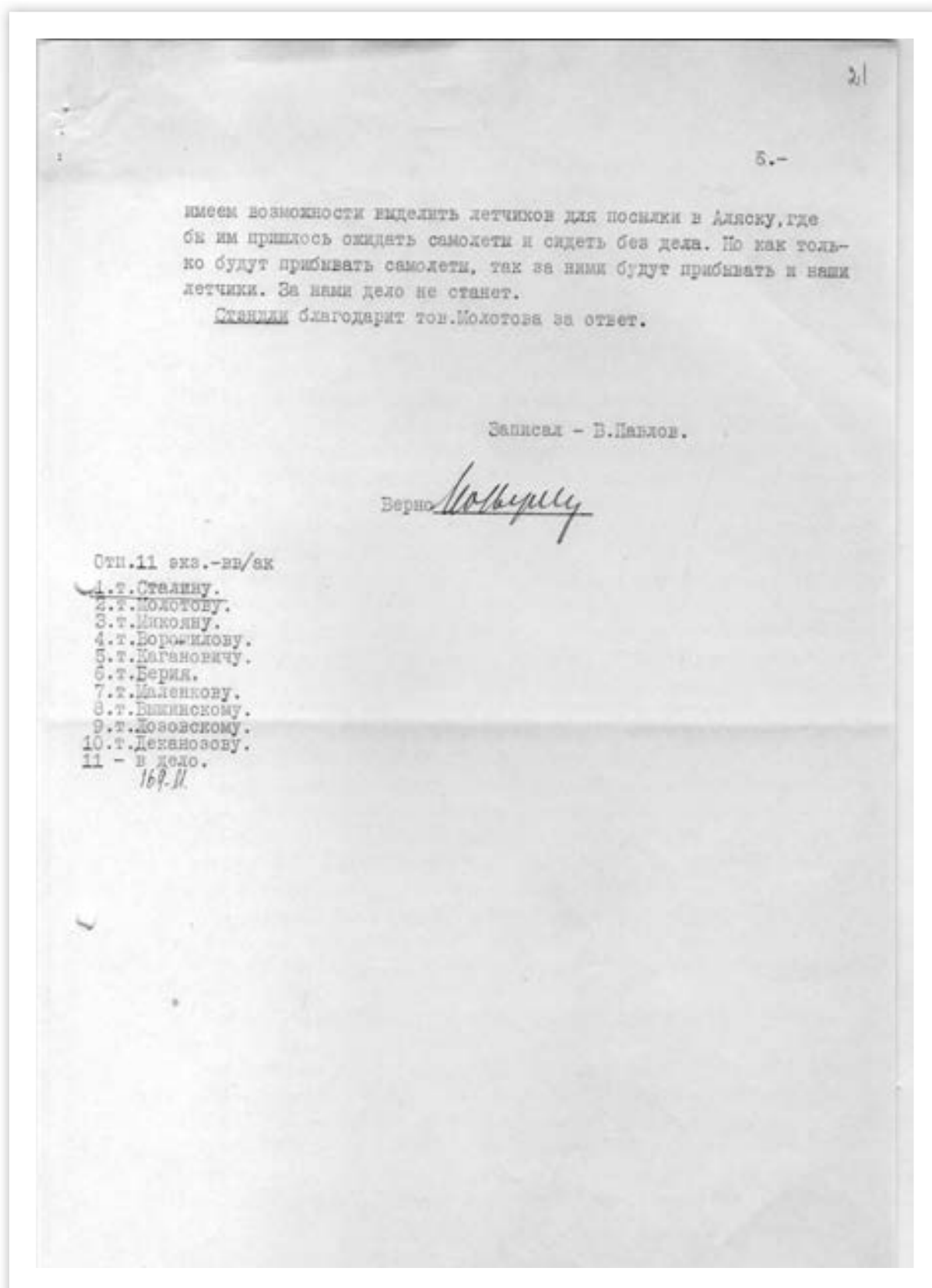
Тов. Молотов заявляет, что он считает эти американские данные более точными, чем английские.

В заключение Уилки говорит, что он хотел бы слышать от тов. Молотова, в чем именно Америка могла бы помочь СССР.

Тов. Молотов отвечает, что этот вопрос лучше всего обсудить с тов. Сталиным.

В заключение беседы Сталин спрашивает тов. Молотова, правильны ли сообщения, которые получили Брайли из Вашингтона, о том, что Советское Правительство приостановило работы по организации переброски самолетов из США в СССР через Сибирь-Аляску.

Тов. Молотов отвечает, что как только в Фербенксе будут американские самолеты, там будут и наши летчики. Дело в том, что мы не

380

Уилки ранее посланного

37

СОВ. СЕКРЕТНО.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тов. И. В. СТАЛИНА с УИЛКИ
23 сентября 1942 года.

Присутствовал тов. В. М. Молотов.

Тов. Сталин спрашивает Уилки, как прошло путешествие.

Уилки отвечает, что путешествие прошло великолепно.

Тов. Сталин спрашивает, не устал ли Уилки от перелета.

Уилки отвечает, что он не чувствовал усталости. Перелет был очень интересным, и он, Уилки, получил большое количество впечатлений. Он побывал на фронте в Египте и увидел, что военное положение там было намного лучше, чем он ожидал, и что Великобритания нанесла Роммелю ошеломляющий удар. В целом по всему Среднему Востоку военная и политическая ситуация для союзников стала более прочной.

Президент и он, Уилки, приняли решение о целесообразности его поездки по ряду стран и, главным образом, в Россию, чтобы услышать от руководителей Советского Правительства искренне и откровенно о том, в чем США еще недостаточно помогают СССР и что они должны еще сделать в этом направлении. Он, Уилки, считает чрезвычайно важным, чтобы сотрудничество между США и СССР существовало не только во время войны, но продолжалось бы и после войны. Он приложит все свои усилия для выполнения этой задачи. Ему известно, что подавляющий процент американского населения и правительство, которое находится у власти, а также лично он, который долгое время возглавлял оппозицию, совершенно убеждены в том, что союзники победят Гитлера. Он, Уилки, хотел бы услышать от тов. Сталина, что еще должны сделать США в этом направлении, как помочь СССР.

Тов. Сталин отвечает, что по вопросу о том, как помочь России он должен сказать следующее. Программа обещаний или обязательств по поставке предметов вооружения, которую приняла на себя Америка, не выполняется. По иту, через Персидский залив, эта программа выполняется за последние два месяца на 40-50%, по северу - на 15-20%, а нам сейчас помощь очень необходима.

Уилки спрашивает тов. Сталина, включены ли в эти 15-20% потери от потопления судов на море.

Тов. Сталин отвечает, что в эту цифру входят все поставки, которые были отправлены из США в СССР, т.е. в эту цифру включены потери от потопления судов. Из последнего конвоя были потоплены 12 пароходов в зоне, охраняемой Англией, и 1 пароход - в зоне, охраняемой СССР. Затем он, Сталин, должен сказать, что Англия перехватывает некоторые поставки США, предназначенные для СССР. Так, в последнее время англи-

8.-

чане взяли у нас уже погруженные в Исландии 154 истребителя "Аэрокобра", созданные при этом на распоряжение президента США. Он, тов. Сталин, мало верит, что может существовать подобное распоряжение президента. Должно быть, это было сделано по настоянию англичан.

Что касается вопроса о путях разгрома Гитлера, то он, тов. Сталин, должен сказать, что у союзников имеются для этого возможности, но бывает случай, когда государство, имея возможности, не использует их. Как победить Гитлера? Путь для этого намечен, и он состоит в том, что, если Россия продержится до того момента, когда союзники будут готовы, то союзники победят. В противном случае, союзники потерпят поражение. Он, тов. Сталин, видит в этом роль России, которая своей устойчивостью дает Америке и Великобритании возможность подготовиться.

Наши неудачи за последнее время на Иге объясняются недостатком у нас истребительной авиации, которая имеет решающее значение. Вторая причина того, что мы потерпели поражение — это недостаток у нас грузовиков. Все наши заводы, которые производили раньше грузовики, перешли на производство танков. В современной же войне нельзя иметь армию без грузовиков. Если союзники испытывают недостаток тоннажа, то мы могли бы им пойти навстречу, чтобы облегчить их положение путем сокращения списка поставок до минимума. Он, тов. Сталин, был бы готов ограничить поставки США истребителями, грузовыми автомобилями, алюмином и взрывчатыми веществами, которые в Америке имеются в достаточном количестве. Все остальное можно было бы выкинуть.

Уилки заявляет, что вопрос о взаимоотношениях с англичанами очень трудный и деликатный, о котором он еще до своего отъезда говорил в общих чертах с президентом.

Тов. Сталин говорит, что пока Бивербрук был в составе английского правительства, Англия хорошо выполняла свои обязательства по поставкам. После того, как он ушел, выполнение программы поставок ухудшилось. Должно быть, это дело тормозят английские военные.

Уилки спрашивает, довольны ли мы качеством американского вооружения.

Тов. Сталин отвечает, что истребители, которые мы получаем из США в настоящее время, в особенности "Аэрокобра", хорошего качества. Что касается бомбардировщиков, то хорошие B-24 и B-25. Бомбардировщики "Бостон" имеют слабое вооружение и не могут защищаться, и мы их перевооружаем. Но имеется другой вопрос — это получение запасных частей для моторов и самолетов. Необходимо было бы иметь, скажем, на 10 истребителей один запасной мотор и соответствующие запасные части. Что касается американских танков, то они невысокого качества, так как при пробивании противотанковой пушкой или даже противотанковым

Э.-

ружьем они загорятся. Это происходит в результате того, что для американских танков требуется высококачественное горючее, газы которого вспыхивают внутри танка при пробивании его брони. Американские танки имеют еще один недостаток. Мотор американских танков обладает недостаточной мощностью по количеству лошадиных сил, приходящихся на тонну веса танка. Практика показывает, что на 1 тонну веса танка надо иметь 15-16 л.с., а если больше, то это лучше. В этом отношении дело с американскими и английскими танками обстоит плохо, так как они имеют от 8 до 10 л.с. на 1 тонну веса. Это очень незначительная величина, так как танк в этом случае не обладает достаточной маневренностью. Например, последний английский танк "Черчилль" имеет 9 лошадиных сил на 1 тонну веса танка. Это все равно, что поставить на ноги человека, дав ему легкие воробья.

Уилки рассмеялся и сказал, что этого нельзя сказать о самом Черчилле.

Тов.Сталин ответил, что он уважает Черчилля и считает его большим человеком.

Уилки сказал, что он шутит.

Тов.Сталин говорит, что Уилки интересуется его мнением относительно качества английского вооружения, то он должен сказать, что "Аэрокобра" по своим качествам стоит выше истребителей "Харрикейн", которые мы получаем из Англии. Мы не получаем из Англии "Спитфайеров". Тов.Сталин говорит, что если бы мы могли получать из Америки в месяц 500 истребителей, 10.000 грузовых машин, 5.000 тонн алюминия, то это было бы большой помощью нашей стране. Затем через 3 месяца хорошо было бы получить зерно, пшеницу и кукурузу. При этом зерно могло бы быть перевезено нашими пароходами через Великий океан.

Уилки спрашивает, какое количество пшеницы мы желали бы получать из США. США имеют большие излишки пшеницы. США имеют запасы пшеницы на 3 года. Он, Уилки, интересуется также, не нужны ли нам концентрированные виды продовольствия.

Тов.Сталин отвечает, что нам требуется 2 миллиона тонн пшеницы. Мы испытываем также нужду в получении сала, консервированного мяса и т.п. концентратов, как для армии, так и для гражданского населения.

Уилки записал все эти пожелания, высказанные тов.Сталиным, и обещал доложить о них лично Рузвельту, выразив надежду на их удовлетворение.

Затем Уилки спрашивает тов.Сталина о его мнении относительно возможности внутреннего взрыва в Германии. Дело в том, что разведка США получает целый ряд сообщений об ухудшении морального состояния

германского населения. Он, Уилки, желал бы знать, насколько это правильно, по мнению тов.Сталина.

Тов.Сталин отвечает, что он интересуется внутренним положением Германии, но он мало верит в том, что Германия могла бы потерпеть поражение в результате внутреннего взрыва. По его мнению, в Германии может произойти внутренний взрыв лишь в результате серьезного поражения ее на фронте, т.е. удара извне. Немцы должны понять, что союзники сильнее их и что нет перспективы на победу Германии. Тов.Сталин говорит, что германское население переносит большие лишения. Германская армия также плохо питается и плохо одета. Но немцы это терпят. Это терпение – результат Версальского договора. Гитлер тоже порожден Версальской системой. Он, тов.Сталин, разговаривал с немецкими пленными и спрашивал их, почему они воюют, что им от нас нужно. Они отвечают, что воюют потому, что боятся второго Версаля.

Уилки спрашивает тов.Сталина, имеют ли какое-либо действие на немцев заявления о том, что второй мирный договор после войны не будет иметь ничего общего с Версалем.

Тов.Сталин отвечает, что эти заявления имеют некоторое действие, но основное – это серьезное поражение Германии, бомбардировки Германии.

Уилки спрашивает, какое действие, по мнению тов.Сталина, оказывают бомбардировки на моральное состояние германского населения.

Тов.Сталин отвечает, что бомбардировки Германии имеют очень большое значение для подрыва морального состояния германского населения. Эти бомбардировки подрывают авторитет Гитлера и веру в него. Это бомбардировки по авторитету Гитлера. Бомбардировки Германии отражаются также и на настроении германских солдат на фронте. После первых наших бомбардировок Кенигсберга и Данцига, в последнее время нам стало известно, что солдаты германской армии требовали от своих офицеров посылки делегатов в Германию, ибо беспокоились за судьбу своих родственников. О действии этих бомбардировок на население Германии можно судить по письмам, которые получали германские солдаты от своих жен. В этих письмах жены пишут своим мужьям, что они больше не увидятся друг с другом. Он, тов.Сталин, считает, что бомбардировать нужно не только Германию, но и оккупированные ею страны, ибо это поднимает дух населения этих оккупированных стран. После нашей бомбардировки Варшавы мы получили большое количество приветствий от разных слоев польского населения.

Уилки заявляет, что он с интересом выслушал тов.Сталина и спрашивает, не считает ли тов.Сталин, что бомбардировки СССР и Англии имеют противоположное действие на население, т.е. что эти бомбардировки укрепляют моральное состояние населения.

5.-

Тов.Сталин говорит, что это верно. Наши страны, т.е. СССР, Англию и США надо поболеть, т.к. население наших стран страдает самодовольством и самонадеянностью. Это объясняется тем, что в наших странах проповедывали человечность, в то время как в Германии проповедывали убийства.

Затем Уилки говорит, что он имеет несколько небольших личных вопросов к тов.Сталину. Он намерен вылететь из СССР в Чунцин и затем обратно в США через Сибирь и Аляску. Он просит бы разрешить использовать этот маршрут, так как это дает ему возможность скорее возвратиться в США и доложить президенту о своих переговорах с т.Сталиным.

Тов.Сталин отвечает, что он, конечно, может воспользоваться этим маршрутом и обещает дать необходимые указания советским военным.

Затем Уилки говорит, что с ним путешествуют два известных американца Барнес и Коулс, и он был бы весьма благодарен тов.Сталину, если бы эти два его спутника смогли бы перед его, Уилки, уходом после этой беседы позвать тов.Сталину руку.

Тов.Сталин выражает с этим свое согласие. Уилки благодарит и просит переводчика вызвать этих американцев в Кремль.

Уилки говорит, что он имеет еще один вопрос к тов.Сталину. Дело в том, что поляки сделали Рузвельту энергичное представление относительно польских представителей в СССР, и президент просил его, Уилки, сказать тов.Сталину, что, как он, Рузвельт, надеется, эти вопросы могут быть разрешены в дружественном порядке между русскими и поляками. Поляки говорили, что если все вопросы не будут разрешены благоприятно, то они выступят публично, и это весьма озабочивает президента. Вы понимаете, говорит Уилки, что в США имеется значительная часть польского населения и, следовательно, когда речь идет о населении США, то правительству приходится принимать во внимание эти представления поляков. Он, президент, не хотел бы, чтобы в среде объединенных наций имели бы место какие-либо раздоры, так как эти раздоры помогают только Гитлеру. Он, Рузвельт, не хочет вмешиваться во внутренние дела и отношения русских с поляками, но надеется, что все эти вопросы будут разрешены между ними полюбовно. Он сообщил об этом также американскому послу при польском правительстве в Лондоне - Бидлю.

Тов.Сталин говорит, что, конечно, все вопросы между поляками и русскими будут разрешены полюбовно. Но непонятно, что поляки требуют от нас - может быть, капитуляционного права для себя, которое одно время существовало в Турции для иностранцев. СССР много сделал для поляков, предоставил им заем, помог создать корпус и т.д., а они все недовольны. Поляки не могут претендовать на большие права, чем русские граждане в СССР. Если поляки совершают некоторые

4.-

преступления, то мы можем арестовать их так же, как и своих граждан. Кто бы ни просил нас, американцы, англичане или поляки — всем им мы ответим, что за преступления мы будем арестовывать поляков, как это требуют наши законы и правила.

Уилки заявляет, что он также не намерен вмешиваться во внутренние дела СССР и что он имел лишь поручение передать сообщение Рузвельта тов. Сталину по этому вопросу.

Далее Уилки заявляет, что он будет откровенен. Он лично и президент считают, что США являются страной полной демократии. Общественное мнение в США контролирует все. Никакая общественная фигура, будь то президент или кто-либо другой, не может много сделать, если не имеет поддержки со стороны общественного мнения. Он, Уилки, ставит себе задачу мобилизовать общественное мнение в США для оказания наибольшей помощи России. Он, Уилки, не думает, что в США нашелся бы один человек из тысячи или даже один из 10.000, который не опечален бы жертв, приносимых Россией. Американцы с восхищением читают в своих газетах о борьбе за Сталинград. Но американцы не знают, что происходит внутри СССР, какие мероприятия проводятся, какая громадная организационная работа проделана среди женщин. По приезде в США он, Уилки, расскажет американскому общественному мнению о жертвах, которые приносит русский народ, для того, чтобы мобилизовать общественное мнение, и тогда американскому правительству будет легче оказать вам даже большую помощь, чем та, о которой вы просите. Положение в США таково, что все страны из числа объединенных наций желают получить возможно большую помощь от США. Поэтому, если общественное мнение США обращает свои симпатии в сторону, например, Австралии, Китая или Англии, то правительство испытывает большое давление общественного мнения, и для него легче в этом случае оказывать помощь именно той стране, которой симпатизирует общественное мнение США. Он хотел бы после посещения фронта, в субботу, подготовить заявление о жертвах, приносимых русскими. Но он не хотел бы, чтобы это заявление было передано в прессу без одобрения его Советским Правительством. Поэтому он готов представить свое заявление на просмотр представителю, который будет назначен для этой цели.

Тов. Сталин отвечает, что, конечно, Уилки может сделать такое заявление, но, если Уилки не возражает, то он, тов. Сталин, хотел бы дать ему совет. Он, тов. Сталин, советовал бы Уилки не подчеркивать, что русские несут много жертв, так как они знают, что защищают свою родину, а также советовал бы Уилки не слишком хвалить наших людей, которые обижаясь на это, считают, что они не дети.

Уилки говорит, что это заявление будет напечатано в американской прессе для американцев, а не для русских.

У.-

Тов.Сталин отвечает, что это заявление будут читать и русские.

Уилки обещает последовать совету тов.Сталина.

Тов.Сталин спрашивает Уилки о положении в Аргентине.

Уилки отвечает, что в последнее время положение в Аргентине развивается в благоприятном направлении. Американское правительство имеет большое количество своих агентов в Аргентине, которые работают для того, чтобы повлиять на ее позицию. Американское правительство сознает, что именно в Аргентине немцы развивают большую активность, и эта активность приводит к большим потерям судоходства союзников. Американское правительство нажимает на Аргентину. Но, как знает тов.Сталин, иногда слишком сильный нажим сопровождается противодействием.

Тов.Сталин замечает, что Аргентина - это слабое звено в Америке, и советует обратить особое внимание на Аргентину.

Уилки интересуется, насколько велико население районов СССР, оккупированных немцами, и получаем ли мы какие-либо сведения о подрывной работе этого населения против немцев.

Тов.Сталин отвечает, что население этих районов до войны составляло 70.000.000, но после занятия этих районов немцами численность населения сократилась. Мужское население перед отступлением Красной Армии было мобилизовано в армию, другая часть мужского населения была эвакуирована в тыл СССР. Остальное мужское население вступило в партизанские отряды. В результате этого в оккупированных районах остались преимущественно женщины, дети и старики. Процент работоспособного населения в этих районах не превышает 5-8 %, в особенности после того, как значительное количество работоспособного населения было вывезено на работы в Германию. В оккупированных районах СССР действуют партизанские отряды, которые взрывают мосты, железные дороги и занимают даже целые районы, которые являются островами на территории, оккупированной немцами. Мы поддерживаем связь с партизанскими отрядами при помощи самолетов, снабжаем партизан оружием. Что касается положения оккупированного населения, то оно плачевно, настолько чудовищно безобразно, творимое немцами.

Уилки заявляет, что все это очень интересно, и спрашивает, насколько значительно соотношение между количеством работоспособного населения, вывезенного на работы в Германию из СССР и из Франции.

Тов.Сталин отвечает, что Гитлер использует на работах в Германии большое количество военнопленных. Что касается соотношения между работоспособным населением, вывезенным из оккупированных районов СССР и из других стран, то он, тов.Сталин, полагает, что из СССР вывезена более значительная часть населения, т.е. русских и украинцев вывезено больше.

8.-

Уилки говорит, что посетив два предприятия в СССР, он убедился в том, что, по крайней мере, половина цехов советских предприятий столь же хороши, как цеха предприятий в любом месте Америки. Уилки будет откровенен. Конечно, в некоторых цехах нужно еще поработать. Но он был очень удивлен, когда увидел, что русские могут делать такую хорошую работу. Дело в том, что в Америке убеждены, что лучшая продукция в мире — это американская продукция. Если спросить 500 американских бизнесменов, какая продукция является лучшей в мире, то они единодушно ответят, что американская. Но теперь он видит, что тов. Сталин становится конкурентом американцев.

Тов. Сталин замечает, что действительно правильно, что американская продукция лучшая в мире, и говорит, что мы учились и учимся у американцев.

Затем Уилки говорит, что он хотел бы следующим образом обрисовать положение с законом о передаче в займы или в аренду вооружения. Дело в том, что в Америке производятся все материалы, которые отправляются в другие страны на основе закона о займе и аренде. В США поступают требования от всех объединенных наций — дайте больше снаряжения. В Америке существует поговорка, что больше смазывают то колесо, которое больше скрипит. Он, Уилки, хотел бы по возвращении в США добавить скрипу нашему советскому колесу, чтобы обеспечить для СССР наибольшую помощь со стороны США.

Тов. Сталин отвечает, что мы не даем скрипеть своему колесу, но наше положение серьезное, немцы могут взять Сталинград. Нам особенно необходима истребительная авиация, в которой мы ощущаем недостаток. Дело в том, что без прикрытия истребительной авиацией пехоте в современной войне трудно драться. Даже самые храбрые солдаты ищут укрытия при появлении авиации. Поэтому получение нами истребителей имеет решающее значение.

В заключение беседы Уилки передает тов. Сталину добрые пожелания от Рузвельта. Тов. Сталин благодарит. Уилки заявляет, что он немедленно по прибытии в США доложит президенту о программе из 5 пунктов, которую наложил ему тов. Сталин, а также о содержании сегодняшней беседы.

Тов. Сталин приглашает Уилки на обед в субботу в 8 часов вечера в Кремле. Уилки заявляет, что это было бы для него большой честью, и благодарит тов. Сталина за приглашение.

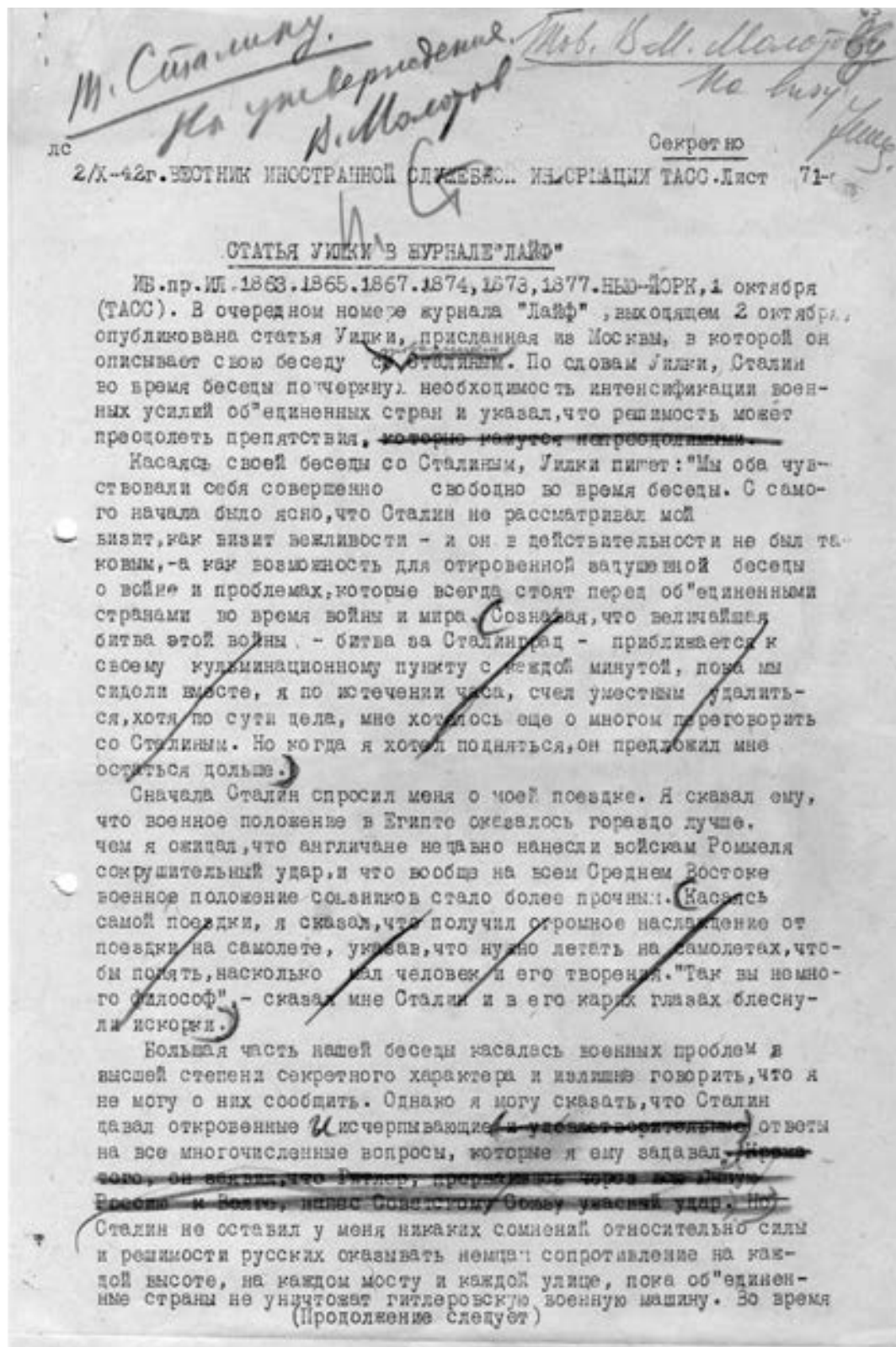
В конце беседы в кабинет входят и здороваются с тов. Сталиным спутники Уилки Барнес и Коулс. Затем состоялась фотосъемка.

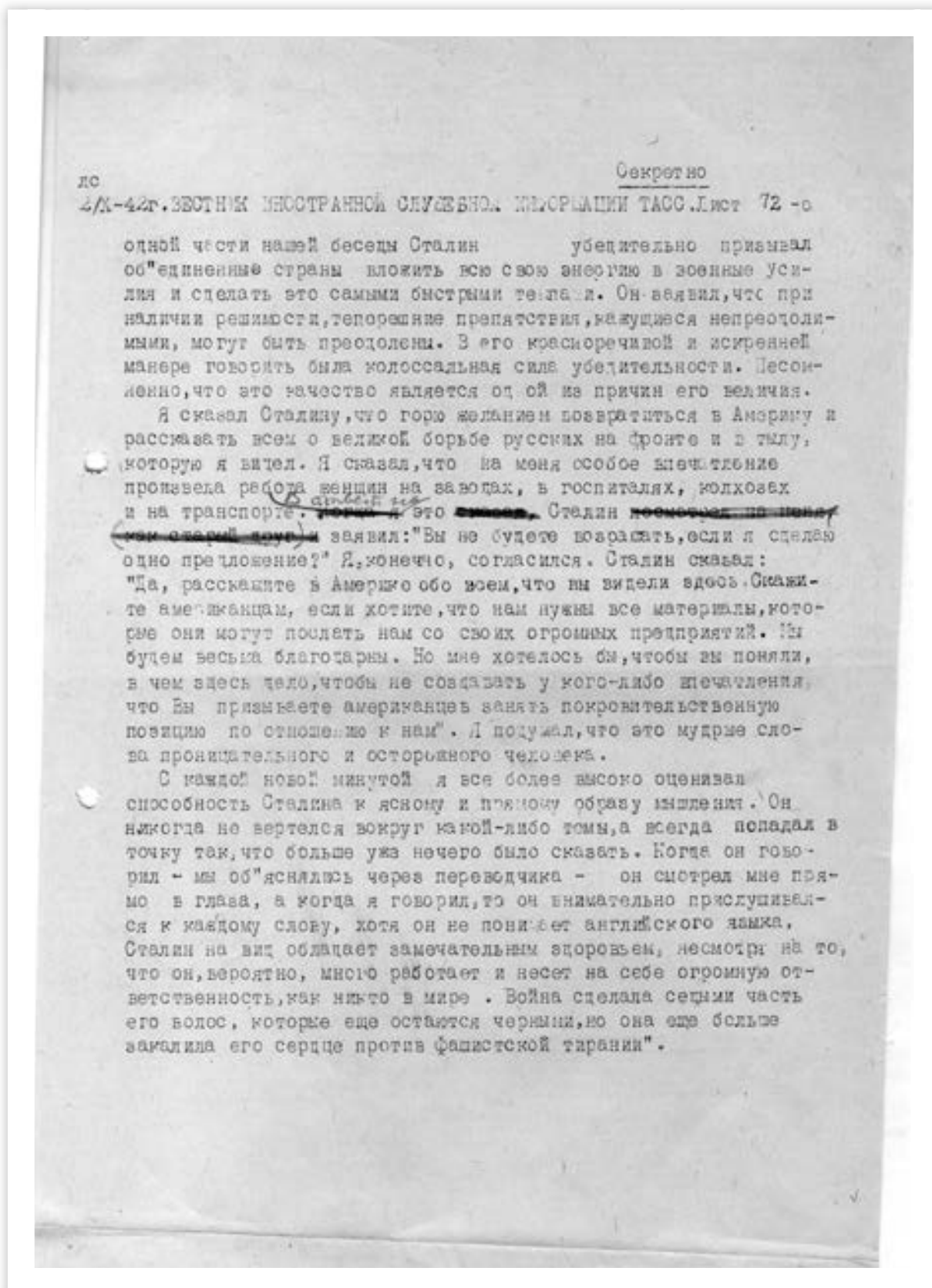
Беседа продолжалась два часа.

Записал *В. Павлов*
(В. Павлов)

ак/вр-3.

28/ix 1942

до

Секретно

2/X-42г. ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ СЛУЖБЫНОЙ ИНФОРМАЦИИ ТАСС. Лист 72 -о

одной части нашей беседы Сталин убедительно призывал об"единенные страны вложить всю свою энергию в военные усилия и сделать это самыми быстрыми темпами. Он заявил, что при наличии решимости, теперешние препятствия, казавшиеся непреодолимыми, могут быть преодолены. В его красноречивой и искренней манере говорить была колоссальная сила убедительности. Несомненно, что это качество является од ой из причин его величия.

Я сказал Сталину, что горю желанием возвратиться в Америку и рассказать всем о великой борьбе русских на фронте и в тылу, которую я видел. Я сказал, что на меня особое впечатление произвела работа женщин на заводах, в госпиталях, колхозах и на транспорте.

~~Я сказал, что это было~~ Сталин посмотрел на меня ~~(мне старей дру)~~ и заявил: "Вы не будете возражать, если я сделаю одно предложение?" Я, конечно, согласился. Сталин сказал:

"Да, расскажите в Америке обо всем, что вы видели здесь. Скажите американцам, если хотите, что нам нужны все материалы, которые они могут послать нам со своих огромных предприятий. Мы будем весьма благодарны. Но мне хотелось бы, чтобы вы поняли, в чем здесь дело, чтобы не создавать у кого-либо впечатления, что Вы призываете американцев занять покровительственную позицию по отношению к нам". Я подумал, что это мудрые слова проникательного и осторожного человека.

С каждой новой минутой я все более высоко оценивал способность Сталина к ясному и прямому образу мышления. Он никогда не вертелся вокруг какой-либо темы, а всегда попадал в точку так, что больше уж нечего было сказать. Когда он говорил - мы об"яснялись через переводчика - он смотрел мне прямо в глаза, а когда я говорил, то он внимательно прислушивался к каждому слову, хотя он не понимает английского языка. Сталин на вид обладает замечательным здоровьем, несмотря на то, что он, вероятно, мною работает и несет на себе огромную ответственность, как никто в мире. Война сделала седыми часть его волос, которые еще остаются черными, но она еще больше закалила его сердце против фашистской тирании".

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению СШО НКВД

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТН

Снятия копий воспрещается

Экз. № 1	Т. Сталину	Экз. № 6		Экз. № 11	
№ 2	Т. Молотову	№ 7		№ 12	109
№ 3	Т. Микояну	№ 8		№ 13	
№ 4	Ю-Я. Отдел	№ 9		№ 14	
№ 5		№ 10		№ 15	

В ВАШИНГТОН. № 7835 отпр. 9-00. 7/УШ 1961 г. экз. № /

Нью-Йорк.

Вне очереди.

Нам очень нужны броневые листы для танков. Они нужны нам больше, чем некоторые важные виды вооружения. Очень прошу Вас добиться у американского правительства поставки СССР сто двадцать семь тысяч семьсот тонн бронелиста чистобрезанного и отоженного:

а/ толщиной семьдесят пять мм размером шесть тысяч пятьсот пятьдесят на тысячу пятьсот мм - тридцать тысяч тонн;

б/ толщиной сорок пять мм размером пять тысяч семьсот двадцать пять на тысячу пятьсот шестьдесят пять мм - сорок пять тысяч тонн;

в/ толщиной тридцать семь мм размером пять тысяч семьдесят пять на тысячу двести мм - сорок шесть тысяч тонн;

г/ толщиной двадцать мм размером тысяча семьсот на пятьсот мм - шесть тысяч семьсот тонн.

Броня по химическому составу должна быть следующая:

а/ броня семьдесят пять мм должна содержать: углерода ноль, двадцать шесть сотых - ноль, тридцать две сотых; марганца ноль, тридцать - ноль, пятьдесят сотых; кремния ноль, пятнадцать сотых - ноль, тридцать пять

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению СШО НКВД

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТН
Снятие копий воспрещается

Экз. № 1	Экз. № 6	Экз. № 11
№ 2	№ 7	№ 12
№ 3	№ 8	№ 13
№ 4	№ 9	№ 14
№ 5	№ 10	№ 15

В
№ 7835 отпр.
193 г. экз. № 1

- 2 -

сотных; фосфора не более ноль, тридцать тысячных; серы не более ноль, двадцать пять тысячных; хрома два, три десятых - два, семь десятых; никеля один, ноль десятых - один, пять десятых; молибдена ноль, тридцать сотных - ноль, сорок сотных;

б/ броня сорок пять мм, тридцать семь мм и двадцать мм должна содержать углерода: ноль, двадцать сотных - ноль, двадцать семь сотных; марганца один, десять сотных - один, пятьдесят сотных; кремния один, двадцать - один, шестьдесят сотных; фосфора не более ноль, тридцать тысячных; серы не более ноль, двадцать пять тысячных; хрома ноль, семь десятых - один, ноль сотных; никеля один, две десятых - один, пять десятых; молибдена ноль, пятнадцать сотных - ноль, двадцать пять сотных.

Поставка брони должна быть начата в сентябре и закончена в декабре текущего года.

Нам очень нужна также инструментальная сталь. Добейтесь также поставки нам двух тысяч тонн инструментальной быстрорежущей стали и двухсот тонн пластинок твердых сплавов.

СТАЛИН, МОЛОТОВ, МИКОЯН.

4-экз. ам.
 получ. 2-20.7/УШ.
2-20/УШ № 4862/УШ

Верно: *Лесу*

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подается возвращению СШО НКВД

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

Скопированные копии воспрещаются

113

Экз. № 1	Т. Сталину	Экз. № 6	Экз. № 11
№ 2	Т. Молотову	№ 7	№ 12
№ 3	Т. Микояну	№ 8	№ 13
№ 4	10-й Отдел	№ 9	№ 14
№ 5		№ 10	№ 15

В ВАШИНГТОН № 8184 отпр. 19-40. 15/УШ 1931 г. экз № 1

Срочно.

Ш и ф р о м .

УМАНСКОМУ, ГОЛИКОВУ.

Первое. Согласны взять пистолет - пулемет "Томми-Гонс" с патронами, приблизительно 2-3 тысячи патронов на пистолет или больше. Можем взять в количестве 10 тысяч штук пистолеты или больше. Если могут дать больше, примерно до 20 тысяч, возьмем с удовольствием. Согласны также взять разведывательную машину Форда в количестве до 5 тысяч штук.

Второе. Нам очень нужны броневые плитки для танков, о чем уже сообщалось мною Уманскому и Лукашеву. Двигайте это дело поскорей, так как от получения большого количества плиток зависит выпуск наших танков. *11299/ш*

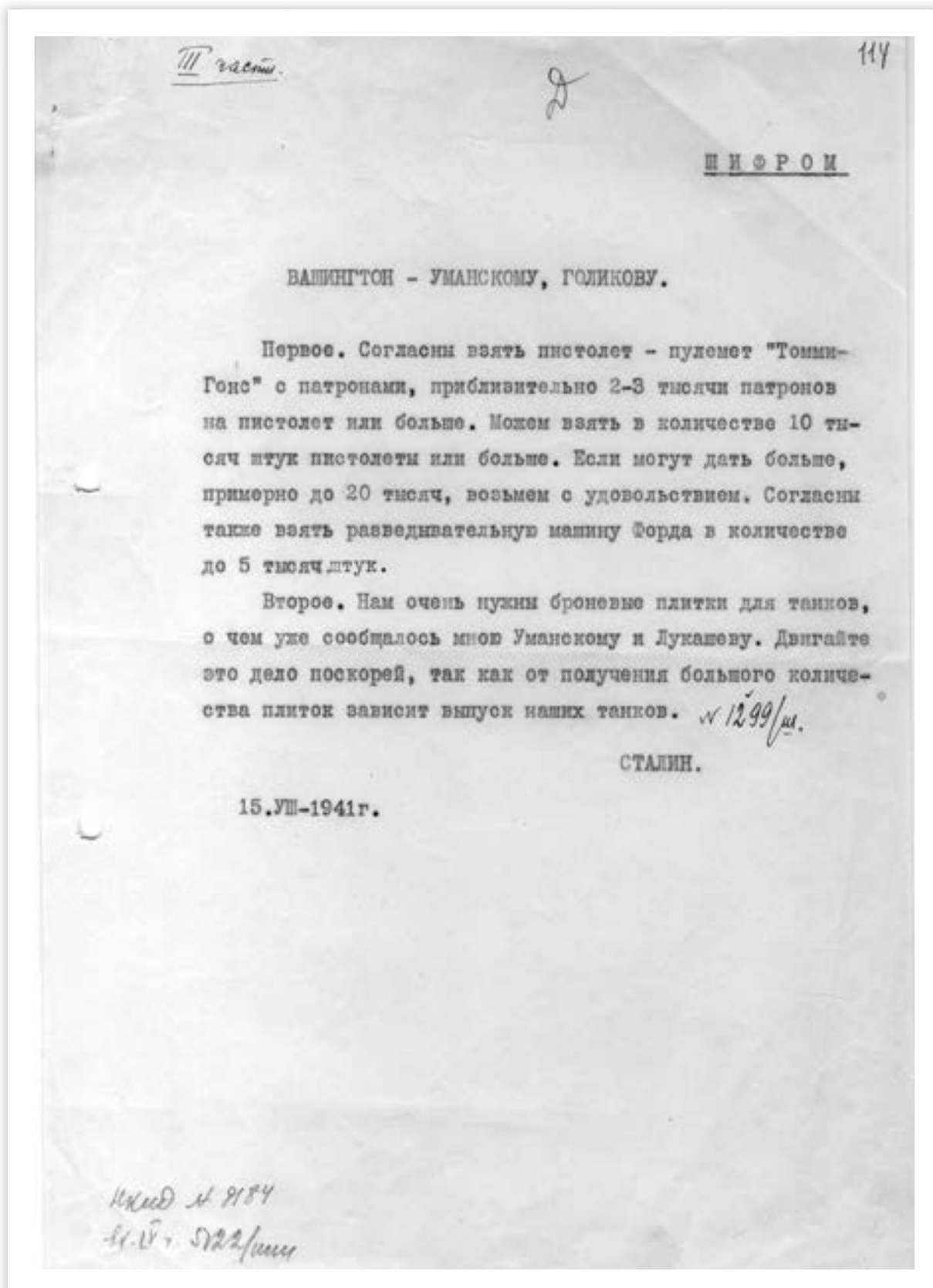
СТАЛИН.

2910
исх. 5122/шш

4-экз. ам.
получ. 18-30. 15/УШ.

Верно: *М. М. М. М. М.*

115

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Деканозову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Бигареву	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. 10-й Отдел	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т. Вышинскому	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 12650 пол. 21 час. 35 мин. 11/11 19 41 г. экз. № 2

12649
спец. № 1852, 1853. Вне очереди.

ВВС - Петрову.

Боингов нет. Предлагает двухмоторные В-25 со скоростью 426 километров в час и дальностью 1200 километров на 75% мощности. От самолетов В-25 отказались, повторяем отказались из-за отсутствия брони, отсутствия прицела - автомата связанного с автопилотом, который намеренно сняли в виду секретности, отсутствия приборов для второго летчика, отсутствия обзора для бомбометания у летчиков, большого количества членов экипажа в 7/7/ человек и их разбросанности в расположении по машине. Нам обещают модернизированные В-25, которых мы еще не видели. Считаем, что если только по устранению вышеуказанных дефектов будем удовлетворены, то самолет, как боевая единица, может быть использован. Целесообразно в этом случае отправить их морским путем. Для перелета же на этих самолетах нужно полтора месяца - изготовление добавочных бензобаков и оборудования. К тому же, в перегрузочном варианте, самолет, по заявлению фирмы и военных специалистов, неустойчив и дальность в 3200 километров на 60 процентов мощности явно недостаточна. Ввиду этого считаем перелет на В-25 через Атлантику невозможным.

Прибыл к Уманскому настаивать на получении Боингов, на что пока мало шансов. Несмотря на это считаю необходимым

По поступлении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит рассмотрению в 10-й Отдел НКВД

М. ш. 8
 Решим. с 20-го
 12.12.41

116

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
• № 2-т.	• № 7-т.	• № 12-т.
• № 3-т.	• № 8-т.	• № 13-т.
• № 4-т.	• № 9-т.	• № 14-т.
• № 5-т.	• № 10-т.	• № 15-т.

На **12550 12549**

№ _____

пол. _____

час. _____

мин. _____

/ _____

19 _____ г.

экз. № _____

- 2 -

добиваться получения Боингов и просим Вас и правительство
подтвердить нам эту необходимость. Будем указывать в виду
скорого отъезда.

11/IX-1941 г. Уманский, Громов.

8-мв
отпеч. 12/IX.4-40.
вып. Гуськов.

Верно:

2582
исх № 5863/им

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит уничтожению в 10-й Отдел НКВД

119

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-АММЕТКА	Экз. № 6-т. Берия	Экз. № 11-т. 10-й Отдел
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Маленкову	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Вышинскому	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. Деканозову	№ 14-т.
№ 5-т. Микояну	№ 10-т. Кузнецову	№ 15-т.

ВАШИНГТОНА № 9617 пол. 15 час. 20 мин. 18/X 1942 г. экз. № 2

Спец. № 963. Вне очереди.

МОЛотову.

Только что получена следующая телеграмма из Сан-Франциско:

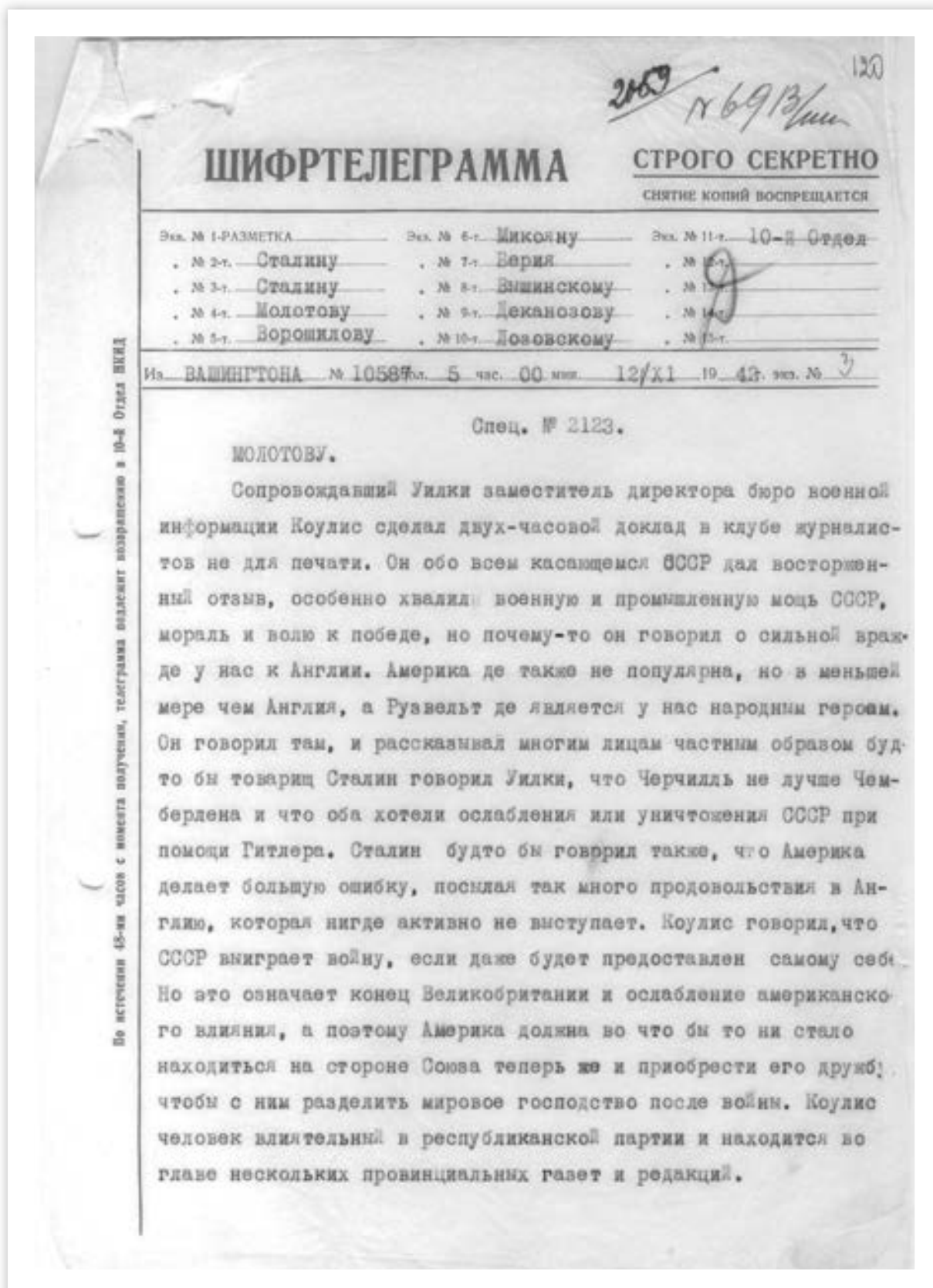
"Литвинову. 16 октября подводная лодка Д15 благополучно прибыла на ремонтную базу в Mare Island в 42 милях от Сан-Франциско. Экипаж здоров. Подводная лодка Д16, по сообщению командира Д15 тов. Комарова 11 октября в 22 часа 14 минут по московскому времени была атакована неизвестной подводной лодкой в районе широта 45,41N и долготы 138,55 W и после четырех взрывов в 22 часа 15 минут утонула со всем личным составом в количестве 55 человек. Атака была произведена слева против солнца. Д15 следовала за Д16 на расстоянии 4 кабельтов. Командир Д15, сделав разворот вправо, призвал несколько артиллеристов по видневшемуся перископу, атаковавшей лодки и зигзагами ушел. Лодки шли по курсу 125. Курс установлен американскими властями и согласован со Скриггинми. На Д16 находился американский младший офицер связи, бывший русский, Михайлов. Командир лодки Д15 предполагает, что атака была произведена американской подводной лодкой".

17/X-42 г. ЛИТВИНОВ.

11-экз. ак.
отп. 18-40.18/X.
вып. Рижил.

1952 Верно: ka
Учсх № 6383/ин

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возврату в 10-й Отдел НКВД

121

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т	Экз. № 11-т
, № 2-т	, № 7-т	, № 12-т
, № 3-т	, № 8-т	, № 13-т
, № 4-т	, № 9-т	, № 14-т
, № 5-т	, № 10-т	, № 15-т

Из № 10587 л. час. мин. / 19   г. экз. № 3

- 2 -

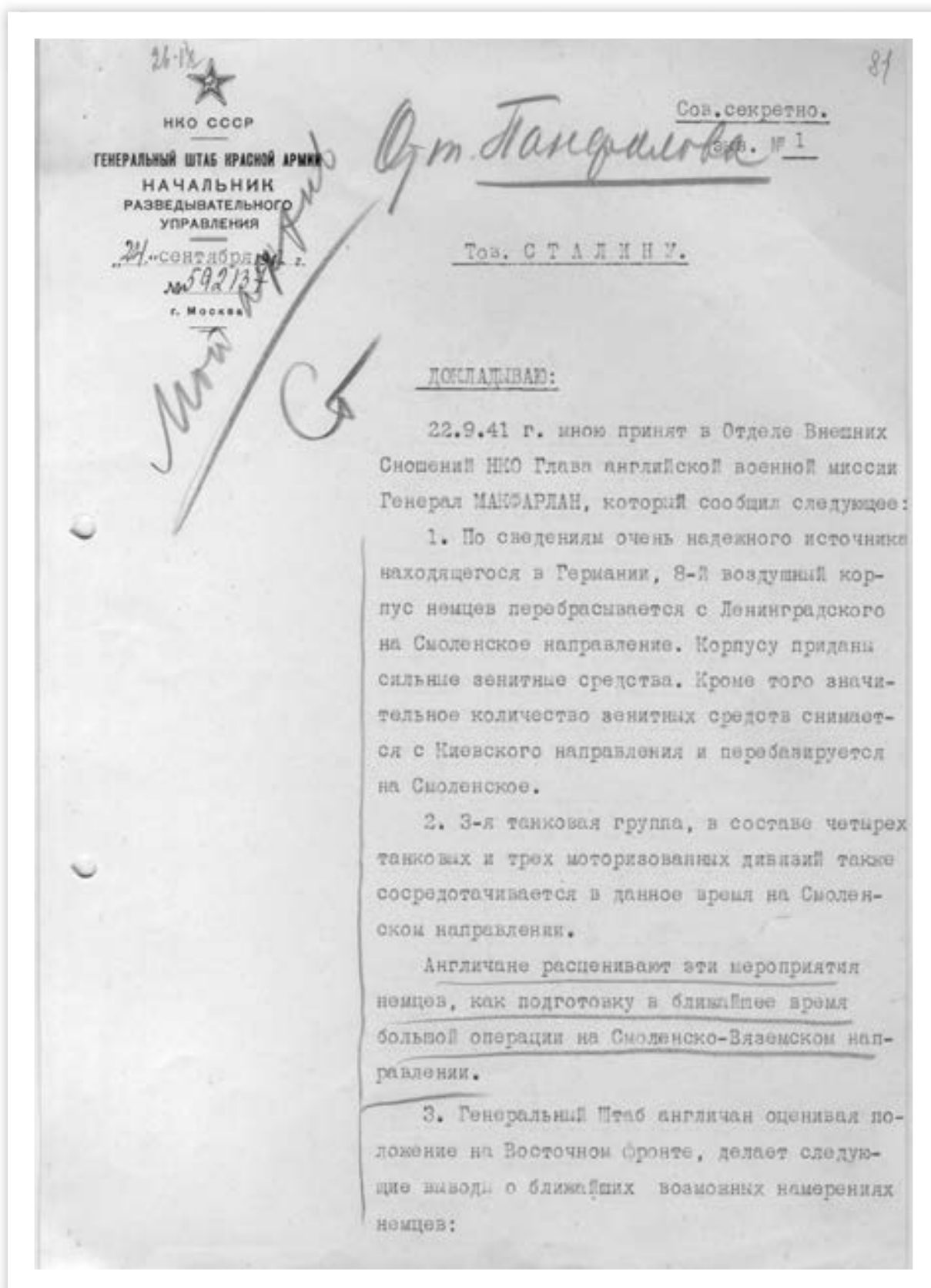
Уоллес говорил мне, что его речь на конгрессе дружбы
будто бы просмотрена и одобрена Рузвельтом.

11/XI-42г. ЛИТВИНОВ.

11-экз. лн.
отп. 12/XI. 15-10.
вып. Абрамкин.

Верно: *Kau*

По истечении 45-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возврату в №-й Отдел НКВД

82

- 2 -

а) Сосредотачивая значительные силы на Смоленском направлении (3-я танковая группа генерала ГОТ, 8-й воздушный корпус, значительное количество зенитной артиллерии с Киевского направления) немцы предпримут в ближайшее время наступление против Брянского и Западного фронтов. Это наступление, по мнению Генерального Штаба англичан, будет развиваться в двух операционных направлениях:

1) Нанесение главного удара через Брянск-Орел с поворотом на север на Москву, или - нанесение удара через Брянск-Орел-Воронеж с выходом к реке Дон.

2) На Ленинградском направлении англичане полагают, немцы начнут в ближайшее время непосредственный штурм Ленинграда или окружив Ленинград, отрезав все коммуникации с центром - будут ждать капитуляции Ленинградского гарнизона.

4. Генерал МАКФАРЛАН заявил, что английский Генеральный Штаб передает через военную миссию англичан в Москве о намерениях немцев и дислокации немецкой армии только вполне заслуживающие доверия сведения.

5. По данным, полученным из шведских источников, немцам стало известно о формировании новых 50-ти советских дивизий. Эти сведения немцы получили путем перехвата незашифрованных радио, телефонных и телеграфных переговоров и в особенности из переговоров, которые ведутся по линии органов снабжения в период формирования новых соединений.

- 3 -

По данным англичан, таким путем немцы выявили у нас формирование 130 дивизий.

6. В процессе беседы генерал МАНФАРЛАН высказал следующие просьбы:

1) В связи с предстоящим посещением советской военной миссией в Лондоне осенних маневров английской армии разрешить ему посетить одну из танковых частей Красной Армии.

2) Еще раз разрешить ему посетить один из наиболее активных участков нашего фронта и командный пункт зенитной артиллерии в Москве.

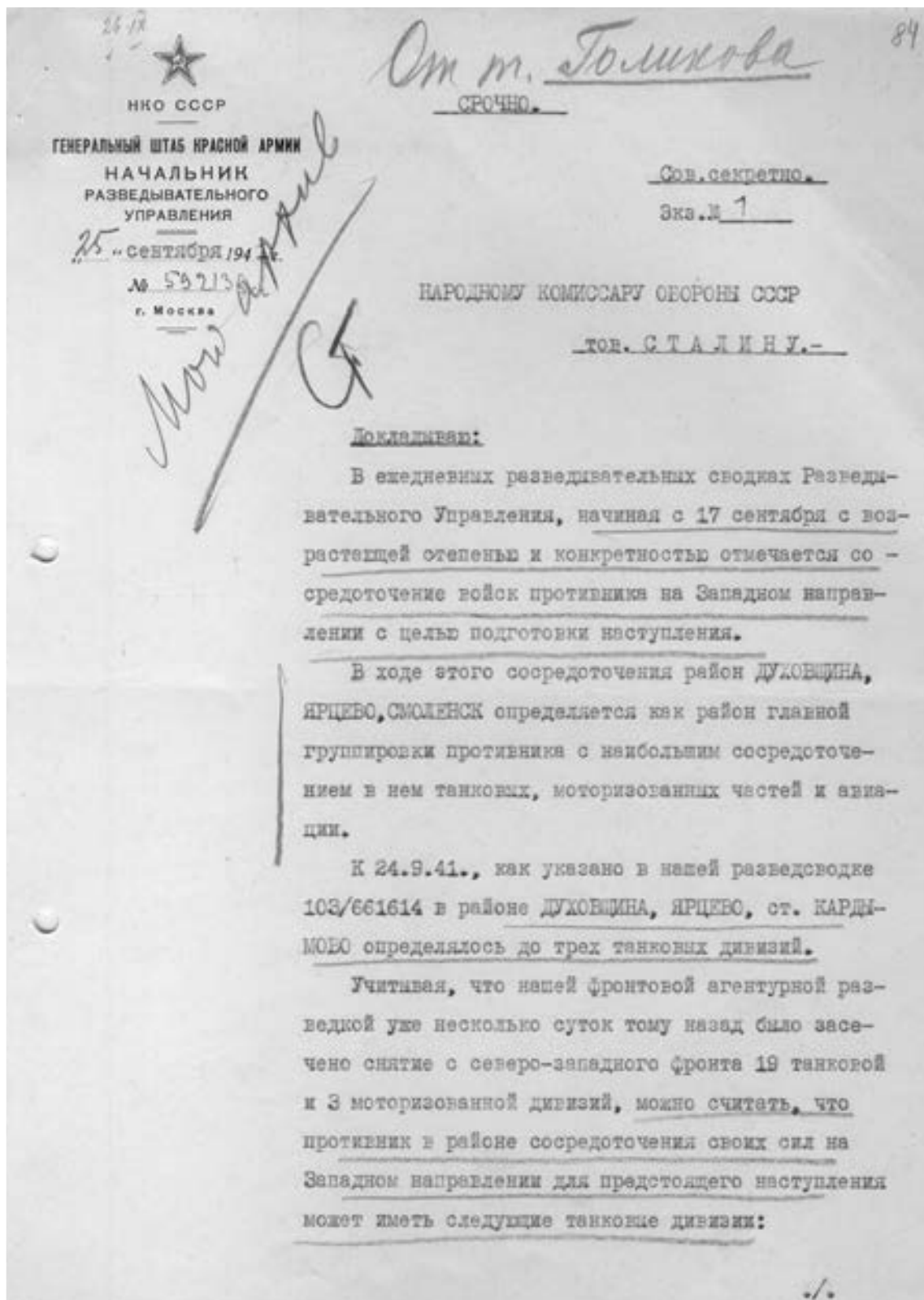
3) Разрешить командировать в штаб польской армии в гор.Бузулук одного офицера английской армии для связи. Эта просьба мотивирована генералом МАНФАРЛАН тем, что в ближайшем будущем для польской армии на территории СССР будет прибывать большое количество снаряжения и вооружения и, что постоянный контакт между штабом польской армии и военной миссией англичан в Москве - крайне необходим.

Прошу Ваших указаний.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОСК

А. Манфилон

(Манфилон).

- 2.

7 тд, 10 тд, 19 тд, 20 тд, 14 мд и 3 мд.

Авиационная группировка противника на Западном направлении в районе Великие Луки, Минск, Чернигов, Смоленск, в сравнении с составом ВВС на других направлениях, является наиболее мощной и насчитывает до 1200 штук боевых самолетов разных типов.

По этому же вопросу сегодня 25.9.41. глава английской военной миссии генерал МАКФАРЛАН моему заместителю Генерал-майору тов. ПАВЛИКОВУ вторично, после беседы 22.9., сообщил:

1. Английскому Генеральному Штабу известно, что немцы приступили к подготовке большой операции на центральном фронте (Смоленское направление), для чего немцы начали сосредоточение своих войск на это направление.

По имеющимся у Английского Генерального Штаба данным на Смоленском направлении будет действовать третья танковая группа под командованием генерала ХОТА в состав группы войдут: 7,19,20 танковые дивизии (ранее входили в состав этой группы), 2,5,10 танковые дивизии, из которых - 2 тд прибыла из Германии, 5 тд перебрасывается из Первой танковой группы и 10 тд перебрасывается из Второй танковой группы.

Кроме того в группу ХОТА войдут - 14 и 3 моторизованные дивизии, последние перебрасывается из Четвертой танковой группы.

86

- 3.

Таким образом на Смоленском направлении сосредотачивается шесть танковых дивизий и две мотодивизии.

2. Английскому Генеральному Штабу стало известно также о сосредоточении на Смоленское направление воздушных сил немцев.

По имеющимся данным в английском Генштабе на Смоленское направление сосредотачиваются первый и восьмой немецкие воздушные корпуса в составе:

300 одномоторных истребителей
90 двухмоторных бомбардировщиков
90 пикировщиков.

Кроме того до 550 бомбардировщиков дальнего действия будут сосредоточены немцами так, что они будут в состоянии действовать в Смоленском и в других ближайших направлениях.

3. Англичанам известно, что все подвижные зенитные средства с юга и района Киев и частично с Ленинградского фронта также сосредотачиваются на Смоленское направление.

4. По данным англичан в районе Конотоп отмечено сосредоточение 120 одномоторных истребителей и 30 штук пикирующих бомбардировщиков.

На вопрос, насколько достоверны эти данные Генерал МАНДРИАН ответил:

- 4 -

" В разведке гарантии за сведения дать нельзя, но эти сведения получены источником из немецких документов в Германии, о чем прошу доложить только Народному Комиссару Обороны господину СТАЛИНУ и Маршалу ШАПОШНИКОВУ."

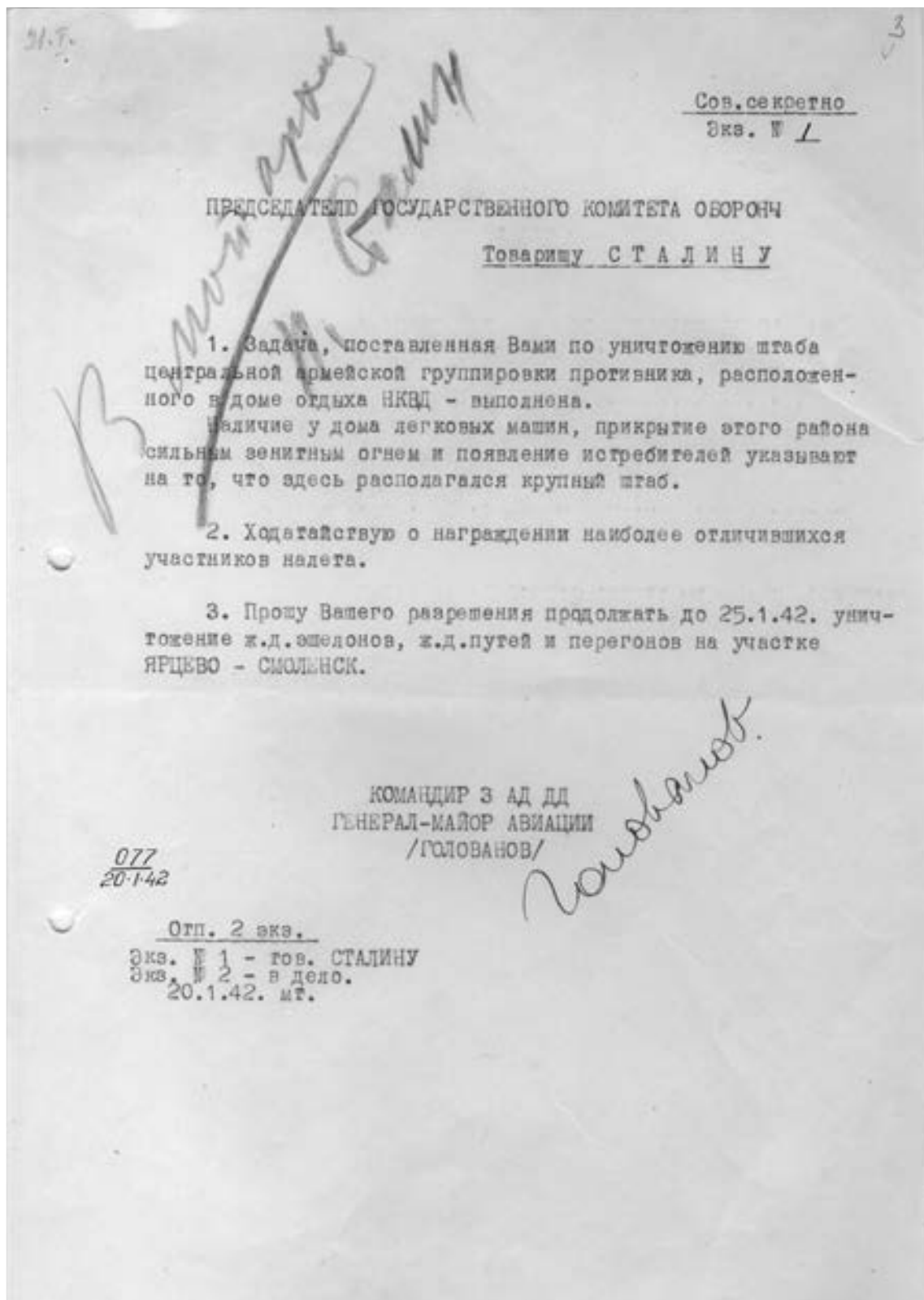
Конкретных районов дислокации этой группировки немецких войск на Смоленском направлении англичане не знают.

Генерал МАКСАРИАН обещал это уточнить по мере получения всех этих данных от Английского Генерального Штаба.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Годиков.

Отп. 6 экз. ЕП.
 № 1 - т. Сталину
 № 2 - т. Молотову
 № 3 - т. Маленкову
 № 4 - т. Берия
 № 5 - т. Шапошникову
 № 6 - в дело РУ
 25.9.41.

Серия "Г"

Экз. №1

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 6 ШТАБ 3 АД ДД МОСКВА К 20.00 20.1.42.
КАРТА 500.000.

1. 3 АД ДД в течение дня 20.1.42. произвела десять самолетовылетов для уничтожения штаба центральной армейской группы противника в районе ст.КАТНИЙ. По агентурным данным штаба ВВС зафронта, штаб противника находился в роце на берегу р. ДНЕПР юго-восточнее д.БОРОК в доме отдыха НКВД и в районе самой ст. КАТНИЙ.

В результате действий дом отдыха НКВД - уничтожен.

Сброшено бомб: 1 ФАБ-1000, 3 ФАБ-500, 2 ФАБ-250, 58 ФАБ-100,
12 ФАБ-100, 10 ФАБ-100 особой взрывной силы
и 166.000 листовок.

2. Результаты бомбардирования:

В 11.13 - две бомбы, сброшенные с высоты 150 мтр. прямым попаданием попали в южную часть дома, около которого в этот момент находилось пять легковых машин. Экипаж наблюдал, как по льду р.ДНЕПР разлетались деревянные куски дома и обстрелял дом и надворные постройки из пулеметов.

Взрыв бомб вызвал пожар. Следующий экипаж застал дом охваченным пламенем и окутанным густым дымом. Рядом с домом горели две легковых машины. По горящему дому были сброшены с высоты 200 мтр. еще четыре бомбы. Кроме этого были разрушены двухэтажное кирпичное здание и ряд других домов в районе д.БОРОК, а также ж.д. эшелон, состоящий из крытых вагонов и платформ, проходивший выходные стрелки со ст.КАТНИЙ на запад.

В результате шести попаданий эшелон был разорван, центральная часть разбита, в эшелоне произошел большой силы взрыв. Эшелон обстрелян из пулеметов.

3. При подходе самолетов к цели в районе ст.КАТНИЙ и из роцы у дома отдыха НКВД, экипажи были встречены интенсивным огнем крупнокалиберной ЗА и ЗП. Через один час 50 мин. после первого удара бомбардировщиков, над целью появились истребители до 5 МЕ-109 и 2 МЕ-110.

5

- 2 -

4. Наблюдением экипажей установлено:

Огонь ЗА с северной окраины СМОЛЕНСК.

На аэродроме СМОЛЕНСК до десяти самолетов.

Движение четырех ж.д.эшелонов от ВИТЕБСК и ОРША на СМОЛЕНСК и двух эшелонов от СМОЛЕНСК на запад.

По шоссе ОРША-СМОЛЕНСК, СМОЛЕНСК-РУДНЯ, СМОЛЕНСК-РОСЛАВЛЬ - движение одиночных и группами /3-5/ автомашин в обе стороны.

КОМАНДИР 3 АД ДД
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ
/ГОЛОВАНОВ/

ВОЕНКОМ 3 АД ДД
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
/ХОРОБРЧУХ/

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 3 АД ДД
МАЙОР

/ЧЕТВЕРИКОВ/

076
20.1.42

Отп. 3 экз.

Экз. № 1 - тов.СТАЛИНУ.
Экз. № 2 - Ком-ру 3 АД ДД
Экз. № 3 - в дело.

20.1.42.
мт.

32

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВУ, БАГРАМИНУ

За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт - значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь лучше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

СТАЛИН

2-ис.

Одобрено урч 5 Ва-
Смелева 28/IV.42. 6 1925

Михайленко, Зарубин, Баграмян/33

За последние 4 дня Гавва
 получил от вас все новые
 и новые задачи по воору-
 жению, по подготовке ^{набор} дивизий и
 танковых соединений из резер-
 ва Гавки. [Имейте в виду, что
 у Гавки нет танков и боево-
 вой дивизии ~~и она не~~ ^{то}
 Эти дивизии скорее, необу-
 женные и брошены на Тенер-
 на фронт - значит составили
 врагу легкую победу.

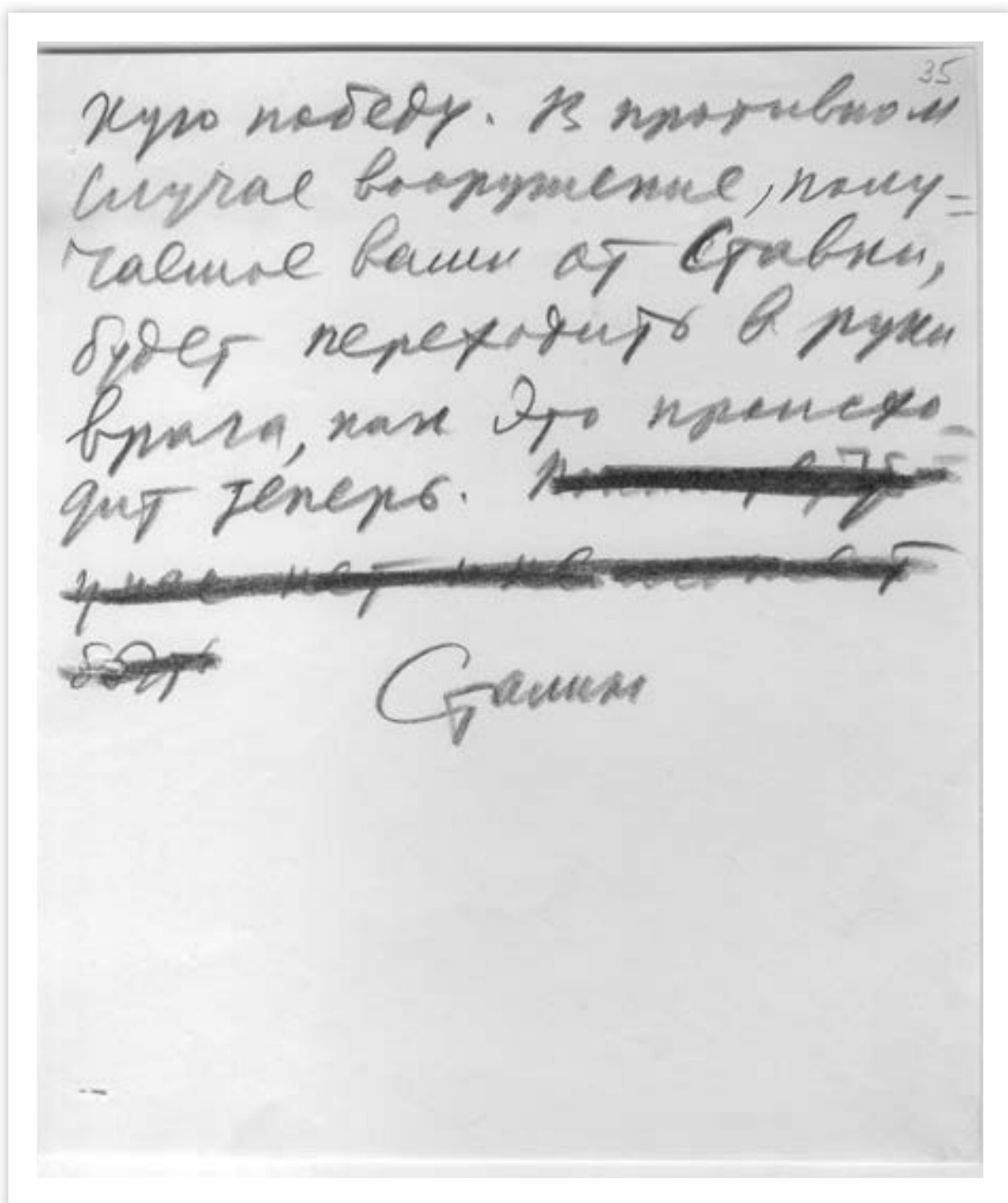
[Имейте в виду, что наши ре-
 сурсы по вооружению огра-
 ничены и что, что кроме вы-
 шего фронта есть еще у нас

Другие друзья.

34

Не пора ли вам на-
учиться воевать mano и
кровью, как это делают
немцы? Воевать надо
не мечом, а чье мило,
если вы не научитесь
правильно управлять
войсками, вам не хватит
всего вооружения, кроме
вашиного во всей стране.

Учите все это, вы
выучитесь когда надо на-
учиться побеждать врага,
а не доставлять ему не-

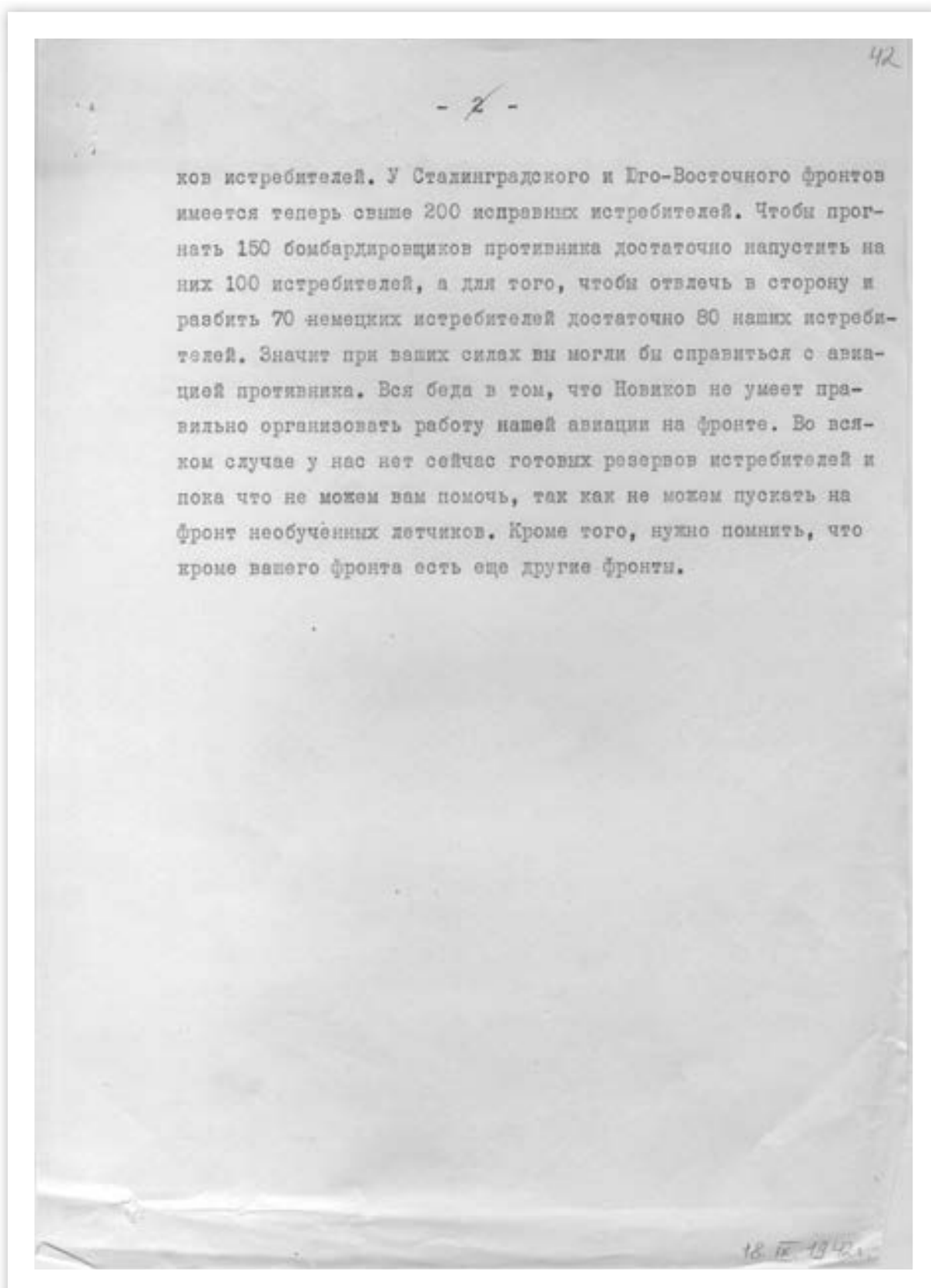

ЖУКОВУ

Первое. Ваш подсчет истребителей ПВО и на фронтах не точен. На фронтах имеется около 800 исправных истребителей, а в ПВО без Москвы до 600 штук. Девять десятых истребителей ПВО приходится на прикрытие Баку, Ленинграда, Грозного, Сталинграда, Астрахани, Горького, Тулы, Поти, Батуми, где базируется военно-морской флот, и железнодорожных узлов по важным магистралям страны. Более трети этих истребителей - старые машины, вроде "Чаек", "И-16". ПВО страны следовало бы дать дополнительно 200 истребителей, без чего оно не в силах выполнить элементарные задачи обороны. Поэтому из ПВО, к сожалению, сейчас ничего нельзя брать для фронта.

Второе. Около 500 грузовиков было взято из района Камышина для организации танковых частей и полков эсесов. Мы не можем прекращать работу эсесов и танковых частей. Сами знаете, что грузовиков у нас нехватает. Теперь у нас есть возможность направить вам 20 сентября один автобат, а через два дня еще один автобат.

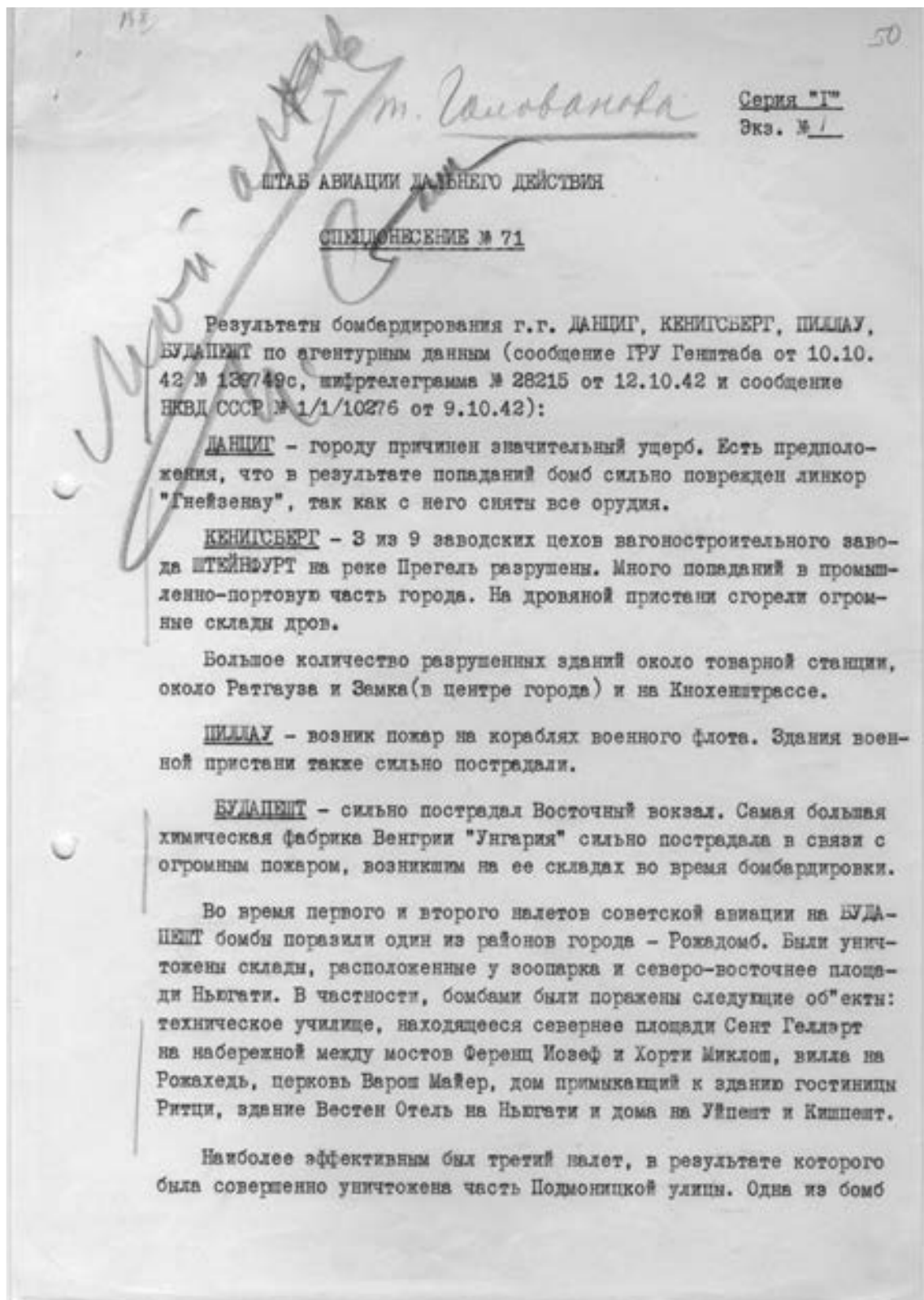
Третье. Никаких 600 бомбардировщиков нет сейчас у немцев на вашем фронте. У немцев не более 150 бомбардировщиков и 70 истребителей на Сталинградском фронте. Трусливые брехуны доносят вам о мифических цифрах, а вы им верите. Немцы умеют эшелонировать свою авиацию, устраивать смену эшелонов и создавать таким образом непрерывность удара в течение нескольких часов, а мы не умеем этого делать. В этом все дело, а не в нехватке у вас самолетов. Мы отпустили вам всю продукцию саратовского завода и дали дополнительно несколько пол-

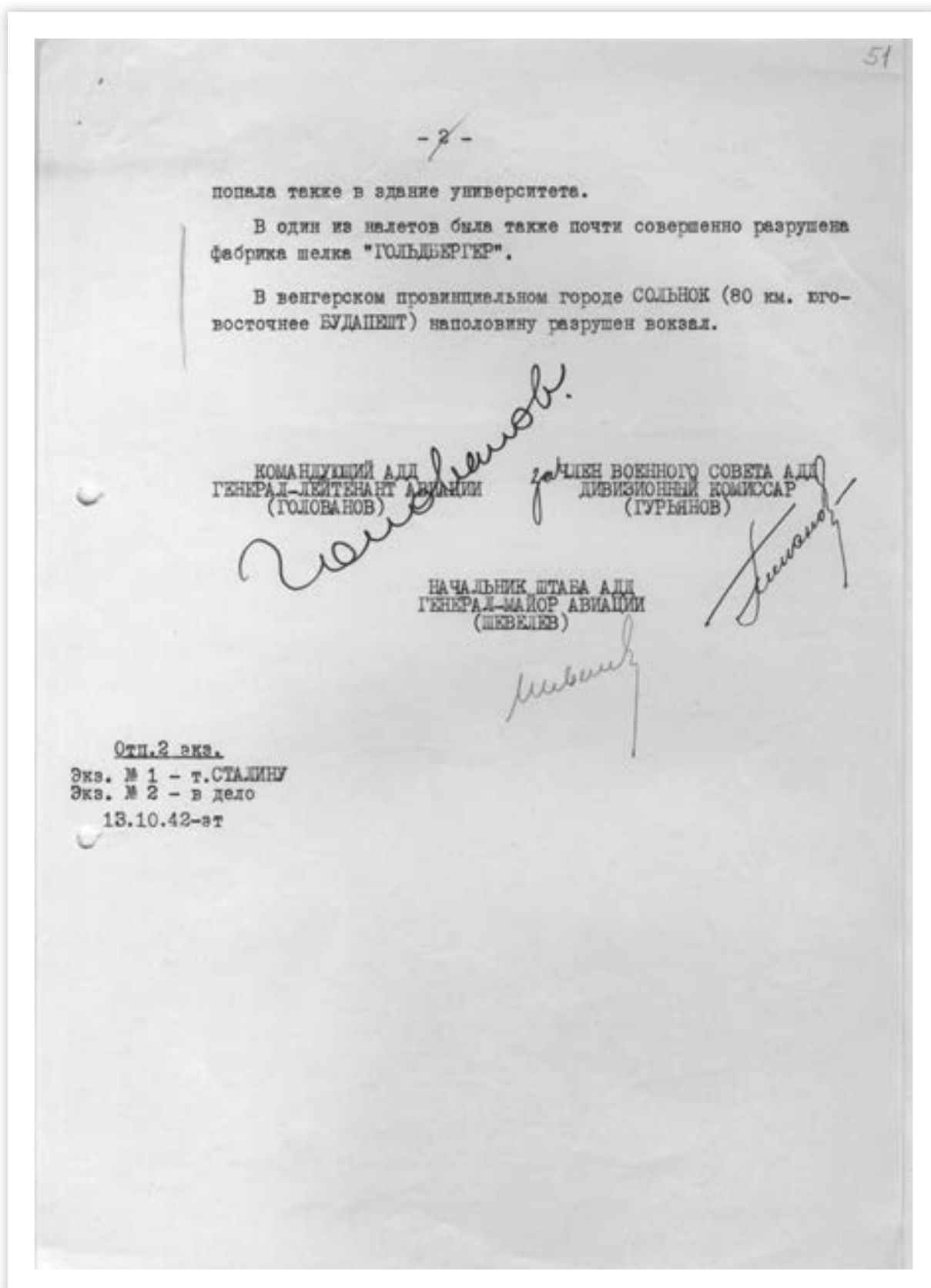

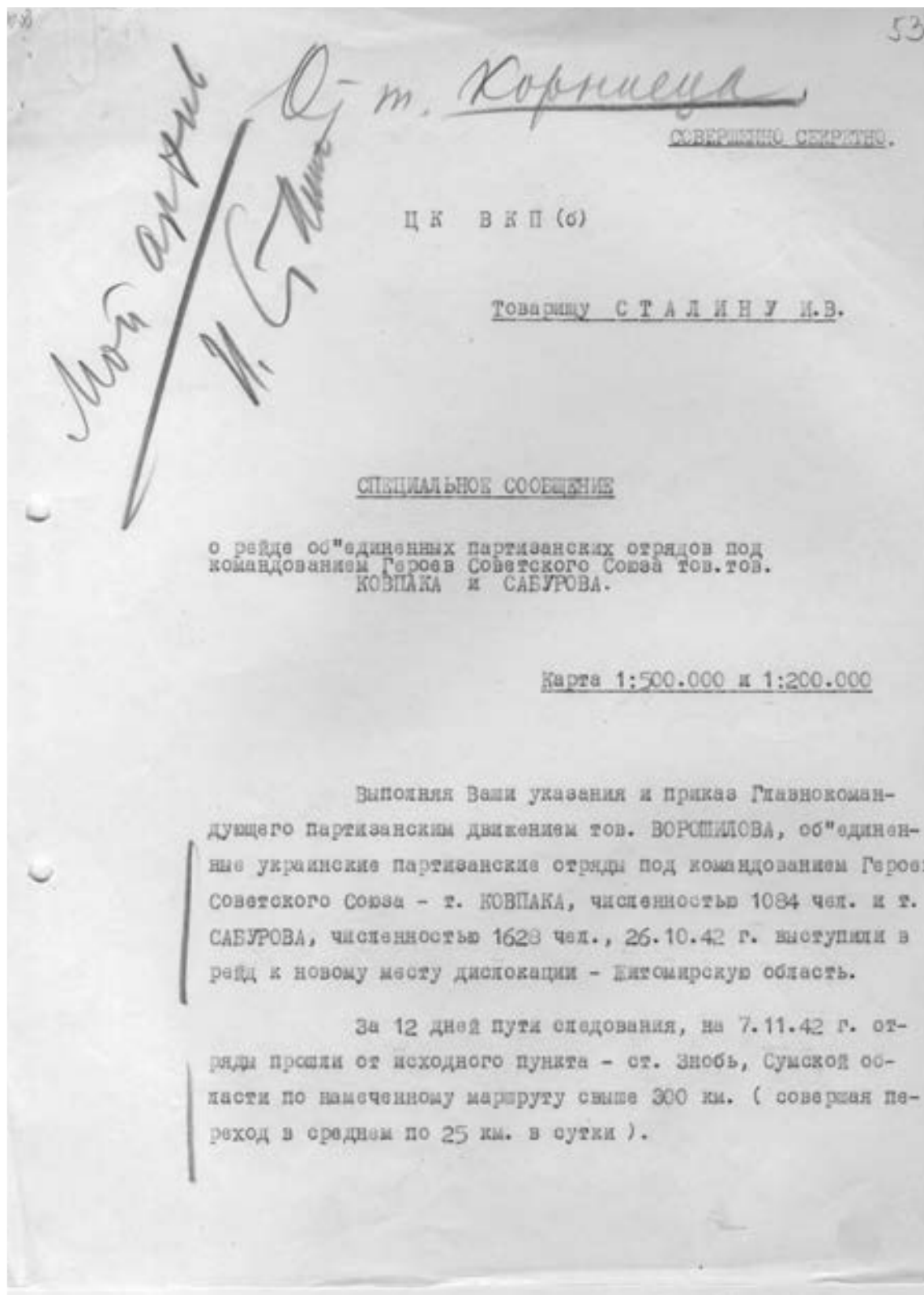

Дирекции на Сталинградском фронте. Трудно
 ли было брехать, чтобы вы в мирных
 условиях, а во дни войны. Никто не знает
 Эмелюкова, своего авиатора, и ^{устраивает службу Эмелюкова} ~~и~~ ^{такого} ~~свой~~
 непрерывного удара в течение неопределенно
 тасов, ~~вот, вот, вот, вот~~ а мы не
 знаем этого генерала. В этом все
 дело, а не ~~внезапные~~ ^{внезапные} ~~у нас~~ ^{у нас}
~~самостоятельно~~ ^{самостоятельно} ~~самостоятельно~~ ^{самостоятельно} ~~самостоятельно~~ ^{самостоятельно}
 все производство сараевского завода.
 дали ^{некоторым} ~~некоторым~~ ^{некоторым} ~~некоторым~~ ^{некоторым} ~~некоторым~~ ^{некоторым}
 У Сталинградского и юговосточного фрон-
 тов имеется теперь свыше 200 непра-
 вильно подготовленных. Это ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто ^{просто} ~~просто
 150 бомбардировщиков ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто}
 находится на пути 100 не подготовленных, а
 еще 70, ^{просто} ~~просто ^{просто} ~~просто ^{просто} ~~просто ^{просто}
 бит ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто}
~~на~~ ^{на} ~~на~~ ^{на} ~~на~~ ^{на} ~~на~~ ^{на}
 ваших силах во многом ~~во~~ ^{во} ~~во~~ ^{во} ~~во~~ ^{во} ~~во~~ ^{во}
 вступая с авиацией противника. В
 беда в том, что Навиков не ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто}
 танкуют ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто} ~~просто~~ ^{просто}
 фронт. ~~Вот, вот, вот, вот~~ ^{Вот, вот, вот, вот} ~~Вот, вот, вот, вот~~ ^{Вот, вот, вот, вот}
 сейчас готовых резервов не подготовленных
 и пока что не можем вам помочь, так
 как не можем пускать на фронт не-
 опытных летчиков. Крайне нужно
 помочь, что краше вашего фронта
 есть еще другие фронты.~~~~~~~~~~

54
2.-
К 24.00 7.11.42 г. отряды подошли к левому берегу р. Днепр в районе м. Доев (55 км. северо-западнее г. Чернигов).

С целью обеспечения переправы через р. Днепр, командованием отрядов была высажена усиленная десантная группа, которая заняла м. Доев, расположенный на правом берегу.

К исходу дня 8.11.42 г. через р. Днепр были переправлены: отряд КОВПАКА и три батальона пехоты отряда САБУРОВА, а также часть обозов.

Продвигаясь к намеченной цели, отряды уничтожили несколько местных гарнизонов полиции противника, в том числе в райцентрах - Поворица, Холмы, Черниговской области и Доев, Гомельской области.

В результате боевых операций проведенных в пути следования, по неполным данным, отряды истребили - 117 немецких солдат и офицеров, захватили в плен 26 чел. (в том числе ответственного работника областной организации фашистской партии - капитана немецкой армии). Уничтожили: один танк, 14 пулеметов, три миномета, 16 автомашин, 11 мотоциклов, одну радиостанцию, одну телефонно-телеграфную станцию, пять мостов на шоссе-ных дорогах, в том числе два через р. Десна, шесть к.д. мостов, один паром, три километра связи (на 16 направлениях), два продовольственных склада, один нефтесклад, четыре к.д. стрелки,

55
3-

одну и.д. водокачку, 1200 тонн сена, 530 тонн спирта, сожжено три спиртзавода, подорван один бронепоезд и пущен под откос один эшелон противника.

Отрядами захвачены трофеи: шесть минометов, 21 пулемет, восемь автоматов, 100 винтовок, 148 мин, 1927 патрон, 36661 тонна хлеба, 170 бочек меда, 60 тонн соли и риса. Продукты розданы населению.

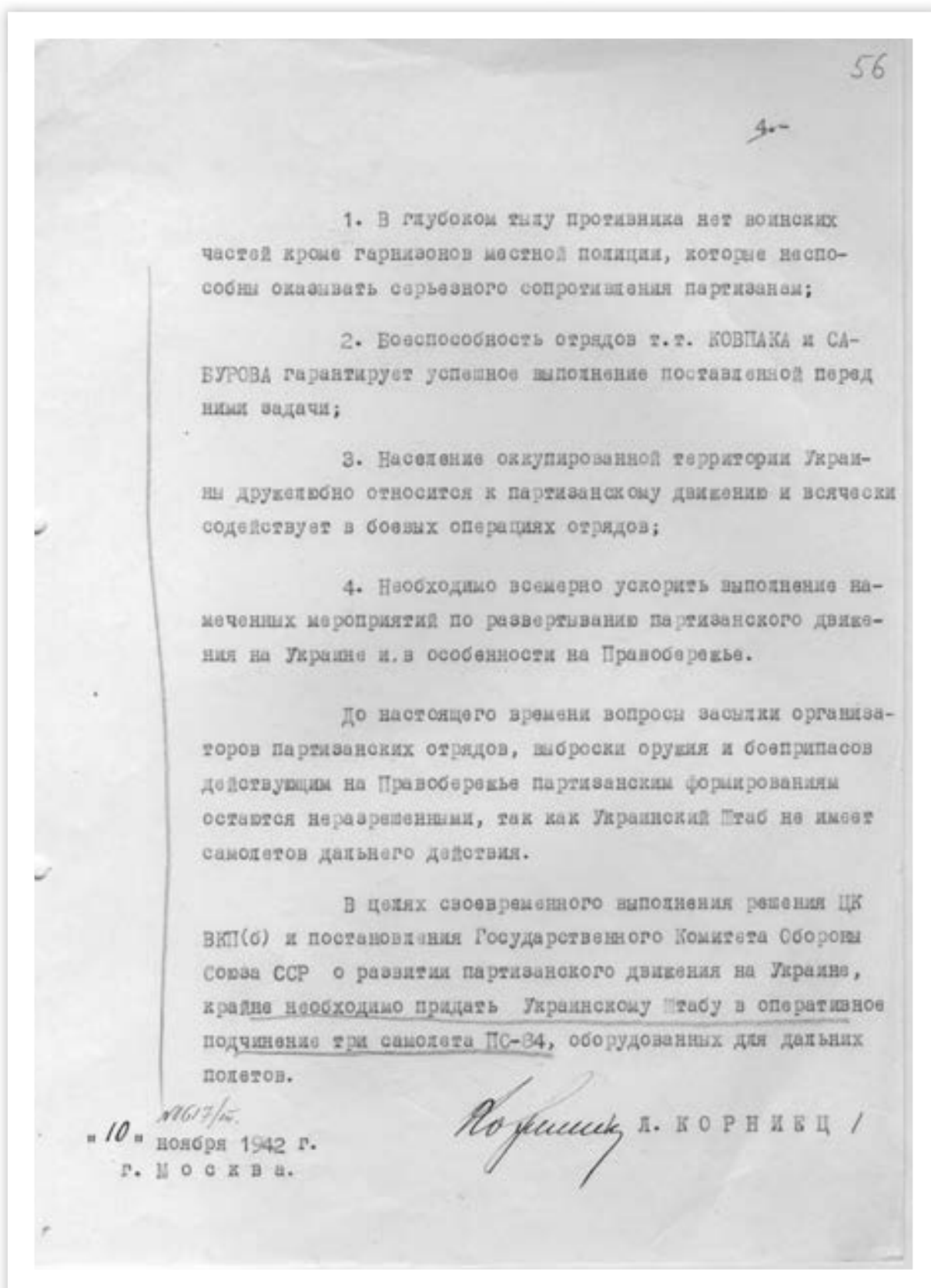
Потери отрядов т. САБУРОВА за время рейда: пять человек убитых и четыре раненых. Данные о потерях отряда т. КОВПАКА не поступили.

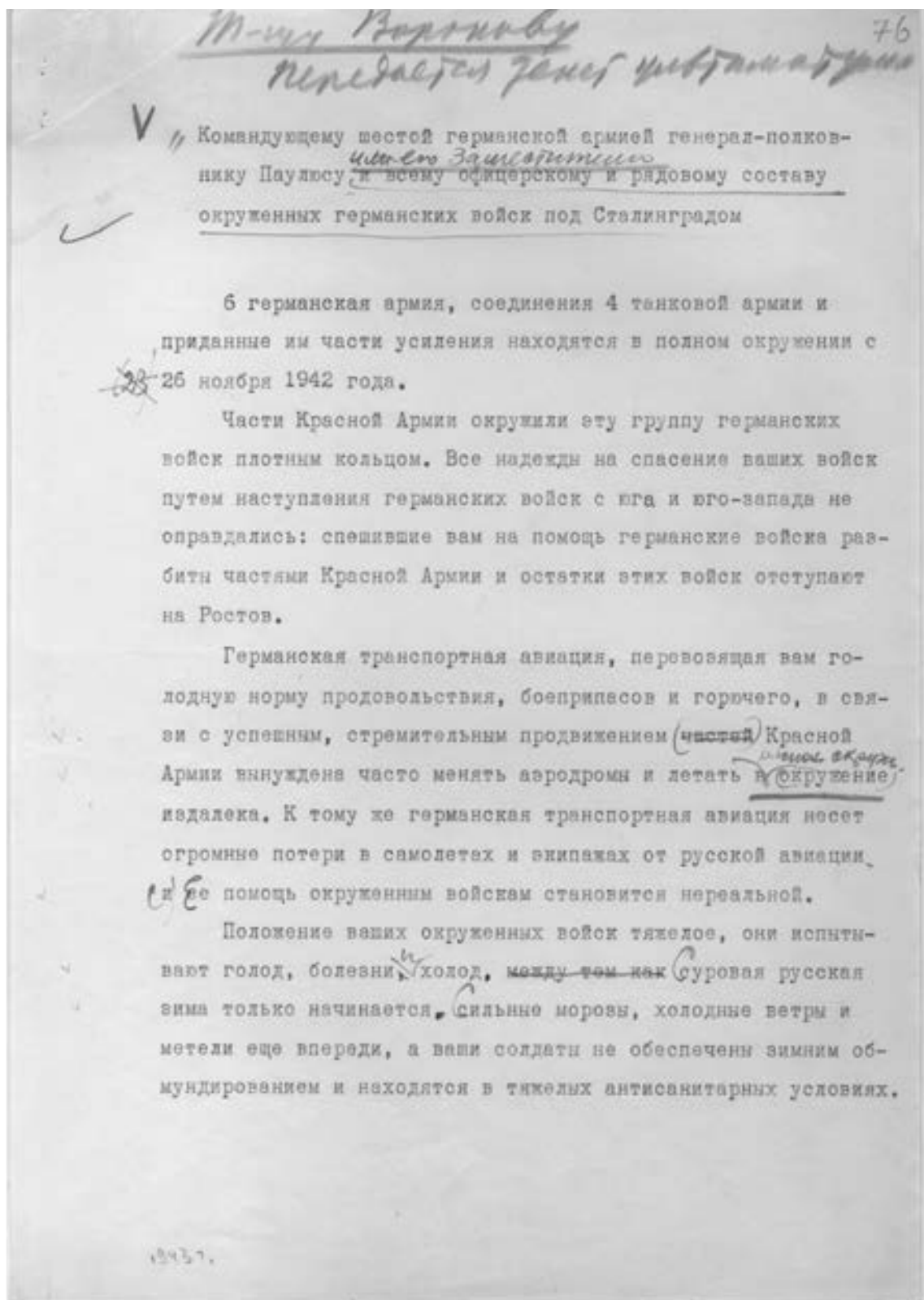
Отряды ведут политическую работу среди населения и оказывают ему материальную помощь. Местное население радостно встречает партизанские отряды.

Бойцы об"единенных партизанских отрядов, в день 25-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, прислали приветственную телеграмму в адрес товарища СТАЛИНА и тов. ВОРОШИЛОВА, в которой заверяют, что они с честью выполнят поставленные перед ними задачи.

Морально-политическое настроение личного состава об"единенных партизанских отрядов, отличное. Случаев дезертирства нет.

Из хода операции по передислокации партизанских отрядов т.т. КОВПАКА и САБУРОВА можно сделать вывод:

77

- X -

Вы г. командующий и офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких надежд на спасение, что ^{фактически капитуляция подвела} наше положение безнадежное и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам ~~пре-~~ ~~кратить дальнейшее сопротивление и~~ принять следующие условия капитуляции: ^{ам} всему ^{ам} личному составу ^{ам} германских ^{ам} окруженных войск во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление, ^{Вам} организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление ~~нашему~~ офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда из ~~явля~~ ^{явля} желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся ^{что-то с офицерами} офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается к 00 часов 00 минут ^{по Москве} 9. января 1943г. в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой

78

- 2 -

машине с белым флагом по дороге на раз. Конный - ст. Котлубань.

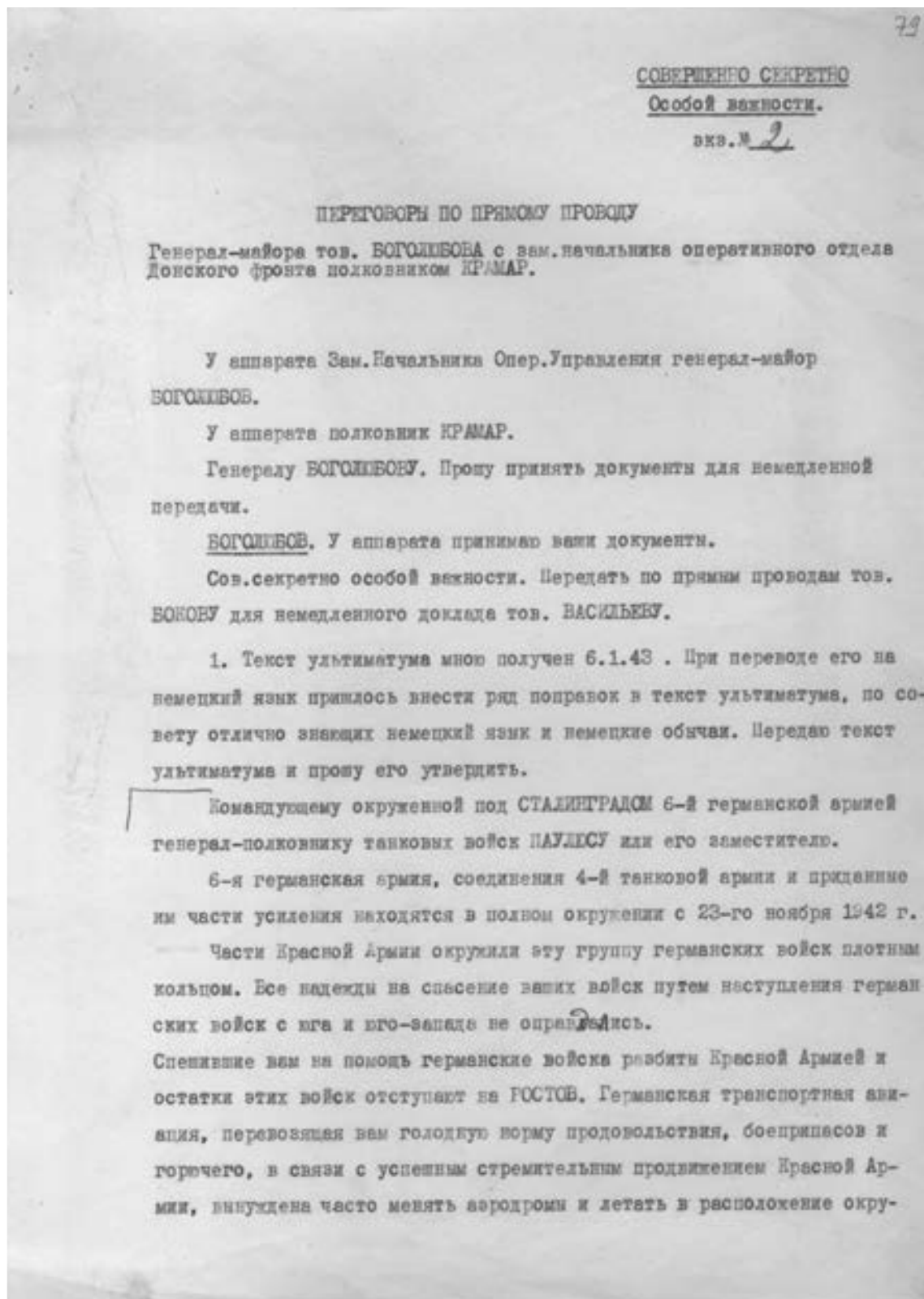
- ✓ Ваш представитель будет встречен ^{Сусекиным} доверенными ~~нами~~ командирами в районе "Б" 0,5 км юго-восточнее раз. 564 ^{8/00} часов
✓ 00 минут ~~до 00 часов 00 минут~~ 2. января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ ПОЛКОВНИК АРТИЛЛЕРИИ ВОРОНОВ

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ДОНСКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ РОКОСОВСКИЙ //

3-ис.

80

- 2 -

женных издадека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации.

Без помощи окруженным войскам становится нереальной. Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается. Сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции:

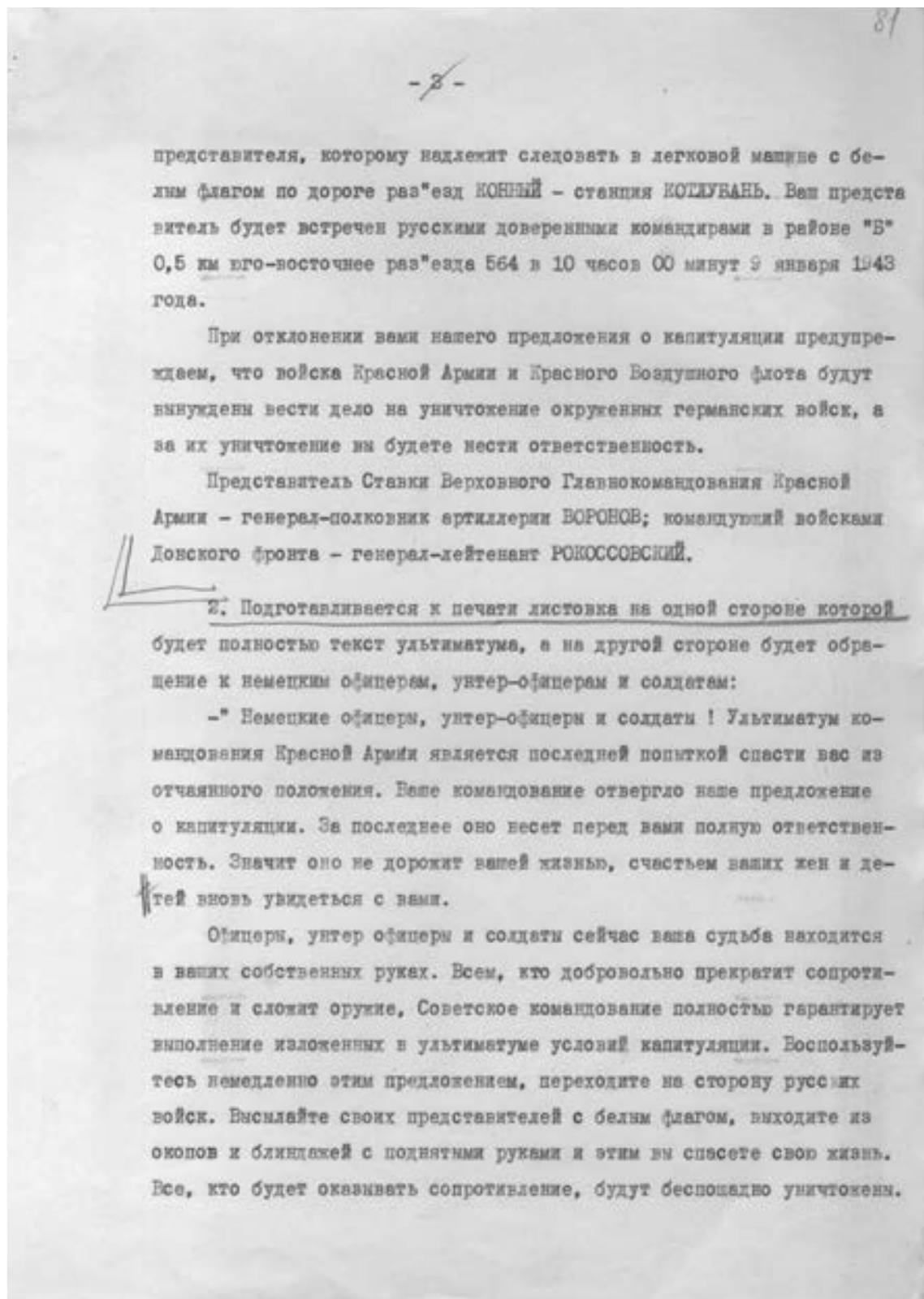
1. Всем германским окруженным войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление.
2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии. Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую страну, куда изъявит желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 10 часов 00 минут по московскому времени, 9 января 1943 года в письменном виде через лично вами назначенного

82

- 4 -

Офицеры, унтер-офицеры и солдаты !

Сейчас от вашего благоразумия зависит ваша жизнь. Решайте.

Представитель Ставки Верховного Командования Красной Армии
генерал-полковник артиллерии - ВОРОВОВ. Командующий войсками Дон-
ского фронта - генерал-лейтенант РОКОССОВСКИЙ.

3. Вручение ультиматума будет выполнено в 10.00 8 января 1943 года. Для вручения ультиматума будет направлен майор СМЕСЛОВ Александр Михайлович и в качестве переводчика при нем капитан ДЯТЛЕНКО Николай Дмитриевич. Оба хорошо владеют немецким языком, готовы выполнить задание, командиры проверенные.

4. При отклонении нашего предложения с 11.00 9 января 1943 г. весь район с помощью авиации будет забросан листовками, а также будут использованы звукоустановки и все прочие средства для доведения текста ультиматума до офицеров, унтер-офицеров и солдат окруженных германских войск.

5. Подготавливается короткая листовка к нашим бойцам и командирам с призывом к активным действиям на уничтожение окруженной немецкой группировки. В листовке будет использован ультиматум и отказ германского командования принять наши условия.

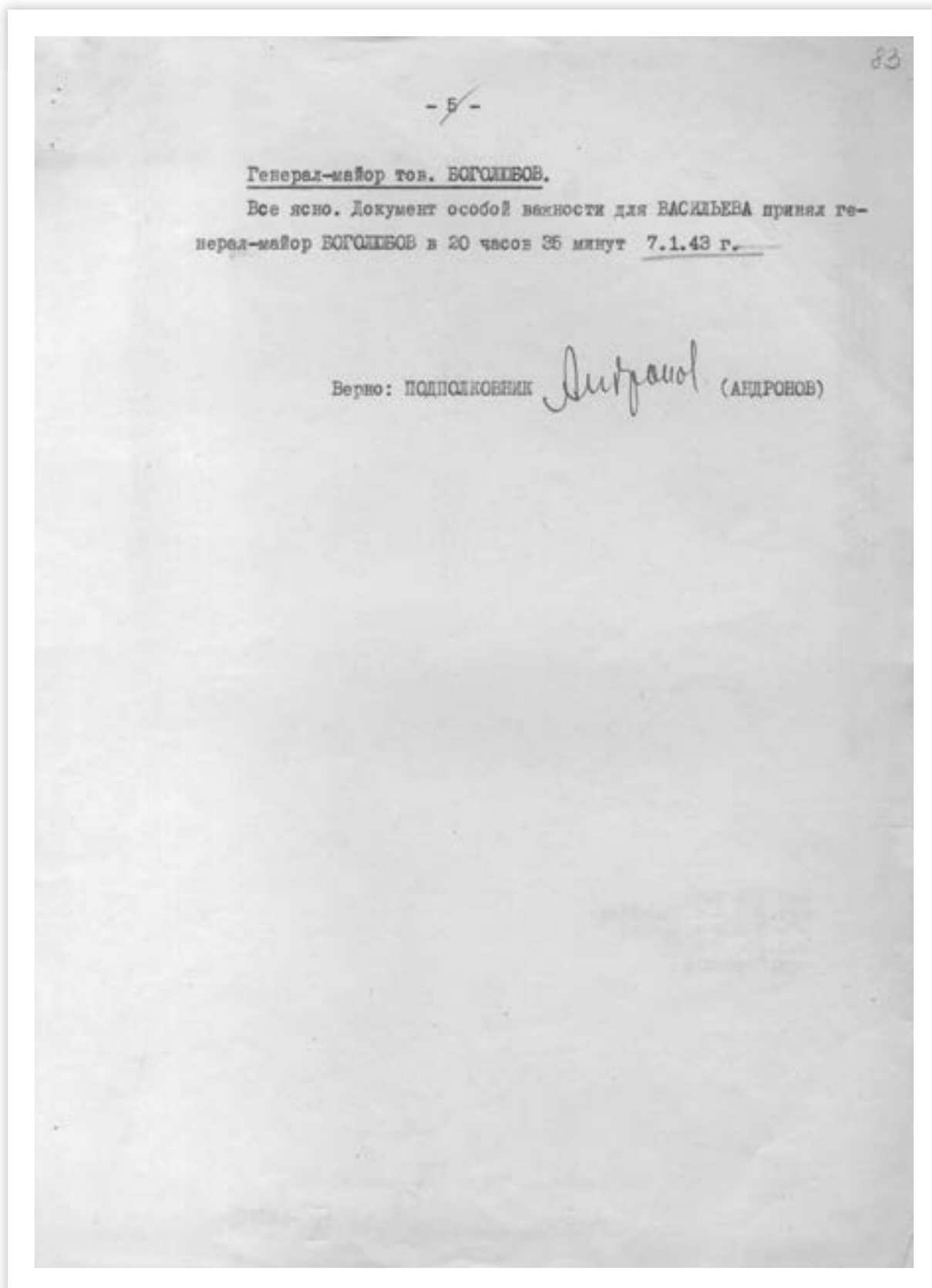
НИКОЛАЕВ.

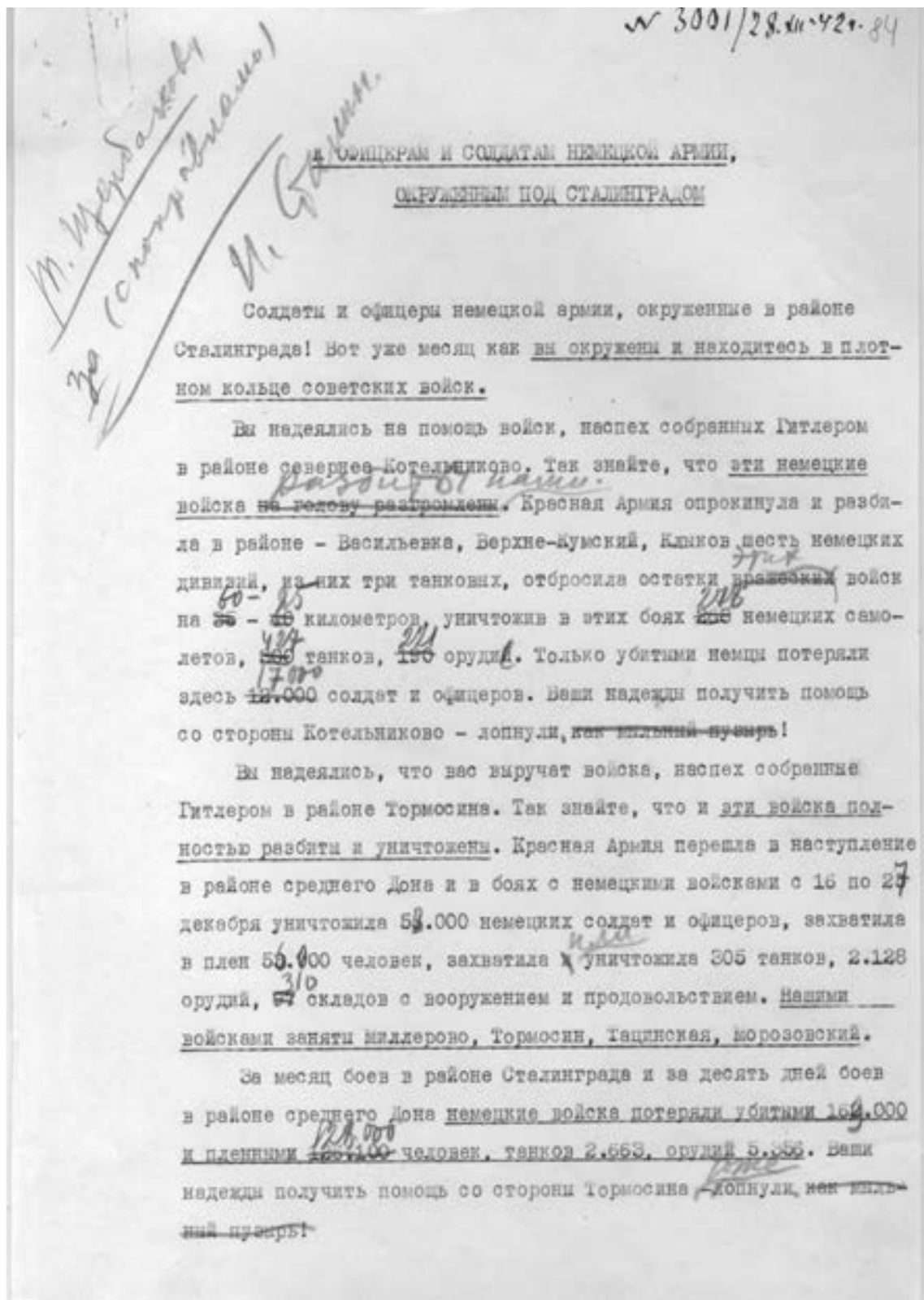
Генерал-майор ВОГОШИНСКИЙ.

Прому сообщить кто такой майор СМЕСЛОВ, какую должность занимает ?

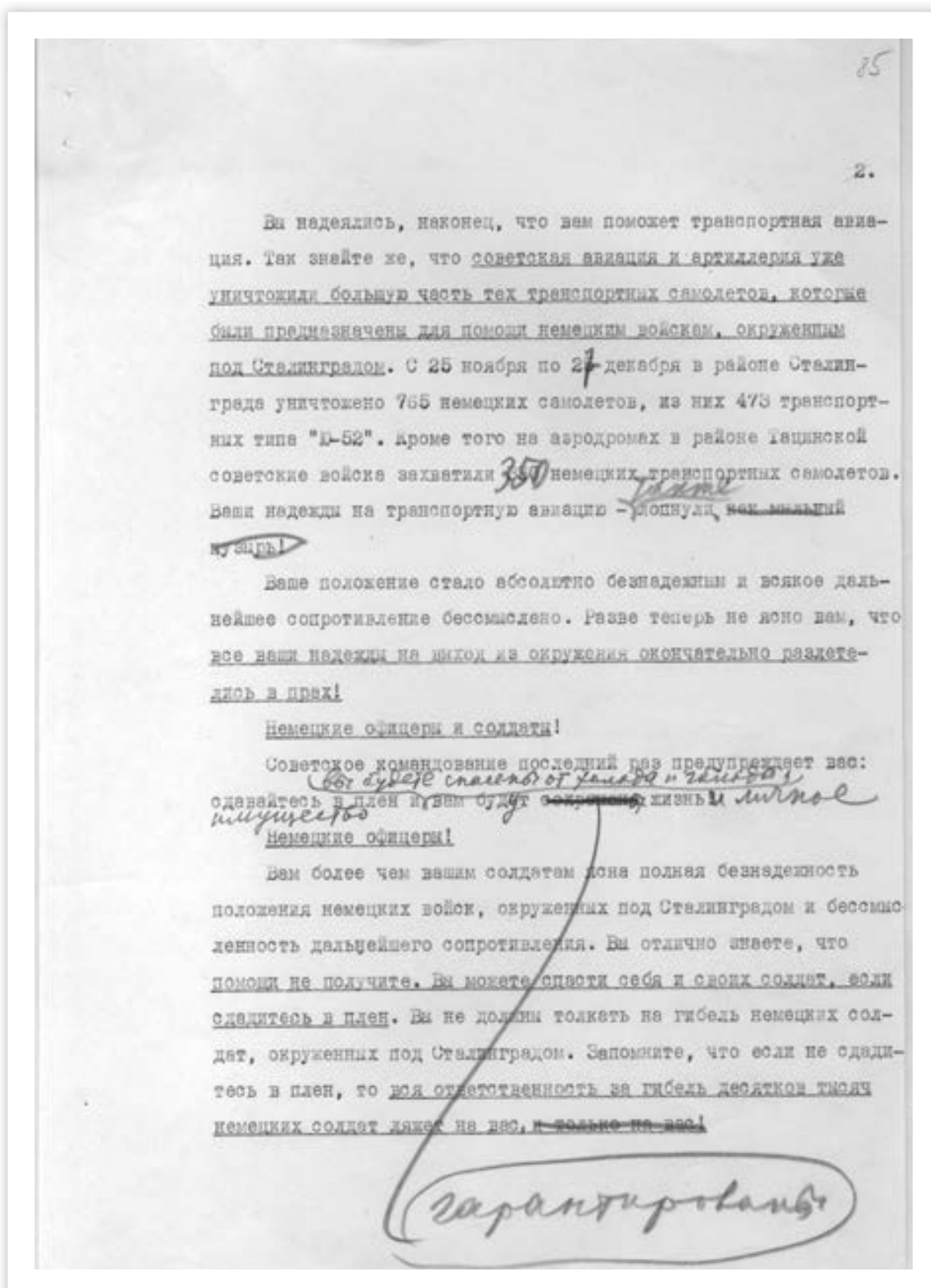
Полковник КРАМАР.

Отвечая: майор СМЕСЛОВ - начальник информационного отделения разведывательного отдела штаба Донского фронта. Все, будут ли еще вопросы?

86

3.

Тем кто теперь не сдастся в плен не будет никакой пощады,
они будут все до одного перебиты нашими войсками! Их ожидает
одна участь в ближайшие дни - смерти!

Сдавайтесь в плен пока не поздно!

Командующий Сталинградским фронтом -
Генерал-Полковник - Еременко

Командующий Донским фронтом -
Генерал-Лейтенант - Рокоссовский

28 декабря 1942 года.

Настоящая листовка служит пропуском для
неограниченного количества немецких солдат и офи-
церов при их сдаче в плен русским войскам.

*Уфа
изменения в цифрах
Виссены с разрешения
Г. Сталина в соответствии
с написанием существующим
Соб. ин. д. упр. Б. упр.
28/12/42*

101

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
IV ЧАСТЬ ОС ЦК ВКП(б)
С. № 916/мст 18/13942 г.

НКГБ СССР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 11569

Получ. 6 УП 1941 г. 6 ч. 00 м. Расшифр. 6 УП 1941 г. 8 ч. 15 м.

Из **КИЕВА**

Куда и кому **НАРКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ тов. МЕРКУЛОВУ**

Для резолюций
и пометок

*За
А. Берия
В. Маленков
Л. Березин*

Указанию тов. ХРУЩЕВА нами арестованы Студинский, Франко, Киевский артист Донец "Националисты" в связи с тем, что вынести их из Киева затруднительно считаем целесообразным их расстрелять НК КЦ(б)У такого же мнения.

прошу немедленных указаний.

№ 2303

1807
6/10/41

Снятие копий категорически воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в 11 отделение 5 отдела
НКГБ СССР
через 48 часов
с момента получения

Отп. 5 экз.	Экз. № 1 тов. МЕРКУЛОВУ
	Экз. № 2 тов. БЕРИЯ
Экз. № 2	Экз. № 3 тов. СЕРГЕЕВУ
	Экз. № 4 тов. КОСУЛОВУ
	Экз. № 5 тов. 11 ОТДЕЛЕНИЮ

Нач. 11 отделения 5 отдела НКГБ СССР *Мухомов*

102

М. М. Меньшов

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 4 Подлежит возврату через 6 суток
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
 IV часть ОС ЦК ВКП (б) **ШИФРОВКА № 43772/43763/43771/ш.**
 Вл. № 2415/ш. от 12/с. 1941 г.

Имя **КИРОВА** Подана 11.7.41. 22.10 Принята 11.7.41. 23.10
 12.7.41. 01.00

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

МОСЕВА, КРИМЬ, т.т. СТАВНУ, МАКНОВУ, БЕРИИ.

Вчера и сегодня тов. КРУГЛОВ продолжал проверку готовности артиллерийской обороны и противотанковых сооружений 222 сд, 145 сд, 149 сд, 19 сд, 120 сд и 217 сд. При изучении подготовки к обороне 145 сд и 149 сд /командиры дивизий т.т. Вольхин и Захарев/ установлено: оборудование противотанковой обороны в том числе и арт. позиций заканчивается.

Сегодня, 10.7, работы идут более организованно. Так же возобновились работы по подготовке противотанковых рвов и колючей проволоки под железобетонные точки.

Стрелковые организации, красноармейцы и местное население используются на работах круглосуточно. К железобетонным работам ни в одной дивизии еще не приступлено.

Экраны со стрелковыми орудиями и стрелковыми материалами находятся в пути и место назначения по прибытии.

Расшифровал . . .

ОТПЕЧАТАНО в . . . экзemplарax

Экз. № 1—	Экз. № 5—
Экз. № 2—	Экз. № 6—
Экз. № 3—	Экз. № 7—
Экз. № 4—	Экз. № 8—

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 1740с-40

103

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 43772.

Ис: _____

Подана: 2-я стр.

Принята: _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

Производство железобетонных работ затруднено от-
сутствием в ряде пунктов камня и гравия. Приказано по-
пользоваться всем имеющимся на месте камнем /разборки
стен каменных домов, каменных оград, использование име-
ющегося камня и щебня на дорогах и т.д./. После при-
каза Командиром 18 Кавалова личный состав дивизии при-
нимает более активное участие в устройстве полевых
укрытий.

Комсостав стал более требовательным.

Комплектами боеприпасов дивизия обеспечена в
размере одного боекомплекта.

На армейском складе /г.Корочан Орловской обл./
имеется еще 2 боекомплекта.

Приняты меры к доставке боеприпасов в дивизию.
При личном посещении во всех дивизионных огневых и арт-
позиций принимались меры к устранению замеченных недо-
статков на месте /укрепление укрытий, увеличение сектора
обстрела, выбор места расположения и другое/. Считаю,
что 145 од и 149 од и 13.7 будут подготовлены к бое-
вым действиям. Оборудование полевой обороны в 19 од.

Расшифровал _____

ОТПЕЧАТАНО в _____ * экземплярах

Экз. № 1— _____	Экз. № 5— _____
Экз. № 2— _____	Экз. № 6— _____
Экз. № 3— _____	Экз. № 7— _____
Экз. № 4— _____	Экз. № 8— _____

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 1749—40

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 48772.

Из Подана 2-я стр. Принята

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

120 од и 221 од проходит неудовлетворительно; они, огневые и арт. позиции рылись медленно. Качествен в достаточной мере к руководству привлечен не был. Отмечалось низкое качество производных работ /слабость перекрестий, плохая маскировка, недостаточная глубина/. В 17 од плохо были обеспечены работы строительных организаций и местного населения. Крутыми методами заставили выровнять недочеты. В течение дня приступили к работе. Работы в этих дивизиях проводятся круглосуточно. Принимаю на месте меры по обеспечению подготовки к обороне в дивизиях не позднее 12.7.

В процессе организации и подготовки 28 Армии вскрывается неорганизованность и путаница. 217 од не прибыл к месту назначения вследствие направления ее в город ВЯЗЬМУ. До сих пор не прибыло 2 полка морской артиллерии. Концентрация частей 89 од было сорвано также неправильным назначением в город КИЗДРУ вместо БРЕНСКА. Понадобился трехсуточный марш в район назначения. И только 10.7.41 части дивизии прибыли на место. Местность Штабом Армии была получена

Расшифровал .

ОТПЕЧАТАНО в . * экземплярах

Экз. № 1—	Экз. № 5—
Экз. № 2—	Экз. № 6—
Экз. № 3—	Экз. № 7—
Экз. № 4—	Экз. № 8—

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 1740к-40

105

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № _____ Подлежит возврату через 6 суток
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 3772.

4-й стр.

№ _____ Подана _____ Принята _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Дан отчеток

только 8.7.41. В частях..... в наличии нет инженер-
ного имущества: проволоки, фугасов, мин и подрывных ма-
териалов.

В дивизиях армии отсутствуют саперные батальоны.
Пропу Вашего содействия послать на каждый стрел-
ковый корпус хотя-бы по одному саперному батальону и
необходимое инженерное имущество.

гор. Кн. 10.7.41. ЦАДЕНКО.

ИР 203.

Расшифровал 12.7.41. 8.45 Тихонов.

8 Отдел ОУ ГШ КА. ОТПЕЧАТАНО в _____ * безмилитаризация

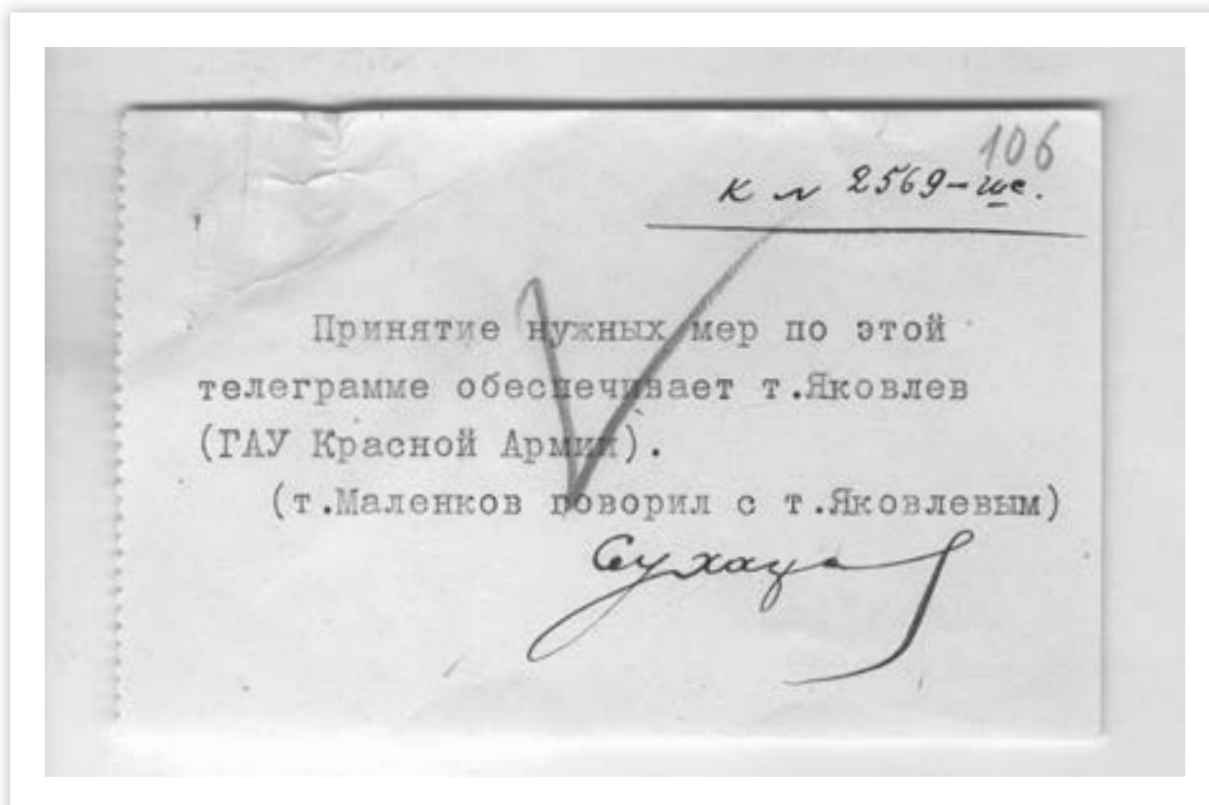
Экз. № 1 — т. Сталину, Экз. № 5 — Н. Г. И.

Экз. № 2 — т. Сталину, Экз. № 6 —

Экз. № 3 — *м. Маленков* Экз. № 7 — ИД

Экз. № 4 — Дежурный по 4 отделению *Тихонов*

Тел. НКВД 1742-40

От м.м. Ворошилова и Жукова
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
107

НКГБ СССР

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 13357
13359.

Получ. . 21 УП 1941 г. . 02 ч. . 10 м. Расшифр. . 21 УП 1941 . 04 ч. . 00 м.

Из **СЕВ.-ЗАП. ФРОНТА**

Куда и кому **ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ, ГЕНШТАБ тов. ЖУКОВУ.**

Для резолюций и пометок	<p>1. Вчера 19/УП Военный Совет Северо-Западного фронта запросил моего согласия отвести войска фронта на рубеж: реки Мшага, Шимск, Перетерка, Евахново, Шахово, на реки Полисть, Заполье, Ручьи, Жуково и далее восточнее берега реки Ловать, то-есть на линию, отстоящую от нынешнего расположения войск на 80-100 километров к востоку.</p> <p>Мотивы отхода: измотанность войск и отсутствие у фронта резервов и необходимых пополнений.</p> <p>Отвод на указанный рубеж должен дать возможность по именованию Военного Совета фронта, оторвавшись от противника привести войска в порядок и прочно закрепиться на новом оборонительном рубеже.</p> <p>2. Считаю этот план неправильным, я дал директиву (копия у Генштаба) вести упорные бои в занимаемых районах и только в крайних, вынужден-</p>
----------------------------	---

Снятие копий категорически воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ в 11 отделение 5 отдела НКГБ СССР через 48 часов с момента получения	Отп. _____ деп. _____ деп. № 1 тов. _____ деп. № 2 тов. _____ деп. № 3 тов. _____ деп. № 4 тов. _____ деп. № 5 тов. _____
--	---

Нач. 11 отделения 5 отдела НКГБ СССР

108

НКГБ СССР

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. №

Получ. . . . . 194 г. . . . . м. Расшифр. . . . . 194 г. . . . . м.

На **- 2 -**

Для резолюций
и пометок

Куда и кому

Для резолюций
и пометок

них случаях отходить к заранее подготовленным, более выгодным участкам обороны и во всяком случае нужно удерживать линию железной дороги Батецкая - Ново-Сокольники.

Командование Северо-Западного фронта директиву приняло к исполнению.

3. Не взирая на слабость и потрепанность наших дивизий, многие из которых насчитывают всего лишь по несколько сот бойцов, в результате созданного перелома войска не только оказывают сопротивление противнику в обороне, но и наносят ему чувствительные удары, переходя на отдельных участках в успешное контрнаступление. Противник понес и несет большие потери.

4. Войска Северо-Западного фронта нуждаются в срочном пополнении. Ленинградский военный округ получил задание от Генштаба занарядить для Северо-Западного фронта 20 маршевых баталь.

Снятие копий категорически воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
 в 11 отделение 5 отдела
НКГБ СССР
 через 48 часов
 с момента получения

Отп. _____	вкл. _____	вкл. № 1 _____	тов. _____
		вкл. № 2 _____	тов. _____
Экз. № _____		вкл. № 3 _____	тов. _____
		вкл. № 4 _____	тов. _____
		вкл. № 5 _____	тов. _____

Нач. 11 отделения 5 отдела НКГБ СССР

103

НКГБ СССР

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. №

Получ. . . . . 194 г. . . . . м. Расшифр. . . . .
194 г. . . . . м.

Из . . . . .
8

Куда и кому

Для резолюций
и пометок

онов и 15 батарей. 13 батарей уже отправлены на фронт. Что касается маршевых батальонов, то Ленинградскому военному округу удалось послать только 3, остальные хотя и сформированы, но не могут быть посланы из-за отсутствия винтовок и пулеметов.

5. Я очень прошу послать Северо-Западному фронту хотя бы тридцать тысяч винтовок и 500 штук станковых и ручных пулеметов. Без срочного пополнения мы неизбежно будем растрачивать теперь уже хороший, боем проверенный личный состав дивизий.

Прошу ответ.

20/УП-41г. № 4. ВОРОШИЛОВ, ЕЛАНОВ.

Связные концы категорически воспрещаются

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в 11 отделение 5 отдела
НКГБ СССР
через 48 часов
с момента получения

Отп. 4	экз.	экз. № 1	тов.	Сталину
		экз. № 2	тов.	—
Экз. № 1		экз. № 3	тов.	Букову
		экз. № 4	тов.	11 отделение
		экз. № 5	тов.	

Нач. 11 отделения 5 отдела НКГБ СССР *А. В. Л.*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 2 Подлежит возврату через 6 суток

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

ШИФРОВКА № 49013/15/14/ш

№ КОМАНДСКА Подана 21.7 13.25 Принята 21.7 19.51

Поступила в 4 отделение 5 отдела оперативного Генштаба Красной Армии 21.7 21.00

Для отметок

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ т.СТАЛИНУ,
ГЕНШТАБ тов. И У К О В У.

ПОДАЕМОСТЬ ВОЗВРАТУ
IV часть ОС ЦК
21.7/100 22.00/1

Только для частей 24, 28 и 30-й армий фронту резервных армий нужен следующий минимум: 45 мм пушек 90, полевых артиллерийских пушек 90, полевых пушек 30, 122 гаубиц 74, 152 гаубиц дивизионных 84, 37 зенитных пушек 80, 76 зенитных пушек 27. Тракторы ЧТЗ - 65 180, ВОРОШИЛОВЕЦ 60, СТ-2 хотя бы 120, КОМСОМОЛЕЦ 150. Необходимо дать начерту фронта 250 грузовых машин и каждому начерту армии по 100 в их распоряжение для подвоза боеприпасов. Крайне нужны трактора ЧТЗ-65 и ВОРОШИЛОВЕЦ, так как часть тяжелой артиллерии занимает позицию без средств тяги. В артиллерии резервных армий крайне тяжелое положение со средствами связи: телефонного кабеля не хватает 10500 километров, телефонных аппаратов 5100, коммутаторов 555, раций БНК или РВ 1100, раций типа БАН 170, зная трудности прому Вое выделить специально артиллерии сколько будет возможно.

Секретарь
Красноармейский
Директор

Генерал-Полковник Артиллерии ВОРОНОВ

Расшифровал 21.7 22.35 КУДИСОВ

ОТПЕЧАТАНО в 8 экземплярах

Экз. № 1 - В. Отделу
Экз. № 2 - т. Сталину
Экз. № 3 - т. Сталину
Экз. № 4 - т. Молотову

Экз. № 5 - т. Малинкову
Экз. № 6 - т. Жукову
Экз. № 7 - т. Мехлис
Экз. № 8 - т. Слюбину

Детурный по 4 отделению

ТМ. Тип. НКВД 1740к-40

№ 10851

6-48141

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 2

Подлежит возврату через 6 суток 112

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/55617/55590/55641/55592/55667/ш.

Из **ГЕАТСК** Подана **3.8.41. 23.65** Принята **4.8.41. 2.50**
4.8.41. 5.00

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

**МОСКВА КРЕМЛЬ тов. СТАЛИНУ,
 тов. МАЛЕНКОВУ.
 тов. БЕРИЯ.**

Копия - тов. МЕХЛИСУ.

Вчера, поздно ночью, возвратился из района МУТИЩЕ, где в течение трех дней помогал 106 дивизии организовывать бой, и дальнейшее продвижение в направлении БОЛЬШАЯ ЛИПНЯ - МАЛАЯ ЛИПНЯ - МАЛЫЦЕВО - ЕЛЬНЯ.

Прежде всего ледях. Бойцах - несмотря на отсутствие крупно-калиберных 152 мм снарядов и гаубиц и пушек, гаубиц обр. 1937 г. и полного отсутствия авиации - дерутся стойко, переносят авиационные, артиллерийские и минометно-огневые налеты врага без паники и бегства. И вот эти прекрасные бойцы, по преимуществу молодежь, смело идущая в штыки на врага, как правило, в боевых действиях и операциях бросается вперед не руководимая командирами и комиссарами непосредственно на поле боя.

Командиры и комиссары начиная с батальонного и выше, как не горько сказать, трусливо прячутся по командным пунктам, огненным убежищам и ямам. Нередко во

Расшифровал . . .

ОТПЕЧАТАНО в . . . * экземпляров

Экз. № 1—
 Экз. № 2—
 Экз. № 3—
 Экз. № 4—

Экз. № 5—
 Экз. № 6—
 Экз. № 7—
 Экз. № 8—

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
 IV часть ОС ЦК ВКП(б)
 Эл. № 3582/ш 4/10/1941 г.

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 1740-43

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СЯТНЕ КОПИИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/п.

Из

Подана

2-я

стр.

Принята

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

время налета авиации, артиллерии, минометов ведут себя
подло, трусливо на глазах у бойцов и даже населения, при-
меры:

1/ 26.7 На штаба 24 Армии СЕМЛЕВО был сделан налет
4 бомбардировщиков. Начсостав штаба его отделов обедая
Военторге столовой, сброшенные бомбы навели такую пани-
ку "командиров", что они давя женщин /мед. состав, маши-
нисток, военторговских служащих/, переворачивая столы пе-
ребили много посуды, некоторые прятались под столы.

Нужно сказать, что налет несмотря на свои 6 повтор-
ных заходов никаких разрушений занимаемой непосредствен-
но отделами штаба и деревне не причинил, ни одного пани-
кера не ранило и не убило, но позора и полной животной
трусости вылезло наружу из начсостава непомерно много мне
стыдно было смотреть на шкурное метание из стороны в
сторону обалдевших начальников. Я буйвально рассверепел,
прекращая подлое поведение наиболее об"ятых страхом чи-
новников, но это так сказать тыловые работники штабов и
учреждений. За последние дни представилась возможность
видеть еще более подлое, более опасное и позорное поведе-

Расшифровал

ОТПЕЧАТАНО в _____ экзemplарах

Экз. № 1—

Экз. № 5—

Экз. № 2—

Экз. № 6—

Экз. № 3—

Экз. № 7—

Экз. № 4—

Экз. № 8—

Дежурный по 4 отделению

Тира. ИЖО 1742-43

114

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № _____

Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

На _____

Подана 3-я стр.

Принята _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии _____

Для отметок

ние фронтовых командиров и политработников чем в СЕМ-ЛЕВО. После всей ночи езды я прибыл в распоряжение дивизии 30.7.41 г. - около 5 часов утра. На КП дивизии добрался около 6 часов, таким образом мог видеть всю процедуру ПОДГОТОВКИ /нудная, тягучая/ и сам бой, вернее переход к наступлению, для которого прошли все сроки, несмотря на то, что я подталкивал, оно торжественно как литургия, началось артиллерийской минометной, пулеметной и прочей подготовкой без какого-либо движения вперед, а когда артиллерийская и прочая подготовка закончилась и люди поднятые по телефону пошли в атаку, противник, находившийся во время артподготовки в щелях и убежищах, вновь занимает свои позиции и начинает встречать атаки пулеметно-ружейным и минометным огнем. Начинается повторная артподготовка, двойной тройной расход снарядов без должной пользы, тогда как если-бы наступление велось под прикрытием артогня, то окопы противника, боявшегося русского штыка, были бы захвачены гораздо скорее и с тем же оружием /пулеметами, минометами/, которые главным образом приземляют нашу пехоту в невыгодном условии между своими и противником окопами. Но бой

Расшифровал _____

ОТПЕЧАТАНО в _____ * экземплярах

Экз. № 1— _____	Экз. № 5— _____
Экз. № 2— _____	Экз. № 6— _____
Экз. № 3— _____	Экз. № 7— _____
Экз. № 4— _____	Экз. № 8— _____

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 174/с-40

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СВЯТНЕ КНИИИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Из Подана 4-я стр. Принята

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

Для отписок

этого надо иметь, как говорят "корифеи" стойких, самоотверженных всегда примерных - показательных для красноармейцев командно-политического состава и в достаточном количестве.

Есть ли они у нас.

Я утверждаю, что он есть и в достаточном количестве, но мы пока, что не умели им распорядиться и заставить бить красноармейской массой и во главе ее во время боя и операций. 30.7.41. утром, согласно приказа по армии, 106 дивизия должна была боем продвинуться к ЕЛЬНЯ, и если удастся занять ее.

С утра, на писание приказа, на подтигивание и сосредоточение потребовалось больше 6 часов, а когда роты и батальоны двинулись вперед, командно-политсостав остались позади в щелях и на командных пунктах "наблюдать за ходом" боя, именно наблюдать, а не руководить, не организовывать и не воодушевлять на подвиг в бою людей. И вот, эти американские наблюдатели авторитет ученых всей системе боевой подготовки войск и войне течением многих лет, не исключая и последних лет, больше всего

Расшифровал .

ОТПЕЧАТАНО в . экземплярах

Экз. № 1—

Экз. № 5—

Экз. № 2—

Экз. № 6—

Экз. № 3—

Экз. № 7—

Экз. № 4—

Экз. № 8—

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 1740к-43

<p>СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ</p>	<p>Экз. № _____</p>	<p>Подлежит возврату через 6 суток 116 в 4 отделение 5 отдела оперупра Генштаба Красной Армии</p>
<h2 style="margin: 0;">ШИФРОВКА № 55591/ш.</h2>		
<p>Из _____ Подана <u>5-я</u> стр. Принята _____ Поступила в 4 отделение 5 отдела оперупра Генштаба Красной Армии</p>		
<p>Для отметок</p>	<p>заботится, чтобы их убежища наблюдательные /командные/ пункты были надежно укрыты и защищены от артогня и воздушного огня.</p> <p>Они так много говорят и заботятся о "драгоценном" здоровье и жизни комиссара полит. работника, что на глазах умирающих и истекающих кровью эта "забота" превращается полную трусость и предательство красноармейских масс.</p> <p>В самом деле красноармейские массы заботе командно-политсостава рот и глубоком тылу надежные, а иногда и обставляет удобствами блиндажи убежища пункты, которые иногда стоят очень много сил средств, а главное материалов и времени.</p> <p>Привлеченные телефону к-ры и комиссары батальонов полков, дивизий, а иногда не видят поля боя, никогда по-настоящему не управляют боем, очень и очень редко бывают в бое.</p> <p>Масса во время боя не руководимая, не вдохновляемая командиром и комиссаром предоставленная самой себе обычно несет большие потери, не зная что ей делать в</p>	
<p>Расшифровал _____</p>		
<p>ОТПЕЧАТАНО в _____ * экземплярах</p>		
<p>Экз. № 1— _____</p>	<p>Экз. № 5— _____</p>	
<p>Экз. № 2— _____</p>	<p>Экз. № 6— _____</p>	
<p>Экз. № 3— _____</p>	<p>Экз. № 7— _____</p>	
<p>Экз. № 4— _____</p>	<p>Экз. № 8— _____</p>	
<p>Дежурный по 4 отделению</p>		
<p>Тип. НКВД 1749с-40</p>		

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СЛЯТНЕ КОПИИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Из Подана 8-я стр. Принята

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Для отметок

сложной и быстро меняющейся обстановке.

Так случилось и вчера с наступлением 106 дивизии, когда в 13.00 первый полк, находясь на рубеже, перешел своими двумя батальонами в наступление, он продвижением отдельных случаях не нес почти никаких потерь. Почему. Потому, что противник не ожидал, что мы начнем наступать в его обеденный перерыв, а после, когда победив, они стали обходить фланги.

Выдавшийся вперед первый батальон, то в этом батальоне не оказалось на месте ни командира ни комиссара, которые бы могли предостеречь батальон от чрезмерного увлечения вперед, от обходов его флангов, от прижатия его к лесу, раз'единения со вторым батальоном и окружения, будь при этом батальоне командир и комиссар /вели, ротные командиры и политруки/ совершенно очевидно, что они не дали бы окружить батальон во всяком случае могли вывести его с гораздо меньшими потерями, а самое главное подорвали у бойцов вера в свой командно-политический состав, в решительную победу своей части и Красной Армии в целом.

Батальоны на глазах у пассивных наблюдателей, истекая кровью, понесли очень тяжелые потери - своего со-

Расшифровал .

ОТПЕЧАТАНО в . * экземплярах

Экз. № 1—	Экз. № 5—
Экз. № 2—	Экз. № 6—
Экз. № 3—	Экз. № 7—
Экз. № 4—	Экз. № 8—

Дежурный по 4 отделению

Таб. НКВД 1749к-40

118

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № _____

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Из _____

Подана _____

7-я ОТР.

Принята _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии _____

Для отметок

става, но самое страшное этом ..... , они потеряли веру в себя и в свой командно-политический состав как они трусливо, поджав хвост смотрели из своих целей на предательство людей, спасая свою шкуру.

Я беседовал с ранеными после их перевязки, они в один голос вынуждены были сквозь слезы говорить, что их бросил командный состав, и никто в критическую минуту не смог оказать им помощи, никто не руководил ими.

Мрачно настроенные люди несли предлагаемую им санбатом пищу. Я чувствовал себя преступником, т.к. я тоже находился от этих людей в трех километрах, наивно потеряв телефончикам, что "наступление развивается успешно". Я, конечно, разбирал этот случай с высшим командно-политическим составом дивизии, резко потребовал изменить тактику начальства по отношению к своим подчиненным, поручил расследовать прокурору этот возмутительный случай, но я знал, что это не случай, а укоренившаяся система, которую надо беспощадно преследовать, ломать и выкорчевывать из сознания руководителей в самой психологической, и если хотите, в идеологической основе,

---

Расшифровал _____

ОТПЕЧАТАНО в _____ экзemplарах

Экз. № 1— _____	Экз. № 5— _____
Экз. № 2— _____	Экз. № 6— _____
Экз. № 3— _____	Экз. № 7— _____
Экз. № 4— _____	Экз. № 8— _____

Дежурный по 4 отделению

Тел. НКВД 17436-45

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № _____

Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Изм. _____ Подана _____ 8-я стр. _____ Принята _____
Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии _____

Для отместки

куда залезало подлое шкурничество и предательская трусость. У нас часто слышны разговорчики, что де у нас нет, не хватает командного состава, а поэтому надо его беречь, надо его сохранять от гибели всеми средствами.

Эта не большевистская постановка вопроса. Сохраняя от шкурников и даже хороших командиров, мы рискуем погубить нашу мать - Родину, за жизнь и процветание которой отдали жизни такие люди, как ЛЕНИН, СВЕРДЛОВ, ФРУНЗЕ, ДЗЕРЖИНСКИЙ, КИРОВ, СЕРГО, КУЙБЫШЕВ и многие тысячи и миллионы других прекрасных людей.

Сейчас дело идет о жизни и смерти нашей Советской Страны, так неужели же мы должны жалеть для ее спасения каких-то обитателей командных пунктов, щелей и убежищ. Да и сами эти командно-наблюдательные пункты, по-моему, затея не столько от разума и целесообразного большевистского расчета, сколько от желания спасти свою шкуру не уминых и не мужественных людей.

Настоящие командиры полков и комиссары, как правило, не пользуются дорогостоящими сооружениями, а наблюдают за полем боя из той точки, где в данный конкретно момент

Расшифровал . . .

ОТПЕЧАТАНО в . . . экзemplарах

Экз. № 1— _____	Экз. № 5— _____
Экз. № 2— _____	Экз. № 6— _____
Экз. № 3— _____	Экз. № 7— _____
Экз. № 4— _____	Экз. № 8— _____

Дежурный по 4 отделению

Тип. НКВД 1740а-43

120

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № _____

Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Из _____

Подана _____

В-я стр. _____

Принята _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

Для отсылок

виднее всего розыгрыш боя, откуда он может подать во время борющихся масс помощь и прекратить бегство в тыл или залезание шкурников в щели.

Если командир после издания приказа не проверяет, не содействует осуществлению, проведению в жизнь собственного боевого приказа, значит он не заинтересован в его выполнении, значит это или шкурный двурешник, бюрократ, или политический предатель. Таких случаях, из-за того, что только так, может стоять вопрос в настоящей войне. Другой постановки не может быть. Другая постановка это не содействие, а противодействие по отношению к осуществлению главной цели - разгрому вражеских полчищ.

Вот почему, мне кажется, надо издать Наркому Обороне СССР специальный приказ для командно-политического и всего начсостава, в котором резко потребовать строжайшей ответственности всего начсостава как за всю организацию и обеспечение, так и за проведение боя.

Надо положить конец тому положению, что в дивизии, в полках, батальонах и ротах не знают наличия, убыли и прибыли людей. Не знают потому, что не участвуют, уклоняются от подготовки, организации, обеспечения и проведения

Расшифровал _____

ОТПЕЧАТАНО в _____ экзemplарах

Экз. № 1— _____	Экз. № 5— _____
Экз. № 2— _____	Экз. № 6— _____
Экз. № 3— _____	Экз. № 7— _____
Экз. № 4— _____	Экз. № 8— _____

Дежурный по 4 отделению

Тип. ИРКО 1743-43

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. №

Подлежит возврату через 6 суток

в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 55591/ш.

Из Подана 10-и стр. Принята

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

Дав отметок

боя. В этом корень всех наших неустойчивости, всех наших бед, и сколько бы мы не возражали, расстреливали бегущих красноармейцев с поля боя, ничего из этого не выйдет, так как надо расстреливать и тех, кто уклоняется от боя и прежде всего - командно-руководящую часть, кто не считает убитых, кто не заботится о раненых, кто оставляет по суткам голодными красноармейцев.

Я принимаю все необходимые меры к поднятию боеспособности дивизии, беспощадно расправляясь со шкурниками: Сейчас снова выезжаю в 106 дивизию, где буду до конца ЕЛЬНИСКОЙ операции.

Противники надломлен, у него мало снарядов, танки зарывают в землю из-за отсутствия горючего.

Р 322.

ЩАДЕНКО.

Расшифровал 4.8.41. 6.30. Бакляков, Трутнев.

ОТПЕЧАТАНО в 9 экземплярах

Экз. № 1 - 8 Отдел ОУ ГШ КА,

Экз. № 5 - т. Маленкову, 9 - т. Василевскому.

Экз. № 2 - т. Сталину,

Экз. № 6 - т. Берия,

Экз. № 3 - т. Сталину,

Экз. № 7 - т. Шапошникову, вл

Экз. № 4 - т. Молотову,

Экз. № 8 - т. Мехлис,

Дежурный по 4 отделу

Тел. НКВД (74) 42

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 2 Подлежит возврату через 6 суток 139
СЯТНЕ КОПИИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ 4-е отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 68337

Ис. 7 АРМИИ Пошла 30.8.41 4.55 Принята 30.8.41 11.50
 Поступила в 4-е отделение 8 отдела оперупра Генштаба Красной Армии 30.8.41 15.10

Для отметок

НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КА.

За весь период войны 7 А. от Северного фронта автоматического оружия и минометов на пополнение не получала. В Армии острый недостаток автоматики.

В некоторых полках некомплект станковых пулеметов доходит до 90 %; ручных пулеметов до 80 %.

Прибывающие маршевые батальоны тоже без автоматического оружия. Производимое пополнение частей через армейские запасные полки были вооружены винтовками, изъятыми из ~~ушедших~~ Армий. Армейские тылы, части связи, автродомные батальоны разоружены сейчас на 70 %.

Насыщенность Армии артиллерией крайне незначительная и разнится с полковой артиллерией в 0,3 орудия на км. фронта:

54 СД имеет - пять батарей, группа КОЗЛОВА - две батареи, 71 СД - шесть батарей, группа АББАКУМОВА (без 272 СД) - две батареи, 272 СД - пять батарей, группа ПРЮТНЕВА - семь батарей. В полках вместо шести орудийных батарей полковой артиллерии - 3 - 4 орудийные, а в 7, 837, 367 СП совершенно отсутствуют.

При такой насыщенности автоматическим оружием и

Расшифровал . . . . .

ОТПЕЧАТАНО в . . . . . * экземплярах

Экз. № 1— Экз. № 5—
 Экз. № 2— Экз. № 6—
 Экз. № 3— Экз. № 7—
 Экз. № 4— Экз. № 8—

Дежурный по 4-му отделению

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
 IV часть ОС ЦК ВКП(б)
 Вх. № 5962/ис от 21/08/41 г.

Тек. БКО-1980-41.

140

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Зак. № _____

Подлежит возврату через 6 суток

№ 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 6837

Ис: _____

Получено: _____

Принято: _____

Поступила в 4 отделение 8 отдела оперативного Генштаба Красной Армии

Для отчета

артиллерийской части Армии не справляются с отражением атак, сопровождаемых сильным автоматическим минометным и арт-огнем и подавление невозможно минометного и арт. огня противника. Снабжение боеприпасами почти прекратилось. Сейчас в Армии имеется на складах, головн. арт. складах и войсках в среднем один боекомплект, совсем нет 120 мм и ручных гранат.

Прошу Вашего распоряжения о срочном отпуске хотя бы десяти тысяч минометов, 250 станковых пулеметов, 370 ручных пулеметов, 265 - 50 мм минометов, 123 - 82 мм минометов, 67 - 120 мм минометов и высылку боеприпасов.

БСМАНУШИН 7 А.
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ - ГОРЯЛНИКО

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
БРИГАДНЫЙ КОММИССАР
КОРЯКОВ

В 1501

Расшифровал 30.8.41 19.40 Конкин

ОТПЕЧАТАНО " 10 - экземплярах

Зак. № 1 - ШУ ГИКА

Зак. № 2 - тов. Сталину

Зак. № 3 - тов. Молотову

Зак. № 4 - тов. Маленкову

Зак. № 5 - тов. Берия

Зак. № 6 - тов. Шапошникову

Зак. № 7 - тов. Мехису

Зак. № 8 - тов. Василевскому

Зак. № 9 - тов. Платонову

Зак. № 10 - тов. Яковлеву

Дежурный по штабу

ам 20.30

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 2

Нов. Сталины
Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 8 отдела Генштаба РККА

ШИФРОВКА № 71614/н

Из ПОКРОВСКОЕ

Поступила в 1949 НКД

СОВ. СЕКРЕТНО
Вх. № 20170
2 - 9 194/г.
СЕКРЕТАРИИ ВЛ РККА

Полена 6.9.41 г. 21.35 Полена

Г. Г. Г. Г. Г.

6.9 21.45

7.9 02.20

ВЕСЬМА СРОЧНО.

НАРКОМУ ОБОРОНЫ СССР

тов. СТАЛИНУ.

Вышедший командир 14-ой Генерал-майор ЕГОРОВ Даниил Григорьевич не оправдал высокого доверия партии и правительства.

Будучи вызван из ОДЕССЫ в ДНЕПРОПЕТРОВСК для выполнения опер. задания, он вместо немедленного вылета самолетом оставался ОДЕССЕ, где течение двух дней занимался пьянством. Прибыв в ДНЕПРОПЕТРОВСК продолжал пьянствовать не приступая к работе течение трех дней. 16.8 с.г. ЕГОРОВ отстранен от занимаемой должности Военсоветом фронта и передан прокурору предания суду.

Находясь в распоряжении судебных властей ЕГОРОВ был помещен в больницу на исследование, откуда выписан 27.8 с.г. и направлен Штаб Южного фронта.

Настоящее время ЕГОРОВ находится при Штабе Южного фронта.

Экз. № 1

Экз. № 2

Экз. № 3

Экз. № 4

193 г. с.г. мин.

ОТПЕЧАТАНО в "военштаб" № 7898

Вх. № 8 - 9 194/г.

Описание: Управление, Экз. № 8
Ген. М. А. Кислый Архан.

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
IV часть ОУ ЦК ВКП(б)
В. 1949/09/11 194/г.

Тел. 140 793-25

155

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № _____ Подлежит возврату через 6 суток
 СЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ и 4 отделе 5 отдела Генштаба РККА

ШИФРОВКА № 71614/и

На _____ Поваля 2-1 Л И С Т. Принята _____

Поступила в ШО НКО _____

Для отписок

- Военный Совет просит разрешения предать суду Военного трибунала ЕГОРОВА за пьянство и невыполнение боевого приказа.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ РЯБЫШЕВ, ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА КОРНИКОВ

Расшифровал . 7. септября 1941 г. 4 час. 35 мин. Кузьмин

ОТПЕЧАТАНО . 4 - экзemplар

Экз. № 1 - В Отделу	Экз. № 5 -
Экз. № 2 - т. Сталину	Экз. № 6 -
Экз. № 3 - т. Ефимову	Экз. № 7 -
Экз. № 4 - т. Мехлис	Экз. № 8 -

тм 7.9.41 6.00

Тел. НКВД 7524-30

Дежурный по 4 отделу *Рябов*

157

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 2 **Подлежит возврату через 6 суток**

СВЯТНЕ КОНИИ ВОСОВЕРШАЕТСЯ

ШИФРОВКА № 74030/24.9.41

На ЛЕНИНГРАД Похана 10.9.41 6.15 Принята 10.9.41 12.58

Поступила в 5-й отдел Шифр. 10.9.41 14.40

Для отчета

2 тов. С Т А Л И Н У.

Притом фронта № 60115 от 9.9.41 г.:

1. За невыполнение боевого приказа и самый сильный отход с рубежа отстрижены от занимаемых должностей с передачей дела Военпрокурору фронта врид. Командира 237 СД Полковник НОСКОВ В.В. и комиссар той же дивизии полковой комиссар ДАВИДОВИЧ В.С..
2. За невыполнение боевого приказа по оказанию помощи при выходе из окружения группы тов. АСТАШИНА и ранение отстрижены от занимаемых должностей с передачей делу Воентрибунала и д. Командира 90 СД полковник АБРАМОВ Н.Ф. и комиссар той же дивизии полковой комиссар СИМАГИН.
3. Подполковник ДАРЬИН Алексей Андреевич допущен командиром 90 СД.
4. Полковник КОРОВЕВ Александр Игнатьевич — командиром 237 СД.
5. Подполковник УГРИНОВ Николай Степанович командиром 204 СД 10 СД.
6. Полковник БОРОДИН Порфирий Григорьевич командиром 90 СД 10 СД.

Расшифровал

Отпечатано в

Экз. № 1—
Экз. № 2—
Экз. № 3—
Экз. № 4—

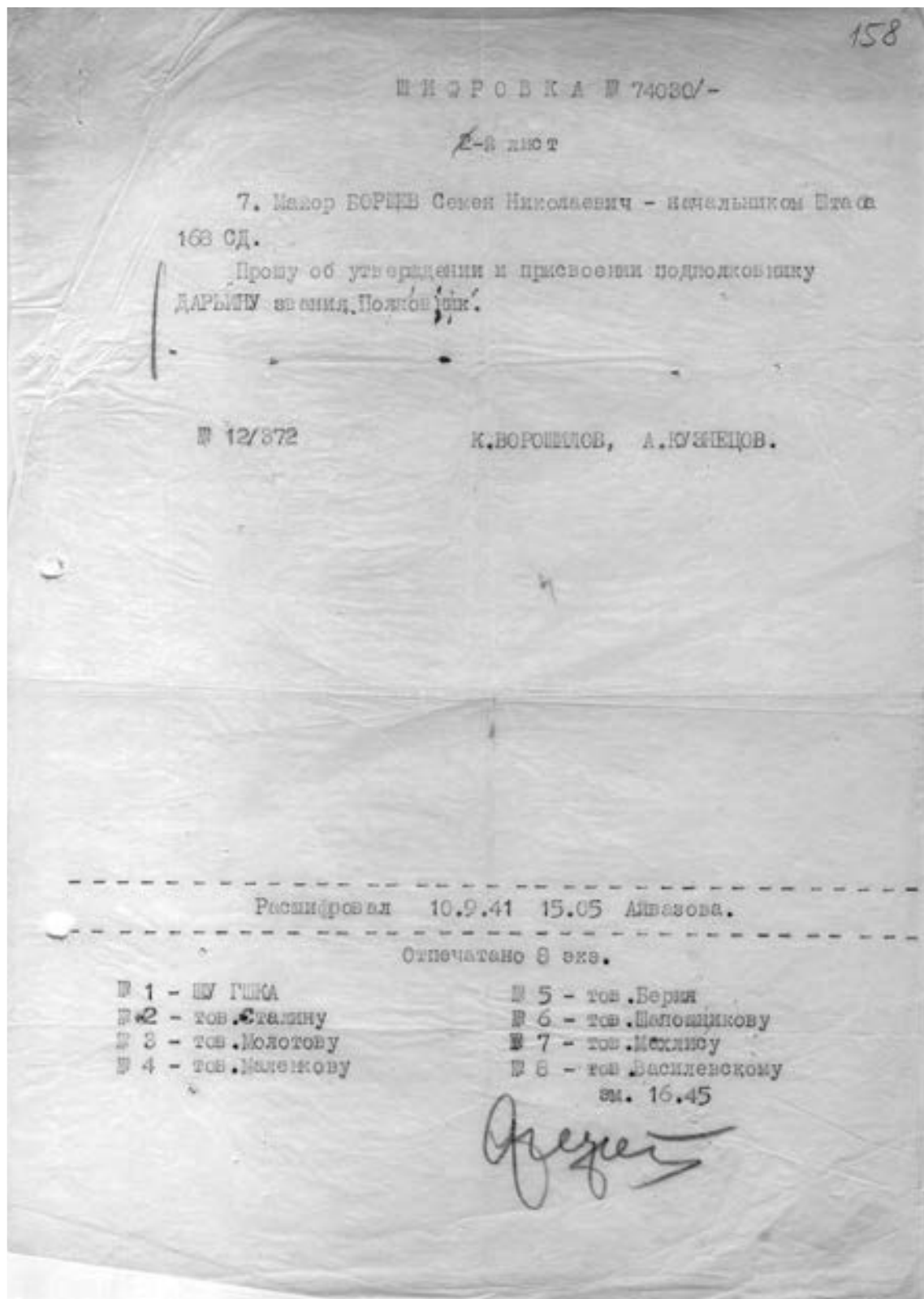
Экз. № 5—
Экз. № 6—
Экз. № 7—
Экз. № 8—

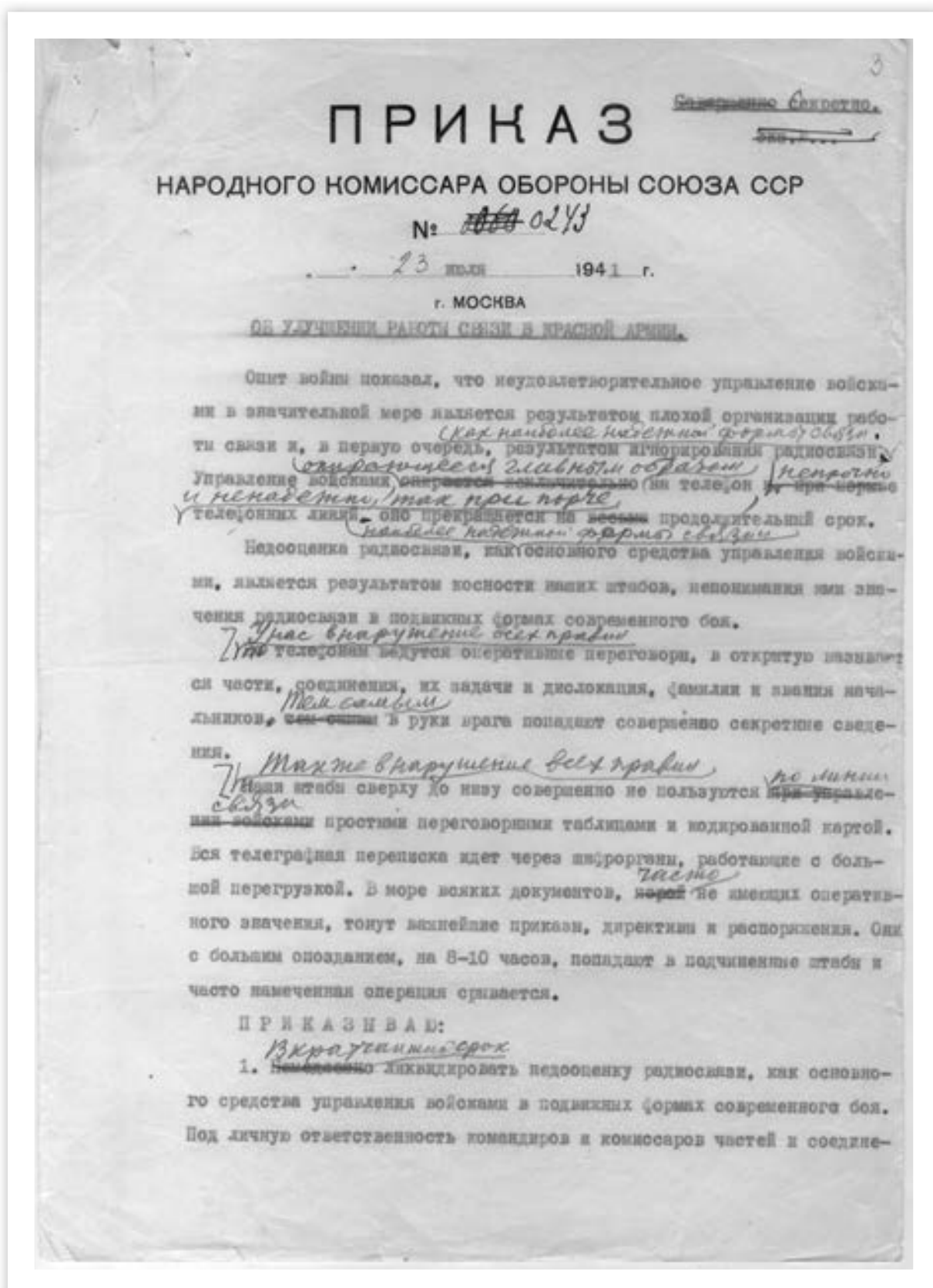
Дежурный по 5 отделу

Вх. №: 8298
12.9.41

Подлежит возврату в
IV часть ОС ЦК ВКП(б)
Вх. №: 10/15.1941 г.

Таб. № 10 2485-4

4

2.

ний, Военных Советов армий и фронтов немедленно обеспечить полное использование радиосредств для управления войсками с обязательным ~~автоматическим~~ ^{т.б. Лесовский} соблюдением секретности передач.

Начальнику Связи Красной Армии ~~генерал-майору Гайду~~ ^{красноармеец} и Военным Советам фронтов и армий ~~в установленный~~ ^{в установленный} срок произвести перегрузку радиосредств с тем, чтобы безусловно обеспечить каждую дивизию и армию 2 радиостанциями.

2. ~~Немедленно прекратить передачу оперативных заданий и распоряжений в отрывных переговорах по радио.~~ ^{Прекратить разведку} ~~открытых переговоров по радио.~~ ^{по радио}

3. Разгрузить шифрорганы соединений и частей от массы второстепенных документов, которые могут передаваться путем использования переговорных таблиц и кодированной карты.)

(Начальникам и комиссарам штабов строго следить, чтобы шифрорганы не загружались второстепенной и большой по объему перепиской.

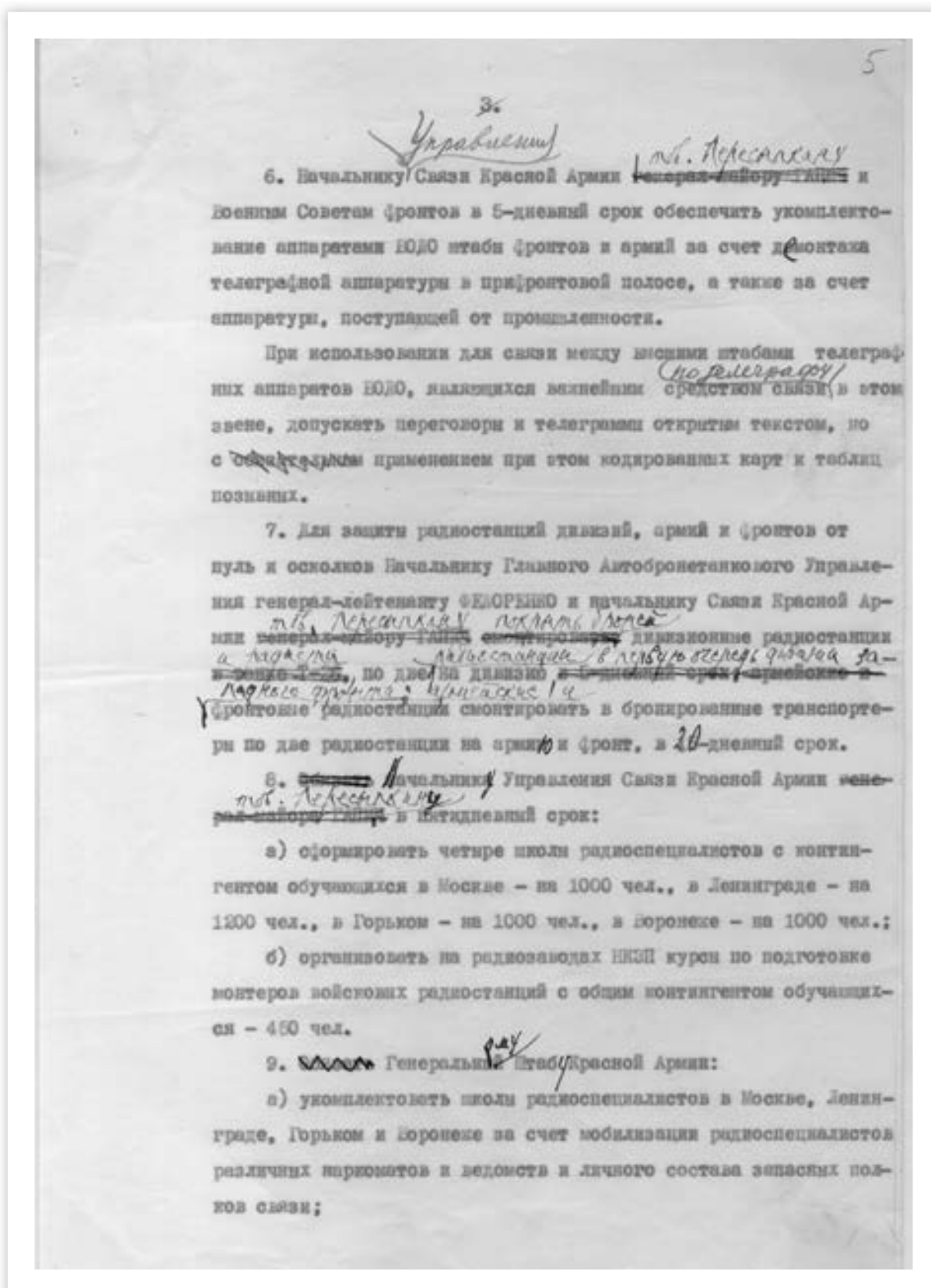
4. Установить таблицы позывных и простых условных сигналов (обозначений) для переговоров ~~по радио~~ ^{по радио}:

- Генерального штаба с фронтами	- на 10 суток;
- фронтов с армиями	- на 5 суток;
- армий с корпусами и дивизиями	- на 3 суток.

Таблицы позывных и условных сигналов при провале немедленно менять.

5. С 26 июля с.г. Генеральному штабу установить и строжайше требовать кодирование карт штабами фронтов, меняя кодировку карт через каждые ~~5 суток~~ ^{10 суток}.)

(С 25 июля с.г. штабам фронтов и армий кодировать карты для себя и непосредственно им подчиненных соединений на сроки, установленные для переговорных таблиц.

б) отобрать в запасных частях Красной Армии 450 человек для обучения на курсах монтеров войсковых радиостанций в Москве, Горьком и Воронеже;

в) укомплектовать формируемые школы и курсы командным и преподавательским составом, используя заводы НКВН № 203, 210, 197 и "Электросигнал" в качестве базы для производственного обучения.

10. Весь личный состав, мобилизуемый в школы радиоспециалистов, проверить комиссиями в составе: представители Управления Связи КА, ^{Политуправления} КА, обкомов НКВ(б), Особого отдела и Управления укомплектования КА.

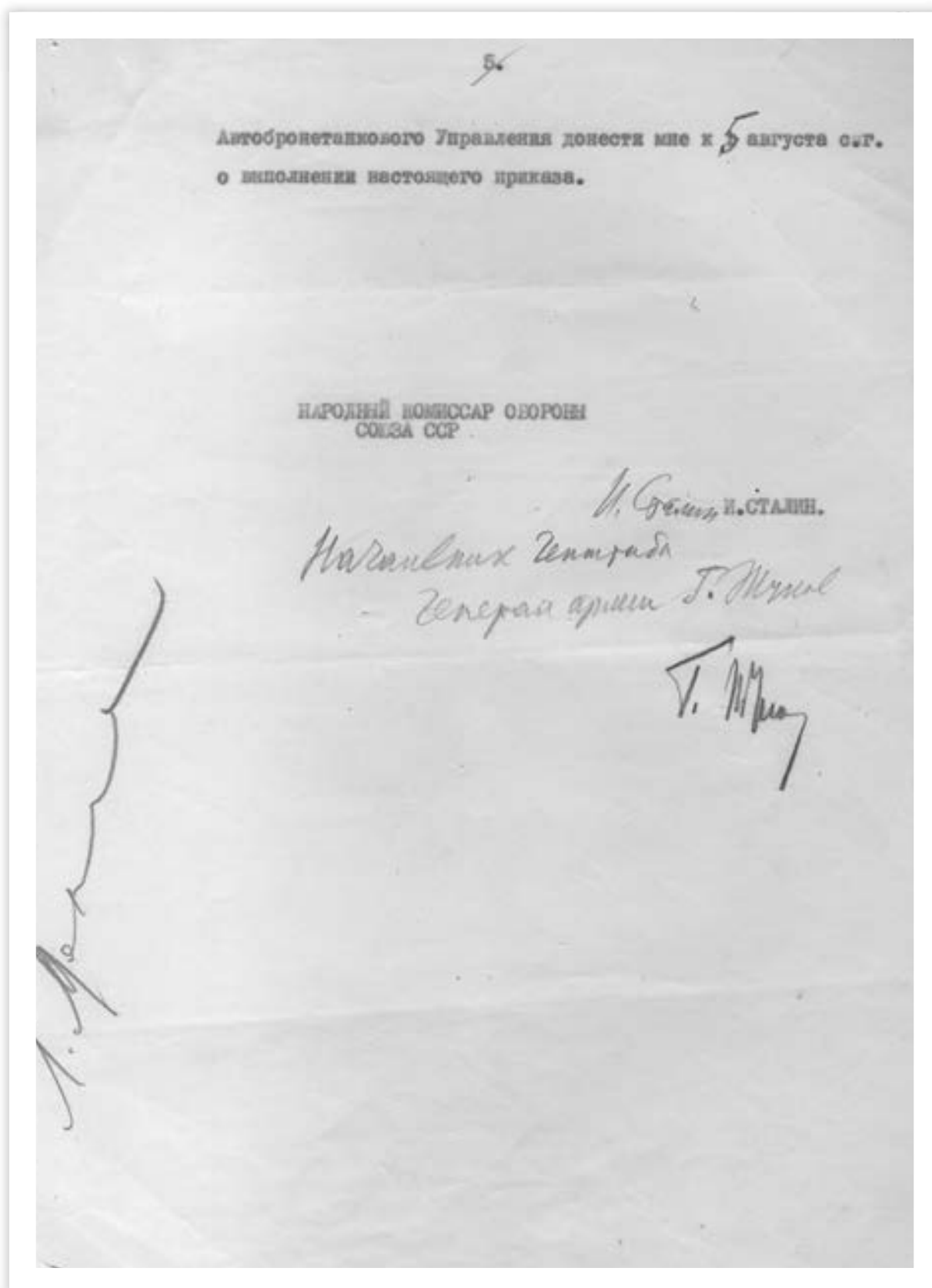
11. Запретить использование в частях Красной Армии связистов не по специальности. Командирам частей и соединений в пятидневный срок возвратить квалифицированных связистов (инженеры, техники, радиотехники-слушатели и операторы, бодисты, телеграфисты СТ-35 и др.) в части связи для использования их по специальности.

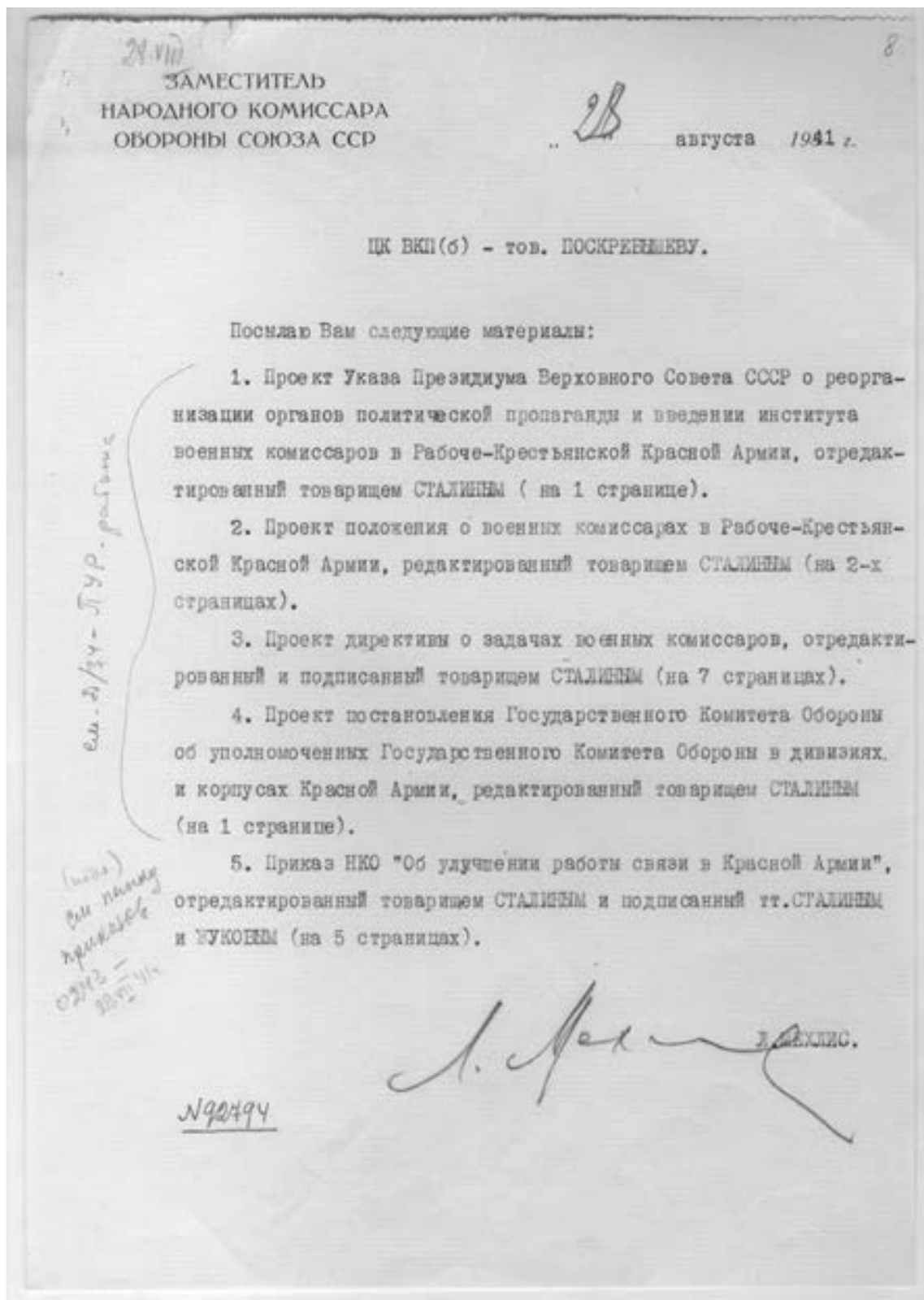
12. ~~Военным Советам~~ ^{Военным Советам} фронтов и армий, командирам ^и комиссарам ^и дивизий и полков в пятидневный срок тщательно проверить весь личный состав частей связи, в первую очередь, работающих на радиостанциях и обслуживающий штабы крупных войсковых соединений, для чего создать комиссии из представителей политорганов, особых отделов и начальников связи. Всех сомнительных людей из частей и подразделений связи удалить.

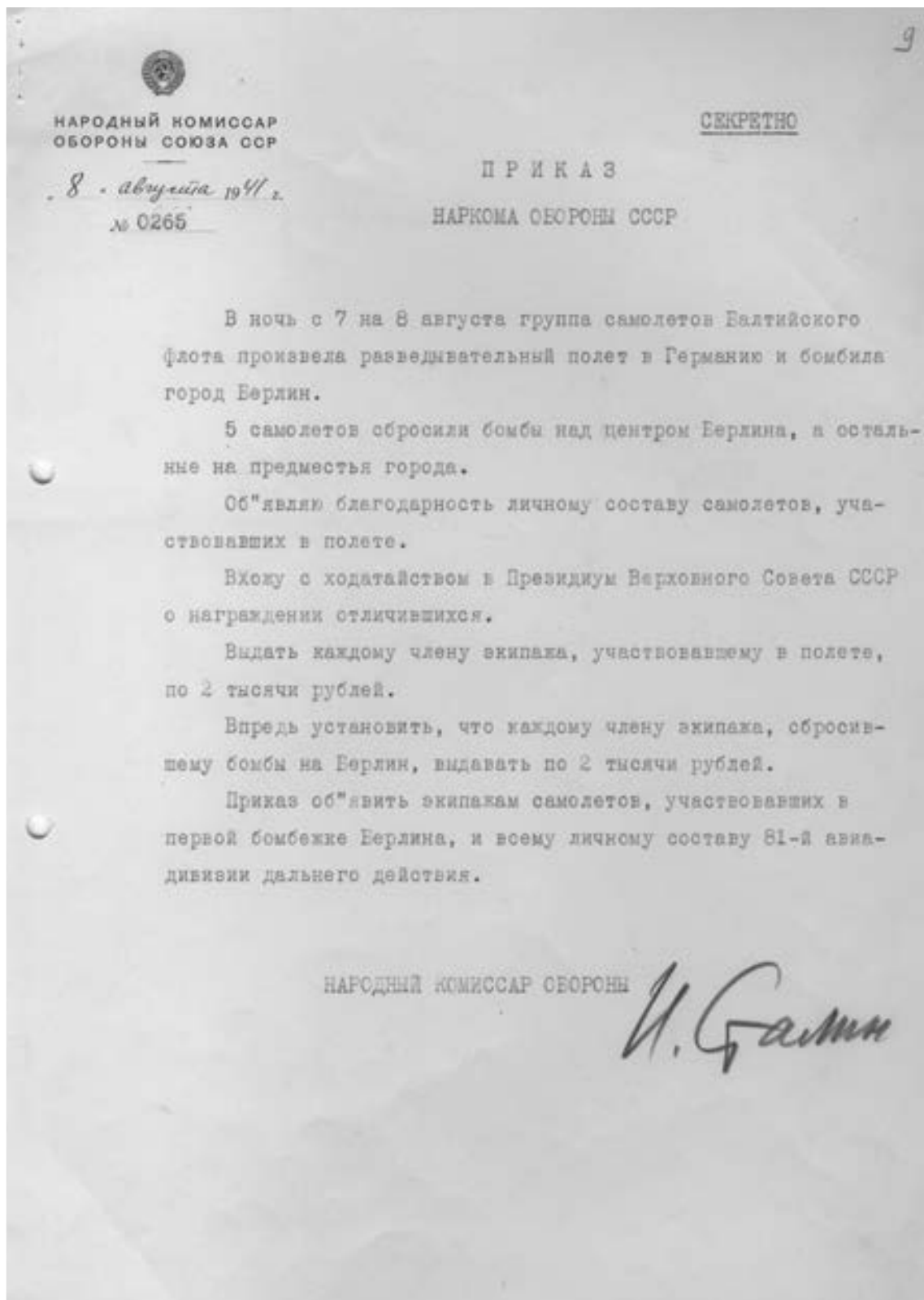
13. В целях усиления политической работы среди связистов, во все части и подразделения связи назначить квалифицированных ^и проверенных политработников и комиссаров.

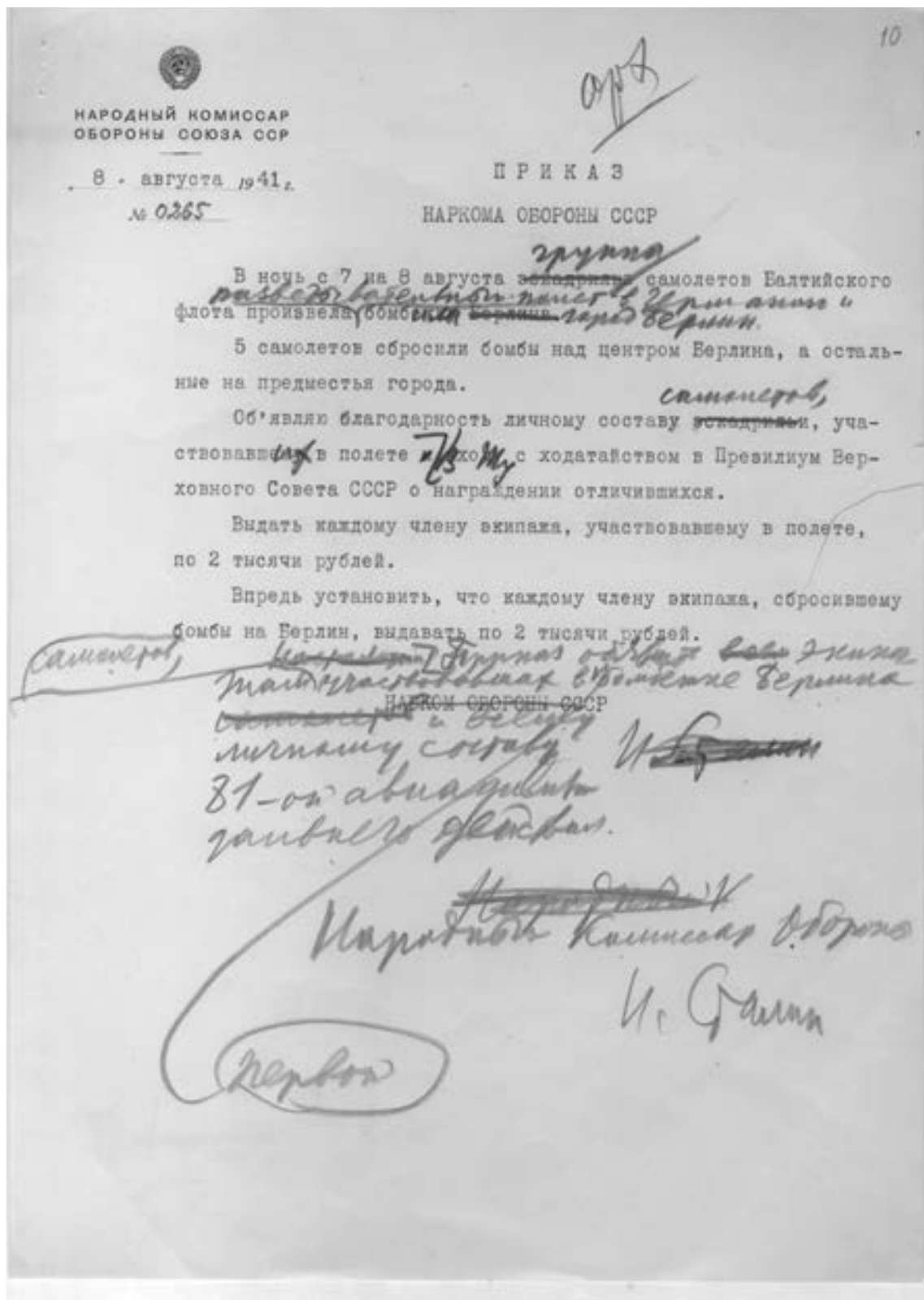
14. Всем командирам и комиссарам дивизий, Военным Советам армий и фронтов, начальнику Управления Связи и начальнику Главного

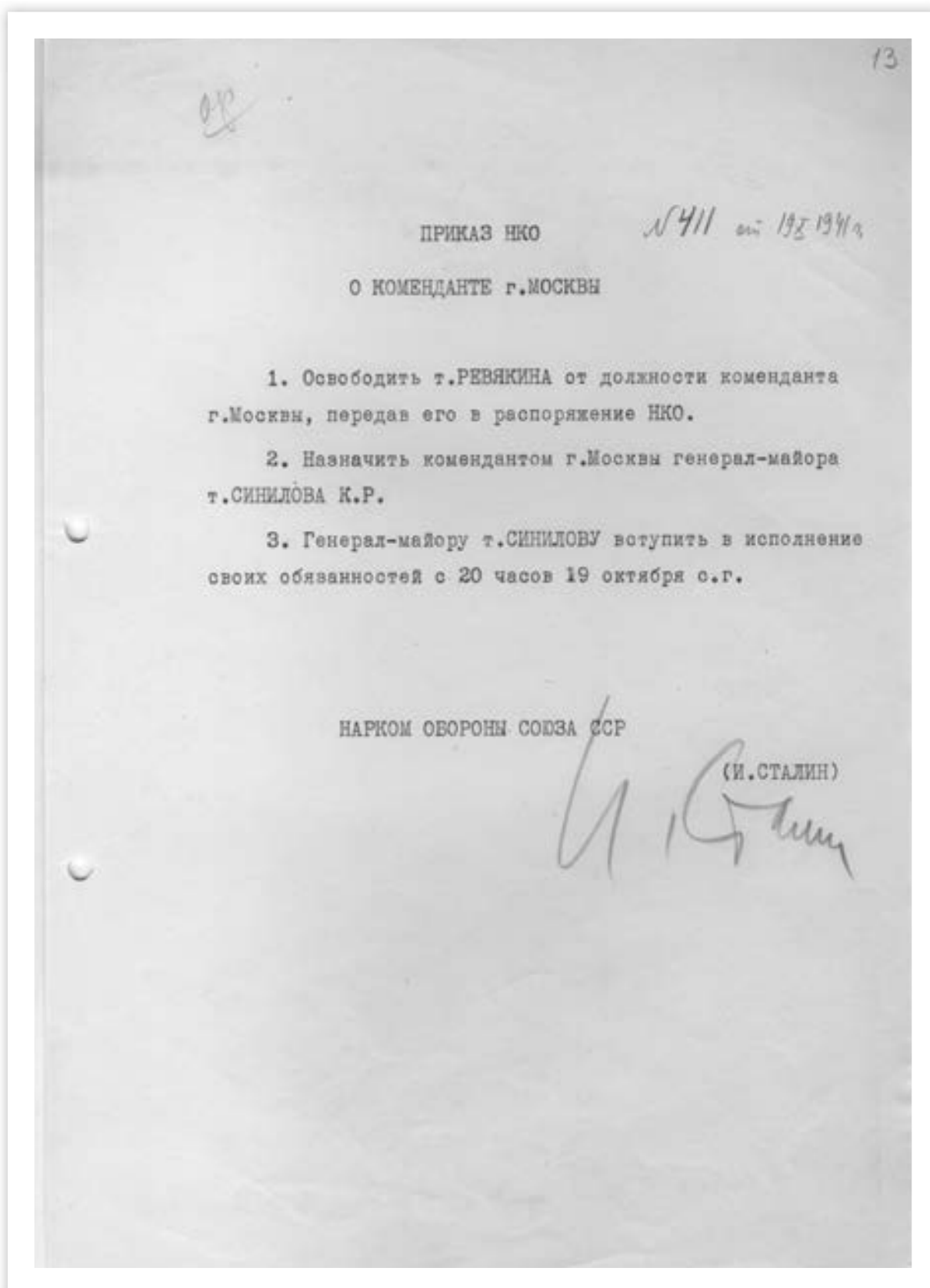

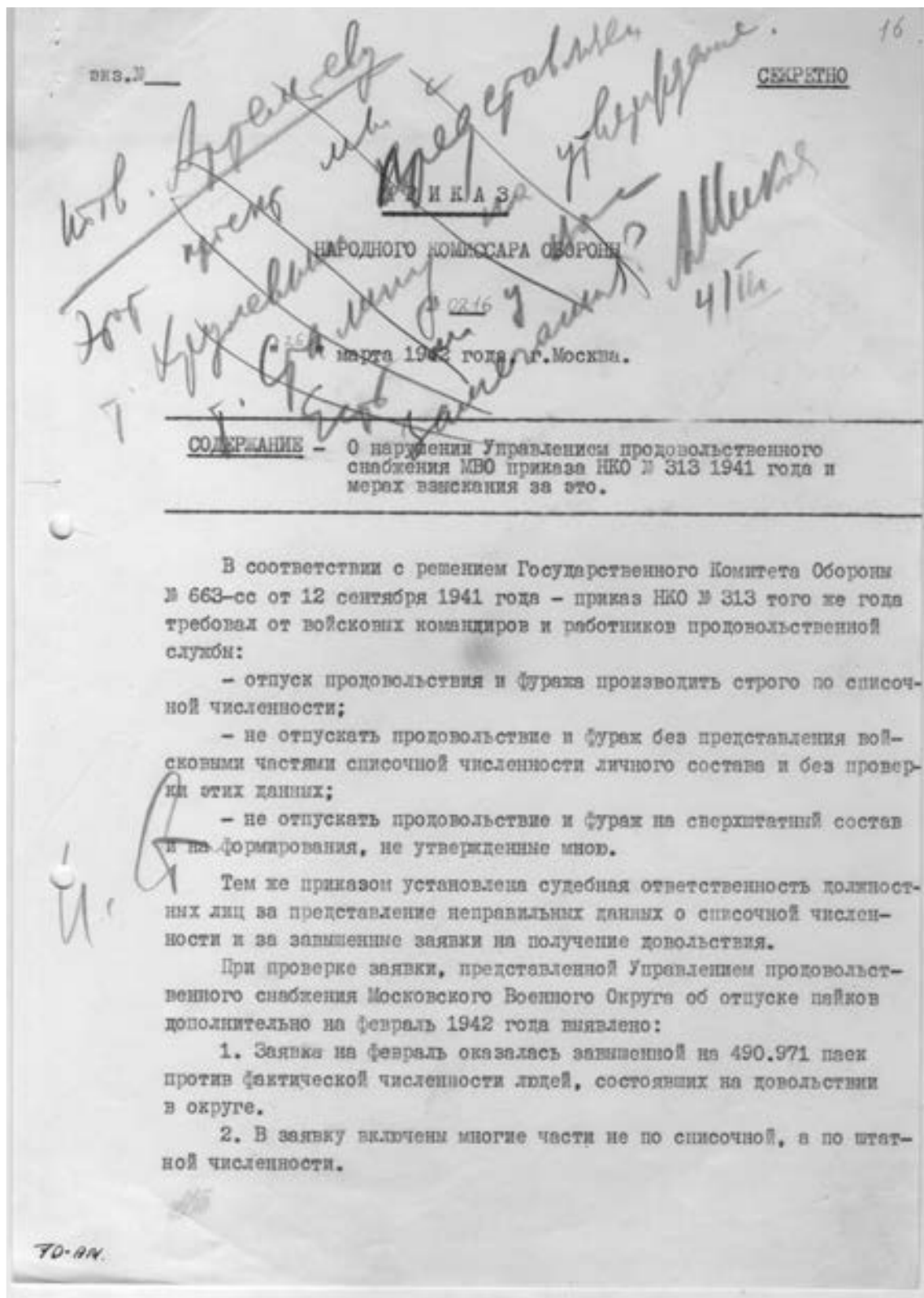

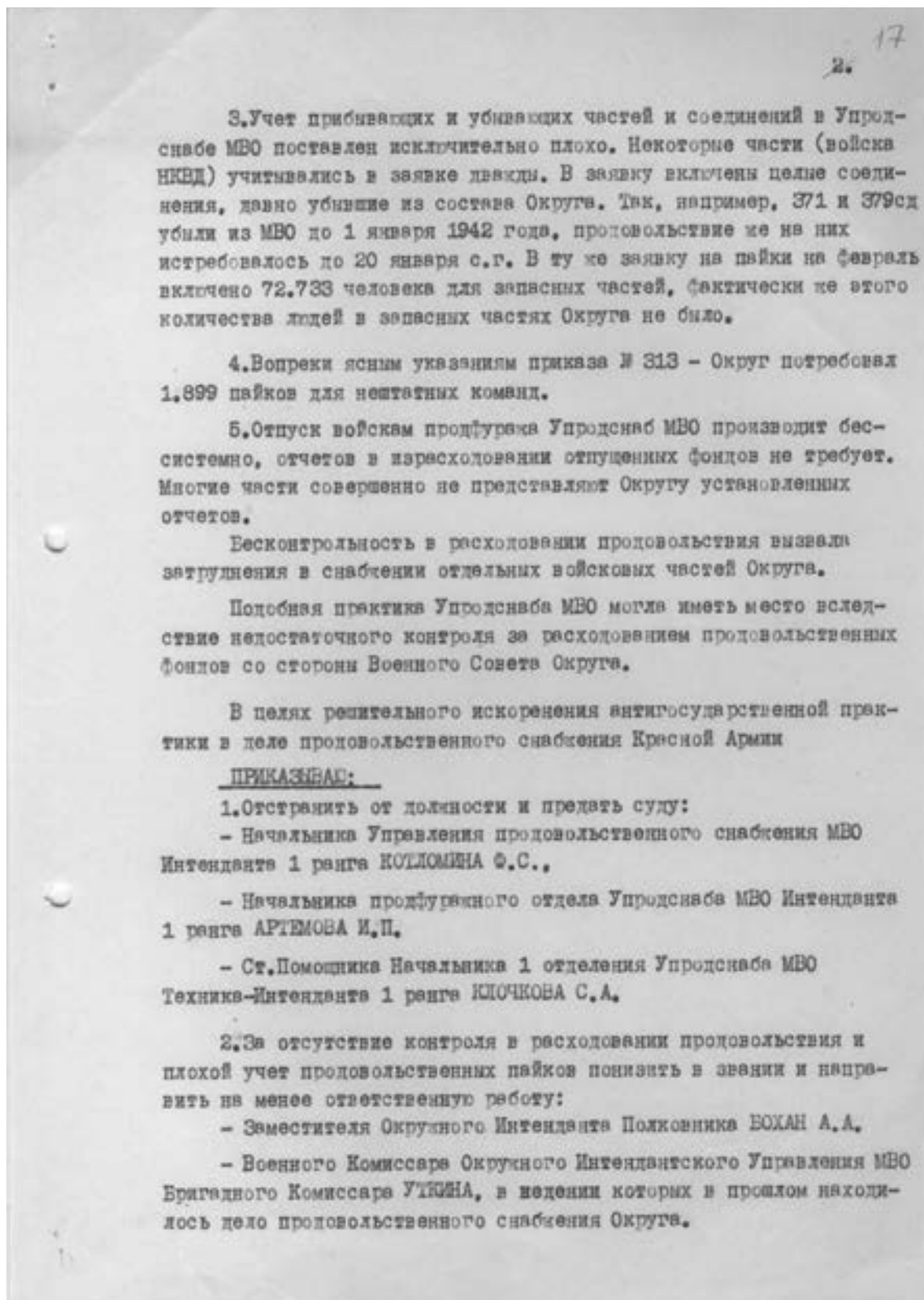

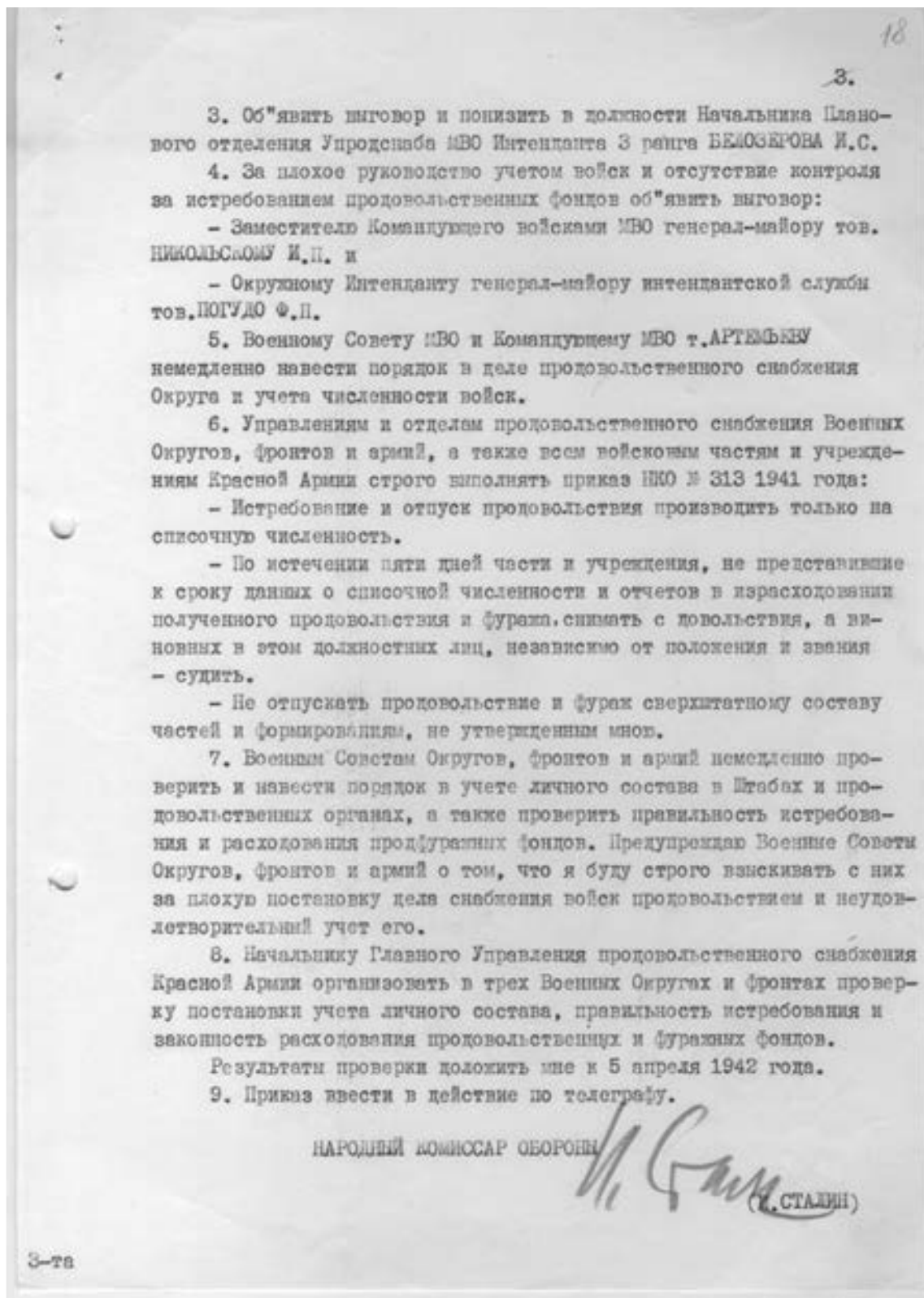

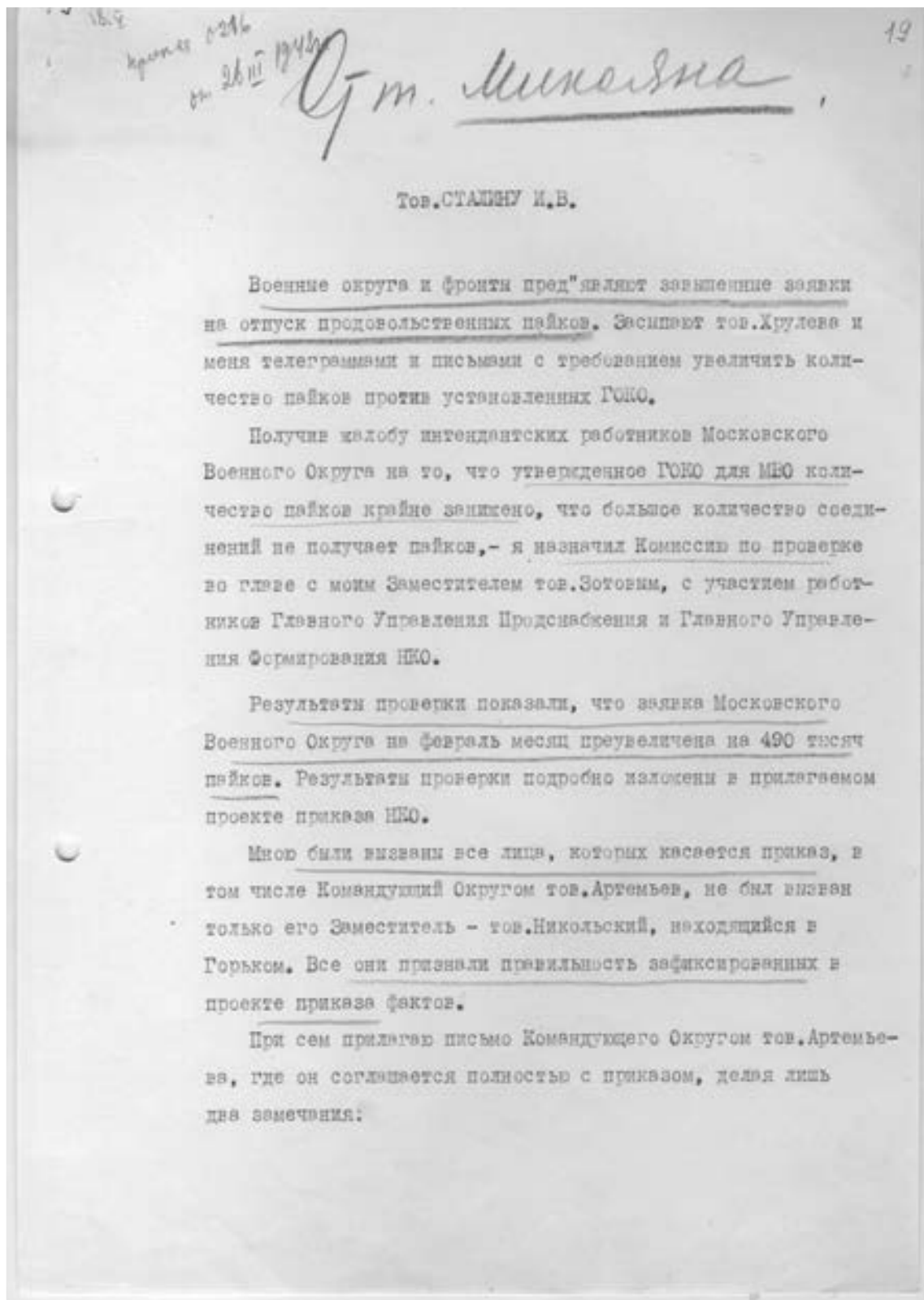

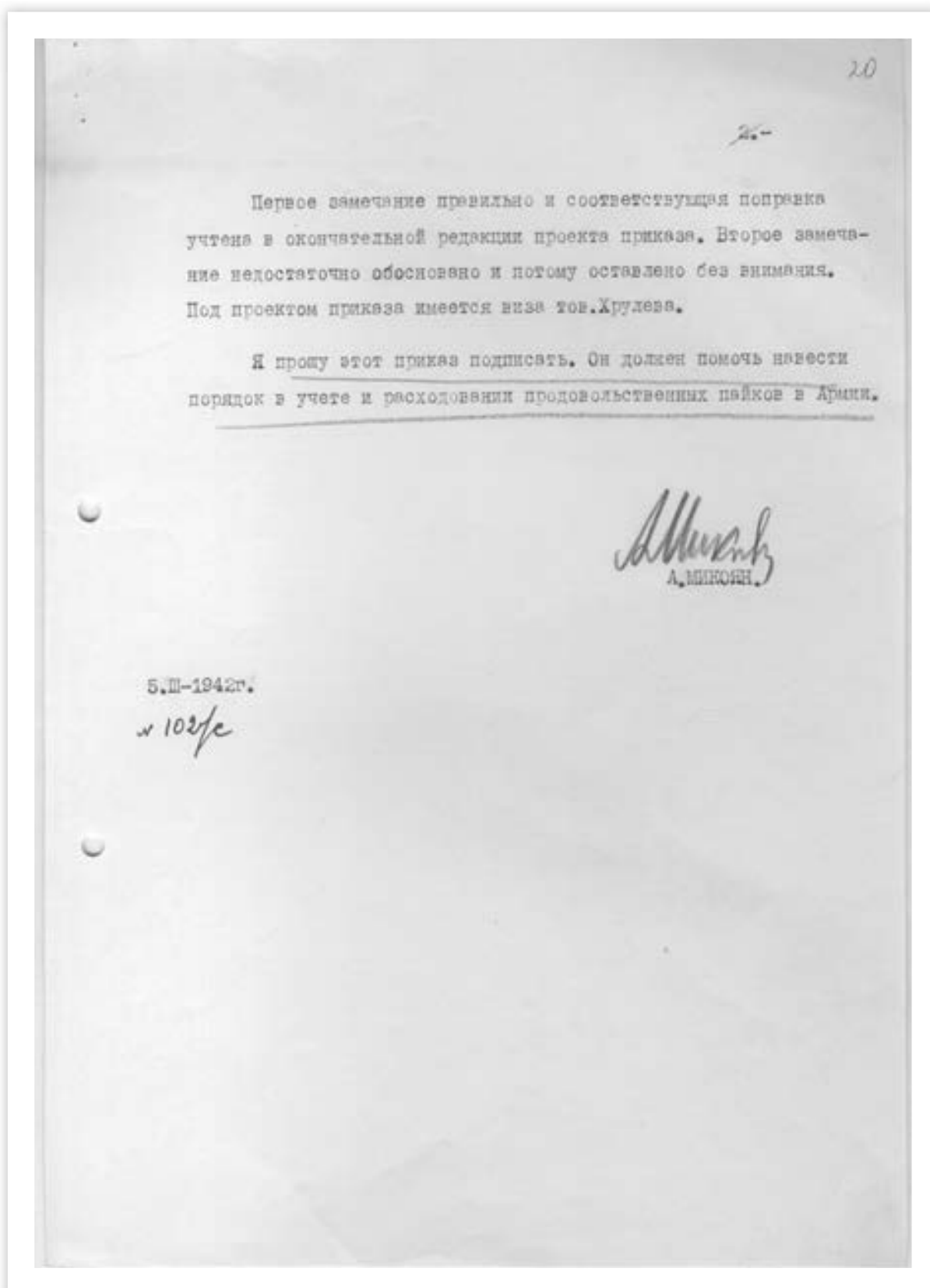

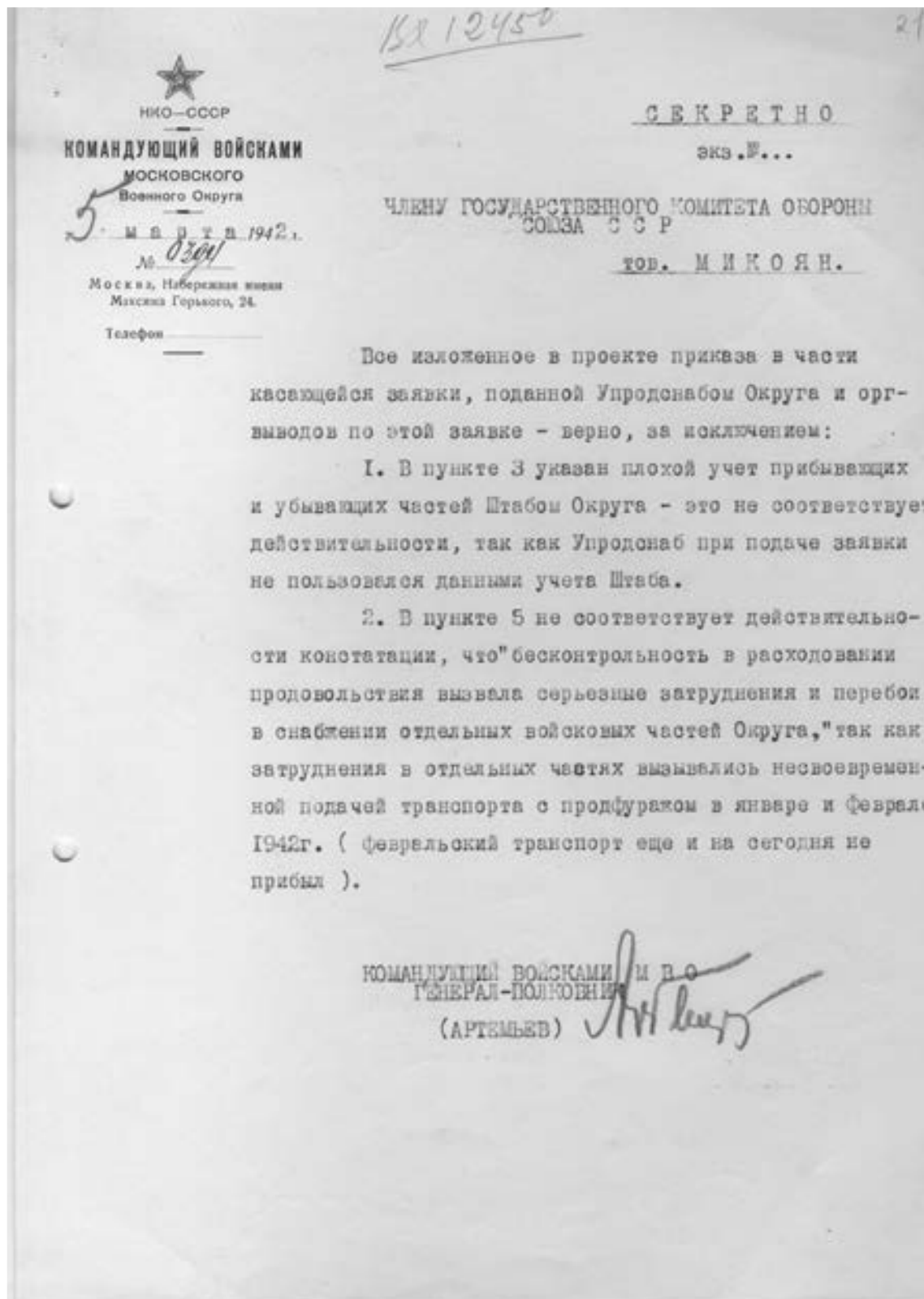

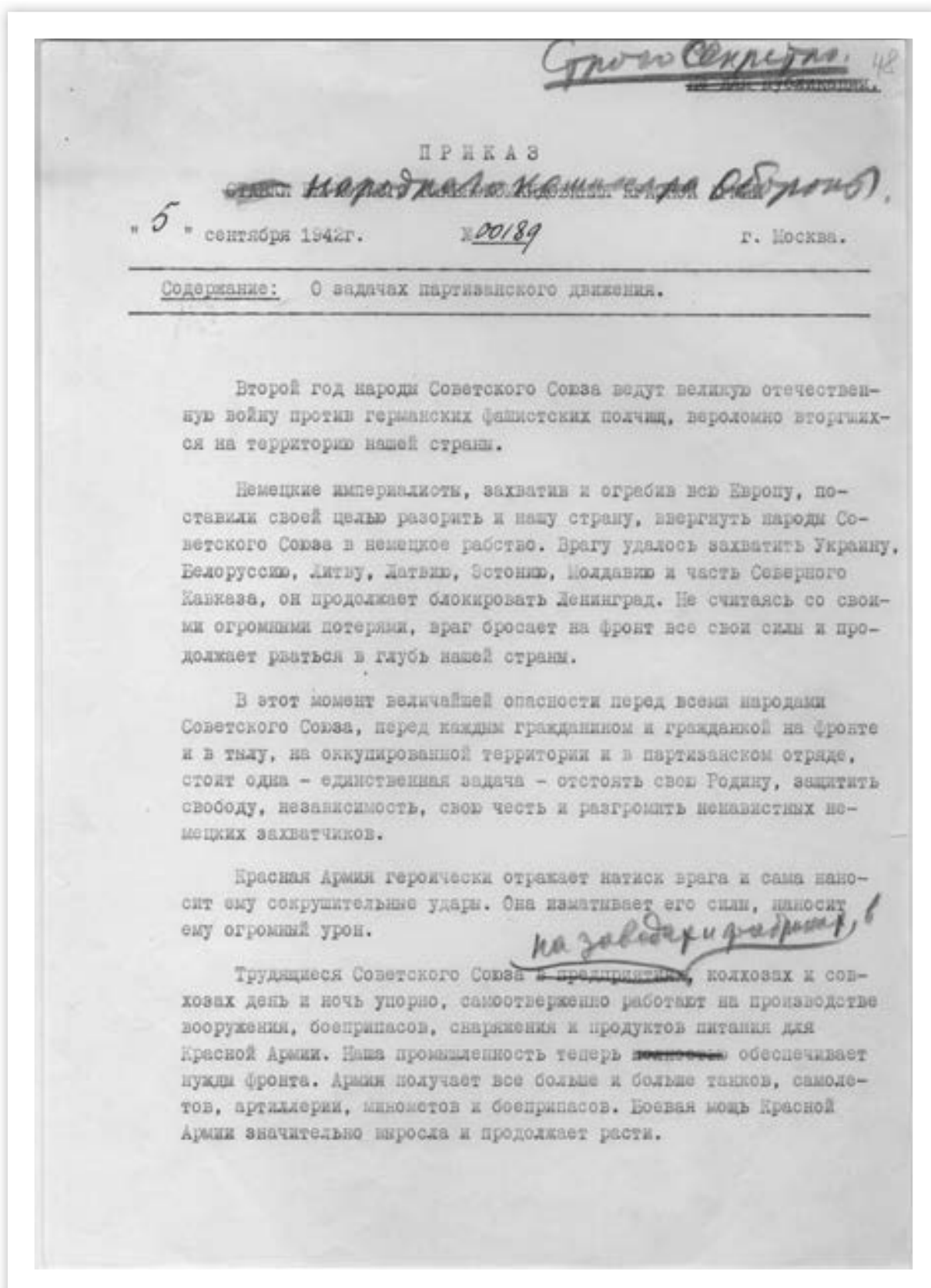

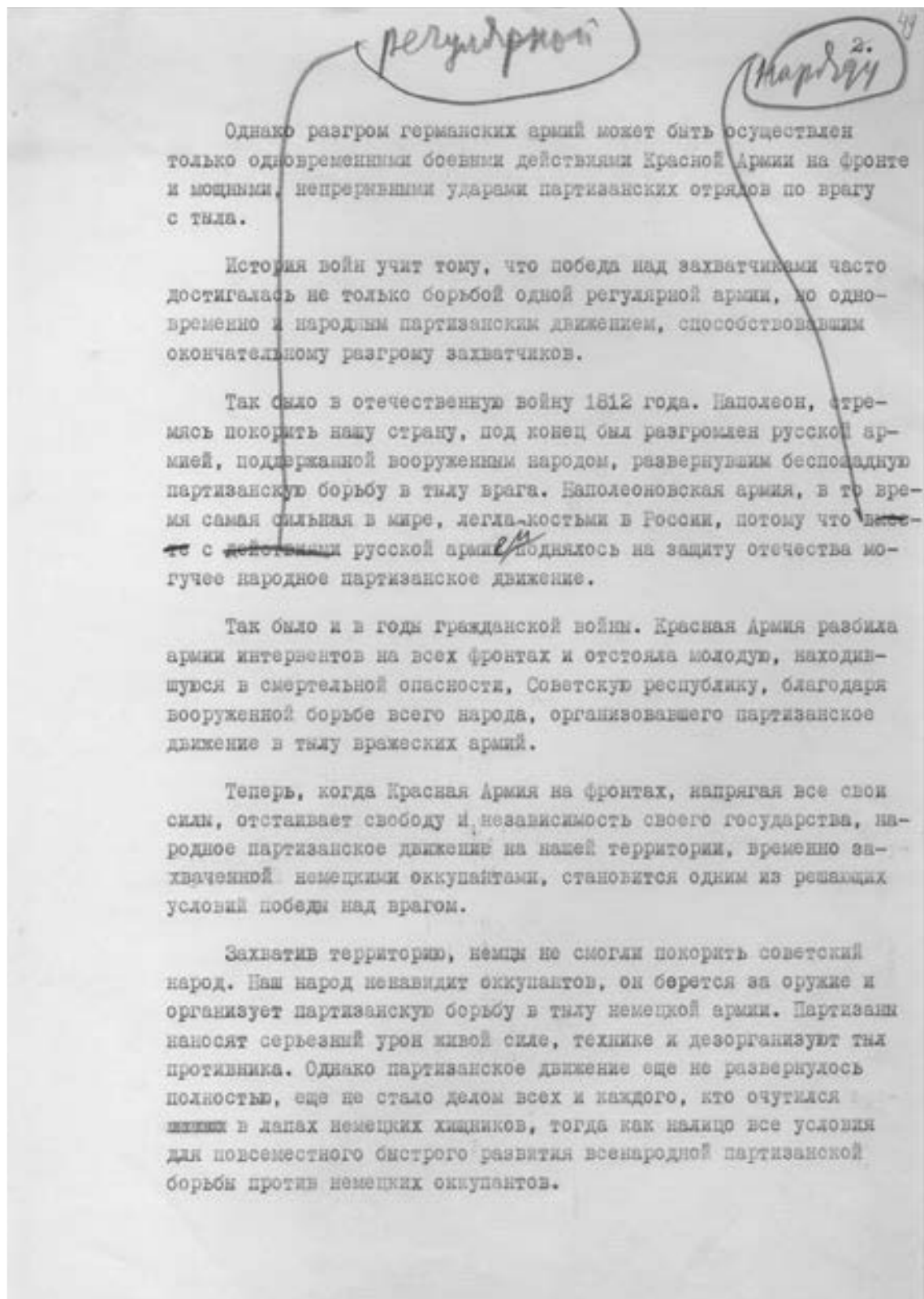

Это значит, что существующие сейчас партизанские отряды не должны замирать, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно наряду с организацией новых партизанских отрядов создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно не ограничены и включать в себя всех честных, ~~проверенных бойцов во войску~~ *граждан и граждан, желающих освободиться от немецкого*

2. Основные задачи партизанских действий: - разрушение тыла, противника, дезорганизация снабжения, разрыв связи, обеспечение разрушения тыловых дорог и мостов, домог и взрывчатых веществ, уничтожение резервов, снабжением и продовольствием; ~~дел в казачьих и конных партизанских отрядах, прорывах, захвате и уничтожении тыловых сил, прорывах, захвате и уничтожении тыловых сил, прорывах, захвате и уничтожении тыловых сил.~~ В настоящий момент разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден переоборудовать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт ~~из переселения из одной страны в другую, в результате чего~~ из далекого тыла, далекие и шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает чрезвычайно благоприятные условия для действий партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрывать пути подвоза значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами и тем самым облегчить ~~наступление~~ *Сотворение* разгром врага.

Решение этих основных задач требует от всех партизанских отрядов широкого развертывания боевых партизанских операций, а также диверсионной, террористической и разведывательной работы в тылу врага.

а также возводит в Германские
проблемы в нашей стране народное добро.

П Р И К А З И В А Ю:

1. В целях нарушения движения по железным дорогам и срыва регулярных перевозок ~~на фронт линии, боеприпасов, горючего и прочих видов снабжения действующей армии врага~~ ^{в армию фронта}, устраивать всеми способами железнодорожные катастрофы, подрывать железнодорожные мосты, взрывать или сжигать станционные сооружения, взрывать, сжигать и расстреливать паровозы, вагоны, цистерны на станциях и раз'ездах. При железнодорожных крушениях уничтожать живую силу, технику, горючее, боеприпасы и прочие грузы, а также целые паровозы и вагоны. На шоссе и грунтовых дорогах подрывать и сжигать мосты, виадуки, разрушать гати и другие искусственные сооружения. Уничтожать транспорты, подвозящие боеприпасы и горючее. Лошадей угонять. При невозможности использования вооружения, транспортов и грузов, приводить их в негодность всеми возможными способами.

2. При всякой возможности истреблять воинские гарнизоны, штабы и учреждения, отряды войск, отдельные следующие офицеры и солдаты, охрану транспортов и складов.

3. Уничтожать склады и базы вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и другого имущества, гаражи и ремонтные мастерские.

4. Разрушать ~~узлы и~~ линии связи на железных, шоссе и грунтовых дорогах, уничтожать аппаратуру, ^{сжигать} вырезать и увозить или прятать ~~большие куски~~ провода, спиливать и сжигать телеграфные столбы, ~~также~~ уничтожать радиостанции и обслуживающий их персонал.

5. Нападать на аэродромы противника и уничтожать самолеты, ангары, склады бомб и горючего, а также истреблять лётно-технический состав и охрану аэродромов.

6. Уничтожать всякие хозяйственные команды, вражеских фуражиров, команды и агентов по из'ятию хлеба, нападать на обозы с нагробленным хлебом, на склады и элеваторы; по возможности хлеб раздавать населению, а если этого сделать нельзя, уничтожать полностью.

52
8.

8. Организовать боевые и систематический террор.
~~Беспощадно~~ устраивать ~~своих~~ ~~политических~~ ~~делателей~~ ~~генералов~~ ~~крупных~~
 чиновников и ~~жителей~~ ~~наших~~ ~~родины~~ ~~находящихся~~ ~~на~~ ~~службе~~ ~~у~~
 врага. В целях обеспечения успеха террористического действия
 постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяс-
 нять, что они делают, где живут, где и в какие часы работают,
 куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из
 местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет.

9. Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии:

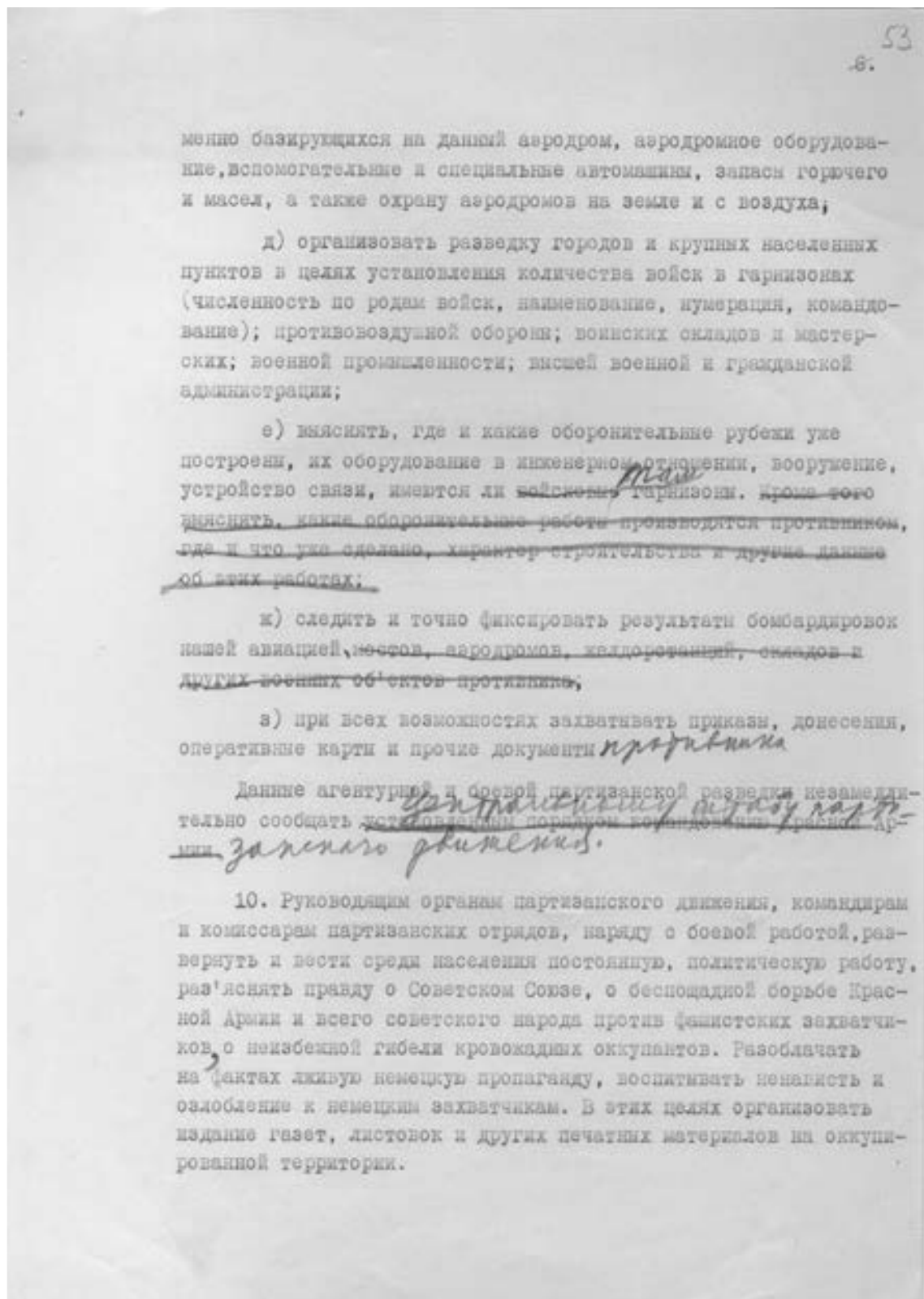
суданного населения, и вводить их на службу в местные управления и учреждения, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы и склады, в охрану немцев должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немцев и их семьи?

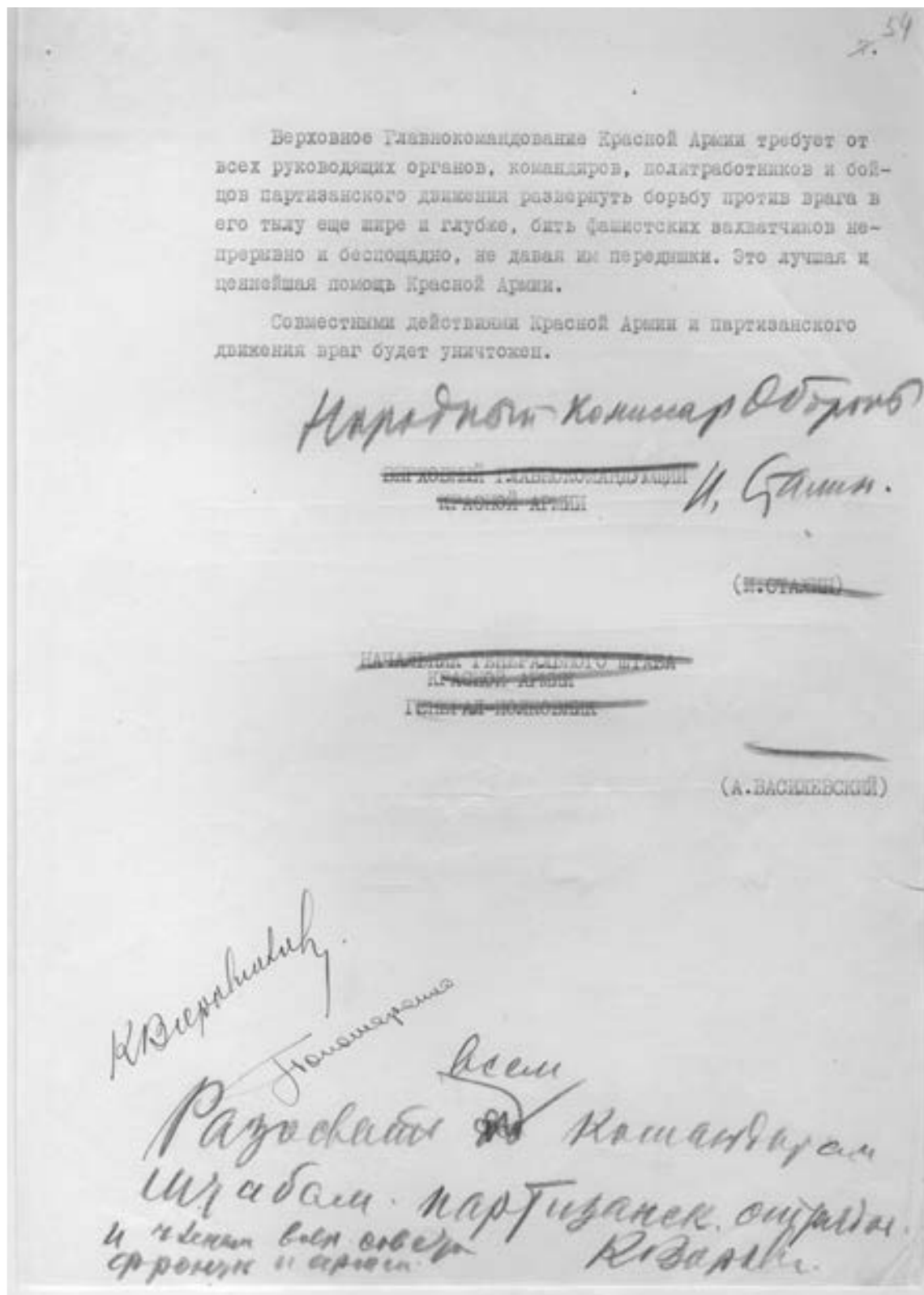
б) непрерывно следить за ~~состоянием~~ передвижения ~~сил~~ войск и грузов по железным и грунтовым дорогам; выяснять численность, род войск и нумерацию частей, количество и характер боевой техники, направление движения и время следования; устанавливать порядок и силу охраны воинских эшелонов и транспортов;

в) устанавливать точное место расположения войск и штабов, их наименования и нумерации; учреждений и органов оккупационных властей;

г) Разведывать аэродромы противника, устанавливать место их расположения, количество и типы самолетов, постоянно или вре-

67

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ 307

9 октября 1942г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии.

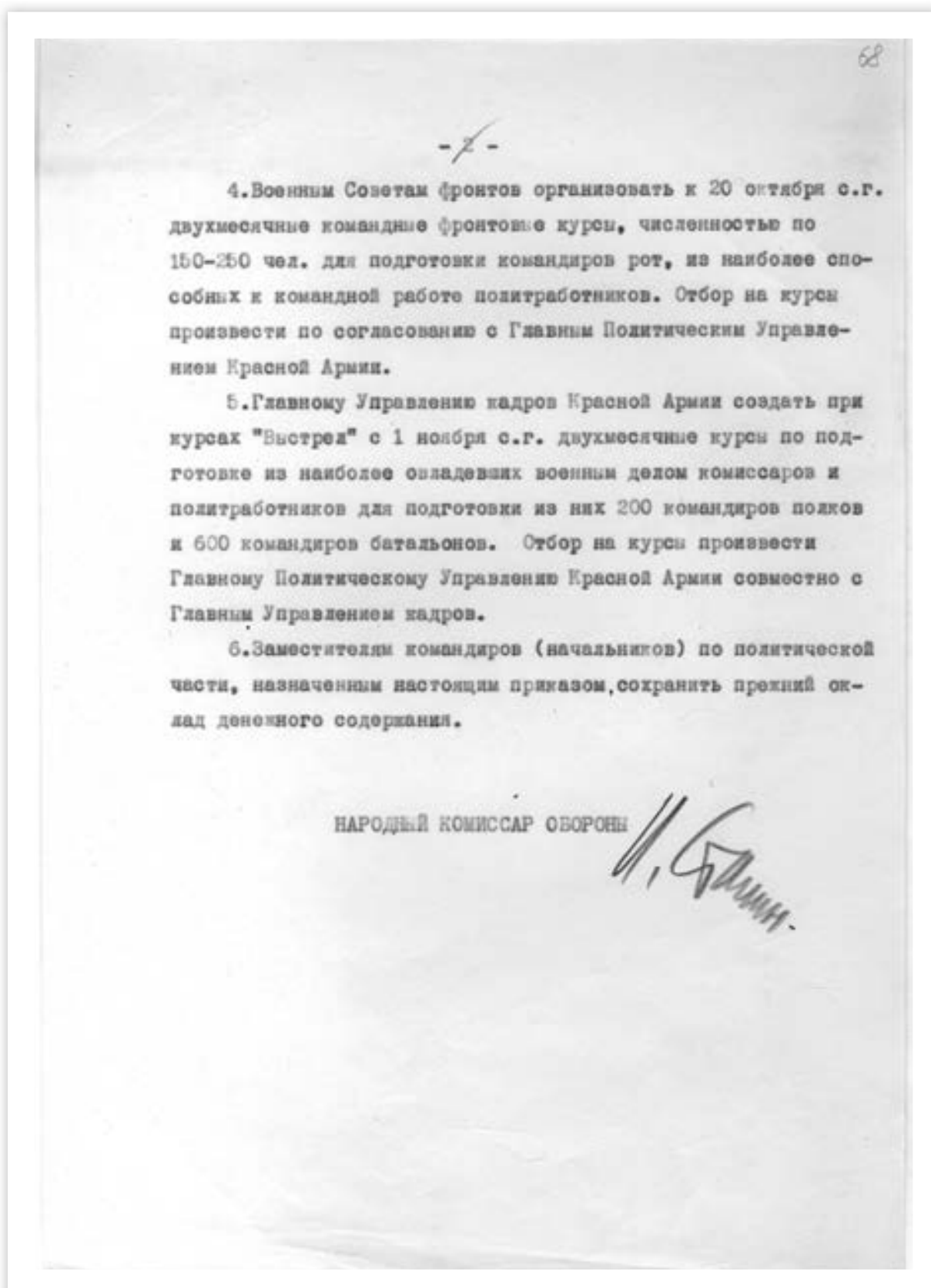
В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от "9" октября 1942 года - "Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии" П Р И К А З И В А Е:

1. Освободить от занимаемых должностей комиссаров частей, соединений, штабов, военно-учебных заведений, центральных и главных управлений НКВ ^{и других} учреждений Красной Армии ^{таких} политруков подразделений и назначить их заместителями соответствующих командиров (начальников) по политической части.

2. Военным Советам фронтов и армий в месячный срок присвоить политическим работникам командные воинские звания в пределах ~~прав~~ ^{и предоставленных им прав}.

Военным Советам фронтов представить в Наркомат Обороны не позднее 15 ноября 1942 года, через Главное Политическое Управление Красной Армии аттестационный материал для присвоения командных воинских званий политическим работникам, начиная со старшего батальонного комиссара и выше.

3. Командирам соединений и Военным Советам армий и фронтов более решительно выдвигать подготовленных в военном отношении политработников на командные должности, особенно в звене - командир роты, командир батальона.

69

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ ~~СОЮЗА ССР~~

№ 304

"9" октября 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: упразднении института ~~О введении~~ единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии.

Объявляю Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от
" " октября 1942 г. ^{пункта} "О введении единоначалия и упразднении
института военных комиссаров в Красной Армии":

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

О введении единоначалия и упразднении института
военных комиссаров в Красной Армии

Система военных комиссаров, установленная в Красной Армии в годы гражданской войны, возникла на почве недоверия к командным кадрам, в состав которых были привлечены старые военные специалисты, не верившие тогда в прочность Советской власти и даже чуждые ей. В годы гражданской войны военные ко-

- 2 -

миссары сыграли решающую роль в деле укрепления Красной Армии и отбора командного состава, в деле ее политического просвещения и насаждения воинской дисциплины.

В последующие, после гражданской войны, годы происходил процесс дальнейшего выраживания и воспитания командных кадров. В результате этого и под влиянием успехов и побед советского строя во всех областях жизни, положение с командными кадрами в Красной Армии коренным образом изменилось.

Великая Отечественная война с немецкими захватчиками закалила наши командные кадры, выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести. В суровых боях с лютым врагом командиры Красной Армии доказали свою преданность нашей родине, приобрели значительный опыт современной войны, выросли и окрепли в военном и политическом отношениях.

С другой стороны, военные комиссары повысили свои военные знания, приобрели богатый опыт современной войны, часть из них уже переведена на командные должности и успешно руководит войсками, многие же другие могут быть использованы на командных должностях либо немедленно, либо после известной военной подготовки.

- 3 -

Все эти новые обстоятельства, связанные с ростом наших командных и политических кадров, свидетельствуют о том, что полностью отпала почва для недоверия к командным кадрам. Больше того, дальнейшее существование института военных комиссаров может явиться тормозом в улучшении управления войсками, а для самих комиссаров создается ложное положение, ибо командные кадры способны самостоятельно руководить войсками и не нуждаются больше в опеке.

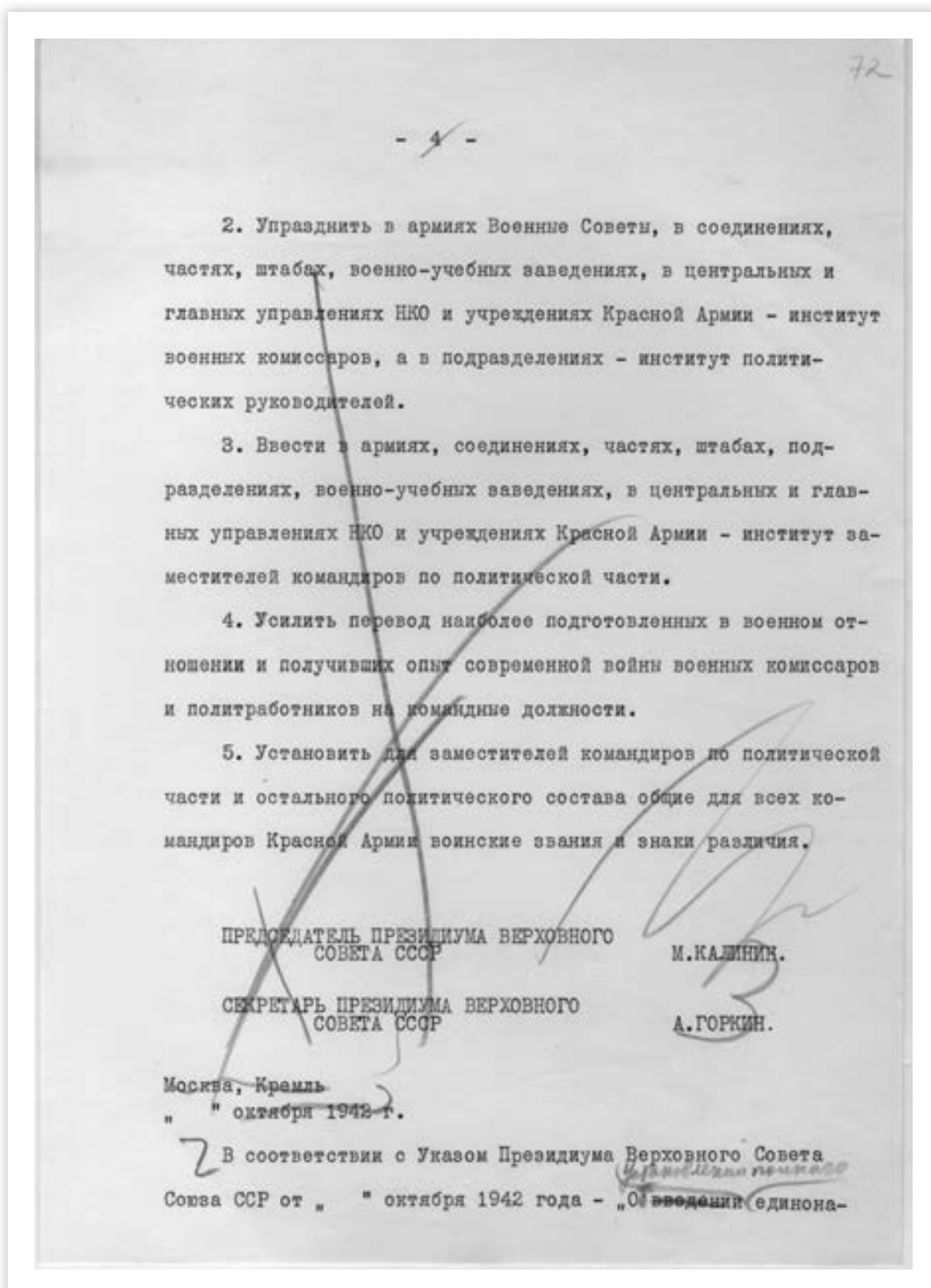
Таким образом, назрела необходимость упразднить в Красной Армии институт военных комиссаров, ввести полное единоначалие и целиком возложить на командиров ответственность за военную и политическую работу в войсках.

Введение единоначалия и отмена комиссарской системы в Красной Армии является признаком роста силы и могущества Красной Армии и будут способствовать ее дальнейшему укреплению.

Исходя из всего этого, Президиум Верховного Совета Союза ССР П О С Т А Н О В Л Я Е Т:

1. Ввести в Красной Армии полное единоначалие и возложить целиком на командиров (начальников) ответственность за все стороны боевой и политической жизни частей, соединений и учреждений Красной Армии.

- 5 -

73

чаля и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии" П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Освободить членов Военных Советов армий от занимаемых должностей и назначить их заместителями командующих армиями по политической части. Возложить на одного из них контроль за политической работой в армии, а на другого контроль за работой снабженческого аппарата армии.

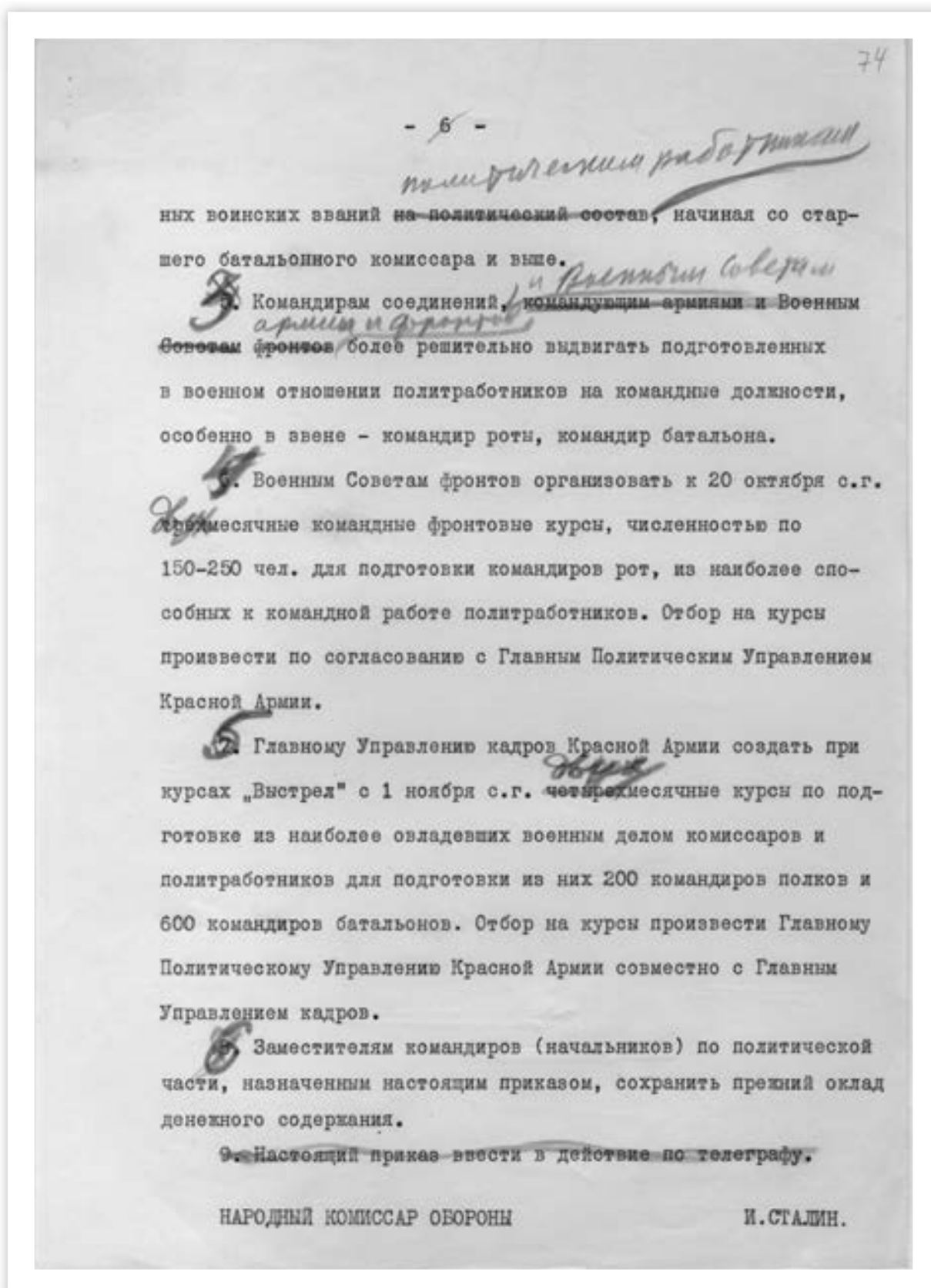
2. Освободить от занимаемых должностей комиссаров частей, соединений, штабов, военно-учебных заведений, центральных и главных управлений НКО, учреждений Красной Армии и политруков подразделений и назначить их заместителями соответствующих командиров (начальников) по политической части.

3. Установить, что начальники штабов фронтов, армий, соединений, частей являются первыми заместителями соответствующих командующих и командиров.

4. Военным Советам фронтов и ^{армий} ~~командующим армиями~~ в месячный срок присвоить политическим работникам командные воинские звания в пределах прав, ^{им} предоставленных, ~~Военным Советам фронтов и командующим армиями~~.

Военным Советам фронтов представить ~~не~~ не позднее 15 ноября 1942 года, через Главное Политическое Управление Красной Армии, аттестационный материал ^{зип} на присвоение команд-

В Наркомат
оборон

77

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ 348...
"10" ноября 1942 года
г. Москва

Опыт показал, что в Красной Армии, где вся жизнь и боевая деятельность каждого военнослужащего, подразделения и части строго регулируются уставами, наставлениями и приказами, организация социалистического соревнования между соединениями, частями, подразделениями и отдельными военнослужащими, требующего общественного контроля и гласности, как правило, приводит к нетерпимым извращениям и разглашению военных секретов. Бойцы и командиры соревнуются на выполнение приказов, на содержание в чистоте и сохранности оружия и боевой техники, на соблюдение воинской дисциплины и требований уставов. То, что должно выполняться в порядке воинского долга, подменяется добровольными самообязательствами - договорами. Все это не способствует укреплению дисциплины и порядка в войсках.

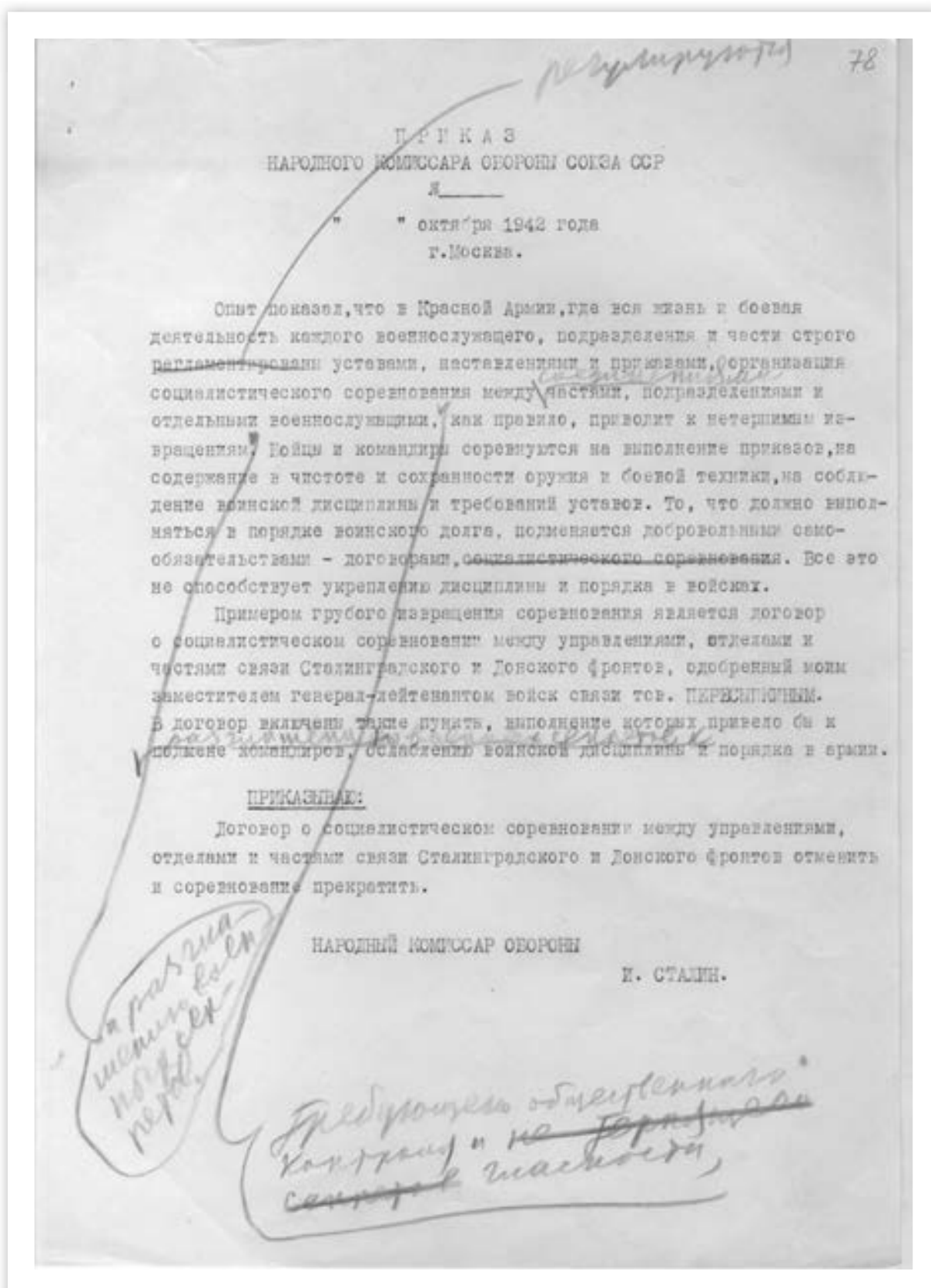
Примером грубого извращения соревнования является договор о социалистическом соревновании между управлениями, отделами и частями связи Сталинградского и Донского фронтов, одобренный моим заместителем генерал-лейтенантом войск связи т. Пересыпкин. В договор включены такие пункты, выполнение которых привело бы к разглашению военных секретов, к подмене командиров, ослаблению воинской дисциплины и порядка в армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Договор о социалистическом соревновании между управлениями, отделами и частями связи Сталинградского и Донского фронтов отменить и соревнование прекратить.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ

И. СТАЛИН

17
Копия

Сов.секретно

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
№ 0089

31 мая 1943 г.

г.Москва

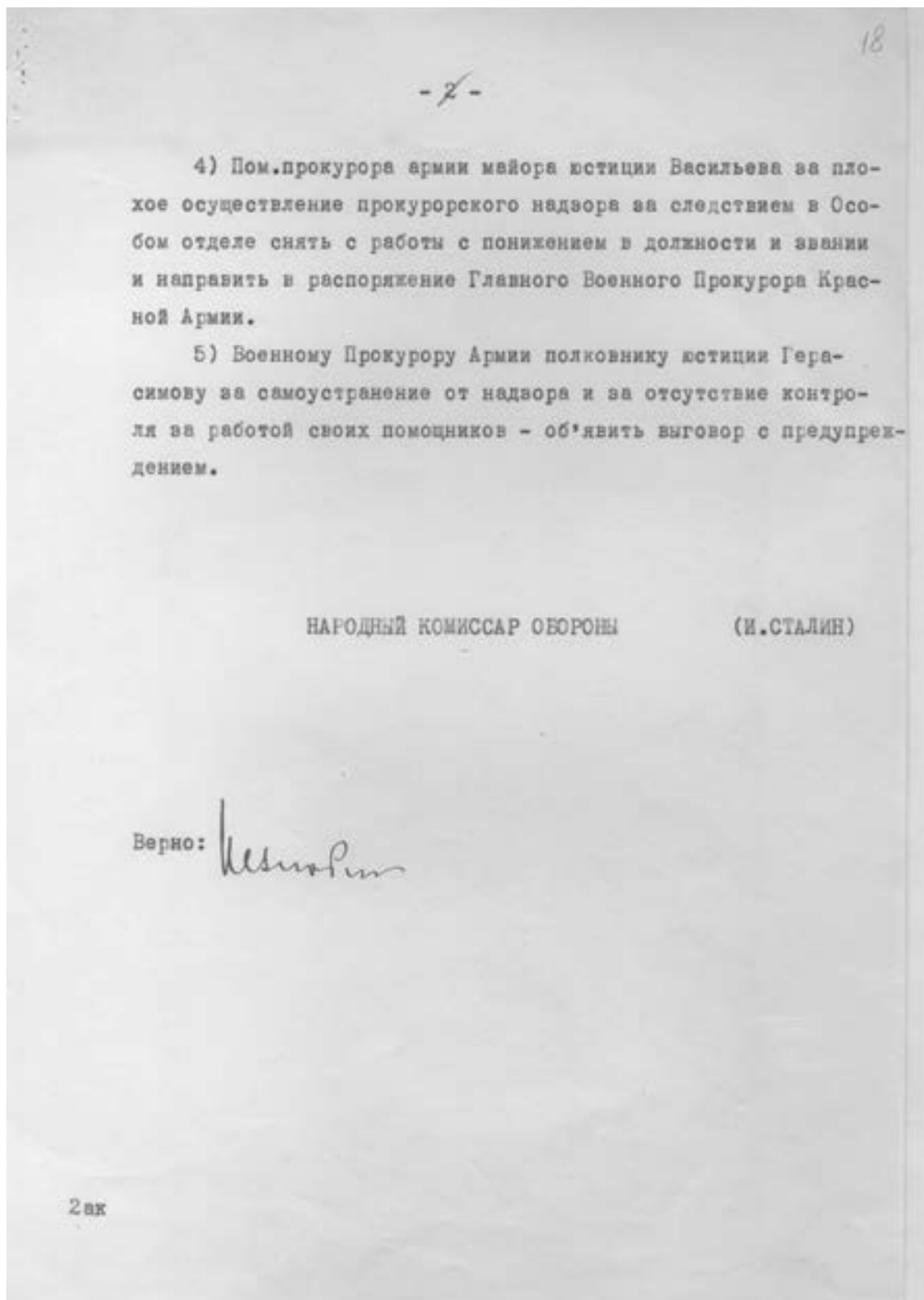
Проверка работы Особого отдела 7-й Отдельной Армии вскрыла отдельные факты извращений и преступных ошибок в следственной работе Особого отдела 7-й Отдельной Армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) За извращение в следственной работе заместителя начальника Особого отдела 7-й Отдельной Армии, начальника следственной части подполковника Керзона и старшего следователя Ильинена уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого Собрания к 5 годам лагерей.

2) За преступные ошибки в следственной работе следователей Седогина, Изотова, Соловьева уволить из органов контрразведки и направить их в штрафной батальон при начальнике Тыла К.А.

3) Начальнику Особого отдела 7-й Отдельной Армии т.Добровольскому за отсутствие контроля за работой следственной части, в результате чего в следственной работе имели место грубые ошибки и извращения, - объявить выговор с предупреждением.

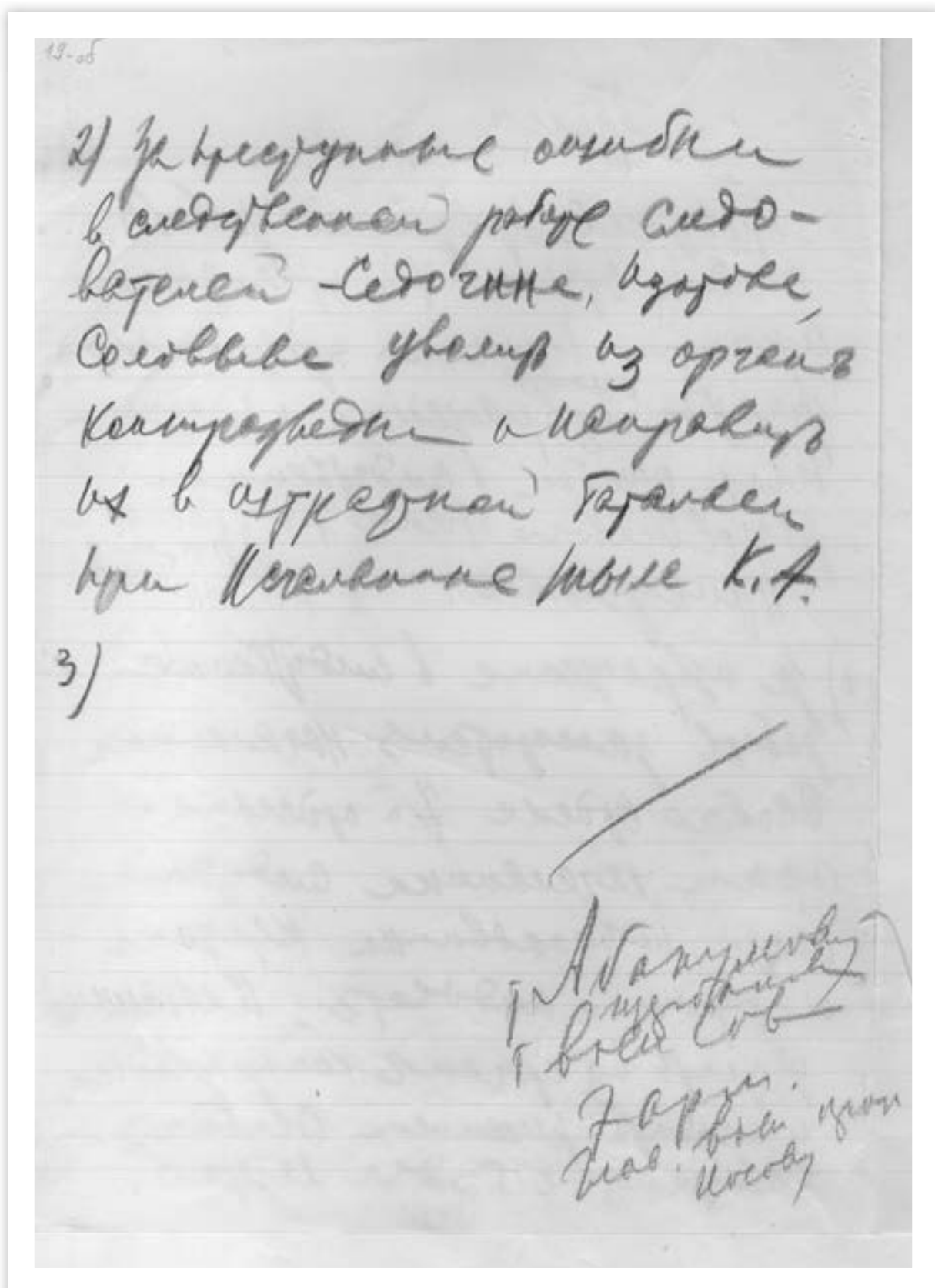
Приказ

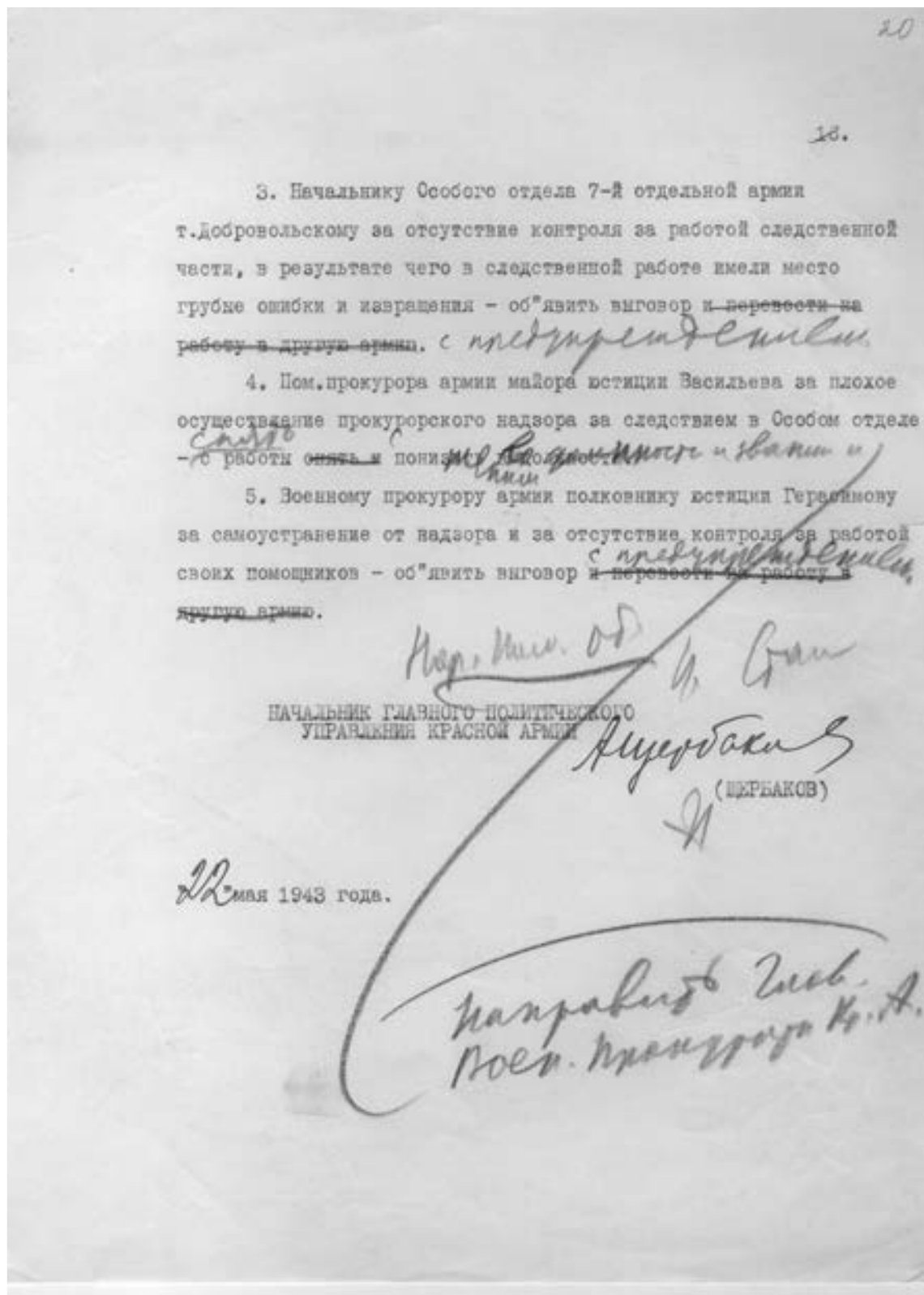
19

Проверка ~~приказов~~ работы
Особого отдела 7-й армейской
Армии, в связи с отделением
граждан ^{ошибок} в обращении и внесу-
щих ошибок в следующей
работе Особого отдела 7-й армейской
Армии;
Приказываю:

- 1) За нарушение в следующей
работе заместителя Начальника
Особого отдела 7-й армейской
Армии Начальника следующей
таблицы подполковника Керзона
и старшего адъютанта Керзона
указано из ордена коллежского
и судного решения Особого
Совещания к 5 годам лишения.

21

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА - товарищу СТАЛИНУ И.В.

По Вашему личному распоряжению Главное Политическое Управление Красной Армии расследовало донесение командарма 7 отдельной армии, генерал-майора тов. Крутикова о работе Особого отдела Армии. Докладываю о результатах:

1.

1. Военный Совет 7 отдельной армии взял под сомнение правильность обвинений Никулина и Шедова в шпионаже. По материалам следствия, проведенного Особым отделом Армии, дело рисовалось следующим образом:

Резидент немецкой разведки Никулин, снабженный немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной Армии - вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т.д. Никулин имел в своем распоряжении агентов - связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной Армии младшего лейтенанта Шедова.

Проверка этого дела дала следующие результаты: Никулин И.А., 1910 года рождения, служил в Красной Армии в 1939 году, участвовал в боях с белофиннами, был ранен, после чего признан негодным к военной службе. Никулин совершенно неграмотный (умеет только расписываться), работал до войны и во время войны плотником Тихвинской лесобирки. Четыре брата Никулина служат в Красной Армии. Во время

22

2.

оккупации Никулин полтора месяца проживал на территории, занятой немцами. Со Шведовым Никулин познакомился в то время, когда воинская часть, в которой состоял Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

По материалам следствия, как агент - связист, завербованный Никулиным, проходит Иванова Екатерина, 15 лет. Три брата и сестра Ивановой служат в Красной Армии.

Младший лейтенант Шведов, после нескольких недель знакомства с Никулиным, уехал вместе со своей частью на Волховский фронт, под Сняявино, откуда и дезертировал. Шведов был задержан Особым отделом 7 армии, ему первоначально было пред"явлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской работе и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

На допросе мне и тов.Абакумову Шведов заявил, что после того, как следователь Ильин потребовал от него назвать сообщников, он, Шведов, назвал двух красноармейцев из завода, которым он командовал. Но Ильин отклонил этих людей и потребовал назвать других лиц. После этого Шведов оговорил Никулина.

Будучи арестованным Никулин ни в чем себя виновным не признавал, после пребывания в карцере признал себя виновным в шпионаже.

Расследованием установлено, что об"ективных фактов для обвинения Никулина и Шведова в шпионаже нет. Так например, неграмотному во всех отношениях Никулину, проживавшему в глухой деревушке, немцами якобы были даны следующие задания:

23

3.

"Я должен был собирать сведения:

1. О расположении, количественном составе и вооружении пехотных, артиллерийских, минометных, автобронетанковых, саперных, инженерных, специальных и тыловых частей Красной Армии.
2. О дислокации штабов воинских частей и соединений.
3. О расположении складов с боеприпасами, вооружением, взрывчатыми веществами, продовольствием, фуражем, горюче-смазочными материалами и другим военным имуществом.
4. О расположении и составе оборонных сооружений.
5. О расположении аэродромов и количестве самолетов на них.
6. О расположении средств ПВО.
7. О состоянии дорог и интенсивности движения по ним.
8. О строительстве новых дорог.
9. О политико-моральном состоянии личного состава частей Красной Армии и гражданского населения.

Наряду со сбором шпионских сведений офицер поручил мне совершать диверсионные акты, организовывать взрывы мостов, поджигать воинские склады и советские учреждения".

Эта часть показания Никулина была целиком и полностью написана старшим следователем Ильиным, а едва умеющий расписываться Никулин подписал такой протокол допроса.

Особый отдел Армии имел полную возможность проверить деятельность "связиста" Ивановой Екатерины. Однако Иванова Екатерина не только не была арестована, но не была и допрошена, хотя для этого была полная возможность, так как она продолжала жить безвредно в том же самом месте. Расследованием установлено, что Иванова

24

4.

Екатерина заданий от Никулина по шпионажу не получала и линии фронта не переходила.

Особый отдел имел полную возможность выяснить, как попали к Никулину пистолет и гранаты. Расследованием, как попало к Никулину оружие, установлено: брат Екатерины Ивановой - мальчик 13 лет - однажды сказал Никулину, что у него имеются трофейные гранаты и пистолет. Никулин отобрал оружие у мальчика Иванова, пистолет Никулин отдал Шведову за хлеб, а гранаты использовал для глушения и ловли рыб. Работники Особого отдела вопрос о происхождении оружия могли бы легко выяснить, вызвав и опросив мальчика Иванова - брата Ивановой Екатерины. Этого также сделано не было. Так в результате недобросовестного отношения к следствию было создано обвинение Никулина и Шведова в шпионаже.

Шведова надо было арестовать и судить, как дезертира. Никулин виноват в незаконном хранении и несдаче трофейного оружия, но фактов и материалов для обвинения его в шпионаже не было. Военный трибунал 7 отдельной армии отклонил обвинение в шпионаже.

Следственное дело Никулина и Шведова вел старший следователь Особого отдела Ильяйнен, по национальности финн. Ильяйнен ранее работал в органах НКВД и был уволен.

Непосредственное руководство следствием и активное участие в нем принимал заместитель начальника Особого отдела 7 отдельной армии Керзон. Керзон с 1929 года по 1938 год работал в органах НКВД. В 1938 году он был арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации. Затем был признан невиновным и с 1939 года вновь работает в органах НКВД.

25

5.

Ильяйнен и Керзон являются виновными в недобросовестном ведении следствия в отношении Никулина и Шедова.

2. Аналогичным делу Никулина и Шедова является дело по обвинению в шпионаже Ефимова.

Красноармеец Ефимов 29 ноября 1942 года был вызван следователем Особого отдела на допрос в качестве свидетеля. На допросе Ефимов рассказал следователю Особого отдела, что он, Ефимов, в 1941 году был в плену у немцев и оттуда бежал. Это вызвало подозрение и по существу явилось основанием для его задержания. 30 ноября Ефимов на допросе признался в шпионской деятельности.

Анализ следственных материалов показал, что следствие по делу Ефимова проведено крайне поверхностно и недобросовестно. Все обвинения построены только на признании самого подсудимого. Причем все эти признания пестрят противоречиями и неправдоподобностями.

Особый отдел имел полную возможность проверить личность Ефимова и собрать о нем более глубокий материал. Однако этого сделано не было. Единственным об"ективным доказательством виновности Ефимова является его сдача, будучи в окружении, в плен в сентябре месяце 1941 года и пребывание на территории, оккупированной немцами. После возвращения Ефимова из плена и освобождения Красной Армией территории, на которой проживал Ефимов (Торопецкий район), он вновь, после проверки его в лагерях НКВД, был призван в ряды Красной Армии, где и служил в течение 8 месяцев.

В результате категорического отказа Ефимова на заседании Военного трибунала 30 апреля 1943 года от своих показаний и отсутствия в деле каких либо других материалов, свидетельствующих о его виновности, Ефимов был оправдан.

26

6.

Для проверки поведения Ефимова в период проживания его на оккупированной территории, впоследствии освобожденной Красной Армией, в Торопецкий район Калининской области были командированы старший инспектор ГлавПУРКА полковник т.Долин и старший следователь Главного управления контрразведки майор т.Коваленко. Проверкой на месте (опрошены ряд лиц, знавших Ефимова) ими установлено, что Ефимов в конце декабря 1941 года явился из немецкого плена, жил все время у отца, из деревни никуда не отлучался; за время пребывания немцев в этом районе связи и общения с ними не имел, антисоветской агитации не вел и никого из советских активистов не предавал. Между тем, по материалам следствия дело рисовалось таким образом, что Ефимов, проживая в Торопецком районе, якобы был близко связан с немцами, пьянствовал с ними в ресторане, выдал немцам жену политрука Никифорову Марию и вел среди местного населения антисоветскую агитацию.

Винновыми в создании бездоказательного обвинения Ефимова в шпионаже являются старший следователь Особого отдела армии капитан Седогин и начальник следственной части, он же заместитель начальника Особого отдела армии подполковник Керзон.

3. После дела Никулина, Шедова и дела Ефимова, Военный трибунал 7 армии и его председатель т.Севостьянов стали выражать сомнение в правильности проведенного следствия в отношении ряда людей, которые уже прошли через трибунал и осуждены трибуналом за шпионаж. Так, военный трибунал стал выражать сомнение в правильности следственных материалов по обвинению в шпионаже Пышинова и Дялина, Масленникова и Никитина, Стафеева. Провести надлежащее расследование по этим делам не представляется возможным, так как осужденные (кроме Дялина) расстреляны.

27

7.

П.

В результате проверки всех дел по другим контрреволюционным преступлениям, приведенным в докладных записках Военного Совета и военного прокурора армии установлено, что Особыми отделами армии, при попустительстве военных прокуроров, действительно были допущены извращения в ведении следствия и нарушения советских законов. Так например:

1. Красноармеец Яковлев, 1923 года рождения, член ВЛКСМ, безупречно с ноября 1941 года служит в Красной Армии. 25 апреля 1942 года, совместно с другими двумя бойцами, он был вызван на допрос в качестве свидетеля к уполномоченному Особого отдела батальона т. Николаеву. По дороге в Особый отдел Яковлев нашел финскую листовку и тут же в конце допроса сдал ее уполномоченному Николаеву. Этого было достаточно для того, чтобы арестовать Яковлева и начать против него следствие по обвинению его в антисоветской агитации. При ведении следствия был совершен следующий подлог. При составлении протокола обыска у Яковлева, по указанию старшего следователя Особого отдела армии капитана Изотова, листовка была занесена в протокол обыска, как найденная при обыске у Яковлева. Обвинение в отношении Яковлева от начала до конца надуманное и Военный трибунал правильно вынес Яковлеву оправдательный приговор.

2. Красноармеец Гусев, 1922 года рождения, член комсомола, в декабре 1942 года Особым отделом 162 укрепленного района был арестован за систематическое проведение антисоветской агитации и изменнические намерения. Военный трибунал армии 6 марта 1943 года, разобрав дело Гусева, вынес ему оправдательный приговор. Проведенной проверкой установлено, что со стороны Гусева имели место нездоровье,

28

8.

политически неправильные, иногда граничащие с антисоветскими высказывания, что и дало основание Особому отделу для его ареста. Следствие же по делу было проведено недобросовестно. Конкретные факты, имевшие место в действительности, получили в материалах следствия политическое обобщение, искажившее суть дела. Показания свидетелей оперативным уполномоченным Особого отдела Соловьевым были явно извращены.

3. Дейтенант Григорьян, член комсомола, в Красной Армии служит с 1939 года, 26 сентября 1942 года был арестован Особым отделом 3-й морской бригады по обвинению его в оставлении поля боя, добровольной сдаче в плен и высказывании диверсионных намерений. Проверкой установлено, что Григорьян действительно в июне 1941 г. т.е. в первые дни войны, будучи послан с семью бойцами в разведку, попал под сильный огонь противника, растерялся и сдался в плен немцам. В тот же день, через 5-6 часов после пленения, он бежал из плена. По излечении после ранения, полученного во время бегства от немцев, Григорьян служил в 110 стрелковой дивизии, участвовал в боях за Москву, был вторично ранен и по выходе из госпиталя непрерывно служит в частях 7 отдельной армии. За это время неоднократно участвовал в боях, на своем боевом счету имеет более двух десятков убитых финнов и характеризуется как волевой и смелый командир. Никаких антисоветских и диверсионных высказываний и намерений со стороны Григорьяна проявлено не было и эти обвинения являются полностью вымышленными. Дело Военным трибуналом было прекращено и Григорьян, через 3 месяца после его ареста, был освобожден.

4. Красноармеец Чернецов, 1896 года рождения, участник первой империалистической войны. Три брата Чернецова сейчас служат в

29

9.

Красной Армии. Чернецов был арестован в июне 1942 года Особым отделом 368 стрелковой дивизии по обвинению в антисоветской агитации и изменнических намерениях. Основанием для ареста и обвинения Чернецова послужило сообщение красноармейца Поражинского, являвшегося секретным осведомителем Особого отдела. Во время следствия Поражинский давал явно путанные показания и на очной ставке с Чернецовым в конце концов отказался от них. Тогда по указанию начальника Особого отдела дивизии он был арестован. Отсидев 11 дней под арестом Поражинский вновь подтвердил свои первоначальные показания о том, что Чернецов проводит антисоветскую агитацию и намеревается перейти к финнам. На заседании суда Поражинский опять запутался и изменил свои первоначальные показания. По всем данным Поражинский является провокатором. Военный трибунал оправдал Чернецова.

5. Гвардии старшина стрелок – радист Федоровцев, кандидат в члены ВКП(б), в армии служит с 1937 года, с первых дней Отечественной войны находится на фронте. За участие в финской кампании награжден орденом Красного Знамени, в Отечественную войну награжден орденом Красной Звезды. За время войны совершил 128 боевых вылетов и командиром полка характеризуется как смелый боец, готовый в любой момент выполнить задание командира полка. Особым отделом 4 района авиационного базирования 6 августа 1942 года Федоровцев был арестован по обвинению в антисоветской агитации.

Проверкой установлено, что Федоровцев передавал другим бойцам, содержание прослушанной им по радио фашистско-белогвардейской передачи. Таким образом, основания для ареста Федоровцева были, но, учитывая его боевую работу в борьбе с немцами, военный прокурор прекратил дело Федоровцева.

30

10.

6. Факты, изложенные в докладной записке военного прокурора 7 отдельной армии о привлечении без достаточных оснований к суду Косматих, Лазаренко, Королева, Горячева также имели место. Все перечисленные лица судом оправданы.

О том, что в некоторых соединениях 7 отдельной армии отношение к арестам довольно легкое свидетельствуют следующие факты. Особым отделом 272 стрелковой дивизии за первый квартал 1943 года было арестовано 15 человек и им были предъявлены обвинения в контрреволюционных преступлениях. Из 15 дел прекращено в Особом отделе 8 дел и военной прокуратурой 2 дела.

По 4 стрелковому корпусу за второе полугодие 1942 года было арестовано 215 человек за контрреволюционные преступления. 43 человека или 20% из числа арестованных, были освобождены за недоказанностью обвинений. При этом следует отметить, что начальник Особого отдела 272 стрелковой дивизии майор Божичко на одном из совещаний заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей нет, так как вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой.

III.

Проверка показала, что Особые отделы в методах следствия допускали извращения и нарушения законов. В частности, Особые отделы в качестве камерной агентуры использовали лиц, уже осужденных за шпионаж к ВМН. Так по делу красноармейца Горячева, обвинявшегося в проведении антисоветской агитации, после того, как следствием не было собрано достаточных материалов для обвинения, в качестве свидетеля был привлечен осужденный 29 января 1943 года к расстрелу

31

11.

шпион Желудков. Этот Желудков 8 февраля 1943 года на допросе показал, что Горячев, находясь с ним вместе в камере, проводит анти-советскую агитацию. Характерно при этом, что следователь Особого отдела 4 района авиабазирования Виноградов, в протоколе допроса записал о Желудкове, что он "со слов не судим", т.е. Виноградов совершил явный подлог.

В деле Масленникова, осужденного за шпионаж в качестве камерного свидетеля был привлечен шпион Каримов, приговоренный к ВМН.

О том, что подобного рода камерные свидетели использовались и в других делах, свидетельствует такой факт: 2 февраля 1942 года Военный трибунал 114 стрелковой дивизии за подготовку группового перехода на сторону врага осудил к ВМН красноармейцев Кучерявого и Гумель. Над красноармейцами, которые проходили по этому же делу, вместе с Кучерявым и Гумель, приговор был приведен в исполнение через два дня - 4 февраля, а в отношении Кучерявого и Гумель приговор не приводился в исполнение несколько месяцев. И когда в начале мая 1942 года Военный Совет Армии стал интересоваться - почему над этими лицами приговор не приводится в исполнение, начальник Особого отдела армии полковник т.Добровольский возбудил ходатайство перед Военным Советом Армии о замене им ВМН лишением свободы за разоблачение ими других лиц.

В практике работы Особого отдела армии имели место факты, когда подсудимых, перед отправлением на судебное заседание, вызывали в следственную часть для дачи указаний, чтобы они показывали на суде то, что показывали на следствии в Особом отделе. Это подтвердил старший следователь Особого отдела Ильинен, который

32

12.

признал, что по приказу Керзона подсудимых перед судом вызывали в следственную часть и там инструктировали как вести себя на суде. Подполковник Керзон сначала отрицал эти факты, затем заявил, что может быть такие факты и были, но он об этом не был осведомлен, а потом признал, что вызов подсудимых в следственную часть проводился, но якобы с целью инструктажа конвоя, хотя известно, что инструктаж конвоя проводит начальник камеры предварительного заключения.

В практике работы Особых отделов имели место факты назойливого и ненужного присутствия следователей Особого отдела армии на судебном заседании. Приведенный в донесении командующего 7 отдельной армией генерал-майора Крутикова факт удаления старшего следователя Ильинен из суда при слушании дела Шведова и Никулина и посылки после этого писаря следственной части Карначева на суд в качестве конвоира - соответствует действительности. Сделано это было по приказу заместителя начальника Особого отдела армии подполковника Керзона.

Факт угощения папиросами подсудимых в перерывах судебного заседания подполковник Керзон отрицает. Старший следователь Особого отдела Некрашевич заявил, что один раз он угощал подсудимых папиросами. Секретарь военного трибунала Зайцев утверждает, что делал это систематически старший следователь Некрашевич и дважды - подполковник Керзон.

1У.

В ы в о д и:

Донесение на Ваше имя командующего 7-й отдельной армией генерал-майора Крутикова в части касающейся конкретных фактов извращений в работе Особого отдела армии - в основном правильно.

Что касается обобщений, имеющих в донесении, то они являются неправильными.

Проверка показала, что по ряду шпионских дел обвинения были построены только на признаниях самих подсудимых. Однако сделанное в донесении командующего обобщение о том, что общей чертой большинства шпионских дел являлось полное отсутствие об"ективных доказательств и что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены на признании самих подсудимых - является неправильным. Особый отдел 7 отдельной армии в общем проделал значительную работу по разоблачению немецкой и финской агентуры и утверждать, что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены только на признании самих подсудимых - неправильно.

Обобщение, сделанное в донесении командарма 7 отдельной армии о том, что органы следствия не принимают мер к розыску и аресту резидентов иностранных разведок - не точно. Так из 30 агентов и резидентов, прошедших по показаниям подсудимых за 1942-43 гг. - 5 разыскано и осуждено к ВМН.

Таким образом проверка работы Особого отдела 7 отдельной армии показала, что в работе Особого отдела армии и Особых отделов соединений имели место крупные и серьезные недостатки, а также извращения. Конкретными виновниками являются:

1. Заместитель начальника Особого отдела 7-й отдельной армии, он же начальник следственной части - подполковник Керзон;
2. Старший следователь Особого отдела армии старший лейтенант Ильяйнен, по национальности финн;
3. Старший следователь Особого отдела армии капитан Седогин;

34

14.

4. Следователь Особого отдела 162 укрепрайона - капитан Изотов;

5. Оперуполномоченный Особого отдела 162 укрепрайона Соловьев.

При этом установлено, что если ошибки в работе таких людей, как Седогин, Изотов, Соловьев, Николаев (убит) могли явиться результатом неопытности и являются действительно следственными ошибками, то ошибки в работе Керзона и Ильинен являются извращениями, продиктованными карьеристическими соображениями. В этом особенно убедило меня нечестное поведение Керзона. По делу Никулина и Еведова - Керзон заявил мне, что его "подвел следователь", что Никулина он допрашивал всего один раз и не более 15 минут, в то время как Никулина он допрашивал много раз. Керзон в начале говорил, что обвиняемых для инструктажа в следственную часть не вызывали, потом сказал, что вызывали, но что это делали следователи без его ведома и т.д. Таким образом Керзон врет и записывается в мелочах, а после этого трудно ему верить и в более серьезных делах.

Начальник Особого Отдела 7 отдельной армии полковник Добровольский плохо контролировал следствие и слишком многое передоверил Керзону.

Следует отметить, что при расследовании материалов Военного Совета армии, некоторые работники Особых отделов или отрицали уже установленные факты или их всячески смягчали и смазывали остроту, придерживаясь принципа "не выносить сор из избы". Даже начальник Особого отдела т. Добровольский заявил: "И зачем надо было беспокоить товарища Сталина, сказали бы мне, все бы на месте исправили и устранили".

35

15.

Надо отметить еще один крупный недостаток в работе карательных органов 7-й отдельной армии – это фактически отсутствие прокурорского надзора за следствием со стороны военного прокурора полковника юстиции Герасимова и его помощника майора юстиции Васильева. Герасимов самоустранился от надзора, свалив эту деятельность на своего помощника Васильева. Васильев же, а также прокуроры соединений, в значительной мере штамповали обвинительные заключения, не входя в суть вопроса.

В работе Военных Трибуналов имела место перестраховка, боязнь взять на себя всю полноту ответственности при рассмотрении дел. Доказательством этому является большое количество неутвержденных приговоров Военных Трибуналов командирами соединений, Военным Советом и Военной Коллегией. Так за 1942-43 гг. из 1529 приговоров к ВМН – 577 приговоров или 37% – ВМН заменена лишением свободы. Во многих случаях эти изменения явились результатом фактического помилования осужденных, но в ряде случаев эти изменения явились результатом несогласия по существу дела. Среди работников Особых отделов (ныне "СМЕРШ") много неопытных, малограмотных людей. Этот недостаток следует поправить переводом нескольких тысяч политработников в органы контрразведки.

П р е д л о ж е н и я:

Предлагаю:

1. За извращения в следственной работе Керзона и Ильинен уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого Совещания к 5 годам лагерей.

2. За преступные ошибки в следственной работе – Седогина, Изотова, Соловьева уволить из органов контрразведки и направить их в действующую армию.

*информации Бабакин
прт Никанорских Москва К.А.*

6

СЕКРЕТНО

П Р И К А З

195

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

14 апреля 1942 г.   № 0281   г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО.

Объявляю Постановление Государственного Комитета Обороны от 9 апреля 1942 г. № ГОКО—1567с «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО».

Приказываю:

1. Лиц, вступивших в народное ополчение и состоящих в рядах Красной Армии, обеспечивать с 1 апреля 1942 г. денежным и материальным довольствием по нормам, действующим в Красной Армии.
2. Прекратить с 1 апреля 1942 г. выплату заработной платы по месту прежней работы:
  - а) ополченцам и бойцам истребительных батальонов;
  - б) лицам, призванным в формирования МПВО и мобилизованным на оборонные работы.
3. Приказ НКО 1941 г. № 287 отменить.

Заместитель Народного Комиссара Обороны СССР
генерал-лейтенант интендантской службы **ХРУЛЕВ.**

— 2 —

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ**

№ ГОКО—1567с

от 9 апреля 1942 года.

Москва, Кремль.

О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО

Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Установить, что лица, вступившие в народное ополчение, обеспечиваются Народным Комиссариатом Оборона денежным и материальным довольствием по нормам, действующим в Красной Армии.

2. Бойцы истребительных батальонов, переведенные на казарменное положение, обеспечиваются денежным и материальным довольствием Народным Комиссариатом Внутренних Дел СССР в порядке:

а) лица, сверстники которых мобилизованы, — по нормам, действующим в Красной Армии;

б) лица, не подлежащие призыву, — по нормам, действующим для рядового и младшего начальствующего состава милиции.

3. Установить рабочим и служащим государственных предприятий, учреждений, кооперативных и общественных организаций, а также учащимся, состоящим в партизанских отрядах, пособие в размере их среднего заработка по месту прежней работы.

Семьям партизан, не имевших ко дню вступления в партизанские отряды заработка, а также семьям партизан колхозников и свободных профессий выплачивать пособие в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

Обязать Наркомфин СССР совместно с НКВД СССР издать инструкцию о порядке выдачи пособий партизанам и их семьям.

4. Лицам, временно призванным в городские и участковые формирования местной противовоздушной обороны с отрывом от производства, выплачивать за счет местного бюджета их средний заработок, но не свыше 400 рублей в месяц, включая стоимость питания.

5. Распространить на ополченцев, бойцов истребительных батальонов, содержащихся по нормам Красной Армии, и партизан, а также на семьи этих лиц постановления СНК СССР № 1269 от 16 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям», № 1474 от 5 июня 1941 г. «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава и их семьям» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О по-

- 8 -

рядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время.

6. Прекратить с 1 апреля 1942 г. выплату заработной платы по месту прежней работы:

- а) ополченцам и бойцам истребительных батальонов;
- б) лицам, призванным в формирования МПВО и мобилизованным на оборонные работы.

7. Считать утратившими силу постановления:

1) ГОКО от 4 июля 1941 г. № 10 и 10 июля 1941 г. № 84 «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение».

2) ГОКО от 29 июля 1941 г. № 326 и СНК СССР от 27 августа 1941 г. № 2010 «О денежном обеспечении партизан и их семей».

3) ГОКО от 9 июля 1941 г. № 76, от 24 июля 1941 г. № 260сс и 261сс, от 24 августа 1941 г. № 575сс и распоряжение СНК СССР от 25 июля 1941 г. № 3937рс «О зарплате и питании бойцов истребительных батальонов».

4) Распоряжение СНК СССР от 2 июля 1941 г. № 2410рс «О бесплатном питании личного состава милиции и пожарной охраны».

5) Постановление СНК СССР от 4 октября 1932 г. № 1525/319 в части сохранения за призванными на сборы МПВО средний заработной платы по месту их работы.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН.

Заказ № 893с.

Центральная типография НКО СССР имени Клим Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

П Р И К А З

Народного Комиссара Оборона Союза ССР

18 апреля 1942 г.

№ 118

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: С объявлением постановления Государственного Комитета Оборона «Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений».

Объявляю для точного и неуклонного исполнения постановление Государственного Комитета Оборона № ГОКО—1558 от 7 апреля 1942 года «Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений» (в приложении).

Приказываю:

1. Сбор, ремонт и дальнейшее использование стальных шлемов производить в соответствии с Инструкцией (в приложении).
2. Выплату вознаграждения за собранные и сданные НКО стальные шлемы производить за счет кредитов § 20 ст. 69 сметы НКО по счетам, заверенным председателями сельсоветов депутатов трудящихся и имеющих подтверждение о принятии шлемов складами НКО или войсковыми частями.
3. Выделить в распоряжение командующих армий и командиров дивизий премиальный фонд в размере 10% от стоимости собранных шлемов, для премирования председателей сельских и районных Советов депутатов трудящихся, за активную помощь по организации сбора и сдачу населением стальных шлемов.
4. По произведенным расходам представлять отчет установленным порядком, с указанием количества принятых шлемов и выплаченной суммы.

Заместитель Народного Комиссара Оборона Союза ССР
генерал-лейтенант интендантской службы ХРУЛЕВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ ГОКО—1558

от 7 апреля 1942 г.

гор. Москва, Кремль

Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений

В целях организации сбора с полей сражения стальных шлемов, брошенных противником, а также шлемов отечественного производства, Государственный Комитет Оборона постановляет:

-2-

1. Обязать областные, городские, районные и сельские Советы депутатов трудящихся широко объявить местному населению о необходимости сбора стальных шлемов и сдаче их за плату военному командованию.

2. Установить вознаграждение лицам, сдавшим НКО стальные шлемы, в размере:

- за 1 исправный стальной шлем—три рубля,
- за 10 исправных шлемов—сорок рублей,
- за 50 исправных шлемов—двести пятьдесят рублей,
- за 100 исправных шлемов—шестьсот рублей.

За сбор и сдачу стальных шлемов противника вознаграждение снизить на 25% против установленных расценок.

3. НКО выделить в распоряжение командующих армий и командиров дивизий необходимые денежные средства для премирования председателей сельских и районных Советов депутатов трудящихся за активную помощь по организации сбора и сдачу населением стальных шлемов.

4. Расходы, связанные со сбором стальных шлемов, относить за счет сметы НКО на заготовку этих шлемов.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН

«УТВЕРЖДАЮ»

Главный интендант Красной Армии
генерал-майор интендантской
службы Драчев.

За военного комиссара Главного
интендантского управления
Красной Армии
полковой комиссар Кондратьев

15 апреля 1942 года.

ИНСТРУКЦИЯ

по сбору стальных шлемов на полях сражений

1. Интенданты фронтов, армий и войсковых частей, через местные Советы депутатов трудящихся, доводят до сведения населения прифронтовой полосы постановление Государственного Комитета Обороны «Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений» и помогают местным советам в организации сбора.

2. Сбору подлежат все исправные и неисправные шлемы как отечественные, так и иностранных образцов.

— 3 —

3. По согласованию с местными Советами депутатов трудящихся, интенданты фронтов, армий и войсковых частей назначают пункты для приема от населения собранных шлемов и устанавливают время сдачи.

4. Собираемые шлемы, перед сдачей на пункты сбора, лицами, собиравшими их, моются, очищаются от грязи, кровавых пятен и предварительно сортируются на:

- а) вполне годные;
- б) годные, но не имеющие подтулейных устройств;
- в) негодные (нобитые, простреленные).

5. Окончательная сортировка шлемов производится на пунктах сбора под руководством лиц, выделяемых для этой цели соответствующими интендантами и хорошо инструктированными.

6. По мере сдачи населением на пункты сбора собранных шлемов местные Советы депутатов трудящихся извещают соответствующих интендантов о количестве собранных шлемов, после чего последними даются указания складам НКО и войсковым частям о принятии шлемов и дальнейшем их использовании.

7. Вполне исправные шлемы, распоряжением интендантов фронтов и армий, выдаются непосредственно войсковым частям на дообеспечение, а излишествовавшие отправляются на склады НКО (армейские, фронтовые).

8. Шлемы, требующие восстановления подтулейного устройства, направляются для доукомплектования съемными подтулейными устройствами на армейские склады, где они приводятся в надлежащий порядок и впоследствии выдаются в войсковые части на дообеспечение.

9. Шлемы, требующие среднего и капитального ремонта, направляются через армейские и фронтовые склады непосредственно в армейские и фронтовые мастерские по ремонту вещевого имущества.

Примечание. Необходимые для ремонта стальных шлемов специалисты привлекаются в мастерские распоряжением соответствующих интендантов (армейских, фронтовых).

10. Шлемы с негодными в дальнейшей носке корпусами направляются на армейские и фронтовые склады для снятия с них подтулейных устройств и последующей сдачи промышленности.

Примечание. Негодные корпуса шлемов по мере их накопления направляются на Сталинградский завод «Красный Октябрь» или на Лысьвенский металлургический завод имени газеты «Индустрия», как металлический лом, для утилизации.

11. Исправные шлемы иностранных образцов используются на доснабжение войск. Предварительно эмблемы и другие знаки со шлемов удаляются и закрашиваются, без этого выдача в носку шлемов запрещается.

12. Вознаграждение лицам, сдавшим НКО стальные шлемы, выплачивается из расчета:

— 4 —

- а) за сданные шлемы в количестве от 1 до 9 — по 3 рубля за каждый исправный шлем;
  - б) за 10 шлемов — 40 рублей;
  - в) за сданные шлемы в количестве от 11 до 49 — по 4 рубля за каждый исправный шлем;
  - г) за 50 шлемов — 250 рублей;
  - д) за сданные шлемы в количестве от 51 до 99 — по 5 рублей за каждый исправный шлем;
  - е) за 100 шлемов — 600 рублей.
- За каждый исправный стальной шлем, сданный сверх 100,— по 6 рублей.

13. Склады НКО и войсковые части, получающие шлемы в соответствии с п. 7 данной Инструкции, выдают местным советам счета, в которых указывают количество принятых шлемов и на какую сумму.

14. Счета в приеме шлемов составляются в 3 экземплярах, коих: один экземпляр вручается местному совету, организовавшему сбор шлемов, один экземпляр остается в войсковой части и служит документом для оприходования принятых стальных шлемов, а один экземпляр высылается вышестоящему интендантскому органу.

15. Одновременно с получением собранных стальных шлемов получатель (войсковая часть или склад НКО) выплачивает местному совету причитающуюся сумму для распределения между лицами, принимавшими участие в сборе шлемов, в соответствии с пп. 2 и 3 постановления Государственного Комитета Обороны «Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений».

16. Все принятые на пунктах сбора шлемы (войсковой частью, складом НКО) приходуются установленным порядком.

17. О количестве принятых на пунктах сбора шлемов войсковые части, соединения и склады ежемесячно представляют донесения по формам №№ 106 и 107 приказа НКО № 108 от 7 апреля 1942 года.

Начальник Управления
вещевого снабжения

Красной Армии
бригадный интендант Карпинский

Военный комиссар Управления
полковой комиссар Ахметов

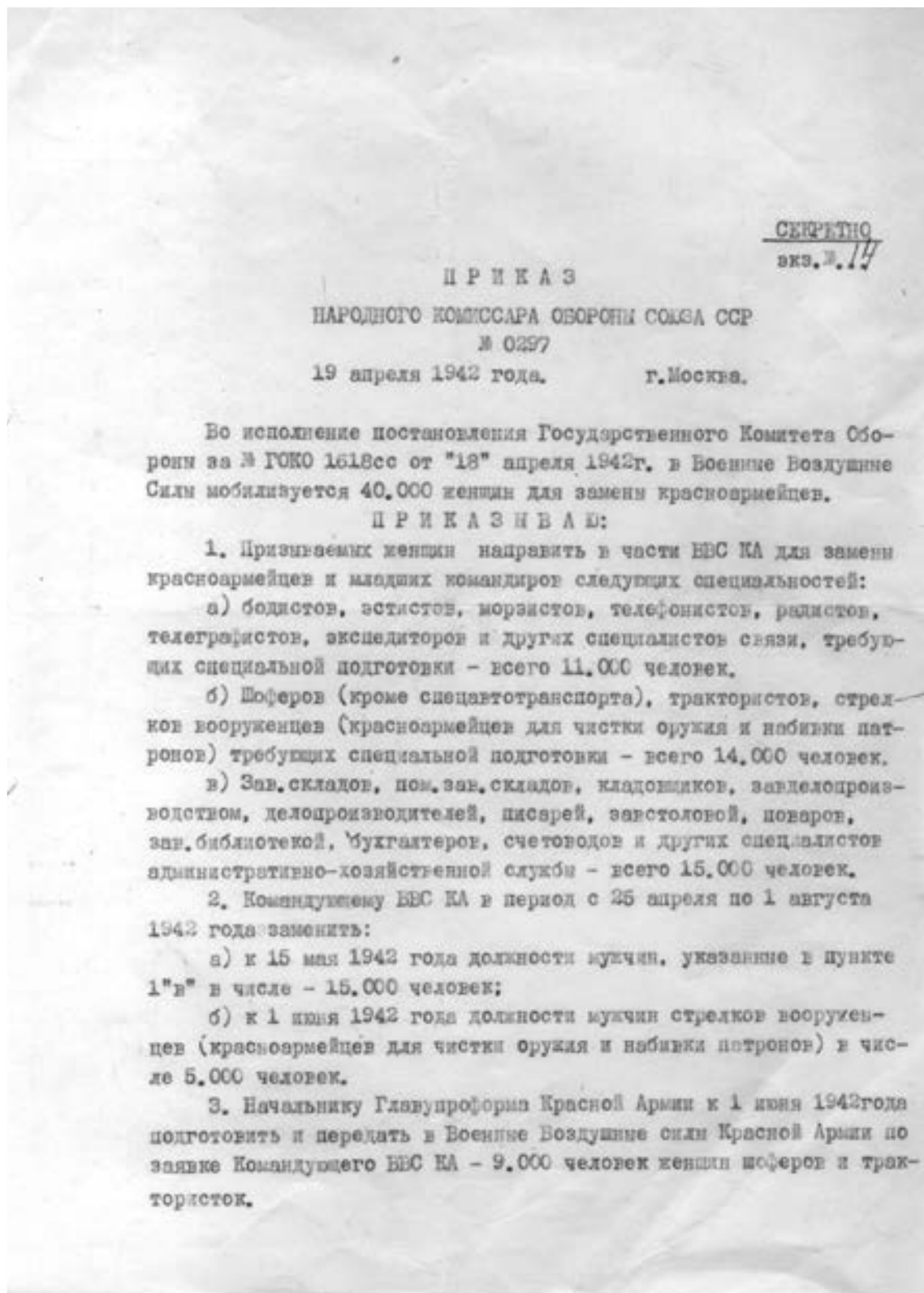
Начальник 1 отдела полковник Тармосин.

15 апреля 1942 года.

Заказ № 379а.

Центральная типография НКО СССР имени Клина Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

72

- 4 -

4. Начальнику Главного Управления Связи Красной Армии к 1 августа 1942 года подготовить и передать в Военные Воздушные силы Красной Армии по заявке Командующего ВВС КА - 11.000 человек женщин бойцов, экипировщиков, морзистов, телефонистов, радистов, телеграфистов, экспедиторов и других специалистов связи.

5. К 1 августа 1942 года Командующему ВВС КА закончить замену должностей мужчин, указанных в пункте 1-м в количестве - 40.000 человек.

6. Освобождавшихся красноармейцев и младших командиров из частей и учреждений ВВС, находящихся на фронте, после замены женщинами, использовать на укомплектование наземных и авиачастей фронта, распоряжением Командующих фронтами, а находящихся в Военных округах - по плану Главупроформа.

7. Мобилизованных женщин, назначаемых на перечисленные в пункте 1 должности в авиачастях, входящих в состав действующей армии ЗАВфронта, ДВФ и ЗАКВФ, обеспечивать всеми видами довольствия наравне с военнослужащими и распространить на них действие указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26.6.1941 года и Постановления Совнаркома СССР от 16.7.1940 года № 1369.

8. Главному Интенданту Красной Армии выделить к 10 мая 1942г. 40.000 комплектов обмундирования для мобилизованных женщин.

9. Начальнику Главного Продовольственного Управления КА выделить 25.000 пайков на период обучения женщин.

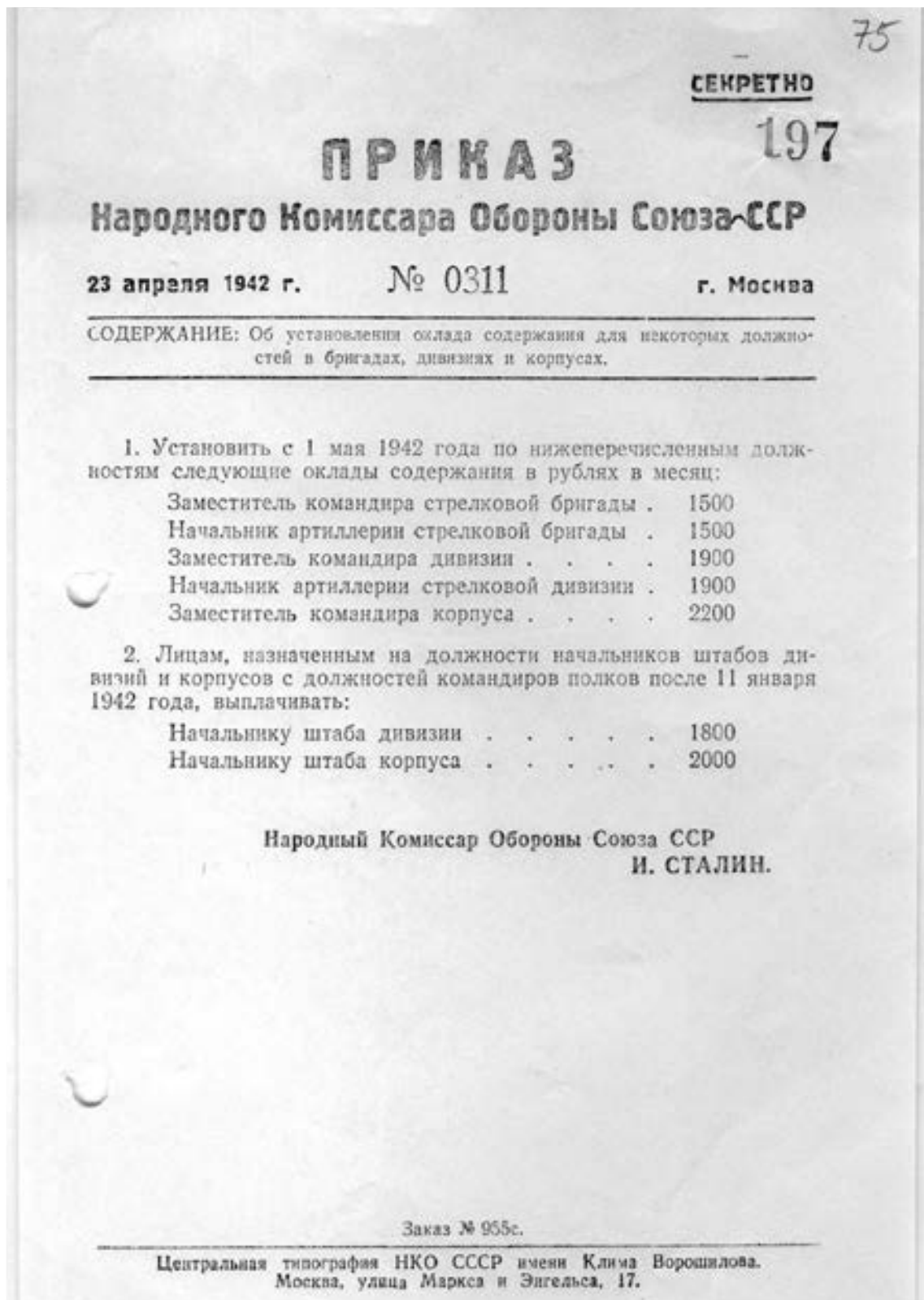
10. Командующему ВВС КА о ходе замены красноармейцев мужчин на женщин докладывать мне 15 мая, 1 июня и 1 августа 1942 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР - И. СТАЛИН.

Верно: Пом. нач. 2 отдела
Канцелярии НКО:

М. С. Г.

отп. 5 экз.
бе. 19.11.42.
№ 462.

76

СЕКРЕТНО
Виз. № 70

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОВЕТА ССР
№ 0324
25 апреля 1942 года
гор. Москва

В целях более планомерной организации работы Генерального Штаба Красной Армии ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Генеральный Штаб Красной Армии иметь в составе:

- а) Оперативного Управления.
- б) Главного Разведывательного Управления.
- в) Организационного Управления.
- г) Управления Устройства Оперативного Тыла.
- д) Управления Укреплённых районов.
- е) Шифровального Управления.
- ж) Военно-топографического Управления.
- з) Отдела по Оперативным перевозкам.
- и) Отдела по Использованию опыта войны.
- к) Военно-исторического отдела.
- л) Отдела Кадров.
- м) Общего отдела.
- н) Группы Офицеров Генерального Штаба Красной

Армии (из расчёта: по 2 человека на корпус, по 3 человека на армию и по 3 человека на фронт).

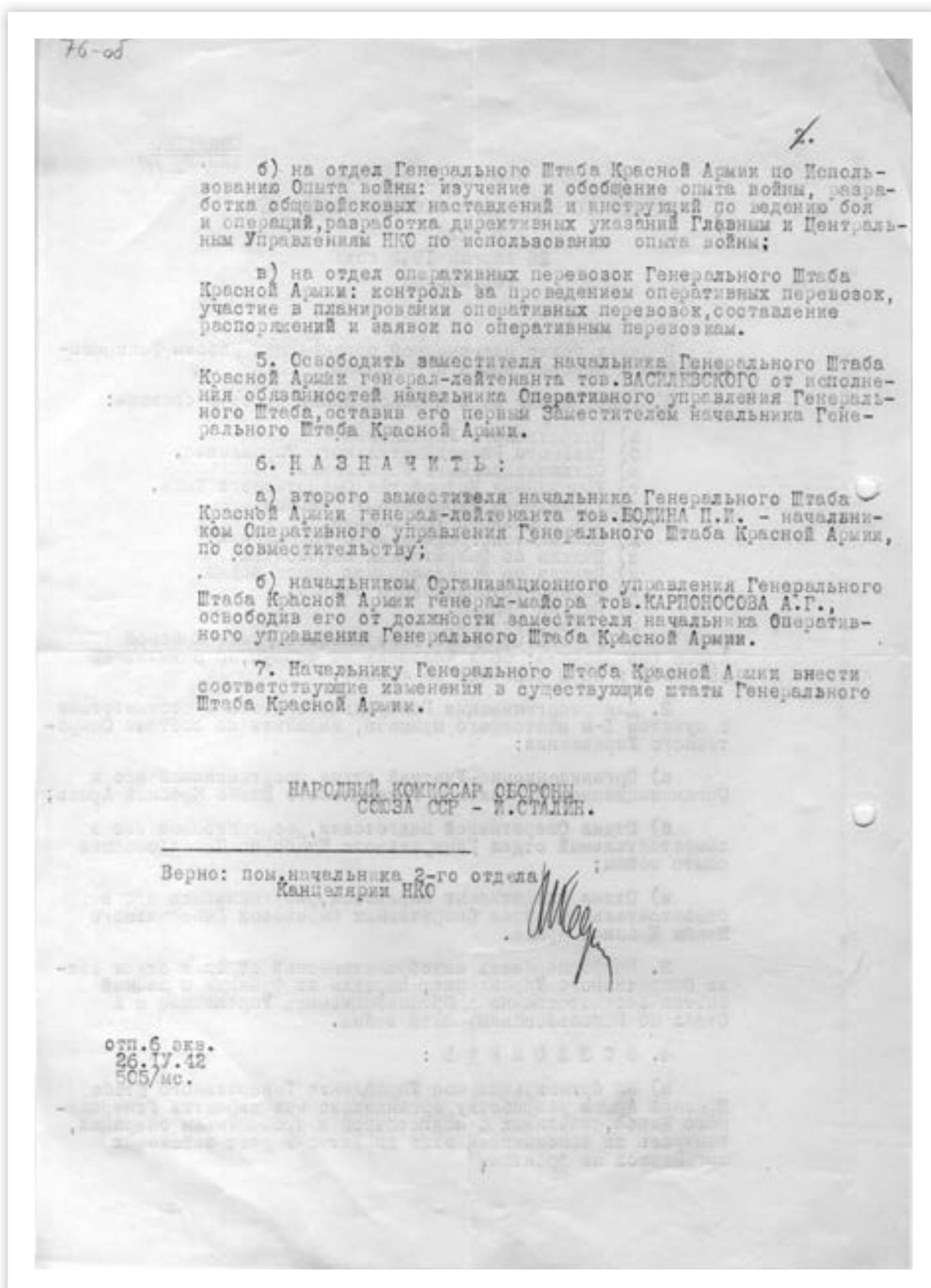
2. Для реорганизации Генерального Штаба в соответствии с пунктом 1-м настоящего приказа, выделить из состава Оперативного Управления:

- а) Организационно-Учётный отдел, реорганизовав его в Организационное Управление Генерального Штаба Красной Армии;
- б) Отдел Оперативной подготовки, реорганизовав его в самостоятельный отдел Генерального Штаба по Использованию опыта войны;
- в) Отдел Оперативных перевозок, реорганизовав его в самостоятельный отдел Оперативных перевозок Генерального Штаба Красной Армии.

3. Расформировать автобронетанковый отдел и отдел связи Оперативного Управления, передав их функции и личный состав соответственно в Организационное Управление и в Отдел по Использованию опыта войны.

4. В О С Л О Ж И Т Ь :

- а) на Организационное Управление Генерального Штаба Красной Армии разработку организационных директив Генерального Штаба, связанных с подготовкой и проведением операций, контроль за выполнением этих директив и учёт войсковых организаций на фронтах;

СЕКРЕТНО

565

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

28 апреля 1942 г.

№ 0333

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О повышении окладов содержания командирам и военным комиссарам корпусов.

1. Объявляю для исполнения постановление Государственного Комитета Обороны от 23 апреля 1942 г. № ГОКО—1636с «О повышении окладов содержания командирам и военным комиссарам корпусов».

2. Командирам и военным комиссарам авиационных корпусов оклады содержания выплачивать в ныне существующих размерах.

Заместитель Народного Комиссара Обороны Союза ССР

генерал-лейтенант интендантской службы ХРУЛЕВ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ ГОКО—1636с

от 23 апреля 1942 года, г. Москва, Кремль.

О повышении окладов содержания командирам и военным комиссарам корпусов

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Установить с 1 мая 1942 года оклады содержания командиру и военному комиссару корпуса 2500 рублей в месяц.

2. Настоящее постановление не распространять на должности, приравненные к должностям командиров и военных комиссаров корпусов.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН.

Заказ № 1008с.

Центральная типография НКО СССР имени Клим Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

П Р И К А З

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 139

12 мая 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: Об обязательном возврате с фронта в тыл стреляных гильз и установлении премий за сдачу гильз.

В практике работы артиллерийских частей и подразделений проявляется преступное отношение к сбору стреляных гильз. Командиры и комиссары частей и соединений, повидимому, не понимают государственной важности этого мероприятия, позволяющего увеличить выпуск боеприпасов.

В целях полного возврата в тыл страны стреляных гильз **приказываю:**

1. Военным советам фронтов, армий, командирам и комиссарам частей организовать систематический сбор всех стреляных гильз, вывоз их к железнодорожным станциям и отправку в тыловые артиллерийские склады.

2. Установить порядок полного возврата оружейных стреляных гильз и во всяком случае не менее 75% от количества израсходованных выстрелов.

3. Начальнику Главного артиллерийского управления отпуск фронтам выстрелов производить строго по плану. При сдаче фронтами стреляных гильз менее 75% от расхода выстрелов за истекший месяц, намеченный по плану, отпуск выстрелов уменьшить на количество гильз, недосданных по каждой номенклатуре.

4. Начальникам артиллерии фронтов, армий, дивизий снабжение частей боеприпасами поставить в прямую зависимость от возврата ими стреляных гильз, уменьшая отпуск на количество недосданных гильз.

5. В целях поощрения за сбор и возврат в тыл страны стреляных гильз отечественного производства более 75% от количества израсходованных выстрелов, а также стреляных гильз противника, ввести с 1 мая 1942 г. систему денежных премий начсоставу полевых частей, работников арсеналов и тыла.

Для премирования выделять в распоряжение военных советов фронтов и отдельных армий за каждую стреляную гильзу отечественного производства, отправленную фронтами и отдельными армиями в тыл сверх установленной нормы, и за каждую собранную и отправленную латунную гильзу противника (применительно к нашим калибрам):

37—45-мм калибра — 3 рубля,

76—85-мм калибра и 122—152-мм (гаубичные) — 10 рублей,

107—122—152-мм калибра (пушечные) — 12 рублей.

— 2 —

Из этой суммы выделять для премирования:

а) командиров и комиссаров дивизионов, командиров батарей и взводов — 25 %;

б) начальников боепитания полков и начальников команд по сбору стреляных гильз — 40 %;

в) младшего начальствующего и рядового состава — 25 %;

г) работников артснабжения дивизий (начальствующий и технический состав артснабжения дивизий), личного состава транспортных частей и подразделений за доставку орудийных гильз попутным порожняком из района огневых позиций и дивизионных обменных пунктов до железнодорожных станций — 10 %.

Выдачу премий производить в соответствии с фактическими результатами по сбору гильз.

6. Использование сумм, выделяемых для премирования, в соответствии с пунктом 5 приказа, не по прямому назначению запрещается.

7. Выдачу премий производить финорганам от полка и выше по представлению справок о сдаче гильз, выдаваемых в полках начартснабами полков, в дивизиях — начартснабами армий, в автобatalьснах подвоза и подразделениях гужевого транспорта — командирами батальонов и рот.

8. Расходы по выплате премий относить по смете ГАУ на заготовку снарядов.

Финансовому управлению НКО и Главному артиллерийскому управлению Красной Армии отпуск средств на выплату премий производить по заявкам начальников артснабжения фронтов и отдельных армий и представленным документам о сдаче стреляных гильз.

9. Военным советам фронтов и армий представлять к правительственной награде личный состав полевых артиллерийских частей и органов тыла, особо проявивших себя в выполнении настоящего приказа.

10. Настоящий приказ объявить всему личному составу полевых артиллерийских частей, органов артснабжения и тыла.

Народный Комиссар Обороны

И. СТАЛИН.

Заказ № 452а.

Центральная типография НКО СССР имени Клим Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ

200

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 0387

17 мая 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О повышении окладов содержания и присвоении званий снайперам на фронте.

1. Объявляю для исполнения Постановление Государственного Комитета Обороны от 13 мая 1942 года № ГОКО—1744сс «О повышении окладов содержания и присвоении званий снайперам на фронте».

2. Установленные настоящим Постановлением ГОКО оклады содержания для снайперов выплачивать:

а) только на фронте, а также больным и раненым снайперам, поступившим из Действующей армии за время нахождения в госпитале и в отпуску по ранению или болезни;

б) за период обучения в военных училищах, если указанные оклады выше установленных для курсантов.

**Заместитель Народного Комиссара Обороны
генерал-лейтенант интендантской службы ХРУЛЕВ.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ ГОКО—1744сс

13 мая 1942 г.

гор. Москва, Кремль.

**О повышении окладов содержания и присвоении званий
снайперам на фронте**

В целях развития снайперского дела и поощрения боевой работы стрелков-снайперов Государственный Комитет Обороны

п о с т а н о в л я е т:

1. Комплектование должностей снайперов на фронте производить красноармейцами — отличными стрелками, вполне овладевшими своим оружием, с одновременным присвоением звания «Ефрейтор».

2. Установить с 1 мая 1942 года снайперу-ефрейтору на фронте оклад содержания 25 руб. в месяц.

— 2/—

3. За отличие в боях снайперам-ефрейторам, независимо от продвижения по должности, присваивать звание младшего сержанта и сержанта и выплачивать оклады содержания:

	по 1 и 2 году службы	по 3 году службы
Младшему сержанту	30 руб.	100 руб.
Сержанту	35 руб.	200 руб.

При представлениях к Правительственным наградам особо обращать внимание на отличившихся в боях снайперов.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН

Набор № 3.

Заказ № 1122с.

Центральная типография НКО СССР имени Клина Ворошилова.
Москва, улица Маркса и Энгельса, 17.

СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ

200

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 0388

17 мая 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О повышении оплаты и присвоении званий рядовому, младшему и среднему начальствующему составу пулеметных частей и подразделений.

1. Объявляю для исполнения Постановление Государственного Комитета Обороны от 11 мая 1942 года № ГОКО—1726сс «О повышении оплаты и присвоении званий рядовому, младшему и среднему начальствующему составу пулеметных частей и подразделений».

2. Настоящее Постановление распространить на подразделения станковых пулеметов и пулеметчиков ручных пулеметов стрелковых, кавалерийских, мотострелковых, мотоциклетных частей и соединений и пулеметно-артиллерийских батальонов УР.

3. Сохранить пулеметчикам оклады содержания за период обучения в военных училищах, если указанные оклады выше установленных для курсантов.

**Заместитель Народного Комиссара Обороны
генерал-лейтенант интендантской службы ХРУЛЕВ.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ ГОКО—1726сс

от 11 мая 1942 г.

гор. Москва, Кремль.

О повышении оплаты и присвоении званий рядовому, младшему и среднему начсоставу пулеметных частей и подразделений

В целях наиболее эффективного использования пулеметного оружия, повышения роли и ответственности рядового, младшего и среднего начсостава пулеметных частей и подразделений, а также укомплектования их лучшим составом Государственный Комитет Обороны **п о с т а н о в л я е т:**

1. Комплектование должностей помощников наводчиков станковых и ручных пулеметов производить красноармейцами, вполне овладевшими своим оружием, с одновременным присвоением звания «Ефрейтор».

2. Повысить с 1 мая 1942 года оклады содержания рядовому, младшему и среднему начальствующему составу до следующих размеров в рублях в месяц:

а) по должностям среднего начальствующего состава частей и подразделений станковых пулеметов:

командиру и политическому руководителю	
роты, эскадрона	до 800 руб.

134-05

СЕКРЕТНО

- 2 -

заместителю командира роты, эскадрона . . . до 750 руб.
командиру взвода . . . до 700 руб:

б) по должностям рядового и младшего начальствующего состава частей и подразделений станковых пулеметов:

	по 1 и 2 году службы	по 3 году службы
старшине роты . . .	до 65 руб.	до 300 руб.
пом. командира взвода . . .	до 45 руб.	до 250 руб.
командиру отделения (начальник пулемета) . . .	до 38 руб.	до 200 руб.
зам. к-ра отд. (наводчик) . . .	до 30 руб.	до 100 руб.
пом. наводчика станк. пулемета . . .	до 20 руб.	
остальным номерам пулеметных расчетов . . .	до 17 руб.	

в) по должностям рядового и младшего начсостава подразделений ручных пулеметов:

	по 1 и 2 году службы	по 3 году службы
зам. к-ра отделения (наводчик) . . .	до 15 руб.	75 руб.
пулеметчик (пом. наводчика) . . .	до 12 р. 50 к.	

3. В целях поощрения пулеметчиков установить:

а) За отличие в боях пулеметчикам станковых пулеметов независимо от продвижения по должности присваивать очередные воинские звания и выплачивать содержание:

	по 1 и 2 году службы	по 3 году службы
командиру отделения (нач. пулемета) — «Ст. сержант» . . .	45 руб.	250 руб.
зам. командира отделения (наводчик) — «Сержант» . . .	35 руб.	200 руб.
пом. наводчика пулемета — «Младший сержант» . . .	25 руб.	75 руб.
пулеметчику — «Ефрейтор» . . .	20 руб.	

б) За отличие в боях пулеметчикам ручных пулеметов независимо от продвижения по должности присваивать воинские звания и выплачивать оклады содержания:

	по 1 и 2 году службы	по 3 году службы
зам. командира отделения «Сержант» . . .	17 р. 50 к.	100 руб.
пулеметчику (пом. наводчика) «Младший сержант» . . .	15 руб.	75 руб.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН.

ПРИКАЗ

СОВ. СЕКРЕТНО
экз. № 10

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 00117

„ 6 “ и ю н я 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О формировании 6-й Воздушной армии.

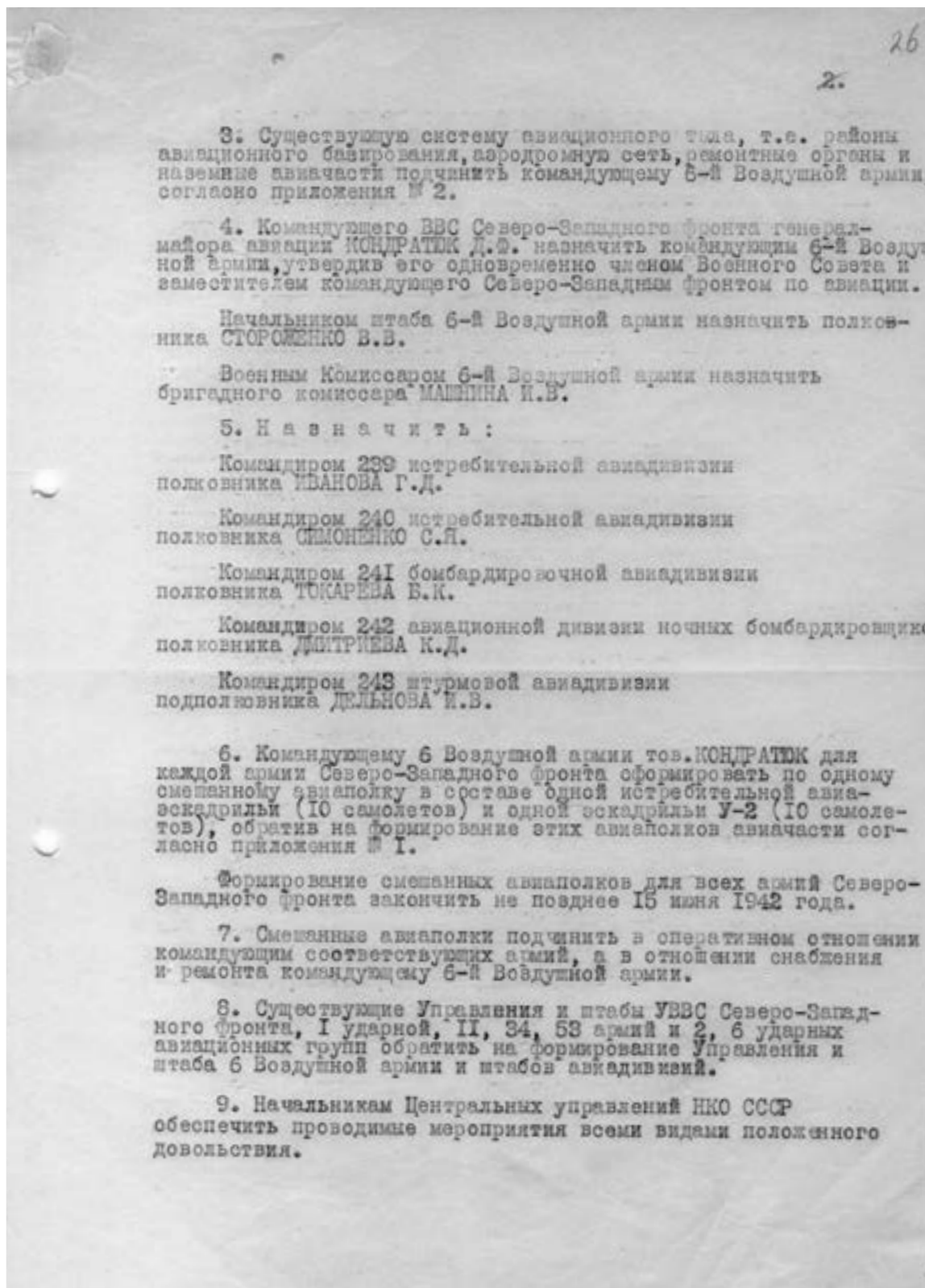
В целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиаударов, — объединить авиасилы Северо-Западного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование 6-й Воздушной армии.

В составе 6-й Воздушной армии иметь:

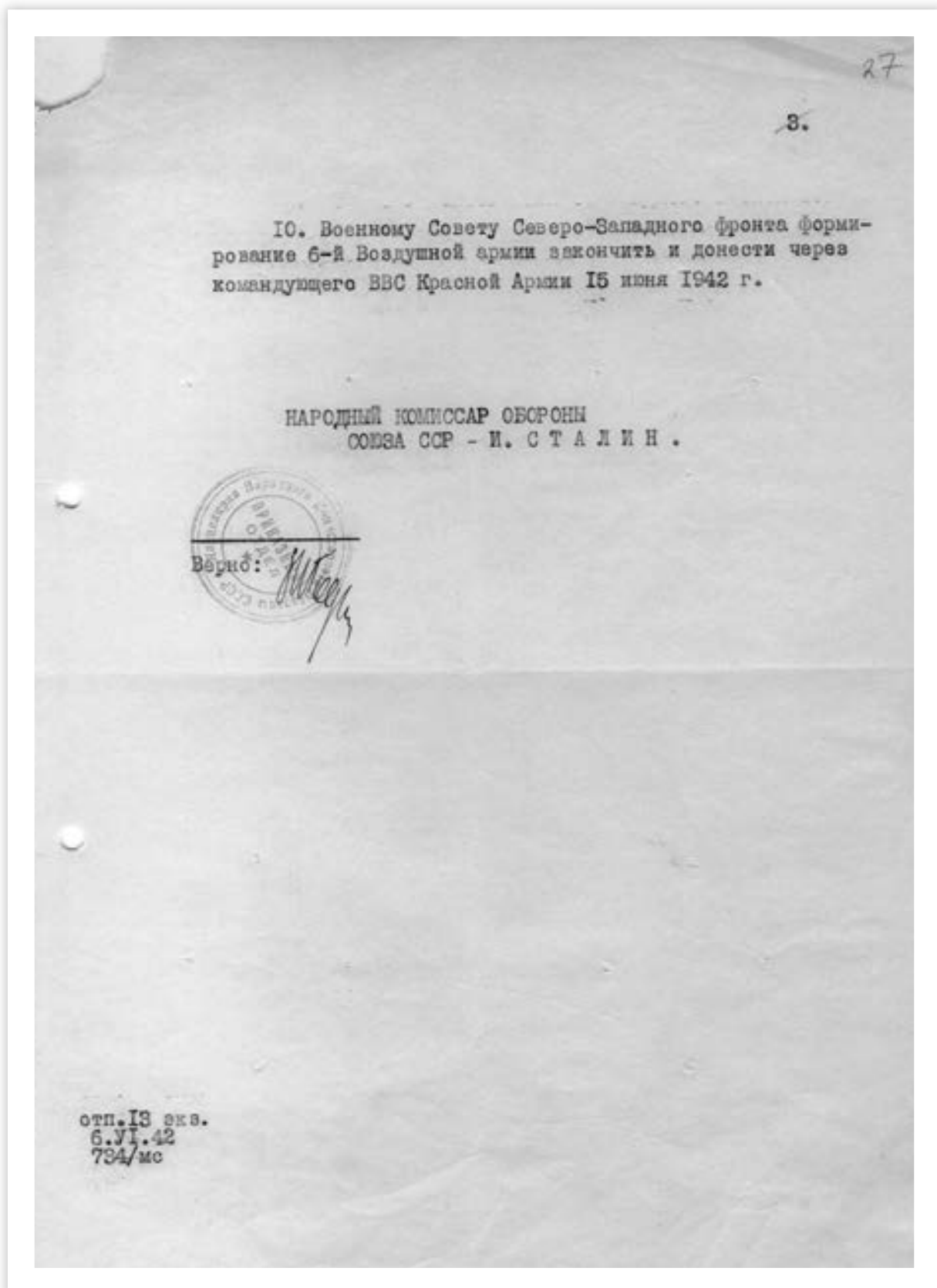
- а) 239 и 240 истребительные авиадивизии каждая в составе 3-х истребительных авиаполков.
- б) 241 бомбардировочную авиадивизию в составе двух полков Пе-2 и одного полка Ил-4.
- в) 242 авиационную дивизию ночных бомбардировщиков в составе одного полка СБ и трех полков У-2.
- г) 243 штурмовую авиационную дивизию в составе двух полков Ил-2.
- д) 8-й отдельный учебно-тренировочный авиаполк.
- е) 645 отдельный ночной авиаполк в составе 20 самолетов У-2.
- ж) 6-ю отдельную дальне-разведывательную авиационную эскадрилью в составе 6 самолетов Пе-2.
- з) 29-ю отдельную авиаэскадрилью связи в составе 10 самолетов У-2.
- и) 699 отдельный транспортный авиаполк в составе 20 самолетов У-2.

2. На формирование 6-й Воздушной армии обратить авиаполки ВВС Северо-Западного фронта, сведя их в авиадивизии. Авиационные полки, не включенные в состав 6 Воздушной армии, отвести в запасные авиаполки для доукомплектования и переучивания.

Командующему ВВС Красной Армии тов. НОВИКОВУ недостающую материальную часть для укомплектования 6-й Воздушной армии пополнить в июне 1942г. согласно приложения № I и в дальнейшем дополнить истребительные авиадивизии до 4-х полкового состава и штурмовую авиадивизию до 3-х полкового состава.

22

Приложение № I к приказу
НКО № 00117-1942г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ака. № 10

П Л А Н
О Р Г А Н И З А Ц И О Н Н ы х м е р о п р и я т и й п о о б р а з о в а н и ю л е т н ы х ч а с т е й 6-й
В О З Д У Ш Н О Й А Р М И И С Е В Е Р О - З А П А Д Н О Г О Ф Р О Н Т А.

Наименование частей	№ штатов	Положено самолетов		Обращается на формирование		Подает с 1 мая 1942г.	
		Тип	Кол.	Наименование частей	Надпись на 30	Тип	К-во
6-я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ.							
Управление Воздушной армии	015/204	-	-	Управление ВВС Северо- Западного фронта.	-	-	-
239 ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИОННАЯ.							
Управление авиадивизии	015/145	-	-	Управление 6-й ударной авиакорпуса.	-	-	-
485 истребительный авиаполк.	015/174	Харри- кейн	20	485 истребительный авиа- полк. Подается на резерв.	Харри- кейн.	9	-
238 истребительный авиаполк.	015/174	Лэгг-3	20	238 истребительный авиа- полк и часть 291 ИАП.	Лэгг-3	20	-
402 истребительный авиаполк.	015/174	Як-1	20	402 истребительный авиа- полк и часть 580 ИАП. Подается на резерв.	Як-1	15	-
240 ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИОННАЯ.							
Управление авиадивизии	015/145	-	-	Управление ВВС I ударной армии.	-	-	-

23

2.

Наименование частей	№ штатов	Положено с-тов		Обращается на формирование		Подает с 1 мая 1942г.	
		Тип	Кол.	Наименование частей	Надпись на 30	Тип	Кол.
21 Гвардейский истреби- тельный авиаполк	015/134	Як-1	32	21 гвардейский истребитель- ный авиаполк и часть 517, 295 и 436 ИАП. Подается на резерв.	Лэгг-3	13	-
161 истребительный авиаполк	015/174	Як-1	20	161 истребительный авиаполк. Подается на резерв.	Як-1	15	-
744 истребительный авиаполк	015/174	Як-1	20	744 истребительный авиаполк часть 428 и 774 ИАП. Подается на резерв.	Як-1	12	-
241 БОМБАРОСЧЕВАЯ АВИАЦИОННАЯ.							
Управление авиадивизии	015/145	-	-	Управление ВВС 52 армии	-	-	-
72 бомбардировочный авиаполк	015/173	Пе-2	20	72 бомбардировочный авиаполк. Подается на резерв.	Пе-2	15	-
58 Краснознаменный бом- бардировочный авиаполк.	015/173	Пе-2	20	58 Краснознаменный бомбар- дировочный авиаполк. Подается на резерв.	Пе-2	12	-
616 Дальне-бомбарди- ровочный авиаполк.	015/244	Ил-4	20	616 и 842 дальне-бомбарди- ровочные авиаполки.	Ил-4	22	-
242 НОЧНАЯ БОМБАРОСЧЕВАЯ АВИАЦИОННАЯ.							
Управление авиадивизии	015/145	-	-	Управление ВВС II армии:	-	-	-

30

-8-

1	2	3	4	5	6	7	8
55 авиационный полк ночных бомбардировщиков	ОИВ/173	СВ	20	55 бомбардировочный авиационный полк и истребители 604 бомбардир. авиационная.	СВ	20	-
717 авиационный полк ночных бомбардировщиков	ОИВ/186	У-2	20	717 авиационный полк ночных бомбардировщиков. На ресурсах фронта.	У-2	16	-
661 авиационный полк ночных бомбардировщиков	ОИВ/186	У-2	20	661 авиационный полк бомбардировщиков. На ресурсах фронта.	У-2	4	-
707 авиационный полк бомбардировщиков	ОИВ/186	У-2	20	707 авиационный У-2. На ресурсах фронта.	У-2	11	-
21 отдельная тактико-бомбардировочная авиационная группа.	ОИВ/183	ТБ-3	12	21 отдельная тактико-бомбардировочная авиационная группа и истребители 677 авиационная.	ТБ-3	6	-
243 ИТТМОВАЯ АВИАЦИОННАЯ					Р-5	3	
Управление авиационной	ОИВ/145	-	-	Управление ВВС 34 армии	Р-5	1	
74 истребитель авиационный	ОИВ/156	Ил-2	20	74 истребитель авиационный и истребители 232, 567, 568, 508, 502 истребитель авиационный, стоящих в резерве.	Ил-2	20	-
288 истребитель авиационный.	ОИВ/156	Ил-2	20	288 истребитель авиационный подается из резерва Главного командования.	Ил-2	-	20
6 дальне-разведывательная авиационная группа	ОИВ/181	Ил-2	6	321 разведывательная авиационная группа и истребители 614 истребитель авиационный.	Ил-2	6	-

31

-4-

1	2	3	4	5	6	7	8
29 отдельная авиационная группа	ОИВ/226	У-2	10	29 отдельная авиационная группа и истребители на ресурсах фронта.	У-2	10	-
367 отдельная авиационная группа С.З. фронта	ОИВ/235	У-2	10	367 авиационная группа	У-2	10	-
8 отдельный смешанный учебно-тренировочный авиационный полк	ОИВ/235	Ил-2	3	Подается из резерва	Ил-2	-	2
		Ил-2	3	Ил 302 истребитель авиационный.	Ил-2	2	-
		Ил-1	3	Подается из резерва	Ил-1	-	2
		Лагг-3	3	Подается из резерва	Лагг-3	-	2
645 отдельный авиационный полк ночных бомбардировщиков	ОИВ/186	У-2	20	645 авиационный полк ночных бомбардировщиков. На ресурсах фронта.	У-2	13	-
699 транспортный авиационный полк	ОИВ/221	У-2	20	699 транспортный авиационный полк и истребители 690 транспортный авиационный У-2.	У-2	7	-
674 отдельный смешанный авиационный полк I ударной армии	ОИВ/256	Лагг-3	10	674 авиационный и 366 отдельная авиационная группа.	У-2	20	-
677 отдельный смешанный авиационный полк II армии.	ОИВ/256	Лагг-3	10	677 авиационный и 367 авиационная группа	У-2	10	-
697 отдельный смешанный авиационный полк 34 армии	ОИВ/256	Ил-1	10	697 авиационный У-2	У-2	10	-
649 отдельный смешанный авиационный полк 38 армии	ОИВ/256	Лагг-3	10	649 авиационный У-2	У-2	10	-

32

1	2	3	4	5	6	7	8
642 отдельный смешанный авиационный полк 27 авиации	016/256	Ил-1 У-2	10 10	642 авиационный У-2	У-2	10	
Итого по 6 воздушной армии:		Харков-хейк	20			9	11
		Харков	58			33	9
		Ил-1	115			42	17
		Ил-4	20			22	-
		По-2	49			33	-
		Ил-2	48			22	20
		СВ	20			20	-
		У-2	170			170	-
		ТВ-3	12			6	-
		С-14	-			6	-
		Самолеты	-			-	-
Всего:			502			365	57

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВВС КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АННАНИН - ХУДИКОВ.	ВОЕННЫЙ КОММУССАР ШТАБА ВВС КРАСНОЙ АРМИИ БРЯТАННИК КОММУССАР - НИКОЛАЕВ.
НАЧАЛЬНИК ОРГАНОВ ШТАБА ВВС КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АННАНИН - СОКОЛОВСКОЕ.	

5 июня 1942г.

Всего: 502

с. 13. 19. 42.
8. 11. 42.
734/мс.

33

Приложение № 2 к приказу
НКО № 60117 - 42г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ВЗ. № 10

П Л А Н
Организационных мероприятий по формированию наземных
частей 6-й Воздушной армии Северо-Западного фронта.

№ п.п.	Наименование частей	№ штатов	примечание
1	2	3	4
1	105 отдельный батальон связи 6 Воздушной армии	015/215	
2	6-я отдельная химическая рота	015/188-А	
3.	3-я отдельная малочислен- торная рота службы ЗОС	015/197	
4.	18 отдельная рота службы ЗОС	015/196	
5.	5 отдельный маскировочный завод	029/206	
6.	84 отделение полевой связи	029/201	
7.	1820 полевая почтовая станция 6 Воздушной армии	029/202-А	
8.	Военная прокуратура 6 Воздуш- ной армии.	029/210	
9.	Военный трибунал 6 Воздушной армии.	015/179	
10.	101 отдельная рота связи 239 авиадивизии	015/217	
11.	844 полевая почтовая станция 239 авиадивизии	029/202-Б	
12.	54 отдельная рота связи 240 -авиадивизии	015/217	
13.	2089 полевая почтовая станция 240 авиадивизии	029/202-Б	
14.	50 отдельная рота связи 241 авиадивизии	015/217	
15.	2088 полевая почтовая станция 241 авиадивизии	029/202-Б	

34
2.

1	2	3	4
16.	153 отдельная рота связи -242 авиадивизии	015/217	
17.	2020 полевая почтовая станция 242 авиадивизии.	029/202-B	
18.	III отдельная рота связи 243 авиадивизии.	015/217	
19.	845 полевая почтовая станция 243 авиадивизии	029/202-B	
20.	<u>7 РАЙОН АВИАЦИОННОГО БАЗИ- РОВАНИЯ.</u>		
20.	Управление района авиаба- зирования	015/165	
21.	7 отдельная рота связи авиа- района	015/233	
22.	Военная прокуратура	15/169	
23.	Военный трибунал	015/179	
24.	497 Полевая почтовая станция	029/202-B	
25.	Полевая касса Госбанка	04/16	
26.	107 отдельный автотранспортный батальон	029/205	
27.	Техническая команда по уборке самолетов	015/139	
28.	73, 74, 130, 403, 685, 90 ⁶⁸⁶ батальо- ны аэродромного обслуживания	015/203-B	
29.	3 и 7 комендатура авиационного гарнизона	015/125-A	
30.	10 и 23 автомобильные кисло- родно-добывающие станции	029/69	
31.	2003 головной авиационный склад	029/101	
	<u>60 РАЙОН АВИАЦИОННОГО БАЗИ- РОВАНИЯ.</u>		
32.	Управление района авиабази- рования	015/165	
33.	60 отдельная рота связи авиа- района	015/233	
34.	Военная прокуратура	015/169	

35

8.

1	2	3	4
35.	Военный трибунал	015/179	
36.	1821 полевая почтовая станция	029/202-В	
37.	- " - полевая касса Госбанка	04/16	
38.	160 отдельный автотранспортный батальон	029/205	
39.	1955 Головной авиационный склад	029/101	
40.	Техническая команда по уборке самолетов	015/139	
41.	75, 129, 235, 782, 783, 76, 112 батальоны аэродромного обслуживания	015/203-В	
42.	1997, 2009 головной авиационный склад	029/101	
43.	14, 30 и 29 инженерно-аэродромные батальоны	015/101	
44.	27 авиационный технический склад	29/13-В	
45.	12, 614 авиационный склад боеприпасов	29/23-А	
46.	620 авиационный склад боеприпасов	29/23-В	
47.	8 стационарн. авиамастерская	029/35-А	
48.	57 стационарные авиамастерск.	029/35-В	
49.	163 стационарн. авиамастерск.	029/35-В	
50.	17 подвижные авиационные ремонтные мастерские на автомобилях (ПАРМ-3)	029/230	
51.	11 подвижные авиационные ремонтные мастерские (ПАРМ-35)	029/907	
52.	16 подвижные железнодорожные мастерские	029/34	
53.	5 отдельная рота аэрофотослужбы	029/208-А	

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВВС КРАСНОЙ АРМИИ ВОЕННЫЙ КОМИССАР ШТАБА ВВС КР. АРМИИ
 ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ - ХУДЯКОВ. БРИГАДНЫЙ КОМИССАР - НИКУЛИН.
 НАЧАЛЬНИК ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ШТАБА ВВС КР. АРМИИ
 ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ - СОКОЛОВЕРОВ.
 5 июня 1942 г.

Верно:

отп. 13 экз.
 6. VI. 42
 734.

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 181

11 июня 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: С объявлением постановления СНК СССР «О лишении воинского звания генерал-майора Безуглого И. С.».

Объявляю постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июня 1942 года № 904 «О лишении воинского звания генерал-майора Безуглого И. С.».

Заместитель Народного Комиссара Обороны
Союза ССР генерал-майор РУМЯНЦЕВ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

№ 904

10 июня 1942 г.

Москва, Кремль

О лишении воинского звания генерал-майора
Безуглого И. С.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

За недисциплинированность, невыполнение в срок приказаний Военного совета Воздушно-десантных войск Красной Армии о передаче самолетов другим соединениям генерал-майора Безуглого Ивана Семеновича лишить генеральского звания, присвоив ему звание «полковник».

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
И. СТАЛИН.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Союза ССР Я. ЧАДАЕВ.

Заказ № 575а.

Центральная типография НКО СССР имени Клыма Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

СЕКРЕТНО

П Р И К А З

16

Народного Комиссара Обороны

№ 0841

22 октября 1942 г.

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О применении зенитных средств при наступлении наших войск.

Опыт проводимых наступательных операций показал, что противник массированными действиями своей авиации задерживает наступление наших ударных группировок и, обычно, не дает им развивать успех.

Главные усилия авиации противника сосредоточиваются на наших ударных группировках по районам их сосредоточения, а особенно во время их боевых действий и продвижения вперед.

Из опыта боевых действий выяснилось, что распыленное применение войсковых зенитных средств ПВО нужных результатов не дает, авиация противника действует почти безнаказанно, наносит поражение и морально воздействует на наши части, прижимая их к земле.

Приказываю:

1. Для прикрытия от авиации противника ударных группировок в исходном положении и при наступлении, кроме использования авиации прикрытия, создавать **зенитные группы** из армейских полков ПВО и за счет изъятия зенбатарей и зенитных пулеметных рот стрелковых и других соединений, действующих на главном и второстепенных направлениях.

В зенитную группу назначать от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ всех войсковых зенитных средств фронта (армии).

Зенитную группу придавать ударной группе армии или фронта для ее прикрытия.

2. Особо тщательно, на месте и в движении, организовывать службу наблюдения и оповещения, чтобы зенитная группа успевала своеаремленно изготавливаться к открытию огня по авиации противника и создавать заградительный огонь, а войска успевали принимать необходимые меры к уменьшению потерь от бомбежек и пулеметного обстрела вражеской авиации.

3. Командование зенитной группой наступающей армии возлагать на заместителя начальника артиллерии армии по ПВО, в распоряжение которого штабу армии выделять необходимые средства связи.

4. Всему командному составу всех родов войск оказывать содействие и нужную помощь зенитным батареям и пулеметным ротам зенитной группы, продвигающимся за наступающими войсками: пропускать их вне очереди через переправы, разрешать обгонять колонны войск на дорогах, помогать зенитным частям при съездах с дорог для занятия ими огневых позиций.

Народный Комиссар Обороны

И. СТАЛИН.

Заказ № 2238с.

Центральная типография НКО СССР имени Клина Ворошилова.

ПРИКАЗ

СОВ. СЕКРЕТНО
экз. № 1

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 00224

23-го октября 1942 г.

г. Москва

В целях высвобождения годных к строевой службе рядового и младшего командного состава, для укомплектования боевых частей, ПРИКАЗЫВАЮ:

В войсках противовоздушной обороны территории страны высвободить 50.000 красноармейцев и младшего начсостава, годных к строевой службе, заменив их женщинами по следующим специальностям:

- а) в зенитной артиллерии - номеров орудийного расчета и приборных отделений, разведчиков и телефонистов -
ВСЕГО - 31.516 человек;
- б) в зенитно-пулеметных частях - телефонистов и пулеметчиков -
ВСЕГО - 1.438 человек;
- в) в зенитно-прожекторных частях - телефонистов и номеров расчета прожекторных станций -
ВСЕГО - 4.964 человека;
- г) в частях аэростатов заграждения - телефонистов наблюдателей метеостанций, красноармейцев воздухоплавателей -
ВСЕГО - 3.373 человека;
- д) в частях ВНОС и связи - телефонистов и красноармейцев наблюдателей постов ВНОС -
ВСЕГО - 8.709 человек.

1. Замену красноармейцев женщинами провести в следующие сроки:

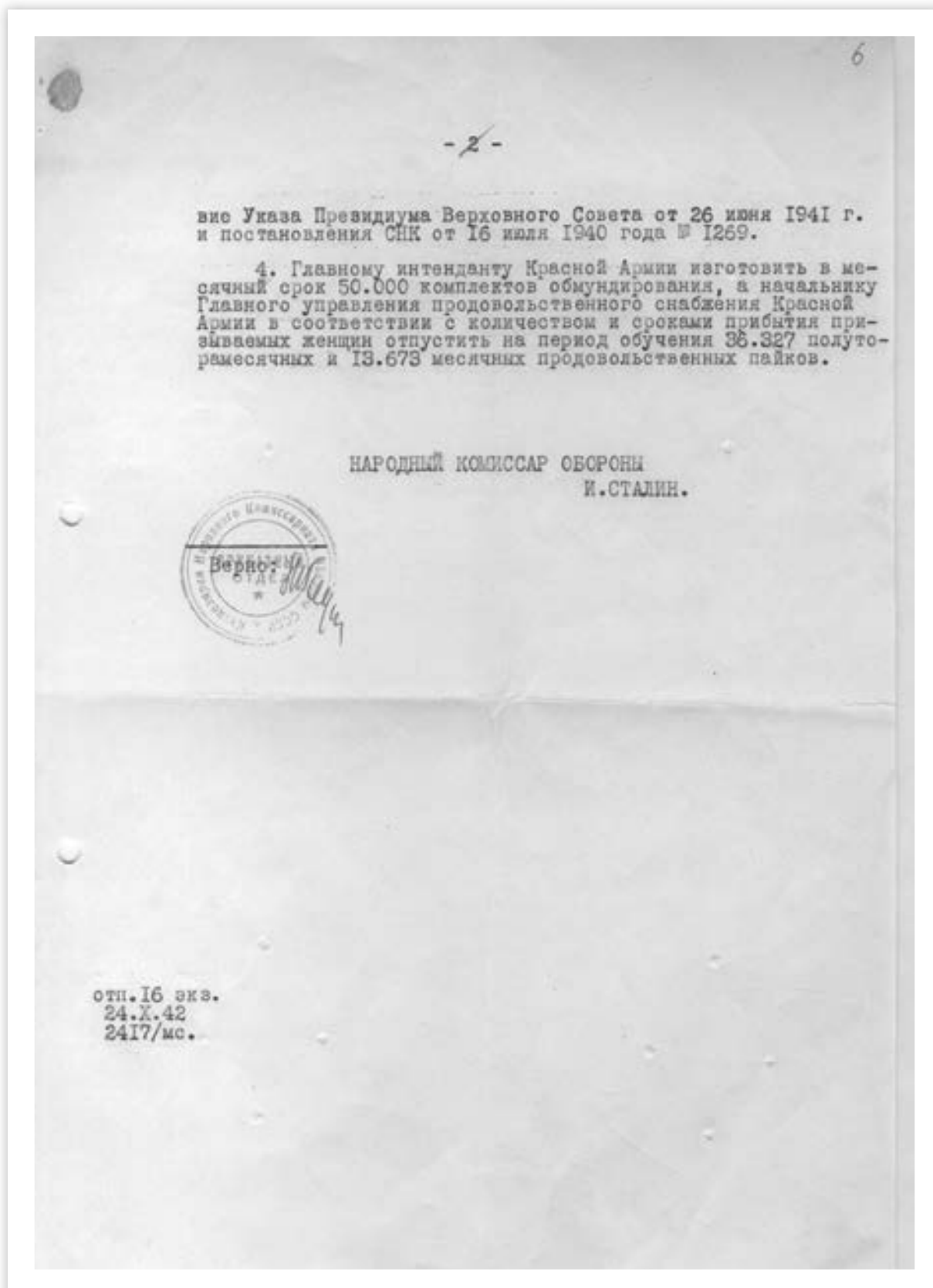
- а) специалистов в частях зенитной артиллерии, зенитных пулеметов и аэростатов заграждения - не позднее чем через полтора месяца после призыва женщин;
- б) специалистов зенитно-прожекторных частей, частей ВНОС и связи - не позднее чем через два месяца после призыва.

2. Командующему войсками ПВО территории страны:

- а) освобождающихся красноармейцев, после замены женщинами передать - 40.000 человек командующим войсками военных округов для использования их по плану Главупреформа Красной Армии и 10.000 человек использовать на укомплектование вновь формируемых частей войск ПВО территории страны;
- б) к 30 октября 1942 года дать изменения в штаты частей ПВО в связи с заменой красноармейцев женщинами.

3. Мобилизованных женщин обеспечить всеми видами довольствия наравне с военнослужащими, распространив на них дейст-

128

ТЕЛЕГРАФ Узда связи НКО СССР

ТЕЛЕГРАММА

ИЗ: У АППАРАТА МАЛИНОВСКИЙ И КОРНИЕЦ

Принята ч. м. 12.7 го 1944 г.

от: Водитель связи №

Принял: [подпись]

Разра: [подпись]

Служ. зап.: [подпись]

Подана: [подпись]

Служ. отметка:

У АППАРАТА СТАЛИН И ВАСИЛЕВСКИЙ

РАВСТВУЙТЕ =

ЗДРАВСТВУЙТЕ =

ДОКЛАДЫВАЕМ ОБСТАНОВКУ

ДОКЛАДЫВАЙТЕ КОРОТКО ?

19 10 44082

ПЕР В О Б* СЕГОДНЯ В* 11 ЧАСОВ 30 МИНУТ

ТАНКИ ПРОТИВНИКА ЗАНЯЛИ ЧЕРТКОВА

(ИМИ ВЕЛ БОЙ НАШ ДИВИЗИОН БРОНЕПОЕЗДОВ

ОТХОДЯ ПО ЛИНИИ НА МИЛДЕРОВО ТЧК

ВТОРОЕ - СЕЙЧАС ТОЛЬКО ПОСТУПИЛА НА

РАСШИФРОВКУ РАДИОГРАММА ИЗ 37 -й ЧТО

65 ТАНКОВ ПРОТИВНИКА АТАКУЮТ СО СТОРОНЫ

ШЕВЧЕНКО МАРИНОВКА ДО ЮЖНЕЕ МОСТКИ

20 КИЛОМЕТРОВ И СО СТОРОНЫ КАМЕНКА В

ОБЩЕМ НАПРАВЛЕНИИ НА НОВО АЙДАР

ВСЕГО В ОБОИХ ГРУППАХ СВЫШЕ 100 ТАНКОВ

ТЧК В 20 ЧАСОВ ЧАСТИ ПРАВОГО ФЛАНГА 37 -й

ВЕДИ С НИМИ БОЙ ТЧК ДАННЫХ О ЧАСТЯХ

ИХ ПОЛОЖЕНИИ: 9 -й АРМИИ И 38 -й

АРМИИ НЕ ИМЕЮТ ТЧК СВЯЗИ С ЭТИМИ

129

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА <hr/> <hr/> <hr/>												
Из _____	№ _____												
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принят _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 15%;">Разр.</th> <th style="width: 40%;">Чет слов</th> <th style="width: 45%;">Подана</th> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td></td> <td style="text-align: center;">_____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="padding-top: 5px;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 40px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Чет слов	Подана			_____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Чет слов	Подана											
		_____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

АРМИЯМИ СО ВЧЕРАШНЕГО ВЕЧЕРА НЕ ИМЕЮТ
 СВЯЗИ С 37 -Й АРМИЕЙ ПРОВОДОЧНАЯ СВЯЗЬ
 РАЗБИТА СЕГОДНЯ С 10 ЧАС УТРА ,
 ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ РАДИОСВЯЗЬ И ЖИВАЯ ТЧК
 37 -Я ИМЕЕТ ЗАДАЧУ К УТРУ 12 -ГО
 ОТОЙТИ РУБЕЖ НОВОАЛЕКСАНДРОВКА
 ,НОВОАЙДАР , ГРЕЧИШКИНО И ЗАТЕМ НА
 УТРО 13 -ГО НА РУБЕЖ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
 БЕЛОВОДСК ,СВЯТОДМИТРИЕВКА ТРЕХИЗБЕНКА
 ТЧК ТРЕТЬЕ- С БОЛЬШИМ НАПРЯЖЕНИЕМ
 ВЫБРАСЫВАЮТ ЧАСТИ : 24 -Я АРМИИ НА РУБЕЖ
 МИЛЛЕРОВО , РОГАЛИК , ВИШНЯКИ 73 СА
 МИЛЛЕРОВО , 335 СА РОГАЛИК , 218 СА
 ВИШНЯКИ ТЧК : 261 СА ПОДОЙДЕТ К УТРУ
 12 -ГО ПЕТРОПАВЛОВКА ТЧК В РАЙОН
 ВЕРХНЕ-ТАРАСОВКА КРАСНОВКА
 НИЖНЕ-МИТЯКИНСКИЙ УЖЕ В ДВИЖЕНИИ И К
 УТРУ 12-ГО ВЫЙДЕТ СВОДНЫЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС
 ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ШТАБА АБТУ ВО ГЛАВЕ
 ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АЛЕКСЕЕВА ТЧК ТАНКОВЫЙ
 КОРПУС И УПОМЯНУТЫЕ ВЫШЕ ДИВИЗИИ
 ОБЪЕДИНИТ КОМАНДУЮЩИЙ 24 -Й АРМИИ С
 ЗАДАЧЕЙ РОЗБИТЬ ТАНКОВУЮ ГРУППУ

130

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР		ТЕЛЕГРАММА	
Из _____		№ _____	
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г.	Разр. _____	Листов _____	Подана _____
от _____ № _____			_____ го _____ ч. _____ м.
Принят _____	Служебные отметки		

ПРОТИВНИКА НАСТУПАЮЩУЮ ОТ ЧЕРТКОВО
ДОПУСТИТЬ ЕЕ НА МИЛДЕРОВО И
ОТБРОСИТЬ НА РУБЕЖ ЧЕРТКОВО БЕЛОВОДСК
ЧЕТВЕРТОЕ - В РАЙОН БОЛЬШОЙ СУХОДОЛ
МИХАЙЛОВКА / НА РЕКЕ СЕВ ДОНЕЦ / К УТРУ
12/7 ВЫЙДЕТ 228 СД И СТРЕМИТСЯ В
РАЙОН ГЛУБОКИЙ СЕВЕРНЕЕ КАМЕНСК
ПЕРЕБРОСИТЬ 121 - К ТБР ИЗ РАЙОНА
ДАРЬЕВКА ЧТО ВОСТОЧНЕЕ РОВЕНЬКИ ЮЖНЕЕ Ч
228 СД И 121 ТБР В МОЕМ РЕЗЕРВЕ ТЧ
ПЯТОЕ - 12 - Я АРМИЯ ОТОШЛА НА РУБЕЖ
ОБВОДА - К ОТ ТРЕХИЗБЕНКА НА ЧЕРКАССКАЯ
И ЛИРИЯ И ДАЛЕЕ НА ЮГ ОТОШЛА НА
РУБЕЖ ШТЕРОВКА НОВОПАВЛОВКА 18 - Я
АРМИЯ ТЧК ОДНУ РЕЗЕРВНУЮ ДИВИЗИЮ
12 - Я АРМИИ ПРИКАЖУ ПОДНЯТЬ В РАЙОН
РАЙОН ЖОЛТОЕ ВЕСЕЛОГОРСК НА РЕКУ
СЕВЕРНЫЙ ДОНЕЦ ТЧК ВТОРУЮ ГВАРДЕЙСКУЮ
ДИВИЗИЮ ИЗ 56 - Я АРМИИ ПОДНИМАЮ В
РАЙОН КАРПОВО - КРЕПЕНСКОЕ ИМЕЯ
ВВИДУ ВДАЛЬНЕЙШЕМ ВЫВЕСТИ ЕЕ В РАЙОН
КАМЕНСК ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПО ОБСТАНОВКЕ
ТЧК ШЕСТОЕ - ОБЩЕЕ РЕШЕНИЕ ВОЧТОБЫ
ТО НИСТАЛО СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ФРОНТ НА

131

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА
--	-----------------------------------

Из _____	№ _____
----------	---------

Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принят _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 15%;">Разр.</td> <td style="width: 35%;">Счет слов</td> <td style="width: 50%;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td></td> <td style="text-align: center;">_____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 40px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана			_____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
		_____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

РУБЕЖЕ МИЛЛЕРОВО, ПЕТРОПАВЛОВКА, ЧЕРКАССКОЕ И ПРИ УСПЕШНОМ РАЗВИТИИ БОЕВ ВЫДВИНУТЬСЯ НА РУБЕЖ ЧЕРТКОВО, БЕЛОВОДСК ТРЕХИЗБЕНКА ТЧК МЕНЯ БЕСПОКОИТ ПРОСТРАНСТВО НА ВОСТОК И СЕВЕРО-ВОСТОК ОТ МИЛЛЕРОВО ТЧК ДАННЫХ О ВИДВИЖЕНИИ И ДЕЙСТВИЯХ 7 - Я РЕЗЕРВНОЙ СО СТОРОНЫ СТАЛИНГРАДА НЕ ИМЕЮ ТЧК СВЯЗИ С ВЗФ И ЕГО МЕРОПРИЯТИЯХ НЕ ИМЕЮ ТЧК

(СЛОЖИВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ КРАЙНЕ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ УДАР ВЗФ ИЗ РАЙОНА ПАВЛОВСК НОВАЯ КАЛИТВА БОГУЧАР В ОБЩЕМ НАПРАВЛЕНИИ НА КАНТЕМИРОВКА НОВОМАРКОВКА С ЗАДАЧЕЙ ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ РАЗГРОМИТЬ 40 ТАНКОВЫЙ КОРПУС ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ КАНТЕМИРОВКА ЧЕРТКОВО ТЧК КРАЙНЕ НУЖДАЮСЬ В ЗНАЧИТЕЛЬНОМ УСИЛЕНИИ АВИАЦИИ ТЧК НЕОБХОДИМЫ ОЧЕНЬ ТАНКИ ТАК КАК ПРЕДВИДЯТСЯ ПОТЕРИ СВОДНОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА И ИХ НУЖНО БУДЕТ ПОПОЛНЯТЬ ТЧК НЕОБХОДИМО ЕЩЕ ОДИН ТАНКОВЫЙ КОРПУС ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ РАЗ И НАВСЕГДА ОТБИТЬ ОХОТУ ПРОТИВНИКУ ДВИГАТЬСЯ МЕЖДУ ДОНОМ И ДОНЦОМ НА МОИ

439

133

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА

Из _____	№ _____												
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20%;">Разр.</td> <td style="width: 20%;">Счет слов</td> <td style="width: 60%;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана				Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
Служебные отметки													

ГРУППА НИКИШОВА С КОТОРОЙ ТО ЖЕ ФРОНТ
 НЕ ИМЕЕТ РЕГУЛЯРНОЙ СВЯЗИ ТЧК ТАК ДАВШЕ
 ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ ТЧК МЫ СЧИТАЕМ
 СВОЕВРЕМЕННЫМ АРМИИ ЮЖНОГО ФРОНТА И
 АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ИСКЛЮЧАЯ 21
 АРМИЮ И 3-Ю КАВ КОРПУС ОБЪЕДИНИТЬ В ЮЖНЫЙ
 ФРОНТ ПОД ВАШИМ КОМАНДОВАНИЕМ С ОБЩЕЙ
 ПРОТЯЖЕННОСТЬЮ ЛИНИИ ФРОНТА ОТ РОСТОВА
 ДО ДОНА В РАЙОНЕ ВЕВЕНСКАЯ ТЧК ЧТО
 КАСАЕТСЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ТО ЕСТЬ
 ЕГО ШТАБА И АППАРАТА ТО МЫ ДУМАЕМ ВЕСЬ
 ЭТОТ АППАРАТ ПЕРЕМЕСТИТЬ В СТАЛИНГРАД С
 ПОДЧИНЕНИЕМ ЕМУ 5 РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ, 7
 РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ ОНА СТОИТ В СТАЛИНГРАДЕ
 И 1 РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ КОТОРАЯ СКОРО
 ПРИБУДЕТ В СТАЛИНГРАД С ТЕМ ЧТОБЫ ВСЕ
 ЭТИ ТРИ АРМИИ ВМЕСТЕ С 21 АРМИЕЙ
 СОСТАВИЛИ СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ С ЗАДАЧЕЙ
 НЕ ДОПУСТИТЬ ПРОТИВНИКА ДО ДОНА В РАЙОНЕ
 СТАЛИНГРАДА.

134

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА
--	-----------------------------------

Из _____	№ _____
----------	---------

Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 15%;">Разр.</td> <td style="width: 35%;">Счет слов</td> <td style="width: 50%;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 30px;"></td> <td></td> <td>_____ / _____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 30px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана			_____ / _____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
		_____ / _____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

✓ АППАРАТА МАЛИНОВСКИЙ _____

У АППАРАТА ВАСИЛЕВСКИЙ = ПРОВУ АНТОНОВА
 ПРИНЯТЬ ДИРЕКТИВЫ СТАВКИ = НАЧИНАЮ
 ПЕРЕДАВАТЬ = ОСОБО ВАЖНАЯ ПО ПРЯМОМУ
 ПРОВОДУ ТЧК КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНЫМ ФРОНТОМ
 ТЧК КОМАНДУЮЩЕМУ ЮГО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ
 ТЧК 12 ИЮЛЯ 42 ГОДА 2.15 ТЧК СТАВКА
 ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
 Г Л И К А З У Я В Л Я Е Т : 1 / В ЦЕЛЯХ УДОБСТВА
 УПРАВЛЕНИЯ ИЗ ОДНОГО ЦЕНТРА ВОЙСКАМИ
 ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ, 28 38 ,
 57 И 9 АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
 С 6 ЧАСОВ 12 ИЮЛЯ ПЕРЕДАТЬ В СОСТАВ
 ЮЖНОГО ФРОНТА 2 / ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
 ПЕРЕИМЕНОВАТЬ В СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ ТЧК
 ВОЕННЫЙ СОВЕТ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА С
 ФРОНТОВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО
 ПЕРЕМЕСТИТЬ В СТАЛИНГРАД, ВКЛЮЧИВЬ В
 СОСТАВ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА 63 АРМИЮ
 / БЫВШУЮ 5 РЕЗЕРВНУЮ АРМИЮ / , 62 АРМИЮ
 / БЫВШУЮ 7 РЕЗЕРВНУЮ АРМИЮ / 64 АРМИЮ

135

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА 												
Из _____	№ _____												
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19____ г. от _____ № _____ Принял _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 15%;">Разр.</th> <th style="width: 35%;">Счет слов</th> <th style="width: 50%;">Подана</th> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td> <td></td> <td>_____ / _____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 20px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана			_____ / _____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
		_____ / _____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

/ БУВШУЮ 1 РЕЗЕРВНУЮ АРМИЮ / И 21 АРМИЮ
 3 / ЗАДАЧА ЮЖНОГО ФРОНТА, ИСПОЛЬЗУЯ
 РЕЗЕРВЫ И ЧАСТЬ СИЛ АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА
 ОРГАНИЗОВАТЬ РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР
 ПРОТИВНИКУ, ПРОДВИГАЮЩЕМУСЯ НА ВОСТОК
 МЕЖДУ МИЛДЕРОВО И МИГУЛИНСКОЙ ТЧК _____
 4 / ЗАДАЧА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА - СИЛАМИ
 62 И 64 АРМИЙ, ДВУХ МОРСКИХ СРЕЛКОВЫХ
 БРИГАД, ВОСМИНАДЦАТИ _____
 А ТИЛДЕРИЙСКО-ПУЛЕМЕТНЫХ УРОВСКИХ _____
 БАТАЛЬЙОНОВ, КУРСАНТОВ ВОСЬМИ УЧИЛИЩ _____
 ПРИБЫВАЮЩИХ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, _____
 ПРОЧНО ЗАНЯТЬ СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ _____
 ЗАПАДНЕЕ Р. ДОН И НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ
 НЕ ДОПУСТИТЬ ПРОРЫВА ПРОТИВНИКА _____
 ВОСТОЧНЕЕ ЭТОГО РУБЕЖА В СТОРОНУ _____
 СТАЛИНГРАДА ТЧК СИЛАМИ 63 АРМИИ ОБОРОНЯТЬ
 ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ДОН НА ЗАНИМАЕМОМ
 ЕЮ УЧАСТКЕ И НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ НЕ
 ДОПУСТИТЬ ФОРСИРОВАНИЯ ПРОТИВНИКОМ ДОНА
 ТЧК 21 АРМИЮ ПОДТЯНУТЬ В РАЙОН _____
 СЕРАФИМОВИЧ И ВОСТОЧНЕЕ ЕГО НА СЕВЕРНОМ

136

<p>ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
<p>Из _____ № _____</p>	<p>Разр. _____ Счет слов _____ По дате _____</p>
<p>Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____</p>	<p>_____ го _____ ч. _____ м. Служебные отметки</p>

БЕРЕГУ РЕКИ ДОНА, ПРИКНУВЬ ~~СВОЕ~~ ПРАВЫЙ
 ФЛАНГ К ФЛАНГУ 63 АРМИИ И ЛЕВЫЙ ФЛАНГ К
 ФЛАНГУ 62 АРМИИ, С ЗАДАЧЕЙ НИ В КОЕМ
 СЛУЧАЕ НЕ ДОПУСТИТЬ ФОРСИРОВАНИЯ
 ПРОТИВНИКОМ РЕКИ ДОН НА ЭТОМ УЧАСТКЕ И
 ПРОЧНО ОБЕСПЕЧИТЬ СТЫК 62 И 63 АРМИЙ ТЧК
 СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
 И СТАЛИН А ВАСИЛЕВСКИЙ К 170495 ТЧК -
 ПЕРЕДАД А ВАСИЛЕВСКИЙ 2,45 12/7 42 ГОДА
 П. РИНЯЯ МАЛИНОВСКИЙ И КОРНИЕЦ - -

(348 а
1/15 2

12

*Бойцы
Сталинград
24.7.42*

ТЕЛЕГРАФ
Узла связи НКО СССР

ТЕЛЕГРАММА

Bx. in 33702

Из У. АППАРАТА ГОРАВ, ХРУЩЕВ, БОДИН?

Принята ч. м. *23/VI* го 19*42*г.

от *Сталинград* №

Пришла *Бойцы*

Разр.	Счет слов	Подана

Служб. отчеты

1	В. № <i>396</i>
Лист	<i>5 X</i>

Канцелярия 1-го

У АППАРАТА СТАЛИН ЗАРАВСТВУЙТЕ

ДОЛЖИТЕ КОРОТКО ЧТО У ВАС ПРОИЗОШЛО НА

(ПРАВОМ ФЛАНГЕ)

Т. Т. Дуб:

ЗАРАВСТВУЙТЕ ТЧК ДОСЛАДЫВАЮ: 1/ ПР-К С

УТРА НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ 62А НАЧАЛ АКТИВНЫЕ

ДЕЙСТВИЯ ВВЕЛ ОДНУ ПД И ОДНУ ТД НА

УЧАСТКЕ ВЕРХ ЧЕРЕНСКИЙ, ПЕРЕЛАЗОВСКИЙ

✓ СОВХОЗ КОПАНИ ТЧК ГЛАВНЫЙ УДАР

ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ БЫЛ НАПРАВЛЕН ИЗ РАЙОНА

(ПЕРНЫШЕВСКАЯ ЧЕРЕЗ ПЕТРОВКА, КАЛАЧ КУРТ) ЛА

ИСХОДА АТАКОВАЯ ПЕРЕДНИИ КРАИ 33 ГСД

ИЗ ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЮ 150 ТАНКОВ

НАМИ ПОДБИТО 35 ТАНКОВ, ДО 30 ТАНКОВ

ВКЛИНИЛИСЬ В ЛИНИИ ОБОРОНЫ 33 ГСД

КОТОРЫМИ ПРОИСХОДИМ БОИ ВЫСОТЫ 163,5 И

ПР БЕРЕЗОВ ЫИ ТЧК НА КРАЙНЕМ ПРАВОМ

ФЛАНГЕ НЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ АТАКИ

МОТОПЕХОТЫ С НЕБОЛЬШИМИ ГРУППАМИ ТАНКОВ

С ПОТЕРЯМИ ОТБИТЫ, НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ БЕЗ

ИЗМЕНЕНИИ ТЧК ЦИМЛЯНСКАЯ НАШЕЙ АВИАЦИИ

✓ ПЕРЕПРАВА ПРОТИВНИКА РАЗРУШЕНА ТЧК

2/ ВСЕМИ ВИДАМИ РАЗВЕДКИ И ПЕРЕХВАЧЕННЫХ

13

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР		ТЕЛЕГРАММА	
Из _____ № _____		_____	
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____	Разр. _____ Счет слов _____ Подала _____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки	

ДОКУМЕНТОВ МЫ ОПРЕДЕЛЯЕМ ПРОТИВ ПРАВОГО
 ФЛАНГА 62А СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ АРМЕЙСКАЯ
 ГРУППА БЛОК В СОСТАВЕ НЕ МЕНЕЕ ТРЕХ ТАНК
 ДИВИЗИИ, ДВУХ МОТО ДИВИЗИИ, 17 - ГО
 АРМЕЙСКОГО КОРПУСА УСТАНОВЛЕНО ВЫДВИЖЕНИ
 БРУМЫНСКОГО К О Р П У С А
 ТЧК 3/62А В ЭТОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОВОДИТ
 СЛЕДУЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ: ИМЕЮЩИЕ
 В ЕЕ РАСПОРЯЖЕНИИ ТАНКИ, РС И АП ПТО
 СОСРЕДОТАЧИВАЕТ НА ФРОНТ ТРИАЦАТЬ ТРЕТЕЙ
 ДЛЯ ВОСПРЕЩЕНИЯ ТАНКОВЫХ АТАК ПРОТИВНИКА
 ТЧК 184СА ВЫВОДИТ НА ПРАВЫЙ ФЛАНГ ДЛЯ
 УПЛОТНЕНИЯ БОЕВОГО ПОРЯДКА 192СА УЧАСТКЕ
 ЕВСТРАТОВСКИЙ КАЛМЫКОВ 106СА СМЕНЕННУЮ
 ЧАСТЯМИ 64АРМ В _____ ВВОДИТ В РЕЗЕРВ
 ЗА ЦЕНТРОМ АРМИИ ТЧК 50 ПРОЦ ВВС ФРОНТА
 УТРА 24 НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ФРОНТ 62А ДЛЯ
 ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ЛИКВИДАЦИИ АТАК
 ПРОТИВНИКА ТЧК 4/ В ТЕЧЕНИЕ ДНЯ 23
 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВИАЦИИ ПР-КА НА ФРОНТЕ 62А
 ЗНАЧИТЕЛЬНО ОЖИВИЛАСЬ ЧЕГО В ПРЕДЫДУЩИЕ
 ДНИ НЕ БЫЛО, А ОСТАЛЬНЫЕ 50% АВИАЦИИ
 ФРОНТА БУДУТ ВЫПОЛНЯТЬ ЗАДАЧУ ПОСТАВЛЕННУ

14

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА
--	-----------------------------------

Из _____	№ _____
----------	---------

Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 15%;">Разр.</td> <td style="width: 35%;">Счет слов</td> <td style="width: 50%;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 30px;"></td> <td></td> <td style="text-align: center;">_____ / _____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 30px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана			_____ / _____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
		_____ / _____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

ВАМИ ПО УНИЧТОЖЕНИИ ПР-КА НА ПЕРЕПРАВАХ
 У ЦИМЛЯНСКОЕ И НИКОЛАЕВСКОЕ
 О СТАНОВКЕ ВСЕ ПРОСИМ УТВЕРДИТЬ
 ПРЕДЛОЖЕНИЕ НАШИ КОТОРЫЕ ТОЛЬКО ЧТО
 ПЕРЕДАНЫ Т ТИХОМИРОВУ ТЧК ВСЕ

С. А. М. И.

17 ГЛАВНОЕ ТЕПЕРЬ НЕ ПЕРЕПРАВЫ У
 ЦИМЛЯНСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ А ПРАВЫЙ ФЛАНГ
 ФРОНТА ТЧК ПРОТИВНИК ВЫБРОСКОЙ СВОИХ
 ЧАСТЕЙ В РАЙОН ЦИМЛИ ОТВЛЕК НАШИ
 ВНИМАНИЯ НА ЮГ И В ЭТО САМОЕ ВРЕМЯ ОН
 ПОАВОДИЛ ПОТЯХОНЬКУ ГЛАВНЫЕ СИЛЫ К
 ПРАВому ФЛАНГУ ФРОНТА ТЧК ЭТА ВОЕННАЯ
 ХИТРОСТЬ ПРОТИВНИКУ УДАЛАСЬ БЛАГОДАРЯ
 ОТСУТСТВИЮ У НАС НАДЕЖНОЙ РАЗВЕДКИ ТЧК
 ЭТО ДЕЛО НАДО УЧЕСТЬ И НУЖНО ВСЕМЕРНО
 УСИЛИТЬ ПРАВЫЙ ФЛАНГ ФРОНТА ТЧК В СВЯЗИ
 С ЭТИМ СЧИТАЮ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫМ
 НЕМЕДЛЕННО СОСРЕДОТОЧИТЬ В РАЙОНЕ
 ПРАВОГО ФЛАНГА ФРОНТА ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ
ПОВТОРЯЮ ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ ВСЕЙ АВИАЦИИ
 ХРЮКИНА И СТЕПАНОВА И ПРИКАЗАТЬ ОБЕИМ

15

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА. 												
Из _____ № _____													
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принял _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 15%; text-align: center;">Разр.</td> <td style="width: 35%; text-align: center;">Счет слов</td> <td style="width: 50%; text-align: center;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px; text-align: center;">_____ го _____ ч. _____ м.</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="height: 40px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана			_____ го _____ ч. _____ м.	Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
		_____ го _____ ч. _____ м.											
Служебные отметки													

ВСЮ МАССУ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ И ШТУРМОВОЙ
 АВИАЦИИ БРОСИТЬ ПРОТИВ ПРОТИВНИКА НА
 АШЕМ ПРАВОМ ФЛАНГЕ ТЧК НА ДИВЕРСИИ
 И ФОКУСЫ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ЦИЛЯ НЕ
 ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ И ВСЮ СИЛУ УДАРА
 ПЕРЕНЕСТИ ПОВТОРЯЮ НА ПРАВЫЙ ФЛАНГ
 ФРОНТА СЕГОДНЯ ПОШЛО К ВАМ ПЯТЬ
 ПОЛКОВ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ
 ХРИКИНА И СТЕПАНОВА И АВА ПОЛКА
 (ШТУРМОВИКОВ) ДОБАВОК К ТЕМ 90
 ШТУРМОВИКАМ КОТОРЫЕ У ВАС ИМЕЮТСЯ ТЧК
 ЗАВТРА И ПОСЛЕЗАВТРА ПОДБРОСИМ НОВЫЕ
 ПОЛКИ АВИАЦИИ ТЧК ПЕРЕДАЙТЕ ОТ МЕНЯ
 СТЕПАНОВУ ЧТО Я ТРЕБУЮ ОТ НЕГО РАЗГРОМА
 ТАНКОВ И МОТО ПЕХОТЫ ПРОТИВНИКА С
 ВОЗДУХА ТЧК ЕСЛИ ВЫ МОЖЕТЕ СООБЩИТЬ
 РАЙОНЫ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ПРОТИВНИКА Я МОГУ
 НАПРАВИТЬ К ВАМ АВИАЦИЮ ГОЛОВАНОВА
 ДЛЯ НОЧНЫХ БОМБЕЖЕК 2/ ПЕРЕДАНЫ
 ВАМИ ТОЛЬКО - ЧТО ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ И
 СОСРЕДОТОЧЕНИЯ 1 И 4 ТАНКОВЫХ АРМИЙ
 СТАВКА УТВЕРЖДАЕТ 37 ИМЕЙТЕ В ВИДУ ЕСЛИ

16

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА

Из _____	№ _____
----------	---------

Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19____ г. от _____ № _____ Принят _____	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 15%;">Разр.</td> <td style="width: 35%;">Счет слов</td> <td style="width: 50%;">Подана</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;">Служебные отметки</td> </tr> <tr> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> <td style="height: 40px;"></td> </tr> </table>	Разр.	Счет слов	Подана				Служебные отметки					
Разр.	Счет слов	Подана											
Служебные отметки													

ПРОТИВНИК ПРОРВЕЛ ПРАВЫЙ ФЛАНГ И _____

ПОДАВАЕТ К АДОНУ В РАЙОН _____ КУМРАКА ИЛИ _____

ЕВЕРНЕЕ ТО ОН ОТРЕЖЕТ ВАШИ _____

~~ЖЕ~~ЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ С СЕВЕРОМ _____

ПОЭТОМУ ПРАВЫЙ ФЛАНГ ВАШЕГО ФРОНТА _____

СЧИТАЮ ТЕПЕРЬ РЕШАЮЩИМ 4/ ТРЕБУЮ _____

ЧТОБЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ ЗАПАДНЕЙ _____

АДОНА ОТ КЛЕЦКАЯ ЧЕРЕЗ РОЖКОВСКУЮ ДО _____

НИЖНЕ-КАЛИНОВКИ БЫЛ СОХРАНЕН В НАШИХ _____

УКАХ БЕЗОПРИКОСЛОВНО ТЧК ПРОТИВНИКА, _____

ВКЛИНИВШЕГОСЯ В ЭТОТ РУБЕЖ В РАЙОНЕ _____

ДЕЙСТВИЯ ГВАРДЕЙСКОЙ ДИВИЗИИ _____

УНИЧТОЖИТЬ ВО ЧТОБЫ ТО НИ СТАЛО ТЧК У _____

ВАС ЕСТЬ ДЛЯ ЭТОГО СИЛЫ И ВЫ ДОЛЖНЫ ЭТО _____

СДЕЛАТЬ ТЧК КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩАЮ _____

ОТХОДА ОТ УКАЗАННОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОВО _____

РУБЕЖА ТЧК ТРЕБУЮ НЕ ЖАДЕТЬ НИ КАКИХ _____

ЖЕРТВ РАДИ УДЕРЖАНИЯ ЭТОГО РУБЕЖА ТЧК _____

ВСЕ - ВСЕ ЛИ ПОНЯТНО ЕСТЬ ЛИ ЗАМЕЧАНИЯ _____

И СТАЛИН - ? _____

г. 10.10.46.

ВСЕ ПОНЯТНО + ПРИСТУПАЕМ К ВЫПОЛНЕНИЮ ВАШИХ _____

УКАЗАНИИ ТЧК _____

17

<p>ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
<p>Из _____ № _____</p>	<p>Разр. _____ Счет слов _____ Подача _____</p>
<p>Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Приним. _____</p>	<p>Служебные отметки</p>

ИСПОЛНЯЙТЕ ПРОШУ ГОВ. ГОРДОВА ЧЕРЕЗ
КАЖДЕ ТРИ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПРИСЫЛАТЬ
РАТКИЕ СООБЩЕНИЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ ИЛИ ПО
РАДИО В ГЕНШТАБ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ

Г. Гордов
ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНО ДОНЕСЕНИЕ ОТ КОЛПАКЧИ
ЧТО ТАНКИ ПР-КА ДО 50 ЕДИНИЦ ПРОРВАЛИСЬ
В НАПРАВЛЕНИИ К ОЛЫКОВ МАНД ИЛИ
И ЧЕРЕЗ СОВХОЗ КОПАНЬЯ В НАПРАВЛЕНИИ
СОВХОЗ ПЕРВОМАЕ, ПОЛОЖЕНИЕ УТОТНИМ
ДОЛОЖИМ О ЛИКВИДАЦИИ ПРОРВАВШЕГОСЯ
ПРОТИВНИКА ТЧК ВСЕ+

Г. Сталин
А ЧТО РАЗВЕ У ВАС НЕТ ТАНКОВ НА ПРАВОМ
ФЛАНГЕ ? ЧТО ДЕЛАЕТ НАША АВИАЦИЯ ?
СТЫЖАНО ОСТУПАТЬ ПЕРЕД 50 ТАНКОВ
НЕМЦЕВ-МЕРЗАВЦЕВ НА ФРОНТЕ ОКОЛО 900
ТАНКОВ = ВСЕ =

Г. Гордов
ВСЕ ПОЯТНО, ПРИНИМАЕМ МЕРЫ ЛИКВИДИРОВАТЬ
ПРОРВАВШУЮСЯ ГРУППУ ТАНКОВ ПРОТИВНИКА ТЧК
ВСЕГО ХОРОШЕГО ЖЕЛАЮ УСПЕХА = И СТАЛИН

18

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР		ТЕЛЕГРАММА	
Из _____		№ _____	
Принята _____ ч. _____ м. _____ го 19__ г. от _____ № _____ Принят _____	Разр.	Счет слов	Подана _____ го _____ ч. _____ м.
	Служебные отметки		
ВСЕГО ХОРОШО, СПАСИБО ДО СВИДАНИЯ ТЧК ГОРДОВ, ХРУЩЕВ, БОДИН. ТЧК ВСЕ + _____			
ТАМ ЛИ ТОВ ГОРДОВ? _____			
НЕТ. ОН УЖЕ УШЕЛ + _____			
ПЕРЕДАЙТЕ ГОРДОВУ СЛЕДУЮЩЕЕ ИМЕЙТЕ В ВИДУ ЧТО КОЛПАКЧИ ОЧЕНЬ НЕРВНЫЙ И _____ ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ХОРОШО БЫ _____ НАПРАВИТЬ К КОЛПАКЧИ КОГО ЛИБО _____ ПОКРЕПЧЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ДУХА А ЕСЛИ _____ ГОРДОВ САМ ВЫЕДЕТ К НЕМУ БУДЕТ ЕЩЕ _____ ЛУЧШЕ И СТАЛИН = = = НЕМЕДЛЕННО ВРУЧИТЕ _____ ЭТУ ЗАПИСКУ ГОРДОВУ = ? _____			
ГОРДОВ У ППАРТА + ДА ЗАПИСКУ ВСЕ _____ ПОЛУЧИЛИ - ВСЕ ПОНЯТНО + _____			

19

СЕКРЕТНО

ПЕРЕГОВОРЫ

по прямому проводу

Генерал у аппарата ГОРДОВ, ХРУЩЕВ, БОДИН ?
у аппарата СТАЛИН

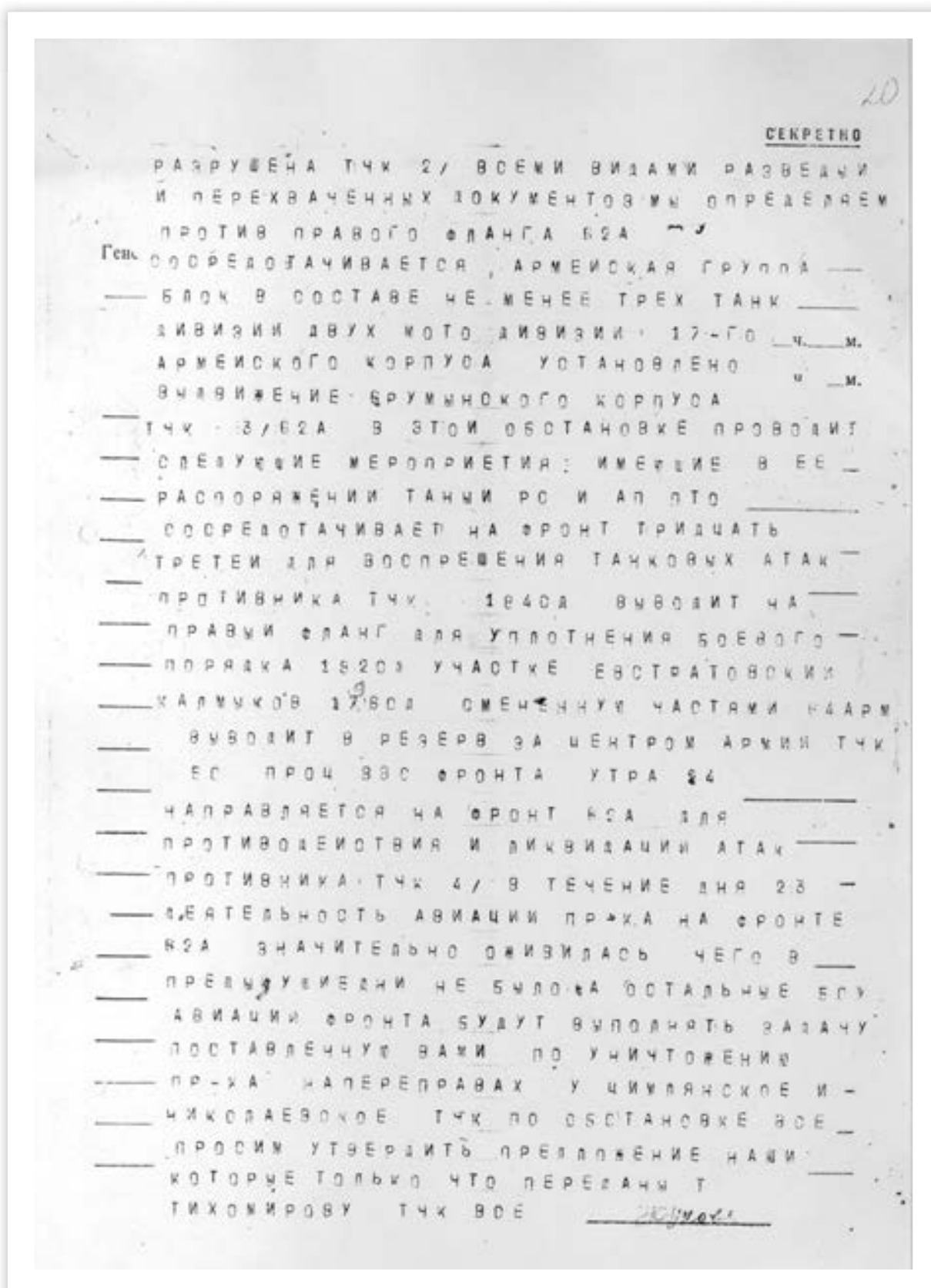
Время начала переговоров 217. 194 г. 19 ч. 50 м.
конец переговоров 257. 194 г. 1 ч. 15 м.

ЗДРАВСТВУЙТЕ ТЧК *Гиммлер*

ЗДРАВСТВУЙТЕ ДОЛОЖИТЕ КОРОТКО ЧТО У ВАС
ПРОИЗОШЛО НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ

ВОЗВРАЩАЮТСЯ: 1/ПР-Х С УТРА НА ПРАВОМ
ФЛАНГЕ Б2А НАЧАЛ АКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
ВВЕЛ ОДНУ ПА И ОДНУ ТА НА УЧАСТКЕ
ВЕРХ ЧЕРЕНОХИИ, ПЕРЕЛАЗОВСКИЙ СОВХОЗ
КОПАНИ ТЧК ГЛАВНЫЙ УДАР ТАНКОВОЙ
ДИВИЗИИ БЫЛ НАПРАВЛЕН ИЗ РАЙОНА
ЧЕРНЫШЕВСКАЯ ЧЕРЕЗ ПЕТРОВКА И ХАДАЧ
КУТОДАХ ИСХОДА АТАКОВАМ ПЕРЕДНИИ УРАИ
33 ГОД ИЗ ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЕ
150 ТАНКОВ НАМИ ПОДСИТО 35 ТАНКОВ
30 ТАНКОВ ВКЛИЧИЛИСЬ В ЛИНИЮ ОБОРОНЫ
33 ГОД КОТОРЫМИ ПРОИСХОДИМ БОИ ВЫСОТЫ
1631,5 И ПР БЕРЕЗОВИИ ТЧК НА
КРАЙНЕМ ПРАВОМ ФЛАНГЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ
АТАКИ МОТОПЕХОТЫ С НЕБОЛЬШИМИ ГРУППАМИ
ТАНКОВ С ПОТЕРЯМИ ОТБИТЫ НА ЛЕВОМ
ФЛАНГЕ БЕЗ ИЗМЕНЕНИИ ТЧК ЦИМЛЯНСКАЯ
НАШЕЙ АВИАЦИИ ПЕРЕПРАВА ПРОТИВНИКА

Переговоры вел дежурный телеграфист *Гордов*

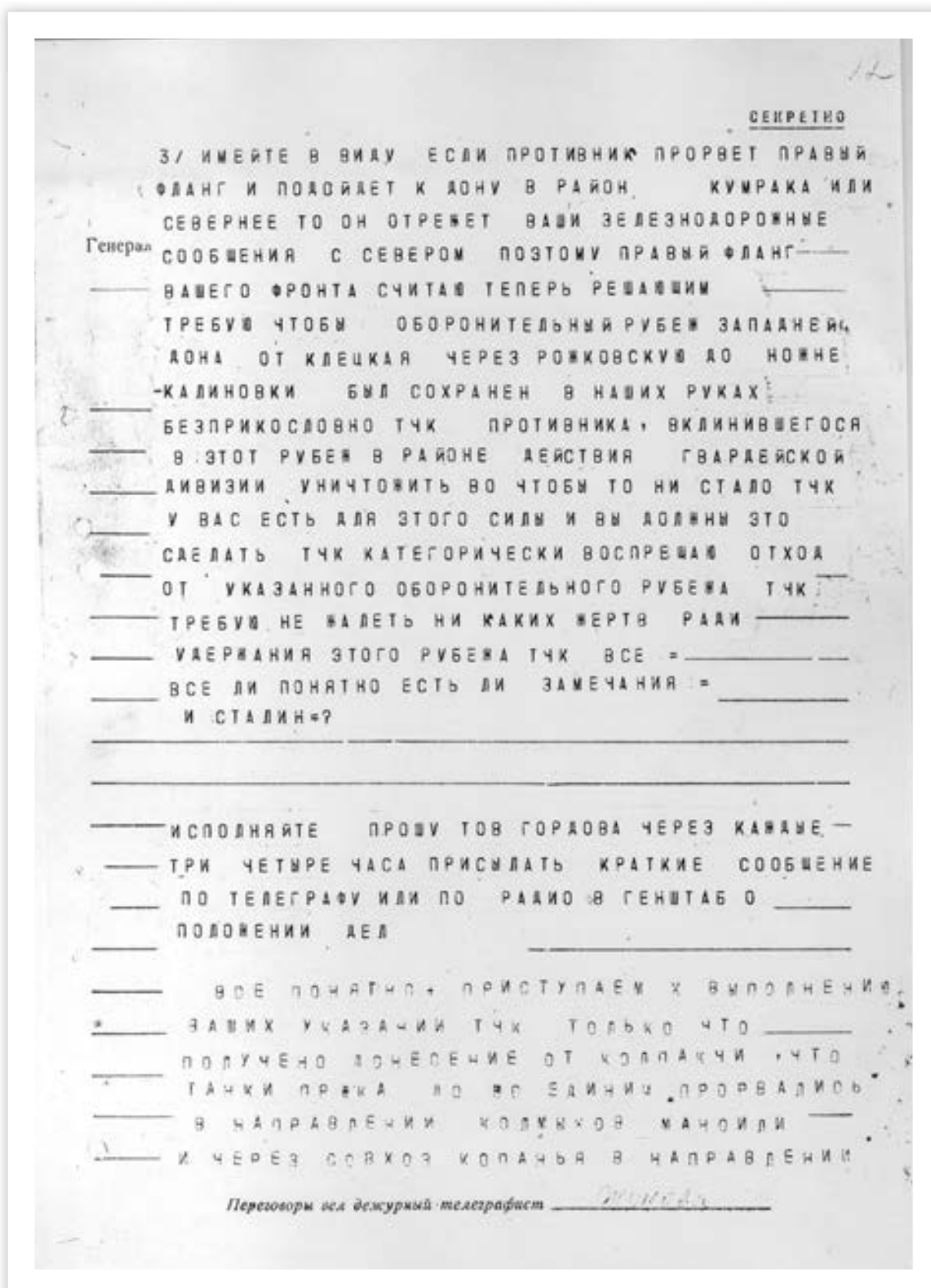

21

СЕКРЕТНО

1/ ГЛАВНОЕ ТЕПЕРЬ НЕ ПЕРЕПРАВЫ В ЦУМЛЯНСКОЙ И
НИКОЛАЕВСКОЙ А ПРАВЫЙ ФЛАНГ ФРОНТА ТЧК
ПРОТИВНИК ВЫБРОСКОЙ СВОИХ ЧАСТЕЙ В РАЙОН ЦУМЛИ
Ген. ОТВЛЕК НАШЕ ВНИМАНИЕ НА ЮГ И В ЭТО САМОЕ ВРЕМЯ
ОН ПОАВОДИЛ ПОТЕХОНЬКУ ГЛАВНЫЕ СИЛЫ К ПРАВОВОМУ
ФЛАНГУ ФРОНТА ТЧК ЭТА ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ ПРОТИВНИКУ
УДАЛАСЬ БЛАГОДАРИ ОТСУТСТВИИ У НАС НАДЕЖНОЙ
РАЗВЕДКИ ТЧК ЭТО ДЕЛО НАДО УЧЕСТЬ И НУЖНО
ВСЕМЕРНО УСИЛИТЬ ПРАВЫЙ ФЛАНГ ФРОНТА ТЧК В
СВЯЗИ С ЭТИМ СЧИТАЮ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫМ
НЕМЕДЛЕННО СОСРЕДОТОЧИТЬ В РАЙОНЕ ПРАВОГО ФЛАНГА
ФРОНТА ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ ПОВТОРЯЮ ДЕВЯТЬ
ДЕСЯТЫХ ВСЕЙ АВИАЦИИ ХРЮКИНА И СТЕПАНОВА И
ПРИКАЗАТЬ ОБЕИМ ВСЮ МАССУ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ И
ШТУРМОВОЙ АВИАЦИИ БРОСИТЬ ПРОТИВ ПРОТИВНИКА
НА ВАШЕМ ПРАВОМ ФЛАНГЕ ТЧК НА ДИВЕРСИИ И
ФОКУСЫ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ЦУМЛИ НЕ ОБРАЩАТЬ
ВНИМАНИЯ И ВСЮ СИЛУ УДАРА ПЕРЕНЕСТИ ПОВТОРЯЮ
НА ПРАВЫЙ ФЛАНГ ФРОНТА СЕГОДНЯ ПОШЛО К ВАМ
ПЯТЬ ПОЛКОВ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ХРЮКИНА
И СТЕПАНОВА И ДВА ПОЛКА ШТУРМОВИКОВ В ДОБАВОК
К ТЕМ 50 ШТУРМОВИКАМ КОТОРЫЕ У ВАС ИМЕЮТСЯ
ТЧК ЗАВТРА И ПОСЛЕЗАВТРА ПОДБРОСИМ НОВЫЕ ПОЛКИ
АВИАЦИИ ТЧК ПЕРЕДАЙТЕ ОТ МЕНЯ СТЕПАНОВУ ЧТО Я
ТРЕБУЮ ОТ НЕГО РАЗГРОМА ТАНКОВ И МОТО ПЕХОТЫ
ПРОТИВНИКА С ВОЗДУХА ТЧК ЕСЛИ ВЫ МОЖЕТЕ
СООБЩИТЬ РАЙОНЫ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ПРОТИВНИКА Я
МОГУ НАПРАВИТЬ К ВАМ АВИАЦИЮ ГОЛОВАНОВА ДЛЯ
НОЧНЫХ БОМБЕЖЕК 2/ ПЕРЕДАНЫ ВАМИ ТОЛЬКО ЧТО
ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ 1 И 4
ТАНКОВЫХ АРМИЙ СТАВКА УТВЕРЖДАЕТ

Переговоры вел дежурный телеграфист

23

СЕКРЕТНО

СОВХОЗ ПЕРВОМАЕ, ПОЛОЖЕНИЕ УТОЧНИМ
ДОЛОЖИМ О МЕРОПРИЯТИЯХ О ЛИКВИДАЦИИ
ПРОРВАВШЕГОСЯ ПРОТИВНИКА ТЧК ВСЕ

Генерал —

А ЧТО РАЗВЕ У ВАС НЕТ ТАНКОВ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ ?
ЧТО ДЕЛАЕТ НАША АВИАЦИЯ СТЫДНО ОСТУПАТЬ ПЕРЕД
50 ТАНКОВ НЕМЦЕВ-МЕРЗАВЦЕВ / ВАС НА ФРОНТЕ
ОКОЛО 900 ТАНКОВ =ВСЕ =

ВСЕ ПОНЯТНО ПРИНИМАЕМ МЕРУ ЛИКВИДИРОВАТЬ
ПРОРВАВШУЮСЯ ГРУППУ ТАНКОВ ПРОТИВНИКА
ТЧК ВСЕГО ХОРОШО, СПАСИБО ДО СВИДАНИЯ
ТЧК ГОРЛОВ, ХРУЩЕВ, БОДИН ТЧК

ВСЕГО ХОРОШЕГО ЖЕЛАМ УСПЕХА «И СТАЛИН» =====

Переговоры вел дежурный телеграфист

24

СЕКРЕТНО

ПЕРЕДАЙТЕ ГОРАОВУ СЛЕДУЮЩЕЕ ИМЕЙТЕ В ВИДУ
ЧТО КОЛПАКЧИ ОЧЕНЬ НЕРВНЫЙ И ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЙ
ЧЕЛОВЕК ХОРОШО БЫ НАПРАВИТЬ К КОЛПАКЧИ.
Генер. КОГО ЛИБО ПОКРЕПЧЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ДУХА
— А ЕСЛИ ГОРАОВ САМ ВМЕАЕТ К НЕМУ БУДЕТ ЕЩЕ
ЛУЧШЕ И СТАЛИН = 194 г. ч. м.
конец переговоров = 194 г. ч. м.

Переговоры вел дежурный телеграфист

94/

Переговоры по прямому проводу 40
т. Васильевский с т. Еременко
(Юг-Западный фронт)

ТЕЛЕГРАФ
для связи НКО СССР

ТЕЛЕГРАММА 10.8 849
10.0 2
050

Вх. № 33721 9 августа 1942.

Из _____
Принята _____
от _____
Приз _____

У АППАРАТА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
ВАСИЛЕВСКИЙ ПРАВСТВУЮТ

У АППАРАТА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЕРЕМЕНКО

Васильевский.

ТОВ СТАЛИН ПОРУЧИЛ МНЕ ПЕРЕГОВОРИТЬ
С ВАМИ И ПОЛУЧИТЬ ВАШЕ МНЕНИЕ ПО
СЛЕДУЮЩИМ ВОПРОСАМ: $\angle$ ПЕРВОЕ - ТОВ
СТАЛИН СЧИТАЕТ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ И
СВОЕВРЕМЕННЫМ ОБЪЕДИНИТЬ ВОПРОСЫ
ОБОРОНЫ СТАЛИНГРАДА В ОДНИХ РУКАХ,
А ДЛЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ ПОДЧИНИТЬ ВАМ
СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, ОСТАВИТЬ ВАС
ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
И КОМАНДУЮЩИМ ЮГО-ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ.
= ТЧК = ЗАМЕСТИТЕЛЕМ К ВАМ ПО ЮГО-
ВОСТОЧНОМУ ФРОНТУ НАЗНАЧИТЬ ГЕНЕРАЛ
ДЕЯТЕЛАНТА ГОЛИКОВА ТЧК = ВМЕСТО ТОВ
ГОЛИКОВА КОМАНДУЮЩИМ ПЕРВОЙ
ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИЕЙ НАЗНАЧИТЬ ГЕНЕРАЛ
- МАЙОРА МОСКАЛЕНКО = ТЧК = $\angle$ ВТОРОЕ - ТОВ
СТАЛИН СЧИТАЕТ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ
НАЗНАЧИТЬ НАЧАЛЬНИКОМ ГАРНИЗОНА

41

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА
<p>И: ГОРОДА СТАЛИНГРАДА ОТ НКВД ТОВ</p> <p>Принят САРАЕВА, КТОРОМУ ПОДЧИНЕНА И ПОДЛЕЖИТ</p> <p>от НАХОДЯЩИЕСЯ В СТАЛИНГРАДЕ ДИВИЗИЯ</p> <p>Принят НКВД = ТЧК = КАКОВЫ БУДУТ ВАШИ</p> <p>СООБРАЖЕНИЯ ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ? ВСЕ =.</p> <p><u>т. Еремеев</u></p> <p>= Я ХОТЯ ВЕЧАМ, МУДРЕЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НЕ СКАЖЕШЬ И СЧИТАЮ СОВЕРШЕННО ПРАВИЛЬНО И СВОЕВРЕМЕННО ТЧК</p> <p><u>т. Васильевский</u></p> <p>КАКИЕ БУДУТ СООБРАЖЕНИЯ ПО КАНДИДАТУРАМ ГОЛИКОВА, МОСКАЛЕНКО И САРАЕВА?</p> <p><u>т. Еремеев</u></p> <p>Я СЧИТАЮ ЭТО ЧТО ВСЕ КАНДИДАТУРЫ ПОДОЙДУТ. ДОСТОЙНЫЕ КАНДИДАТУРЫ ТЧК</p> <p><u>т. Васильевский</u></p> <p>ХОРОШО, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛ СЯ СЕГОДНЯШНИ БОЕВОЙ ДЕНЬ? =</p> <p><u>т. Еремеев</u></p> <p>СЕЯЧАС ЕЩЕ ДАННЫХ НЕ ИМЕЮ. АВИАЦИЯ РАЗБИЛА СВЯЗЬ ЭТОТ НО ЛЕТЧИКИ, КОТОРЫХ Я ПОСЛАЛ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА БОЕМ, ДОЛОЖИЛИ, ЧТО РАЙОН, ГДЕ НАХОДЯТСЯ</p>	

42

<p>ТЕЛЕГРАФ</p> <p>Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
--	-------------------

Из _____

Принят _____

от _____

Принят _____

ОБГОНЕРОВО И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕЙ МЕСТНОСТИ
 ГОРИТ, ВСЕ ОБЪЯТО ПОЖАРОМ. ДЕЛАМ ВЫВОД
 ЧТО РС НАДЕЛАЛИ ТАМ ДЕЛОВ И ДУМАЮ
 ПРОТЦВНИК ВЫБРОШЕН ЗА ОПРЕДЕЛЕННУЮ
 ПОЛОСУ, ХОТЯ ДАННЫХ ЕЩЕ НЕ ИМЕЮ ТЧК
 ТОЧНО _____

Я ХОТЕЛ ЕЩЕ ПЕРЕДАТЬ ОДНУ НОВОСТЬ,
 ПРОТЦВНИК, ПОЛУЧИВ ХОРОШИЙ УРОК В НАШИХ
 ТРЕХДНЕВНЫХ СРАЖЕНИЯХ, ПОДТЯГИВАЕТ СИЛЫ
 В ЭТОТ РАЙОН ТЧК АВИАЦИЯ ДВАЖДЫ
 ФОТОГРАФИРОВАЛА РАЙОН. ИДЕТ ОКОЛО 70
 ТАНКОВ И 250 АВТОМАШИН, ПОВИДИМОМУ
 ТАНКОВАЯ. НО КУЦИЯ ОНА НАХОДИТСЯ
 ПРИМЕРНО В 50 БОКЛАМ, ХОРОШО БЫ ИХ РАЗБИТЬ
 ПО ЧАСТЯМ, ХОРОШО БЫ СДЕЛАТЬ РАСЧЕТ
 С 13 ТА, КОТОРЫЕ ВЕЛИ БОЯ. ЗАВТРА К
 ВЕЧЕРУ КАКИЕ ПОАХОДЯТ И БУДУТ ПОАХОДИТЬ
 ВОТ ТАК НЕ ЗНАЮ КАК ОН, ЗАВИСИТ ВСЕ ОТ
 СЕГОДНЯШНЕГО ИСХОДА БОЯ, НО Я ВСЕ МЕРЫ
 ПРИНЯВ ТЧК ТОВ. НАЧ. ШТАБ ГЕН ШТАБА
 ПРОШУ ВЫСЛАТЬ МНЕ Г-М РУДОВА, ОН
 НАЧАЛЬНИК ОДНОЙ ШКОЛЫ В МОСКВЕ ТЧК
 У МЕНЯ ВСЕ ТЧК _____

43

<p>ТЕЛЕГРАФ</p> <p>Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
--	-------------------

Из	№
----	---

Принята	Разр.	Лист слов	Подана
---------	-------	-----------	--------

от м. Васильевский го 10 г.

Принят ХОРОШО, ЖЕЛАЮ УСПЕХА - ТЧК го ч м.

Принят КУДА МЫСЛИТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ РУДОВА? ТЧ

м. Ефремов

СПАСИБО, ДО СВИДАНИЯ ТЧК :-

НАЧАЛЬНИКОМ СВЯЗИ ФРОНТА ТЧК

м. Васильевский

К = ПРИМУ ВСЕ МЕРЫ, СЕЙЧАС ДОЛОНУ

ТОВ СТАЛИНУ.

~~м. Ефремов~~

ДО СВИДАНИЯ = .

9132
ТЕЛЕГРАММА
Узла связи НКВ СССР
начало приема 19.45
конек 20.00 16.9.42г. 21 передано приказание
Т. Сталина

ТЕЛЕГРАММА
Иванов Боков и
Иванов с ин. майора Минюк

У АППАРАТА ИВАНОВ ЗАРАВСТВУЙТЕ =
Принята _____ ГО 19 _____ Г. _____
от _____
Принят _____ У АППАРАТА Г-М МИНЮК = ЗАРАВСТВУЙТЕ
Иванов.
ГОВ МИНЮК ПРОШУ СООБЩИТЬ ГДЕ НАХОДИТСЯ
СЕЙЧАС ГЕНЕРАЛ-АРМИИ ГОВ ВУКОВ.
Минюк

ГЕНЕРАЛ ВУКОВ ЗАЕСЬ ТЧК =
Иванов
У АППАРАТА БОКОВ И ИВАНОВ, ПРОСИМ
ДОЛОЖИТЬ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ГОВ ВУКОВУ,
НЕ МОЖЕТ ЛИ ОН ПОДОЙТИ К АППАРАТУ
ДЛЯ СРОЧНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРИКАЗАНИЮ
ГОВ СТАЛИНА = ТЧК.
Минюк.
СЕЙЧАС Я ЕМУ ДОЛОЖУ ПО ТЕЛЕФОНУ И
РЕЗУЛЬТАТ СООБЩУ ВАМ ТЧК
СЕЙЧА ДОЛОЖИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ/ ВАШЕЙ
ПРОСЬБЕ, ОН ПРИКАЗАЛ ПЕРЕДАТЬ ВАМ:-
ПОДОЙТИ К АППАРАТУ СЕЙЧАС НЕ МОЖЕТ-ЗАНЯТ
И ПРОСИЛ, ЧТОБЫ ВЫ ИЗЛОЖИЛИ ТО, ЧТО
ХОТЕЛИ ЕМУ ПЕРЕДАТЬ. ДЕНТУ Я ЕМУ ДОЛОЖУ
И ОН ДАСТ ОТВЕТ. ВСЕ =

48

<p>ТЕЛЕГРАФ</p> <p>Узла связи ИКО СССР</p> <p><i>П. 1-й. Боканов</i> <i>С. Иванов</i></p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
--	--------------------------

Хорошо, прошу принять ☒ немедленно доложить

Прх: ГЕНЕРАЛУ АРМИИ И ОТВЕТ ПЕРЕДАТЬ МНЕ. —

От: ОТВЕТ БУДУ ДАВАТЬ У АППАРАТА, — ГО —

Прх: _____

Служебные отметки

— ПО ПРОВОДУ, ОСОБО ВАЖНО ☒ ГЕНЕРАЛУ - АРМИИ

— ТОВ ЖУКОВУ, ТОВ МАЛЕНКОВУ, ☒ ДЛЯ _____

— УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СТАЛИНГРАДА, В СВЯЗИ

— С СОЗДАВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКОЙ ТАМ, ТОВ СТАЛИН

— ПРИКАЗАЛ ПРОСИТЬ ВАС СРОЧНО СООБЩИТЬ,

— НЕ СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ВОЗМОЖНЫМ СРОЧНО —

— ПЕРЕДАТЬ В СТАЛИНГРАД ДВЕ СТР. ДИВИЗИИ

— ИЗ СОСТАВА ^{левобережной} СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ, ^{Сталинградского фронта} ОБЪЕДИНЕНИЯ ИХ

— БУДУТ ПЕРЕДАНЫ ДВЕ ДИВИЗИИ ИЗ КАМЫШИНА.

— ТЧК = ☒ ВТОРОЕ, ТОВ СТАЛИН ПРОСИТ ПЕРЕДАТЬ

— ЧТО ВАШ ПЛАН ИМ ПОЛУЧЕН И ВОЗРАЖЕНИЯ.

— ПО ПЛАНУ У НЕГО НЕТ ☒ ТРЕТЬЕ, УТРОМ

— 17 СЕНТЯБРЯ К ВАМ ВЫЕЗДАЕТ ПО ПОРУЧЕНИИ

— ТОВ СТАЛИНА - ГОЛОВАНОВ, ТОВ СТАЛИН

— ПРОСИТ СРОЧНО СООБЩИТЬ НА ЕГО ИМЯ КУДА

— ДОЛЖЕН ПРИЗЕМЛИТЬСЯ ГОЛОВАНОВ =

— ~~БОКОВ ИВАНОВ = 16 СЕНТЯБРЯ 1942 20 00, :~~

— *Иванов*

— ☒ ПРОШУ НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЬ ГЕНЕРАЛУ

— АРМИИ И ОТВЕТ ПЕРЕДАТЬ МНЕ. :

49

<p>ТЕЛЕГРАФ</p> <p>Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
---	--------------------------

Из: Я БУДУ ЖДАТЬ У АППАРАТА, ТЧК = ИВАНОВ =

Принят: от Менюк № 1 | | |

Принят: СЕЙЧАС ИДУ ДОКЛАДЫВАТЬ И ОТВЕТ

НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАМ ==

20.00 16.9.42 Верно передано *Менюк*

ПРИМИТЕ ЗАПИСКУ ДЛЯ Г/М МИННАХ ДЛЯ
ДОКЛАДА ГЕНЕРАЛ АРМИИ ЖУКОВУ =
ВРУЧИТЬ НЕМЕДЛЕННО = В КОНЦЕ ПЕРВОГО
ПУНКТА ПОСЛЕ СЛОВА ИЗ СОСТАВА ВМЕСТО
СЛОВА СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ = ПОСТАВИТЬ
ЛЕВОФЛАНГОВОЙ ГРУППЫ СТАЛИНГРАДСКОГО
ФРОНТА; В ЗАМЕН ИХ И ТАК ДАЛЕЕ =
ИВАНОВ 20 25

ВШ ЗПС ДЛЯ Г-А ЖУКОВА ПР СЕМЕНОВА В
ПРИСУТ ДС РОМАНЧЕНКО = СЕЙЧАС ВРУЧУ
НЕМЕДЛЕННО ГЕНЕРАЛУ МИННАХ =

« У АПП АС РОМАНЧЕНКО = ДОЛЖНЫ Г-М
ИВАНОВУ: - ЗАПИСКА ДЛЯ Г-М МИННАХ ВРУЧЕНА
ЧЕРЕЗ ПОДПОЛКОВНИКА МЕДВЕДЕВА В 20/35 =

50

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР <i>каганс неждан 20.45</i>	ТЕЛЕГРАММА
--	-------------------

На _____	№ _____	
Принята _____ ч. _____ м. _____	У АПП Г - И МИНЮК =	Подана _____
от _____ № _____		_____ г. _____ ч. _____ м.
Принят _____	У АППАРАТА ИВАНОВ = СЛУШАЕ ВАС?	

т. Меньшук.

ПЕРЕДАМ.: ТОВ БОКОВУ, ТОВ ИВАНОВУ.

ДОДОЖИТЕ ТОВ СТАЛИНУ:

1/ ИЗ СОСТАВА НАШЕЙ ГРУППЫ, НАЗНАЧЕННОЙ
 ДЛ НАСТУПЛЕНИЯ, ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТАБОМ
 ВЗЯТО ДЛ СТАЛИНГРАДА 95 СД, КОТОРАЯ
 С 15.9 РАЗГРУЖАЕТСЯ. РАЗ. ПАРОМНАЯ. ТАМ ЖЕ
 С 15.9 РАЗГРУЖАЕТСЯ, РАНЕЕ НАЗНАЧЕННАЯ
 В СЕВЕРНУЮ ГРУППУ СТАЛИНГРАДСКОГО
 ФРОНТА, 92 СТР БРИГАДА, ~~ТАК~~ ПОЭТОМУ НАШИ
 СИЛЫ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ДЛ НАСТУПЛЕНИЯ,
 УЖЕ ОСЛАБЛЕНЫ, НА ОДНУ СД И ОДНУ СБР
 ПРОТИВ ДОЛЖЕННОГО ВАМ ПЛАНА, ~~ТАК~~ О
 ПЕРЕАДРЕСОВАНИИ ЭТИХ ЧАСТЕЙ МЫ ТОЛЬКО
 СЕГОДНЯ УЗНАЛИ ОТ НАЧ. ВОСО КОВАЛЕВА. ТЧК

2/ ВСЕ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ СЕЙЧАС
 ЗАНЯЛИ И СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ЗАНИМАЮТ СВОИ
 МЕСТА В БОЕВЫХ ПОРЯДКАХ. ~~ТАК~~ ВВОД СЕЙЧАС
 ЕЩЕ ХОТЯ БЫ ОДНОЙ ДИВИЗИИ ОСЛАБИТ НАШУ

51

<p>ТЕЛЕГРАФ</p> <p>Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
--	-------------------

УДАРНУЮ ГРУППУ И РАРУШИТ НАШИ РАСЧЕТЫ +

Приня ~~УДАРНУЮ~~ НА БЫСТРЫЙ РАЗГРОМ ОБОРОНЫ

от ПР-КА И ВЫХОД НА СОЕДИНЕНИЕ С ВОЙСКАМИ

Приня СТАЛИНГРАДА, ТЧК | Служебные отметки

3/ НА ВЫВОД ИЗ БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ И

ПЕРЕБРОСКУ ДИВИЗИЙ ПОТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЕНИ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ НА ПРЯМУЮ ПЕРЕВОЗКУ ДИВИЗИИ

ИЗ КАМЫШИНА В СТАЛИНГРАД. ПОЭТОМУ

ПРОСИМ С СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ДИВИЗИИ НЕ

БРАТЬ, А НАПРАВИТЬ В СТАЛИНГРАД ДИВИЗИИ

ПРЯМО ИЗ КАМЫШИНА.

4/ ПОСАДКУ ГОЛОВАНОВУ СЛЕДУЕТ

ПРОИЗВЕСТИ НА АЭРОДРОМЕ ВИХЛАНЦЕВ

/У КАМЫШИНА/, ГДЕ ОН БУДЕТ ВСТРЕЧЕН

ТЧК ВУКОВ, МАЛЕНКОВ

+ ПЕРЕДАНА 16.6.42Г 20-50 ПРАД

ВОЛОНГЕВИЧ В ПРИСУТ Г И МИНБК +

52

ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР	ТЕЛЕГРАММА
<p style="text-align: center;"><i>т. Иванов</i></p>	
<p>Из <i>тов. Меньяк</i>, очень прошу вас: <i>первое</i> — Принят сообщить мне под каким номером, когда от — и кто передал о том, что 95 сд и — Принят 92 сбр включены в боевой состав — Сталинградского фронта и переводятся для него. <i>т.чк</i> — <i>второе</i> — когда и кто сообщил, что эти соединения будут переведены вам 17 сентября. <i>т.чк</i> — Это чрезвычайно нужно для того, чтобы установить истинное положение с этими соединениями. <i>т.чк</i> — прошу вас это выяснить я буду ждать у аппарата. = ИВАНОВ 21 00 16 9 =</p>	<p><i>т. Меньяк</i> Сейчас выясни когда и кем было передано о включении этих двух соединений в состав северной группы Сталинградского фронта. я пока знаю одно, что эти соединения ¹полном ²б³ли предусмотрены, а по шифротелеграмме тов. Ковалева они с 15-го начали разгрузку, на паромная и закончат ее 18-го, остальное сейчас выясни. <i>т.чк</i> ~~все~~</p>

53

<p>ТЕЛЕГРАФ Узла связи НКО СССР</p>	<p>ТЕЛЕГРАММА</p>
--	--------------------------

Из _____	№ _____	
----------	---------	--

Принята. У А Д Р Г - И У И Н И К Подала _____

от. ЧОЧНО ВЬЯСНИТЬ ВАШ ВОПРОС НЕ СМОГ,

Принял. ПЕРЕГОНЯВ С РУХЛЕ И КОВАЛЕНКО, Я

УЗНАЛ, ЧТО БЫЛО СООБЩЕНИЕ О ПЯТИ

ЕДИНИЦАХ, НО НОМЕРОВ БЫЛО ДАНО ЧЕТЫРЕ

ЭТИ ЧЕТЫРЕ ПРИБЛИ-ПЯТУЮ ОЖИДАЛИ - 95-АЯ,

Т.К. ВАШ ВОПРОС ПО ТЕЛЕФОНУ ДОЛЖЕН

БЫЛОВА. (БЫЛО МНЕ) ПРЕДЛОЖЕНО ДЕТАЛЬНО

УЗНАТЬ В ШТАБЕ, ПОЭТОМУ Я ПОЙДУ СЕЙЧАС

В ШТАБ, ТАМ ДЕТАЛЬНО ВЬЯСНИ ЭТОТ ВОПРОС

И ТОГДА СООБЩУ ВАМ, НО УЧТИТЕ СКОРО

ЭТО СДЕЛАТЬ БУДЕТ ТРУДНО, ТАК КАК

ОТДЕЛЫ РАЗБРОСАНЫ, ПОТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ.

И. Иванов

(ПОНИМАЮ) ПРОШУ ВАС, КАК-ТОЛЬКО

ВЬЯСНИТЕ, СРАЗУ ВЫЗВАТЬ МЕНЯ К

АППАРАТУ. ВСЕ

И. Иванов

ХОРОШО СЕЙЧАС ИДУ ВЬЯСНЯТЬ

И. Иванов

ДОКА ВСЕГО ХОРОШЕГО

54

7 = У АППАРАТА Г-М НИКИШЕВ = ЗАПРАВСТВУЮЩЕ

Узла связи НКО СССР

У АПП Г/М БОКОВ, ЗАПРАВСТВУЮЩЕ

И	№		
Принят	Разр.	Лист слов	Подана
от			
Принят	Служебные отметки		

6/15 1942 г. 19 т. № 34

Вручен

м. Боклов

ТОВ СТАЛИН, ПОРУЧИЛ ВАМ ЛИЧНО.,
 НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАТЬ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ
 ЖУКОВУ, ЧТО ОН (ТОВ СТАЛИН) ЖАЕТ., ОТ
 ТОВ ЖУКОВА ДОНЕСЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ
 НА ФРОНТЕ. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БОКОВ-00-20-
 6 9-42 Г.

ВАШЕ ПРИКАЗАНИЕ ТОВ СТАЛИНА ПР
 ЛЕВЧЕНКО В ПРИСУТСТВИИ Г-М НИКИШЕВА++

м. Никишев

СЕЙЧАС ВРУЧУ, ДОЛЖЕН, ТОВ ЖУКОВ ЗАЕЗД,
 ИДУ ДОКЛАДЫВАТЬ ТОВ ЖУКОВУ

по проекту 55
особо важное.

Генералу - Армии П. Жукову, П. Масленку
~~для ~~защиты~~ обороны~~ ~~не Сталинград~~
1) ~~В связи с создавшейся обстановкой в Сталин-~~
~~граде~~ П. Сталин приказ
приказ на содерж не судает ли на бу-
форный переход в Сталинград где сб. губи
на созда Стефан Уртин, Уртин в бу
переход где губи на Валентина.

2) П. Сталин просит переход, П. Кав на
на переход и бу переход на переход У

3) У У.

Борис

Шавант

" 16 'сеп. 1942

" 19 " з. " 20 " с. "

45056
44576
2 " 42

56

3) Утром 17 сентября к Вам
выступает по поручению тов. Ситя-
кина Гаврилов. ~~Савицкий~~
тов. Ситякин просит срочно
согласовать на его имя курс
действия поименно Гаврилов

91
СОВРЕМЕННО СЕ РЕТИНО
Экз. В 2

ПЕРЕГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ВОКОВА с ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКОМ ЕРЕМЕНКО

Начато 5.25 окончено 8.45 24.9.42 г.

№ 9495
4-9-42
1942 г. 9

У аппарата ВОКОВ.
У аппарата ЕРЕМЕНКО, ХРИЩЕВ.
Просим Вас принять и передать товарищу СТАЛИНУ следующее.

Товарищу СТАЛИНУ.

Уже два месяца длится сражение под СТАЛИНГРАДОМ. Фронт активны действий - на участке р. ДОН, СТАЛИНГРАД, КРАСНОАРМЕЙСК.

Всеми видами разведки и опросом пленных установлено, что здесь действуют: тринадцать пехотных дивизий /384, 300, 76, венгерская пд неустановленной нумерации, 90, 380, 290, 71, 94, 297, 371 пд немецкие, 20 и 2 пд румын/; три мотодивизии /3, 60 и 29 мд/; четыре танковых дивизии /16, 14, 14 тд и тд неустановленной нумерации/ - всего двадцать дивизий. Всего танков - 480-500, орудий 1100-1200 и самолетов всех типов и марок 600-650, при чем сведения о самолетах подтверждены неоднократно аэрофотографированием.

Из этого количества войск противника действуют против левого крыла Сталинградского фронта, фронтом на север, семь дивизий, из них на участке ПАВ. РОССОВКА - АКАТОВКА пять дивизий /76, венгерская пд, 90 пд, 60 и 3 мд и 16 тд/. Две дивизии из состава 60 мд, 3 мд и 16 тд действуют фронтом на юг против правого крыла 62 армии.

Против СТАЛИНГРАДА, из состава всех войск оперирующих в этом районе, действует 2/3 всех немецких сил: пехотных дивизий девять /76, венгерская пд, 90 пд, 60 и 3 мд и 16 тд/; танковых дивизий три /14, 14 и тд неустановленной нумерации/; мотодивизий - одна /29 мд/.

Характеристика войск противника.

Части противника понесли значительные потери и в настоящее время

1
Ст. 10
Секрет
С. 10

- 2 -

92

момент в среднем по каждой дивизии насчитывают по 60-70% личного состава и до 60% боевой техники. Нахождение противника на таком относительно высоком численном уровне дивизий объясняется тем, что он непрерывно бросает пополнения, вводя их в бой схода, используя маршевые батальоны, штрафные роты, тыловые части, сапер, которые ранее не принимали участия в бою как пехота /например: 71 пд, истребительная, , пополняется маршевыми батальонами из австрийцев и поляков, 290 пд получила на пополнение 4 и 9 штрафные роты, 14 тд получила на пополнение саперный батальон и т.д./.

Под СТАЛИНГРАДОМ в состав германской армии входят следующие национальности: немцы, австрийцы, поляки, венгры, румыны. В составе ВВС - авиация Германии, Румынии и Италии.

Все это в процессе боев переменялось. Это показывает, что не от хорошей жизни делается приказами командующих 6 германской армии генералом ПАУЛС и 4 танк.армии генералом ГОТТ. Следует отметить, что на севере от СТАЛИНГРАДА - войсками противника руководит командующий 6 армии, а с юга и запада - командующий 4 танковой армии. Оба эти генерала, возглавляющие армии, не блещут особыми способностями - тупые, но упорные подлецы. Основной фигурой, которая их спасает, является командующий 8 воздушным корпусом генерал-полковник РИХТГОФЕН. Можно еще отметить, как способных и смелых генералов это командир 29 пд генерала ФРОММЕР, командир 14 тд генерала КРН и 24 тд - ХАНШЛИЦА. Ну а о таких генералах, как командир 6 ак румын ДРАГОЛИНА, командир 20 пд румын - ГИОРГЕСКУ, 2 пд румын - ТУЛОСК, как и о их войсках, можно сказать, что они серьезной силы не представляют и выглядят, как генералы - отступления, как дивизии отступления.

Какие можно сделать выводы о противнике?

Первый: войска противника понесли под СТАЛИНГРАДОМ колоссальные потери: по самым скромным подсчетам с 6 августа по 20 сентября -

- 3 -

убито солдат и офицеров 20-32 тысячи человек, ранено солдат и офицеров 80-112 тысячи человек, сбито и повреждено 1106 самолетов, уничтожено 200-300 орудий, сожжено и подбито 500-600 танков.

Второе: Тот наступательный порыв, который имели фашисты, с каждым днем падает, хотя они и стараются все собирать и бросать на пополнение и тем самым удерживать на известном уровне боеспособность своих частей, с удержанием инициативы действий в своих руках. Но кривая с каждым днем начинает падать, противник заметно выдыхается. Упорство наших войск под СТАЛИНГРАДОМ значительно сломило дух фашистских войск и темпы его наступления, несмотря на упорное желание овладеть городом СТАЛИНГРАД и сосредоточение здесь лучших пехотных, танковых и моторизованных дивизий и в особенности авиации противника. Несмотря на это СТАЛИНГРАДОМ овладеть ему не удалось.

Третье: Тщательным наблюдением за подходом резервов противника установлено, что подхода свежих частей и соединений не отмечается, а пополнение идет, как я указал выше, путём пополнения действующих частей разными командами, штрафными ротами, аэродромными батальонами и другими отрядами. Это показывает, что резервы противника иссякают.

Что можно сказать о своих войсках?

Первое: Войска Восто-Восточного фронта, выдержав в этом сражении, которое еще далеко не кончилось, я бы сказал, небывалые атаки по своей мощи и силе огня и особенно авиации, нанесли колоссальные потери противнику, при чем, при наличии очень несовершенных оборонительных сооружений под СТАЛИНГРАДОМ, выстроенных в три ниточки, без достаточной глубины и во многих местах безграмотно построенных в тактическом отношении, не говоря об оперативной обороне в целом.

Второе: Не было ни одного случая, почти не было, чтобы наши части дрогнули, подпали панике и бежали с поля боя. Диву-давуешься наблюдая, когда противник, наносит массированные удары авиацией -

- 4 -

и кажется, что места живого не осталось в районе бомбежки, причем вслед за бомбежкой следуют атаки танков и пехоты противника, а в результате защитники г. СТАЛИНГРАДА останавливают танки и пехоту противника, отбивая их атаки и контратаки.

Нужно отметить, как солидного и хорошо показавшего себя, командарма 64 генерал-майора тов. ШУМИЛОВА. Тов. ЧУИКОВ последнее время тоже не плохо работает. Нужно отметить и такого командира, как командир 133 тбр полковник ВУБНОВ, который в течение месяца принимал участие со своей бригадой на направлениях главных атак и контратак противника, сохраняя при этом постоянную боеспособность бригады на уровне 20 танков "КВ".

Что сейчас происходит под СТАЛИНГРАДОМ?

Противник вклинился в город в его западной части на участке в 6-7 км и на участке КУПОРСКОЕ, ПРИГ. ШИНИНА вышел на берег р. ВОЛГА. 2/10 города мы держим в своих руках, при чем районы промышленных предприятий, как на юге города, так и на севере так же в наших руках. Вся трудность заключается в том, что противник своим минометным, артиллерийским огнем и авиацией здорово воздействует на наши переправы и страшно затрудняет, как переброску наших частей - на западный берег р. ВОЛГА, пополнения, боеприпасов, продовольствия, так и эвакуацию раненых, главное еще и не в том, что противник обстреливает переправы, а в том, что он уничтожает наши переправочные средства.

С севера помощь затянулась, это главным образом и усложнило положение войск, защищающих СТАЛИНГРАД. Но дух войск попрежнему остается высоким, твердым и непоколебимым.

* По Сталинградскому фронту.

С только 13.9.42 г. в 7.00 утра вернулся со Сталинградского фронта. Там на месте я убедился, что войск и средств усиления

- 3 -

там много. На фронте главного удара /левое крыло/ действует двадцать две дивизии с большими средствами усиления и казалось бы, что с этими войсками можно было бы не только наступать, но можно было бы на брюхе ползти и быть в СТАЛИНГРАДЕ.

В чем основная причина наших успехов?

Основная причина:

1) А/ Это неумение командиров дивизий организовать бой, видеть этот бой, влиять на ход боя.

2) В/ Низкая требовательность.

3) В/ И самое плохое, самое похабное, я бы сказал, это то что командиры дивизий и полков не знают, что перед ними, какой противник, не изучают врага и часто начинают бой, ведут арт.подготовку почти по пустому месту. Я разговаривал с семнадцатью командирами дивизий и тремя командующими 66, 24 и I гвардейской армией. Выяснилось: За десять дней действий ни одна дивизия не захватила ни одного пленного, это при наступательной операции, и совершенно никто не знал из них, удивительно, что ни один из них не знал! - Кто перед ним, какой противник и сколько его. Бедь при наступлении 18.9.42 г. на фронте двух ударных армий - 24 армии и I гвардейской было всего четыре полка противника против наступающих двенадцати дивизий. Противник явно был захвачен врасплох, все же операция не удалась.

В чем основная причина неудачи?

Если неудачи первых двух наступлений объясняли тем, что не было времени, спешкой, то тут дано было и время и превосходство перед врагом, за исключением авиации, а успеха нет.

В чем же причина?

Эту причину прежде всего вижу в том, что не имея данных о противнике, полки и дивизии атаковывали предположе и свой арт. огонь по сути дела был направлен по пустому месту и второе,

- 6 -

видвижения частей пехоты за танками не было, автоматчики остановили передовые части и все задние застопорились, благодаря глубокому построению. Появление сильной авиации противника над полем боя прижало части к земле, так как маскироваться на открытой местности очень трудно. Воздействие авиации противника было очень сильное, так как дивизии имели участок от одного до полутора км фронта, создавали большую плотность, вследствие чего, каждая брошенная бомба с самолета противника попадала по цели. Командный же состав не понял того, что чем больше лежишь на месте, тем больше несешь потерь от авиации - и наоборот, при движении и особенно, когда входил в огневую связь с противником, влияешься в его боевые порядки, потерь меньше, так как затрудняется воздействие авиации противника по нашим войскам, из-за боязни поразить своих. Кроме того, пехота наша потеряла душу пехоты, из такого сильного автоматического оружия, которое мы имели, из такого мощного пехотного оружия которыми она вооружена, совершенно не ведет огня, не ведет настоящего пехотного боя, то-есть того чем она сильна.

Противник десятками автоматчиков находясь в обороне, сдерживает целые полки при наступлении, а наша пехота с ними не вступает в огневое единоборство. Только и слышно на поле боя артиллерию, РС-ы и авиацию. Ручная граната совсем забыта на поле боя.

Противнику выгодно, когда мы скученно наступаем и на узком фронте, потому что он имея подвижные части, быстро их стягивает, и это направление и имеет при этом возможность наносить сосредоточенные удары с воздуха.

Я считаю, что в данных конкретных условиях и при таком перевесе в наземных войсках - которые мы имеем здесь, нужно наступать в трех-четырех направлениях с тем, чтобы рассредоточить усилия противника, лучше использовать свои войска и технику.

- 7 -

Я такое решение там на месте принял, усилить удар на правом фланге I гв. армии и на левом фланге у тов. МАЛЕНКОВ. Товарищ ЛУКОВ это решение утвердил.

Неуспех наступлений во многом зависел и от того, что сам штаб Сталинградского фронта не способен к управлению войсками. Сам тов. ГОРЛОВ не особенно четкий человек и с контролем у него не крепко поставлено дело, а главное то, что т. ГОРЛОВ, очень ошибается в людях и не умеет подобрать аппарат. Он хвалил здорово НИКИШОВА, а НИКИШОВ оказался совершенно неспособным к роли начальника штаба. Он хвалил тов. КОВАЛЕНКО, который допущен к должности начальника штаба - этот тоже не организатор и не администратор - совершенно безрукий человек. Нач. опер. отдела РУХЕ ничемный человек, боящийся ответственности, не точный, не аккуратный и при том трус.

Несмотря на то, что т. ЛУКОВ и т. МАЛЕНКОВ, там провели большую работу в организации наступления и помощи фронту, штаб не справился, не сумел обеспечить руководство и управление проводимой операцией.

Я считаю, что дальнейшее пребывание т. КОВАЛЕНКО на должности начальника штаба, которого я просил допустить по просьбе тов. ГОРЛОВА, и т. РУХЕ на должности начальника оперативного отдела невозможно.

Против Гавриго распоряжения о назначении на их места из резерва Ставки, так как кандидатов у меня нет.

По всем тем вопросам, которые я здесь затронул, будучи там на месте с тов. ХРУЩЕВ мы приняли ряд мер по устранению всех отмеченных организационных, оперативных и тактических недочетов.

С 7.00 23.9.42 г. я нахожусь на КП у СТАЛИНА А.

БРЕЖНЕВУ, ХРУЩЕВ. 23.9.42 г. 08 час. 30 мин.

Тов. ЛУКОВ, я прошу незамедлительно доложить этот материал товарищу СТАЛИНУ.

БРЕЖНЕВУ, ХРУЩЕВ.

- 8 -

Товарищ ЕЖОВ.

Сегодня будет доложено товарищу СТАЛИНУ. У меня вопросов нет.
До свидания - ЕЖОВ.

8.45 24.9.42 г.

ВЕРНО: Подполковник *Альшин* /АЛЬШИН/

Отпечатано в 12.10 24.9.42 г.

Отправлено в 13.40 24.9.42 г.

24.9	36/8
24.9	42
24.9	42

Отп. ЛВА экз.
экз. № 1 - т. Сталину *15-му 1290*
экз. № 2 - т. Ефимовскому
24.9.42 г. № 100/24
исп. подполковник Альшин
печ. Ротупкина

509cc
178

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. № 1

102

ПЕРЕГОВОРЫ

товарища СТАЛИНА с т. т. МИХАЙЛОВЫМ и СЕДОРОВЫМ
27.II.42 г.

У аппарата тов. МИХАЙЛОВ и тов. СЕДОРОВ.

У аппарата СТАЛИНА.

Тов. МИХАЙЛОВ, докладывайте, что у вас там сделано в районе СЛИПНОВА.

МИХАЙЛОВ.

Докладываю: В течение вчерашнего дня вместе с ВОРОНОВЫМ, ФИЛИППОВЫМ и командирами дивизий были на участках, уточнили решение и дали все необходимые указания для того, чтобы командиры дивизий с сегодняшнего дня смогли бы приступить к конкретной работе со специалистами и командирами полков. Незавершенными вопросами остались лишь вопросы об ЭРЕСАХ, имеется три, надо пять М-13, вопрос о возвращении к началу операции от СЕДОРОВА второй воздушной армии. ФИЛИППОВ может быть готов к началу переселения I-2 при условии, если МОСКВА ускорит подачу боеприпасов и горючего. Через три дня вновь буду у него, чтобы окончательно на местности проверить ход подготовки и еще раз помочь. Завтра собираюсь выехать вместе с тов. ВОРОНОВЫМ на правый фланг ЛЕЛЕНЕНКО, чтобы там самим приступить к подготовке в полном смысле этого слова, так как там фактически еще ничего не сделано. У меня, да и СЕДОРОВА большие опасения в том, что ЛЕЛЕНЕНКО, и особенно в связи с событиями на его левом фланге, с подготовкой и управлением операции одновременно на своем правом и левом флангах не справится. Решаем просить Вас разрешить оперативное руководство правофланговой группой ЛЕЛЕНЕНКО возложить на КУЗНЕЦОВА, которого немедленно направить туда вместе с ним вести всю подготовку. На ЛЕЛЕНЕНКО возложить непосредственное командование левофланговой группой. С ЛЕЛЕНЕНКО только что

Вх. № 2
194 г.

- 2 -

185

беседовали по этому вопросу, он не только разделяет эту точку зрения, но и просит об этом. В этом случае у ЛЕЛЮШЕНКО останется восемь сд, мех. корпус и части усиления, так как мыслим дополнительно усилить его тремя сд за счет РОМАНЕНКО. Подготовка ЛЕЛЮШЕНКО в целом задерживается в связи со слабым поступлением войск, в частности - стрелковые корпуса выгрузились на сегодня на 50-70%, танковый корпус, танковые полки, артиллерийская и зенитная дивизии еще совсем не поступали. Просим ускорить. С прибытием командным составом начнем полевую подготовку с 29-го, для чего, как я Вам доложил, я с тов. ВОРОНОВЫМ выезжаю на правый фланг.

СТАЛИН.

А кто будет об"единять действия ДОНЦОВА и ИВАНОВА. Это ведь очень ответственное дело.

МИХАЙЛОВ.

Будучи на правом фланге ЛЕЛЮШЕНКО, откуда связь с ДОНЦОВЫМ и ИВАНОВЫМ возможна лишь только через МОСКВУ, мне непосредственно безусловно руководить будет трудно, с другой стороны, чтобы ускорить подготовку, наше присутствие там хотя бы в течение трех дней крайне необходимо. Прошу Ваших указаний.

СТАЛИН.

Неразумно не доделывать одно дело и кидаться на другое. Войска противника под СТАЛИНГРАДОМ окружены, их надо ликвидировать, чтобы освободить наших целых три армии, а руководить этим делом некому, об"единить действия ИВАНОВА и ДОНЦОВА некому. МИХАЙЛОВУ нужно создать маленький оперпункт в 10-15 человек где либо около ЛИННИЧЕВА или западнее этого пункта и оттуда конкретно руководить делом ликвидации Сталинградской группы противника все более и более сжимая кольцо. Это очень важное дело, более важное дело, чем операция "Сатурн". МИХАЙЛОВ должен сосредоточиться только на этом одном деле. Что касается подготовки операции "Сатурн", пусть

- 3 -

этим делом займутся ЗАТУТИН и ЮЗНИКОВ. МОСКВА будет им помогать. Я не понимаю, откуда у ЛЕЛЮШЕНКО взялось восемь дивизий и что это за выражение - левый фланг ЛЕЛЮШЕНКО и правый фланг ЛЕЛЮШЕНКО, тогда как у ЛЕЛЮШЕНКО должна быть одна армия - первая гвардейская. Если идти по вашим предложениям, что же остается у ЛЕЛЮШЕНКО на правом фланге, какие силы.

МИХАИЛОВ.

Я отлично понимаю, что ликвидация Сталинградской группировки противника является в данный момент основной задачей. Беря на себя руководство подготовкой операции "Сатурн" исходил из Ваших указаний. С завтрашнего дня с большим удовлетворением возьмусь за объединение и конкретное руководство действиями ДОНЦОВА и ИЗАНОВА, которое фактически прекратил с 24-го в связи с выездом к ФИЛИПОВУ и на правый фланг ЛЕЛЮШЕНКО. Второе: Под правым флангом ЛЕЛЮШЕНКО имел ввиду его правофланговую ударную группировку в составе двух гвардейских корпусов, танкового корпуса и других частей усиления. Под левым флангом ЛЕЛЮШЕНКО - его левофланговую группу в составе восьми сд из которых пять уже на месте и три намечаем передать за счет РОМАНЕНКО. По этим вопросам у меня все. С Т А Л И Н.

Какие у вас еще другие вопросы. Где вы думаете устроить оперпункт для руководства действиями ДОНЦОВА и ИЗАНОВА. Где останется ЗОРНОВ - у вас или пойдет в район "Сатурна". Все.

МИХАИЛОВ.

Необходимо доложить обстановку на данный момент, она такова: против левого фланга ЛЕЛЮШЕНКО из района БОКОВСКАЯ и севернее, третий день ведут наступление подошедшие немецкие дивизии 62 пехотная и 22 танковая, а также первая мд румын. Сегодня в районе БОКОВСКАЯ установлено также наступление 294 пд немцев. В результате этого наступления части ЛЕЛЮШЕНКО потеснены на рубеж р. КРИВАЯ,

705
105

- 4 -

в направлении АСТАХОВ, ПРОНИН немцы перешли на восточный берег реки. Севернее этого участка в направлении на ЯГОДНИЙ попытки наступления 7, II и остатков 9 пд румын отражены нашими частями. Для отражения наступления немецких дивизий и их уничтожения направляются 47 гв.сд и две танковых бригады из района ПРОНИН, мотоциклетный полк из района ЛИПОВСКОЕ, что юго-западнее ПЕРЕЛАЗОВСКИЙ. Эти части направляются на северо-восток для удара во фланг немцам. Навстречу им с севера вдоль реки КРИВАЯ будет наносить удар 266 сд ЛЕЛЮШЕНКО, поддержанная танками. Считаем необходимым первый мехкорпус ЛЕЛЮШЕНКО подтянуть на рубеж р. ДОН в район ЕЛАНСКАЯ с тем, чтобы в целях более устойчивой подготовки операции "Сатурн"...

СТАЛИН.

Мехкорпус можете подтянуть в район ЕЛАНСКАЯ и использовать его по обстановке и по усмотрению ВАТУГИНА. Говорите дальше.
МИХАЙЛОВ.

... Подготовки операции "Сатурн" иметь его наготове тем более, что предоставляется возможность нанести сильные удары по флангам и тылу наступающей немецкой группировки и ее разгромить. Обстановка может потребовать использования мехкорпуса для контрударов на выгодных направлениях; второе: по вопросу управления ДОНЦОВИМ и ИЗАНОВИМ. Я готов хоть сейчас отправиться в район ЛПНЧЕВ, но считаю, что организовать управление тем и другим отсюда будет исключительно трудно, отсюда можно будет организовать непосредственное управление лишь Калачовской группой войск, чтобы недопустить прорыва противника из Сталинградского кольца в сторону ТОРМОСИН. Немедленное управление обоими фронтами можно организовать из района КП ДОНЦОВА, где уже связь имеется и где я смогу быть завтра же. Прошу Ваших окончательных указаний, чтобы мог приступить сейчас же к их осуществлению. Все.

- 7 -

106

СТАЛИН.

Насчет ВОРОНОВА - говорите.

МИХАИЛОВ.

Тов. ВОРОНОВ сейчас здесь со мной. Тов. БАТУТИН просит разрешить ВОРОНОВУ выехать к нему на два дня с ним к ЛЕЛИШЕНКО с тем, чтобы помочь ему быстро организовать "Сатурн".

СТАЛИН.

А где КП ДОНЦОВА.

МИХАИЛОВ.

Отвечаю - на участке 24 армии.

СТАЛИН.

Хорошо. Езжайте немедленно на КП ДОНЦОВА, возьмите необходимых работников и организуйте координацию действий ДОНЦОВА и ИВАНОВА. ВОРОНОВ пусть поедет вместе с БАТУТИНЫМ для подготовки операции "Сатурн". ЛЕЛИШЕНКО можете поставить лицом на запад для отражения активных действий немцев с помощью восьми дивизий и других средств усиления. Мне не ясно, кто же будет командовать Первой гвардейской, имея в виду два стрелковых корпуса и танковый корпус.

МИХАИЛОВ.

Хорошо. Немедленно приступаю к выполнению. Прошу разрешить мне взять с собой...

СТАЛИН

Я спрашиваю кто будет командовать первой гвардейской армией расположенной на правой фланге ЛЕЛИШЕНКО - КУЗНЕЦОВ или кто либо другой.

МИХАИЛОВ, ФЕДОРОВ.

Отвечаем: Просим разрешить всю подготовку по двум гвардейским и танковому корпусам возложить сейчас на КУЗНЕЦОВА под непосредственным руководством БАТУТИНА, так как ЛЕЛИШЕНКО, будучи исключительно занят отражением наступления немцев на своем

- 6 -

левом фланге, одновременно с той и другой задачей не справится. Эти войска, да в этих условиях командование этой группой войск приходится возложить на КУЗНЕЦОВА, или же ЛЕЛИШЕНКО направить командовать этой группой войск, а КУЗНЕЦОВА заставить командовать левой группой войск в составе восьми дивизий.

С Т А Л И Н.

А где будет штаб первой гвардейской - у ЛЕЛИШЕНКО или КУЗНЕЦОВА.

МИХАЙЛОВ, ФЕДОРОВ.

Штаб правой группы войск уже организован в КРАСНОСЕЛОВКА - юго-западнее КАЛАЧ ВОРОНЕЖСКИЙ, КП левой группы - 7 км южнее ЕЛАНСКИЙ, так же организован и работает. Прошу разрешения взять мне с собой НОБИКОВА, по приезде для руководства авиацией по "Сатурну" ФАЛАЛЕЕВА, БОКОВА прошу немедленно, т.е. завтра-же, самолетом направить мне человек восемь оперативных работников, обязательно хорошего связиста и тыловика. У меня все.

С Т А Л И Н.

Значит кто же будет командовать правой группой - ЛЕЛИШЕНКО или КУЗНЕЦОВ. Дайте ответ.

МИХАЙЛОВ, ФЕДОРОВ.

Если не будете возражать, разрешите поступим так: КУЗНЕЦОВА сейчас-же посадим на левый фланг ЛЕЛИШЕНКО, для управления войсками по отражению атак немцев, он же будет готовить операцию этой группы войск по "Сатурну", аппарат ему выделяем из штаба фронта. ЛЕЛИШЕНКО не позднее завтрашнего вечера отправим на правый фланг, который по существу и будет командовать первой гвардейской армией в составе двух гвардейских корпусов и танкового корпуса.

С Т А Л И Н.

ЛЕЛИШЕНКО уже командует фронтом против немцев, лучше будет оставить его в районе левой группы, а КУЗНЕЦОВА направить на пре-

- 7 -

вую группу. В этом случае КУЗНЕЦОВ получит возможность заняться подготовкой "Сатурна". Согласен.

МИХАИЛОВ, ФЕДОРОВ.

Хорошо, так и поступим.

СТАЛИН.

Теперь тов. МИХАИЛОВУ. Примите указания:

1. В существующей обстановке Ваша задача состоит в том, чтобы объединить действия ДОНЦОВА и ИВАНОВА по ликвидации окруженной группы противника. Прошу Вас заняться только этим делом и не отвлекаться ни на какие другие дела.

2. Вся авиация Донского и Сталинградского фронтов вместе с ПОЗНИКОВИМ, а также поступающие на Донской фронт корпус бомбардировщиков ПЕ-2 будут находиться в Вашем распоряжении. Задача авиации - сосредоточенно громить окруженную группу противника и не давать ей передышку.

3. Можно послать в Ваш резерв один танковый корпус, который можете использовать по своему усмотрению для усиления ДОНЦОВА или ИВАНОВА. Если понадобятся Вам еще резервы донесите завтра.

4. Вы должны иметь прямую и непосредственную связь со Ставкой и регулярно информировать ее о всех событиях в районе ДОНЦОВА и ИВАНОВА.

5. Завтра доложите, не следует ли передать 62 армию в состав Донского фронта, завтра же доложите куда направить танковый корпус. Есть-ли у Вас вопросы, все-ли понятно.

МИХАИЛОВ.

Все понятно и все будет исполнено. 1/ Танковый корпус прошу направить с выгрузкой его в районе ИЛОМИНСКАЯ, ДОГ.

2/ Ежедневно буду докладывать Вам о своей работе и о ходе событий. О 62 доложу немедленно по прибытии на новый КП. На него выезжаю немедленно, по прибытии донесу. Все.

- 8 -

СТАЛИН.

Мне кажется, что было бы хорошо иметь Вам танковый корпус где либо в районе стыка Сталинградского и Донского фронтов. Я имею в виду район КАЛАЧА или КРИВОЙ МУЗГИ.

МИХАИЛОВ.

Правильно, но сюда легче всего подать из района ИЛОВЛИНСКОЙ, так как при подаче его в район СТАЛИНГРАДА вынуждены будем переправлять его через ВОЛГУ, а это отнимет слишком много времени.

СТАЛИН

Хорошо, танковый корпус направим в район ИЛОВЛИНСКАЯ, ЛОГ. К аппарату ФЕДОРОВА.

ФЕДОРОВ.

У аппарата ФЕДОРОВ.

СТАЛИН.

Тов. ФЕДОРОВ, примите указания:

1. У Вас сейчас двойная задача, одна задача - руководить действиями РОМАНЕНКО и ЛЕДЕНЧЕНКО от района НИЖНЕ-ЧИРСКОЙ до НИЖНЕ-КРИВОСКОЙ; вторая задача - готовить операцию "Сатурн".

2. Тов. ВОРОНОВА оставить в распоряжении ФЕДОРОВА для подготовки операции "Сатурн", а так-же для помощи ЛЕДЕНЧЕНКО.

3. Кроме первого смешанного авиакорпуса, который остается в распоряжении ФЕДОРОВА, вы получите на днях еще один смешанный авиакорпус с дивизией истребителей и с дивизией штурмовиков. Всей группой авиации ФЕДОРОВА будет руководить ТАЛАЛЕЕВ, который на днях направится к вам.

4. Если 5 мех. корпус поступает в распоряжение РОМАНЕНКО, так ли это.

ФЕДОРОВ.

Докладываю, что в настоящее время целесообразно пятый мех.

- 9 -

корпус планировать для РОМАНЕНКО. В случае, если обстановка к моменту его прибытия изменится и потребуются усилить ЛЕЛЮШЕНКО, то это можно будет сделать безболезненно несколько позже, а сейчас планировать для РОМАНЕНКО.

СТАЛИН.

А в чье распоряжение поступает гвардейский мехкорпус.

ФЕДОРОВ.

Гвардейский мехкорпус остается у ЛЕЛЮШЕНКО на его левом фланге где его необходимо держать уже сейчас.

СТАЛИН.

Повторяю: (4) Оба мехкорпуса, и 5-й и гвардейский, в случае необходимости можете использовать в районе левой группы ЛЕЛЮШЕНКО, или в районе РОМАНЕНКО, смотря по обстановке. Для операции "Сатурн" на днях будут направлены к вам один мехкорпус дополнительно и один танковый корпус также дополнительно. Это будет резерв ФЕДОРОВА.

(5) Не медля посадите КУЗНЕЦОВА в районе правой группы ЛЕЛЮШЕНКО, т.е. на первую гвардейскую армию и заставьте его усиленно готовить "Сатурн".

(6) Действиями СКИПШОВА и ФЕДОРОВА по операции "Сатурн" будет руководить МОСКВА, которую вы должны регулярно информировать о ходе подготовки "Сатурна". Все. Все ли понятно, если ли вопросы.
ФЕДОРОВ.

Все указания совершенно понятны и немедленно, с полной энергией, будут выполняться. Есть один вопрос - ко мне до сих пор не прибыла артиллерийская дивизия РГК и дивизия ПЗО и неизвестно отправлены ли они. Прошу девятую дивизию.

СТАЛИН.

Артиллерийская дивизия РГК и зенитная дивизия погружены и скоро будут у вас.

-10 -

СЕДОРОВ.

Понятно, прошу сообщить их номера. У меня осталось всего три полка РС М-13 и М-8, остальные переданы с 21 армией. Прошу если можно направить мне срочно еще четыре полка.

СТАЛИН.

Сообщаю, что гвардейский мотоциклетный полк невозможно взять у Западного фронта и направить к ЛЕЛЮШЕНКО. Вместо него первая гвардейская армия получит три мотоциклетных батальона. Ваши требования по ЭРЕСАМ и по другим статьям примите в Ставку. Я имею возможность послать теперь же к вам два полка ЭРЕСОВ М-13, я завтра же направляю их к вам. Все.

СЕДОРОВ.

О мотоциклетных батальонах понятно. Всего хорошего.

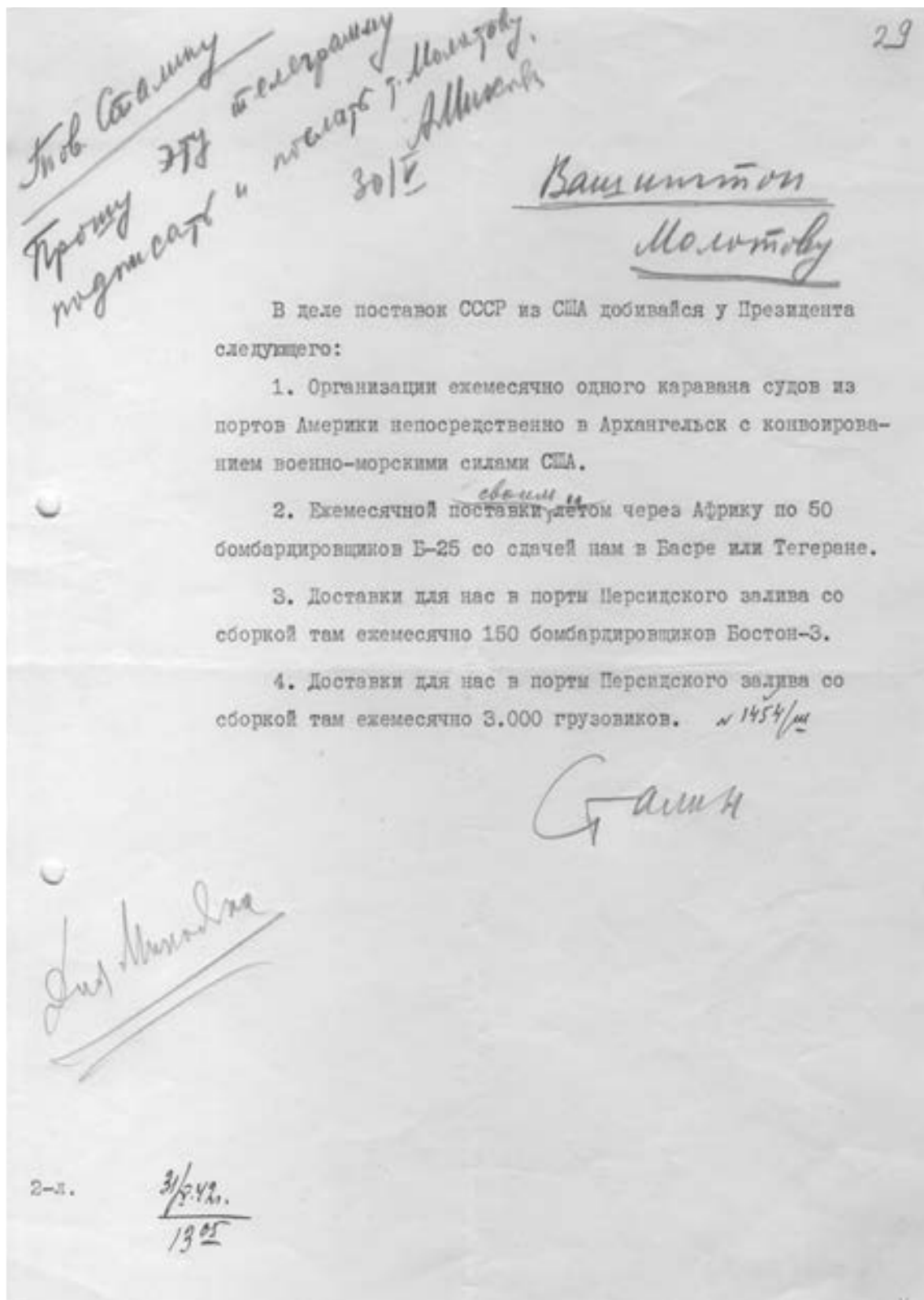
СТАЛИН.

Спасибо, до свидания.

Верно:

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОПЕР. УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛА КРАСНОЙ АРМИИ

Генерал-майор С. Митинский

30

ВАШИНГТОН
МОЛОТОВУ

Соображения Рузвельта на счет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания об"единенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооруженные силы трех или четырех государств совершенно достаточны. Заяви немедленно Рузвельту, что ты снесся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства.

Инстанция.

Передано по телефону
г.Деканозову
1.У1.42г. 3ч 20м

2-ис.

Вашингтон
Мамарову

31

Соображения Рузвельта на счет афро-
на мира после войны совершенно пра-
вильны. Не может быть сомнения, что
без создания объединенной вооруженной
силы Англии, США, СССР, сплоченной
преступит агрессия, невозможна
сохранить мир в будущем. Хорошо
было бы сюда включить Китай. Это
касается Японии, Турции и других
государств, в будущем, это можно
вполне оправдать без них, так как
вооруженная сила при этом герман-
ского государства совершенно достаточна.
Намечено немедленно Рузвельту, что он
срочно с Москвой, обсудив этот
вопрос и прийти к соглашению, что
Рузвельт совершенно прав и его
политика, которую мы поддерживаем под
держку Советского правительства
Мамарову.

Предано по
распоряжению
20/VI 320

Копия

3/a

Лондон Совпосол Молотову

Начинаем переговоры с представителями США об установлении радио-телефонной связи между СССР и США. Абсолютно необходимо иметь такую же связь между СССР и Англией.

Возьми на себя это дело, используй свое пребывание в Лондоне, чтобы двинуть вперед установление радио-телефонной связи между СССР и Англией.

Инстанция.

Сообщено т. Деканозову

Исх. шифровка МИД

№ 2789/3521ш

8.УІ.1942г.

Верно : *Асбегова*

14.ХІ.1988г.

Лондон Свифсон Маджор

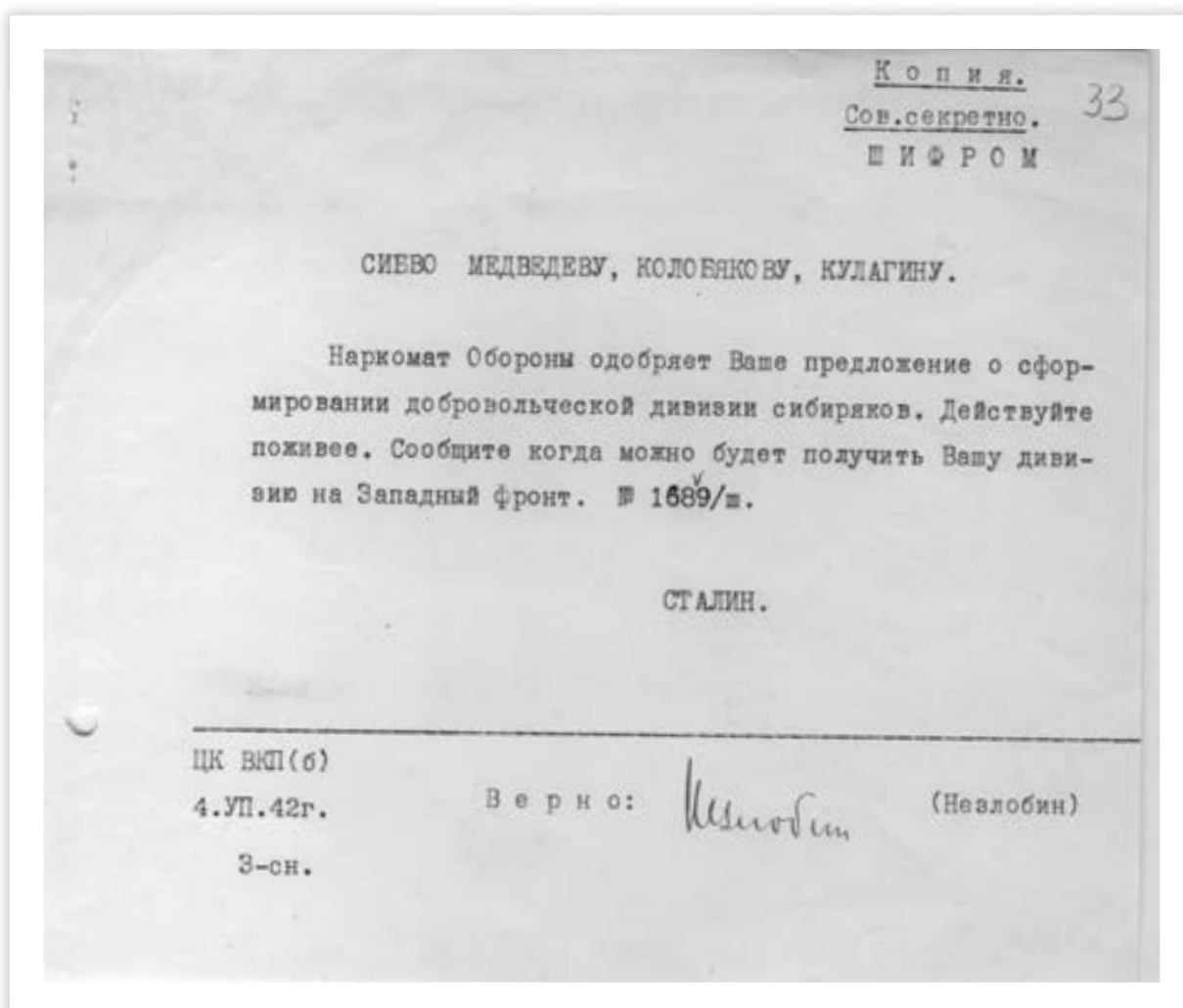
Начинается переговоры с
представителями США об
установлении радио-телеграфной
связи между СССР и США. Абсо-
лютно необходимо иметь такую
же связь между СССР и Англией.
Возьмем на себя это дело, инициатор
свое предвзятое в Лондоне,
Годы Гвинет будет установ-
ление радио-телеграфной связи
между СССР и Англией.

Инициатор.

Свифсон

Маджор

Вс. Шиффман, м.м.
N 2183 / 3521
8. 11. 1942

(34)

УА Сибирь Медвежья
 Наименование Кулаки

Картинам Восточной стороны
 Вам предложены в сдерживании
 добровольцев гивуны с
 Рубинов, де сдерживать пометки.
 Состояние под иномы руды
 мигуны Вам гивуны
 на Западной Гриве.

1689/м

Самик

4/11-42.
 0.45

Показ мигуны
 при Умине.

35

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО Экз. № 1 Подлежит возврату через 6 суток
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ в 8-е Управление Генштаба Красной Армии

ШИФРОВКА № 147835/ш

Из СИБВО Подана 3.7.42г. 14.35 Принята 3.7. 17.05
Поступила в 8-е Управление Генштаба Красной Армии 3.7. 18.15

Для отчетов

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ
СОЮЗА С С Р
Товарищу С Т А Л И Н У.

По предложению Военного Совета округа, Вро
НОВОСИБИРСКОГО Обкома ВКП/б/ постановило оформиро-
вать дивизию добровольцев сибиряков подготовить ее
и послать на фронт по Вашему указанию. К формирова-
нию дивизии развернуть подготовительные работы.

Прошу:

1. Утвердить решение обкома ВКП/б/ о оформиро-
вании дивизии добровольцев сибиряков;
2. Разрешить именовать дивизию: "Сталинская ди-
визия сибиряков".
3. Утвердить командиром дивизии генерал-майора
МОСКВИТИНА, комиссаром дивизии парторга ЦК ВКП/б/ ком-
бината № 179 тов. БАВИЧ.

№ 01/975. МЕЛВЕЦЕВ, КОЛОВЯКОВ, КУЛАГИН.

Расшифровал - 3.7.42г. 18.30 Асвап.

ОТПЕЧАТАНО в 6 экземплярах

Экз. № 1 — тов. Сталину	Экз. № 5 — тов. Ефимов
Экз. № 2 — тов. Маданкову	Экз. № 6 — 5 отделу 8 Упр. ГШКА
Экз. № 3 — тов. Васильевскому	Экз. № 7 —
Экз. № 4 — тов. Чербакову	Экз. № 8 —

ПОДАЕЖИТ ВОЗВРАТУ В
IV часть ОС ЦК ВКП(б)
Вл. № 10142 от 3/10 1942

Дежурный по отделу

АС 19.00

ЦТ 1180. 278-42

ИХ ОСТАНОВИЛИ ПОД МОСКВОЙ

Книга тридцать третья

С. Е. Нарышкин

Современный мир: история не остается безучастной..... 7

А. А. Ахтамзян

Провал операции «Тайфун» и «Плана Барбаросса» 13

Заседание «круглого стола»:

Итоги 1941 года, планы на 1942 год..... 31

Заседание «круглого стола»:

«Парад планет»: «Уран», «Марс» и «Малый Сатурн»..... 43

В. С. Христофоров

Битва за Москву в документах Центрального архива ФСБ России 55

В. И. Дашичев

Битва под Москвой и провал германского блицкрига..... 73

Б. И. Невзоров

Битве за Москву — 70 лет: как ее освещали в эти годы 77

М. Ю. Мягков

И врагу никогда не добиться..... 95

Йоханнес Хюртер

Москва 1941-го года в западногерманской памяти..... 115

А. В. Исаев

Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву..... 121

СТАЛИНГРАД

Книга тридцать четвертая

М. Ю. Мягков

1942-й — переломный

Борьба за стратегическую инициативу: нереализованные надежды..... 133

С. М. Монин

«Немцы назначили адмирала... на Каспийское море»

К вопросу об обеспечении ленд-лизингового транзита через Иран и Каспий в 1941–1942 годах 193

А. В. Исаев

Из цеха — в бой: о роли СТЗ в Сталинградской операции 215

Е. Н. Кульков

Зарубежные историки о Сталинградской битве 221

Д. Б. Хазанов

Генерал А. И. Еременко 235

А. Ю. Борисов

Сталинград — момент истины 251

Фотодокументы. 263

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ XI

СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ И СТАЛИНГРАД

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Т. Ф. Тищенко
Т. В. Петрова
В. М. Титов

Подписано в печать 06.10.2015.

Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 62. Уч. изд. л. 55. Тираж 500 экз. Заказ № 109.

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru